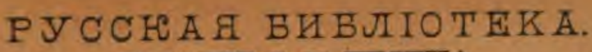

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ИЗДАНІЕ И. Н. ПЕЛЕХА.

Н. В. ГОГОЛЬ.

РЕВИЗОРЪ

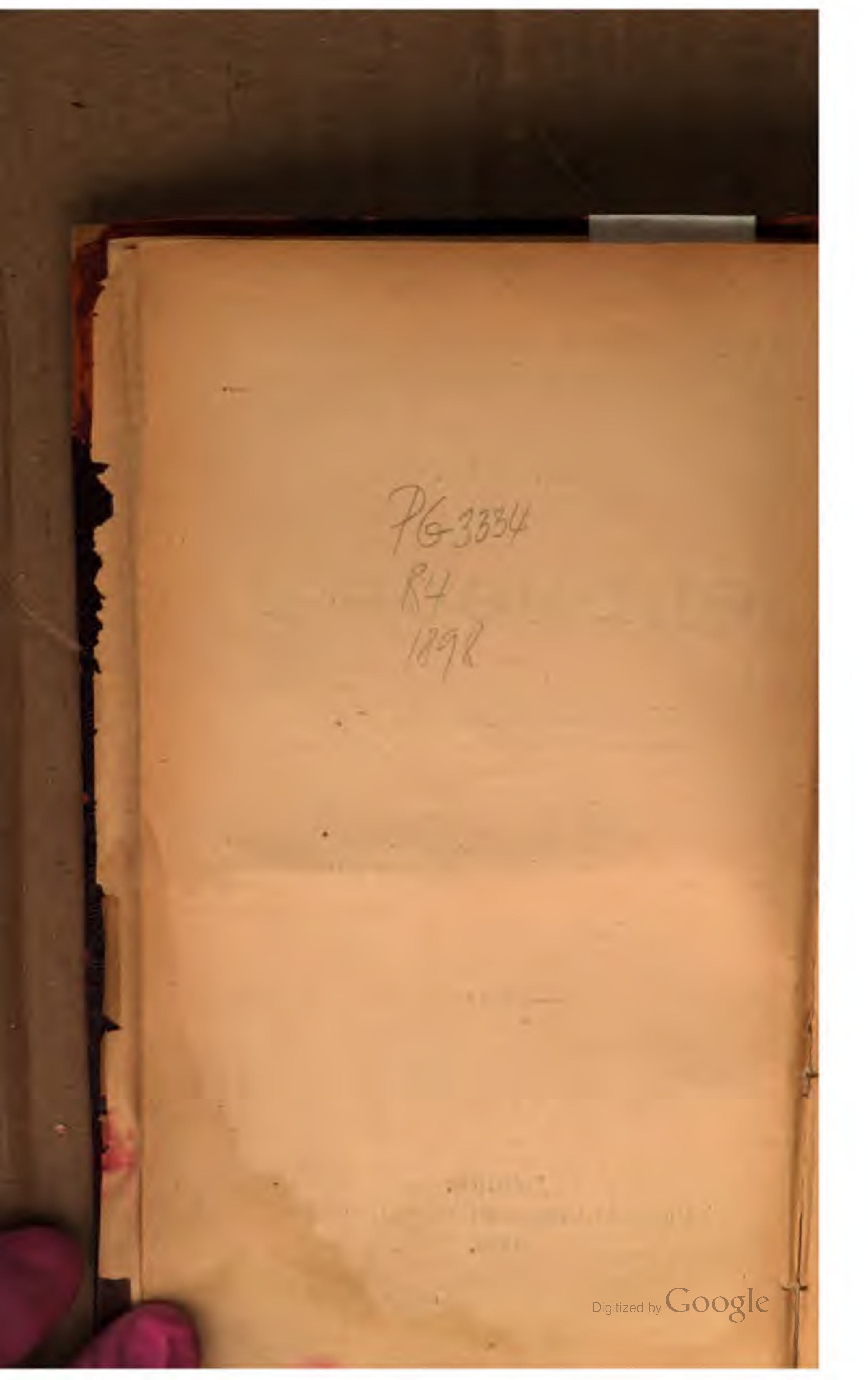
изъ

ПЕТЕРБУРГА.

КОМЕДІЯ.

„На зеркало неча пенять, коли рожа крива.“
Народная пословица.

ЛЬВОВЪ.
Типографія Ставропигійскаго Института.
1898.

PG 3334
R4
1898

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.
Жена его.
Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья.
Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почмейстеръ.
Петръ Ивановичъ Добчинскій, **Петръ Ивановичъ Бобчинскій** — городскіе помѣщики.
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.
Осипъ, слуга его.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.
Ѳеодоръ Андреевичъ Люлюковъ, **Иванъ Лазаревичъ Растаковскій**, **Степанъ Ивановичъ Коробкинъ** — отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.
Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.
Свистуновъ, **Пуговкинъ**, **Держиморда** — полицейскіе.
Абдулинъ, купецъ.
Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.
Жена унтеръ-офицера.
Мишка, слуга городничаго.
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мѣщане, просители.

Характеры и костюмы.

Замѣчанія для господъ актеровъ.

Городничій — уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый, по своему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, однако ведетъ себя очень солидно, довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію, довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо-развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженые, съ просѣдью.

Анна Андреевна, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная въ половину на романахъ, альбомахъ, въ половину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что́ отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и

состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе піесы.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій, нѣсколько приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любитъ самому себѣ читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его—сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга: оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немного выше, серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья, человѣкъ прочитавшій пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько

вольнодуменъ. Охотникъ большой на догадки, потому каждому слову своему даетъ вѣсъ. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый, неуклюжій человѣкъ; но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ — простодушный до наивности человѣкъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій; оригиналы ихъ всегда почти находятся передъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясеніе на всѣхъ—разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ-будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

Авторъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Гор. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Амм. Ѳед. Вотъ-те на!

Арт. Фил. Вотъ не было забóты, такъ подай!

Лука Лук. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаніемъ!

Гор. Я какъ-будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея

Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что̀ онъ пишетъ: »Любезный другъ, кумъ и благодѣтель *(бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами)*...—и увѣдомить тебя.« А, вотъ: »спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ *(значительно поднимаетъ палецъ вверхъ)*. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что̀ плыветъ въ руки...« *(остановясь)* ну, здѣсь свои...—»то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣнибудь инкогнито... Вчерашняго дня...« Ну, тутъ ужь пошли дѣла семейныя: »сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...« и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Амм. Ѳед. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лук. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Гор., *испуская вздохъ.* Зачѣмъ! Такъ ужь, видно, судьба! *(Вздохнувъ.)* До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Амм. Өед. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ чтó: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Гор. Экъ куда хватили! Ещё умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Чтó онъ, пограничный, чтó ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Амм. Өед. Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды; дáромъ, что далеко, и оно себѣ мотаетъ на усъ.

Гор. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Арт. Фил. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Гор. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужь по вашей части, Христіанъ Ивановичъ,—всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда

расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Арт. Фил. О, насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше,—лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если у́мретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было-бъ съ нимъ изъясняться — онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христ. Ив. *издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* и, *и нѣсколько на* е.

Гор. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, которые такъ и шпыряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему-жь сторожу и не завесть его; только, знаете, въ такомъ мѣстѣ, неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Амм. Ѳед. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Гор. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять можете его повѣсить.

Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню чѣмъ-то, развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другóе. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христ. Ив. *издаетъ тотъ же звукъ.*

Амм. Ѳед. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Гор. Да, я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, чтó называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Амм. Ѳед. Чтó-жь вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ — рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? — Борзыми щенкáми. Это совсѣмъ иное дѣло.

Гор. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Амм. Ѳед. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Гор. Ну, а что́ изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотворенiи мiра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Амм. Ѳед. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умо́мъ.

Гор. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не́ было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое зави́дное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, какъ смотрителю учебныхъ заведенiй, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались въ разныхъ коллегiяхъ, но имѣютъ очень странные посту́пки, натурально неразлучные съ ученымъ званiемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что́ имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамилiи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*, и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ-быть оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю—это можетъ быть о́чень худо: господинъ ревизоръ или другой кто мо-

жетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что́ можетъ произойти.

Лука Лук. Что́-жь мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, какъ зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то её сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ вы́говоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Гор. То же долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріанахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что́ съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что́ силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? Отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лук. Да, онъ горячъ! я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: »Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу.«

Гор. Да, таковъ ужь неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ—или пьяница, или рожу такую строитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лук. Не приведи Богъ служить по ученой части, всего боишься! Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Гор. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: »А, вы здѣсь голубчики! А кто,« скажетъ, »здѣсь судья?« — »Ляпкинъ-Тяпкинъ!« — »А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?« — »Земляника.« — »А подать сюда Землянику!« Вотъ что́ худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и **Почтмейстеръ**.

Почтм. Объясните, господа, что́, какой чиновникъ ѣдетъ?

Гор. А вы развѣ не слы́шали?

Почтм. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Гор. Ну, что́? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтм. А что́ думаю? — война съ Турками будетъ.

Амм. Ѳед. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Гор. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтм. Право, съ Турками. Это все Французъ гадитъ.

Гор. Какая война съ Турками! просто намъ плохо будетъ, а не Туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

Почтм. А, если такъ, то не будетъ войны съ Турками.

Гор. Ну, что́ же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтм. Да что́ я? Какъ вы, Иванъ Антоновичъ?

Гор. Да что́ я? Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко. Купечество, да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я, вотъ ей Богу, если и взялъ съ инаго, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю *(беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону)*, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать, и прочитать, не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтм. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства,—смерть люблю узнать, что́ есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе! Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь – такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ »Московскихъ Вѣдомостя́хъ«!

Гор. Ну что́-жь, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтм. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожь, что вы не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ, недавно, одинъ поручникъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо:

»Жизнь моя, милый другъ, течетъ,« говоритъ, »въ эмпиреяхъ: барышенъ много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...« — съ большимъ, съ большимъ чу́вствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Гор. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтм. Съ большимъ удовольствіемъ.

Амм. Ѳед. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтм. Ахъ, батюшки!

Гор. Ничего, ничего. Другое дѣло, еслибъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

Амм. Ѳед. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ-было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другаго.

Гор. Батюшка, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ! Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь — и шасть...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же **Бобчинскій** и **Добчинскій** оба входятъ запыхавшись.

Бобч. Чрезвычайное происшествіе!

Добч. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что́, что́ такое?

Добч. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостинницу...

Бобч., *перебивая.* Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостинницу...

Добч., *перебивая.* Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобч. Э, нѣтъ, позвольте ужь я... позвольте, позвольте... вы ужь и слога такого не имѣете...

Добч. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобч. Припомню, ей Богу, припомню. Ужь не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Гор. Да говорите, ради Бога, что́ такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ *(всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей).* Ну, что́, что́ такое?

Бобч. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйдти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ — такъ я тогда же забѣжалъ... ужь пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я уже все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину.

А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добч., *перебивая.* Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобч. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали вы о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужь слышали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добч., *перебивая.* За бочёнкомъ, для французской водки.

Бобч., *отводя его руки.* За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пришли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужь вы, Петръ Ивановичъ... энтого... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!.. Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: »Зайдемъ«, говоритъ »въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе...« Да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... »А въ трактиръ“, говоритъ, »привезли теперь свѣжей сёмги, такъ мы закусимъ.« Только-что мы въ гостинницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добч., *перебивая.* Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобч. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки, и здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: »Здѣсь что-нибудь не спроста-съ.« Да. А Петръ-то Ивановичъ ужь мигнули пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, трактирщика Власа — у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: »Кто«, говоритъ, »этотъ молодой человѣкъ?« а Власъ отвѣчаетъ на это: »Это«, говоритъ .. Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не разскажете, ей Богу не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... »Это», говоритъ, »молодой человѣкъ, чиновникъ,« да-съ: »ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи,« говоритъ, »Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ,« говоритъ, »въ Саратовскую губернію и,« говоритъ, »престранно себя аттестуетъ: другую ужь недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить.« Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня такъ вотъ свыше и вразумило. »Э!« говорю я Петру Ивановичу...

Добч. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ »э!»

Бобч. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. »Э!« сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. »А съ какой стати сидѣть ему здѣсь,

когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую гу-
бернію?«— Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этот
чиновникъ.

Гор. Кто, какой чиновникъ?

Бобч. Чиновникъ-то, о которомъ изволил
получить потацію,--ревизоръ.

Гор. (*въ страхѣ.*) Чтó вы, Господь съ вами
это не онъ.

Добч. Онъ! и дéнегъ не платитъ, и н
ѣдетъ. Кому же быть, какъ не ему? И подо-
рожная прописана въ Саратовъ.

Бобч. Онъ, онъ, ей Богу онъ... Такой на-
блюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что м
съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу,—больш
потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своег
желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ нам
заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Гор. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гд
же онъ тамъ живетъ?

Добч. Въ пятомъ нумерѣ, подъ лѣстницей

Бобч. Въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ прош
лаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Гор. И давно онъ здѣсь?

Добч. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Ва-
силья Египтянина.

Гор. Двѣ недѣли! (*Въ сторону.*) Батюшки
сватушки, выносите, святые угодники! Въ эт
двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена
арестантамъ не выдавали провизіи! На улицах
кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье! (*Хвата-
ется за голову.*)

Арт. Фил. Что-жь, Антонъ Антоновичъ
ѣхать парадомъ въ гостинницу.

Амм. Өед. Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Іоанна Масона...

Гор. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужь мнѣ самому! Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. (*Обращаясь къ Бобчинскому.*) Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

Бобч. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Гор. Тѣмъ лучше, молодаго скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой — весь на верху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь одинъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что́ угодно?

Гор. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ; или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. (*Квартальный бѣжитъ въ-попыхахъ.*)

Арт. Фил. Пойдемъ, пойдемъ, Аммосъ Өедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Амм. Өед. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ — да и концы въ воду.

Арт. Фил. Какіе колпаки! Больнымъ велѣно »габеръ-супъ« давать, а у меня по всѣмъ корридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

Амм. Өед. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужь пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку—а! только рукою махну! Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что́ въ ней правда и что́ неправда. (*Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Гор. Что́, дрожки тамъ стоятъ?

Кварт. Стоятъ.

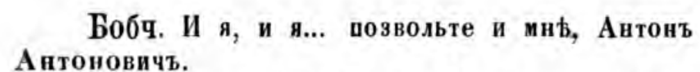
Гор. Ступай на улицу... Или нѣтъ, постой! Ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? нужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Кварт. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Гор. Какъ такъ?

Кварт. Да такъ: привезли его по утру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Гор. (*хватаясь за голову.*) Ахъ Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу. Или нѣтъ— бѣги прежде въ комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобч. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ.

Гор. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя! неловко. да и на дрожкахъ не помѣстимся.

Бобч. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушко́мъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-то, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки...

Гор. (*принимая шпагу, къ квартальному.*) Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Авдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой! О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я чай просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ — по метлѣ! и вымели бы всю улицу, что́ идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! да смотри: ты, ты, я знаю тебя: ты тамъ кумишься, да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки, — смотри, у меня ухо востро!.. Что́ ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ — а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Смотри, не по чину берешь! Ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Гор. А, Степанъ Ильичъ, скажите ради Бога, куда вы запропастились! На что́ это похоже?

Частн. прист. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Гор. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частн. прист. Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Гор. А Держиморда гдѣ?

Частн. прист. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Гор. А Прохоровъ пьянъ!

Частн. прист. Пьянъ.

Гор. Какъ вы это такъ допустили?

Частн. прист. Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка,—поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Гор. Послушайте-жь, вы сдѣлайте вотъ что́: квартальный поручикъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать на-скоро старый заборъ, что́ возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что́ это за скверный городъ: только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ, или, просто, заборъ, чортъ ихъ знаетъ, откудова и нанесутъ всякой дряни! Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу, довольны ли—чтобы говорили: »Всѣмъ довольны, ваше благородіе,« а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... (*Вздыхаетъ.*) О, охъ-хо-хо-хъ! грѣшенъ, во многомъ

грѣшенъ! (*Беретъ вмѣсто шляпы футляръ.*) Дай только Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужь такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! (*Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ.*)

Частн. прист. Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа!

Гор. (*бросаетъ коробку.*) Коробка, такъ коробка! Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала́сь строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами — и правому и виноватому. Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ. (*Уходитъ и возвращается.*) Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. (*Всѣ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбѣгаютъ на сцену.

Анна Андр. Гдѣ-жъ, гдѣ-жъ они? Ахъ, Боже мой!.. (*Отворяя дверь.*) Мужъ! Антоша! Антонъ! (*говоритъ скоро*) а все ты, а все за тобой

И пошла копаться: »Я булавочку, я косынку.« (*Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ.*) Антонъ, куда, куда? Что́, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами? съ какими усами?

Голосъ городничаго. Послѣ, послѣ, матушка!

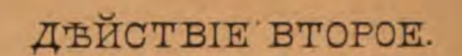
Анна Андр. Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хо́чу послѣ... Мнѣ только одно слово: что́ онъ, полковникъ? А? (*Съ пренебреженіемъ.*) Уѣхалъ! я тебѣ вспомню это! А все эта: »Маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчасъ.« Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство; услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться, и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Ант. Да что́-жь дѣлать, маменька? Все равно, черезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андр. Черезъ два часа: покорнѣйше благодарю! Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать — черезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать! (*Свѣшивается въ окно.*) Эй, Авдотья! А? Что́, Авдотья, слышала, тамъ пріѣхалъ кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Махаетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила? Не могла этого узнать, въ головѣ чепуха́, все женихи сидятъ! А? Скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками! Ступай, ступай, сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси: куда поѣхали, да разспроси хорошенько, что́ за

пріѣзжій, каковъ онъ, — слышишь? подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! (*Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсъ и не закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостинницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее

ЯВЛЕНІЕ I.

Осипъ, лежитъ на барской постелѣ.

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! Что́ ты прикажешь дѣлать! Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! профинтилъ дорогою де́нежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! (*Дразнитъ его.*) »Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурнаго обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ.« Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и до-

ыгрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! право на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше, возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну, кто-жь споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: театры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что́ хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ; пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: »Почтенный!« на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что́ всякая звѣзда значитъ на небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! (*Усмѣхается и трясетъ головою.*) Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ *вы*. Наскучило идти—берешь извощика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой, чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что́ съ нимъ дѣлать? Батюшка? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать — и куда!.. пошолъ кутить: ѣздить на извощикѣ, каждый день ты доставай въ театръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь—и посылаетъ на толкучій продать новый

фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка, да шинелишка, ей Богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего—ни по чемъ идутъ. А отчего?—оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, еслибъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня-бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? (*Со вздохомъ.*) Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно это онъ идетъ. (*Поспѣшно схватывается съ постели.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлест. На, прими это (*отдаетъ фуражку и тросточку*). А, опять валялся на кровáти?

Ос. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

Хлест. Врешь, валяся; видишь, вся склокочена!

Ос. Да на чтó мнѣ она? Не знаю я развѣ, чтó такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

Хлест. *ходитъ по комнатѣ.* Посмотри тамъ въ картузѣ, табаку нѣтъ?

Ос. Да гдѣ-жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

Хлест. (*ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ.*) Послушай, эй, Осипъ!

Ос. Чего изволите!

Хлест. (*громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ.*) Ты ступай туда.

Ос. Куда?

Хлест. (*голосомъ вовсе не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ.*) Внизъ въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Ос. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлест. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Ос. Да такъ, все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлест. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Ос. Еще говоритъ: и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой — плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ широмыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлест. А ты ужь и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Ос. Говоритъ: »Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. Я,« говоритъ, »шутить не буду, я прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму.«

Хлест. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему! Такое грубое животное!

Ос. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлест. На что́-жь хозяина? ты поди самъ, скажи.

Ос. Да право, сударь...

Хлест. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

(*Осипъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ (одинъ).

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся! думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ, — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ! Да, если-бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало-бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ — и все обобралъ. А при всемъ томъ, страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не приведетъ. Какой скверный городишка! Въ овошенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ долгъ. Это ужь просто подло! (*Насвистываетъ сначала изъ „Роберта“ потомъ: „Не шей ты мнѣ матушка“, а наконецъ — ни то, ни се.*) Никто не хочетъ идти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Сл. Хозяинъ приказалъ спросить, чтó вамъ угодно.

Хлест. Здравствуй, братецъ! Ну чтó, ты здоровъ?

Сл. Слава Богу!

Хлест. Ну чтó, какъ у васъ въ гостинницѣ? Хорошо ли все идетъ?

Сл. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлест. Много проѣзжающихъ?

Сл. Да, достаточно.

Хлест. Послýшай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ пожалуйста поторопи, чтобъ скорѣе... видишь, мнѣ сейчасъ, послѣ обѣда, нужно кое-чѣмъ заняться.

Сл. Да хозя́инъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, никакъ, хотѣлъ идти сегодня же жаловаться городничему.

Хлест. Да что-жь жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? Вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется: я не шутя это говорю.

Сл. Такъ-съ. Онъ говорилъ: »Я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее.« Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлест. Да ты урезонь, уговори его.

Сл. Да что-жь ему такое говорить?

Хлест. Ты растолкуй ему серьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою... Онъ ду-

наетъ, что какъ ему, мужику, ничего, если не поѣстъ день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ (одинъ).

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что́ ли, продать? Нѣтъ, ужь лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились! »Кто такой, что́ такое?« А лакей входитъ: *(вытягиваясь и представляя лакея)* »Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?« Они, пентюхи, и не знаютъ, что́ такое значитъ »прикажете принять.« Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь помѣщикъ, такъ и валитъ, медвѣдь, прямо въ гостинную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: »Суда́рыня, какъ я...« *(Потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой.)* Тьфу *(плюетъ)* даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга.

Хлест. А что́?

Ос. Несутъ обѣдъ.

Хлест. (*прихлопывая въ ладо́ши и слегка подпрыгивая на стулѣ*). Несутъ! несутъ! несутъ!

Сл. *съ тарелками и салфетками.* Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлест. Ну, хозяинъ, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Что́ тамъ такое?

Сл. Супъ и жарко́е.

Хлест. Какъ, только два блюда?

Сл. Только-съ.

Хлест. Вотъ вздоръ какой! Я этого не принимаю. Ты скажи ему, что́ это въ самомъ дѣлѣ такое?.. Этого мало!

Сл. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлест. А соуса почему нѣтъ?

Сл. Соуса нѣтъ.

Хлест. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ человѣка ѣли сёмгу и еще много кое-чего.

Сл. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлест. Какъ нѣтъ?

Сл. Да ужъ нѣтъ.

Хлест. А семга, а рыба, а котлеты?

Сл. Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлест. Ахъ, ты, дуракъ!

Сл. Да-съ.

Хлест. Поросёнокъ ты скверный... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такіе проѣзжающіе, какъ и я.

Сл. Да ужь извѣстно, что не такіе.

Хлест. Какіе же?

Сл. Обыкновенно какіе! Они ужь, извѣстно: они деньги платятъ.

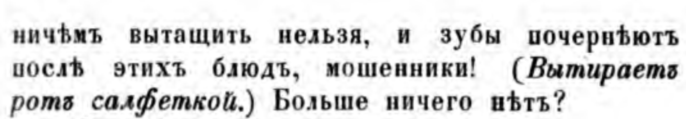
Хлест. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. (*Наливаетъ супъ и ѣстъ.*) Что́ это за супъ? Ты, просто, воды налилъ, въ чашку: никакого вкусу нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

Сл. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ, коли не хотите, то и не надо.

Хлест. *защищая рукою кушанье.* Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... (*Ѣстъ.*) Боже мой, какой супъ! (*продолжаетъ ѣсть*) я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу; какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. (*Рѣжетъ ку́рицу.*) Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. (*Рѣжетъ жаркое.*) Что́ это за жаркое? Это не жаркое.

Сл. Да что-жь такое?

Хлест. Чортъ его знаетъ, что́ такое, только не жаркое. Это топоръ зажаренный вмѣсто говядины. (*Ѣстъ.*) Мошенники, канальи, чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣсть одинъ такой кусокъ. (*Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ.*) Подлецы! Совершенно, какъ деревянная кора —

ничѣмъ вытащить нельзя, и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ, мошенники! (*Вытираетъ ротъ салфеткой.*) Больше ничего нѣтъ?

Сл. Нѣтъ.

Хлест. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ.

Слуга *убираетъ и уноситъ тарелки, вмѣстѣ съ Осипомъ.*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, потомъ Осипъ.

Хлестъ. Право, какъ будто и не ѣлъ; только-что разохотился. Еслибы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку (хлѣбъ).

Ос., *входитъ.* Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

Хлест., *испугавшись.* Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что́, если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что́-жь, если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я какъ нарочно задалъ тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой... нѣтъ не хочу... Да что́ онъ, какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что́ я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? (*Бодрится и выпрямляется.*) Да я ему прямо скажу: »Какъ вы...« (*У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и съеживается.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, городничій и Добчинскій.

Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза.

Гор., *немного оправившись и протянувъ руки по швамъ.* Желаю здравствовать!

Хлест., *кланяется.* Мое почтеніе!

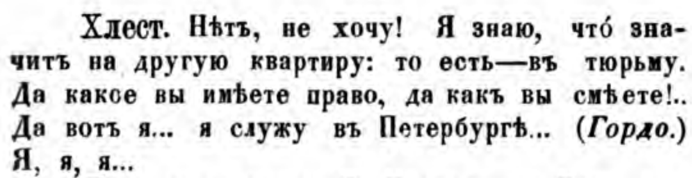
Гор. Извините!

Хлест. Ничего...

Гор. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлест., *сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко.* Да что-жь дѣлать?.. Я не виноватъ... я, право, заплачу... мнѣ пришлютъ изъ деревни. (*Бобчинскій выглядываетъ изъ-за дверей.*) Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ—онъ, чортъ знаетъ, что́ плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ... Чай такой странный, воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что-жь я... Вотъ новость!

Гор., *робѣя.* Извините, я право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужь не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что́ не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлест. Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что́ значитъ на другую квартиру: то есть—въ тюрьму. Да какое вы имѣете право, да какъ вы смѣете!.. Да вотъ я... я служу въ Петербургѣ... (*Гордо.*) Я, я, я...

Гор., *въ сторону*. О, Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

Хлест., *храбрясь*. Да вотъ вы хоть тутъ со всей своею командой—не пойду! Я прямо къ министру! (*Стучитъ кулакомъ по столу.*) Что́ вы? что́ вы?

Гор., *вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ*. Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

Хлест. Нѣтъ, я не хочу! Вотъ ещё! Мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму? Вотъ прекрасно! (*Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется.*) Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу!

Гор., *дрожа*. По неопытности, ей Богу по неопытности. Недостаточность состоянія. Сами изволите посудить, казённаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если же и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что-жь до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлест. Да что́, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... (*Въ размышленіи.*) Я не знаю одна-

кожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ, или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! Смотри ты какой!.. Я заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Гор., *въ сторону*. О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого туману напустилъ! Разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужь попробовать; не куда пошло; что́ будетъ, то будетъ, попробовать на-авось. (*Вслухъ.*) Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлест. Дайте, дайте мнѣ въ займы! Я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти, или хоть даже и меньше.

Гор., *поднося бумажникъ*. Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлест., *принимая деньги*. Покорнѣйше благодарю! Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ... я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Гор., *въ сторону*. Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему вмѣсто двухсотъ четыреста ввернулъ.

Хлест. Эй, Осипъ! (*Осипъ входитъ.*) Позови сюда трактирнаго слугу! (*Къ гродничему и Добчинскому.*) А что-жь вы стоите? Сдѣлайте

милость, садитесь! (*Добчинскому*:) Садитесь, прошу покорнѣйше.

Гор. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлест. Сдѣлайте милость, садитесь! Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужь думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... (*Добчинскому*:) Садитесь! (*Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается.*)

Гор., *въ сторону*. Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, чтó онъ за человѣкъ. (*Вслухъ.*) Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли въ гостинницу, чтобъ освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, кромѣ должности, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобы всякому смертному оказывался хорошій пріемъ — и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлест. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Гор., *въ сторону*. Да, разсказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! (*Вслухъ.*) Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлест. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

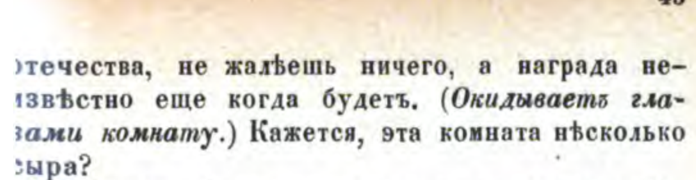
Гор., *въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе.* А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо востро! (*Вслухъ.*) Благое дѣло изволили предпринять! Вѣдь вотъ, относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны непріятности на-счетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

Хлест. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Гор., *въ сторону.* Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! И старика-отца приплелъ! (*Вслухъ.*) И на долгое время изволите ѣхать?

Хлест. Право не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнъ, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что-жь въ самомъ дѣлѣ я долженъ погубить жизнь съ мужиками! Теперь не тѣ потребности, душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Гор., *въ сторону.* Славно завязалъ узелокъ! Врётъ, вретъ—и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! Ты у меня проговоришься. Я тебя ужь заставлю побольше разсказать! (*Вслухъ.*) Справедливо изволили замѣтить! Чтó можно сдѣлать въ глуши! Вѣдь вотъ хотя бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься дл

течества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ. (*Окидываетъ глазами комнату.*) Кажется, эта комната нѣсколько ыра?

Хлест. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки кусаютъ.

Гор. Скажите! Такой просвѣщенный гость, и терпитъ отъ кого же! — отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ даже темно въ этой комнатѣ!

Хлест. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь — не могу: темно, темно!

Гор. Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостоинъ.

Хлест. А что́?

Гор. Нѣтъ, нѣтъ, недостоинъ, недостоинъ!

Хлест. Да что-жь такое?

Гор. Я бы дерзнулъ... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... но нѣтъ, чувствую самъ, это ужь слишкомъ большая честь... Не разсердитесь, ей Богу отъ простоты души предложилъ.

Хлест. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Гор. А ужь я какъ буду радъ! А ужь какъ жена обрадуется! У меня уже такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо если

гость просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобъ я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлест. Покорно благодарю! Я самъ тоже не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженіе, уваженіе и преданность.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и трактирный **слуга**, сопровождаемый **Осипомъ**. (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь.)

Сл. Изволили спрашивать?

Хлест. Да, подай счетъ.

Сл. Я ужь давича подалъ вамъ другой счетъ.

Хлест. Я ужь не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори, сколько тамъ?

Сл. Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлест. Дуракъ! Еще началъ высчитывать. Все сколько слѣдуетъ?

Гор. Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. (*Слугѣ.*) Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

Хлест. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. (*Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ и Добчинскій.

Гор. Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то—богоугодныя и другія?

Хлест. А что тамъ такое?

Гор. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

Хлест. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. (*Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь.*)

Гор. Такъ же, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлест. Извольте, извольте.

Гор. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы—разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлест. Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

Гор. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, съ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлест. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Гор. (*Добчинскому.*) Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добч. Ничего, я такъ.

Гор. (*тихо Добчинскому.*) Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе Земляникѣ, а другую женѣ. (*Хлестакову.*) Осмѣ-

люсь ли я просить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлест. Да зачѣмъ же!.. А впрочемъ тутъ и чернила; только бумаги, не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?

Гор. Я здѣсь напишу. (*Пишетъ и въ то же время говоритъ про-себя.*) А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ »фриштика«, да бутылки-толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера, неказистая на видъ, а слона повалитъ съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, чтó онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. (*Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій поднимается.*)

Хлест. Чтó? Не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобч. Ничего, ничего-съ безъ всякаго-с помѣшательства, только сверхъ носа небольша нашлёпка! Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь этакой,—оно и пройдетъ

Гор. (*дѣлая Бобчинскому укорительны знакъ, Хлестакову.*) Это-съ ничего. Прошу по корнѣйше, пожалуйте! а слугѣ вашему я скажу чтобы перенесъ чемоданъ. (*Осипу.*) Любезнѣйші ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему, те всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! (*Пропуска етъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за ним но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бо

чинскому.) Ужь и вы! не нашли другаго мѣста упасть! и растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что̀ такое. (*Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается.*)

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна (стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).

Анна Андр. Ну, вотъ, ужь цѣлый часъ дожидаемся, а все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ! еще нужно копаться... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ будто бы вымерло все.

Марья Ант. Да право, маменька, минуты черезъ двѣ все узнаемъ. Ужь скоро Авдотья должна придти. (*Всматривается въ окно и вскрикиваетъ.*) Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ на концѣ улицы.

Анна Андр. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи! Ну, да, идетъ. Кто-жь идетъ? Небольшаго роста... во фракѣ... Кто-жь это? А? Это однакожь досадно! Кто-жь бы это такой былъ?

Марья Ант. Это Добчинскій, маменька!

Анна Андр. Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое! Совсѣмъ не Добчинскій. (*Машетъ платкомъ.*) Эй, вы, ступайте сюда! Скорѣе!

Марья Ант. Право, маменька, Добчинскій!

Анна Андр. Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ—не Добчинскій.

Марья Ант. А что́? а что́, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андр. Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу,—изъ чего же ты споришь? (*Кричитъ въ окно.*) Скорѣй, скорѣй, вы тихо идете! Ну, что́, гдѣ они? А! Да говорите же оттуда, все равно. Что́, очень строгій? А? мужъ, мужъ? (*Немного отступая отъ окна съ досадою.*) Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андр. Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда-жь за ними! И я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добч. Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельстовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Ант. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андр. Ну, чтó? Ну, разсказывайте, чтó и какъ тамъ?

Добч. Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записку.

Анна Андр. Ну, да онъ кто такой? Генералъ?

Добч. Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу. Такое образованіе и важные поступки-съ!

Анна Андр. А! Такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу.

Добч. Настоящій! Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андр. Ну, разскажите, чтó и какъ?

Добч. Да слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово; да-съ, сердился и говорилъ, что и въ гостинницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... а то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса. Я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андр. Да вамъ-то чего бояться? Вѣдь вы не служите.

Добч. Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ.

Анна Андр. Ну, что-жь... это все однакожь вздоръ; разскажите, каковъ онъ собою? что́, старъ, или молодъ?

Добч. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говоритъ совсѣмъ какъ старикъ. »Извольте«, говоритъ, »я поѣду и туда, и туда...« (*размахиваетъ руками*) такъ это все славно. »Я«, говоритъ, »и написать, и почитать люблю; но мѣшаетъ, что въ комнатѣ,« говоритъ, »немножко темно.«

Анна Андр. А собой каковъ онъ, брюнетъ или блондинъ?

Добч. Нѣтъ, больше шантретъ, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

Анна Андр. Что́ тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? (*Читаетъ.*) »Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорцію икры рубль двадцать-пять копѣекъ...« (*останавливается.*) Я ничего не понимаю, къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добч. А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андр. А, да, точно. (*Продолжаетъ читать.*) »Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что́ выклеена желтыми бумажками; къ обѣду при-

бавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артеміи Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Авдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то, я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій...« Ахъ, Боже мой! это однакожъ нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добч., *бѣжитъ и кричитъ въ дверь.* Мишка! Мишка! Мишка! (*Мишка входитъ.*)

Анна Андр. Послушай: бѣги къ купцу Авдулину... постой, я дамъ тебѣ записку (*садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ*): эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобъ онъ побѣжалъ къ купцу Авдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

Добч. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андр. Ступайте, ступайте, я не держу васъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андр. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ.

Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Ант. Фи, маменька, голубое мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андр. Цвѣтное!.. Право, говоришь лишь бы только на-перекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Ант. Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андр. Мнѣ палевое нейдетъ?

Марья Ант. Нейдетъ; я, что́ угодно, даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андр. Вотъ хорошо! А у меня глаза развѣ не темные? Самые темные! Какой вздоръ говоришь! Какъ же не темные, когда я и гадаю про-себя всегда на трефовую даму?

Марья Ант. Ахъ, маменька, вы больше червонная дама!

Анна Андр. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. (*Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценой.*) Этакое вдругъ вообразится: червонная дама! Богъ знаетъ, что́ такое! (*По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мишка и Осипъ.

Ос. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Ос. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что́, дядюшка, скажите, скоро будетъ генералъ?

Ос. Какой генералъ?

Мишка. Да ба́ринъ вашъ.

Ос. Баринъ? Да какой онъ генералъ?

Мишка. А развѣ не генералъ?

Ос. Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка. Что-жъ больше, или меньше настостоящаго генерала?

Ос. Больше.

Мишка. Вишь ты какъ! То-то у насъ сумятицу подняли.

Ос. Послушай, ма́лый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка намъ что-нибудь поѣсть!

Мишка. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простаго блюда вы не будете кушать, а вотъ какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Ос. Ну, а простаго-то, что́ у васъ есть?

Мишка. Щи, каша, да пироги.

Ос. Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего,

все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Чтó, тамъ другой выходъ есть?

Мишка. Есть. (*Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ, за нимъ городничій, далѣе попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Бобчинскій, съ пластыремъ на носу. Городничій указываетъ квартальнымъ на полу бумажку — они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга въ попыхахъ.

Хлест. Хорошія заведенія! Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Гор. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другаго помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностью заслужить вниманіе начальства.

Хлест. Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Чтó, у васъ каждый день бываетъ такой?

Гор. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлест. Я люблю поѣсть. Вѣдь на то живешь, чтóбы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Арт. Фил., *подбѣгая.* Лабарданъ-съ.

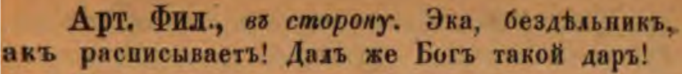
Хлест. Очень вкусная! Гдѣ это мы за
кали? Въ больницѣ, что ли?

Арт. Фил. Такъ точно-съ, въ богоугод
заведеніи.

Хлест. Помню, помню. Тамъ стояли кров
А больные выздоровѣли? Тамъ ихъ, кажется
много.

Арт. Фил. Человѣкъ десять осталось,
больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужь т
устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, к
я принялъ начальство, можетъ быть вамъ по
жется даже невѣроятнымъ, всѣ, какъ мухи, в
здоравливаютъ. Больной не успѣетъ войдти
лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько мед
каментами, сколько честностью и порядкомъ.

Гор. Ужь на что, осмѣлюсь вамъ, голов
ломна обязанность градоначальника! Столь
лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чи
стоты, починки, поправки... словомъ, наиумнѣйші
человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, бла-
годареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной
городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выго-
дахъ; но вѣрите ли, что, даже когда ложишься
спать, все думаешь: »Господи Боже ты мой,
какъ бы такъ устроить, чтобы начальство уви-
дѣло мою ревность и было довольно«... Награ-
дитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ,
по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ.
Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы вы-
метены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ
мало... то чего-же мнѣ больше? Ей-ей, и по-
честей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заман-
чиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета

Арт. Фил., *въ сторону.* Эка, бездѣльникъ, акъ расписываетъ! Далъ же Богъ такой даръ!

Хлест. Это правда. Я, признаюсь, люблю оже иногда заумствоваться: иной разъ прозой, въ другой и стишки выкинутся.

Бобч. *Добчинскому.* Справедливо, все спраедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... Зидно, что наукамъ учился.

Хлест. Скажите пожалуйста, нѣтъ ли у засъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Гор., *въ сторону.* Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей городъ камешки бросаютъ! (*Вслухъ.*) Боже сохрани! Здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ карты. Смотрѣть не могу на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля, или что-нибудь другое, то такое омерзеніе нападаетъ, что просто плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ я будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя! Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ!

Лука Лук., *въ сторону.* А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Гор. Лучше-жь я употреблю это время на пользу государственную.

Хлест. Ну, нѣтъ, вы напрасно однакоже... Все зависитъ отъ того, съ какой стороны кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забасту-

ешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... ну, тогда конечно!.. Нѣтъ, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, **Анна Андреевна** и **Марья Антоновна**.

Гор. Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлест., *раскланиваясь.* Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андр. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлест., *рисуясь.* Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андр. Какъ можно-съ! Вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлест. Возлѣ васъ стоять есть уже счастіе; впрочемъ, если вы такъ непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что наконецъ сижу возлѣ васъ.

Анна Андр. Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлест. Чрезвычайно непріятна! Привыкши жить, comprenez vous, въ свѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ—грязные трактиры, мракъ невѣжества... Еслибы, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматриваетъ на Анну Ан-*

оевну и рисуется передъ ней) такъ вознагра-
ѣъ за все...

Анна Андр. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ
лжно быть непріятно!

Хлест. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту
ѣ очень пріятно.

Анна Андр. Какъ можно-съ! Вы дѣлаете
кого чести. Я этого не заслуживаю.

Хлест. Отчего же не заслуживаете? Вы,
дарыня, заслуживаете.

Анна Андр. Я живу въ деревнѣ...

Хлест. Да, деревня впрочемъ тоже имѣетъ
зои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же
равнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! Чтó
а жизнь, право! Вы, можетъ-быть, думаете, что
только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣ-
енія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ уда-
итъ по плечу: »Приходи, братецъ, обѣдать!« Я
олько на двѣ минуты захожу въ департаментъ,
съ тѣмъ только, чтобы сказать—это вотъ такъ,
это вотъ такъ! А тамъ ужь чиновникъ для
письма, этакая крыса, перомъ только — тртр...
пошелъ писать! Хотѣли было даже меня кол-
лежскимъ ассессоромъ сдѣлать, да думаю, зачѣмъ?
И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со
щеткою: »Позвольте, Иванъ Александровичъ, я
вамъ,« говоритъ, »сапоги почищу.« *(Городничему.)*
Чтó вы, господа, стоите? Пожалуйста садитесь!

Вмѣстѣ:
Гор. Чинъ такой, что еще можно постоять.
Арт. Фил. Мы постоимъ.
Лука Лук. Не извольте безпокоиться!

Хлест. Безъ чиновъ, прошу садиться! *(Г... родничій и всѣ садятся.)* Напротивъ, я да... стараюсь всегда проскользнуть незамѣтно. ... никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Толь... выйду куда-нибудь, ужь и говорятъ: »Вонъ... говорятъ, »Иванъ Александровичъ идетъ!« ... одинъ разъ меня приняли за главнокомандую... щаго, солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣ... лали ружьемъ. Послѣ офицеръ, который мнѣ очен... знакомъ, говоритъ мнѣ: »Ну, братецъ, мы теб... совершенно приняли за главнокомандующаго.«

Анна Андр. Скажите, какъ!

Хлест. Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: »Ну, что́ братъ Пушкинъ?«—»Да такъ, братъ,« отвѣчалъ бывало: »тамъ какъ-то все«... Большой оригиналъ!

Анна Андр. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлест. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужь и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: »Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь.“ Думаю себѣ: »Пожалуй, изволь, братецъ.» И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что́ было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій Телеграфъ... все это я писалъ.

Анна Андр. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлест. Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю стихи. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андр. Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлест. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андр. Я сейчасъ догадалась.

Марья Ант. Ахъ маменька, тамъ написано, что это Загоскина сочиненіе.

Анна Андр. Ну вотъ: я и знала, что даже и здѣсь будешь спорить.

Хлест. Ахъ, да, это правда, это точно Загоскина, а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андр. Ну это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлест. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужь и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всѣмъ.)* Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

Анна Андр. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даютъ балы!

Хлест. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ—въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кастрюлькѣ (»рондлѣ«) прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку—паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ,

французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ
я. И ужь такъ уморишься, играя, что, прос
ни на что̀ не похоже. Какъ взбѣжишь *по лѣс*
ницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажеш
только кухаркѣ: „На, Мавруша, *шинель*...
Что-жь я вру—я и позабылъ, что живу въ бель
этажѣ. У меня одна лѣстница... А любопытн
взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще н
проснулся: графы и князья толкутся и жужжат
тамъ какъ шмели, только и слышно ж.... ж.... ж...
Иной разъ и министръ... (*Городничій и прочіе с робостью встаютъ съ своихъ стульевъ.*) Мнѣ
даже на пакетахъ пишутъ ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ—куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что̀, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но пойдутъ бывало—нѣтъ, мудрено! Кажется и легко на видъ, а разсмотрѣть — просто, чортъ возьми! Видятъ, нечего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? »Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!« Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ, хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... »Извольте, господа, я принимаю, только,« говорю: »такъ и быть,« говорю: »я принимаю, только ужь у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужь я...« И точно бывало: прохожу черезъ департаментъ—просто землетрясенье, все дрожитъ, трясется, какъ листъ.

Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе.) О, я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ острастку! Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что̀ въ самомъ дѣлѣ? Я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ: »Я самъ себя знаю, самъ.« Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш... (*поскальзывается и чуть чуть не падаетъ на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками.*)

Гор., *подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить.* А ва-ва-ва... ва...

Хлест., *быстрымъ отрывистымъ голосомъ.* Что̀ такое?

Гор. А ва-ва-ва... ва...

Хлест., *такимъ же голосомъ.* Не разберу ничего, все вздоръ.

Гор. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть... вотъ и комната и все, что̀ нужно.

Хлест. Вздоръ — отдохнуть! Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... Я доволенъ, я доволенъ. (*Съ декламаціей.*) Лабарданъ! лабарданъ! (*Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобч. Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человѣкъ-то! Вонъ оно что̀ значитъ человѣкъ! Въ

жизнь не былъ въ присутствіи такой важн
персоны, чуть не у́меръ со страха. Какъ вы д
маете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ ра
сужденіи чина?

Добч. Я думаю, чуть ли не генералъ.

Бобч. А я такъ думаю, что генералъ-то ем
и въ подмётки не станетъ! А когда генералъ, т
ужь развѣ самъ генералиссимусъ! Слышали: го
сударственный-то совѣтъ какъ прижалъ! Пойдем
разскажемъ поскорѣе Аммосу Ѳедоровичу и К
робкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добч. Прощайте, кумушка! (*Оба уходятъ*.

Арт. Фил., *Лукѣ Лукичу*. Страшно, просто
А отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и н
въ мундирѣ. Ну, что́, какъ проснется, да въ Пе-
тербургъ махнетъ донесеніе! (*Уходятъ въ за-
думчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищ
произнося*): Прощайте, сударыня!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андр. Ахъ, какой пріятный!

Марья Ант. Ахъ, милашка!

Анна Андр. Но только какое тонкое обра-
щеніе! Сейчасъ можно увидѣть столичную штуку.
Пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо!
Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, про-
сто, безъ памяти. Я однакожь ему очень понра-
вилась: я замѣтила—все на меня поглядывалъ.

Марья Ант. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андр. Пожалуйста съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе не умѣстно.

Марья Ант. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андр. Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! Нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стáти ему смотрѣть на тебя?

Марья Ант. Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андр Ну, можетъ-быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. »А«, говоритъ себѣ: »дай ужъ посмотрю на нее!«

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и городничій.

Гор., *входитъ на цыпочкахъ.* Чш... ш...

Анна Андр. Чтó?

Гор. И не радъ, что напоилъ. Ну, чтó, если хоть одна половина изъ того, чтó онъ говорилъ, правда? (*Задумывается.*) Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человѣкъ все несетъ наружу: чтó на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь, не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь. Съ мини-

страми играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что́ и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андр. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка; а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Гор. Ну, ужь вы—женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все—финтирлюшки! Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другаго словцо. Васъ посѣкутъ, да и только, а мужа и поминай какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андр. Объ этомъ я ужь совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... (*Посматриваетъ на дочь.*)

Гор., *одинъ*. Ну, ужь съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. (*Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь.*) Мишка! Позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. (*Послѣ небольшаго молчанія.*) Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хотя бы народъ-то ужь былъ видный, а то худенькій, тоненькій—какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя; а какъ надѣнетъ фрачишко,—ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и екивоки, что, кажись, вѣкъ бы не добился

толку. А вотъ наконецъ и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человѣкъ молодой!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Осипъ. Всѣ бѣгутъ къ нему на встрѣчу, кивая пальцами.

Анна Андр. Подойди сюда, любезный!

Гор. Тш!.. Что́? что́? Спитъ?

Ос. Нѣтъ, еще немножко потягивается.

Анна Андр. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Ос. Осипъ, сударыня.

Гор., *женѣ и дочери.* Полно, полно вамъ! (*Осипу.*) Ну что́, другъ, тебя накормили хорошо?

Ос. Накормили, покорнѣйше благодарю, хорошо накормили.

Анна Андр. Ну, что́, скажи: къ твоему барину, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Ос., *въ сторону.* А что́ говорить, коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ! (*Вслухъ.*) Да, бываютъ и графы.

Марья Ант. Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій!

Анна Андр. А что́, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ?..

Гор. Да перестаньте пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну что́, другъ?..

Анна Андр. А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Ос. Чинъ обыкновенно какой!

Гор. Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами! Не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что́, другъ, какъ твой баринъ?.. строгъ? любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Ос. Да, порядокъ любитъ. Ужь ему чтобы все было въ исправности.

Гор. А мнѣ очень нравится твое лицо, другъ! Ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что́....

Анна Андр. Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходитъ, или?..

Гор. Полно вамъ, право, трещётки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка... (*Къ Осипу.*) Ну, что́, другъ, право мнѣ ты очень нравишься; въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ. Оно теперь холодновато, такъ вотъ тебѣ пара цѣлковыхъ на чай.

Ос., *принимая деньги.* А, покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! Бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Гор. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что́, другъ...

Анна Андр. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?...

Марья Ант. Осипъ, душенька! Какой миленькій носикъ у твоего барина!

Гор. Да постойте, дайте мнѣ!.. (*Къ Осипу.*) А что́, другъ, скажи пожалуйста: на что́ больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то-есть что́ ему въ дорогѣ больше нравится?

Ос. Любитъ онъ, по разсмотрѣнію, чтó какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Гор. Хорошее?

Ос. Да, хорошее. Вотъ ужь на чтó я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобъ и мнѣ было хорошо. Ей Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: »Чтó, Осипъ, хорошо тебя угостили?« —»Плохо, ваше высокоблагородіе!«—»Э«, говоритъ, »это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты«, говоритъ, »напомни мнѣ, какъ пріѣду.« — »А«, думаю себѣ (*махнувъ рукою*): »Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой!«

Гор. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

Ос. За чтó жалуете, ваше высокоблагородіе? (*Прячетъ деньги.*) Развѣ ужь выпью за ваше здоровье.

Анна Андр. Приходи, Осипъ, ко мнѣ; также получишь.

Марья Ант. Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! (*Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.*)

Гор. Чш! (*поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса.*) Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! Полно ужь вамъ...

Анна Андр. Пойдемъ, Машенька! Я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, чтó намъ вдвоёмъ только можно сказать.

Гор. О, ужь тамъ говорятъ! Я думаю, поди только, да подслушай! И уши потомъ заткнешь. (*Обращаясь къ Осипу.*) Ну, другъ!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Гор. Чш! Экіе косолапые медвѣди стучатъ сапогами! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держ. Былъ по приказанію...

Гор. Чш! (*закрываетъ ему ротъ.*) Экъ какъ каркнула ворона! (*Дразнитъ его.*) Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! (*Къ Осипу.*) Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что́ ни есть въ домѣ, требуй. (*Осипъ уходитъ.*) А вы— стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никогда не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что́ идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, въ-за-шей такъ прямо его и толкайте! такъ его! хорошенько! (*показываетъ ногою*) слышите? чш... чш... (*уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Выходятъ осторожно, почти на цыпочкахъ: **Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій, Бобчинскій,** всѣ въ полномъ парадѣ и мундирахъ Вся сцена происходитъ вполголоса.

Амм. Ѳед. *строитъ всѣхъ полукружіемъ.* Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядка! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ, и государстиенный совѣтъ распекаетъ! Стройтесь на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. (*Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ.*)

Арт. Фил. Воля ваша, Аммосъ Ѳедоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять.

Амм. Ѳед. А что́ именно?

Арт. Фил. Ну, извѣстно что́.

Амм. Ѳед. Подсунуть?

Арт. Фил. Ну да, хоть и подсунуть.

Амм. Өед. Опасно, раскричится: государственный человѣкъ. Развѣ въ видѣ приношенія со стороны дворянства—какой-нибудь памятникъ.

Почтм. Или же: вотъ-молъ пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія.

Арт. Фил. Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куда-нибудь подальше. Слу́шайте, эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Представиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ, да чтобъ и уши не слыхали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается. Ну, вотъ вы, Аммосъ Өедоровичъ, первые начните.

Амм. Өед. Такъ лучше же вы: въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба.

Арт. Фил. Такъ ужь лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лук. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мной однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня просто и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь, завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте!

Арт. Фил. Да, Аммосъ Өедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ, что́ ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Амм. Өед. Что́ вы! что́ вы: Цицеронъ! Смотрите, что́ выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ, или гончей ищейкѣ.

Всѣ *пристають къ нему*. Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи...

Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!

Амм. Ѳед. Отвяжитесь, господа! (*Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣтатъ на-перерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выйдти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія:*)

Голосъ Бобч. Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

Голосъ Земляники. Отпустите, отпустите, отпустите, господа, хоть душу на покаяніе — совсѣмъ прижали!

(*Выхватываются нѣсколько восклицаній*: ай! ой! *наконецъ всѣ выбираются, и комната остается пуста.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ (одинъ, выходитъ съ заспанными глазами).

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? Даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностью проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень не-

дурпа, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и судья.

Судья, *входя и останавливаясь, про-себя.* Боже, Боже! вынеси благополучно! Такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. (*Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.*) Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлест. Прошу́ садиться! Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлест. А выгодно однакоже быть судьею?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства. (*Въ сторону.*) А деньги въ кулакѣ, да кулакъ-то весь въ огнѣ.

Хлест. А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени ужь не такъ.

Судья, *высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ, въ сторону.* Господи Боже, не знаю, гдѣ сижу! Точно горячіе угли подъ тобою.

Хлест. Что́ это у васъ въ рукѣ?

Судья, *потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи.* Ничего-съ.

Хлест. Какъ ничего? Я вижу, деньги упали.

Судья, *дрожа всѣмъ тѣломъ.* Никакъ нѣтъ-съ! (*Въ сторону.*) О Боже! Вотъ ужь я и подъ судомъ и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлест., *поднимая.* Да, это деньги.

Судья, *въ сторону.* Ну, всеконечно пропалъ, пропалъ!

Хлест. Знаете ли, дайте ихъ мнѣ въ займы!

Судья, *поспѣшно.* Какъ же-съ, какъ же-съ... съ большимъ удовольствіемъ! (*Въ сторону.*) Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлест. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да сё... впрочемъ я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю.

Судья. Помилуйте, какъ можно! И безъ того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству... постараюсь заслужить... (*приподнимается со стула, вытянувшись и руки по швамъ.*) Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанія?

Хлест. Какого приказанія?

Судья, Я разумѣю, не дадите ли какого приказанія здѣшнему уѣздному суду?

Хлест. Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ ничего, покорнѣйше благодарю.

Судья, *раскланиваясь и уходя,—въ сторону.* Ну, городъ нашъ!

Хлест., *по уходѣ его.* Судья—хорошій человѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ и **почтмейстеръ** (входитъ вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).

Почтм. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ!

Хлест. А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь! Вѣдь вы здѣсь всегда живёте?

Почтм. Такъ точно-съ.

Хлест. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно, — ну, что́-жъ? Вѣдь это не столи́ца. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтм. Совершенная правда.

Хлест. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтм. Такъ точно-съ! (*Въ сторону*.) А онъ однакожъ ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлест. И вѣдь однакожъ признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтм. Такъ точно-съ.

Хлест. По моему мнѣнію, что́ нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно, — не правда ли?

Почтм. Совершенно справедливо.

Хлест. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. (*Глядя*

въ глаза ему, говоритъ про себя:) А попрошу-ка я у этого почтмейстера въ займы. (*Въ слухъ.*) Какой странный со мною случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей въ займы?

Почтм. Почему же, почему? За величайшее счастіе. Вотъ-съ извольте! Отъ души готовъ служить.

Хлест. Очень благодаренъ! А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ. Да и къ чему? Не такъ ли?

Почтм. Такъ точно-съ. (*Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу.*) Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестъ. Нѣтъ, ничего!

(*Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ.*)

Хлест., *раскуривая сигару.* Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ. По крайней мѣрѣ услужливъ; люблю такихъ людей.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ, который почти вытalкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: „Чего робѣешь?“

Лука Лук., *вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу.* Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ!

Хлест. А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? (*Подаетъ ему сигарку.*)

Лука Лук., *про-себя въ нерѣшимости.* Вотъ тебѣ разъ! Ужь этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлест. Возьмите, возьмите! Это порядочная сигарка! Конечно, не то, что́ въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарки по двадцати-пяти рублей сотенка, просто, ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите! (*Подаетъ ему свѣчу.*)

Лука Лук. *пробуетъ закурить и весь дрожитъ.*

Хлест. Да не съ того конца!

Лука Лук. *отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и махнулъ рукою про-себя.* Чортъ побери все! Сгубила проклятая робость.

Хлест. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго пола, такъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся, брюнетки или блондинки?

Лука Лук. *находится въ совершенномъ недоумѣніи, что́ сказать.*

Хлест. Нѣтъ, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лук. Не смѣю знать.

Хлест. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется знать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лук. Осмѣлюсь доложить... (*Въ сторону.*) И самъ не знаю, что́ говорю; въ головѣ все пошло кругомъ.

Хлест. А! а! не хотите сказать. Вѣрно ужь какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку! Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лук. *молчитъ.*

Хлест. А! а! покраснѣли, видите, видите! Отчего-жь вы не говорите?

Лука Лук. Оробѣлъ, ваше бла... превос... сіят... (*Въ сторону.*) Продалъ проклятый языкъ, продалъ!

Хлест. Оробѣли? А въ моихъ глазахъ точно есть что-то такое, что̀ внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

Лука Лук. Такъ точно-съ.

Хлест. Вотъ со мной престранный случай— въ дорогѣ совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей въ займы?

Лука Лук, *хватаясь за карманъ, про себя.* Вотъ же штука, если нѣтъ! Есть, есть! (*Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи.*)

Хлест. Покорно благодарю.

Лука Лук. Не смѣю болѣе безпокоить присутствіемъ.

Хлест. Прощайте!

Лука Лук., *летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону*: Ну, слава Богу! Авось не заглянетъ въ классы.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ и Артемій Филипповичъ, вытянувшись и п[...] живая шпагу.

Арт. Фил. Имѣю честь представиться: печитель богоугодныхъ заведеній, надво[...] совѣтникъ Земляника.

Хлест. Здравствуйте, прошу покорно [...]диться.

Арт. Фил. Имѣлъ честь сопровождать [...] и принимать лично во ввѣренныхъ моему с[...]трѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлест. А, да, помню. Вы очень хоро[...] угостили завтракомъ.

Арт. Фил. Радъ стараться на службу от[...]честву.

Хлест. Я признаюсь, это моя слабость [...] люблю хорошую кухню. Скажите пожалуйст[...] мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы бы[...] немножко ниже ростомъ, не правда ли?

Арт. Фил. Очень можетъ быть. (*Помолчавъ*[...]) Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревност[...] исполняю службу. (*Придвигается ближе со сво[...]имъ стуломъ и говоритъ вполголоса.*) Вот[...] здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего н[...] дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи; по[...]сылки задерживаются... извольте сами нарочн[...] розыскать. Судья тоже, который только-что был[...] передъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зай[...]цами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться передъ вами, — конечно, для пользы отечества, я долженъ

это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель, — поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дома, то онъ тамъ уже и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлест. Скажите пожалуйста, а я никакъ этого не думалъ.

Арт. Фил. Вотъ и смотритель здѣшняго училища. Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность. Онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлест. Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? Все я позабываю.

Арт. Фил. Земляника.

Хлест. А, да! Земляника. И что-жь, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Арт. Фил. Какъ же-съ! пятеро; двое уже взрослыхъ.

Хлест. Говорите, взрослыхъ! А какъ они... какъ они того?..

Арт. Фил. То-есть, не изволите ли спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлест. Да, какъ ихъ зовутъ?

Арт. Фил. Николай, Иванъ, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлест. Это хорошо.

Арт. Фил. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... (*Раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти.*)

Хлест., *провожая.* Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно, что̀ вы говорили. Пожалуйста и въ другое тоже время... Я это очень люблю. (*Возвращается и отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему.*) Эй вы! Какъ васъ? Я все позабываю, какъ ваше имя и отчество.

Арт. Фил. Артемій Филипповичъ.

Хлест. Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ въ займы рублей четыреста?

Арт. Фил. Есть.

Хлест. Скажите, какъ кстати! Покорнѣйше васъ благодарю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобч. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добч. Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлест. А, да я ужь васъ видѣлъ! Вы, кажется, тогда упали? Что́, какъ вашъ носъ?

Бобч. Слава Богу! Не извольте безпокоиться: присохъ теперь, совсѣмъ присохъ.

Хлест. Хорошо, что присохъ. Я радъ... (*Вдругъ и отрывисто.*) Денегъ нѣтъ у васъ?

Добч. Денегъ? Какъ денегъ?

Хлест. Въ займы рублей тысячу.

Бобч., Такой суммы, ей Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добч. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлест. Да, ну если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобч., *шаря въ карманахъ.* У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

Добч. Двадцать пять рублей всего.

Бобч. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то вѣрно какъ-нибудь запали.

Добч. Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ.

Хлест. Ну, все равно! Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... это все равно. (*Принимаетъ деньги.*)

Добч. Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлест. А что́ это?

Добч. Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлест. Да?

Добч. То-есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то-есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я, Добчинскій-съ.

Хлест. Хорошо, пусть называется, это можно.

Добч. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчи́шка-то этакой... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные разскажетъ и, если гдѣ попадетъ ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобч. Да, большія способности имѣетъ!

Хлест. Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да... (*Обращаясь къ Бобчинскому.*) Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобч. Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлест. А что́, о чемъ?

Бобч. Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлест. Очень хорошо.

Бобч. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ-молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлест. Очень хорошо.

Добч. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобч. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлест. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. (*Выпровождаетъ ихъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, одинъ.

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется однакожь, что меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки—пусть-ка онъ ихъ общелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ, подай мнѣ бумаги и чернилъ! (*Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнесши „сейчасъ“.*) А ужь Тряпичкину точно если это попадетъ на зубокъ, — берегись: отца роднаго не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любитъ. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали въ займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ

почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... какая замасленная бумажка!.. восемьсотъ, девятьсотъ... ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь, посмотримъ, кто кого?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ и Осипъ, съ чернилами и бумагою.

Хлест. Ну что́, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ! (*Начинаетъ писать.*)

Ос. Да, слава Богу! Только знаете что́, Иванъ Александровичъ?

Хлест. А что́?

Ос. Уѣзжайте отсюда! Ей-Богу, уже пора!

Хлест. *пишетъ.* Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

Ос. Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька,—ну, и довольно! Что́ съ ними долго связываться! Плюньте на нихъ! Неровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ... ей-Богу, Иванъ Александровичъ! А ло́шади тутъ славныя—такъ бы зака́тили.

Хлест., *пишетъ.* Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Ос. Да что́ завтра! Ей-Богу поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая тутъ честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе... Вѣдь васъ, право, за кого-то другаго приняли, и батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались. Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали!

Хлест., *пишетъ.* Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй вмѣстѣ и подорожную возьми. Да за то смотри, чтобы лошади хорошія были. Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобъ они какъ фельдъегеря катили и пѣсни бы пѣли!.. (*Продолжаетъ писать.*) Воображаю, Тряпичкинъ умретъ совсѣмъ...

Ос. Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобы не прошло понапрасну время.

Хлест. Хорошо, принеси только свѣчу.

Ос. *выходитъ и говоритъ за сценой.* Эй послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ ба́рину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не платитъ: прогонъ, молъ, скажи, казённый. Да чтобы все живѣе, а не то, молъ, баринъ сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлест., *продолжаетъ писать.* Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ, въ Почтамтской или Гороховой. Онъ, вѣдь, тоже любитъ часто переѣзжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу на-удалую въ Почтамтскую. (*Свертываетъ и надписываетъ.*)

Осипъ приноситъ свѣчу. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды: Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать.

Хлест. *даетъ Осипу письмо.* На, отнеси.

Голоса купцовъ. Допустите, батюшка, вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спитъ. (*Шумъ увеличивается.*)

Хлест. Чтó тамъ такое, Осипъ? Посмотри, чтó за шумъ.

Ос., *глядя въ окно.* Купцы какіе-то хотятъ войдти, да не пускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно васъ хотятъ видѣть.

Хлест., *подходя къ окну.* А чтó вы, любезные?

Голоса купц. Къ твоей милости прибѣгаемъ! Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлест. Впустите ихъ, впустите! Пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ, пусть идутъ. (*Осипъ уходитъ.*)

Хлест., *принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ:* »Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина...« Чортъ знаетъ, чтó: и чина такого нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и купцы, съ кузовомъ вина и сахарными головами.

Хлест. А чтó вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлест. А чтó вамъ угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлест. Отъ кого?

Одинъ изъ купцовъ. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, го-

ударь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть ь петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. хватитъ за бороду, говоритъ: »Ахъ ты Татаинъ!« Ей Богу! Еслибы, то-есть, чѣмъ-нибудь е уважили его, а то мы ужь порядокъ всегда исполняемъ: что́ слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ—мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, зишь ты, ему всего мало — ей-ей! Придетъ въ лавку и что́ ни попадетъ, все беретъ: сукна увидитъ штуку, говоритъ: »Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мнѣ.« Ну и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлест. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы. Ей Богу! Такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То-есть, не то ужь говоря, чтобы какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что́ лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что́ у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Имянины его бываютъ на Антона, и ужь, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія его имянины. Что́ дѣлать? И на Онуфрія несешь.

Хлест. Да это просто разбойникъ!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что́, велитъ запереть двери: „Я тебя не буду,« говоритъ, »подвергать тѣлесному

наказанію, или пыткой пытать—это,« говоритъ »запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селёдки!«

Хлест. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это просто въ Сибирь.

Купцы. Да ужь куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то-есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцемъ и кузовкомъ вина.

Хлест. Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ. Вотъ, еслибы вы, напримѣръ, предложили мнѣ въ займы рублей триста,—ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: я могу взять.

Купцы. Изволь, отецъ нашъ! (*Вынимаетъ деньги.*) Да что́ триста! Ужь лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлест. Извольте: въ займы — я ни слова, я возьму.

Купцы *подносятъ на серебряномъ подносѣ деньги.* Ужь пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлест. Ну, и подносикъ можно.

Купцы, *кланяясь.* Такъ ужь возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлест. О, нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! Зачѣмъ вы не берете? Возьмите! На дорогѣ все пригодится. Давай сюда го́ловы и кулёкъ! Подавай все! Все пойдетъ въ прокъ. Что́ тамъ? Веревочка? Давай и веревочку,—и веревочка въ дорогѣ пригодится:

ѣжка обломается или что другое — подвязать кно.

Купцы. Такъ ужь сдѣлайте такую милость, ше сіятельство! Если уже вы, то есть, не пожете въ нашей просьбѣ, то ужь не знаемъ, къ и быть: просто хоть въ петлю полѣзай.

Хлест. Непремѣнно, непремѣнно! Я постаюсь. (*Купцы уходятъ.*)

Слышенъ голосъ женщины: Нѣтъ, ты не смѣшь не допустить меня! На тебя нажалуюсь ему амому. Ты не толкайся такъ больно!

Хлест. Кто тамъ? (*Подходитъ къ окну.*) что ты, матушка?

Голоса двухъ женщинъ. Милости твоей, отецъ, прошу! Повели, государь, выслушать.

Хлест. *въ окно.* Пропустить её.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слес, *кланяясь въ ноги.* Милости прошу!

Унт.-офицерша Милости прошу...

Хлест. Да что вы за женщины?

Унт.-оф. Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слес. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой...

Хлест. Стой, говори прежде одна, что тебѣ нужно?

Слес. Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло, чтобы ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ,

ни теткамъ его, ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлест. А что́?

Слес. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! Да и по закону нельзя,—онъ женатый.

Хлест. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?!

Слес. Сдѣлалъ мошенникъ, сдѣлалъ — побей Богъ его и на томъ, и на этомъ свѣтѣ! Чтобъ ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ, если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ, или поперхнулся на вѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портнаго, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. »На что́,« говоритъ, »тебѣ мужъ—онъ уже тебѣ не годится.“ Да я-то знаю —годится или не годится: это мое дѣло, мошенникъ такой. »Онъ«, говоритъ, »воръ; хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно,« говоритъ, »онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты.« Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго, а если есть теща, то чтобъ и тещѣ...

Хлест. Хорошо, хорошо, ну, а ты? (*Выпроваживаетъ старуху.*)

Слес., *уходя*. Не позабудь, отецъ мой! Будь милостивъ!

Унт.-оф. На городничаго, батюшка, пришла...

Хлест. Ну да что, зачѣмъ? Говори въ коротких словахъ.

Унт.-оф. Высѣкъ, батюшка!

Хлест. Какъ?

Унт.-оф. По ошибкѣ, отецъ мой. Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не доспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дня сидѣть не могла.

Хлест. Такъ что-жь теперь дѣлать?

Унт.-оф. Да дѣлать-то конечно нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить шрафъ. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлест. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! Я распоряжусь. (*Въ окна высовываются руки съ просьбами.*) Да кто тамъ еще? (*Подходитъ къ окну.*) Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (*Отходя.*) Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!..

Осипъ *кричитъ въ окно.* Пошли, пошли! Не время; завтра приходите! (*Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ.*)

Ос. Пошелъ, пошелъ! Что лѣзешь? (*Упирается первому руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Ант. Ахъ!

Хлест. Отчего вы такъ испугались, сударыня?

Марья Ант. Нѣтъ, я не испугалась.

Хлест. *рисуется.* Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были идти?

Марья Ант. Право, я никуда не шла.

Хлест. Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

Марья Ант. Я думала, не здѣсь ли маменька...

Хлест. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Ант. Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

Хлест. *рисуется.* А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принесть удовольствіе.

Марья Ант. Вы говорите по-столичному.

Хлест. Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

Марья Ант. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было идти. (*Сѣла.*)

Хлест. Какой у васъ прекрасный платочекъ!

Марья Ант. Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлест. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Ант. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите; какой-то платочекъ... Сегодня какая странная погода.

Хлест. А ваши губки, сударыня, лучше всякой погоды.

Марья Ант. Вы все этакое говорите... Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлест. Для васъ, сударыня, все, что́ хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

Марья Ант. Какіе-нибудь, этакіе—хорошіе, новые.

Хлест. Да что́ стихи! Я много ихъ знаю.

Марья Ант. Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

Хлест. Да къ чему же говорить? Я и безъ того ихъ знаю.

Марья Ант. Я очень люблю ихъ...

Хлест. Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: »О ты, что́ въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ...« ну и другіе... теперь не могу припомнить. Впрочемъ это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... (*Придвигая стулъ.*)

Марья Ант. Любовь? Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, чтó за любовь... (*Отодвигаетъ стулъ.*)

Хлест. Да отчего-жь вы отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Марья Ант. *отодвигаясь*. Для чего-жъ близко? Все равно и далеко.

Хлест., *придвигаясь*. Отчего-жь далеко? Все равно и близко.

Марья Ант. *отодвигается*. Да къ чему-жь это?

Хлест., *придвигаясь*. Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, еслибъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

Марья Ант. *смотритъ въ окно*. Чтó это, точно какъ будто бы полетѣло? Сорóка, или другая какая птица?

Хлест. *цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно*. Это сорóка.

Марья Ант. *встаетъ въ негодованіи*. Нѣтъ, это ужь слишкомъ... Наглость такая!..

Хлест., *удерживая ее*. Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно отъ любви.

Марья Ант. Вы почитаете меня за такую провинціалку... (*Силится уйдти.*)

Хлест., *продолжая удерживать ее*. Изъ любви, право изъ любви. Я такъ только, пошутилъ, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣняхъ у васъ просить прощенія. (*Падаетъ на колѣна.*) Простите же, простите! Вы видите! Вы видите, я на колѣняхъ.

~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андр., *увидя Хлестакова на колѣняхъ.* Ахъ какой пассажъ!

Хлест., *вставая.* А, чортъ возьми!

Анна Андр., *дочери.* Это что́ значитъ, суда́рыня, это что́ за поступки такіе?

Марья Ант. Я, маменька...

Анна Андр. Поди прочь отсюда! Слышишь, прочь, прочь! И не смѣй показываться на глаза. (*Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ.*) Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

Хлест., *въ сторону.* А она тоже аппетитна, очень не дурна. (*Бросается на колѣна.*) Сударыня, вы видите, я сгараю отъ любви.

Анна Андр. Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ встаньте, встаньте! Здѣсь полъ совсѣмъ нечистъ.

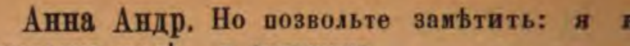
Хлест. Нѣтъ, на колѣняхъ, непремѣнно на колѣняхъ; я хочу знать, что́ такое мнѣ суждено, жизнь или смерть!

Анна Андр. Но позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію на-счетъ моей дочери.

Хлест. Нѣтъ, я влюблёнъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я не достоинъ земнаго существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

Анна Андр. Но позвольте замѣтить: я в нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлест. Это ничего! Для любви нѣтъ раз личія. И Карамзинъ сказалъ: »Законы осужда ютъ.« Мы удалимся подъ сѣнь струй... Руки ва шей, руки прошу.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и **Марья Антоновна**, вдругъ вбѣгаетъ.

Марья Ант. Маменька, папенька сказалъ, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на колѣняхъ, вскрикиваетъ:*) Ахъ, какой пассажъ!

Анна Андр. Ну что̀ ты? Къ чему? Зачѣмъ? Что̀ за вѣтреность такая! Вдругъ вбѣжала какъ угорѣлая кошка. Ну, что̀ ты нашла такого удивительнаго? Ну что̀ тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что̀ такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ!

Марья Ант., *сквозь слезы.* Я право, маменька, не знала...

Анна Андр. У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что̀ тебѣ глядѣть на нихъ! Не должно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе — передъ тобою

мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать!

Хлест., *схватывая за руки дочь.* Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андр., *съ изумленіемъ.* Такъ вы въ неё?..

Хлест. Рѣшите: жизнь или смерть?

Анна Андр. Ну, вотъ видишь, дура, ну вотъ видишь: изъ-за тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колѣняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ съумасшедшая. Ну вотъ, право, стóитъ, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастія.

Марья Ант. Не буду, маменька, право, впредъ не буду.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и городничій, въ попыхахъ.

Гор. Не буду, ваше превосходительство! Не погубите! Не погубите!

Хлест. Чтó съ вами?

Гор. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству.. Честью увѣряю, и на половину нѣтъ того, чтó они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша налгала вамъ, будто-бы я её высѣкъ; она врётъ, ей Богу врётъ. Она сама себя высѣкла.

Хлест. Провались унтеръ-офицерша, — мнѣ не до нея!

Гор. Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужь и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А на-счетъ мошенничества осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андр. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Гор. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство, она немного съ при́дурью, такова же была и мать ея.

Хлест. Да, я точно прошу́ руки. Я влюблёнъ.

Гор. Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андр. Да когда говорятъ тебѣ?

Хлест. Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

Гор. Не смѣю вѣрить, не достоинъ такой чести.

Хлест. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, чтб готовъ!

Гор. Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство.

Анна Андр. Ахъ, какой чурбанъ въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ!

Гор. Не могу вѣрить.

Хлест. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдатутъ.

Гор. Ахъ, Боже мой! Я, ей ей, не виноватъ, ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣ-

ваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что́ дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андр. Ну, благословляй!

(Хлестаковъ подходитъ съ Марьей Антоновной.)

Гор. Да благословитъ васъ Богъ, а я не виноватъ. (*Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной. Городничій смотритъ на нихъ.*) Что́ за чортъ, въ самомъ дѣлѣ! (*Протираетъ глаза.*) Да, да, цѣлуются, точно цѣлуются! Какъ-будто бы точно женихъ! Эхе! Какое счастье привалило! Вотъ тебѣ на!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Ос. Ло́шади готовы.

Хлест. А, хорошо... я сейчасъ.

Гор. Изволите ѣхать?

Хлест. Да, ѣду.

Гор. А когда же, то-есть... Вы изволили сами намекнуть на-счетъ, кажется, сва́дьбы?

Хлест. А это у меня вдругъ, я ѣду только на одинъ день къ дядѣ — богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

Гор. Не смѣемъ никакъ удерживать въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлест. Какъ же, какъ же, я вдругъ! Прощайте, любовь моя... нѣтъ, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! (*Цѣлуетъ ея руку*.)

Гор. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлест. О, нѣтъ, къ чему это? (*Немного подумавъ.*) А впрочемъ, пожалуй.

Гор. Сколько угодно вамъ?

Хлест. Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то есть не двѣсти, а четыреста, — я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — такъ пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Гор. Сейчасъ! (*Вынимаетъ изъ бумажника.*) Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлест. А, да! (*Беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи.*) Это хорошо! Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Гор. Такъ точно-съ.

Хлест. Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепріимство; мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!

ЗА СЦЕНОЙ.

Голосъ Хлест. Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

Голосъ гор. Какъ же это вы? Прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлест. Да, я привыкъ ужь такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ гор. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлест. Нѣтъ, зачѣмъ? Это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ гор. Эй, Авдотья! Ступай въ кладовýю, вынь коверъ самый лучшій, чтó по голубому полю, персидскій, скорѣй!

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ гор. Такъ когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлест. Завтра или послѣ-завтра.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? Давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны! Сюда! Еще! Хорошо! Славно будетъ! (*Бьетъ рукою по ковру.*) Теперь садитесь, ваше благородіе.

Голосъ Хлест. Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ гор. Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса. Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хест. Прощайте, маменька!

Голосъ ямщика. Эй, вы, залётныя! (*Колокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Гор. Что́, Анна Андреевна? а? думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось — просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ, фу ты, канальство, съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андр. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ дико́винку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видалъ порядочныхъ людей.

Гор. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожь, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобой теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна! высокаго полёта, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы

и доносы! Эй, кто тамъ? (*Входитъ квартальный.*) А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, канальевъ! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ, постойте-жь, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня и вотъ этихъ больше всего писакъ, да, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобы знали, что, вотъ-дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою — не то́, чтобы за какого-нибудь простаго человѣка, а за такого, что́ и на свѣтѣ еще не было, что́ можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали! Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужь когда торжество, такъ торжество. (*Квартальный уходитъ.*) Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить: здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андр. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться?

Гор. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что́, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андр. Натурально, что́ за городничество!

Гор. Вѣдь оно, ка́къ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за-панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ; такъ поэтому

можетъ такое производство сдѣлать, что со вре-
менемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты дума-
ешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ гене-
ралы?

Анна Андр. Еще бы! Конечно, можно.

Гор. А, чортъ возьми, славно быть генера-
ломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А
какую кавалерію лучше, Анна Андреевна крас-
ную или голубую?

Анна Андр. Ужь, конечно, голубую лучше

Гор. Э? Вишь чего захотѣла! Хорошо и
красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ?
Потому что́, случится, поѣдешь куда-нибудь —
фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впе-
редъ лошадей! И тамъ на станціяхъ никому н
дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, ка-
питаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не ду-
ешь! Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора,
тамъ—стой городничій! Хе, хе, хе! (*Заливаетс
и помираетъ со смѣху.*) Вотъ что́, канальств
заманчиво!

Анна Андр. Тебѣ все такое грубое нра-
вится. Ты долженъ помнить, что жизнь надо бу-
детъ совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые бу-
дутъ не то, что́ какой-нибудь судья-собачникъ
съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, ил
Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ с
самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и вс
свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: т
иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хоро-
шемъ обществѣ никогда не услышишь.

Гор. Что́-жь, вѣдь слово не вредитъ!

Анна Андр. Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ, вѣдь, жизнь совершенно другая.

Гор. Да! Тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что́ только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андр. Ему бы все только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войдти, и надо бы только этакъ зажмурить глаза. (*Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ.*) Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и купцы.

Гор. А! Здорово, соколики!

Купцы, *кланяясь.* Здравія желаемъ, батюшка!

Гор. Что́, голубчики, какъ поживаете? Какъ товаръ идетъ вашъ? Что́, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе, жаловаться? Что́, много взяли? »Вотъ«, думаютъ, »такъ въ тюрьму его и засадятъ!..« Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андр. Ахъ, Боже мой! Какія ты, Антоша, слова произносишь!

Гор., *съ неудовольствіемъ.* А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на

новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевнѣ.*) Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою и Люлюковъ.

Кор. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ея ручкѣ.*)

Жена Коробкина. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастьемъ.

Люл. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства.*) Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить. (*Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала въ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: „Анна Андреевна!“ потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: „Марья Антоновна!“ Бобчинскій и Добчинскій проталкиваются.

Бобч. Имѣю честь поздравить!

Добч. Антонъ Антоновичъ! Имѣю честь поздравить.

Бобч. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добч. Анна Андреевна!

Бобч. Анна Андреевна! (*Оба подходятъ въ одно время и сталкиваются лбами.*)

Добч. Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручкѣ.*) Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастьѣ, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобч., *перебивая.* Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ энтакого маленькаго, энтакого-съ! (*показываетъ рукою*) чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Еще нѣсколько гостей подходятъ къ ручкамъ и Лука Лукичъ съ женою.

Лука Лук. Имѣю честь...

Жена Луки Лук. *бѣжитъ впередъ.* Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (*Цѣлуются.*) А я такъ право обрадовалась! Говорятъ мнѣ: »Анна Андреевна выдаетъ дочку.« — »Ахъ, Боже мой!« думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: »Послушай, Луканчикъ: вотъ такое счастье Аннѣ Андреевнѣ!« »Ну«, думаю себѣ »слава Богу!« и говорю ему: »Я такъ восхищена, что сгараю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Ан-

древнѣ... Ахъ, Боже мой!« думаю себѣ: »Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла,« и такъ право обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю! Ужь Лука Лукичъ говоритъ: »Отчего ты, Настенька, рыдаешь?« — »Луканчикъ«, говорю, »я и сама не знаю, слёзы такъ вотъ рѣкой и льются«.

Гор. Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ! (*Гости садятся.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частн. пр. Имѣю честь поздравить васъ ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта!

Гор. Спасибо, спасибо! Прошу садиться господа! (*Гости усаживаются.*)

Амм. Ѳед. Но скажите пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось постепенный ходъ всего дѣла.

Гор. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андр. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ: »Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ.« И такой

прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! »Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна? Мнѣ жизнь— копѣйка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества.«

Марья Ант. Ахъ, маменька! Вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андр. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! »Я, Анна Андреевна, изумляюсь.« Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... и когда я хотѣла сказать: »Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь,« онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: »Анна Андреевна! не сдѣлайте несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не тó, я смертью окончу жизнь свою.«

Марья Ант. Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андр. Да, конечно... и о тебѣ было; я ничего этого не отвергаю.

Гор. И такъ даже напугалъ: говоритъ, что застрѣлится. »Застрѣлюсь, застрѣлюсь!« говоритъ.

Многіе изъ гостей. Скажите пожалуйста!

Амм. Ѳед. Экая штука!

Лука Лук. Вотъ подлинно судьба ужь такъ вела.

Арт. Фил. Не судьба, батюшка; судьба — индѣйка; заслуги привели къ тому. (*Въ сторону*.) Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье!

Амм. Ѳед. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька́, котораго торговали.

Гор. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ!

Амм. Ѳед. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастью, вы не можете себѣ представить!

Коробкинъ. Гдѣ-жь теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ-то.

Гор. Да онъ отправился на одинъ день по весьма важному дѣлу.

Анна Андр. Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословеніе.

Гор. Испросить благословеніе; но завтра же... (*Чихаетъ; поздравленія сливаются въ одинъ гулъ*) много благодаренъ! но завтра же и назадъ... (*Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса:*)

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добч. Продли Богъ на сорокъ-сороковъ!

Арт. Фил. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина. Чортъ тебя побери!

Гор. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того же желаю.

Анна Андр. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій уже слишкомъ!.. признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Гор. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лук. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно; а отъ Бога все возможно.

Амм. Ѳед. Большому кораблю — большое плаванье.

Арт. Фил. По заслугамъ и честь.

Амм. Ѳед., *въ сторону.* Вотъ выкинетъ штуку когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужь кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Нѣтъ, до этого еще далёка пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Арт. Фил., *въ сторону.* Эка, чортъ возьми, ужь и въ генералы лѣзетъ. Чего добраго, можетъ и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно! (*Обращаясь къ нему.*) Тогда Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте!

Амм. Ѳед. И если что́ случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства; такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ!

Гор. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андр. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой ста́ти себя обременять этакими обѣщаніями!

Гор. Почему-жь, душа моя? Иногда можно!

Анна Андр. Можно, конечно, да вѣд[...] всякой же мелюзгѣ оказывать покровительст[...]

Жена Коробкина. Вы слышали, какъ [...] трактуетъ насъ?

Гостья. Да, она такова всегда была; я [...] знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ, въ попыхáхъ, съ распечатанным[ъ] письмомъ въ рукѣ.

Почт. Удивительное дѣло, господа! Чинов[...]никъ, котораго мы приняли за ревизора, был[ъ] не ревизоръ.

Всѣ. Какъ, не ревизоръ!

Почт. Совсѣмъ не ревизоръ,—я узналъ это изъ письма.

Гор. Чтó вы, чтó вы, изъ какого письма?

Почт. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ — вижу: »въ Почтамтскую улицу.« Я такъ и обомлѣлъ. »Ну«, думаю себѣ, »вѣрно нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство.« Взялъ, да и распечаталъ.

Гор. Какъ же вы?..

Почт. Самъ не знаю; неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобъ отправить его съ эстафетой, — но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу; тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ

ухѣ такъ вотъ и слышу: »Эй, не распечатывай, пропадешь, какъ ку́рица!« а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: »Распечатай, распечатай, распечатай!« И какъ придавилъ сургу́чъ — по жиламъ огонь, а распечаталъ — морозъ, ей Богу морозъ. И руки дрожатъ и все помутилось.

Гор. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почт. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Гор. Что́-жь онъ по-вашему такое?

Почт. Ни сё, ни то; чортъ знаетъ, что́ такое!

Гор., *запальчиво.* Какъ ни сё, ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почт, Кто? Вы?

Гор. Да, я!

Почт. Коротки руки!

Гор. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу!

Почт. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! Что́ Сибирь, — далеко Сибирь! Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа, позвольте прочитать письмо!

Всѣ. Читайте, читайте!

Почт. *читаетъ.* »Спѣшу увѣдомить тебя, Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму, какъ вдругъ, по моей петербургской физіогноміи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу

у городничаго, жуирую, волочусь на-пропалую за его женой и дочкой; не рѣшаюсь только, съ которой начать; — думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на шерамыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на-счетъ доходовъ англійскаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ! Всѣ мнѣ даютъ въ займы, сколько угодно. Оригиналы страшные; отъ смѣху ты бы у́меръ! Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій—глупъ, какъ сивый ме́ринъ...«

Гор. Не можетъ быть!.. Тамъ нѣтъ этого!

Почт. *показываетъ письмо.* Читайте са́ми.

Гор. *читаетъ.* »Какъ сивый меринъ.« Не можетъ быть, вы это сами написали!

Почт. Какъ же бы я сталъ писать?

Арт. Фил. Читайте!

Лука Лук. Читайте!

Почт. *продолжая читать.* »Городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...«

Гор. О, чортъ возьми! Нужно еще повторять! Какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почт., *продолжая читать.* Хм... хм... хм... »сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ...« (*Оставляя читать.*) Ну тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Гор. Нѣтъ, читайте!

Почт. Да къ чему-жь?..

Гор. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужь читать, такъ читать! Читайте все!

Арт. Фил. Позвольте, я прочитаю. (*Надѣваетъ очки и читаетъ*:) »Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно-быть, также подлецъ, пьетъ го́рькую.«

Почт. *къ зрителямъ.* Ну, скверный мальчи́шка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Арт. Фил., *продолжая читать.* »Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... и... и...« (*заикается*).

Коробкинъ. А что́-жь вы остановились?

Арт. Фил. Да нечеткое перо... Впрочемъ видно, что негодяй.

Кор. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (*Беретъ письмо.*)

Арт. Фил. *не даетъ письма.* Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Кор. Да позвольте, ужь я знаю.

Арт. Фил. Прочитать я и самъ прочитаю. Далѣе, право, все разборчиво.

Почт. Нѣтъ, все читайте! Вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! (*Коробкину.*) Читайте!

Арт. Фил. Сейчасъ. (*Отдаетъ письмо.*) Вотъ позвольте... (*закрываетъ пальцемъ*) вотъ отсюда читайте. (*Всѣ приступаютъ къ нему.*)

Почт. Читайте, читайте! Вздоръ, все читайте!

Кор., *читая.* »Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ Земляника — совершенная свинья въ ермолкѣ.«

Арт. Фил. *къ зрителямъ.* И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! Гдѣ-жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Кор. *продолжаетъ читать.* »Смотритель училищъ протухнулъ на-сквозь лукомъ.«

Лука Лук. *къ зрителямъ.* Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку!

Амм. Ѳед. (*въ сторону.*) Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Кор. (*читаетъ.*) »Судья...«

Амм. Ѳед. Вотъ тебѣ на!.. (*Вслухъ.*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ, дрянь этакую читать!

Лука Лук. Нѣтъ!

Почт. Нѣтъ, читайте!

Арт. Фил. Нѣтъ, ужь читайте!

Кор. (*продолжаетъ.*) »Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ...« (*Останавливается.*) Должно быть французское слово.

Амм. Ѳед. А чортъ его знаетъ, что̀ оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ-быть того еще хуже.

Кор. (*продолжая читать.*) »А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить; хочешь наконецъ пищи для души. Вижу, точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкалитовку. (*Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ.*) Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ

Санктъ-Петербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ нумеромъ девяносто-седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо.«

Одна изъ дамъ. Какой репримандъ неожиданный!

Гор. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машетъ рукою.*)

Почт. Куда воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угора́здилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужь точно, вотъ ужь безпримѣрная конфузія!

Амм. Ѳед. Однакожь, чортъ возьми, господа! Онъ у меня взялъ триста рублей въ займы.

Арт. Фил. У меня тоже триста рублей.

Почт. (*вздыхаетъ.*) Охъ и у меня триста рублей.

Бобч. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Амм. Ѳед. (*въ недоумѣніи разставляетъ руки.*) Какъ же это, господа? Какъ это въ самомъ дѣлѣ мы такъ оплоша́ли?

Гор. (*бьетъ себя по плечу.*) Какъ я—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ, выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошениковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что́ весь свѣтъ готовы обокрасть, поддѣвалъ на у́ду; трехъ гу-

бернаторовъ обманулъ!.. что губернаторовъ! (*махнувъ рукой*) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андр. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой!..

Гор. (*въ сердцахъ*). Обручился! Ку́кишъ (»фига«) съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. (*Въ изступленіи.*) Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозитъ самому себѣ кулакомъ.*) Эхъ ты толстоносый! Сосу́льку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію! Мало того, что пойдешь въ посмѣшище, — найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладо́ши. Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!.. Эхъ вы!.. (*Стучитъ со злости ногами объ полъ.*) Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! Чортово сѣмя! Узло́мъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку, въ шапку туда ему!.. (*Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ. Послѣ нѣкотораго молчанія:*) До сихъ поръ не могу придти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было

похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Арт. Фил., *разставивъ руки.* Ужь какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Амм. Ѳед. Да кто выпустилъ, — вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (*Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго.*)

Бобч. Ей-ей, не я! И не думалъ...

Добч. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Арт. Фил. Конечно вы!

Лука Лук. Разумѣется. Прибѣжали какъ съумасшедшіе изъ трактира: »Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не платитъ...« Нашли важную птицу!

Гор. Натурально, вы! Сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Арт. Фил. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Гор. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещётки проклятыя, сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Амм. Ѳед. Пачкуны проклятые!

Лука Лук. Колпаки!

Арт. Фил. Сморчки короткобрюхіе! (*Всѣ обступаютъ ихъ.*)

Бобч. Ей Богу, это не я; это Петръ Ивановичъ.

Добч. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ: вы вѣдь первые того...

Бобч. А вотъ и нѣтъ: первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

Жанд. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостинницѣ.

(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи.)

Нѣмая сцена.

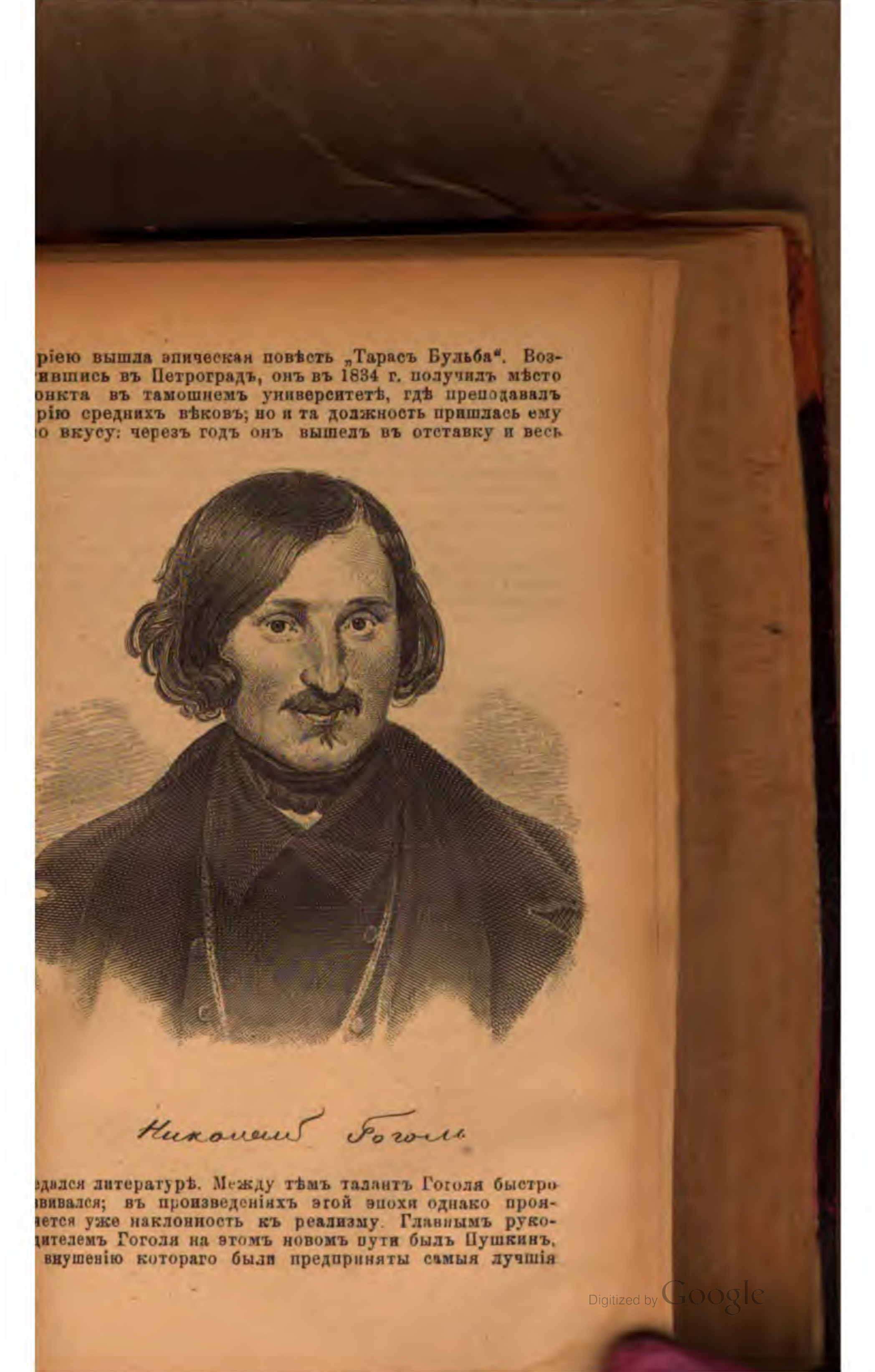
Городничій по серединѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и закинутою головою. По правую сторону его жена и дочь, съ устремившимся къ нему движеніемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гостьи, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго Земляника, наклонившій голову нѣсколько на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движеніе гу-

ами, какъ бы хотѣлъ посвистать или произесть: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ 'а нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ ъ прищуреннымъ глазомъ и ѣдкимъ намекомъ на ородничаго; за нимъ, у самаго края сцены, Іобчинскій и Бобчинскій съ устремившимся ірутъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ітами и выпученными другъ на друга глазами. Ірочіе гости остаются просто столбами. Іочти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсъ опускается.

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій,

другой при Пушкинѣ корифей русской литературы 19 столѣтія, родился въ 1809 г. въ Малороссіи, Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, въ деревнѣ Васильевкѣ близъ мѣстечка Сорочинецъ. Онъ происходилъ изъ помѣщичьяго семейства, отдѣленнаго только двумя поколѣніями отъ славной эпохи казацкихъ войнъ. Вліянія дѣтства были благопріятны для развитія мальчика: отъ стариковъ, особенно отъ дѣда, состоявшаго полковымъ писаремъ при запорожскомъ войскѣ, онъ слыхалъ свѣжія преданія старины, легенды и народныя украинскія пѣсни о казацкихъ подвигахъ, заунывныя, веселыя и проникнутыя юморомъ. Отецъ Николая Васильевича былъ человѣкъ умный, бывалый, веселый, любилъ литературу и устраивалъ въ своей усадьбѣ театральныя представленія, на которыхъ давались малорусскія комедіи Котляревскаго и другія пьески. На двѣнадцатомъ году Николая Васильевича отдали пансіонеромъ въ Нѣжинскій лицей, гдѣ онъ мало занимался лекціями и только обладая отличною памятью переходилъ въ высшій классъ. Зато онъ былъ первымъ шалуномъ и скоро пріобрѣлъ расположеніе товарищей. Дѣятельность его въ гимназіи пробудилась въ разнообразныхъ стремленіяхъ: то онъ издаетъ рукописный журналъ, то занимается музыкой и искуствомъ рисованія, то устраиваетъ сценическія представленія, покупаетъ книги, изучаетъ языки и литературу. Окончивъ курсъ наукъ въ 1828 году, Гоголь уѣхалъ въ Петроградъ. Черезъ два года онъ поступилъ на службу въ „министерство удѣловъ", но не пробылъ здѣсь и года; пробовалъ поступить въ театръ, но безуспѣшно. Бросаясь на всѣ стороны и вездѣ встрѣчая разочарованіе, Гоголь не оставлялъ литературы, писалъ и помѣщалъ въ журналахъ разныя повѣсти и серьезныя статьи. Эти труды обратили на него вниманіе литературнаго міра; онъ познакомился съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, Плетневымъ, Погодинымъ и, благодаря ихъ ходатайство получилъ мѣсто старшаго учителя словесности въ „Патріотическомъ институтѣ". Но онъ оказался столько-же неспособнымъ къ педагогическому поприщу, сколько и къ государственной службѣ и оставилъ учительство, пристращаясь все болѣе и болѣе къ изящной литературѣ. Въ 1831 г. появился первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканки"; изданіе это имѣло громадный успѣхъ, сразу выдвинуло Гоголя впередъ въ литературномъ кругу и обезпечило его матерьяльное положеніе. Лѣто 1832 г. онъ провелъ на родинѣ и задумалъ писать многотомную исторію Малороссіи, но изъ занятій

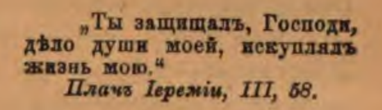
ріею вышла эпическая повѣсть „Тарасъ Бульба". Воз-
ившись въ Петроградъ, онъ въ 1834 г. получилъ мѣсто
онкта въ тамошнемъ университетѣ, гдѣ преподавалъ
рію среднихъ вѣковъ; но и та должность пришлась ему
о вкусу: черезъ годъ онъ вышелъ въ отставку и весь

едался литературѣ. Между тѣмъ талантъ Гоголя быстро
звивался; въ произведеніяхъ этой эпохи однако проя-
ется уже наклонность къ реализму. Главнымъ руко-
дителемъ Гоголя на этомъ новомъ пути былъ Пушкинъ,
внушенію котораго были предприняты самыя лучшія

произведенія Гоголя — „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“. Знаменитая комедія „Ревизоръ изъ Петербурга“ появился на сценѣ въ 1836 г. и возбудила противъ автора всеобщее ожесточеніе. Если бы не императоръ Николай Павловичъ, который отъ души хохоталъ на представленіи „Ревизора“, Гоголя просто бы уничтожили задѣтые имъ люди. Подъ гнетомъ такихъ впечатлѣній геніальный писатель уѣхалъ за границу и съ этой поры начинается его скитаніе по Евзопѣ, причемъ онъ изрѣдка пріѣздилъ въ Россію и жилъ головнымъ образомъ въ Римѣ. Въ 1818 году онъ совершилъ странствованіе въ Іерусалимъ и возвратясь оттуда, болѣе уже не ѣздилъ за границу. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Москвѣ, борясь съ недугами своей наболѣвшей души и скончался 21 февраля 1852 г., 43 лѣтъ отъ роду.

Сочиненія Н. В. Гоголя можно расположить въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: 1) Юношескіе опыты; 2) „Вечера на хуторѣ близъ Диканки“ (лучшими повѣстями считаются здѣсь „Майская ночь“ и „Ночь передъ Рождествомъ“); 3) „Миргородъ“, содержащій въ себѣ въ первой части повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Тарасъ Бульба“, во второй же части „Вій“ и „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“; 4) „Арабески“ — изъ повѣстей заслуживаютъ здѣсь серьезнаго вниманія „Портретъ“, „Шинель“. Коляска“, „Римъ“ и „Записки съумасшедшаго“; 5) комедія „Ревизоръ“; 6) комедія „Женитьба“; 7) рядъ мелкихъ драматическихъ пьесъ; 8) „Мертвыя души“ (I томъ); 9) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями и 10) „Авторская исповѣдь“. Многія изъ произведеній Н. В. Гоголя извѣстны и галицко-русской публикѣ, ибо были напечатаны въ изданіяхъ „Русской Библіотеки“ и ея предшественницы, „Библіотеки русскихъ писателей.“

„Ты защищалъ, Господи, дѣло души моей, искуплялъ жизнь мою.“
Плачъ Іереміи, III, 58.

Часть первая.

I.

Митава.

По волѣ госуда́ря, князь Никита Өедоровичъ Волконскій былъ записанъ въ Преображенскій полкъ и отправлёнъ, въ числѣ други́хъ молодыхъ людей, за-границу для обученія разнымъ наукамъ и иску́сствамъ. Онъ безостано́вочно ѣхалъ моремъ отъ Петербурга до Риги, откуда долженъ былъ продолжать путешествіе на лошадяхъ, направляясь въ Курляндію, на Митаву.

Два года тому назадъ сдавшаяся русскому оружію, Рига вошла уже въ составъ Россійской имперіи, и согласно данному царемъ приказанію — ни минуты не останавливаться въ предѣлахъ

Россіи. Никита Ѳедоровичъ не могъ мѣшк
въ этомъ городѣ.

Только въ Митавѣ могъ онъ отдох
Онъ остановился здѣсь у товарища своего
ства, Черемзина, занимавшаго, по своему
дворному положенію, небольшу́ю квартиру
са́момъ за́мкѣ Кетлеровъ, служившемъ резиде
герцогини Курляндской.

Черемзинъ, разбитно́й[2]) молодой чело
побывавшій за-границей, въ Парижѣ, живо
талъ въ себя верхи европейской образовані
и покрылся лакомъ внѣшняго приличія, соз
наго щепети́льнымъ[3]) этикетомъ блестящаго д
Людовика XIV.

Это было все, что́ онъ вынесъ изъ за
пичнаго своего пребыванія, хотя и привез
собою оттуда нѣсколько ящиковъ книгъ, кра
переплетённыхъ, но не прочитанныхъ.

На другой же день своего пріѣзда въ Ми
Волконскій побывалъ у русскаго резидента
Курляндіи, Бесту́жева, управлявшаго силою
Петра всѣмъ герцогствомъ, согласно волѣ св
госуда́ря.

Бестужевъ, къ которому у князя Ни
было рекомендательное письмо изъ Петербу
принялъ его ласково, звалъ обѣдать къ с
разспросилъ о петербургскихъ знако́мыхъ, о
суда́рѣ, о дворѣ и тутъ же представилъ до
своей Аграфенѣ Петровнѣ.

Въ гости́ной[4]) Бестужева пахло каким
о́чень сильными, должно-быть восточными, ку

---

[1]) медлить, задерживаться; [2]) ловкій, поворо́тли
[3]) педантскимъ; [4]) салонѣ.

ями, стояла золотая мебель, обитая голубымъ
штофомъ, и блестѣлъ какъ зеркало вылощенный,
натёртый воскомъ паркетъ. Князь Никита видалъ
роскошь, видалъ богатые дома въ Петербургѣ,
недавно выросшемъ на болотахъ, и въ Москвѣ,
но тамъ было все это далеко не то, что здѣсь;
не было этой блестящей чистоты, отдѣланности,
законченности и вмѣстѣ съ тѣмъ кажущейся простоты.

Молодая хозяйка дома тоже казалась вовсе не похожею на тѣхъ вѣчно робѣвшихъ и боявшихся взглянуть, не только говорить, молодыхъ дѣвушекъ, полныхъ и румяныхъ, которыхъ Никита Ѳедоровичъ видалъ до сихъ поръ. Бестужева не только не робѣла передъ нимъ, но, напротивъ, онъ чувствовалъ, что самъ съ каждымъ словомъ все больше и больше робѣетъ передъ нею и не смѣетъ поднять своихъ глазъ, глупо уставившихся на маленькую, плотно обтянутую чулкомъ[1]), точёную ея ножку, которая смѣло выглянула изъ-подъ ея ловко сшитаго шёлковаго платья.

Волконскій не зналъ, какъ и во-время-ли онъ всталъ, поклонился и вышелъ осторожно, чтобъ не поскользнуться, ступая по паркету.

Выходя, онъ рѣшилъ, что больше не поѣдетъ къ Бестужеву.

— Ты понимаешь, — говорилъ онъ въ тотъ же вечеръ Черемзину, — мнѣ что здѣсь у васъ не нравится, это воли нѣтъ, простора, всё тутъ сжато. Вотъ и дома. Они, пожалуй, и больше

---

[1]) пончохою.

нашихъ московскихъ, а все-таки какъ-то давятъ; не хоро́мы они... Такъ и все. Дворецъ вотъ...

— За́мокъ, — поправилъ Черемзинъ.

— Ну, за̀мокъ, что-ли... Ты посмотри: око́шечки у́зенькія, стѣны толстыя, рвы, валы кругóмъ... Да и люди тоже, скажу тебѣ, — заговорилъ онъ опять, — тоже всѣ въ себя сжались, точно весь міръ они только и есть, точно все существо жизни они притянули къ себѣ, да и сдави́ли его; развѣ такъ, безъ воли, проживешь?

— Это ты, должно-быть, съ дороги усталъ, мой милый,—разсуждалъ Черемзинъ,—а впрочемъ если желаешь простора, выйди погулять за городъ: тамъ, братъ, такой ужь просторъ, пре́лесть...

— Что́-жь, и пойду, — согласился Волконскій, — а то здѣсь просто душно... Ты не пойдешь? — спросилъ онъ уже со шля́пой[1]) и тростью въ рукахъ.

Черемзинъ зѣвнулъ, закинувъ руки за голову, и отрицательно покачалъ головой.

— Ну, такъ я одинъ пойду.

— Смотри не опоздай вернуться! Послѣ зака́та[2]) въ за́мкѣ поднимутъ мостъ, — крикнулъ Черемзинъ ему вслѣдъ.

Выйдя́ изъ за́мка, Волконскій направился прямо въ поле по первой попавшейся дорогѣ.

Вечеръ былъ тихъ и прекрасенъ. Съ луговъ вѣяло за́пахомъ скошеннаго сѣна и дыша́лось легко́. Солнце садилось, окрашивая небосклонъ нѣжными красками то о́гненнаго, то желтовато-блѣднаго зака́та. Волконскій, испытывая осо́бен-

---

[1]) капелюхомъ; [2]) запада солнца.

ное наслажденіе поразмяться[1]) послѣ сидѣнья въ неудобномъ экипажѣ, шёлъ объятый прелестью этого лѣтняго вечера.

Черезъ нѣсколько времени онъ остановился, чтобы перевести́ духъ. Сзади открылся ему видъ на плоскую, окружённую зе́ленью Митаву, съ ея длинными шпицами лютеранскихъ церквей и силуэтомъ темнаго за́мка. Черепи́чныя кровли домовъ, окружённыя темнозелеными ку́щами[2]) деревъ, румя́нились косыми лучами зака́та, отражавшагося съ этой стороны въ изги́бахъ рѣки, прозрачной и свѣтлой.

Тамъ, вдалекѣ, у конца разстилавшейся отъ ногъ Никиты Ѳедоровича прямой, съу́живавшейся къ городу дороги, скака́ло нѣсколько ло́шадей. Впереди́ други́хъ Никита Ѳедоровичъ разглядѣлъ амазонку, которая подгоняла хлысто́мъ[3]) свою и безъ того скакавшую широкимъ галопомъ большу́ю, сѣрую ло́шадь. Остальны́е, видимо, едва могли слѣдовать за нею. На амазонкѣ было темнозелёное широкое платье, съ бархатною красною наки́дкой, красиво развѣвавшеюся на ходу́ ло́шади.

Она быстро приближалась по дорогѣ, поднимая отягощенную вечернею сыростью пыль. Еще нѣсколько секундъ, и Никита Ѳедоровичъ узналъ въ ней Бестужеву.

Онъ узналъ её, хотя теперь она была совсѣмъ друго́ю, чѣмъ тамъ, у себя дома. Она сдержала уже свою ло́шадь и вполоборота разгова́ривала съ нагнавшимъ её русскимъ драгунскимъ

---

[1]) пройтись; [2]) шатрами; [3]) батожкомъ, Reitpeitsche.

офицеромъ. Офице́ръ, поднявшись на стременахъ и почтительно склонясь впередъ, слушалъ её, какъ бы гордясь своею собесѣдницей.

Волконскій никогда еще не видалъ такой дѣвушки. Тутъ не красота, не стройность, не густы́я брови и быстрые большіе глаза притягивали къ ней, — нѣтъ, она вся дыша́ла какою-то осо́бенною, только ей свойственною, чарующею прелестью. Она легко́ и свобо́дно сидѣла въ сѣдлѣ, видимо увѣренная не только въ каждомъ своемъ движеніи, но и въ томъ, что каждое это движеніе хоро́шо и красиво, потому что въ ней все было хорошо. Никита Өедоровичъ смотрѣлъ на неё, забывъ то смущеніе, которое испытывалъ при первомъ знако́мствѣ, — забывъ, потому что теперь передъ нимъ была не Бестужева, не дочь важнаго сановника могучаго Петра, но чистое, не здѣшнее, неземное существо, на которое могъ радоваться всякій живущій. А она, не замѣтивъ даже Волконскаго, ударила ло́шадь и промчалась быстрѣе прежняго.

Онъ пошелъ обратно въ го́родъ больши́ми шагами. Онъ не могъ, конечно, знать, какое у него́ было въ это время блаженное, радостное лицо, съ блестѣвшими глазами и счастливою улыбкою; но онъ, радуясь, чувствовалъ во всей груди какой-то необъяснимый трепетъ и неудержимую у́даль. Теперь всё казалось уже прекраснымъ... Холодные, мрачные своды за́мка — и тѣ получили нѣкоторую привлекательность, и Никита Өедоровичъ удивлялся лишь, какъ прежде онъ не замѣчалъ, что все въ Митавѣ такъ хорошо и пріятно.

Отъѣздъ его былъ отложенъ на неопредѣлённое время. Это случилось впрочемъ какъ-то само собою. Онъ просто не приказывалъ своему старику Лаврентію укладывать вещей, а Лаврентій не напоминалъ. Черемзину тоже не приходило въ голову сдѣлать своему гостю такое напоминаніе, и Волконскій оставался въ Митавѣ, забывъ, что долженъ отправиться дальше по приказу грознаго и не любившаго ослушанія[1]) государя.

Волконскій пріѣхалъ въ Митаву въ смѣшнóмъ, грубомъ нарядѣ, неповорóтливый, застѣнчивый и можетъ-быть даже неуклюжій; но все это быстро, какъ лишняя кора, упало съ него, благодаря вліянію обстановки, въ которой очутился князь Никита и которая, вúдимо, вóвсе нé была чýжда его природѣ, врождéннымъ чутьёмъ отгадавшей, чтó именно было нужно.

Привезённый изъ Петербурга княземъ Никитою парадный кафтанъ изъ серебрянаго глазета[2]), расшитый руками крѣпостныхъ золотошвеекъ по картѣ золотою канителью[3]), битью[4]) и блестками[5]), оказался не только скроéннымъ не по модѣ, но и сидѣлъ настолько неуклюже, что его пришлось замѣнить нóвымъ, хотя и болѣе простымъ, но за то болѣе ловкимъ и красивымъ. Затѣмъ явилась бездна мелочей, незамѣтно привившихся къ внѣшней жизни Волконскаго. Черемзинъ, находя все это совершенно естéственнымъ, не замѣчалъ этой перемѣны въ князѣ, такъ же какъ и онъ самъ.

[1]) неповиновенія; [2]) парчи; [3]) нитью; [4]) плиточками; [5]) бляшками.

Изъ русскихъ книгъ, прочитанныхъ прежде Волконскимъ, онъ зналъ, что французы »зѣло храбры, но невѣрны и въ обѣтѣхъ своихъ не крѣпки, а пьютъ много«; »королевства англиканскаго нѣмцы купеческіе доктуроваты, а пьютъ много«. Дальше этого свѣдѣнія русскихъ книгъ не распространялись. Черемзинъ разсказалъ князю Никитѣ подробно и о французахъ, и о другихъ нарóдахъ, которыхъ видѣлъ... О томъ, чего не видѣлъ Черемзинъ, князь Никита узнавалъ изъ его книгъ, изъ которыхъ окáзывалось, что свѣтъ вóвсе не такъ необыкновененъ, какъ описывалось въ русскихъ сочиненіяхъ, говорившихъ »о людяхъ, кои живутъ въ индѣйской землѣ сáми мохнаты, безъ обѣихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахучаго, не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покáмѣстъ у нихъ тѣ запахи есть, по то мѣсто и живутъ...«

— Знаешь чтó, — говорилъ Волконскій Черемзину, отрываясь отъ нѣмецкой книги, — все-таки мнѣ прежняго жаль.

— Чего прежняго? — удивился Черемзинъ.

— Да вотъ того, чтó описывается въ нашихъ книгахъ... Тамъ есть такіе разсказы, напримѣръ, о царствѣ дѣвичьемъ...

— Вотъ вздоръ! — усмѣхнулся Черемзинъ.

— Можетъ-быть, конечно, вздоръ. Я вотъ изъ одной этой »Космографіи«, — Волконскій кивнулъ на книгу, — понимаю, что все это вздоръ; это-то мнѣ и жаль... Неужели все на свѣтѣ такъ же вотъ просто, какъ мы съ тобою?

— Во-первыхъ, мы съ тобою вóвсе не такъ просты, — отвѣчалъ Черемзинъ, хотя и немного

читавшій, но способный тѣмъ не менѣе поддéрживать всякій разговоръ; — кто тебѣ это сказалъ? А во-вторыхъ, есть на свѣтѣ довольно чудеснаго и безъ дѣвичьяго царства.

Волконскій задумался.

— Вотъ, — началъ Черемзинъ, — послѣзавтра у Бестужевыхъ бýдетъ нѣмецъ...

— Какой нѣмецъ? — спросилъ Волконскій, чувствуя, что при имени Бестужевыхъ краска бросáется ему въ лицо.

— Кудéсникъ[1])-нѣмецъ, до нѣкоторой степени осóбенный. Судя по разсказамъ, я одинъ разъ во Франціи встрѣтилъ подобнаго человѣка. Они попадаются. Если тебя интересуетъ, пойдемъ вмѣстѣ. Нѣмецъ здѣсь проѣздомъ. Да отчегó ты не бываешь у Бестужевыхъ? Тамъ разъ какъ-то спрáшивали даже о тебѣ,—добавилъ Черемзинъ.

— Кто спрашивалъ? — не вытерпѣлъ Волконскій, тутъ же досáдуя на себя за это, потомý что еще минута, и его волненіе могло быть замѣтно Черемзину. Но тотъ совершенно равнодушно отвѣтилъ:

— Прáво, не пóмню, кто именно; знаю, что говорили...

На этомъ разговоръ прекратился, но Волконскій такъ и заволновался весь. Онъ жилъ все это время, полный своими мечтáми, въ какомъ-то востóрженномъ состояніи. Когда, однако, Черемзинъ такими простыми словами и такимъ равнодушнымъ голосомъ сказалъ, что онъ, Волконскій, можетъ пойти къ Бестужевымъ, Никита

---

[1]) чародѣй, ворожбитъ.

Өедоровичъ почу́вствовалъ вдругъ безотчётную боязнь за свое чу́вство, какъ будто бы оттого́, что онъ пойдетъ туда, можетъ случиться или что-нибудь ужасное, или... Никита Өедоровичъ не зналъ, что́ слѣдовало за этимъ »или«. Онъ зналъ только, что сердце его бьется и кровь приливаетъ къ виска́мъ.

Несмотря на это, теперь, послѣ разговора съ Черемзинымъ, онъ страстно, съ увеличивающимся съ каждою минутой желаніемъ, началъ ждать назна́ченнаго у Бестужевыхъ вечера.

II.

Кудесникъ.

Гости съѣзжались, когда Волконскій съ Черемзинымъ подъѣхали къ дому Бестужева. Никита Өедоровичъ по крайней мѣрѣ сто разъ уже представлялъ себѣ то, какъ онъ войдётъ, и какъ увидитъ её, и какъ вообще́ всё это будетъ. Аграфена Петровна встрѣтила его соверше́нно просто, равнодушно отвѣтивъ на его глубокій, почтительный поклонъ кивко́мъ головы, такимъ же, какимъ отвѣтила Черемзину и всѣмъ други́мъ. Но отъ этого, разумѣется, она не сдѣлалась хуже; напротивъ, она была еще лучше, чѣмъ воображалъ Никита Өедоровичъ. И этотъ ея небрежный поклонъ былъ все-таки поклономъ, обращённымъ къ нему, и потому онъ получалъ осо́бенную прелесть.

Поздоро́вавшись съ хозяевами, Волконскій сталъ огядывать гости́ную. Лучше всѣхъ была,

разумѣется, молодая хозяйка. Всѣ молодые люди, пышно разодѣтые, были вокругъ нея, оставляя въ сторонѣ прочихъ дамъ, скучно и вяло сидѣвшихъ въ золочённыхъ крéслахъ.

Старики »оберраты«, толстые и солидные, которые держали себя óчень важно, и къ которымъ то-и-дѣло[1]) подходилъ съ любезною улыбкой самъ Бестужевъ — и тѣ, казалось, радовались, глядя на его дочь, освѣщавшую все собою. Одна только молодая дама въ тёмномъ, не совсѣмъ ловко сшитомъ платьѣ, сидѣла отдѣльно на диванѣ[2]), сдвинувъ брови надъ довольно широко постáвленными глазами и сложивъ губы въ принуждённую улыбку, лѣниво обмахивалась вѣеромъ[3]), какъ бы не желая ни на чтó обращать вниманія. Эти широкó поставленные глаза, улыбка, а главное, ровный большóй, прямóй носъ и два спускавшіеся прямо на лобъ дамы завиткá[4]) непріятно поразили Волконскаго, когда онъ взглянулъ на неё. Онъ замѣтилъ, что всѣ, почтительно поклонившись, какъ-то обходили её, и только хозяинъ старался изрѣдка занять её разговоромъ, но она улыбалась ему широкою улыбкою и отвѣчала видимо только односложными словами, слегкá позѣвывая за вѣеромъ.

Средú бархатныхъ и шёлковыхъ расшитыхъ кафтановъ, осóбенно отличался своимъ чёрнымъ съ ногъ до головы одѣяніемъ пріѣзжій нѣмецъ, для котораго съѣхались сегодня къ Бестужеву и который сидѣлъ теперь у окна съ самымъ солиднымъ и толстымъ »оберратомъ«. Сначала всѣ

---

[1]) безпрерывно; [2]) канапѣ; [3]) вахляремъ; [4]) локоны.

разговáривали, будто не обращая вниманія на нѣмца, но затѣмъ мало-по-малу гостúная какъ-то сáма собою приня́ла то расположеніе, которое было необходимо. Чёрный нѣмецъ очутúлся въ серединѣ большóй дуги, образованной рядомъ крéселъ, на которыхъ помѣстились старики; молодёжь, окружавшая хозяйку, сгруппúровалась по-прежнему возлѣ нея, и всѣ незамѣтно придвúнулись; только дама въ тёмномъ платьѣ осталась по-прежнему въ отдаленіи на своемъ диванѣ. Разговоръ становился всё бóлѣе и бóлѣе отры́вочнымъ, смѣхъ дѣлался сдéржаннымъ: всѣ точно ждали и прислу́шивались, думая, что вотъ-вотъ сейчасъ начнется сáмое интересное. Но нѣмецъ, спокойно продолжая разговáривать съ »оберратомъ«, ничегó не »начиналъ« и ничего необыкновеннаго не показывалъ.

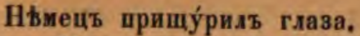
»Можетъ быть, все это вздоръ,« мелькну́ло у нѣкоторыхъ изъ гостéй.

Аграфена Петровна понялá, что нужно вызвать нѣмца на разговоръ, котораго всѣ ждали.

— Господинъ докторъ, — обратилась она къ нему́ по-нѣмецки съ откровéнною рѣшительностью, свойственною только хорóшенькимъ женщинамъ, увѣреннымъ въ томъ, что имъ всё будетъ позволено и всякое желаніе ихъ исполнено.

Чёрный докторъ склонился, почтительно слу́шая, и Бестужева прямо поставила вопросъ ребро́мъ:

— Мнѣ говорили, — нáчала она, — что вы осóбенный человѣкъ и обладаете такими удивительными знаніями, что вамъ доступны вещи сверхъестéственныя...

Нѣмецъ прищу́рилъ глаза.

— Могу васъ увѣрить, — отвѣчалъ онъ, — что на землѣ нѣтъ ничего сверхъестéственнаго... Все óчень просто и обыкновенно, если знать, и только для незнанія... таинственно.

— Ну это намъ все равно,—задорно сказала Бестужева,—мы ждёмъ отъ васъ чего-нибудь такого... удивительнаго...

И она улыбну́лась нѣмцу, смягчая этою улыбкой рѣзкость своей намѣренной откровéнности.

— Извольте, — согласился докторъ, улыбаясь въ свою óчередь. — Ровно сто лѣтъ тому назадъ...

Всѣ притихли, довольные, что »нáчалось«; одна лишь Бестужева не могла успокоиться.

— Что́ же это будетъ, докторъ, исторія?.. — спросила она.

— Ровно сто лѣтъ тому назадъ, — продолжалъ онъ не слу́шая, — въ этотъ сáмый часъ былъ окружёнъ врагами одинъ монастырь, гдѣ заперся съ небольши́мъ отря́домъ ратниковъ военноначальникъ, твердо рѣшившійся не сдаваться. Напрасно враги шли на при́ступъ, напрасно лѣзли на высокія стѣны и ломились въ ворота; всѣ усилія ихъ были напрасны. Наконецъ, нашлось двое измѣнниковъ, которые тайно впустили враговъ во внутрь монастыря; они вошли ночью и брóсились на его защитниковъ. Военноначальникъ съ горстью ратниковъ кинулся въ церковь и тамъ былъ убитъ, защищаясь до послѣдней возможности; кровь его, пролитая на церковный

полъ, такъ и осталась на камнѣ: когда ее смывали, она выступала вновь...

— Это былъ, вѣроятно, нѣмецкій монастырь? —спросилъ вдругъ самоувѣренно »оберратъ«.—Я пóмню нѣчто даже подобное въ исторіи *моегó* рода...

Всѣ находившіеся въ гостя́хъ у Бестужева нѣмцы, которыхъ было тутъ гораздо больше чѣмъ русскихъ, невольно постарались припóмнить, не случилось-ли такой исторіи и въ ихъ родѣ, которымъ каждый изъ нихъ гордился, зная чуть-ли не наизустъ всю свою родословную.

— Нѣтъ, — продолжалъ докторъ, — монастырь былъ русскій... Вамъ знакóмъ этотъ слу́чай, князь? — вдругъ обратился онъ къ Волконскому.

Никита Өедоровичъ почувствовалъ, что всѣ взгляды обращаются на него, что всѣ — и съ ними *она* тоже смотритъ на него... Разсказъ про своегó роднаго пра́дѣда, погибшаго при осадѣ Боровскаго монастыря, онъ часто слы́шалъ въ семьѣ своей еще въ дѣтствѣ, но не могъ поня́ть, откуда этотъ пріѣзжій, случайно встрѣтившійся съ нимъ нѣмецъ знаетъ и этотъ разсказъ и, наконецъ, сáмого его. Бестужева дѣйствительно вмѣстѣ съ другими глядѣла теперь на князя Никиту. Худой, высокій и стройный, онъ стоялъ опустивъ голову. До этой минуты онъ былъ для нея одинъ изъ молодыхъ людей, составлявшихъ толпу́, на которую она равнодушно всегда смотрѣла, не обращая ни на кого осóбеннаго вниманія, привы́кнувъ къ общему подчиненію себѣ. Она знала, что нѣсколько времени тому назадъ

пріѣхалъ въ Митаву какой-то князь Волконскій, что онъ былъ разъ какъ-то у нихъ, но какой онъ именно, она не по́мнила. Теперь она смотрѣла на его довольно рѣзкія, но пріятныя черты́, на его высокій, блѣдный лобъ и глубокіе глаза, и, странно, что-то осо́бенное показалось ей въ этомъ человѣкѣ, точно онъ не похожъ на остальны́хъ, точно лицо его свѣтится какъ-то осо́бенно для нея и въ его глазахъ она можетъ читать всю его душу.

— Все это о́чень хорошо́, — обратилась она къ доктору, — но я не понимаю, зачѣмъ вы разсказали эту исторію про... князя... — добавила она, не найдя другаго выраженія и показывая вѣеромъ въ сторону Волконскаго.

— Почему я разсказалъ *именно эту* исторію? — отвѣчалъ докторъ, — не знаю, но разскажи я всякую другую, вы могли бы сдѣлать мнѣ тотъ же вопросъ. А почему я вообще разсказалъ вамъ что-либо, такъ это вслѣдствіе вашей просьбы...

— Да что́ же тутъ удивительнаго? — воскликнула Бестужева съ нѣкоторой обидой, выражавшейся у ней обыкновенно въ легкомъ дрожаніи подборо́дка.

— Какъ ра́звѣ не удивительно въ самомъ дѣлѣ то, что я вотъ, сидя здѣсь, въ покойныхъ кре́слахъ, знаю, что́ случилось сто лѣтъ тому назадъ, когда ни меня, ни васъ не́ было и никто не думалъ объ насъ...

— Да, но вы могли прочесть этотъ разсказъ гдѣ-нибудь или слы́шать, т. е. сдѣлать то, что́ доступно каждому изъ насъ... — возра-

зилъ одинъ изъ »оберратовъ«, считавшійся са́мымъ умнымъ въ совѣтѣ.

— Совершенно вѣрно, — согласился докторъ, — и васъ это не удивляетъ лишь потому, что вы са́ми можете сдѣлать это...

— Ну, конечно, — нетерпѣливо перебила Бестужева,—я понимаю, если бы вы разсказали намъ бу́дущее...

— Тогда бы это васъ удивило?

—- Разумѣется, это было бы интереснѣй.

— А мнѣ кажется, что это рѣшительно все равно; почему собственно труднѣе знать будущее, чѣмъ прошедшее?

— Ахъ, Господи, какъ почему? Да прошедшее, въ осо́бенности такое, какъ вы разсказали, это каждый ребёнокъ, умѣющій читать, можетъ знать.

— А, вотъ вы сказали: »умѣющій читать«. Видите, нужно и для знанія прошедшаго поучиться чему-нибудь, значитъ это во́все не такъ просто, какъ вы думаете. Этакъ вѣдь можно точно также поучиться читать и о томъ что́ будетъ, и тогда для человѣка знающаго, согласитесь, пропадетъ всякая ра́зница въ отношеніи знанія для про́шлаго и бу́дущаго...

— Ну, а вы бу́дущее можете намъ сказать? — наста́ивала Бестужева.

Докторъ улыбаясь поднялъ плечи.

— Что́ вамъ угодно знать?... — проговорилъ онъ.

— Позвольте! Ну, вотъ, здѣсь насъ — она оглянулась — человѣкъ тридцать, я думаю... Чья судьба васъ интересуетъ больше други́хъ?

Аграфенѣ Петровнѣ главнымъ образомъ, какъ и каждому изъ прису́тствовавшихъ, хотѣлось узнать свою собственную судьбу; но она нарочно, не желая говорить о себѣ, поставила вопросъ такъ, увѣренная, что, разумѣется, са́мою интересною бу́детъ на́йдена именно ея судьба. Дочь перваго лица не только въ го́родѣ, но и во всей Курляндіи, она давно уже привыкла къ лести, которою тѣшили ея самолюбіе всѣ окружающіе, отчасти вслѣдствіе высокаго положенія ея отца, а отчасти и вслѣдствіе собственнаго ея ума́, мо́лодости и красоты.

— Наиболѣе интересная судьба, — заговорилъ докторъ, — ожидаетъ князя. — Онъ опять обернулся въ сторону Волконскаго, и всѣ снова стали смотрѣть на него.—Вамъ въ жизни предстоитъ много борьбы духовной, и побѣда останется за вами. Не отча́ивайтесь! Будьте бодры! Въ положеніи самомъ жалостливомъ, вы будете все-таки всегда выше людей васъ окружающихъ. Можетъ-быть, мы съ вами встрѣтимся еще когда-нибудь... — заключилъ докторъ серьезнымъ, мѣрнымъ голосомъ, каждый звукъ котораго отдавался въ сердцѣ Никиты Ѳедоровича.

»Такъ вонъ онъ какой—этотъ Волконскій!« думала Бестужева, взглядывая на князя Никиту. »Вотъ что́...« И она не могла не ощути́ть въ себѣ все-таки горделиваго сознанія, что вотъ человѣка, котораго *она* видитъ теперь у себя совсѣмъ молодымъ и который, вѣроятно, вмѣстѣ съ другими робѣетъ передъ нею, — ждетъ впереди́ совершенно осо́бенная отъ другихъ, таинственная бу́дущность.

Докторъ ничѣмъ собственно не могъ сію минуту подтвердить сдѣланнаго предсказанія. Извѣстно было только, что онъ никогда не видалъ Волконскаго и никто не могъ говорить ему объ немъ, потому что, кромѣ Черемзина, почти никто не зналъ въ Митавѣ князя, не принадлежавшаго вовсе къ жизни гóрода. Это было странно, но не это заставило всѣхъ повѣрить словамъ нѣмца. Осóбенное довѣріе возбуждалъ его мѣрный, серьезный голосъ, который, казалось, никогда не говорилъ неправды.

— Ну, а изъ женскаго, находящагося здѣсь общества, — снова спросила Бестужева, желая все-таки добиться своего, — кому вы предскажете бýдущность?

Докторъ поднялся съ своегó мѣста, налилъ изъ стоявшаго на столѣ у стѣны хрустальнаго графи́на[1]) воды въ стака́нъ и досталъ изъ карма́на складнýю серебряную ложку.

Вся комната съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за малѣйшимъ его движеніемъ. Онъ вы́нулъ изъ канделябры восковýю свѣчу, и отломивъ отъ нея кусóкъ и распустивъ его въ своей ложкѣ, быстро вылилъ растóпленный воскъ въ стаканъ.

Бестужева не сомнѣвалась, что гада́ніе[2]) дѣлается для нея, и, внимательно вытянувъ шею, старалась разсмотрѣть, какую фигуру принимаетъ застывшій въ прозрачной водѣ воскъ. Докторъ поднялъ стаканъ на свѣтъ и разглядывалъ его.

---

[1]) карафки; [2]) вороженье.

«Неуже́ли!» мелькну́ло у Бестужевой — въ стаканѣ ясно очерчивалась фигура короны.

Нѣмецъ вы́нулъ воскъ. расплескавъ воду, и дѣйствительно онъ имѣлъ форму подушки съ кистями по угламъ, на которой лежала ажурная тонкая императорская корона со скипертомъ и державою.

Бестужева, краснѣя отъ удовольствія, опустила глаза, чувствуя, что взгляды всѣхъ присутствующихъ обращаются къ ней и всѣ лица улыбаются ей. склоняясь... и что черный докторъ сейчасъ подойдетъ къ ней... Но онъ, какъ бы самъ пораженный, быстро выпрямился, твердыми большими шагами прошелъ черезъ комнату и, опустившись на одно колѣно, подалъ фигуру короны сидѣвшей въ отдаленіи дамѣ въ темномъ платьѣ.

Это была герцогиня Курляндская, Анна Іоанновна — бу́дущая императрица Всероссійская.

III.

Герцогиня Курляндская.

Анна Іоанновна скучала въ своей Курляндіи, какъ только можетъ скучать полная силъ, молодая, двадцатилѣтняя женщина, овдовѣвшая черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ сва́дьбы, съ дѣтства привыкшая къ огромному дому, полному всякой прислуги, приживалокъ и гостей и заключенная, какъ въ темницу, въ пустынный средневѣковый за́мокъ, съ толстыми сводчатыми стѣнами, подъ которыми невольно стихала всякая

попадавшая туда жизнь. Положеніе герцогини не только не спасало ея, но напротивъ служило главною причиной ея одиночества и заключенія. Дочь покойнаго Іоанна Алексѣевича, роднаго брата и соправителя по престолу царя Петра, она не помнила своего отца, умершаго, когда ей было всего три года. Она выросла въ родномъ селѣ Измайловѣ на попеченіи матери, царицы Прасковьи, вмѣстѣ съ двумя своими сестрами, изъ которыхъ она была середнею.

Въ пятнадцать лѣтъ царевна Анна Іоанновна, благодаря своимъ не по возрасту развившимся формамъ и окрѣпшимъ мускуламъ, не казалась уже подросткомъ.

Въ это время императоръ Петръ потребовалъ всѣхъ членовъ своей семьи́ въ Петербургъ, и всегда послушная желаніямъ своего де́веря[1]), царица Прасковья поспѣшила переѣхать туда съ дочерьми. Царь Петръ, помня кроткій нравъ и подчиненіе своего брата и видя послушаніе царицы Прасковьи, ласка́лъ ея дочерей и забо́тился о нихъ. Анна Іоанновна стала веселиться въ Петербургѣ, гдѣ потянулась длинная верени́ца вы́ѣздовъ, катаній, обѣдовъ, фейерверковъ, на которыхъ она присутствовала вмѣстѣ со всей царскою семьей, окруженная почетомъ и вниманіемъ. Такъ пошло два беззабо́тныхъ года, когда наконецъ раздалось надъ нею страшное слово »замужъ«. Самъ царь Петръ выбралъ племя́нницѣ жениха́. Еще въ октябрѣ 1709 года онъ сговорился при свиданіи въ Маріенвердерѣ со своимъ

---

[1]) шурина.

политическимъ союзникомъ, королемъ прусскимъ — обвѣнчать русскую царевну съ племянникомъ короля, Фридрихомъ-Вильгельмомъ, герцогомъ Курляндскимъ.

Бракъ этотъ нуженъ былъ Петру, чтобы, съ одной стороны, вступить въ свойство съ прусскимъ королевскимъ домомъ, а съ другой—пріобрѣсти вліяніе на курляндскія дѣла, и онъ назначилъ невѣстою нѣмецкому принцу родную племянницу свою, Анну Іоанновну.

Женихъ не замедлилъ явиться въ Петербургъ, послѣ того какъ вопросъ о приданомъ былъ тщательно обсужденъ и рѣшенъ его послами съ русскимъ правительствомъ.

Свадьба справлялась цѣлымъ рядомъ празднествъ и затѣй. На одномъ изъ пиршествъ, напримѣръ, подали два огромныхъ пирога, изъ которыхъ выскочили двѣ разряженныя карлицы и протанцовали менуэтъ на свадебномъ столѣ. Въ то же время была сыграна потѣшная свадьба карликовъ, для чего ихъ собрали съ всей Россіи до полутораста.

Пиры и празднества закончились небывалою попойкою, послѣ которой молодаго замертво уложили въ возокъ и отправили вмѣстѣ съ женою домой въ Курляндію. Но герцогъ могъ доѣхать только до мызы[1]) Дудергофъ и здѣсь, въ сорока верстахъ отъ Петербурга, скоропостижно скончался.

Смерть мужа оставила Анну Іоанновну вдовою безъ воспоминаній о супружескомъ счастьѣ

---

[1]) фольварка

и герцогинею безъ связанныхъ съ этимъ титуломъ значенія и власти. По политическимъ разсчетамъ Петра она все-таки должна была отправиться въ Курляндію. Герцогскій жезлъ получилъ тамъ, послѣ кончины Фридриха-Вильгельма, послѣдній потомокъ Кетлеровъ, первоначальныхъ герцоговъ Курляндскихъ—семидесятилѣтній Фердинандъ, нерѣшительный и трусливый, не любимый народомъ, неспособный къ управленію и постыдно бѣжавшій съ поля сраженія во время Полтавской битвы, гдѣ долженъ былъ находиться въ ряду шведскихъ союзниковъ. Онъ не хотѣлъ явиться въ Митаву, жилъ, ничего не дѣлая, въ Данцигѣ и предоставилъ свое герцогство управленію совѣта »оберратовъ«. На самомъ же дѣлѣ Курляндіею управлялъ резидентъ русскаго государя Петръ Михайловичъ Бестужевъ, присланный въ Митаву въ качествѣ гофмаршала вдовствующей герцогини Курляндской.

Анна Іоанновна не могла не чувствовать, что она здѣсь въ Митавѣ—второстепенное лицо и что тѣ знаки внѣшняго почета и уваженія, которые оказывались ей, служатъ лишь для того, чтобы исключить ее изъ митавскаго общества, веселившагося по своему и недружелюбно относившагося къ ней. Нѣмцы-курляндцы видимо не любили бывшую русскую царевну, иноземку, почти насильно посаженную имъ въ герцогини; русскіе же составляли свой кружокъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ была молодая, весёлая и хорошенькая дочь Бестужева, пользовавшагося обаяніемъ дѣйствительной власти и силы. Такимъ образомъ положеніе герцогини только уединяло

Анну Іоанновну, связывало правилами этикета и лишало возможности жить такъ, какъ хотѣлось ей, т. е. пользоваться наравнѣ съ другими жизнью въ свое удовольствіе. Она пробовала собирать у себя гостей. Они являлись аккуратно въ назна́ченный часъ, но держали себя чопорно и натянуто, почти не скрывая своей скуки, уничтожить которую Анна Іоанновна положительно не умѣла. Кромѣ самаго давящаго тоскливаго воспоминанія — ничего не оставалось ни у гостей, ни у хозяйки отъ этихъ сборищъ. Приглаглашать къ себѣ на празднества Анну Іоанновну никто не приглашалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она »герцогиня« и ждать отъ нея чести посѣщенія не смѣютъ; хотя всѣ отлично знали, что она съ восторгомъ явилась бы на какое угодно приглашеніе, но знали также, что явившись она принесетъ вмѣстѣ съ собою скуку и натянутость. Оставался одинъ домъ Бестужева, куда ѣздила Анна Іоанновна, и гдѣ всегда на первомъ мѣстѣ была Аграфена Петровна.

Ко всему этому у Анны Іоанновны,—обязанной содержать особый ливрейный штатъ, по́вара, ло́шадей, которыхъ очень любила и которыхъ у нея было о́чень много, и, наконецъ, поддерживать старый за́мокъ, — просто не хватало де́негъ на то, чтобы »себя пла́тьемъ, бѣльёмъ, кру́жевами и по возможности алмазами не только по своей чести, но и противъ прежнихъ вдовствующихъ герцогинь курляндскихъ достаточно содержать,« какъ писала она не разъ дядѣ Петру, горько жалуясь на судьбу свою.

Но дядя Петръ оставался непреклоненъ слабостямъ женскаго сердца и не наход нужнымъ потакать имъ своею щедростію. Д извѣстіе о томъ, что »партикулярныя шляхет жены въ Митавѣ ювелы и прочіе уборы имѣ неубогіе, изъ чего герцогинѣ, при ея недос кахъ, не безподозрительно есть«, не тронуло

На другой день послѣ вечера у Бестуж гдѣ Анна Іоанновна была въ простомъ надѣв номъ уже платьѣ и гдѣ бѣлый шелковый нар Аграфены Петровны блисталъ и свѣжесть богатствомъ, она стояла у окна своего за грустно облокотившись на растворенную цвѣт раму. Изъ этого узенькаго окна виднѣлись ал сада и неслось ароматное тепло лѣтняго ут нѣжно и пріятно вливавшагося въ грудь п сырыми сводами непривѣтныхъ каменныхъ стѣ

Проснувшаяся зе́лень, какъ бы расправл свои умытые росою листья, тихо шевелилась тепломъ у́треннемъ вѣтеркѣ, трава нѣжилась радовалась только-что поднявшемуся солнцу, птицы переговаривались неумолкавшимъ, вес лымъ чиликаньемъ.

»Да, все живетъ, все радуется,« дума Анна Іоанновна, »а я тутъ одна, словно за́жи погребенная,« и ей невольно вспомнились под вальные склепы за́мка, гдѣ въ величавыхъ ка менныхъ гробницахъ лежали похороненные п томки Кетлеровъ и куда она какъ-то ходил отъ нечего дѣлать посмотрѣть изъ любопытств послѣ чего не могла спать спокойно нѣскольк ночей. Чтобы отогнать эту грустную свою мысл она стала думать о своемъ дѣтствѣ, объ Измай

ловѣ, гдѣ было такъ хорошо и весело, гдѣ были тоже каменныя хоромы, но привѣтныя, уютныя, съ церквами и золотыми куполами, полныя съ утра до ночи народомъ. Ма́тушка, царица Прасковья, любила Божьихъ людей, юродивыхъ и странниковъ, которые всегда находили пріютъ въ ея домѣ и умѣли разсказывать такія чудесныя, волшебныя и занимательныя исторіи. Одинъ изъ юродивыхъ, подьячій Тимоѳей Архипычъ, замысловатыми выраженіями и намеками предрекалъ царевнѣ Аннѣ то, что́ было ясно изъ дѣйствій вчерашняго кудесника. Это уже не было ей вновѣ. Еще въ дѣтствѣ она съ матерью ѣздила въ Суздаль и тамъ митрополитъ Иларіонъ тоже предсказывалъ ей скипетръ и корону. Анна Іоанновна то вѣрила въ счастье своей судьбы и безотчетно надѣялась на что-то, то вдругъ чувствовала страшную боязнь къ грозному дядѣ и спѣшила увѣрить себя, что она уже получила то что́ ей предсказано, что у нея есть уже герцогская корона и что она должна вотъ жить въ Митавѣ и скучать, заживо погребенная. Эта мысль казалась ей всегда осо́бенно жа́лостливою, и она не могла сдержать навертывавшіяся на ея глаза слезы...

Въ это время въ саду хрустнулъ песокъ дорожки, и Анна Іоанновна отстранилась отъ окна.

По саду шелъ, опустивъ голову, съ ма́ленькой книжкой въ рукахъ, Никита Ѳедоровичъ, въ которомъ Анна Іоанновна сейчасъ же узнала того князя, которому вчера вмѣстѣ съ нею кудесникъ предсказалъ странную судьбу. Онъ

очевидно былъ такъ далекъ отъ всего окружающаго, что, самъ того не замѣчая, зашелъ въ ту часть сада, гдѣ никто изъ живущихъ въ за́мкѣ обыкновенно не гулялъ.

Но Анна Іоанновна рада была видѣть живаго человѣка. Волконскій еще вчера вечеромъ, когда онъ стоялъ смущенный общимъ къ нему вниманіемъ, понравился ей, и ей захотѣлось теперь просто поговорить съ нимъ такъ, какъ вотъ онъ есть, случайно застигнутый посреди своихъ мыслей.

— Чита́ете? — спросила она, опираясь на подоконникъ.

Волконскій вздрогнулъ, оглядѣлся кругомъ и, увидѣвъ въ окнѣ Анну Іоанновну, быстро закрылъ книгу и съ глубокимъ поклономъ отвѣтилъ:

— Герцогиня!..

Онъ весь какъ-то въ одну минуту подтянулся—и изъ настоящаго, живаго человѣка, какимъ видѣла его за минуту передъ тѣмъ Анна Іоанновна, сдѣлался вдругъ безжизненно деревяннымъ, похожимъ на всѣхъ, кто разговаривалъ обыкновенно съ нею въ этой нена́вистной Митавѣ.

— Господи! Да чего тутъ »герцогиня«?—заговорила она; — развѣ я не такой же человѣкъ, какъ и всѣ, развѣ со мною ужь и поговорить просто нельзя?..

Волконскій стоялъ почтительно склонясь и слушалъ.

— Ну, чего вамъ-то тутъ? — продолжала

Анна Іоанновна; — вы человѣкъ пріѣзжій, кажется; можете и не стѣсняться.

— Простите, ваша свѣтлость, я попалъ сюда совершенно слу́чайно, — отвѣтилъ Волконскій, думая, что Анна Іоанновна намекаетъ на его безцеремонность, съ которою онъ подошелъ подъ самыя окна герцогини.

— Не про то я, — перебила она, — напротивъ, что́-жь что подошли!.. Утро-то какое чудесное, а? — вдругъ спросила Анна Іоанновна видимо желая завязать разговоръ.

Никита Ѳедоровичъ постарался выразить всѣмъ лицомъ и новымъ поклономъ, что вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе.

»Ну, вотъ и этотъ, какъ всѣ прочіе,« мелькнуло у Анны Іоанновны, и ей снова сдѣлалось грустно и скучно. Она замолчала, задумавшись и смотря куда-то въ даль поверхъ головы Никиты Ѳедоровича, а онъ воспользовался этой минутой, чтобы откла́няться и уйти отъ ихъ неловкаго разговора, который почему-то былъ ему непріятенъ.

Анна Іоанновна поднялась отъ окна.

— Съ кѣмъ это разгова́ривать изволили ваша свѣтлость? — послышался надъ самымъ ея ухомъ строгій голосъ Бестужева, входившаго обыкновенно безъ доклада.

Анна Іоанновна наморщила лобъ, и лицо ея приняло страдальческое выраженіе.

— Съ кѣмъ говорить-то мнѣ? — вдругъ возвышая голосъ, воскликнула она. — Сижу здѣсь вза́перти, и въ око́шко нельзя мнѣ теперь выглянуть...

— Нѣтъ, я только думалъ...—началъ было Бестужевъ, поднимаясь на цыпочки и стараясь заглянуть въ окно.

— Я вотъ чтó скажу тебѣ, Петръ Михайловичъ, — рѣзко перебила его Анна Іоанновна: — я больше не могу такъ!.. Это съ ума сойти можно. Просто возьму, да и убѣгу въ Москву. Чтó-же это въ самомъ дѣлѣ? День-деньской одна сидишь, дѣлать нечего, никого не видишь, такая тоска возьметъ...

— Чтó-же дѣлать, ваша свѣтлость: положеніе герцогини заставляетъ иногда... — попытался возразить Бестужевъ.

— Эта »герцогиня«!—крикнула Анна Іоанновна, гнѣвно сверкнувъ глазами. — Вотъ ужь она мнѣ гдѣ!..

И она показала себѣ на горло.

Бестужевъ видѣлъ, что Анна Іоанновна разсержена не на шутку. Въ такія минуты она иногда не помнила себя и, выйдя изъ терпѣнія, могла надѣлать какихъ-нибудь хлопотъ, вздумавъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ уѣхать, не спросясь госудáря, въ Москву.

Нужно было чѣмъ-нибудь успокоить ее.

— А я шелъ къ вамъ вовсе не для того, чтобы разсердить вашу свѣтлость, — помолчавъ, мягко заговорилъ Бестужевъ; — напротивъ, я думалъ предложить вамъ устроить охоту, если будетъ угодно.

Анна Іоанновна такъ и расцвѣла вся. Охота была любимымъ ея удовольствіемъ.

— Чтó-жь, я рада; — сказала она, жалѣя уже о своей вспышкѣ, казавшейся ей теперь

даже безпричинною: — только какая-же теперь можетъ быть охота?.. Охотѣ не время теперь, — добáвила Анна Іоанновна снова измѣнившимся голосомъ.

Бестужевъ улы́бнулся.

— Охота самая необыкновенная. Видите-ли, всѣ должны быть верхами, а одинъ изъ участниковъ выбирается звѣремъ и долженъ скрыться отъ остальны́хъ. Его ищутъ, гонятся за нимъ, и тотъ, кто поймаетъ, получаетъ призъ... — разсказывалъ Бестужевъ, вспоминая тутъ-же пришедшую ему въ голову нóвую затѣю своей дочери, которую та хотѣла привести на-дняхъ въ исполненіе.

— Ловко придумано!—обрадовалась Анна Іоанновна.—Когда же это будетъ?.. Нужно поскорѣе, Петръ Михайловичъ.

— Когда ваша свѣтлость прикажетъ, — отвѣчалъ Бестужевъ; — я велю приготовить лóшадей.

— Нѣтъ, на-счетъ лóшадей я ужь сама распоряжусь... Да вотъ чтó, вели пригласить на эту охоту тоже Волконскаго, чтó былъ вчерась у тебя.

Бестужевъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Чѣмъ больше народу, тѣмъ лучше вѣдь... — пояснила Анна Іоанновна, кивкомъ головы показывая гофмаршалу, что онъ можетъ удалиться.

Волконскій все это утро думалъ о вчерашнемъ вечерѣ, о Бестужевой, и о томъ, какъ она смотрѣла на него, когда кудесникъ дѣлалъ свое предсказаніе. Онъ никакъ не могъ ожидать, что именно къ нему будетъ относиться самое важ-

ное предсказаніе и что именно его судьба станетъ самою интересною, и это предсказаніе заняло его.

Отъ Черемзина онъ узналъ, что кудесникъ остановился у пастора лютеранской церкви. Онъ скоро нашелъ ма́ленькій домикъ, мимо котораго всегда приходилось ходить изъ за́мка въ городъ, и который стоялъ недалеко отъ церкви, на берегу рѣки, почти у са́маго моста, однимъ бокомъ выдавшись изъ высокой каменной стѣны, закрытой какимъ-то густымъ, ползучимъ растеніемъ. Къ пастору можно было попасть только войдя съ другаго конца улицы въ церковную ограду и миновавъ церковный садъ. Церковь была окружена темными, вѣтвистыми, ста́рыми деревьями, среди которыхъ шла довольно широкая аллея, и въ концѣ ея виднѣлась стѣна пасторскаго сада съ небольшо́ю желѣзною дверцей. Вѣтви были о́чень густы и солнечные лучи лишь изрѣдка пробивались сквозь нихъ, прорѣзывая сырой полумракъ тѣни и кладя кой-гдѣ свѣтлыя пятна на влажную, темную дорожку аллеи.

Никита Ѳедоровичъ входилъ съ одного конца, а въ это время на другомъ отворялась маленькая дверца и въ ея четырехугольникѣ, вдругъ освѣтившемся солнцемъ, заливавшимъ своими лучами садикъ пастора, какъ въ рамкѣ показались двѣ женскія фигуры съ кланявшимся пасторомъ, который, прощаясь, провожалъ ихъ. Волконскій не столько глазами, сколько всѣмъ существомъ своимъ, узналъ Аграфену Петровну. Она смѣло шла къ нему на-встрѣчу и, сдѣлавъ нѣсколько

шаговъ впередъ, узнала, въ свою очередь, князя Никиту.

Она видимо смутилась — и тѣмъ, что онъ засталъ ее здѣсь, и тѣмъ, что они встрѣтились случайно, и тѣмъ, наконецъ, что онъ можетъ замѣтить ея смущеніе. Какъ ни странно было для нея это чувство, которое она, всегда увѣренная въ себѣ, рѣдко испытывала, но ей не было непріятно, что этотъ мало знакомый ей человѣкъ видитъ ее смущенною.

Съ перваго же взгляда на Никиту Ѳедоровича, съ восторгомъ смотрѣвшаго на нее, она поняла, что онъ любуется ею такъ какъ она есть, любуется даже самымъ смущеніемъ, которое для него такъ же прекрасно въ ней, какъ и все остальное. И она не только простила его за то, что смутилась передъ нимъ, но и почувствовала, что онъ въ эту минуту не такъ ей чуждъ, какъ всѣ остальные, точно все это было уже разъ передъ нею: и эта темная аллея съ высокими деревьями, и эти пробившіеся сквозь листву лучи и, главное, этотъ сырой запахъ вѣковыхъ древесныхъ стволовъ, смѣшанный съ благоуханіемъ жасмина.

— Вы къ нему? — спросила Бестужева, первая овладѣвъ собою и кивкомъ головы показывая на калитку[1]).

— Да, къ нѣмцу, — чуть слышно проговорилъ Никита Ѳедоровичъ, испытывая уже въ себѣ ту легкость и волненіе, которыя его всегда охватывали, точно выросшія и готовыя распу-

[1]) воротка.

ститься крылья, когда онъ смотрѣлъ на нее или думалъ о ней.

— Уѣхалъ, сегодня утромъ уѣхалъ, — съ улыбкой отвѣтила Бестужева и прошла мимо.

Больше они ничего словами не сказали другъ другу, но Никита Ѳедоровичъ чувствовалъ, что послѣ этой встрѣчи они стали точно болѣе близки, и что эта случайность—не пройдетъ безслѣдно.

Пасторъ подтвердилъ ему, что докторъ дѣйствительно сегодня рано утромъ уѣхалъ изъ Митавы и не пожелалъ сообщить, куда именно; но Волконскій уже не жалѣлъ, что не могъ говорить съ черныхъ докторомъ.

IV.

Охота.

Анна Іоанновна сама распоряжалась приготовленіемъ къ потѣшной охотѣ, которая была назначена въ ея загородномъ домѣ близъ Митавы, въ Вирцау. Затѣя о́чень понравилась ей, и каждый день она заставляла дѣлать выводку ло́шадей у себя на конюшнѣ, выбирая и распредѣляя ихъ для участниковъ потѣхи. За день до охоты она уѣхала въ Вирцау и ночевала тамъ. Гости должны были съѣхаться къ десяти часамъ утра. Верховыя ло́шади герцогини были приведены туда зара́нѣе.

Черемзинъ съ Волконскимъ явились въ экипажѣ въ Вирцау раньше други́хъ; но почти́ сейчасъ вслѣдъ за ними пріѣхало нѣсколько нѣ-

мецкихъ бароновъ, которые, вѣжливо раскланявшись, пошли въ конюшню осматривать лошадей. Затѣмъ прискакали верхомъ драгунскіе офицеры; потомъ, въ тяжелой золоченой колымагѣ[1]) съ гайдукомъ на запяткахъ[2]), пріѣхалъ Бестужевъ.

Никита Ѳедоровичъ думалъ, что дочь его пріѣдетъ съ нимъ и радовался своимъ ожиданіемъ; но теперь у него невольно явилось сомнѣніе, пріѣдетъ-ли она вообще, и все ему перестало здѣсь нравиться.

Подойти и спросить у Бестужева о его дочери онъ, разумѣется, не рѣшался.

Всѣ эти дни погода стояла чудесная, и сегодня тоже небо было безоблачно и ясно. Молодые люди, блестя на солнцѣ своими расшитыми кафтанами и галунами на шляпахъ, ходили въ ожиданіи герцогини по небольшой площадкѣ передъ домомъ. Анна Іоанновна долго не выходила. Бестужевъ нѣсколько разъ вглядывался въ даль дороги, держа руку надъ глазами отъ солнца, и затѣмъ безпокойно прохаживался по крыльцу.

— Кого-же мы ждемъ? — спросилъ князь Никита у Черемзина.

— Какъ кого?.. Герцогиню!—отвѣтилъ тотъ недовольно пожимая плечами.

Анна Іоанновна вышла на крыльцо сіяющая и довольная, въ длинномъ, яркомъ платьѣ, шлейфъ котораго несъ маленькій пажъ.

Ей подвели стройную, красивую лошадь подъ чапракомъ, съ гербами курляндскихъ герцоговъ.

---

[1]) коляскѣ; [2]) ступенях (взади коляски).

Бестужевъ тоже сѣлъ верхомъ.

»И óчень нужно...« —разсуждалъ Волконскій, забирая загри́вокъ лóшади и поднимая ногу въ стремя, — »óчень нужно по этакой жарѣ безъ тóлку слоняться. И чего право не выдумаютъ!.. А вотъ возьму да и уѣду...« рѣшилъ онъ, попавъ въ стремя и быстро вскочивъ на нетерпѣливую, не стоявшую спокойно на мѣстѣ лóшадь.

Толпа охотниковъ, съ Анною Іоанновной впереди́, шагомъ выѣхала на дорогу. Изо всѣхъ лицъ улыбающимся было только одно — лицо са́мой герцогини. Всѣ остальны́е сидѣли насупившись и морщились отъ лучей прямо бившаго имъ въ глаза солнца.

Такъ молча проѣхали они нѣкоторое время. Нужно было, наконецъ, что-нибудь предприня́ть — сверну́ть съ дороги что-ли, а то, продолжая такъ, можно было доѣхать до самой Митавы. Анна Іоанновна почувствовала это. Но никто видимо не хотѣлъ помóчь ей. Всѣ были готовы исполнять только ея приказанія, а чтó и какъ приказать — она положительно не умѣла.

»Вотъ эта Бестужева навѣрное знала-бы, чтó теперь дѣлать«,—не безъ зависти подумала герцогиня,—»и чтó *они* находятъ въ ней, право?.. Худа—и больше ничего...« разсуждала она про безмолвно ѣдущихъ теперь за нею молодыхъ людей.

Дѣйствительно, они и сами не могли поня́ть, почему, когда передъ той-же толпой ихъ, какъ сегодня, бывала въ другіе дни Бестужева, — все было иначе, являлись откуда-то и веселье и смѣхъ, и Бестужева при этомъ ничего, казалось,

не дѣлала, чтобы вызвать такое настроеніе, а Анна Іоанновна, напротивъ, всѣми силами старалась — и ничего изъ этого не выходило.

— Ну, что́-жь, пожалуй, свернуть можно?— спросила Анна Іоанновна, оборачиваясь къ Бестужеву.

— Ужь это какъ угодно вашей свѣтлости... — отвѣчалъ тотъ.

— Да мнѣ угодно только, чтобъ весело было; вы скажите какъ, нужно теперь свернуть что-ли?

— А вотъ кажется дочь моя ѣдетъ; она покажетъ, — сказалъ Бестужевъ, смотря на дорогу, гдѣ бѣлѣло уже облако пыли, въ которое давно жадными глазами впился Никита Ѳедоровичъ.

При имени Бестужевой, Анна Іоанновна вдругъ рѣшительно повернула ло́шадь, и какъ будто сама зная, что́ ей дѣлать, крупною рысью[1]) поѣхала прямо въ поле. Тамъ, на дорогѣ, гдѣ ѣхала Бестужева, также окруженная охотниками, замѣтили это движеніе. Но Аграфена Петровна, вмѣсто того чтобы погнать свою лошадь шибче, напротивъ, придержала ее и поѣхала шагомъ, свернувъ, однако, тоже въ поле.

Анна Іоанновна, отскакавъ отъ дороги на довольно большое пространство, остановилась. Она видѣла, что Бестужева, нарочно не спѣша, шагомъ приближается къ нимъ, и ей хотѣлось во что бы то ни стало начать »охоту« раньше того, какъ она подъѣдетъ.

---

[1]) галопомъ.

— Ну, господа, какъ-же, кто-же будетъ звѣремъ, а?.. — спрашивала она, любезно улыбаясь и нетерпѣливо поворачиваясь на сѣдлѣ. — Да ну-же, скорѣе начинайте!.. — чуть не умоляя говорила она.

Но никто не выказывалъ осо́бенной торопли́вости. Ви́димо было, что никто не двинется, пока не подъѣдетъ Аграфена Петровна, которая, точно наро́чно, дразня и рисуясь, подвигалась осо́бенно ме́дленно, придержавъ еще свою ло́шадь и бе́режно объѣзжая каждую кочку[1]) и ры́твину[2]).

»Мила́шка!« — чуть не вырвалось у Никиты Ѳедоровича на-встрѣчу ей.

Наконецъ ея большая сѣрая ло́шадь мѣрнымъ, красивымъ шагомъ, осо́бенно ловко округляя переднія ноги, подошла почти́ вплоть къ ло́шади герцогини.

Съ появленіемъ Бестужевой, сейчасъ всѣ лица оживились.

— Добрый день, ваша свѣтлость! — обратилась она по-нѣмецки къ Аннѣ Іоанновнѣ, улыбаясь тою улыбкой, чарующее впечатлѣніе которой она знала.

И дѣйствительно, эта улыбка способна была примирить съ нею всякаго.

Анна Іоанновна не могла не чувствовать, что теперь будетъ непремѣнно весело, потому что у этой, безжизненной прежде, толпы вдругъ явилась душа, и толпа проснулась. Общее оживленіе невольно передалось Аннѣ Іоанновнѣ, и

---

[1]) купину; [2]) борозду́.

въ ней незамѣтно растаяло всякое неудовольствіе противъ Бестужевой.

— Аграфена Петровна, — обратилась она къ ней, — ну, какъ-же начинать?

Бестужева обвела глазами охотниковъ. Среди нихъ осо́бенно выдѣлялся своимъ самодовольнымъ бѣло-розовымъ лицомъ отко́рмленный, гла́денькій нѣмчикъ, сынъ старшаго »оберрата«, взгромоздившійся на огромную ло́шадь, во́все не соотвѣтствовавшую его ма́ленькому, пухлому тѣльцу.

— Ну, баро́нъ, выѣзжайте! — предложила ему Аграфена Петровна.

Баронъ храбро далъ шпоры своему коню и выдвинулся, стараясь пробраться между нетерпѣливо топтавшимися на мѣстѣ ло́шадьми.

— Да не такъ... Туда, въ поле! — пояснила Бестужева, протягивая руку вперёдъ и ука́зывая въ пространство. — Мы будемъ считать до ста, въ это время вы можете уѣхать куда угодно, а затѣмъ мы поскачемъ за вами. Ну, Черемзинъ, считайте!.. — приказала она.

Баронъ еще разъ далъ шпоры, но огромный конь его, ви́димо не желая отдѣляться отъ другихъ ло́шадей, перебралъ ногами и сталъ пя́титься [1]).

— Разъ, два... — на́чалъ Черемзинъ.

— Постойте, погодите, еще не время, я еще не на́чалъ, — забезпокоился баро́нъ, едва обхватывая своими коротенькими ногами кру-

---

[1]) ступать взадъ.

тые бока́ ло́шади, которая трясла головою и продолжала пятиться.

— Одиннадцать, двѣнадцать... — неумолимо продолжалъ Черемзинъ.

Баронъ отчаянно замахалъ рукою и что было силы ударилъ хлысто́мъ. Конь его вдругъ рванулся впередъ и поскакалъ по полю сломя голову.

Кругомъ всѣ засмѣялись. Баро́нъ несся растопы́ря ноги и откинувшись назадъ, точно повисъ на по́водьяхъ... Шляпа его, съ огромнымъ перомъ, свалилась назадъ и трепалась на ремешкѣ́, сползшемъ со щекъ барона. Проскакавъ такимъ образомъ, ло́шадь вдругъ остановилась и баронъ перекинулся на ея шею, которую невольно обхватилъ руками, чтобы не полетѣть черезъ голову ло́шади.

Черемзинъ въ это время дошелъ уже до шестидесяти.

Фигура барона была о́чень смѣшна́, въ осо́бенности съ той стороны, съ которой глядѣли на него остальны́е... Огромный конь, почувствовавъ должно-быть нетвёрдость своего сѣдо́ка, поддалъ задними ногами, и баро́нъ еще крѣпче припалъ къ его шеѣ, не обращая уже вниманія на то впечатлѣніе, которое онъ производитъ.

— Девяносто-восемь, девяносто-девять, — считалъ Черемзинъ, — сто! — наконецъ крикнулъ онъ.

Нѣсколько ло́шадей кинулись по направленію несчастнаго барона, бившагося на своей лошади посреди поля.

Бестужева сдѣлала только видъ, что кинулась вмѣстѣ съ другими, но на самомъ дѣлѣ

осталась сзади. Она замѣтила, что нѣсколько молодыхъ людей, между которыми былъ Волконскій, сдѣлали то же самое.

Анна Іоанновна первая настигла барона и получила первый призъ.

Ло́шади только разгорячились этою короткой скачкой. Никто, разумѣется, не имѣлъ еще времени устать, напротивъ каждому казалось, что онъ можетъ хоть цѣлый день провести, не слѣзая съ ло́шади. У барона пошла кровь изъ носу, который онъ разбилъ, очевидно, когда наткнулся на шею своего коня, но и баронъ старался опра́виться и всѣми силами желалъ показать, что это ему ничего.

Послѣ барона въ качествѣ звѣря выѣхалъ Черемзинъ. Онъ, не торопясь, отдѣлился отъ охотниковъ, спокойно выждалъ момента, когда они поскакали, и, подпустивъ ихъ довольно близко къ себѣ, внезапно отскочилъ въ сторону и, сдѣлавъ большой кругъ по полю, поддался герцогинѣ. Все это было исполнено красиво и весело...

Бестужева все время ѣздила, сберегая силы своей ло́шади. Она отлично видѣла, что Черемзинъ поддался герцогинѣ, и прежде другихъ остановилась на небольшомъ холмикѣ, какъ бы осматривая мѣстность. Мало-по-малу всѣ начали подъѣзжать къ ней.

Они всѣ незамѣтно приблизились теперь къ небольшому лѣску, который прежде синѣлъ передъ ними тонкою полоской вдали отъ дороги.

— Не пора-ли обѣдать, ваша свѣтлость?— подъѣзжая крупною рысью, спрашивалъ у гер-

цогини Бестужевъ, не участвовавшій въ скачкахъ и лишь степе́нно наблюдавшій за ними.

— Ахъ, нѣтъ еще, погоди, Петръ Михайлычъ! — отвѣчала Анна Іоанновна, блестя разгорѣвшимися глазами.

— Ну, а кто поймаетъ меня?—вдругъ крикнула Аграфена Петровна, и прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться, она была уже у опу́шки [1]) лѣса, перепрыгнула какую-то канаву [2]) и исчезла въ зелени деревьевъ.

— Куда ты... съумасшедшая!—могъ только крикнуть отецъ вслѣдъ ей.

Никита Ѳедоровичъ вмѣстѣ съ другими, не помня себя, кинулся за Бестужевой.

Они быстро миновали пространство, отдѣлявшее ихъ отъ лѣса, и Волконскій, къ удовольствію своему, чувствовалъ, что лошадь его совершенно еще свѣжа и легко перепрыгнула канаву у лѣса. Пригибаясь къ сѣдлу, чтобы вѣтви не мѣшали ему, онъ поѣхалъ между деревьями, стараясь разглядѣть слѣдъ лошади Аграфены Петровны, и съ ужасомъ замѣчалъ, что это невозможно и что онъ теряется въ чащѣ похожихъ другъ на друга стволовъ лѣса. Онъ оглядѣлся кругомъ. Остальныхъ охотниковъ не было уже видно. Только направо и налѣво слышалось хрустѣніе вѣтокъ и валежника [3]), ломавшагося подъ ногами ихъ лошадей. Волконскій остановился. Мало-по-малу трескъ валежника сталъ слабѣе и наконецъ вовсе замолкъ. Очевидно всѣ разъѣхались, сдержавъ лошадей, потому что безцѣль-

---

[1]) краю; [2]) ровъ; [3]) хвороста.

ная скачка была не нужна и опасна. Князь Никита поѣхалъ впередъ на-угадъ... Онъ долго пробирался между деревьями, не зная направленія и не отдавая себѣ отчета, ѣдетъ-ли онъ впередъ или назадъ и сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ они въѣхали въ лѣсъ.

»Нѣтъ, — соображалъ онъ,—вѣрно, я свернулъ съ дороги, потому что иначе встрѣтилъ бы кого-нибудь... Боже мой!..«

И сердце его сжалось при мысли, что кто-нибудь другой настигнетъ ее и что, можетъ-быть, теперь уже она настигнута и охота кончена, и всѣ, забывъ о немъ, собрались гдѣ-нибудь и завидуютъ охотнику, которому улыбнулось сегодня счастіе. Дыханіе его сжалось и сердце забилось — неужели кто-нибудь другой, не онъ, будетъ сегодня побѣдителемъ?

И князь Никита, ударивъ лошадь, поскакалъ впередъ. Лѣсъ, сначала частый, началъ рѣдѣть и скоро между стволовъ показались просвѣты...

»Такъ и есть,—съ отчаяніемъ подумалъ Волконскій,—это опушка; я вернулся назадъ, опять къ тому мѣсту, откуда мы поѣхали...«

Но вдругъ признакъ надежды вдохнулъ въ него новую силу. Онъ ясно услыхалъ фырканье чьей-то лошади и тяжелую неровную поступь копытъ.

»А вдругъ это *она*«,—мелькнуло у Волконскаго, но тутъ же, по біенію своего сердца, онъ рѣшилъ, что это не можетъ быть Бестужева. Онъ выѣхалъ не на опушку, какъ ему показалось сначала, но на довольно широкую лѣсную

полянку, гдѣ передъ большимъ корявымъ пнемъ топталась на одномъ мѣстѣ огромная лошадь барона, напрасно силившагося одолѣть ея упорство.

— Наконецъ-то кто-нибудь!—радостно крикнулъ баронъ; — теперь ничего, она пойдетъ за другою лошадью... погодите меня...

Но Волконскій быстро повернулъ назадъ и что было силы всадилъ шпоры въ бока своей лошади. Онъ слышалъ однако, что баронъ скачетъ за нимъ, что онъ все ближе и ближе къ нему, и теперь всѣ его мысли и все умѣнье было направлено къ тому, чтобы отдѣлаться во что бы то ни стало отъ этого смѣшнаго нѣмца.

Никита Өедоровичъ летѣлъ стремглавъ, перепрыгивая сваленные стволы, рытвины и не обращая вниманія на хлеставшія его вѣтки. Баронъ отсталъ отъ него, а онъ, не помня ничего, такъ какъ вдругъ рѣшилъ, что теперь для него уже все пропало, все-таки несся впередъ, съ мучительной тоскою повторяя себѣ:

»А какъ все это могло быть хорошо сегодня!..«

И вдругъ посреди этой бѣшеной скачки лошадь вынесла его снова на поляну. Тутъ, скрестивъ на груди руки и высоко закинувъ голову, одна, еще не настигнутая никѣмъ, стояла Бестужева.

Никита Өедоровичъ, не вѣря глазамъ своимъ, бросился къ ней.

»А, это вы князь!..«—какъ бы сказала она всѣмъ своимъ движеніемъ и, ударивъ лошадь, кинулась въ сторону.

Догнать теперь ее — составляло жизнь или смерть для князя Никиты.

Аграфена Петровна, какъ бы щеголяя своимъ умѣньемъ держаться на лошади и видимо отлично знакомая съ мѣстностью, неслась впереди, заставляя Волконскаго дѣлать безумные скачки и повороты. Но онъ, готовый лучше зарѣзать лошадь или лишиться жизни, чѣмъ отстать, гнался съ настойчивымъ отчаяннымъ упорствомъ и надеждой. Нѣсколько разъ онъ почти настигалъ Аграфену Петровну, но не было мѣста объѣхать ее и онъ волей-неволей долженъ былъ оставаться сзади. Наконецъ, замучивъ своихъ взмыленныхъ лошадей, они приблизились къ опушкѣ... Никита Ѳедоровичъ безжалостно посылалъ и хлыстомъ и шпорами свою лошадь. Но вотъ она сдѣлала, казалось, послѣднее страшное усиліе — и Волконскій увидѣлъ, что онъ уже скачетъ рядомъ съ Аграфеной Петровной, что, протянувъ руку, онъ можетъ достать удила ея лошади. Онъ нагнулся впередъ и дѣйствительно схватилъ подъ узды лошадь Бестужевой. Аграфена Петровна не ожидала этого и покачнулась въ сѣдлѣ. Онъ долженъ былъ обхватить ее свободною рукою, чтобъ она не упала. Движеніе это было совершенно невольно. Лошади сдѣлали еще нѣсколько скачковъ и, измученныя, готовы были остановиться. Какъ это случилось — Волконскій не помнилъ, но, забывъ о томъ, что́ онъ дѣлаетъ и не владѣя собой, онъ въ опьяненіи счастія прикоснулся губами къ ея горячей щекѣ.

Бестужева вздрогнула и рванулась отъ него. Онъ не удерживалъ. Лошади пошли шагомъ.

Аграфена Петровна ѣхала молча, низко опустивъ голову и кусая губы...

»Все пропало!—думалъ Волконскій;—Боже мой, Боже мой, что́ я надѣлалъ!..«

Насупивъ брови и не сказавъ ему ни слова, приблизилась она наконецъ къ разбитому въ полѣ шатру́, у котораго давно гудѣлъ звонкій рогъ доѣзжачаго, сзывая участниковъ охоты...

Волконскій слѣзъ съ лошади и едва устоялъ на ногахъ. Колѣни его дрожали и руки тряслись. Должно быть, онъ былъ очень блѣденъ, потому что Черемзинъ съ безпокойствомъ подошелъ къ нему и совѣтовалъ выпить вина.

— Не надо,—слабымъ, безнадежнымъ голосомъ отвѣчалъ Волконскій, — теперь ничего не надо.

— Да что́ съ тобою?—настаивалъ Черемзинъ. — Тебѣ нездоровится?.. Ты вѣрно слишкомъ усталъ... Тебѣ бы вина,—предлагалъ онъ.

Никита Ѳедоровичъ почти безсознательно поймалъ одно только слово »вина« и невольно зацѣпился за него мыслями, придавъ ему свое, совершенно иное значеніе.

»Виноватъ, самъ виноватъ...«—повторялъ онъ себѣ.

У шатра̀ былъ разостланъ большой коверъ, уставленный посрединѣ яствами и питьями... Здѣсь всѣ весело расположились, чувствуя большое удовольствіе хорошо поѣсть, проведя столько времени на вольномъ воздухѣ и верхомъ. День выдался очень удачный. Веселье было полное. Одинъ Никита Ѳедоровичъ сидѣлъ ни къ чему не притрогиваясь. Онъ былъ чуждъ этой веселой

толпѣ. Сегодня онъ испыталъ мимолетно слишкомъ большое, незаслуженное, украденное, какъ думалъ онъ, счастье, чтобы теперь радоваться какому-то пустому и мелкому веселью. Правда, дерзость его никогда не будетъ прощена и она на-вѣки унесла всякую надежду... и теперь ничто не можетъ быть ему радостно... И ему вдругъ показалось невыносимо оставаться въ этой равнодушной, глупой и совершенно чуждой ему толпѣ, имѣющей силы веселиться и смѣяться послѣ того, что̀ случилось съ нимъ...

Онъ почувствовалъ неудержимую частую дрожь въ правой щекѣ и, какъ молнія, по его лицу пробѣжала нервная судорога...

»Что̀ съ нимъ?«—мелькнуло у Бестужевой.

— Князь Никита,—быстро сказала она, поднявъ своею тонкой, маленькой рукою хрустальный стаканъ, — подайте мнѣ меду... вонъ того краснаго, что̀ стоитъ возлѣ васъ.

И жизнь вернулась въ душу Волконскаго...

Онъ всталъ, задыхаясь отъ новаго нахлынувшаго на него счастья, не вѣря себѣ, что это онъ самъ, Никита Θедоровичъ, — подошелъ къ ней и дрожащею рукой наклонилъ надъ ея стаканомъ большой кувши̂нъ [1]) съ медомъ.

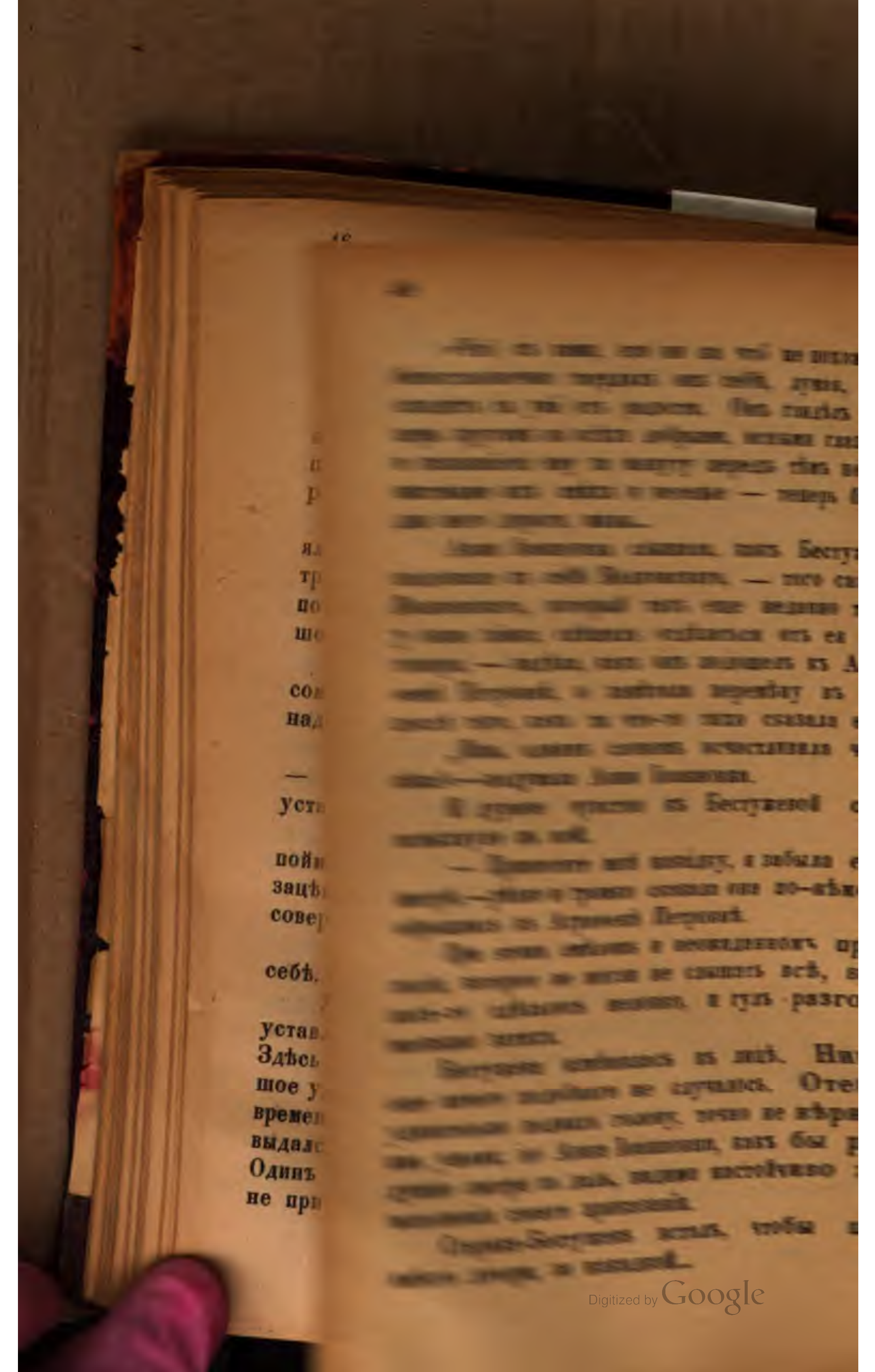
— Что̀ съ вами?—укоризненнымъ шепотомъ спросила Бестужева,—это ни на что̀ не похоже...

Кругомъ стоялъ говоръ и смѣхъ. Никто, казалось, не обращалъ на нихъ вниманія.

Волконскій вернулся на свое мѣсто совсѣмъ преобразившійся, сіяющій...

---

[1]) жбанъ.

— Когда герцогиня приказываетъ,—вдругъ еще рѣзче произнесла Анна Іоанновна,—нужно исполнять немедленно ея приказаніе. Аграфена Петровна, слышали?..

Бестужева, блѣднѣя и дрожа, подняла голову. Отецъ ея въ ужасѣ сжалъ себѣ виски руками и закрылъ глаза... Остальные потупились, ожидая, что произойдетъ сейчасъ страшная, неудержимая вспышка оскорблённой Аграфены Петровны. Но она, сдѣлавъ надъ собой усиліе и чуть слышно прошептавъ: »А-а, если такъ!« медленно встала со своего мѣста, вошла въ шатёръ и вернулась оттуда съ накидкой...

Прежнее веселье какъ рукой сняло... Сидѣли не долго и молча; герцогиня велѣла подавать лошадей. »Охота« кончилась.

V.

Бестужева.

Аграфена Петровна вернулась въ Митаву вмѣстѣ съ отцомъ, и дома съ нею сдѣлался нервный припадокъ.

Петръ Михайловичъ серьёзно забезпокоился о здоровьѣ дочери. Однако она даже безъ помощи доктора сама оправилась, хотя прежняя веселость не вернулась къ ней. Она ходила съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ, на которомъ такъ и застыло появившееся на немъ выраженіе затаённой обиды, когда она встала на охотѣ за накидкой герцогини, со словами: »А-а! если такъ...« Бестужевъ внимательно слѣдилъ за

нею и, зная характеръ своей дочери, былъ очень встревоженъ ея душевнымъ состояніемъ. Оставалось не больше недѣли до 29 іюня — дня именинъ не только самого Петра Михайловича, но главное — государя. Этотъ день обыкновенно праздновался у Бестужева съ подобающею роскошью. По его положенію въ Митавѣ, онъ долженъ былъ дѣлать пріёмы въ высокоторжественныхъ случаяхъ, а именины государя были безусловно однимъ изъ такихъ случаевъ. Въ этомъ году, какъ и прежде, онъ хотѣлъ устроить у себя балъ, но боялся, какъ бы нездоровье дочери не помѣшало этому. Пригласить на балъ герцогиню было необходимо, но послѣ оскорбленія на охотѣ Аграфена Петровна вѣроятно постарается избѣжать всякой съ нею встрѣчи и ради этого можетъ-быть нарочно скажется больною... Бестужевъ положительно терялся. Сдѣлать балъ безъ хозяйки, такъ, чтобы Аграфена Петровна не выходила къ гостямъ, — ему казалось неловко; а главное — онъ зналъ, что тогда всѣмъ будетъ скучно, о гостяхъ придется заботиться ему самому, и онъ не будетъ имѣть времени для кое-какихъ разговоровъ съ нужными, важными въ Митавѣ людьми, которые съѣдутся къ нему. Если же вовсе не сдѣлать бала — выйдутъ большія непріятности, потому что объ этомъ навѣрное ужь донесутъ въ Петербургъ и государь можетъ остаться недоволенъ...

Петръ Михайловичъ рѣшился поговорить съ дочерью.

Онъ пришелъ къ ней въ ея маленькую гостиную и засталъ Аграфену Петровну съ покрытою теплымъ платкомъ головою.

»Такъ и есть«, мелькнуло у него.

— У меня страшно голова болитъ, — начала Аграфена Петровна, — просто, мѣста не найду...

— Я же предлагалъ тебѣ послать за докторомъ, — сказалъ Бестужевъ, опускаясь на кресло, — а мнѣ очень нужно, чтобы ты здорова была, — быстро добавилъ онъ, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе дочери при упоминаніи о докторѣ.

Она вопросительно взглянула на отца.

— Петровъ день близко, — пояснилъ онъ, — нашъ ежегодный балъ не можетъ состояться безъ тебя; нужно, чтобы ты была здорова.

— Я и бу́ду здорова!.. — нѣсколько удивлённо отвѣчала Аграфена Петровна, — будьте покойны; напротивъ, мнѣ нужно теперь какое-нибудь развлеченіе...

— Ну, вотъ и прекрасно, я увѣренъ, что ты бу́дешь веселиться... госте́й бу́детъ много. Само собою разумѣется, нужно пригласить *всѣхъ*.

Бестужевъ нарочно подчеркнулъ слово »всѣхъ«.

Аграфена Петровна какъ будто не поня́ла.

— Ну конечно! — подтвердила она.

— »Оберратовъ« съ женами, баронскія семьи, бургомистра, нашихъ офицеровъ, герцогиню... — перечислялъ Бестужевъ, внимательно косясь на дочь.

Она съ улыбкой кивала головою въ подтвержденіе его словъ.

У Петра Михайловича отлегло отъ сердца.

— Значитъ, тебѣ не претитъ снова встрѣтиться съ Анной Іоанновной? — недовѣрчиво спросилъ онъ, не скрывая однако своего удовольствія.

— Разумѣется, не претитъ, чтó-жь я могу противъ *герцогини!* — подчеркнула, въ свою очередь, Бестужева, — намъ конечно не приходится съ нею ссориться, разъ мы тутъ на холопскомъ положеніи.

— Перестань, Аграфена, — остановилъ ее отецъ.

— Да вѣдь я согласна на все, чего-же вы хотите больше?.. Устраивайте балъ, я развлекусь, мнѣ все равно; пусть тутъ всѣ будутъ, я согласна...

— Ну хорошо, хорошо... А какое же платье ты надѣнешь на балъ? Сшей нóвое... Если нужно денегъ, возьми сколько хочешь, — предлагалъ Бестужевъ, желая баловствóмъ[1]) возпаградить дочь за ея покорность.

— Я ужь подумала объ этомъ, — улыбнулась она; — нѣтъ, у меня есть всё: платье я устрою себѣ, а вотъ если хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе...

— Господи! да все чтó хочешь... — спроси только.

— Дайте мнѣ дéнегъ на матерію для этой мéбели: ее нужно обтянуть зá-ново; посмотрите, какъ она обтрепалась.

Бестужевъ оглядѣлъ комнату. Мебель дѣй-

---

[1]) ласканьемъ, любезностью.

ствительно показалась ему о́чень потёртою, и онъ удивился, какъ не замѣчалъ этого раньше.

— Ну что́-жь, я сегодня же велю управляющему, чтобы онъ пришелъ къ тебѣ за приказаніемъ, — сказалъ Петръ Михайловичъ, вставая, и простился съ дочерью.

Онъ тотчасъ отправился въ за́мокъ, приглашать герцогиню на балъ.

Едва успѣлъ уйти Петръ Михайловичъ изъ гости́ной дочери, какъ она позвала къ себѣ свою го́рничную [1]).

Молоденькая нѣмка-го́рничная, Роза, была всегда довѣреннымъ ея лицомъ и исполнительницею всѣхъ приказаній.

— У насъ будетъ скоро балъ, Роза,—сказала Бестужева.

— Это о́чень весёло... и госпожа́ будетъ веселиться, — отвѣтила та, присѣдая.

— Вы мнѣ нужны будете для одного дѣла, Роза.

— Я всегда къ услугамъ мое́й госпожи́.

— Вотъ что́: мнѣ необходимо знать, въ какомъ будетъ платьѣ герцогиня у насъ на балу, и вы это узнаете мнѣ?

— Это не мудрёное [2]) дѣло, — разсмѣялась Роза, — это о́чень легко́ узнать: у насъ есть близкія пріятельницы въ штатѣ [3]) герцогини... Госпожа́ можетъ быть покойна.

Аграфена Петровна дѣйствительно была покойна; она знала, что на Розу можно положиться вполнѣ. Отпустивъ го́рничную, Бестужева заду-

---

[1]) покоевку; [2]) трудное; [3]) свитѣ, службѣ.

малась. Вчерашній день вспомнился ей во всѣхъ своихъ подробностяхъ. И странно, первое мѣсто въ этихъ подробностяхъ занимало не униженіе перенесённое ею, не подавле́нное чу́вство стыда и горечи, которое впрочемъ далеко́ еще не изгладилось, да и не могло изгладиться; нѣтъ, на первомъ мѣстѣ было воспоминаніе о Волконскомъ. Его взволнованное лицо, сначала несчастное, потомъ сіяющее, — какъ живое стояло передъ нею.

»Что́ за глупости, — поморщилась она, — зачѣмъ я объ этомъ думаю?«

И она постаралась заня́ться подробнымъ обсужденіемъ своего бу́дущаго ба́льнаго наря́да, но вдругъ поймала себя на мысли о томъ, понравится-ли ея платье князю Никитѣ. И опять задумалась о немъ.

А Волконскій въ это время ходилъ большими шагами по кабинету Черемзина, круто поворачиваясь по угламъ на каблукахъ[1]). Черемзинъ сидѣлъ у стола и улыбался хитрою, дружески-насмѣшливою улыбкою. Сегодня утромъ, вернувшись изъ города, онъ сказалъ Никитѣ Ѳедоровичу, что теперь только и разговоровъ что́ о вчерашней охотѣ и, между прочимъ, о немъ, Волконскомъ.

— Я-то тутъ при чемъ? — спросилъ Никита Ѳедоровичъ.

— Веди себя, мой другъ, впередъ и́наче, умѣй сдерживаться! — наставительно пояснилъ

[1]) „обцасахъ" (сапогъ).

Черемзинъ. — Ты думаешь, я не видѣлъ вчера исторію съ кувши́номъ мёда?..

— Какую исторію съ кувши́номъ? — спросилъ упавшимъ голосомъ Волконскій, отлично понимая, про что́ говорятъ ему.

— Ты знаешь, — отвѣчалъ Черемзинъ, — неужели, ты думаешь, никто не замѣтилъ, что ты совсѣмъ такъ, какъ ты есть, влюблёнъ въ Бестужеву!

Эти слова »влюбленъ въ Бестужеву«, до того показались Волконскому низменными и пошлыми, въ сравненіи съ тѣмъ чу́вствомъ, которое онъ испы́тывалъ теперь, что кровь прилила ему въ голову и злоба сдавила горло.

— Вздоръ, неправда! — закричалъ Никита Ѳедоровичъ, — никто не смѣетъ говорить такъ! По какому праву?

Черемзинъ пожалъ плечами.

Волконскій нѣсколько разъ нервно прошелся.

— Я повторяю тебѣ, что это вздоръ, — заговорилъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ; — этого не можетъ быть.

— Отчего же не можетъ быть?.. Напротивъ, это вполнѣ просто и есте́ственно. Мы всѣ, кажется, влюблены тутъ въ нее... Только ты должно быть серьёзнѣе други́хъ... потому что Аграфена Петровна...

— Ну?.. — перебилъ Волконскій.

— Кажется, са́ма къ тебѣ о́чень... расположена, — проговорилъ Черемзинъ, какъ бы подыскивая подходящее выраженіе.

— Какъ? И это говорятъ? — воскликнулъ Никита Ѳедоровичъ, чувствуя, будто полъ начи-

наетъ колыха́ться подъ его ногами и вся комната вертится.

— Конечно, она ни къ кому изъ насъ такъ не относится...

— Вздоръ, вздоръ! — закричалъ опять Волконскій. — Ничего этого нѣтъ... это невозможно.

— Ну послушай, голубчикъ, сознайся: ты не влюблёнъ?

— Нѣтъ.

— И не замѣтилъ, что она именно тебя позвала вчера́ налить ей мёду?

— Нѣтъ, не замѣтилъ.

— И вполнѣ къ ней равнодушенъ?

Дальше Волконскій лгать не могъ.

— Да что́-жь это, допросъ что-ли?—спросилъ онъ. — Тебѣ какое дѣло?

Черемзинъ остановился.

— А видишь-ли?—началъ онъ:—я долженъ сообщить тебѣ одно извѣстіе, которое тебѣ можетъ быть непріятно, если наши предположенія справедливы.

— Какое извѣстіе? — испугался Никита Ѳедоровичъ.

— Да вѣдь ты говоришь, что это неправда, значитъ пугаться нечего́.

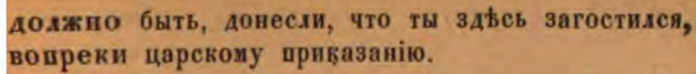
— Какое же извѣстіе? Говори, не тяни ради Бога!

— Изъ Петербурга пришелъ указъ...

Волконскій поблѣднѣлъ.

— Обо мнѣ? — спросилъ онъ.

— Да! Велятъ тебѣ ѣхать дальше. Отсюда,

должно быть, донесли, что ты здѣсь загостился, вопреки царскому приказанію.

— Господи! — могъ только выговорить Никита Өедоровичъ и закрылъ лицо руками.

— Да чего же ты? Вѣдь даже за твое ослушаніе на тебя не сердятся... Поѣзжай, — успокоительнымъ голосомъ говорилъ Черемзинъ.

Князь Никита только рукою махнулъ.

— Ну, какъ же ты не влюблёнъ? Ну какъ же? — смѣясь началъ опять Черемзинъ. — Да успокойся! Я лишь поймать тебя хотѣлъ, никакого указа нѣтъ... все это я разсказалъ такъ только, чтобъ ты попался.

Никита Өедоровичъ отнялъ руки отъ лица. Испугъ и ужасъ его были такъ сильны, что онъ готовъ былъ даже простить теперь Черемзина за то, что онъ солгалъ ему, лишь бы только его извѣстіе оказалось неправдой.

— Да ты теперь врёшь или прежде совралъ? — спросилъ онъ, едва приходя въ себя.

— Прежде, прежде совралъ. Право, никакого указа нѣтъ. Напротивъ, могу сообщить тебѣ даже пріятную новость: у входа въ за́мокъ я встрѣтилъ Бестужева; онъ пріѣзжалъ сюда приглашать герцогиню къ себѣ на балъ двадцать-девятаго, и позвалъ тоже меня съ тобою... Желаю, голубчикъ, успѣха, совѣтую танцовать »польскій« съ Аграфеной Петровной, и будь увѣренъ, что я по-пусту болтать ничего не стану, — заключилъ Черемзинъ, подходя къ Волконскому и дружески кладя ему руки на плечи.

VI.

БАЛЪ.

Въ день бáла въ домѣ Бестужева работа кипѣла съ утра. Въ саду настилали полъ для танцевъ, строили помостъ для музыкантовъ и готовили иллюминацію. Въ залахъ разставлялись столы для угощеній, средú которыхъ должна была появиться модная новинка — лимонадъ. Въ мáленькой гостúной у Бестужевой стучали молотки и ползали нѣмцы-рабочіе, спѣшившіе къ сроку околотúть мéбель нóвою матеріей.

— И зачѣмъ ты это затѣяла? — сердился теперь Петръ Михайловичъ, приходя къ дочери. — Не поспѣютъ они.

— Поспѣютъ, — успокаивала Аграфена Петровна.

Она сидѣла передъ зеркаломъ, въ бѣломъ пудермантелѣ, терпѣливо отдавъ свою голову въ распоряженіе Розы, которая причесывала её съ помощью нѣсколькихъ служáнокъ.

— А ты не ошиблась, Роза? У герцогини будетъ платье именно такое, желтое?

— Я принесла моéй госпожѣ даже образчикъ. Госпожà можетъ быть спокойна.

Лицо Аграфены Петровны было весёло и по-прежнему оживилось. Она казалось такъ была въ дýхѣ сегодня, что даже не сердúлась на обычную мéдленность Розы, съ которою та устраивала сложную причёску. Правда, на этотъ

зъ причёска ей особенно удавалась и шла къ
цу Аграфены Петровны.

Роза, какъ художникъ, любуясь своимъ про-
введеніемъ, не торопилась. Наконецъ она вплела
оверхъ высоко взбитыхъ волосъ Аграфены Пе-
ровны нѣсколько крупныхъ зеренъ отборнаго
емчуга — и причёска была готова.

Аграфена Петровна встала. Бѣлая, короткая
бка высоко открывала ма́ленькія ея ножки,
бутыя уже по ба́льному — въ свѣтло-голубыя
гласныя ту́фельки[1]) и такіе же шёлковые чулки́[2]),
рисланные ей недавно изъ Ганновера братомъ;
нъ же прислалъ ей свѣтло-голубую матерію,
ёгкую и мягкую, изъ которой было сшито се-
одня ея платье съ длиннымъ, королевскимъ
лейфомъ.

Петръ Михайловичъ нѣсколько разъ уже
одходилъ къ дверя́мъ убо́рной дочери и торо-
илъ её.

— Всё уже готово, — говорилъ онъ, —
ейчасъ гости начнутъ съѣзжаться, пора!

Аграфена Петровна тѣмъ не менѣе не спѣ-
шила. Платье уже было надѣто на ней. Двѣ
убо́рничныхъ возились со шнуровкой. Роза осма-
тривала и поправляла скла́дки.

— Настоящая княгиня, — проговорила она,
сложивъ руки и смотря на свою госпожу́.

— Что́? — переспросила Аграфена Пе-
тровна.

— Eine Fürstin, eine Fürstin, — повто-
рила Роза, — и́наче и быть не можетъ.

---

[1]) пантофлики; [2]) пончохи.

Бестужева прищу́рилась и само́довольная улыбка скользнула по ея тонкимъ губа́мъ.

Она была довольна и своимъ наря́домъ, и собою, и сегодняшнимъ днемъ.

Аграфена Петровна прошла черезъ ма́ленькую гости́ную, которая теперь была уже за́-ново обита, и направилась въ залу, гдѣ начинали собираться гости. Она оглядѣла ихъ и прежде всего замѣтила, что Волконскій ещё не пріѣзжалъ.

»Зачѣмъ я опять вспо́мнила именно о немъ?« — подумала она, стараясь отогнать отъ себя эту мысль. — »А все-таки его нѣтъ«, — снова настойчиво пришло ей въ голову. — »Пустяки!« рѣшила она.

Волконскій нѣсколько опоздалъ, благодаря Черемзину, съ которымъ долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ изъ за́мка и который одѣвался слишкомъ долго. Онъ причесывался, ду́шился[1]), мазалъ голову какою-то осо́бенной эссенціей и до того надоѣлъ князю Никитѣ, что тотъ пригрозилъ уже, что уѣдетъ одинъ, когда наконецъ Черемзинъ оторвался отъ зеркала.

Балъ не начинали до пріѣзда горцогини. Аграфена Петровна съ дамами сидѣла въ ма́ленькой гостиной. Мужчи́ны ходили по остальны́мъ комнатамъ въ ожиданіи Анны Іоанновны.

Наконецъ суетли́вый дворе́цкій[2]), ловко пробираясь между гостями, отыскалъ Петра Михайловича и предупредилъ его, что на углу́ показался экипажъ герцогини. Бестужевъ пошелъ встрѣчать ее на крыльцо[3]).

---

[1]) парфумовался; [2]) маршалъ двора; [3]) подъѣздъ предъ домомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Анна Іоанновна, ъ ярко-желтомъ, пышномъ платьѣ, нарóчно сши-омъ для нынѣшняго дня и стóившемъ долгихъ азсчетовъ и выгáдываній, любезно отвѣчая на изкіе поклоны разступившихся передъ нею остéй, прошла черезъ залу въ гостиную, гдѣ дала её Аграфена Петровна, которая, отгово-ившись болѣзнью, не пожелала встрѣтить гер-огиню у двери.

Бестужева стояла посредѝ своéй мáленькой остиной, прямая и гордая, съ торжéственной лыбкой на губáхъ.

»Боже мой, какъ хороша!« — подумалъ про её Волконскій, подойдя къ дверя́мъ вслѣдъ за ерцогиней.

Анна Іоанновна вошла въ гостиную твёр-ою, рѣшительною похóдкой, чуть потря́хивая оловою, съ выраженіемъ, дескать[1]), я знаю ама, что́ мнѣ дѣлать.

Аграфена Петровна и другія дамы низко оклонились ей. Она отвѣтила кивкóмъ головы, смотрѣлась кругомъ и какой-то внезапный ис-угъ выразился на ея лицѣ. Сначала она вдругъ окраснѣла, потомъ поблѣднѣла какъ полотно и убы ея дрогнули. А Бестужева нѣжнымъ, вкрáд-ивымъ голосомъ говорила ей въ это время:

— Милости просѝмъ, ваша свѣтлость, не годно-ли сѣсть? Вотъ кресло! Вамъ здѣсь бу-етъ удобнѣе.

Роза оправдала довѣріе своей госпожѝ. Образчикъ, который она достала, былъ дѣйстви-

[1]) говоритъ (употребляется при приведеніи словъ ругого лица).

тельно отъ платья герцогини — и мéбель гостиной оказалась обитой точь-въ-точь, отъ одного куска́, тою же самою ярко-желтою матеріей, изъ которой было сшито ея платье.

Неудержимая насмѣшка цвѣла кругомъ на лицахъ всѣхъ дамъ. Столпившіеся у дверей мужчи́ны тоже едва сдерживали смѣхъ, готовый вырваться у нихъ, а въ заднихъ рядахъ смѣшли́вый толстенькій баронъ вóвсе не могъ удержаться и фыркнулъ. Бестужевъ стоялъ блѣдный, не зная, чтó ему начать. Одна только Аграфена Петровна какъ будто ничего не замѣчала и наивно участливо смотрѣла на герцогиню, страшно измѣнившуюся въ лицѣ и готовую упасть.

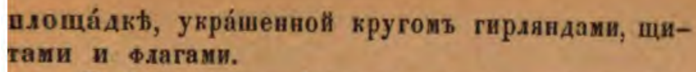
— Воды!.. воды!.. — послышался шепотъ кругомъ. — Герцогинѣ дурно.. Воды, скорѣе!

Принесли воду, хотѣли усадить Анну Іоанновну, но она, не смотря на свою дурноту, сверхъестéственнымъ усиліемъ держалась на ногахъ, не желая сѣсть на »горѣвшее какъ ея платье, словно золото« ярко-желтое кресло гостиной. Подъ руки провели её до кареты, и она внѣ себя уѣхала домой, чтобъ ни минуты больше не оставаться въ домѣ Бестужева.

Аграфена Петровна жестоко отомстила ей.

Едва успѣла уѣхать герцогиня и провожавшій её Бестужевъ не вернулся ещё въ залу, какъ по приказанію молодой хозяйки грянули литавры и трубы́, и гости попарно, въ предшествіи музыкантовъ, стали спускаться въ садъ, гдѣ должны были происходить танцы на устланной нарóчно для этого деревяннымъ полóмъ

площа́дкѣ, укра́шенной кругомъ гирляндами, щитами и флагами.

Войдя на площа́дку, мужчи́ны и дамы раздѣлились. Нужно было выбрать »царицу бала«.

— Аграфену Петровну, её, только ее! — крикнулъ Никита Ѳедоровичъ, задыхаясь отъ волненія и блестя глазами, готовый, кажется, тутъ же уничтожить всякаго, кто бы посмѣлъ возразить противъ этого.

— Ну конечно, — подтвердилъ Черемзинъ, — кого же какъ не ее?..

— Да, да, ее... Аграфену Петровну! — говорили остальны́е, и бро́нзовый золоченный жезлъ и перча́тки, обычные знаки достоинства »царицы бала«, были торже́ственно поднесены Бестужевой.

Въ са́момъ дѣлѣ она, нѣжная, милая, со своимъ жемчугомъ, лежавшимъ въ ея волосахъ въ видѣ короны, выдѣлялась изо всѣхъ, точно царица.

Аграфена Петровна сдѣлала нѣсколько шаговъ вперёдъ. Теперь ей слѣдовало выбрать маршала.

Мужчи́ны длинною верени́цей стали подходить къ ней.

Первымъ подошелъ какой-то нѣмецъ, о́чень напыщенный, древняго рода и опустился на одно колѣно, смѣло протягивая руку къ жезлу; Бестужева махнула перча́ткой. Нѣмецъ всталъ, обидѣлся и отошелъ въ сторону.

»Ну, коне́чно!« — подумалъ Волконскій.

Онъ почему-то былъ о́чень спокоенъ. Ему казалось, и онъ не сомнѣвался въ этомъ, что жезлъ будетъ переданъ именно ему, Волконскому.

Откуда явилась такая увѣренность, онъ не м
себѣ дать отчёта, но, оглядѣвшись, онъ невол
почувствовалъ, что многіе согласны съ нимъ
что навѣрное только онъ будетъ избранъ м
шаломъ.

За нѣмцемъ слѣдовалъ драгунскій офиц
за офицеромъ—опять нѣмецъ, потомъ ещё кто
потомъ толстякъ-баро́нъ, удалившійся въ стор
съ плаксиво-виноватымъ лицомъ.

Бестужева всѣмъ имъ махала перча́ткой.

Наконецъ о́чередь дошла до Никиты Ѳе
ровича. Онъ, не теряя еще своеи́ увѣренно
опустился на колѣно, тутъ только замѣчая,
ноги его дрожатъ, и вдругъ всякая наде
оставила его.

»Нѣтъ, куда мнѣ... не меня!« — говор
онъ себѣ, взглядывая на Бестужеву и испы
вая неизъяснимое наслажденіе сто́ять передъ
на колѣняхъ.

Аграфена Петровна лукаво, какъ бы въ
рѣшимости, посмотрѣла ему прямо въ глаз
улыбну́лась совсѣмъ осо́бенною улыбкой, въ
торой отразилось всё счастье влюблённаго
неё Волконскаго. Пра́вая рука ея, держав
жезлъ, чуть шевельнулась.

»Неужели?« — съ замираніемъ сердца
думалъ Волконскій, но Бестужева махнула п
ча́ткой и свѣтъ померкъ въ глазахъ Никиты
доровича.

»И откуда я это выдумалъ? — разсужд
онъ, — откуда? Зачѣмъ ей меня... о Госпо
И зачѣмъ Черемзинъ мнѣ говорилъ, что о

Нѣтъ! нѣтъ, этого быть не можетъ; нѣтъ, *теперь* — уже все кóнчено!«

Черемзинъ подошелъ къ »царицѣ« сейчасъ же за Волконскимъ.

Никита Ѳедоровичъ видѣлъ, какъ онъ опустился на колѣно, какъ Аграфена Петровна протянула ему жезлъ, дала поцѣловать свою руку и приложила два пальца къ его щёкѣ, исполняя старинный обрядъ посвященія въ рыцари.

Все это было на его глазахъ.

Музыка заиграла »польскій«. Торжествующій Черемзинъ, слегкá покачиваясь всѣмъ корпусомъ и развѣвая пóлы своего богатаго атласнаго кафтáна, повелъ Аграфену Петровну въ первой парѣ въ тактъ, подъ мѣрные звуки »польскаго«.

Волконскій остался въ числѣ немногихъ молодыхъ людей, которымъ не хвáтило дамъ. Но онъ, разумѣется, и не желалъ танцовать теперь. Теперь ничто ему уже не нравилось здѣсь. Онъ твердо рѣшилъ сейчасъ же уѣхать домой, какъ только вотъ кóнчится этотъ »польскій«. Мало тогó: онъ былъ увѣренъ, что завтра же уѣдетъ на-всегдá изъ Митавы, будетъ заниматься »дѣломъ« и ни за чтó не встрѣтится съ Аграфеной Петровной. Пусть она веселится съ Черемзинымъ, съ кѣмъ угодно, но онъ, князь Никита, забудетъ ее какъ можно скорѣе. Кáкое собственно это было »дѣло«, которымъ онъ собирался заняться,—онъ, разумѣется, не зналъ хорóшенько; но онъ былъ увѣренъ, что то, чтó онъ сдѣлаетъ, будетъ óчень важно и нужно. Ему по крайней мѣрѣ казалось такъ.

Аграфена Петровна въ это время, въ
съ Черемзинымъ, два раза уже прошла
Волконскаго, и теперь, дѣлая третій кругъ,
приблизилась къ нему. Она смотрѣла пря
него съ задорною, вызывающею улыбкой.
опустилъ глаза, стараясь въ свою очередь
нуться какъ можно равнодушнѣе и не гл
на нее. Но Бестужева оставила руку Чере
и протянула ее Волконскому.

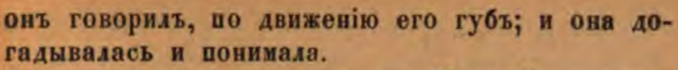
Черемзинъ, какъ ни въ чемъ не бы
какъ будто онъ ничего не терялъ и не вы
валъ, принялъ даму слѣдующей пары и п
её, по-прежнему покачиваясь и развѣвая
кафта́на. Никита Ѳедоровичъ пошелъ впере
царицей ба́ла.

Онъ чувствовалъ съ своей рукѣ ма́лен
тонкую ручку Аграфены Петровны — и ея
косновеніе заставляло въ немъ сердце не
жимо биться, грудь его наполнялась востор
нымъ тре́петомъ, мысли путались и перехо
на-яву́ въ какія-то чарующія, волшебныя
»Да вѣдь это *она*, са́ма она, со мною
домъ... Боже, какъ хорошо́!.. Пре́лесть моя
думалъ Волконскій, напрасно стараясь де
прямо и ровно свою непослушную, дрож
руку.

— Что́ это съ вами?—спросила Бесту

— Не знаю, — отвѣтилъ Волконскій, —
чемъ я знаю?..

Онъ, не теряя такта, ускорилъ шаг
заговорилъ тише, такъ тихо, что Аграфена
тровна могла лишь догадываться о томъ, о

онъ говорилъ, по движенію его губъ; и она догадывалась и понимала.

— А вы загостились въ Митавѣ! — снова заговорила она; — вѣдь вы проѣздомъ здѣсь?

— Не знаю... пра́во, не знаю... Я знаю теперь лишь одно, что никогда́ не уѣду отсюда...

Она взглянула на него́ своими ясными, милыми глазами, какъ бы спрашивая этимъ взглядомъ: »отчего́?«

»Оттого́, что я люблю тебя!« — чуть не вырвалось у него́, но онъ сдержалъ себя и ничего́ не отвѣтилъ, глубоко вздохнувъ только.

Она улыбну́лась и ниже опустила голову.

Петръ Михайловичъ Бестужевъ, проводивъ герцогиню, вернулся къ гостямъ разсе́рженный. Онъ отлично понималъ, что дочь его наро́чно устроила себѣ торжество́ въ за́ново-обитой гости́ной, и боялся, какъ бы это торжество не сто́ило ему слишкомъ многаго, е́сли взбѣшенная Анна Іоанновна напишетъ въ Петербургъ жа́лобу. Онъ трево́жился и се́рдился, но волей-неволей долженъ былъ при важныхъ гостя́хъ сдерживать себя и не показывать ви́ду, что недово́ленъ чѣмъ-нибудь. Напротивъ, онъ старался быть какъ можно любезнѣе съ »оберратами«, старался заня́ть пріятнымъ разговоромъ богатыхъ и сановитыхъ баро́новъ и мало-по-малу разошелся самъ и, выпивъ стаканъ крѣпкаго меду, совсѣмъ развеселился.

Въ садъ на террасу онъ вышелъ улыбаясь и позабывъ на время недавнюю непріятность. Со ступенекъ террасы была видна разукра́шенная площа́дка, гдѣ происходили танцы, — и веселье,

царившее тамъ, громъ музыки и причу́дливая, но красивая, движущаяся пестрота толпы́ танцующихъ пріятно поразили его. Воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ цвѣтовъ, чистъ и спокоенъ; деревья, точно на картинѣ, стояли недви́жимы и тихи.

Разглядывая танцующихъ, Бестужевъ сейчасъ же замѣтилъ среди нихъ свою дочь, которая шла въ первой парѣ. При видѣ ея въ немъ было снова проснулось недовольство ея поступкомъ съ герцогинею, но онъ постарался сдержать себя.

»Съ кѣмъ это она?« — подумалъ онъ, стараясь разсмотрѣть, съ кѣмъ танцуетъ Аграфена Петровна. Онъ узналъ Волконскаго.

По сіяющему, радостному лицу князя Никиты и въ осо́бенности по смущенію дочери, которое не могло скрыться отъ отцовскаго глаза, Петръ Михайловичъ догадался, что между ними что-то происходитъ теперь, что и князь и дочь его не совсѣмъ равнодушно ходятъ въ парѣ подъ звуки этого »польскаго«, и вдругъ онъ вспо́мнилъ недавнюю охоту, которая тоже казалась ему подозрительною.

»Такъ вотъ оно что́!« — рѣшилъ Бестужевъ, — »ну, хорошо, посмотримъ...«

Досада и гнѣвъ противъ дочери закипѣли въ немъ. Поло́жимъ, онъ никогда не былъ приверженцемъ ста́рыхъ московскихъ порядковъ: сына весьма охотно отдалъ на воспитаніе въ Берлинъ и радовался, когда тотъ, око́нчивъ тамъ курсъ, поступилъ на иностранную службу; самъ онъ наконецъ служилъ за-границей, давно ставъ

европейскимъ человѣкомъ, и держалъ дочь свобо́дно, во́все не по-московски. Но теперь, когда на самомъ дѣлѣ ви́димо происходило то, о чемъ онъ проповѣдывалъ такъ часто на словахъ, въ немъ невольно поднялось скрывавшееся гдѣ-то на днѣ души чу́вство отцо́вской, слѣпой власти надъ дочерью — и онъ возмутился ея самостоятельностью, которую самъ же допустилъ и которую не стѣснялъ никогда́ до сихъ поръ.

Онъ вспо́мнилъ свою со́бственную жени́тьбу, вспо́мнилъ, какъ еще сравнительно неда́вно дѣвушка не смѣла смотрѣть даже на жениха́, а не только на посторонняго молодаго человѣка, — вдругъ его родна́я дочь вотъ такъ свобо́дно разгова́риваетъ съ пріѣзжимъ княземъ Волконскимъ; у нихъ можетъ-быть тамъ рѣшается что-нибудь, а онъ, отецъ, ничего́ не знаетъ...

Петръ Михайловичъ больши́ми, тяжелыми шагами спустился съ лѣстницы и направился къ площа́дкѣ.

Въ эту минуту какъ разъ ко́нчился »польскій«, и пары съ глубокимъ поклономъ расходились въ разныя стороны.

Бестужевъ, сдви́нувъ брови и сердито опустивъ углы́ губъ, подозвалъ къ себѣ дочь.

— Отчего́ ты танцуешь съ Волконскимъ?— спросилъ онъ, не скрывая своего́ гнѣва.

Аграфена Петровна наивно, удивлённо взглянула на него́.

— Надо же съ кѣмъ-нибудь танцовать,—отвѣчала она, — для того и балъ.

— Хорошо́... Но больше ты не будешь танцовать съ нимъ во весь вечеръ! Слышала?

— Я избрана царицей ба́ла, — возраз
съ улыбкой Аграфена Петровна, — и здѣсь,
зако́ну и обычаю, всё въ моей власти: я м
дѣлать все что́ хочу и танцовать съ кѣмъ
угодно.

Она была пра́ва; обычай былъ дѣйствител
таковъ. Петръ Михайловичъ ничего́ не могъ с
зать ей. Родительская власть его здѣсь не им
силы.

— Чортъ возьми ваши обычаи и эти тан
— процѣдилъ онъ сквозь зубы, и на весь
черъ остался уже молчаливый и непривѣтлив
съ нетерпѣніемъ ожидая, когда наконецъ ра
ѣдутся гости.

Черемзинъ, какъ маршалъ, распоряжавші
танцами, велѣлъ играть менуэтъ и сталъ уст
ивать пары... Аграфена Петровна танцовала
нуэтъ опять съ Волконскимъ...

VII.

Отецъ.

Проводивъ послѣдняго гостя, Бестуж
направился, не смотря на поздній часъ, пр
въ убо́рную дочери. Аграфена Петровна, у
мленная весе́льемъ этого дня, сидѣла у зерк
въ большомъ мягкомъ креслѣ, медля́ поз
своихъ служа́нокъ. Она желала остаться нѣскол
минутъ теперь одна, сама съ собою, послѣ в
этого бальнаго шума, пестроты, суетни, и бле
Она откинулась на спинку кресла и сидѣла т

не мѣняя положенія и наслаждаясь тишинóй и покоемъ.

Отецъ вошелъ быстро, не постучáвъ предварительно въ дверь, и большими шагами приблизился къ креслу.

Аграфена Петровна вздрогнула.

— Господи, какъ вы меня испугали! — проговорила она.

— Спасибо, Аграфена Петровна, зѣло тебѣ спасибо! — началъ тотъ сердитымъ голосомъ.— Скажи, пожалуйста, чтó все это знáчитъ?

Бестужева не была удивлена ни вопросомъ, ни вообще неудовольствіемъ отца. Она знала зарáнѣе, что дѣло не обойдется безъ серьезнаго объясненія, но она не ожидала того тона, которымъ говорилъ теперь Петръ Михайловичъ. Онъ никогдá не обращался такъ съ нею.

— Простите, батюшка, но сегодня я просто не могу говорить: я устала, не здоровится мнѣ; завтра...

— Если я говорю, такъ не завтра, а сегодня, — рѣзко перебилъ Бестужевъ; — да изволь встать, когда говоришь съ отцомъ! — вдругъ крикнулъ онъ и отвернулся.

Аграфена Петровна испуганно подняла свои прекрасные, выразительные глаза на отца, недоумѣвая, чтó сдѣлалось съ нимъ, и тихо встала съ кресла, опустивъ голову и покорно сложивъ руки, готовая теперь его слушать и подчиняться ему.

Эта ея покорность,—напускнáя покорность, какъ воображалъ Бестужевъ, — только больше взбѣсила его. Онъ хотѣлъ, чтобъ лучше она

разсéрдилась, вспылúла, расплакалась наконецъ, хотя онъ терпѣть не могъ слёзъ, только бы она дала ему поводъ вылить, въ потокѣ укорúзненныхъ словъ, накипѣвшую въ его груди злобу. Но она стояла передъ нимъ, тихая и милая, въ своемъ великолѣпномъ нарядѣ, который удивительно шелъ къ ней.

— Извольте-жъ отвѣчать, сударыня!—проговорилъ, едва сдерживаясь, Петръ Михайловичъ.

— Да въ чемъ же я виновата? — произнесла, вполнѣ овладѣвъ собою, Аграфена Петровна.

— Мéбель... мéбель, это разъ! — снова закричалъ Бестужевъ, раздражаясь ужé рѣзкимъ звукомъ сóбственнаго голоса и въ осóбенности тѣмъ, что не можетъ сдержать гнѣва.

— Это не болѣе, какъ случáйность; почемъ же я могла знать, что это такъ выйдетъ?..

— Знаю, все это я знаю, и знаю тоже, что не случайность... меня-то, мáтушка, не проведешь!.. Ты вотъ тутъ думаешь о своемъ самолюбіи, а мнѣ приходится расплáчиваться за это, — горячился Петръ Михайловичъ. — Чтó ты думаешь, *она* (онъ произнесъ это слово такъ, что было ясно, что онъ разумѣетъ герцогиню) не напишетъ теперь обо всемъ въ Петербургъ, не станетъ жаловаться?.. Лёгкая штука, нечегó сказать! И попомни мое слово, дáромъ тебѣ эта мéбель не пройдетъ... Вотъ увидишь, когда-нибудь да вспóмнится... отомститъ она тебѣ!.. Ну, а затѣмъ Волконскій...

— Чтó же Волконскій? — спросила вдругъ Аграфена Петровна.

Бестужевъ остановился, подыскивая выраженіе, которое соотвѣтствовало бы тому, чтó онъ хотѣлъ сказать.

— Чтó у тебя было съ нимъ, а?

Она не отвѣтила.

— Чтó у тебя было съ нимъ? — повторилъ Петръ Михайловичъ.

— Рѣшительно ничего... Чтó-жь, я только танцовала... я могла сдѣлать это. Тутъ не было ничегó дурнаго...

Бестужевъ закусилъ губу.

— Ахъ, знаю я это все, — повторилъ онъ, — да вѣдь ты же понимаешь... вѣдь видишь, что онъ безъ умá отъ тебя...

— Чтó-жь изъ этого? — улыбнýлась Аграфена Петровна.

— Ну, а сáма ты?

— Если все видите, такъ должны и объ этомъ знать,—возразила она, пристально взглядывая на отца, ожидая, чтó онъ отвѣтитъ.

— Та-акъ! — протянулъ онъ; — а если, по-моему, и сáма ты...

— Чтó я сáма?.. Ну, это неправда, неправда... Ничего я сама... Для меня Волконскій рѣшительно какъ всѣ другіе, — волновалась Аграфена Петровна, а въ головѣ у ней мелькало въ это время: »Господи! неужели замѣтно?... неужели я въ самомъ дѣлѣ?.. да нѣтъ, нѣтъ...» — Этого не можетъ быть, — продолжала она вслухъ... — Кто вамъ сказалъ это, или вы сáми замѣтили?..

— Это все равно, — заговорилъ снова Бестужевъ,—но éсли это такъ, то я тебя пред-

упреждаю, что этого никогда́ не будетъ; я не позволю... Слышишь, не позволю... Я тебѣ дамъ безъ отца, никогда не спросясь... замужъ выходить!.. Ишь выдумала... волю забрала; такъ я съумѣю привести тебя на путь истинный!

И онъ, круто повернувшись, ушелъ, застучавъ каблуками и не простившись съ нею.

Аграфена Петровна долго оставалась передъ зеркаломъ такъ, какъ оставилъ её отецъ. Мысли съ осо́бенною, необычайною быстротою мѣнялись въ головѣ. Гнѣвъ отца, торжество́ надъ герцогиней, невы́ясненное до сихъ поръ и вдругъ получавшее теперь точно какую-то опредѣленную форму чу́вство къ Волконскому — все это волновало ее, трево́жило, не давало успокоиться.

Она забыла объ усталости и чувствовала, что сонъ не придетъ къ ней... Грудь ея точно была стѣснена чѣмъ... »Шнуровка«, пришло ей въ голову, и она подумала о своемъ наря́дѣ и оглядѣла себя въ зеркало съ ногъ до головы.

»Eine Fürstin—настоящая княгиня«, вспо́мнила она слова Розы.

Аграфена Петровна позвала Розу, велѣла раздѣть себя и подать свой широкій шелковый шлумперъ [1]).

— Я еще не лягу въ постель, — пояснила она и, сѣвъ за свой ма́ленькій письменный столъ, тщательно очинила перо и начала письмо къ брату въ Ганноверъ.

Она, по-нѣмецки, писала ему о перемѣнѣ въ отцѣ, объ его вспышкѣ и о томъ, что онъ

---

[1]) „шлафрокъ“.

вдругъ выразилъ желаніе стать тираномъ ея души въ противность тому просвѣщенію, которое столь свойственно всему роду Бестужевыхъ... О Волконскомъ, разумѣется, въ письмѣ не было рѣчи, да и не о немъ теперь бозпокоилась Аграфена Петровна. Ей важно было выяснить при помощи брата, неужели если дѣйствительно она полюбитъ кого-нибудь, то отецъ можетъ положить запретъ на ея свободную любовь, на лучшее чу́вство души ея...

Анна Іоанновна въ этотъ вечеръ тоже долго не ложилась спать и тоже писала. Она писала медленно, постоянно морщась и съ неимовѣрнымъ трудомъ обдумывая »штиль« своего письма. Вернувшись домой, она быстро скинула свое ярко-желтое платье и тутъ же подарила его камеристкѣ, потомъ прогнала всѣхъ изъ комнаты и сѣла писать прямо къ дядѣ-государю... Она долго перечеркивала, переписывала и передѣлывала, но составивъ наконецъ слезную жалобу на Бестужева царю Петру, перечитала её и изорвала... Она положительно не могла написать такъ, какъ слѣдовало... Всѣ письма къ государю сочинялъ ей самъ Петръ Михайловичъ, и теперь некому было замѣнить его.

»Господи, что́ же дѣлать мнѣ?« — спрашивала себя Анна Іоанновна. — »Матушкѣ написать; она моя единственная защитница«,—рѣшила она, и уже безъ помарокъ и перечеркиванья написала многословное посланіе къ царицѣ Прасковьѣ, въ которомъ жаловалась на терпимыя ею въ Курляндіи притѣсненія и просила, чтобы ма-

тушка умолила своего де́веря-царя отозвать отсюда Бестужева.

»Ну, Петръ Михайловичъ, посмо́трите вы съ вашей Аграфеной теперь! Ужь я терплю-терплю, а потомъ добьюсь своего, посмотримъ... Заговорите вы, какъ уберутъ васъ-то отсюда!« — думала Анна Іоанновна, заранѣе радуясь тому, какъ »разжалуютъ« [1]) Бестужева, въ чемъ она не сомнѣвалась, надѣясь, что государь ни въ чемъ не откажетъ покорной своей золовкѣ [2]).

На другой же день Петръ Михайловичъ узналъ, что герцогиня послала уже рано утромъ секретнаго гонца въ Петербургъ съ собственноручнымъ письмомъ къ матушкѣ-царицѣ Прасковьѣ. Цѣль этого посланія и содержаніе письма были ясны Бестужеву.

Когда онъ, по обыкновенію, пріѣхалъ къ герцогинѣ утромъ съ докладомъ, она не приняла его. Дѣло выходило серьёзнымъ, такъ какъ Анна Іоанновна, видимо, начала открытую борьбу, и Петръ Михайловичъ задумался, не зная на этотъ разъ силы противника. На такой явный разрывъ съ нимъ герцогиня могла рѣшиться только заручившись твёрдою поддержкою въ Петербургѣ, а Бестужевъ зналъ, что такая поддержка не невозможна для нея. Онъ выждалъ нѣсколько дней, не одумается-ли Анна Іоанновна и не пришлетъ-ли за нимъ; но она не присылала. Тогда онъ еще разъ попробовалъ явиться въ за́мокъ, но его опять не приняли... Очевидно, герцогиня не боялась его.

---

[1]) сдеградуютъ; [2]) братовой.

Петръ Михайловичъ дóма ходилъ сердитый, не въ духѣ, упрекалъ дочь за случившееся, и обхожденіе его съ нею совершенно измѣнилось... Въ обществѣ онъ старался казаться равнодушнымъ и веселымъ, но многіе замѣчали, что это равнодушіе и веселье служили только маскою для того безпокойства, отъ котораго не былъ въ силахъ отдѣлаться Бестужевъ.

Анна Іоанновна, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга на свое посланіе, переѣхала на житье въ Вирцау и, странное дѣло, Митавскій зáмокъ съ отъѣздомъ хозяйки не только не опустѣлъ, но, напротивъ, въ немъ точно проснулась жизнь. Не стѣсняемое теперь присутствіемъ герцогини, населеніе зáмка оживилось, въ саду появились гуляющіе, на дворѣ показалась прислуга, въ окнахъ дольше обыкновеннаго по вечерамъ блестѣли огни — и только покои герцогини темнѣли по-прежнему.

Волконскій съ утра выходилъ въ садъ, не боясь уже встрѣчи съ герцогиней, и подолгу гулялъ тамъ со своею книжкой.

Онъ находился теперь въ самомъ блаженномъ состояніи счастливаго влюбленнаго и, наслаждаясь воспоминаніями бала, думалъ только объ Аграфенѣ Петровнѣ и искалъ съ нею встрѣчи.

Черемзинъ разсказалъ ему, что на-дняхъ будетъ храмовой праздникъ въ церкви Освальдскаго зáмка, гдѣ жилъ старый графъ Отто, и что въ этотъ день вся Митава бываетъ у него въ гостяхъ...

Князь Никита сейчасъ же подумалъ, что вѣрно тамъ будутъ Бестужевы и что хорошо было бы попасть туда, если это возможно.

За́мокъ Освальдъ, расположенный н
отъ Митавы, вверхъ по рѣкѣ Аа, на лѣв
берегу, на небольшомъ холмѣ, былъ ос
въ 1347 году рыцаремъ Ливонскаго
Освальдомъ и сохранилъ все свое прежне
личіе, несмотря на пронесшіеся надъ ег
нами вѣка.

Народное движеніе, реформація и нак
распаденіе Ордена прошли для замка безсл
и въ началѣ XVIII столѣтія жившій тамъ
дѣтный старецъ графъ Отто — послѣдній Осв
— оставался вѣрнымъ католикомъ и ре
охранялъ свой за́мокъ отъ всякаго новшест

Графъ никого не принималъ и самъ не
ходилъ за черту своихъ окоповъ. Народъ
него разсказывалъ басни; говорили, что
алхимикъ и чародѣй, а въ Митавѣ считали
просто выжившимъ изъ ума́ съумасброднымъ
рикомъ, хотя и отзывались о немъ съ уваженіе

За́мокъ, со своими высокими стѣнами, р
башнями и бойницами, съ подъемнымъ, г
мѣвшимъ цѣпями, мостомъ, имѣлъ снаружи стра
ный, таинственный видъ и казался необитаемы
Только въ утренній часъ обѣдни изъ-за эти
стѣнъ раздавались мѣрные удары колокола.

Старый графъ жилъ у себя какъ хотѣл
никому не мѣшая, и не позволялъ, чтобы мѣша
ему. Онъ рабски придерживался дѣдовскихъ обы
чаевъ, завѣщанныхъ ему отцомъ, на котораг
былъ очень похожъ своими причудами и стран-
ностями.

Въ обыкновенное время ворота за́мка ни-

когда не растворялись для случайнаго посѣтителя или гостя. Разъ только въ годъ, въ запрестольный праздникъ за́мковой церкви, ворота эти были отворены для всѣхъ желающихъ, и тогда всякій, кто хотѣлъ, и знатный, и простолюдинъ, могъ идти въ гости къ ста́рому графу. Для наро́да устраивалось угощеніе на дворѣ, а благородныхъ госте́й провожали въ столову́ю залу къ графу.

Такимъ образомъ попасть туда Волконскому бычо очень легко́ и возможно.

VIII.

Старый замокъ.

— Да вставай, братъ, вставай!.. не то опоздаемъ... — будилъ давно умытый, причесанный и почти одѣтый князь Никита лежавшаго еще въ постели Черемзина.

— А-а-а, который часъ? — зѣвая спрашивалъ Черемзинъ.

— Скоро шесть.

Было еще половина шестаго утра, но Волконскій нарочно сказалъ больше.

— Такъ рано! Еще успѣемъ... — соннымъ голосомъ отозвался Черемзинъ и повернулся къ стѣнѣ.

— Ну, что́ мнѣ съ тобой дѣлать? — безпокоился Никита Өедоровичъ.—Гдѣ-жь мы успѣемъ? Ты одѣваться будешь полтора часа по меньшей мѣрѣ... Да самъ ты вчера́ говорилъ,

что до Освальда часъ ѣзды будетъ, зна́читъ пріѣдемъ туда въ половинѣ девятаго, а нужно быть въ восемь.

— Зна́читъ пріѣдемъ въ половинѣ девятаго, —согласился Черемзинъ, садясь на постель, потягиваясь и мигая слипавшимися еще отъ сна глазами. — Знаешь, князь, — вдругъ сообразилъ онъ, — мы вотъ что́ сдѣлаемъ: во́все не поѣдемъ...

Волконскій только рукой махнулъ.

— Вѣдь все равно опоздали, — продолжалъ Черемзинъ.

— Да встанешь-ли ты? Можетъ и не опоздали.

— Да вѣдь ея не будетъ...

— Кого ея?

— Не знаешь?..

И Черемзинъ лукаво прищурилъ правый глазъ.

— Послушай, наконецъ... — началъ было уже разсердившійся князь Никита.

— Ты постой злиться! Я тебѣ пріятную новость могу сообщить.

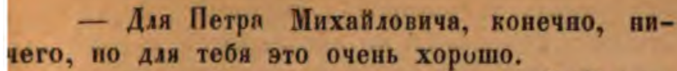
— Ну? — спросилъ, мѣняя тонъ, Волконскій. — Да вѣрно опять врёшь что-нибудь.

— Нѣтъ, не вру. Вчера́ я положительно узналъ, что Бестужева отзываютъ отсюда.

— Ну, что́-жь изъ этого?

— Ну, зна́читъ онъ будетъ въ немилости, лишится своего положенія, можетъ-быть состоянія. Герцогиня вотъ уже сколько времени не принимаетъ его; словомъ, Бестужевъ наканунѣ паденія.

— Такъ что́-жь тутъ пріятнаго?

— Для Петра Михайловича, конечно, ничего, но для тебя это очень хорошо.

— Да чтó ты, не проснулся вѣрно? Чтó ты за вздоръ говоришь?

— Нѣтъ не вздоръ, голубчикъ; вѣдь ты Аграфену Петровну любишь?

Волконскій молчалъ.

— Любишь ты ее или нѣтъ, я тебя спрашиваю?

— Ну, хорошо... дальше чтó?

— А если ты ее любишь, то ни на богатство, ни на протекцію ея отца вниманія не обращаешь.

— Послушай... — перебилъ Волконскій.

Но Черемзинъ не далъ ему заговорить.

— Значитъ, — пояснилъ онъ,—то, чтó казалось невозможнымъ или труднымъ, когда Бестужевъ былъ въ силѣ, то станетъ весьма просто и, напротивъ, очень достойно съ твоей стороны, когда онъ впадетъ въ немилость...

— То-есть?

— Да сватовство твое къ Аграфенѣ Петровнѣ! — отрѣзалъ вдругъ Черемзинъ и, спустивъ ноги съ кровати, быстро сталъ одѣваться.

На этотъ разъ Черемзинъ окончилъ свой туалетъ довольно поспѣшно, и не было еще половины седьмаго, когда они выѣхали верхомъ, быстрою рысью, за городъ.

Слова Черемзина всю дорогу мучили Волконскаго. Онъ не могъ не сознаться, что слова эти были счастливою и чудною истиной, но, несмотря на это, для него Аграфена Петровна все-таки казалась такъ недосягаемо прекрасна, что

то счастіе, о которомъ говорилъ Черемзи
являлось неземнымъ, не здѣшнимъ, и потому д
простаго смертнаго невозможнымъ.

— Фу! Я съ ума сойду,—повторялъ о
схватываясь за голову.

Они подъѣхали къ зáмку какъ разъ вó-вре
когда только-что загудѣлъ церковный колокс
и ворота отворились.

Ожидавшая этой минуты толпа народа
валила въ ворота, пропуская впередъ госпо
скихъ лошадей. Всѣ торопились, потому что
послѣднимъ ударомъ колокола ворота затвор
лись снова, и въ продолженіе всего дня,
вечера, нельзя было ни войти въ зáмокъ,
выйти изъ него.

Узенькій первый дворъ зáмка, стиснут
между двумя, почти лишенными оконъ стѣна
былъ вымощенъ плоскими квадратными камня
между которыми пробивалась сорная трава,
казался пустыннымъ и непривѣтливымъ. Но
вторыми, башенными воротами открывалась ш
рокая, обсаженная деревьями и усыпанная
скомъ плóщадь, гдѣ готовилось угощеніе д
простонародья.

Обогнувъ эту площадь, благородные го
подъѣзжали къ длиннымъ ступенямъ главна
подъѣзда, у дверей котораго вытянулись и з
стыли, словно каменные, держа на-óтмашь св
алебарды, два латника[1]) въ старинномъ тяжело
и блестѣвшемъ на солнцѣ вооруженіи.

Волконскій слѣзъ съ лошади и, отдавъ

---

[1]) панцырника, кирасира.

конюху, сталъ, вслѣдъ за другими, подыматься по лѣстницѣ въ покои графа.

Знакомый теперь князю Никитѣ митавскій за́мокъ Кетлеровъ, гдѣ жила герцогиня со своею свитою, былъ почти на цѣлое столѣтіе старѣе Освальда, но имѣлъ гораздо болѣе современный видъ даже снаружи, не говоря уже о внутреннемъ убранствѣ. Двѣ высокихъ, со стрѣльчатыми сводами и окнами залы, которыя миновали гости, имѣли строгій до мельчайшихъ подробностей характеръ глубокой старины, тщательно сохраненной. Узкая галерея, съ длиннымъ рядомъ фамильныхъ портретовъ графовъ Освальдовъ, вела въ церковь, гдѣ начиналась обѣдня. Церковь эта, освѣщенная прозрачною мозаикой мелкихъ разноцвѣтныхъ стеколъ, съ открытымъ католическимъ алтаремъ, была не велика. Впрочемъ и гостей, допущенныхъ сюда, было немного.

Впереди, на особомъ, обтянутомъ краснымъ сукномъ, мѣстѣ, сидѣлъ самъ старикъ графъ Освальдъ, одѣтый въ черный бархатный кафтанъ покроя шестнадцатаго столѣтія. На плечахъ у него была графская мантія.

Гости размѣстились по скамейкамъ: въ первыхъ рядахъ дамы, мужчины позади.

Вся эта обстановка за́мка и графъ, въ своемъ черномъ одѣяніи, рѣзали глазъ непривычною важностью и по-своему были величественно красивы, но какъ-то ужь слишкомъ »по-своему«, въ особенности въ сравненіи съ шуршавшею своимъ этласомъ и шелкомъ толпою гостей, въ нарядахъ, къ которымъ привыкъ глазъ Волконскаго. Но Никита Θедоровичъ не обращалъ почти

ни на кого и ни на что́ вниманія, потому что та, для которой онъ пріѣхалъ, была здѣсь.

Бестужевъ нарочно явился съ дочерью въ Освальдъ, желая показать, что дѣла его идутъ вовсе не дурно и что онъ совершенно спокоенъ и веселъ.

Служба продолжалась долго. Сначала патеръ говорилъ длинную проповѣдь по-нѣмецки, потомъ началась торжественная обѣдня при звукахъ органа и пѣнія. Волконскій нетерпѣливо ждалъ окончанія Службы, чтобы имѣть возможность подойти и заговорить съ Аграфеной Петровной, но возможность эта представилась не скоро. Когда вышли изъ церкви, Бестужева съ отцомъ и прочими важными людьми прошла впередъ, и Никитѣ Ѳедоровичу неудобно было попасть въ ихъ среду, но онъ видѣлъ, что Аграфена Петровна, пройдя мимо него, замѣтила его и знала, что онъ здѣсь, и что онъ любитъ ее и восхищается ею. Этимъ сознаніемъ онъ утѣшился.

Послѣ обѣдни, графъ, перейдя въ залу, привѣтствовалъ важныхъ гостей и здоровался съ остальными, которые по очереди подходили къ нему и которыхъ не ошибаясь называлъ графу мажордомъ, неизвѣстно какъ и откуда узнавшій уже ихъ имена.

Представленіе кончилось, раздался звукъ рожка, и два пажа въ серебряныхъ эпанчахъ, съ гербами графскаго дома Освальдовъ, настежь распахнули большія дубовыя двери въ сосѣднюю залу, гдѣ былъ приготовленъ столъ для угощенія.

Столъ этотъ имѣлъ форму подковы и былъ сплошь заставленъ тяжелою серебряною посудой, кубками и кувшинами. Передъ каждымъ стуломъ съ рѣзною высокою спинкой на столѣ стояли серебряныя тарелки, но ни ножей, ни вилокъ, запрещенныхъ въ старину въ католическихъ монастыряхъ, не лежало возлѣ нихъ.

На серединѣ стола и на обоихъ концахъ его, въ серебряныхъ бассейнахъ били небольшіе фонтаны бѣлаго и краснаго вина. Тутъ же стояли цѣлыя затѣйливыя сооруженія изъ тѣста, украшеннаго разноцвѣтною глазурью: высокій зáмокъ съ башнями, дверьми и окнами, корабль съ парусами и снастями, огромный павлинъ, распустившій свой хвостъ, мельница съ вертящимися крыльями, увитый плющемъ Бахусъ на бочкѣ... Бѣлая реймская скатерть была увѣшана и покрыта гирляндами цвѣтовъ.

— Чтó, хорошо?..—спросилъ Черемзинъ Никиту Ѳедоровича, усаживавшагося съ нимъ за столъ.

— Чтó-жь, хорошо!—согласился Волконскій, оглядываясь и напрасно ища салфетки и прибора; — только какъ же ѣсть?

Хотя отсутствіе прибора и не особенно поразило его, — самъ царь Петръ ѣлъ часто просто руками, — но онъ сдѣлалъ свой вопросъ, потому что Аграфена Петровна могла увидѣть, какъ онъ будетъ пальцами пачкаться въ кушаньѣ.

Черемзинъ однако успокоилъ его, что у графа такое ужь обыкновеніе, да и кушанья будутъ подаваться совсѣмъ особенныя.

Дѣйствительно, князь Никита никогда еще

не пробовалъ сухаго винигрета изъ бараньи
языковъ, приправленныхъ разными пряностя
съ котораго начался обѣдъ. За этимъ первы
блюдомъ слѣдовалъ цѣлый безконечный ря
разныхъ разностей: цыплята въ уксусѣ, кабан
мясо съ каштанами, телячьи сосиски, рыба
шеная и вяленая, дичь съ золочеными клюва
и ногами, паштеты изъ ласточекъ, артишоко
каплуновъ и бычачьихъ языковъ, потомъ спарж
сыры, засахаренные огурцы, компотъ изъ сли
наконецъ торты и пироги итальянскіе, слоен
аглицкіе, на сливкахъ и на бѣломъ винѣ. Во
конскій не только не могъ всего этого съѣс
но даже запомнить по-порядку.

После каждаго блюда пажи, съ кувшина
розозой воды, обходили гостей и подавали и
мыть руки.

Графъ сидѣлъ все время молчаливо и н
подвижно, мало ѣлъ и изрѣдка пилъ что-то т
кое особенное изъ стоявшаго передъ нимъ ч
ловѣческаго черепа, обдѣланнаго въ серебро
видѣ кубка.

— А знаешь-ли, ужасная тоска!—шепну
Волконскій Черемзину, который только пове
бровями, какъ будто говоря: »вѣдь я предупр
ждалъ, что не стоило вставать такъ рано«.

Никита Ѳедоровичъ даже не могъ глядѣ
на Бестужеву. Хвостъ стоявшаго на столѣ п
редъ нею павлина заслонялъ ее. И напрас
Волконскій ждалъ, когда наконецъ дойдетъ о
редь до этого павлина въ ряду кушаній гра
скаго обѣда.

Этотъ безконечный рядъ блюдъ, эти кувшины розовой воды, отсутствіе оживленія и однообразное журчаніе фонтанчиковъ стали вдругъ производить на князя Никиту самое угнетающее впечатлѣніе.

»И къ чему это все?«—думалъ онъ.

Въ это время на средину залы вышелъ, одѣтый въ плащъ и съ арфою на плечѣ, старикъ, съ длинною сѣдою бородой, и старческимъ, тихимъ, но сохранившимъ свою музыкальность и пѣвучесть голосомъ спросилъ по-нѣмецки:

— Чтó будетъ угодно дамамъ, графу и его высокимъ гостямъ, чтобы спѣлъ я?

Черемзинъ, которому надоѣло ужь сидѣть не меньше чѣмъ Волконскому, не предвидя отъ этого пѣнія ничего хорошаго, отъ души пожелалъ старику охрипнуть.

— Пѣсню объ Алонзо!—послышалось на вопросъ пѣвца.

— Кольцо!—проговорилъ женскій голосъ.

И старикъ, почтительно склонившись въ его сторону, запѣлъ пѣсню о кольцѣ.

Я взошла на высокую гору,
Лѣсъ шумѣлъ вдалекѣ подъ горой,
Здѣсь три князя ко мнѣ выѣзжали
И одинъ былъ изъ нихъ молодой.
Онъ съ руки снялъ серебряный перстень,
Свой серебряный перстень онъ снялъ,
И мнѣ отдалъ серебряный перстень,
И, его отдавая, сказалъ:
„Если спросятъ, откуда взяла ты,
Этотъ перстень откуда взяла?
Отвѣчай, что въ лѣсу, подъ горою,
Этотъ перстень сегодня нашла.“
„Нѣтъ, не буду я лгать, что сегодня
Этотъ перстень нашла подъ горой,
А скажу, что серебрянымъ перстнемъ
Мой женихъ обручился со мной...“

Общую натянутость и тоску живо чувствовала и Аграфена Петровна, и для нея онѣ были еще несноснѣе и непріятнѣе, потому что самой по себѣ ей было далеко не весело. Она почти не притрогивалась къ кушаньямъ и сидѣла низко опустивъ голову надъ столомъ, внимательно глядя на свою руку, которою слегка поглаживала скатерть.

— Ахъ, какъ хорошо, очень хорошо!—сказалъ сидѣвшій рядомъ съ нею »оберратъ«, когда кончилось пѣніе.—А моя дама не любитъ пѣнія? — обратился онъ къ Бестужевой.

Она подняла на него глаза. »Оберратъ« очевидно не дáромъ наполнялъ часто свой кубокъ во время обѣда. Носъ и щеки его были красны и глаза подернулись влагой.

»Противно смотрѣть«, подумала про него Аграфена Петровна и, ничего не отвѣтивъ »оберрату«, снова опустила голову.

»Господи, когда же будетъ тому конецъ!« мысленно повторяла она.

Старикъ еще что-то пѣлъ, но Бестужева его ужь не слышала, всецѣло охваченная своими грустными, тяжелыми мыслями.

Отъ этихъ мыслей ее какъ бы разбудили вдругъ рѣзніе звуки роговой музыки, должно-быть раздавшіеся послѣ пѣнія старика. Она оглядѣлась и увидѣла, что изъ-за стола вставали, съ шумомъ отодвигая тяжелые стулья.

Сырой воздухъ залы давно отяжелѣлъ отъ запаха вина, кушаній розовой воды и прíторно-ароматнаго чада четырехъ высокихъ курильницъ, дымившихъ все время въ углахъ. Истомленная

долгимъ сидѣніемъ и скукой, Аграфена Петровна чувствовала, что просто нечѣмъ дышать, что она не можетъ дольше оставаться здѣсь.

Она, блѣдная, едва добралась до дверей и вышла изъ залы, попавъ въ какую-то многоугольную, съ низкимъ потолкомъ комнату, заставленную шкапами съ книгами. »Библіотека«, догадалась Аграфена Петровна и пошла дальше, потому что здѣсь низкій потолокъ давилъ ее.

Она увидала въ стѣнѣ маленькую дверь, за которою сейчасъ же начиналась узкая лѣсенка на-верхъ. Бестужева стала подыматься по ней. Куда она шла—ей было рѣшительно все равно, но ей хотѣлось куда-нибудь, лишь бы вздохнуть свободно, одной. Лѣстница освѣщалась маленькими окнами и вела очевидно на верхъ одной изъ башенъ зáмка.

Бестужева нѣсколько разъ останавливалась, тяжело дыша и прикладывая руку къ сильно бившему сердцу, какъ бы желая остановить его, и потомъ опять шла кверху, боясь поскользнуться на каменныхъ, стертыхъ ступеняхъ.

Наконецъ она вышла на свѣжій воздухъ, на вершину высокой башни, окруженную толстыми, неуклюжими зубцами, которые снизу казались такими легкими и маленькими. Поднявшись, она съ наслажденіемъ порывисто вздохнула и опустилась, въ прогалинѣ межъ двухъ зубцовъ, на грубый камень, тепло согрѣтый солнечными лучами.

Она чувствовала, что голова у ней кружится, и боялась нѣкоторое время смотрѣть внизъ, чтобы не упасть; но потомъ провела ру-

ками по лицу и, приходя въ себя, невольн
стала любоваться непривычною картиной откры
шагося передъ нею вида. Внизу, у самых
стѣнъ за́мка, слегка покачивался своими верху́ш
ками лѣсъ, точно двигавшаяся, бородавчата
покрытая щетиной, спина невѣдомаго звѣря;
лѣсомъ разстилалось поле съ серебряною ленто
рѣки, а тамъ, далеко, виднѣлась въ туманѣ М
тава сплошною пестрою полоской.

Мостъ за́мка былъ поднятъ, и глубокі
черный ровъ правильнымъ кольцомъ опоясыва
со всѣхъ сторонъ за́мокъ.

»Вы́хода нѣтъ!« подумала Аграфена П
тровна.

Этотъ крѣпкій, каменный, непобѣдимый, з
полонившій ее на сегодня за́мокъ, съ удив
тельной ясностью напомнилъ ей ея положеніе
Она кругомъ и вполнѣ зависѣла отъ отца. Оте
былъ раздраженъ безпокойствомъ о своихъ сл
жебныхъ дѣлахъ. Онъ могъ еще больше разсе
диться, и вотъ она ничего не въ силахъ сд
лать, она связана по рукамъ и ногамъ. Что́-
она такое?.. Бѣдная, ничего сама по себѣ
значущая дочь важной до поры до времени пе
соны въ Митавѣ. Но сама по себѣ она по
ничто, *рѣшительно ничто!..* А между тѣмъ э
высота, на которой сидѣла теперь Аграфена П
тровна, и открывавшаяся передъ нею, точ
подвластная ей ширь, говорили ей, что душѣ
родственна и близка прелесть независимост
власти и значенія, и что разъ она можетъ п
нимать это, значитъ должна достичь.

»Но вѣдь выхода нѣтъ«,—повторила она себѣ. — »А онъ долженъ быть«.

„Отвѣчай, что въ лѣсу подъ горою
Этотъ перстень сегодня нашла...“

вспомнила вдругъ Аграфена Петровна и, прислушиваясь, наклонила голову.

По лѣстницѣ поднимались шаги. Кто-то шелъ къ ней. »Да серебряный перстень«... продолжала она, »но кто-же это будетъ?..«

Шаги были совсѣмъ уже близко. Еще секунда — и на площадку башни вошелъ Волконскій. Онъ сейчасъ же замѣтилъ внизу исчезновеніе Аграфены Петровны и невольно сталъ искать ее.

— На силу-то...—проговорилъ Никита Ѳедоровичъ, съ трудомъ переводя духъ отъ ходьбы по лѣстницѣ.

Бестужева не глядѣла на него.

Какъ ни странно это было, но ей казалось теперь, что именно князь Никита долженъ былъ придти въ эту минуту и что онъ долженъ былъ именно искать ее.

— Господи! Я измучился, истомился безъ васъ,—заговорилъ Волконскій, самъ удивляясь своимъ словамъ и ихъ смѣлости, — такая тоска тутъ... да и вездѣ безъ васъ тоска,—вдругъ сказалъ онъ.

— Вы знаете старую сказку о спящей принцессѣ?—спросила Аграфена Петровна;—помните, какъ она проснулась въ замкѣ, который сто лѣтъ спалъ вмѣстѣ съ нею?.. Знаете, мы точно попали на это пробужденіе. Этотъ замокъ словно проснулся сейчасъ, заснувъ нѣсколько

десятковъ лѣтъ тому назадъ... до того здѣсь все по старинному... Только принцессы нѣтъ, пожалуй...

Никита Ѳедоровичъ смотрѣлъ на нее счастливыми, блестящими глазами.

— А вы? вы... Аграфена Петровна?.. Господи! Я съ ума сойду...—повторилъ онъ съ утра преслѣдовавшія его слова.

И онъ и она знали, что сейчасъ, сію минуту, должно выясниться то, зачѣмъ ихъ свела судьба случайно, какъ сначала казалось, и выясниться это должно теперь или никогда.

Князь Никита сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней и подошелъ совсѣмъ близко. Зачѣмъ онъ сдѣлалъ это — онъ не помнилъ и не понималъ, потому что ничего не могъ теперь помнить и понимать. Она также безсознательно двинулась къ нему... и, почувствовавъ его близость, любовь, смущеніе и радость, вдругъ просвѣтлѣла вся, и ей стало ясно, что она любитъ этого человѣка, вѣритъ ему, и что съ нимъ приходитъ къ ней нóвая жизнь, свободная и прекрасная. Она ничего не могла сказать ему, но руки ея поднялись послушно и довѣрчиво, и безсильно упали на его плечи.

— Моя!.. моя!..—прошепталъ Никита Ѳедоровичъ, прижимая ее къ своей груди.

Въ это время на лѣстницѣ опять раздались чьи-то шаги — Аграфена Петровна пугливо отстранилась.

На башню вошло нѣсколько человѣкъ гостей, пожелавшихъ осмотрѣть зáмокъ. Волконскій и Бестужева стояли вдали другъ отъ друга и

внимательно, какъ казалось, разглядывали Митаву, споря о томъ, какая это церковь видна справа.

Одинъ изъ пришедшихъ постарался объяснить имъ и самъ заспорилъ.

IX.

Счастливый день.

Наступилъ августъ мѣсяцъ, а положеніе Бестужева въ Митавѣ нисколько не выяснилось.

Герцогиня жила въ Вирцау и не видѣлась съ нимъ. Изъ Петербурга не было никакихъ извѣстій.

Петръ Михайловичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, въ утреннемъ шлафрокѣ. Былъ восьмой часъ утра. Онъ только-что всталъ. Помѣстившись поудобнѣе въ креслѣ у письменнаго стола, Бестужевъ задумчиво смотрѣлъ на строки письма, привезеннаго оказіей еще вчера вечеромъ и давно уже прочитаннаго. Письмо было изъ Ганновера отъ сына, Алексѣя, который, получивъ отъ сестры извѣстіе о замѣченной ею въ отцѣ перемѣнѣ, сейчасъ же сѣлъ сочинять къ нему длинное на нѣмецкомъ языкѣ посланіе, строго придерживаясь изученныхъ въ Берлинской академіи стилистическихъ правилъ. Замысловатыя [1]), вычурныя [2]) фразы письма составляли цѣлый философскій трактатъ о томъ, что женщина можетъ выбирать себѣ мужа по сердцу. Алексѣй Петро-

---

[1]) ловкія; [2]) странныя.

вичъ ни словомъ не обмолвился, что рѣчь
объ Аграфенѣ Петровнѣ и объ отношені
ней Петра Михайловича. Но Бестужевъ с
же понялъ, въ чемъ дѣло.

Горячій, какъ казалось, великолѣпный
письма нравился ему. Онъ съ горделиво-с
вольной, отеческой улыбкой перечитывалъ
и нѣсколько разъ подумалъ о томъ, что
его предстоятъ вѣроятно въ бу́дущемъ б
успѣхи.

Письмо освѣжило Бестужева, дало е
вую нить мыслей и окончательно поборол
снувшееся старо-московское чувство оте
власти. Петръ Михайловичъ сознался са
редъ собою, что готовъ былъ повернуть
съ того пути, по которому шелъ до сихъ
неуклонно.

Начавъ думать въ этомъ направлені
все болѣе и болѣе убѣждался въ своей
вотѣ, и наконецъ вдругъ поспѣшно вста
кресла и съ добродушною, давно не по
шею на его лицѣ, усмѣшкой направился н
ловину дочери.

Аграфена Петровна разсѣянно слуша
умолчную болтовню Розы, когда въ дверь
дался легкій стукъ.

— Войдите,—отвѣтила она.

Дверь отворилась, и на порогѣ пока
Бестужевъ, какъ онъ былъ въ шлафрокѣ,
пакѣ и туфляхъ.

— Ach! Gott!—воскликнула Роза, пр
ряясь сконфуженною.

Петръ Михайловичъ, не замѣтивъ го́рн

прямо подошелъ къ дочери и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Та сдѣлала знакъ Розѣ, что она можетъ выйти, и удивленно взглянула на отца, на письмо, которое онъ все еще держалъ въ рукахъ, и постаралась разгадать, почему явилась въ немъ снова прежняя ласковость, исчезнувшая со дня исторіи съ желтою гостиной.

»Вѣрно изъ Петербурга хорошія вѣсти» догадалась она.

— Я получилъ письмо отъ Алексѣя,—заговорилъ Петръ Михайловичъ, — славно онъ пишетъ...

Аграфена Петровна вдругъ густо покраснѣла. Она тоже вчера получила отъ брата письмо въ отвѣтъ на свое и знала теперь, о чемъ онъ могъ писать отцу.

Петръ Михайловичъ ласково смотрѣлъ прямо въ глаза дочери, точно старался заглянуть въ сáмую ея душу.

— Ты вотъ-что,—началъ онъ,—я былъ вотъ тутъ все разстроенъ, безпокоился и говорилъ тебѣ...—Бестужевъ замялся, — такъ это ты забудь...—добавилъ онъ вдругъ.

— О чемъ забыть, батюшка?..

— Ну тамъ... я тебя, словомъ, неволить не стану... Если захочешь замужъ... такъ выбери жениха... я благословлю...

Аграфена Петровна, чувствуя, что краска не сбѣжала еще съ ея лица, опустила голову, напрасно стараясь овладѣть собою. Она понимала, что отецъ самъ не выдержалъ долгой своей строгости къ ней и что письмо Алексѣя Петро-

вича было скорѣе предлогомъ, чѣмъ внезапною причиной того, что строгость эта была замѣнена прежнею милостью.

— Я еще не собираюсь замужъ... мнѣ и у насъ хорошо...—сказала она.

— Не ври... зачѣмъ врать... Ты думаешь я не вижу... князя Никиту-то... не вижу? а?

Аграфена Петровна не могла сдержать своего волненія.

— Ахъ, батюшка, не надо, не надо объ этомъ!..—заговорила она, не имѣя силы побороть себя. Какія-то глупыя, ненужныя, но счастливыя слезы подступали ей къ горлу.

— Да вѣдь чтó-жь... когда-нибудь нужно будетъ все равно заговорить,—отвѣчалъ Бестужевъ, — такъ не все-ли равно?.. зачѣмъ тянуть понапрасну?.. Вѣдь онъ любитъ тебя, ну и Христосъ съ вами!..

Аграфенѣ Петровнѣ, несмотря на все ея смущеніе, захотѣлось вдругъ, чтобы отецъ сейчасъ же подтвердилъ, что Волконскій любитъ ее, чтобы онъ представилъ ей доказательства этого, чтобы онъ *успокоилъ* ее, какъ будто она и въ самомъ дѣлѣ не знала и сомнѣвалась, что Никита Өедоровичъ любитъ ее больше жизни. Она потребовала этого отъ отца не словами, не вопросомъ, но только взглядомъ своихъ влажныхъ, блестящихъ глазъ — и Петръ Михайловичъ понялъ этотъ взглядъ.

— Ну да... самъ молодъ былъ... и самъ былъ такой, какъ твой Волконскій,—прошепталъ онъ, стараясь незамѣтно провести рукою по глазамъ.

— Батюшка, что съ вами? слезы у васъ!.. —заговорила Аграфена Петровна, обнимая отца и пряча у него на груди свое лицо; — полно батюшка...

Она привыкла видѣть его всегда ровнымъ, спокойнымъ, скорѣе суровымъ, думала, что изучила характеръ его и знала, какъ обращаться и говорить съ нимъ, но никогда не ожидала, чтобы у него, у ея старика-отца, показались слезы на глазахъ и что онъ *такъ* любилъ ее.

Подбородокъ ея сильно дрожалъ, дыханіе сдѣлалось чаще, и она, крѣпко прижавшись къ отцу, заплакала какъ ребенокъ, согрѣтый, наконецъ, такою лаской, по которой давно тосковала душа его.

Успокоивъ дочь, и самъ Петръ Михайловичъ вышелъ отъ нея успокоенный и веселый. Камердинеръ давно уже ожидалъ его съ платьемъ, удивляясь, почему нынче такъ долго баринъ не идетъ одѣваться.

— Что заждался?—спросилъ его Бестужевъ, — ну, давай скорѣй, и безъ того поздно...

Петръ Михайловичъ ощущалъ теперь въ себѣ особенную легкость, точно гора свалилась у него съ плечъ, и мысленно почему-то нѣсколько разъ повторилъ себѣ: »ну, теперь, кажется, все будетъ хорошо«.. Безпричинно онъ чувствовалъ, что успокоился совсѣмъ, и къ удивленію своему вскорѣ увидѣлъ, что чувство это явилось у него не даромъ.

Изъ замка пріѣхалъ Черемзинъ съ извѣстіемъ, что герцогиня вернулась въ Митаву и что она сегодня же сама навѣститъ Петра Михайловича.

Это былъ неожиданный для Бестужева и самый блестящій исходъ всѣхъ его безпокойствъ и непріятностей.

Анна Іоанновна дѣйствительно пріѣхала, какъ сказалъ Черемзинъ. Бестужевъ встрѣтилъ ее у крыльца. Она вышла изъ кареты и молча направилась по лѣстницѣ, и такъ же молча прошла вплоть до самаго кабинета Петра Михайловича.

Бестужевъ почтительно слѣдовалъ за нею, стараясь не показать ничѣмъ своего торжества, которое тѣмъ не менѣе такъ и свѣтилось въ его глазахъ.

Герцогиня казалась нѣсколько блѣдною, пригнула голову и смотрѣла въ полъ. Войдя въ кабинетъ, она опустилась на кресло, тяжело дыша.

Бестужевъ постоялъ передъ нею и, видя, что она ждетъ должно-быть, когда онъ сядетъ, чтобы начать разговоръ, тоже сѣлъ и всѣмъ существомъ своимъ постарался выразить, что готовъ внимательно слушать то, о чемъ ему будутъ говорить.

Герцогиня все молчала, поправляясь на креслѣ и очевидно не зная, съ чего начать.

Положеніе казалось неловкимъ, но Петръ Михайловичъ терпѣливо ждалъ, не желая помочь Аннѣ Іоанновнѣ.

— Петръ Михайловичъ,—заворила она наконецъ, — ты меня, Петръ Михайловичъ, знаешь... я всегда была расположена къ тебѣ...

Бестужевъ поклонился.

— Ну, такъ вотъ, Петръ Михайловичъ, какъ ты думаешь, сладка моя жизнь здѣсь, или нѣтъ?..

— Ваша свѣтлость...—началъ было онъ.

— Нѣтъ, ты прямо отвѣть: сладка моя жизнь? Молчишь? Ну, конечно, сказать тутъ нечего... Я сердилась на тебя; такъ, вотъ видишь ли, ты не сердись на меня за это...

Она говорила отрывисто, съ трудомъ подбирая слова, и повторяя ихъ, хотя заранѣе обдумала все, чтó скажетъ и какъ именно скажетъ, но теперь перезабыла все придуманное и не знала, какъ ей быть...

— Конечто, я теперь вижу, что ты человѣкъ хорошій,—снова заговорила она, — и разумный, и все такое... и зла мнѣ не пожелаешь...

Это было опять совсѣмъ не то, но она продолжала:

— Я никогда тебѣ дурного не желала... ну, тамъ была что-ли размолква, но это дѣло прошлое...

Анна Іоанновна остановилась. Она рѣшительно не знала, чтó ей еще сказать.

— Да въ чемъ дѣло, ваша свѣтлость, чтó такое?—спросилъ наконецъ Бестужевъ.

— Въ чемъ дѣло?.. Эхъ, да чтó тутъ! Ужь если говорить, такъ говорить... Изъ Петербурга я получила указъ.

Уѣзжая изъ дома, она была твердо увѣрена, что ни за чтó не проговорится объ этомъ указѣ, то тутъ вдругъ, къ крайнему своему удивленію, взяла да именно съ него-то и начала.

»Вѣрно такъ ужь тому и быть должно«, рѣшила она.

— Охъ, бѣда моя, не умѣю я тонкія дѣла

вести!.. Ты, Петръ Михайловичъ, цѣни мою откровенность...

— Какой же это указъ?—опять спросилъ Бестужевъ.

— Ну, да вотъ онъ, возьми! Что́-жь, я ужь скрываться не буду...

И она, желая побѣдить гофмаршала своею довѣрчивостью, протянула ему бумагу, которую Бестужевъ почтительно принялъ и не спѣша сталъ просматривать.

Указъ былъ данъ, по порученію царя, отъ Екатерины на имя царицы Прасковьи, матери Анны Іоанновны, и гласилъ, что »Петръ Бестужевъ отправленъ въ Курляндію не для того токмо, чтобъ ему находиться при дворѣ герцогини, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла станутъ и то его величеству зѣло будетъ противно...«

»Ну, я говорилъ, что сегодня все будетъ хорошо; такъ оно и есть,—»подумалъ Бестужевъ.—»А все оттого, что съ дочерью поступилъ сегодня какъ слѣдовало.«

Похвала и довѣріе, выраженныя въ указѣ, были, разумѣется, пріятнѣе всего остальнаго.

— Такъ видишь-ли, Петръ Михайловичъ, —говорила герцогиня, — я вотъ и разсуждаю, что ты человѣкъ хорошій, а государю здѣсь нужный; значитъ, мы съ тобою будемъ лучше жить въ мирѣ... что-жь ссориться... я ссоръ терпѣть не могу...

И долго еще Анна Іоанновна говорила Бестужеву о своей всегдашней пріязни къ нему и откровенности, но онъ дѣлалъ только видъ, что слушаетъ ее внимательно, а на самомъ дѣлѣ милостивыя слова указа не выходили у него изъ головы и мѣшали ему понимать и слушать.

Черемзинъ, предупредивъ Петра Михайловича, по порученію герцогини, объ ея посѣщеніи, не сейчасъ уѣхалъ изъ дома Бестужева, но спустился внизъ, въ его канцелярію, гдѣ давно былъ своимъ человѣкомъ.

Онъ направился прямо, безъ доклада, въ комнату къ самому секретарю, который встрѣтилъ его не особенно дружелюбно. Секретарь не любилъ Черемзина за его постоянныя шутки, оскорблявшія достоинство чиновнаго званія.

— Чтó, панъ Щебрыца-Рыбчицкій, все пишете? Вы бы погулять сходили, пока тёпло на дворѣ...—заговорилъ Черемзинъ, садясь безъ стѣсненія.

Секретарь дѣйствительно носилъ фамилію Щебрыца-Рыбчицкаго и былъ польскаго происхожденія; но происхожденіе это было такъ отдаленно, что онъ считалъ себя русскимъ и морщился, когда его называли »паномъ«. Кромѣ того, Черемзинъ всегда съ такимъ трудомъ выговаривалъ его фамилію, что это тоже было очень непріятно.

— Истинно всѣмъ бы сердцемъ радъ погулять, да натуральная невозможность не позволяетъ,—отвѣчалъ секретарь, стараясь говорить какъ можно важнѣе.

Онъ откинулся на спинку кресла и
нилъ на-бокъ свое бритое, пухлое лицо.

Черемзинъ, прищурясь, смотрѣлъ на

— Что-жь, все дѣла задерживаютъ?..

— Дѣла всеконечно... Съ чѣмъ къ
изволили пожаловать изъ замка?—спросил
вздохомъ секретарь, видимо желая пост
разговоръ на серьезную почву.

— Съ извѣстіемъ.

Рыбчицкій поднялъ брови и замеръ, н
неся до носа щепотку табаку, которую то
что взялъ, топыря пальцы, изъ золотой
табакерки.

Черемзинъ поспѣшно досталъ изъ ка
тоже табакерку и, растопыривъ пальцы, въ
очередь, застылъ въ точно такой же, как
кретарь, позѣ.

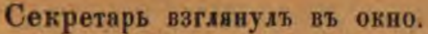
Рыбчицкій недовольно дернулъ рукою,
нулъ носомъ табакъ и чихнулъ.

— Будьте здоровы!—сказалъ Черемзи

— Благодарственъ...—рѣзко отвѣтилъ с
тарь. Казалось, онъ обидѣлся.

Но Черемзинъ, какъ бы не замѣчая
сталъ разсказывать о возвратившейся изъ
цау герцогинѣ. Лицо Рыбчицкаго проясн
Новость была для него очень интересна
посрединѣ разсказа Черемзинъ вдругъ б
взглянулъ въ окно, выходившее въ садъ...
мелькнуло голубое платье камеристки Агра
Петровны.

— Панъ Щебрыца-Рыбчицкій, вы ви
—торжественно произнесъ онъ, указывая въ

Секретарь взглянулъ въ окно.

— Пойдемте въ садъ,—предложилъ Черемзинъ.

— На такія дѣла не гораздо я свѣдомъ, —возразилъ Рыбчицкій.—Такъ вы говорите, что̀ герцогиня.?

Но Черемзинъ не отвѣчалъ ужь ему. Онъ преспокойно сѣлъ на какія-то бумаги на подоконникѣ, перекинулъ за окно ноги и, спрыгнувъ въ садъ, скрылся въ густой зелени... Панъ Рыбчицкій сердито хлопнулъ окномъ ему въ слѣдъ.

Черемзинъ скоро нагналъ Розу: онъ не брезгалъ никакою »авантюрой«.

Роза встрѣтила его, какъ знакомаго.

— А я знала, что господинъ еще не уѣхалъ,—сказала она.

— И нарочно вышли въ садъ?!..

— Да, у меня есть къ вамъ дѣло...

— Вотъ какъ! серьезное?—спросилъ Черемзинъ, садясь на дерновую скамейку, — ну, говорите, здѣсь насъ не увидятъ и не услышатъ...

— Не такъ еще скоро... Мнѣ нужно знать, что̀ мнѣ за это будетъ?

— Поцѣлуй...

— Я съ вами серьезно хочу говорить, а такъ я не буду говорить,—обидѣлась Роза. — Вы мнѣ должны сдѣлать подарокъ...

— Такъ это серьезное дѣло по вашему? Ну, какой же это подарокъ?..

— Розовую косы́нку (шейный плато́къ), шелковую... а затѣмъ будетъ дѣло...

— Роза! шерстяной довольно!..—съ паѳосомъ

произнесъ Черемзинъ, прикладывая руку к
сердцу...

— Нѣтъ, и шелковой мало... Вѣдь вы дру
князю... князю... (она по своему, по-нѣмецки, пе
рековеркала фамилію Волконскаго).

Черемзинъ недовѣрчиво взглянулъ на нее.

— Если то, чтó вы скажете мнѣ, будет
очень важно, Роза, вы получите двѣ косынки
платье... Говорите,—сказалъ онъ уже серьезным
голосомъ.

— Это правильно,—согласилась Роза и начала подробно разсказывать все, чтó происходило сегодня утромъ въ уборной ея госпожи когда пришелъ туда Петръ Михайловичъ.

Черемзинъ внимательно слушалъ и нѣсколько разъ переспрашивалъ.

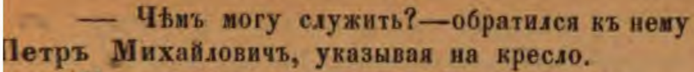
— Такъ тáкъ онъ и сказалъ: »выбирай себѣ кого хочешь... я благословлю?...«

— Такъ и сказалъ,—подтверждала Роза.

— Ну, такъ знаете-ли чтó, Роза, ступайте теперь въ домъ, тамъ должна теперь быть герцогиня, и какъ только она уѣдетъ, придите мнѣ сказать.

Едва герцогиня уѣхала — Черемзинъ велѣлъ доложить о себѣ, и Петръ Михайловичъ его сейчасъ же принялъ.

Черемзинъ вошелъ къ Бестужеву своею особенною походкой въ перевалку, съ которою танцовалъ »польскій«, и церемонно, по правиламъ французскихъ танцмейстеровъ, продѣлалъ фигуру изысканнаго поклона. Онъ былъ чрезвычайно серьезенъ и важенъ.

— Чѣмъ могу служить?—обратился къ нему Петръ Михайловичъ, указывая на кресло.

Черемзинъ поклонился еще разъ и сѣлъ.

— Петръ Михайловичъ,—началъ онъ, — являюсь къ вамъ не по собственному, но тѣмъ не менѣе очень важному дѣлу...

»Всѣ дѣла станутъ и то его величеству зѣло будетъ противно...« вспомнились Бестужеву еще разъ слова указа, и онъ улыбнулся.

— Какое же это дѣло?

— Являюсь къ вамъ, Петръ Михайловичъ, — продолжалъ Черемзинъ, — сватомъ отъ лица моего друга, князя Никиты Өедоровича Волконскаго... Онъ любитъ дочь вашу, Аграфену Петровну, и отъ васъ, разумѣется, зависитъ его счастіе...

Бестужевъ долго не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ молча, какъ бы обдумывая, точно услышалъ первый разъ о Волконскомъ.

Черемзинъ зналъ, что приличіе не позволяетъ Петру Михайловичу сразу согласиться на предложеніе, но изъ разсказа Розы онъ зналъ также, что отказа не будетъ, и потому ждалъ съ серьезностью и терпѣніемъ.

— Благодарю князя Никиту,—заговорилъ, наконецъ, Бестужевъ, — за честь, но Аграфена еще молода и ей хорошо и при отцѣ...

— Ваша воля, — согласился Черемзинъ.

— Конечно, я неволить не стану дочери, и если она будетъ согласна... Я подумаю, поговорю... Да и князь Никита молодъ...

— Молодость не порокъ въ такомъ дѣлѣ какъ любовь,—отвѣчалъ Черемзинъ....

— Конечно, но все-таки мнѣ, какъ отцу, нужна осмотрительность... Прошу васъ и князя Никиту пожаловать ко мнѣ сегодня къ у́жину.

— Почтемъ сіе пріятнѣйшимъ долгомъ,—заявилъ съ новымъ поклономъ Черемзинъ, окончательно входя въ роль свата...

Онъ не сговаривался о сватовствѣ съ Волконскимъ. Мысль пойти къ Бестужеву и просить для князя Никиты руку его дочери родилась у него совершенно внезапно, во время разговора съ Розою. Онъ видѣлъ, что пріятель его безъ ума влюбленъ въ Бестужеву, что она, со своей стороны, болѣе чѣмъ благосклонна къ нему и, узнавъ объ разговорѣ Петра Михайловича съ дочерью, рѣшилъ, что нельзя упускать сегодняшняго дня, во всѣхъ отношеніяхъ благопріятнаго для сватовства. Бестужевъ послѣ посѣщенія герцогини не могъ отказать. Разсчетъ этотъ оказался совершенно вѣрнымъ.

Сломя голову летѣлъ Черемзинъ въ своей одноколкѣ (кабріолетѣ) въ за́мокъ, погоняя кучера, чтобы скорѣе обрадовать ничего не знавшаго и не ожидавшаго Волконскаго. Онъ желалъ поразить его неожиданною радостью; но оказалось, что князь Никита самъ поразилъ его, Черемзина, такою неожиданностью, что тотъ развелъ лишь руками. Черемзина встрѣтилъ въ за́мкѣ человѣкъ Волконскаго, Лаврентій, встревоженный и растерянный.

— Гдѣ князь? Что́ случилось?—спросилъ безпокойно Черемзинъ.

— Князь нашъ, — Лаврентій покачалъ головою,—я ужь давно собирался доложить вамъ..

—заговорилъ онъ,—съ эстихъ самыхъ поръ, какъ вы ихъ къ нѣмцу старому въ гости съ утра возили, вотъ чтó изъ черепа, прости Господи, пьетъ... съ эстихъ поръ я ужь сталъ замѣчать неладное...

— Да теперь-то чтó съ княземъ?—перебилъ нетерпѣливо Черемзинъ. Но обстоятельный Лаврентій, по привычкѣ разсказывать всегда все по порядку, продолжалъ неторопясь:

— Какъ съѣздилъ туда, такъ совсѣмъ голову потерялъ. Я сколько разъ докладывалъ ему, что хоть и много ты, князь, книжекъ читаешь, а все меня бы послушалъ. Опоили его тамъ, должно-быть. Конечно, по ночамъ спать совсѣмъ пересталъ... ѣсть-пить не хочетъ и все самъ съ собою разговариваетъ. Вотъ вы уѣдете, а онъ останется одинъ и разговариваетъ... Вамъ не видно, а я-то смотрю... И такъ до сегодняшняго дня все больше и больше; а сегодня, какъ вы уѣхали въ городъ, князь призвалъ меня и говоритъ: »Лаврентій, говоритъ, собери всѣ мои вещи и съ эстими вещами поѣзжай на лошадяхъ за мною, а я сейчасъ верхомъ уѣду. Гдѣ меня нагонишь, тамъ и хорошо, а я больше такъ жить не могу...« И не велѣлъ вамъ объ этомъ сказывать. »Напишу«, говоритъ, и уѣхалъ...

— Уѣхалъ!—воскликнулъ Черемзинъ.—Уѣхалъ верхомъ и не вернется... да чтó-жь это?!..

— Говорю вамъ, опоили его... — серьезно повторилъ Лаврентій.

— Лошадь мнѣ!—закричалъ Черемзинъ,—лошадь! авось нагоню...

И онъ самъ побѣжалъ на конюшню торопить конюха.

X.

А день все-таки счастливый!

Черемзинъ отлично зналъ окрестности Митавы и давно привыкъ къ разбросаннымъ въ поляхъ и лугахъ отдѣльнымъ крестьянскимъ домикамъ, не соединеннымъ, какъ въ Россіи, въ деревни и села, но построеннымъ вдали другъ отъ друга. Чистенькіе, выбѣленные дворы эти мелькали красивыми пятнами въ зелени луговъ, оживляя видъ и придавая ему непривычную для русскаго глаза особенность.

Черемзинъ безъ устали летѣлъ отъ одного двора къ другому, разспрашивалъ и разузнавалъ, не видѣлъ-ли кто-нибудь Волконскаго, и подробно описывалъ его примѣты. Наконецъ ему удалось напасть на слѣдъ князя Никиты. Ему объяснили, что какой-то благородный господинъ верхомъ дѣйствительно проѣзжалъ здѣсь сегодня по направленію за́мка Освальдъ...

Черемзинъ безъ дороги прямо по полю направился къ за́мку, и поиски его не оказались напрасными. Тамъ, у опушки лѣса, сидѣлъ на пригоркѣ Волконскій, задумчиво смотря въ даль. Лошадь князя паслась тутъ же, не привязанная. Князь Никита сидѣлъ съ застывшею, блаженною улыбкою на губахъ и счастливыми, ясными глазами смотрѣлъ передъ собою на убранныя поля, скошенные луга съ ихъ бѣленькими домиками

и прислушивался къ шепоту листьевъ шелестѣвшаго сзади него лѣса, еще не тронутаго дыханіемъ приближавшейся осени...

»Всѣ они такіе — влюбленные«, подумалъ Черемзинъ.

— Князь Никита, а князь Никита!—окликнулъ онъ, — будетъ, братъ, довольно! домой ѣхать пора!

Никита Ѳедоровичъ спокойно перевелъ глаза на Черемзина. Ему казалось, что онъ видѣлъ, какъ подъѣхалъ Черемзинъ, и онъ не обратилъ никакого на это вниманія.

— Это ты?—спокойно спросилъ онъ.

— Ну, да я...—отвѣчалъ Черемзинъ, слѣзая съ лошади.

— Черемзинъ, ты любилъ когда-нибудь?— вдругъ спросилъ князь Никита.

— И много разъ... Что́-жь изъ этого?...

— Помнишь, ты мнѣ какъ-то говорилъ, что сто́итъ только наблюсти, и много можно найти любопытнаго вокругъ себя...

— Не помню...

Волконскій помолчалъ.

— Ты посмотри,—снова началъ онъ,—вонъ видишь тамъ это дерево?

— Вижу!—сказалъ Черемзинъ, не поворачивая головы.

— Ну, вотъ что́ я думаю. Вотъ я живу здѣсь, на землѣ, и проживу еще, можетъ-быть, ну, пятьдесятъ лѣтъ... Это самое большее... И въ каждую минуту этой жизни, сто́итъ мнѣ захотѣть лишь, я это дерево могу срубить, уничтожить... А можетъ и такъ случиться, что это

дерево, которое вотъ теперь совсѣмъ въ моей власти и которое ничего, понимаешь, *ничего* не можетъ мнѣ сдѣлать, переживетъ меня на сотни лѣтъ... и мои праправнуки могутъ увидѣть его, да, пожалуй, и праправнуковъ переживетъ... и выходитъ, что я ничтожнѣе дерева.

— На чемъ тебя и поздравляю,—вставилъ Черемзинъ.

— Ну, а на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ, — продолжалъ Волконскій,—потому что я могу любить... и люблю... и въ этомъ... все, а остальное вздоръ, и дерево тоже вздоръ... И разъ я могу любить, значитъ, не умру, потому что духъ, которымъ я чувствую свою любовь, не погибнетъ, не можетъ умереть, а въ этомъ... весь я... суть-то моя въ этомъ духѣ... Ты понимаешь меня?..

— Все это хорошо,—заговорилъ Черемзинъ, приподымаясь на локоть,—но скажи, пожалуйста, съ чего ты вздумалъ удирать изъ Митавы? Кто тебя погналъ оттуда?

— Кто погналъ?.. Я самъ уѣхалъ...

— И не вернешься?

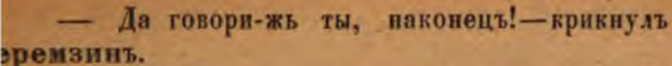
— Не вернусь.

— Отчего-жь это?..

— Такъ... не вернусь...

— Знаешь, — началъ Черемзинъ, качая головою — я много видалъ вашей братьи, влюбленныхъ, но такого, какъ ты, еще не встрѣчалъ... Это ужь что-то совсѣмъ знатное чудачество... Ты мнѣ прямо отвѣчай: раздумалъ что-ли жениться на Аграфенѣ Петровнѣ?..

Князь Никита не отвѣчалъ.

— Да говори-жь ты, наконецъ!—крикнулъ ͻремзинъ.

Волконскій грустно, но съ тою улыбкою, ь какою обращаются къ дѣтямъ говорящимъ еразумныя вещи, посмотрѣлъ на него и вздохулъ.

— Этого не можетъ быть... это невозможно, —проговорилъ онъ, какъ будто дѣло было уже рѣпено безповоротно.

— Да отчего?.. отчего? — наставивалъ Череемзинъ.

— Оттого, что это было бы слишкомъ большое, не человѣческое счастье, не здѣшнее, не земное!.. Это вотъ когда дерево, положимъ, переживетъ меня...

Понявъ наконецъ, что князь Никита обратился въ бѣгство единственно вслѣдствіе рѣшенія, что счастіе было бы слишкомъ велико и потому невозможно, Черемзинъ посмотрѣлъ на него и разразился веселымъ, неудержимымъ смѣхомъ.

Волконскій глядѣлъ на него удивленно-испуганно, не понимая, что̀ можно было найти смѣшнаго въ такомъ глубокомъ и серьезномъ для него дѣлѣ... Наконецъ, никто не имѣлъ права смѣяться надъ нимъ и надъ его чувствомъ. Очевидно, не перестававшій хохотать, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ, Черемзинъ позволялъ себѣ слишкомъ многое..

— Да что̀-жь это ты?—крикнулъ, въ свою очередь, князь Никита, — обезумѣлъ ты, что-ли? Наконецъ, это просто обидно... Какъ ты смѣешь смѣяться?..

лось, точно онъ приподнятъ на воздухъ и носится какими-то невидимыми, нѣжными руками.

Аграфена Петровна встрѣтила его съ привѣтливою, радостною улыбкою.

»Знаетъ она или не знаетъ?—спросилъ себя князь Никита, цѣлуя ея руку. — Вѣрно знаетъ«, —рѣшилъ онъ, чувствуя, какъ похолодѣла и дрожитъ ея рука.

Черемзинъ заговорилъ что-то, какъ ни въ чемъ не бывало, будто не произошло ничего особеннаго. Волконскій смотрѣлъ вокругъ себя широко и блаженно улыбаясь; но куда бы онъ ни смотрѣлъ — отовсюду ему была видна *его* Аграфена Петровна, милая и любимая... Она тоже будто слушала Черемзина, но князь Никита зналъ, что она также видитъ только его и думаетъ о немъ — и все кругомъ получало для него новую красоту и новую прелесть.

Большая гостиная Бестужева, та самая голубая гостиная, гдѣ такъ еще недавно князь Никита стоялъ затеряннымъ въ толпѣ передъ чернымъ докторомъ, казалась теперь совсѣмъ иною. Никитѣ Ѳедоровичу такъ ясно вспомнился этотъ вечеръ.

»Выше всѣхъ людей!«—прозвучали въ его ушахъ слова доктора.

За ужиномъ Волконскій сидѣлъ рядомъ съ молодою хозяйкою. Ужинъ тянулся долго, но ему казалось, что время летитъ такъ быстро, что онъ просто не успѣетъ наглядѣться на свою радость, ангела, счастье, какъ онъ мысленно называлъ Аграфену Петровну, не находя достаточно ласковыхъ словъ.

Въ концѣ ужина въ хрустальные бокалы налили французское шипучее вино, и Петръ Михайловичъ, высоко поднявъ бокалъ, крикнулъ: »здоровье царя Петра!«

Гости встали и тотчасъ начали подходить къ хозяину, чокаясь съ нимъ. Заиграла музыка и раздались привѣтственные клики.

— Урраа!..—кричалъ Волконскій громче всѣхъ.

— За здоровье хозяина!—провозгласилъ старшій »оберратъ«.

— Урраа!—подхватилъ Волконскій.—Ваше, ваше здоровье!—подошелъ онъ къ Аграфенѣ Петровнѣ и залпомъ допилъ вино. — Видите, до послѣдней капли,—сказалъ онъ, опрокидывая бокалъ и показывая, что тамъ дѣйствительно нѣтъ ни капли.

У Аграфены Петровны вино было на донышкѣ.

— И я за васъ послѣднюю капельку, видите?—проговорила она, осушая бокалъ.

»Я! за васъ... послѣднюю капельку... Господи! я съ ума сойду!« радовался князь Никита.

Къ нимъ подошелъ Черемзинъ и хотѣлъ чокнуться съ ними.

Петръ Михайловичъ во время ужина изрѣдка поглядывалъ на дочь и на Волконскаго — и каждый разъ взглядъ его становился серьезенъ и даже строгъ.

Черемзинъ ждалъ отъ него отвѣта, но Бестужевъ медлилъ.

»Когда же, наконецъ, онъ поздравитъ жениха съ невѣстой?« —думалъ Черемзинъ.

Ужинъ однако кончился и гости, вставъ изъ-за стола, перешли въ гостиную; но вопросъ Черемзина оставался неразрѣшеннымъ.

Послѣ ужина случилось какъ-то само собою, что Волконскій остался одинъ съ Аграфеной Петровной въ ея маленькой гостиной; они незамѣтно прошли туда и за ними никто не послѣдовалъ, точно понимая, что нельзя мѣшать ихъ радости.

Впрочемъ, теперь, развеселившіеся виномъ гости, сплоченные общимъ за ужиномъ разговоромъ о политическихъ новостяхъ дня и увлеченные затѣмъ интересомъ этихъ новостей, занялись сами собою, такъ что большинство изъ нихъ не замѣтило исчезновенія Бестужевой. О Никитѣ Ѳедоровичѣ тоже забыли эти солидные, не подходившіе къ нему ни по возрасту, ни по положенію люди.

— Помните,—говорилъ Волконскій Аграфенѣ Петровнѣ, — помните тотъ вечеръ у васъ, когда мнѣ, затерянному, неизвѣстному и не замѣченному вами, было предсказано, что я буду выше всѣхъ людей?

Бестужева взглядомъ и улыбкою отвѣчала, что помнитъ.

— У меня вотъ такъ и стоитъ передъ глазами этотъ черный докторъ... Можетъ-быть, сегодня окажется, что онъ былъ правъ.

— Вы получаете назначеніе?.. васъ замѣтили изъ Петербурга?—спросила, болѣе прежняго оживляясь, Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, дѣло не въ томъ; развѣ вы не

знаете, что Черемзинъ пріѣзжалъ сватомъ отъ меня къ Петру Михайловичу, вашему батюшкѣ?

— Когда?—спросила Бестужева, мѣняясь въ лицѣ.

— Сегодня. И онъ насъ позвалъ къ ужину, и можетъ-быть сегодня рѣшится моя судьба, и я буду выше всѣхъ людей... буду имѣть право назвать васъ своею передъ ними.

Аграфена Петровна смущенно и стыдливо опустила голову. Сіяющая улыбка исчезла съ ея губъ, надъ бровями появилась строгая, серьезная складка, — казалось, вотъ-вотъ слезы брызнутъ изъ ея глазъ. Она до сихъ поръ не знала, чтó произошло утромъ.

— Чтó-жь? не рады? плачете?—безпокойно произнесъ Волконскій, смущаясь, въ свою очередь.

Она подняла на него глаза — и глаза эти были такъ ясны, такъ радостны, такъ много было въ нихъ счастья для Никиты Ѳедоровича, что онъ снова преобразился, теряя разсудокъ и соображеніе. Аграфена Петровна протянула ему руки; онъ сталъ цѣловать ихъ.

— Не думайте, однако,—шептала она, — что предсказаніе сбылось сегодня! Нѣтъ! Пусть я буду ваша, но вы, если любите, вы должны быть въ самомъ дѣлѣ на высокой ступени, у васъ есть возможность, старайтесь, добивайтесь и добьетесь! Мы будемъ вмѣстѣ добиваться: намъ нужно далеко пойти и я этого требую... я такъ хочу... Я не могу и не должна остаться въ неизвѣстности бюргерской жены; мой мужъ станетъ не въ уровень съ остальными.

Все, что она говорила теперь, все Ники
Өедоровичу казалось прекраснымъ, и при ка
домъ словѣ ея онъ только улыбался, видимо с
глашаясь со всѣмъ. Она вѣрила въ него, о
любила его и радовалась его ласкѣ.

— Посмотрите,—сказала вдругъ Аграфе
Петровна, показывая на желтую, шелковую з
навѣску у окна, — посмотрите, какими склад
ками легла эта занавѣска, точно сборки н
платьѣ.

—Ну что-жь такое?—отвѣчалъ Волконскі
не понимая, что хотѣла она сказать.

— Герцогиня была въ такомъ же платьѣ
—пояснила Бестужева,—тогда, у насъ на балу..

Она замолчала и задумалась.

Волконскій улыбнулся, вспоминая этотъ балъ,
но Аграфена Петровна казалась серьезною.

— Вѣдь и ей было предсказаніе,—продол-
жала она въ раздумьѣ, — и если оно сбудется,
то *она* не проститъ... Она отомститъ намъ...

— Ну что загадывать,—перебилъ ее князь
Никита, — о будущемъ, когда все теперь такъ
хорошо и ясно.

Петръ Михайловичъ давно, разумѣется, замѣтилъ, что дочь его сидитъ съ Волконскимъ у себя въ гостиной, но не мѣшалъ имъ, какъ будто занятый участіемъ въ общемъ разговорѣ и всецѣло, какъ радушный хозяинъ, поглощенный своими гостями. Не спускавшій съ него глазъ Черемзинъ видѣлъ, однако, какъ онъ посматривалъ на опущенные занавѣсы желтой гостиной. Онъ видѣлъ также, какъ наконецъ Бестужевъ съ рѣшительнымъ видомъ направился туда и вслѣдъ

затѣмъ появился у дверей, держа за руки дочь и Волконскаго.

Всѣ, притихнувъ, обернулись въ ихъ сторону.

Въ это время изъ другихъ дверей показались слуги съ подносами, уставленными бокалами вина.

— Господа,—дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ Петръ Михайловичъ по-нѣмецки, потому что большинство присутствующихъ были нѣмцы, — представляю вамъ жениха и невѣсту...

Старый Бестужевскій дворецкій грохнулъ, по русскому обычаю, свой подносъ на полъ. Хрусталь зазвенѣлъ и задребезжалъ, разлетаясь въ куски,—громъ музыки заглушилъ все... Гости спѣшили поздравить нареченныхъ.

„Ты защищалъ, Господи, дѣло души моей, искуплялъ жизнь мою."
Плачъ Іереміи, III, 58.

Часть вторая.

I.

Прошлое.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ была отпразднована свадьба Волконскихъ. Князь Никита, женившись на своей милой и любимой Аграфенѣ Петровнѣ, остался въ Митавѣ; онъ съ царскаго соизволенія былъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго путешествія за-границу и поступилъ на службу въ канцелярію тестя своего, Петра Михайловича. Отвѣтственное положеніе Бестужева въ Курляндіи требовало очень хитрой дѣятельности и большаго искусства. Русскому резиденту приходилось бороться съ нѣсколькими враждебными теченіями, чтобы имѣть преобладающее вліяніе на своей сторонѣ. И Петръ Михайловичъ боролся не безъ успѣха. Дѣло было видимо важное, сложное, оно касалось жизни самостоятельнаго маленькаго государства, находившагося по всѣмъ признакамъ почти наканунѣ присоединенія своего къ одному изъ трехъ болѣе

сильныхъ чѣмъ оно сосѣдей, и весь вопросъ заключался въ томъ, кто окажется побѣдителемъ: Россія-ли, къ царствующему дому которой принадлежала вдовствующая герцогиня Анна, Польша-ли, считавшая Курляндію леннымъ своимъ владѣніемъ, или Пруссія?

У князя Никиты черезъ годъ послѣ свадьбы родился сынъ — Миша.

Волконскій былъ счастливъ своею жизнью; онъ ничего не желалъ больше. Онъ обожалъ свою Аграфену Петровну, обожалъ сына, они были съ нимъ, и весь міръ, вся суть его жизни сосредоточивалась въ этихъ двухъ существахъ, и внѣ ихъ ничего не существовало для Никиты Ѳедоровича.

Для вышедшей замужъ Аграфены Петровны внѣшняя жизнь въ Митавѣ мало измѣнилась сначала. Но вскорѣ она не могла не замѣтить, что изъ дочери перваго въ Курляндіи лица — стала просто женою молодаго человѣка, русскаго правда князя, но не съумѣвшаго пріобрѣсти никакого значенія въ томъ обществѣ, гдѣ они находились, и упорно удалявшагося отъ этого общества. Это чувствовалось, и она знала, что многіе понимаютъ это. Къ тому же, отецъ ея сблизился теперь съ герцогиней, и почва прежняго положенія въ Митавѣ уходила изъ-подъ ея ногъ. Мужъ ея не хотѣлъ служить въ канцеляріи, и съ этимъ она согласилась, хотя у нея были совершенно иныя причины, чѣмъ у князя Никиты: митавская канцелярія казалась слишкомъ незначительнымъ мѣстомъ для того, чтобы выдвинуться, служа тамъ.

Аграфена Петровна любила мужа и изъ частыхъ разговоровъ съ нимъ видѣла, что съ его способностями можно пойти далеко; она часто думала о будущемъ, по-своему, съ надеждами на это будущее, ожидая, что оно придетъ еще радостнѣй и лучше и что судьба вѣчно будетъ улыбаться ей, какъ улыбалась до сихъ поръ.

Малолѣтство сына привлекло её къ ребёнку, и она стала заниматься имъ, проводя время дома. Это были самые счастливые дни для князя Никиты. Но Аграфена Петровна жила кромѣ настоящаго еще мечтами о будущемъ, и думала о Петербургѣ, о большомъ дворѣ, о значенiи, которое можетъ имѣть со временемъ Никита Ѳедоровичъ.

Она чаще стала заговаривать съ нимъ о новой русской столицѣ.

Она звала мужа въ Петербургъ, требовала отъ него работы и дѣятельности, говорила, что *такъ* жить нельзя, и приводила въ примѣръ своихъ братьевъ, которые занимали уже видныя посольскiя мѣста. Никита Ѳедоровичъ старался объяснить ей свой особенный планъ жизни, въ которомъ на первомъ планѣ стояло воспитанiе сына и затѣмъ самосовершенствованiе.

Онъ былъ увѣренъ, что, сокращая свои желанiя и сокращая свои расходы на себя, онъ можетъ отдавать излишекъ другимъ — и ради этихъ же другихъ, чтобъ по мѣрѣ своихъ силъ принести имъ возможно больше пользы, онъ занялся медициной и съ упорствомъ и терпѣнiемъ сталъ изучать эту науку. Аграфена Петровна никакъ не могла согласиться, что »воспитанiе«

на можетъ составить какое-то особенное дѣло«. Ей казалось, и это было такъ обыкновенно и просто, что мальчикъ выростетъ подъ ихъ присмотромъ, они его научатъ чему тамъ нужно, и все это будетъ незамѣтно, само собою, и говорить объ этомъ съ *такой* важностью вовсе не слѣдуетъ. Относительно расходовъ для другихъ, Аграфена Петровна возражала мужу, что достатокъ ихъ вовсе не такъ великъ, чтобы можно было дѣлать это, и что у него есть жена и ребенокъ, о которыхъ онъ долженъ думать и заботиться. Узнавъ о медицинѣ, она сначала очень испугалась. Она находила, что быть лѣкаремъ вовсе не княжеское дѣло и мужу ея совсѣмъ оно неприлично; но когда Никита Ѳедоровичъ пояснилъ ей, что и не думаетъ стать такимъ лѣкаремъ, что врачуетъ за деньги, а хочетъ именно помогать только ближнему по мѣрѣ силъ, — она успокоилась и все-таки не увидѣла въ мужниной медицинѣ »серьезнаго дѣла«, хотя не была противъ этихъ занятій, которыя казались ей такъ, между прочимъ, не лишними, но и не особенно нужными. Въ ея глазахъ настоящее было все-таки въ канцеляріи, и она звала его на службу въ Петербургъ.

Аграфена Петровна была убѣждена, что въ ней говоритъ только желаніе блага, что, при всей ея любви къ мужу, она не можетъ повѣрить въ его разсужденія и что *такъ*, какъ она хочетъ, будетъ лучше, и самъ Никита Ѳедоровичъ увидитъ это впослѣдствіи. Но Волконскій стоялъ на своемъ, т. е. продолжалъ быть попрежнему и ласковымъ и милымъ, и никогда самъ не заво-

дилъ разговоровъ о Петербургѣ, а когда Аграфена Петровна заговорила объ этомъ — начиналъ по-своему убѣждать ее, и ей становилось непріятно и боязно.

»Да что онъ въ самомъ дѣлѣ?—думала Аграфена Петровна. — Онъ считаетъ меня глупѣе, неразумнѣе себя, вотъ что... Развѣ я наконецъ не могу понимать, что лучше и что хуже? Время идетъ, а мы здѣсь въ глуши (теперь, когда она была княгиней Волконской, Митава казалась ей глушью) ничего не дѣлаемъ, живемъ не зная зачѣмъ, а время проходитъ, лучшее время!«

Она зажмуривала глаза и представляла себѣ Петербургъ большимъ богатымъ городомъ, гдѣ все великолѣпно и гдѣ можно было выдѣлиться и стóило поработать надъ этимъ.

Такія минуты стали чаще и чаще находить на нее, когда она оставалась одна со своими мыслями, и наконецъ стали переходить въ какое-то томительное состояніе гнетущей тоски, отъ которой нельзя было найти себѣ мѣста.

»Что съ нею?«—спрашивалъ себя князь Никита, видя ея холодный, »не живой« для него взглядъ, которымъ она иногда такъ зло и гордо смотрѣла на него въ послѣднее время.—»Не больна-ли она?«

Онъ попробовалъ спросить Аграфену Петровну: не нездоровится-ли ей. Она разсердилась.

— Я здорова! Терпѣть не могу, когда меня спрашиваютъ такъ; всегда что-нибудь случится потомъ,—отвѣтила она, въ упоръ, не улы-

[улыб]аясь, смотря на него. — И что́ за охота ду[м]ать, что всѣ больны?

Она знала, что намекаетъ этимъ на занятія [м]ужа медициной, что это будетъ непріятно ему, [н]о ей именно хотѣлось сдѣлать ему больно.

Никита Өедоровичъ какъ-то страдальчески улыбаясь взглянулъ на нее, и эта улыбка еще болѣе разсердила Аграфену Петровну.

»Онъ смѣется надо мной!« — рѣшила она.

И вдругъ ни съ того, ни съ сего она наговорила ему самыхъ обидныхъ словъ, самыхъ обидныхъ вещей, которыя, она знала, будутъ ему особенно непріятны.

Послѣ этого разговора, Никита Өедоровичъ нѣсколько дней ходилъ задумчивый и почти не занимался своими книгами.

Аграфена Петровна первая пришла къ нему просить прощенія. Она чувствовала себя виновною передъ мужемъ за то, что оскорбила его, но вмѣстѣ съ тѣмъ, ей, виноватой, казалось, что теперь Никита Өедоровичъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо не правъ передъ нею — за свои мысли и поступки.

Они помирились. Князь Никита видѣлъ однако, что душевное состояніе жены не измѣнилось послѣ примиренія, задумчивость не исчезла съ его лица и онъ не вернулся къ своимъ книгамъ. Онъ подолгу теперь шагалъ изъ комнаты въ комнату, не спѣша, не торопясь, и часто заходилъ къ сыну, игралъ съ нимъ и былъ особенно ласковъ и нѣженъ.

— Ты точно *передъ отъѣздомъ* прощаешься съ домомъ, — замѣтила Аграфена Петровна.

Она опять была въ своемъ состояніи угнетенія.

Волконскій, не отвѣтивъ, внимательно посмотрѣлъ только на нее, и она видѣла, что онъ понялъ, что она хотѣла сказать вмѣсто »передъ отъѣздомъ«—»передъ смертью«, но удержалась.

. . . .

— Если-бы ты знала только, что́ мы теряемъ, что́ мы теряемъ!—какъ бы думая вслухъ, проговорилъ вскорѣ послѣ этого князь Никита за обѣдомъ, который теперь они проводили обыкновенно молча.

На другой же день начались сборы, а черезъ двѣ недѣли Волконскіе уѣхали въ Петербургъ.

Аграфена Петровна ожила, точно все прежнее вернулось къ ней, и сборы въ дорогу, самая дорога, несмотря на всѣ ея неудобства, пріѣздъ въ столицу, разочарованіе ею, какъ городомъ еще неустроеннымъ и далеко не столь пышнымъ, какъ воображала Аграфена Петровна, встрѣча съ родны́ми, знако́мства,—все это прошло, какъ счастливое сновидѣніе.

Волконскій будто самъ оживился, точно теперь и онъ былъ согласенъ, что такъ дѣйствительно будетъ лучше.

II.

Въ Петербургѣ.

Не стало императора Петра, и Меншиковъ, при помощи гвардіи, возвелъ на престолъ су—

пругу его, Екатерину. На Россійскомъ тронѣ первый разъ появилась женщина, сдѣлавшаяся самодержавною государыней. Событіе это, объ исторической важности котораго впослѣдствіи было и вѣроятно будетъ еще много написано, вовсе не имѣло такого значенія для современниковъ, на глазахъ которыхъ оно произошло тогда. Никто не заботился о томъ, будетъ-ли продолжено начатое Петромъ дѣло преобразованія, и со смертью его умретъ-ли все сдѣланное имъ, какъ слѣдствіе одной его личной воли, или, напротивъ, будетъ развиваться, какъ нѣчто такое, къ чему уже Россія давно была подготовлена и ждала лишь только, чтобы стать на тотъ путь, куда вывелъ ее великій императоръ.

Для людей, бывшихъ свидѣтелями этого событія, неминуемо смѣшивались личные ихъ мелкіе интересы съ тѣмъ, что̀ происходило и что̀ имѣло историческое значеніе. Главнымъ образомъ тутъ важно было для нихъ, — какъ именно сами они попадутъ въ поднявшуюся волну, захлестнетъ-ли она ихъ или поможетъ выплыть, а общая форма волны осталась, разумѣется, для нихъ незамѣтною. Ясно стало, что значеніе Меншикова, сильнаго при Петрѣ, теперь еще увеличится, и онъ, счастливый ба́ловень судьбы, пробившійся изъ неизвѣстности—будетъ безусловно первенствующимъ лицомъ.

Старинные русскіе роды, въ челѣ которыхъ стояли Голицыны и Долгорукіе, оказались недовольными. Также много было недовольныхъ и среди чиновниковъ, которыхъ Меншиковъ, занятый главнымъ образомъ войскомъ, забылъ или

обошелъ. Недовольные стали кристаллизов
въ кружки, соединялись мало-по-малу, и
нихъ образовывалась партія великаго князя
тра, десятилѣтняго сына царевича Алексѣя
тровича.

Имя царевича съ его несчастною суд
и упорнымъ, молчаливымъ противодѣйствіемъ
шествамъ отца, — явилось теперь какъ бы
менемъ противнаго Меншикову лагеря и дѣ
великаго князя лицомъ, съ которымъ нево
соединялись надежды недовольныхъ. Къ
же, великій князь, какъ единственный пото
мужескаго пола изъ всего царскаго рода, и
гораздо болѣе правъ на корону чѣмъ Екатер
и всѣ понимали, что женщина пока́ только ус
нила ребенка отъ престола, но что настан
время, когда этотъ ребенокъ выраститъ.

Для Волконскихъ все это произошло
ряду съ хлопотами объ устройствѣ ихъ д
который они строили себѣ на Васильевск
островѣ. Императорскимъ указомъ было зап
щено нанимать помѣщенія. Князь Никита
сдѣлалъ для жены: переѣхалъ на житье въ с
лицу, отдѣлалъ тамъ домъ, несмотря даже на
что для этого пришлось войти въ долги, но
хотѣлъ измѣнить своихъ привычекъ и попрежне
остался нелюдимымъ, несообщительнымъ, х
далъ княгинѣ Аграфенѣ полную свобдду пост
пать, какъ ей заблагоразсудится.

Умная, отлично образованная и владѣвш
нѣсколькими языками, княгиня скоро собрала
своей гости́ной цѣлый кружокъ, въ которо
своими людьми стали бывать у ней Черкасо

кабинетъ-секретарь, сенаторъ Нелединскій, Веселовскій, Пашковъ Егоръ Ивановичъ, совѣтникъ военной коллегіи, и Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, извѣстный приближенный покойнаго государя, любимецъ его — арапъ.

Княгиня сразу съумѣла поставить себя въ Петербургѣ и не потерялась тамъ.

Сначала она не сразу могла опредѣлить, чего ей слѣдовало собственно добиться и кого держаться, но вскорѣ положеніе выяснилось само собою.

Великій князь еще ребёнокъ—нужно здѣсь заручиться и медленно, но прочно строить свое зданіе. Рано или поздно онъ взойдетъ на престолъ, и объ этомъ-то времени нужно думать и разсчитывать на него. Сестра великаго князя, Наталья Алексѣевна, не только дружна съ братомъ, но имѣетъ огромное вліяніе на него: вотъ путь, который доведетъ къ желанной цѣли.

И Аграфена Петровна окружила себя людьми, противными Меншикову, и сдѣлалась центромъ пока́ еще небольшаго кружка, собиравшагося въ ея гостиной. Вскорѣ въ этой гостиной появился Мавринъ, воспитатель великаго князя.

Апрѣль 1726 года былъ безпокойнымъ мѣсяцемъ въ Петербургѣ. Двѣ недѣли не собирался уже верховный Тайный совѣтъ, государыня была встревожена подмётными письмами, и по городу снова ходилъ не разъ уже, впрочемъ, напрасно возникавшій слухъ, но всегда тѣмъ не менѣе производившій впечатлѣніе, о томъ, что князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ двинулся на Петербургъ со своею украинскою арміею.

Какъ всегда это бываетъ, когда людямъ чего-нибудь очень хочется, они охотно придаютъ вѣру и значеніе всему, что́ мало-мальски соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ, — такъ и теперь многіе въ Петербургѣ думали, что они наканунѣ великихъ событій, и высчитывали по пальцамъ шансы борьбы.

— Извольте вспомнить,--кричалъ Веселовскій въ гостиной Аграфены Петровны, — кто у *нихъ* есть?.. Толстой графъ... хорошо! Апраксинъ... ну, онъ генералъ-адмиралъ, да вѣдь старъ, старъ до того, что все равно что ничего, и остается Меншиковъ да герцогъ Голштинскій.

— А вѣдь какую волю герцогъ-то взялъ: и въ совѣтѣ сидитъ, и черезъ него все идетъ, — вставила Волконская.

— Что́ подѣлаете, княгиня,—отвѣчалъ ей, разводя руками, Нелединскій. — Онъ мужъ старшей дочки ея величества, не станете же спорить съ нимъ!

И онъ насмѣшливо улыбнулся.

— Да самъ Меншиковъ ужь насъ предупредилъ,—возразилъ Веселовскій, какъ будто на самомъ дѣлѣ-то они собирались ужь спорить съ герцогомъ. Онъ не можетъ простить ему предсѣдательство въ совѣтѣ.

— Такъ, значитъ, у нихъ уже пошли размолвки въ середѣ?—замѣтилъ Нелединскій, снова улыбаясь.

— Въ томъ-то и дѣло,—подхватилъ Веселовскій, не замѣчая, что тотъ умышленно упомянулъ середу, потому-что Тайный совѣтъ соби-

рался обыкновенно по середамъ. Но Аграфена Петровна поняла и улыбнулась.

Ганнибалъ сидѣлъ по своему обыкновенію въ углу, на излюбленномъ своемъ мѣстѣ, и съ крѣпко стиснутыми на груди руками молчалъ, изрѣдка лишь вставляя свои замѣчанія.

— Ну, а Ѳеофанъ, — сказалъ онъ,—этотъ поневолѣ будетъ на ихъ сторонѣ. Великій князь ему не проститъ »Правду воли монаршей«.

— Что́, что́?.. Ѳеофанъ?—опять загорячился Веселовскій, — а дѣло Маркелла? Нынче Маркеллъ обвиняетъ его въ Преображенской канцеляріи. Нѣтъ, онъ не страшенъ.

— Гвардія, гвардія страшна!—какъ бы про себя проговорилъ Черкасовъ, ходившій по комнатѣ съ серьезнымъ лицомъ и опустивъ голову.

Но для Веселовскаго видимо не существовало никакихъ препятствій.

— А украинская армія—воскликнулъ онъ. — Князь Михаилъ Михайловичъ двинулся, и ужь на этотъ разъ оно вѣрно.

— Да, кажется,—подтвердилъ Нелединскій, — пора ему...

Аграфена Петровна, довольная, что въ ся домѣ идетъ какъ слѣдуетъ серьезный разговоръ, сидѣла, удобно прислонившись къ спинкѣ дивана и, одобряя улыбкой гостей своихъ, играла вѣеромъ, который, по принятой еще въ Митавѣ модѣ, былъ весь покрытъ автографами выдающихся лицъ.

— Абрамъ Петровичъ,—обратилась она къ Ганнибалу, — вы должны мнѣ тоже напиать на вѣерѣ что-нибудь.

— Если вы меня признаете достойнымъ
—отвѣчалъ съ поклономъ арапъ и улыбнулся сво
ими бѣлыми, ровными зубами.

Абрамъ Петровичъ былъ очень нужный дл
Волконской человѣкъ, такъ какъ онъ, препода
вая по порученію государыни математическі
науки великому князю, считался въ числѣ ег
наставниковъ и близкихъ къ нему лицъ.

Въ это время лакей доложилъ о приход
Пашкова.

Пашковъ вошелъ въ гостиную какъ сво
человѣкъ и, поздоровавшись, съ улыбкой подал
Аграфенѣ Петровнѣ грязный клочекъ грубой бу
маги, сложенный въ видѣ письма.

— Это что?—спросила княгиня, отстраняяс
и брезгливо поднимая руки.

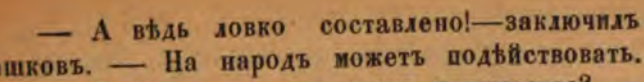
— Должно-быть, подметное письмо,—объ
яснилъ Пашковъ. — Я его у васъ на крыльц
нашелъ.

— Вотъ нашли куда подкидывать письма
— засмѣялся Веселовскій.

— Ахъ, это, должно-быть, очень интересн
—сказала Аграфена Петровна, все-таки не кася
ясь письма. — Прочтите же скорѣе!

Пашковъ развернулъ бумагу и сталъ читат

»Извѣстіе дѣтямъ Россійскимъ о приближа
ющейся погибели Россійскому государству, как
при Годуновѣ надъ царевичемъ Дмитріемъ учи
нено: понеже князь Меншиковъ истиннаго на
слѣдника, внука Петра Великаго, престола уж
лишилъ, а поставляютъ на царство Россійско
князя Голштинскаго. О, горе, Россія! смотри н
поступки ихъ, что мы давно проданы.«

— А вѣдь ловко составлено!—заключилъ
шковъ. — На народъ можетъ подѣйствовать.

— Любопытно, кто этимъ занимается? —
росилъ Черкасовъ; — видно, что человѣкъ не
остой.

Пашковъ смялъ письмо и, подойдя къ печкѣ,
осилъ его туда.

— А вы знаете новость?—спросилъ онъ,
оворачиваясь на каблукѣ и захлопнувъ за-
онку. — Рабутинъ пріѣхалъ.

Графъ Рабутинъ, котораго нѣсколько уже
ремени со дня-на-день ждали въ Петербургѣ,
ылъ посóлъ Карла VI, императора римско-нѣ-
ецкаго.

Глаза Аграфены Петровны заблестѣли и
ицо оживилось.

— Такъ чтó-жь вы молчите до сихъ поръ
не скажете,—заговорила она, придвигаясь къ
столу, — когда пріѣхалъ, откуда вы знаете это,
кто вамъ сказалъ?

— Самъ видѣлъ, сейчасъ, ѣдучи къ вамъ.
Домъ ему приготовили у Мошкова; проѣзжаю,
вижу, зеленая карета стоитъ; гайдуки, кучера
тоже въ зелень съ бѣлымъ одѣты: ничего, кра-
сиво. Спросилъ, кто пріѣхалъ? Говорятъ: Рабу-
тинъ... Вещи его вынимали.

— И много вещей?—освѣдомился Веселов-
скій.

— Да, изрядно.

Аграфена Петровна задумалась съ тор-
жественной улыбкой на губахъ.

— Пріѣ-халъ!—протянула она.

— А отчего вы такъ интересуетесь имъ,

княгиня?—спросилъ Пашковъ. — Я не зналъ, а то бы поспѣшилъ сообщить первымъ дѣломъ...

— Да какъ же не интересоваться?—наперерывъ всѣмъ закричалъ Веселовскій. — Вѣдь Петръ Алексѣевичъ, со стороны своей матери, родной племянникъ австрійской императрицы: значитъ, Рабутинъ будетъ на сторонѣ великаго князя, а вѣдь это сила!

— Хорошо бы съ нимъ знакомство свести поближе,—замѣтилъ Нелединскій.

— Чтó-жъ, это можно, я думаю, вотъ черезъ Абрама Петровича или Маврина,—проговорилъ Черкасовъ, снова заходившій по комнатѣ.

— Можно еще легче и проще,—сказала Аграфена Петровна. — Первый разъ, какъ Рабутинъ будетъ у меня вечеромъ, я приглашаю васъ къ себѣ...

Черкасовъ пріостановился; остальныe, какъ бы удивленные неожиданностью, посмотрѣли на княгиню, и она наивно оглядѣла ихъ, точно говоря: »Ну, да, Рабутинъ будетъ у меня—-и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.«

На другой же день вѣсть о пріѣздѣ Рабутина разнеслась по городу и отодвинула на второй планъ всѣ остальные толки.

Городскіе разсказы и пересуды слѣдили уже почти за каждымъ шагомъ австрійскаго послá. Казалось, узнали всю подноготную [1]): каковъ онъ собою, сколько у него платья, слугъ, какъ онъ держитъ себя — и всѣ отзывы были благопріятны. Одного, впрочемъ, не могли узнать — са-

---

[1]) сокровенныя тайны

аго главнаго, зачѣмъ появился Рабутинъ въ Іетербургѣ?

Въ придворныхъ кружкахъ говорили, какъ удто подъ секретомъ, но на самомъ дѣлѣ желая, чтобъ оно стало гласнымъ, что австрійскій осолъ пріѣхалъ для заключенія договора ея еличества съ его цесарскимъ величествомъ относительно турецкихъ и иныхъ дѣлъ, общихъ для обоихъ государствъ. Но этого было мало. У насъ былъ свой представитель въ Вѣнѣ — Ионгинскій: отчего онъ не могъ заключить договора?

Стали слѣдить за Рабутиномъ, къ кому онъ поѣдетъ и съ кѣмъ сведетъ знакомство.

Рабутинъ, тотчасъ по своемъ пріѣздѣ, былъ принятъ государыней частнымъ образомъ, прежде торжественной аудіенціи. Затѣмъ онъ былъ у великаго князя и его сестры; потомъ объѣхалъ важныхъ персонъ въ Петербургѣ, безразлично, къ какой бы партіи они ни принадлежали, но у Меншикова былъ наравнѣ съ другими, не выдѣливъ его изъ числа прочихъ.

У крыльца дома княгини Волконской тоже видѣли зеленую карету австрійскаго посла.

Князь Никита, переселясь въ угоду женѣ въ Петербургъ, не взлюбилъ этого города, тонувшаго, какъ ему казалось, въ болотахъ. Онъ такъ и не могъ отдѣлаться отъ того ужаснаго, тяжелаго впечатлѣнія, которое произвели на него,— когда они подъѣзжали по топкой, глубоко засасывавшей колеса, дорогѣ къ Петербургу, — обезображенные тлѣніемъ трупы лошадей, валявшіеся по сторонамъ этой дороги. Дождливая,

мрачная, сырая петербургская весна всегда имѣла на него удручающее дѣйствіе. Приближенія этого времени онъ ждалъ съ внутреннимъ, безотчетнымъ страхомъ. Онъ зналъ, что весна не обойдется для него безъ страшныхъ головныхъ болей, которыя аккуратно повторялись у него и мучили, точно какія-то твердыя подушки неумолимо сдавливали ему виски и затылокъ.

Волконскому, который страдалъ теперь этими своими головными болями, было не до Рабутина и не до его пріѣзда.

Онъ недѣли уже полторы не выходилъ изъ своей комнаты, гдѣ сидѣлъ, поджавъ ноги, на диванѣ, въ халатѣ и съ обвязанной теплымъ платкомъ, на подобіе чалмы, головою — единственнымъ средствомъ, которое помогало ему.

Аграфена Петровна привыкла къ головнымъ болямъ мужа, знала, что онѣ пройдутъ, что ему нужно только отсидѣться со своимъ платкомъ на головѣ, и не безпокоилась. Она часто заходила къ нему и спрашивала, не нужно-ли чего. Никита Ѳедоровичъ—если это было во время приступа боли — махалъ ей обыкновенно рукою, чтобъ она ушла, или — когда ему бывало легче —дѣлалъ односложные вопросы, и княгиня садилась и разсказывала ему.

— Ты знаешь,—заговорила Аграфена Петровна въ одинъ изъ такихъ промежутковъ, — къ намъ сюда пріѣхалъ австрійскій посланникъ Рабутинъ. Онъ нуженъ мнѣ... и очень даже нуженъ...—добавила она, запинаясь.

Волконскій, боясь пошевельнуть голову, показалъ глазами, что понимаетъ это и на все

согласенъ. На самомъ дѣлѣ ему, однако, было рѣшительно все равно.

— Ну, такъ вотъ,—продолжала она, — онъ былъ у меня уже утромъ, и мнѣ нужно сдѣлать для него вечеръ, пригласить своихъ; это необходимо.

Она остановилась и вопросительно посмотрѣла на мужа.

Онъ, не двигаясь, молчалъ, глазами только спрашивая: »въ чемъ же дѣло?«

— Да я не знаю, *какъ тебѣ*. Тебя это не обезпокоитъ? Вѣдь мы будемъ, впрочемъ, далеко отъ тебя, въ гостиной, и тебѣ ничего не будетъ слышно.

— Ахъ, пожалуйста, что́-жь мнѣ... пожалуйста,—съ трудомъ выговорилъ Волконскій и, почувствовавъ отъ движенія ртомъ новый приступъ боли въ головѣ, закрылъ глаза и болѣзненно сморщилъ щеки.

— Что́, опять?—тихимъ, соболѣзнующимъ шепотомъ спросила его жена.

Онъ махнулъ только рукою и застоналъ.

Аграфена Петровна осторожно, на цыпочкахъ, вышла изъ комнаты.

Вечеръ княгини въ честь Рабутина удался какъ нельзя лучше и былъ вполнѣ блестящимъ. Съѣхалось почти́ полъ-Петербурга и въ городѣ забезпокоились и заговорили о томъ, что́ могло быть общаго между Аграфеной Петровной и Рабутиномъ, который видимо относился къ ней очень внимательно. Мало того, послѣ вечера, онъ продолжалъ уже за́просто посѣщать княгиню, и больной Никита Ѳедоровичъ, на обычный свой

вопросъ женѣ, кто былъ у нея сегодня, чаще
чаще сталъ получать отвѣтъ: »Графъ Рабутинъ
— такъ что, когда, наконецъ, Волконскій отс
дѣлся отъ своей болѣзни и вышелъ изъ комнат
— этотъ австрійскій посланникъ, о которо
онъ слышалъ то и дѣло, былъ уже и ему инт
ресенъ.

— Познакомь же меня съ твоимъ Рабут
номъ,—сказалъ онъ женѣ къ ея удивленію, п
тому что очень рѣдко интересовался тѣми, к
бывалъ у ней, и первый же разъ, какъ пріѣха
Рабутинъ, она послала доложить объ этомъ муж

Никита Ѳедоровичъ почему-то состави
себѣ понятіе о графѣ Рабутинѣ, какъ о семе
номъ человѣкѣ, пріѣхавшемъ съ важнымъ пор
ченіемъ, гордомъ и смотрящемъ нѣсколько св
сока, но умномъ и бываломъ, съ которымъ, м
жетъ-быть, будетъ любопытно поговорить.

Изъ всей »компаніи« своей жены онъ л
билъ бесѣдовать только съ Ганнибаломъ,
имѣлъ нѣкоторыя сношенія съ Веселовскимъ, к
торый черезъ своего брата, проживавшаго въ Ло
донѣ, доставалъ князю кой-какія книги.

Войдя, однако, въ гостиную Аграфены П
тровны, Волконскій увидѣлъ, что настоящій Р
бутинъ вовсе не похожъ съ виду на того Р
бутина, какимъ онъ его представлялъ себѣ. Э
былъ молодой человѣкъ, стройный и изящный,
красивыми, нѣжными чертами лица и изыска
ными манерами.

Онъ такъ ловко всталъ и поклонился, та
ловко сидѣлъ на немъ бѣлый, гродетуровый фра
цузскій кафтанъ съ зелеными отворотами и та

красиво на его бѣломъ шелковомъ камзолѣ лежала зеленая орденская лента, что князь Никита невольно смутился и почувствовалъ, что отвыкъ отъ общества этихъ блестящихъ свѣтскихъ людей, и пожалѣлъ, зачѣмъ ему захотѣлось знакóмиться съ Рабутиномъ.

Графъ, поклонившись Волконскому особенно вѣжливо, причемъ, однако, было ясно, что онъ кланяется такимъ образомъ не именно Волконскому, а просто потому, что привыкъ такъ кланяться всѣмъ безъ исключенія, — сѣлъ довольно развязно на кресло и, обратившись къ Аграфенѣ Петровнѣ, продолжалъ начатый съ нею разговоръ о своихъ впечатлѣніяхъ въ Петербургѣ.

Рабутинъ говорилъ по-французски съ нѣсколько худо скрываемымъ нѣмецкимъ акцентомъ и неправильностями, но живо и остроумно. Волконскій замѣтилъ, что Рабутинъ знаетъ, что его разговоръ живъ и остроуменъ, и какъ будто самъ слушаетъ себя. Это ему не понравилось. Не понравилась также князю Никитѣ та учтиво-приличная развязность, съ которою графъ, поджавъ ноги, въ шелковыхъ, ловко обхватывавшихъ его красивыя икры́ (лытки) чулка́хъ, и какъ-то свободно держа треугольную шляпу съ пышнымъ перомъ, смотрѣлъ прямо въ глаза Аграфенѣ Петровнѣ, въ эти милые, дорогіе для князя Никиты глаза, свѣтившіеся до сихъ поръ для него лишь одного счастливою улыбкой... Видимо было, что Рабутинъ привыкъ смотрѣть такъ на всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и, собственно говоря, никто бы не могъ придраться къ нему за это, но Никитѣ Өедоровичу непріятно было, какъ смѣлъ этотъ

красивый, чужой, Богъ знаетъ зачѣмъ пріѣхавшій молодой человѣкъ относиться къ *его* Аграфенѣ Петровнѣ какъ ко всякой другой хорошенькой женщинѣ.

Волконскій зналъ, что она была хороша и что лучше ея нé было на свѣтѣ; но при чемъ же тутъ Рабутинъ и какое дѣло ему до всего этого? А между тѣмъ этотъ Рабутинъ смѣялся, разговаривалъ и шутилъ и былъ óчень доволенъ собою, какъ бутдо все, чтó онъ дѣлалъ, было очень хорошо и необходимо и доставляло неизъяснимое удовольствіе Аграфенѣ Петровнѣ.

Никита Ѳедоровичъ постарался поймать ея взглядъ, но она не смотрѣла въ его сторону. Правда, она ни разу не взглянула и на Рабутина, но Волконскому казалось уже, что она нарочно дѣлаетъ это въ смущеніи, хотя онъ зналъ, что если бы она посмотрѣла теперь на Рабутина, — онъ, Никита Ѳедоровичъ, не отвѣтилъ бы за себя.

Недавнія-ли головныя боли были тому причиной, или просто Волконскій отвыкъ отъ этого обращенія молодыхъ людей, но только онъ чувствовалъ, что ему нестерпимо противенъ изящный Рабутинъ, съ его лентой и зелеными икрáми, и что онъ не можетъ оставаться дольше въ этой гостиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ни за чтó не уйдетъ изъ нея, ни за чтó не оставитъ *ихъ* одниxъ.

Онъ сидѣлъ стиснувъ зубы и зло уставившись на Рабутина, который нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ, но каждый разъ получалъ такой односложный отвѣтъ, что пересталъ обращаться къ князю Никитѣ.

Волконская видѣла состояніе мужа и боялась, чтобы онъ не наговорилъ Рабутину дерзостей.

— Чтó съ тобою?..—проговорила она наконецъ, когда гость ея, раскланявшись, уѣхалъ.

Князь Никита только теперь, оставшись одинъ съ женою и видя ея попрежнему милое лицо, пришелъ въ себя и опомнился.

—Ничего!—отвѣтилъ онъ, проводя рукою по головѣ. — Ничего... только я къ этому Рабутину никогда больше не выйду...

Съ этого дня каждый разъ, какъ Волконскій узнавалъ, что у его жены былъ Рабутинъ — онъ болѣзненно морщился и не разспрашивалъ о немъ.

Частыя посѣщенія молодаго, красиваго иностраннаго графа въ домѣ Волконской неминуемо должны были подать поводъ къ перешептыванью въ петербургскихъ гостиныхъ и мало-по-малу началась создаваться сплетня.

Рабутинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дипломатовъ, которые, благодаря даннымъ имъ отъ природы средствамъ, составляютъ черезъ женщинъ не только свою собственную карьеру, но и устраиваютъ многія дѣла, порученныя ихъ вѣдѣнію. Рабутинъ по этой части давно пріобрѣлъ и выдержку, и óпытъ.

Сплетня, еще правда глухо ходившая изъ устъ въ уста, въ видѣ догадокъ, не могла дойти до Никиты Ѳедоровича.

Но появленіе Рабутина принесло уже въ сердце Волконскаго каплю горечи, которую онъ напрасно старался заглушить.

Онъ предчувствовалъ и зналъ, что стремленія жены не могутъ торжествовать надъ его правдой, которая отвергала эти стремленія, и онъ хотѣлъ, чтобы она собственнымъ опытомъ убѣдилась въ этомъ, и не боялся до сихъ поръ за свое счастіе; но теперь вдругъ, когда онъ увидѣлъ этого графа, въ душѣ его шевельнулось чу́вство, похожее на страхъ, и впервые онъ ощутилъ раздраженіе и недовольство затѣями жены, которыя самъ же допустилъ. Разумѣется, нечего было и думать — идти назадъ. Но прежде ему не приходило въ голову вмѣшиваться въ дѣла жены, онъ просто ждалъ развязки, увѣренный въ томъ, какова она будетъ, а теперь онъ не могъ уже отогнать отъ себя безпокойной мысли о томъ, въ чемъ собственно заключаются эти »дѣла«. Конечно, онъ вѣрилъ въ свою Аграфену Петровну, иначе жить нельзя бы было,—и все-таки это глупое безпокойстяо мучило его.

Но какъ узнать и какъ заговорить съ нею?

А Рабутинъ продолжалъ бывать. Аграфена Петровна писала ему запи́ски и отправляла при его посредствѣ какія-то письма.

Она каждый вечеръ подолгу сидѣла у своего стола и исписывала большіе листы бумаги. Она стала казаться разсѣянною, безпокойною, нетерпѣливою, ожидала какихъ-то извѣстій, много выѣзжала изъ дома, не пропускала ни одного мало-мальски выдающагося собранія въ Петербургѣ и нѣсколько разъ ѣздила во дворецъ къ великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ.

Наконецъ Волконскій засталъ жену такою, какою онъ никогда не видѣлъ ее безъ себя —

такою она только бывала въ лучшія минуты ихъ счастія! Она сидѣла вся сіяющая, радостная, и безконечно счастливая улыбка была на лицѣ ея. Она блестящими глазами точно впилась въ письмо, которое держала въ рукахъ, и ничего не слышала кругомъ и не видѣла.

Князь Никита близко подошелъ къ ней, она вздрогнула и быстро спрятала письмо.

Много разъ Никита Өедоровичъ заставалъ ее за чтеніемъ своей корреспонденціи, но никогда она не пугалась такъ, никогда у ней не бывало этого счастливаго лица и никогда она не прятала писемъ.

— Покажи мнѣ письмо!—вдругъ проговорилъ Никита Өедоровичъ.

Она засмѣялась какимъ-то мелкимъ, *не своимъ*, непріятнымъ для князя Никиты смѣхомъ и, отстранившись отъ мужа, какъ кошка вырвалась отъ него и ушла къ себѣ въ спальню.

Волконскій стоялъ — точно кто-нибудь неожиданно, больно ударилъ его и исчезъ.

Что́ это было за письмо, откуда?.. И письмо-ли это было, а можетъ быть просто записка, но отъ кого? Не отъ Рабутина-жь?

III.

Рабутинъ.

Никита Өедоровичъ долженъ былъ сознаться самъ передъ собою, что онъ ревнуетъ[1]). Это скверное чувство неожиданно возмутило его душевный покой, въ которомъ все казалось такъ

[1]) завистливъ.

ясно и неизмѣнно до сихъ поръ. Онъ никак
предвидѣлъ волненія именно съ этой стор
Положимъ, князь Никита сознавалъ, что рев
его неосновательна, и что онъ никакого
имѣетъ права на нее, потому что за четыр
цать лѣтъ его семейной жизни Аграфена
тровна не подала ни малѣйшаго повода къ
онъ соглашался, что это было глупо, см
можетъ-быть, но тѣмъ не менѣе не могъ
вить, не могъ скрыть онъ передъ собою с
сквернаго чувства и мучился, стараясь ус
ить себя и побѣдить явившагося въ немъ

Разумѣется, онъ скрывалъ это отъ ж
чтобы не оскорбить ея. Но Аграфена Петр
такъ была занята, что казалось не замѣ
что́ происходитъ въ душѣ мужа, какъ буд
было во́все не до него.

Все это время она, при постоя́нныхъ
махъ и выѣздахъ, особенно много тратила
негъ. Между тѣмъ средства Волконскаго
не соотвѣтствовали тѣмъ требованіямъ, кот
къ нимъ предъявляли.

Изъ деревни, гдѣ Волконскій запретилъ
кія крутыя мѣры, обро́къ (чиншъ) получался
Петръ Михайловичъ послѣднее время прись
изъ Митавы все меньше и меньше. Князь
кита отказывалъ лично себѣ во всемъ, но м
его — удѣлять другимъ изъ своего доход
не только не осуществлялась, а напротивъ,
но было такъ или иначе покрывать съ каж
днемъ увеличивавшіеся недостатки.

Они содержали цѣлый штатъ дворовыхъ
княгини было нѣсколько паръ ло́шадей, кар

провизія[1]) была дорога, и ко всему этому нужно было расплачиваться по сдѣланному для постройки дома долгу. Князь Никита считалъ необходимымъ дѣлать все это для жены, твердо увѣренный, что настанетъ время и можетъ быть очень скоро, когда Аграфена Петровна откажется отъ Петербурга и они уѣдутъ на-всегда, одни, въ деревню... Это было самое сокровенное желаніе Никиты Ѳедоровича и исполненіе его казалось вовсе не невозможнымъ: ему такъ не нравился Петербургъ, что онъ не сомнѣвался, что Аграфена Петровна не можетъ не увидѣть, что въ деревнѣ лучше.

Пока́ однако она не убѣдилась въ этомъ, нужно было дать полную ей возможность испытать самой на опытѣ все, дать полную волю, чтобы она сама нашла дурное дурнымъ. А для князя Никиты лучшею въ мірѣ женщиною была Аграфена Петровна, и, по его мнѣнію, эта лучшая женщина могла только временно ошибаться, но, если ей дать свободный выборъ — въ концѣ концовъ она станетъ непремѣнно на ту сторону, гдѣ правда.

И онъ старался ей не отказывать ни въ чемъ.

Бестужевы жили всегда большимъ домомъ. Петръ Михайловичъ баловалъ[2]) дочь, и она, почти никогда не знавшая ни въ чемъ отказа, никакъ не могла и не умѣла войти въ эти мелкіе разсчеты и понять, что можетъ не быть денегъ, когда ихъ нужно.

Перваго мая было назначено катанье въ Петербургѣ. Волконская хотѣла поѣхать съ сы-

---

[1]) съѣстные припа́сы, продовольствіе; [2]) пестилъ.

номъ. Она за нѣсколько дней передъ этимъ пр
шла къ мужу.

Никита Ѳедоровичъ сидѣлъ у своего пи
меннаго стола и при входѣ жены отклони
назадъ, перекинувъ по привычкѣ руку, въ
торой держалъ перо, черезъ спинку кресла.

— Ты занятъ? — спросила Аграфена
тровна.

Князь Никита ласково поднялъ на нее гл
и улыбаясь покачалъ головою.

Не смотря на минувшія четырнадцать лѣ
онъ любилъ жену и былъ влюбленъ въ нее т
же, какъ и на другой день ихъ свадьбы.
когда не разставаясь съ Аграфеной Петровн
онъ, видя каждый день ея милое лицо, рѣ
тельно не замѣчалъ въ этомъ лицѣ никак
измѣненій: ему она казалась совершенно так
какою онъ увидѣлъ ее въ первый разъ, и
всегда съ одинаковою нѣжностью и восторг
любовался ею.

— Прелесть моя, радость!..—проговор
онъ и хотѣлъ взять ея руку, чтобы поцѣлова

Аграфена Петровна видѣла, что онъ въ о
бенно кротко-любовномъ настроеніи; но
пришла для разговора, который не совсѣмъ п
ходилъ къ этому настроенію, и потому
суше, чѣмъ слѣдовало, поспѣшно протянула му
руку къ губамъ и проговорила:

— А я къ тебѣ...

Никита Ѳедоровичъ поморщился. Онъ зна
что́ значили эти слова: Аграфена Петровна
шла на счетъ денегъ.

— Я получилъ письмо сегодня отъ твоего батюшки,—сказалъ Волконскій, снова пригибаясь къ столу и перебирая лежавшія на немъ бумаги, —вотъ,—добавилъ онъ, найдя письмо,—прочти...

Аграфена Петровна взглянула на знакомый, неясный почеркъ отца и съ первыхъ же строкъ поняла, въ чемъ дѣло.

Петръ Михайловичъ писалъ, что ему нынче положенъ запретъ въ Курляндскомъ герцогствѣ вступаться въ тамошнія управленія и таможенные сборы и другихъ всякихъ доходовъ, и велѣно отнюдь ни до чего не интересоваться, кромѣ однѣхъ маетностей, опредѣленныхъ вдовствующей герцогинѣ. Жалованья онъ-де получаетъ немного, да и не въ срокъ, а потому выслать денегъ не можетъ и не знаетъ, когда вышлетъ.

— А ты ждалъ денегъ отъ батюшки?—спросила Аграфена Петровна.

— Конечно, ждалъ...

— Значитъ, мы не можемъ заплатить за свѣчи? У насъ ихъ много вышло, я велѣла еще взять, это необходимо...

Никита Өедоровичъ пожалъ плечами.

— Зерно, крупа, *кажется*, вышли,—неувѣренно произнесла Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, зерна и крупы хватитъ еще... — утвердительно произнесъ князь Никита.

Волконская задумалась.

— Ну, а какъ же я заплачу за локоны?— спросила она вдругъ.

— Какіе локоны?

— Да по счету тамъ нужно заплатить сто

пять рублей кажется... вотъ тебѣ и счетъ, что
ты не думалъ, что я лгу...

Никита Өедоровичъ, который вовсе и
думалъ, что она лжетъ, взялъ изъ рукъ же
золотообрѣзную бумажку, на которой было чет
и красиво написано:

»Щетъ, коликое число сдѣлано про сіятел
ную княгиню и милостивѣйшую государыню Аг
фену Петровну, княгиню Волконскую, локоно
и протчего камердинеромъ ея императорска
величества Петромъ Вартотомъ.

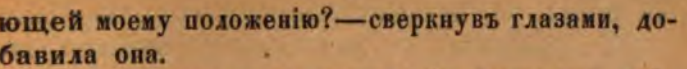
Февраля 8 дня 8 малыхъ машкаратны локоновъ	25
Машкаратные-же турецкіе длинные волосы	10
Өаворитовъ 8 паръ	16
4 штуки долгихъ волосъ	8
2 поручки маленькихъ длинныхъ . . .	32
За переправку локоновъ	14
Итого . .	105

Pierre Wartot.«

Волконскій просмотрѣлъ счетъ и наморщи
лобъ сталъ придавливая тереть его, точно у не
чесалось тамъ внутри головы.

— Какъ же это?—проговорилъ онъ нак
нецъ; — знаешь, Аграфенушка, это все ч
резчуръ, такъ мы не проживемъ пожалуй...

— Ахъ, опять ты за старое!—заговори
начиная уже волноваться, Аграфена Петров
— сколько разъ я тебѣ говорила, что мы ж
вемъ такъ уже скромно, какъ только може
Только *самое* необходимое.. Вѣдь не могу
я не быть окружена обстановкой, соотвѣтству

ющей моему положенію?—сверкнувъ глазами, добавила она.

— Да все-таки можно бы сократить кой-что...

— Что́, что́ сократить? ты скажи, ну, назови!..

— Да я не знаю... ну, вотъ хоть для Миши опять но́вые башмаки купили; ну зачѣмъ ему столько башмаковъ?—слабо возразилъ Никита Ѳедоровичъ.

Аграфена Петровна разсердилась за то, что онъ такъ скоро нашелъ свой примѣръ и дернувъ плечами отвѣтила:

— Вѣдь не водить же мнѣ его босикомъ?

Она отвернулась, недовольно надувъ губки.

Волконскій давно привыкъ къ манерѣ жены отвѣчать, когда она сердилась, всегда преувеличивая слова говорившихъ съ нею, и потому только укоризненно тихо произнесъ:

— Аграфенушка! ну, когда же я говорилъ, чтобы ты водила его босикомъ?..

Когда онъ говорилъ »Аграфенушка«, все шло еще ничего, но при второй половинѣ его фразы Аграфена Петровна вдругъ обернулась къ нему и нервно, съ поднявшеюся внезапно злобою, заговорила торопясь словами, точно боялась, что сердце (гнѣвъ) пройдетъ у ней раньше, чѣмъ она кончитъ говорить.

— Да, что́ это ты выдумалъ,—говорила она, —читать мнѣ наставленія, словно кто далъ тебѣ право... Я не батрачка, не подлая тебѣ раба, я не въ неволѣ у тебя... и сама могу имѣть свою волю... Если ты сидишь на одномъ мѣстѣ

и ничего не хочешь дѣлать, такъ я не мо
такъ, понимаешь? я хочу и буду дѣлать, ч
мнѣ нравится... да, вотъ что! не нужно мнѣ т
ихъ денегъ, слышишь, не нужно!—вставъ уже
мѣста и возвысивъ голосъ, сердилась она и
найдя, что сказать еще, скорыми шагами вы
изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Никита Ѳедоровичъ грустно опустилъ
руки голову и задумался.

Эти вспышки жены, казавшіяся какъ бу
безпричинными, обыкновенно до глубины ду
огорчали его. Но онъ всегда старался объясн
ихъ себѣ и, разобравъ подробности, всегда
ходилъ рядъ извѣстныхъ, послѣдовательны
причинъ и оправдывалъ свою Аграфену Петров

Сколько онъ ни думалъ однако теперь,
чего не могъ найти въ оправданіе сегодняш
вспышки. Главное, онъ не зналъ, почему
такъ скоро разсердилась и почему она при
уже раздраженною, готовая встрѣтить цѣлою
рею малѣйшее возраженіе.

Очевидно у нея было что-то свое, скры
отъ Никиты Ѳедоровича, волновавшее ее, ч
онъ не зналъ, и не вполнѣ еще побѣжденн
недавній бѣсъ снова проснулся въ немъ.

Волконскій всталъ изъ-за стола и быстры
шагами заходилъ по комнатѣ. Оба они теп
— она на своей половинѣ, онъ у себя въ
бинетѣ, — чувствовали, что поссорились и ни
не хотѣлъ идти мириться. Кончился день и
другое утро они встали съ окрѣпшею, прин
шею уже извѣстную форму злобою. Никита Ѳ

доровичъ не пошелъ на половину жены. Она не шла къ нему.

Надъ Петербургомъ разразилась первая весенная гроза, и давившій съ утра жаркою тяжестью воздухъ разрѣдился и словно промытый дождемъ благоухалъ распускавшимися почками зе́лени.

Князь Никита открылъ окно и съ удовольствіемъ вдохнулъ этотъ воздухъ. На него повѣяло свѣжестью еще холодновато-сыраго вечера, но эта свѣжесть была пріятна, и Никита Ѳедоровичъ, облокотившись обоими локтями на подоконникъ, сталъ смотрѣть на разстилавшійся передъ его глазами широкій, своеобразный видъ сравнительно недавно возникшаго Петербурга. Изъ-за низкихъ крышъ наскоро устроенныхъ мазанокъ виднѣлась торжественная, огромная рѣка своею гладкою, озаренною краснымъ огнемъ заката поверхностью съ профилемъ крѣпости, гдѣ высилась тонкая, красивая колокольня собора. Оголенныя еще деревья Лѣтняго сада причудливою, темною сѣткой вырисовывались на терявшемъ съ каждой секундой свою лазурь небосклонѣ. Вечеръ былъ совсѣмъ весенній, не петербургскій, напоминавшій Никитѣ Ѳедоровичу далекую деревню. У Волконскаго отекъ наконецъ правый локоть, на который онъ упирался, и машинально онъ перегнулся на лѣвый, замѣтивъ это свое движеніе лишь потому, что ближайшіе предметы передвинулись у него направо. Теперь Богъ знаетъ откуда торчавшее деревцо заслоняло своими тощими, голыми вѣточками часть крѣпостной колокольни. Онъ подвинулся

еще чуть лѣвѣе, и колокольня почти вов
слонилась.

»Странно«, мелькнуло у князя Н
»какъ это ничтожный пучекъ прутьевъ м
вдругъ заслонить то, передъ чѣмъ онъ
ничтожество«, и невольно у него это де
получило связь съ тѣмъ, на что́ цѣлый
были направлены сегодня его мысли: »Неу
пришло ему въ голову, »могутъ ихъ мин
размолвки съ женою заслонить счастье с
кихъ лѣтъ ихъ супружеской жизни?«

Онъ закрылъ окно и почувствовалъ
давно уже пересталъ сердиться на жену,
сейчасъ же долженъ пойти къ ней, посмо
на нее, посмотрѣть прямо въ глаза и разсмѣ
въ отвѣтъ на ея улыбку, которою она на
уже встрѣтитъ его.

Аграфена Петровна была въ маленькомъ
емъ кабинетѣ, любимой своей комнатѣ,
уютной. Здѣсь стояла привезенная еще изъ
тавы легкая мебель желтаго тополя, а с
были расписаны по холсту французскими
дожниками, пріѣхавшими вмѣстѣ съ знамени
Леблономъ, по проекту котораго строился
мый домъ Волконскихъ.

Комната, освѣщенная двумя окнами, въ
торыя слабо глядѣлись сумерки угасшаго
была полутемна.

Никита Ѳедоровичъ, войдя, сейчасъ же
дѣлъ профиль жены, темнѣвшій передъ од
изъ оконъ. Она сидѣла у своего столи
чѣмъ-то была очевидно занята очень серь

Князь Никита сдѣлалъ шагъ впередъ. Аграфена Петровна считала деньги. Часть лежавшихъ передъ нею золотыхъ монетъ выравнялась уже въ аккуратные стопочки, остальныя — лежали еще порядочною кучкой.

Волконскій, предполагавшій, что жена ждетъ его примиренія, что сердце ея такъ же, какъ у него, и такъ же, какъ это прежде бывало, давно прошло — и она только первая не хочетъ идти мириться, ждалъ совсѣмъ другаго; онъ никакъ не думалъ, что Аграфена Петровна совсѣмъ забыла о немъ въ эту минуту, что онъ можетъ какимъ-нибудь образомъ *помѣшать* ей. А между тѣмъ она обернулась, и по ея холодному, недовольному лицу, онъ видѣлъ, что дѣйствительно она въ эту минуту совсѣмъ не думала о немъ и онъ помѣшалъ ей.

Но откуда при всемъ этомъ были у нея деньги?

»Чтó же это — долгъ, сдѣлка, продажа какихъ-нибудь вещей? Рабутинъ!« вспомнилъ Никита Ѳедоровичъ, и вдругъ небывалое бѣшенство охватило все его существо, онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ — и не своимъ, сдавленнымъ голосомъ проговорилъ, чувствуя, что не онъ самъ, но бѣсъ владѣетъ имъ:

— Откуда... откуда деньги?

Аграфена Петровна встала, оперлась рукою на столъ, и выпрямившись во весь ростъ, высоко закинувъ голову, грозно отвѣтила:

— А *тебѣ* какое дѣло до этого?

Лицо ея было искажено злобою и гордостью и отталкивало отъ себя Никиту Ѳедоровича.

— Чтó? Какое мнѣ дѣло... мнѣ? А
мнѣ дѣло, что я знаю, откуда эти деньг

Онъ все больше и больше задыхался,
це его билось до боли сильно, грудь сд
словно тисками.

— Знаю, что онѣ отъ Рабутина! —
выкрикнулъ онъ и, упавъ на кресло, з
лицо руками.

Онъ не помнилъ уже, чтó говорилъ
дѣлалъ. Онъ боялся отнять руки, боялся с
глаза и посмотрѣть, чтó съ нею; онъ не
малъ, какъ языкъ повернулся у него нан
это оскорбленіе, и не могъ сообразит
должно случиться теперь.

Но Аграфена Петровна оставалась
шенно спокойною, все такъ же опершись
на столъ и гордо закинувъ голову.

— Да, отъ Рабутина... *вы* угадали!
твердила она.

Князь Никита ожидалъ всего, но тол
этого.

Онъ отнялъ руки отъ лица и остан
на женѣ долгимъ, безсмысленнымъ взг
своихъ вдругъ помутившихся, необыкн
широко открытыхъ глазъ. Лицо его ста
желта-блѣднымъ и губы посинѣли.

»Господи, чтó съ нимъ?« мелькнуло у
фены Петровны.

И вдругъ правая щека князя Никиты
и судорожно задрожала, жила на лѣвой с
шеи стянулась, ротъ дрогнулъ и скр
плечи заходили мелкою дробью и кисти
неудержимо замотались въ разныя сторон

Смятеніе, страхъ, раскаяніе и жалость, главное жалость, охватили Аграфену Петровну — и она, забывъ уже всю свою гордость, обиду и злобу, кинулась къ мужу.

— Милый... родно́й... погоди! Что́ ты?—проговорила она голосомъ, въ которомъ звучала неподдѣльная нѣжность. — Воды тебѣ, постой!

Она принесла ему изъ спальни воды, заставила выпить и, положивъ на плечи руки, смотрѣла на него испуганная, но снова любившая и потому по-прежнему прекрасная.

Князь Никита тяжело дышалъ. Судорогъ въ лицѣ у него уже не было, только руки вздрагивали.

Онъ силился улыбнуться и успокоиться.

Ему было довольно ея взгляда, ея ласковаго слова, чтобы вновь почувствовать радость и жизнь.

— Да что́ ты такъ... что́?—спрашивала Аграфена Петровна. — Ну скажи *все*, что́ съ тобою было?

Она сѣла мужу на колѣни и обняла его одною рукою.

Спокойствіе почти вернулось къ нему.

Своимъ чу́вствомъ любви, которое никогда его не обманывало, онъ зналъ уже, что она ни въ чемъ не виновата передъ нимъ, что все объяснится и его Аграфена Петровна останется чиста какъ прежде. Онъ постарался подробно разсказать ей всѣ свои тревоги послѣднихъ дней, разсказалъ о письмѣ и о Рабутинѣ. При упоминаніи этого имени, онъ было вновь заволновался, но Аграфена Петровна перебила его.

— Да ты знаешь, зачѣмъ онъ пріѣхалъ
Петербургъ?—спросила она.

— Говорятъ, что заключать какой-то
говоръ.

Волконская улыбнулась.

— Да это такъ говорятъ, а на самомъ
онъ здѣсь, чтобы хлопотать за великаго к

— Петра Алексѣевича?

— Ну да! Видишь-ли,—заговорила А
фена Петровна, — императрица хочетъ сд
наслѣдницею престола одну изъ своихъ
рей. Герцогъ Голштинскій, мужъ старшей
ревны, Анны Петровны, входитъ тепер
мельчайшія подробности правленія, словно
щій супругъ будущей государыни. Они х
обойти великаго князя. Ну, а это не та
легко; у него есть тоже преданные
да и со стороны матери своей онъ родня
бургскому дому, значитъ для этого дома в
важно, чтобы русскій престолъ занимало
находящееся въ близкомъ родствѣ съ
Вотъ австрійцы и послали...

— И ты въ числѣ преданныхъ людей
ликому князю?—спросилъ Никита Ѳедоров

— Это старая исторія; братъ Алексѣй
но уже въ сношеніи съ Австрійскимъ дво
еще съ тѣхъ поръ, какъ въ Вѣнѣ скры
царевичъ Алексѣй Петровичъ отъ своего

— Значитъ вы играете въ руку авс
цамъ?

— Какъ въ руку австрійцамъ?—встре
лась Аграфена Петровна, вставая отъ муж
Желать, чтобы въ Россіи царствовалъ кор

усскій государь, единственный мужской потомокъ Романовыхъ, родной внукъ императора, и сѣми силами противодѣйствовать воцаренію женщины, рожденной отъ иностранки и вышедшей амужъ за иностранца же, который придетъ и удетъ господствовать надъ нами... значитъ повоему играть въ руку австрійцамъ? Пусть австрійцы теперь пока помогаютъ намъ съ ихъ Рабутиномъ, а потомъ увидимъ еще, будутъ-ли они имѣть возможность сѣсть намъ на шею.

Выраженіе жены »австрійцы *съ ихъ* Рабутиномъ« особенно было пріятно Никитѣ Өедоровичу.

— Но зачѣмъ же ты берешь отъ него...

— Деньги?—перебила Аграфена Петровна. — Затѣмъ... затѣмъ что у насъ ихъ нѣтъ, затѣмъ что онѣ намъ нужны и что борьба безъ де́негъ немыслима. Я смотрю на эти деньги, какъ на средство для борьбы за благое дѣло. Это все равно. Отецъ въ Митавѣ бралъ деньги даже у жидовъ, когда онѣ ему были нужны... Я беру у австрійцевъ. Придетъ время и отдамъ!

— Постой... Но при чемъ же тутъ ты? Отчего же ты являешься какимъ-то чутъ не главнымъ лицомъ здѣсь?

— Главнымъ, нѣтъ,—отвѣчала, скромно опуская глаза, но самодовольно улыбаясь, Аграфена Петровна,—а однимъ изъ главныхъ, можетъ быть.

— Какимъ же это образомъ? Для этого нужно все-таки имѣть положеніе, ну хоть при дворѣ.

— Я его уже имѣю, или все равно что

нию!—отвѣчала она и, открывъ средній ящикъ своего столика, достала одно изъ лежавшихъ тамъ писемъ. — Прочесть?—лукаво щуря глаза, спросила она мужа.

— Да ну!—нетерпѣливо проговорилъ онъ.

И Аграфена Петровна, объяснивъ, что письмо отъ брата Алексѣя, стала читать.

»Какъ къ Рабутину отсюда дано знать,—писалъ Алексѣй Петровичъ, — такъ и къ Вѣнскому двору, дабы онъ, Рабутинъ, инструированъ былъ стараться о васъ, чтобы вамъ при государынѣ великой княжнѣ цесарскаго высочества оберъ-гофмейстериной быть. Вы извольте съ упомянутымъ Рабутиномъ о томъ стараться; что же касается меня, и я намѣренъ потерпѣть, дондеже вы награжденіе свое, чинъ оберъ-гофмейстерины, получите, ибо награжденіе мое черезъ Вѣнскій дворъ—никогда у меня не уйдетъ. Согласитесь съ Рабутиномъ о себѣ, такожде и о родителѣ нашемъ прилежно чрезъ Рабутина стараться извольте, чтобъ пожалованъ былъ графомъ, чтб Рабутинъ легко учинить можетъ«.

— Аграфенушка, такъ это то самое письмо? — спросилъ Волконскій, краснѣя.

— Ну разумѣется, а ты чтб думалъ?

Она хотѣла еще сказать что-то, нб онъ ей не далъ договорить и вскочивъ сталъ цѣловать ее.

— Такъ это ты будешь оберъ-гофмейстериной при Натальѣ Алексѣевнѣ?!—проговорилъ онъ наконецъ.

— Ну да, при сестрѣ великаго князя.

Волконская сіяла и вслѣдствіе состоявша-
ося примиренія съ мужемъ, и вслѣдствіе ра-
остныхъ ея надеждъ, которыя теперь, при раз-
оворѣ объ нихъ, снова взволновали ее. Она
ыла такъ искренно рада и ей захотѣлось уви-
ѣть сочувствіе въ мужѣ, ей захотѣлось, чтобы
 онъ радовался вмѣстѣ съ нею.

Но Никита Ѳедоровичъ улыбался только
кенѣ, какъ улыбается взрослый человѣкъ смотря
іа восторгъ ребёнка, восхищеннаго положимъ
ѣмъ, что ему удалось состроить изъ чурокъ [1])
высокую башню. Точно такъ же, какъ князь
Никита не могъ бы искренно огорчиться, если
бы башня эта развалилась во время постройки,
или радоваться, когда она была сложена, —
точно такъ же онъ не могъ радоваться удав-
шимся планамъ жены, или огорчаться, если бы
они не удались.

— И неужели все это тебя тѣшитъ?—се-
рьезно спросилъ онъ.

— То есть какъ *тѣшитъ?*—съ оттѣнкомъ
обиды спросила Аграфена Петровна.

— Ну вѣдь мы-жь помирились!—сказалъ Ни-
кита Ѳедоровичъ. — Чего-жь ты обижаешься?

И онъ снова не далъ говорить ей, начавъ
цѣловать ее.

IV.

Курляндское дѣло.

У герцогини Курляндской Анны Іоанновны
было много жениховъ, потому что она являлась

---

[1]) пеньковъ, колодокъ.

одною изъ завидныхъ невѣстъ, принося за собою въ приданое курляндскую корону. Говорятъ, ихъ было до двадцати, но сва́дьбѣ каждый разъ мѣшали политическія соображенія.

Въ 1726 году, наконецъ, явился въ Митаву молодой, красивый и ловкій графъ Морицъ Саксонскій, прогремѣвшій своими успѣхами чуть-ли не при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Онъ, поддержанный незаконнымъ отцомъ своимъ, Августомъ, королемъ Польскимъ, — пріѣхалъ какъ претендентъ на герцогскій титулъ и какъ женихъ. Съ перваго же взгляда, съ перваго же слова герцогиня Анна почувствовала неудержимое влеченіе къ этому человѣку, который хотѣлъ и могъ стать ея мужемъ.

Казалось, счастіе теперь улыбнулось ей. Главнаго препятствія — непреклоннаго, неодолимаго запрета дяди-императора не могло быть, потому что дядя уже у́меръ. У Морица былъ сильный заступникъ и покровитель — его король-отецъ. Слѣдовательно, если только Морица выберутъ въ Курляндіи въ герцоги, никто не посмѣетъ помѣшать ея счастію. И курляндскій сеймъ выбралъ графа Саксонскаго. Онъ могъ по праву взять за себя и такъ долго томившуюся въ одиночествѣ Анну, но вдругъ всѣ счастливыя грёзы исчезаютъ, мечты таютъ какъ дымъ, а въ дѣйствительности въ Митаву пріѣзжаетъ изъ Польши Долгорукій, Василій Лукичъ, и объявляетъ выборы незаконными. Мало того, получается извѣстіе, что самъ Меншиковъ уже подъѣхалъ къ курляндской границѣ. Онъ самъ захотѣлъ быть герцогомъ, и Аннѣ Іоанновнѣ было

рошо извѣстно, что Александръ Даниловичъ
такой человѣкъ, чтобы не достигнуть того,
его пожелаетъ. Она уложила самыя необходи-
ыя вещи и съ одною лишь дѣвушкой, въ ко-
яскѣ, поѣхала на-встрѣчу Меншикову.

Они встрѣтились въ Ригѣ.

Изъ этого свиданія однако ничего не вы-
шло для Анны Іоанновны. Въ Петербургѣ по-
лучено было письмо свѣтлѣйшаго на имя госу-
дарыни, которое стало извѣстнымъ и въ кото-
ромъ Меншиковъ писалъ, что послѣ разговора
съ нимъ, герцогиня, убѣжденная его, Меншикова,
доводами, согласилась, что ей неприлично выхо-
дить замужъ за Морица, »сына метрессы«, и
что избраніе графа въ герцоги Курляндскіе при-
чинитъ вредительство интересамъ россійскимъ.

Но почти вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, при-
шли въ Петербургъ извѣстія о томъ, какъ дѣй-
ствуетъ появившійся въ Митавѣ Меншиковъ.
Долгорукій писалъ своимъ родственникамъ, Бе-
стужевъ — дочери. Левенвольдъ, имѣвшій въ
Курляндіи не мало знакомыхъ и пріятелей, по-
лучилъ отъ нихъ посланія съ ужасающими по-
дробностями.

Меншиковъ явился въ Митаву, собралъ по-
чти насильно депутатовъ курляндскаго сейма,
грозилъ имъ Сибирью и, стуча палкою и крича
на нихъ, дерзко требовалъ своего собственнаго
избранія. Графъ Морицъ вызвалъ Меншикова на
дуэль, но тотъ прислалъ въ Митаву 800 сол-
датъ арестовать Морица, который, однако, от-
бился.

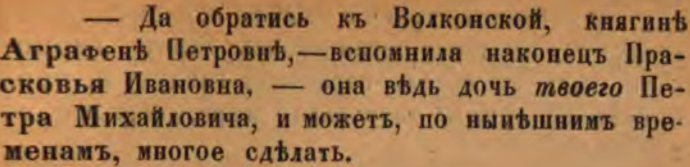
Обо всемъ этомъ въ Петербургѣ заговор[и]
стараясь придать поступкамъ Меншикова хар[ак-]
теръ чуть-ли не покушенія на правительствен[ную]
власть.

Анна Іоанновна, потерпѣвшая неуспѣхъ [въ]
Ригѣ, отправилась лично хлопотать въ Пете[р-]
бургъ за своего »Морица«.

Она знала, что здѣсь, прямо у государын[и,]
для которой Меншиковъ былъ сила, возведш[ій]
ее на престолъ, она, Анна »Ивановна«, ка[къ]
звали ее при дворѣ, ничего не можетъ значит[ь]
и ея непосредственное заступничество не при[-]
несетъ никакóй пользы. Нужно было дѣйство[-]
вать черезъ людей, имѣвшихъ связи и хорош[о]
знавшихъ всѣ ходы, чтобы бороться съ волек[-]
временщикá (любимца). Но къ кому обратиться?
Къ завѣдомымъ врагамъ Меншикова — Дол-
горукимъ, Голицынымъ, она не рѣшалась, по-
тому что это значило стать въ прямыя враждеб-
ныя отношенія къ свѣтлѣйшему. Остерманъ? —
этотъ нѣмецъ хотя и можетъ многое сдѣлать,
но постоянно ссылается на свои недуги и ни
для кого ничего не дѣлаетъ, кромѣ сáмого себя.

Прасковья Ивановна, роднáя сестра герцо-
гини, у которой она и останáвливалась обыкно-
венно въ Петербургѣ, удалилась отъ двора съ
тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ за »приватнаго
человѣка«, Дмитріева-Мамонова, и ничѣмъ, кромѣ
совѣта, не могла помочь сестрѣ.

Въ прежнее время Левенвольдъ могъ сдѣ-
лать что-нибудь, но теперь онъ потерялъ зна-
ченіе.

— Да обратись къ Волконской, княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ,—вспомнила наконецъ Прасковья Ивановна, — она вѣдь дочь *твоего* Петра Михайловича, и можетъ, по нынѣшнимъ временамъ, многое сдѣлать.

Герцогиня Анна поморщилась.

Опять эта Аграфена Петровна становилась на ея пути, непрошенная, но видимо необходимая.

— Да развѣ она можетъ что́? — спросила Анна Іоанновна послѣ нѣкотораго молчанія.

— Во всякомъ случаѣ,—пояснила ей сестра, —если и не сможетъ сама сдѣлать что́, то укажетъ, какъ и къ кому обратиться.

Анна Іоанновна долго старалась отстранить отъ себя необходимость ѣхать къ Волконской. Но чѣмъ дальше она думала объ этомъ, и чѣмъ старательнѣе искала какого-нибудь другаго выхода, тѣмъ настойчивѣе казалось ей, что кромѣ Аграфены Петровны нѣтъ другаго лица, болѣе подходящаго для начала ея дѣла.

Герцогиня побывала при дворѣ, сдѣлала визиты всѣмъ важнымъ персонамъ. Вездѣ её приняли вѣжливо, но довольно сухо и не дали заикнуться о »дѣлѣ«.

Она не могла знать, что началась уже дѣятельная работа противъ теперешняго ея врага. Посвятить ее въ эту тайну опасались изъ боязни какого-нибудь неловкаго съ ея стороны шага, и она думала съ отчаяніемъ, что время проходитъ да́ромъ и что она ничего еще не сдѣлала.

— Что́-жь, поѣду ужь — сказала она сестрѣ и отправилась къ Волконской.

Аграфена Петровна видѣла изъ окна, какъ у воротъ ея дома остановилась карета герцогини, какъ съ козелъ соскочилъ гайдукъ и, пробѣжавъ по лужамъ широкаго двора, скрылся въ подъѣздѣ.

»Наконецъ-то«,—мелькнуло у ней,—»давно пора!«

Она знала, что будетъ *нужна* Аннѣ Іоанновнѣ, и нарочно здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ титулъ »герцогини« не зна́чилъ ничего, не ѣхала къ ней первая.

Аграфена Петровна, отойдя отъ окна, сѣла на диванъ, развернувъ первую попавшуюся подъ-руку книжку.

Лакей, по заведенному порядку, доложилъ о гостьѣ.

Волконская продолжала читать, какъ будто не слушая.

— Ну да, просите,—наконецъ сказала она.

Она не вышла встрѣчать герцогиню, но осталась на своемъ диванѣ, какъ была, и только встала на встрѣчу Аннѣ Іоанновнѣ, когда та вошла къ ней въ кабинетъ.

Анна Іоанновна сильно измѣнилась на взглядъ Аграфены Петровны, не видавшей ее съ самаго своего отъѣзда изъ Митавы. У нея была совсѣмъ другая причёска съ буклями, которую, впрочемъ, герцогиня дѣлала себѣ еще при Волконской; но тогда эта прическа не бросалась такъ въ глаза княгинѣ, какъ теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ онѣ не видались. Анна Іоанновна также о́чень потолстѣла и лицо ея стало совсѣмъ круглымъ, съ непріятно нѣсколько

отвислыми щёками. Прежде она гораздо больше подходила къ нѣмецкимъ, перетянутымъ ба́рынямъ, которыя окружали ее въ Митавѣ, а теперь, несмотря на жизнь въ иностранномъ городѣ, она видимо опускалась и становилась очень похожа на московскихъ боярынь, не умѣвшихъ одѣваться въ чужеземный нарядъ и носить шелковыя робы съ таліей.

Теперь нѣмецкій титулъ »герцогини« какъ-то особенно не шелъ къ ней.

Она вошла красная и тяжело дышавшая, и казалась взволнованною.

Герцогиня видимо чувствовала пріемъ Волконской.

— А я къ вамъ...—начала она и не утерпѣла, чтобы не прибавить — »по дѣлу«.

Это значило, что иначе она не пріѣхала бы.

Аграфена Петровна, спокойная, наружно спокойная, улыбнулась любезною улыбкою, и какъ власть имѣющая, снисходительно отвѣтила:

— Чѣмъ могу служить, ваша свѣтлость?

»Я-бъ тебя растерзала за этотъ тонъ«, подумала Анна Іоанновна.

— Вотъ что́, — начала она, сдерживая волненіе, — слы́шали вы, что́ у насъ къ Курляндіи дѣлается?

Аграфена Петровна давно разсчитала, что явившаяся въ Петербургъ герцогиня, озлобленная Меншиковымъ, будетъ живымъ свидѣтелемъ противъ него и можетъ, если ее направить какъ слѣдуетъ, быть о́чень полезною.

— Слышала, — отвѣчала она,—это у́жасъ!

— Да какъ же не ужасъ? — заговорила герцогиня; — избрали графа Морица; онъ имѣетъ всѣ права...

— Но вѣдь ваша свѣтлость отказались уже отъ брака съ графомъ Саксонскимъ...

— Какъ отказалась?—встрепенулась Анна Іоанновна. — Кто это сказалъ?..

— Императрица получила отъ свѣтлѣйшаго собственноручное письмо.

И Волконская передала въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе письма.

— Что-о! — воскликнула горцогиня.—Онъ это написалъ?.. Это неправда, это не такъ было!.. Вы знаете Данилыча; явился онъ ко мнѣ въ Ригѣ такимъ, какимъ никогда я его не видала... Началъ кричать, что Морицъ сынъ метрессы, что онъ мнѣ не пара... Ну, что́-жь я могла сдѣлать?..

— Ну, и вы согласились съ нимъ?

— Да не знаю; говорилъ больше онъ, а я молчала... Наконецъ онъ сказалъ, что такъ и напишетъ все, какъ было...

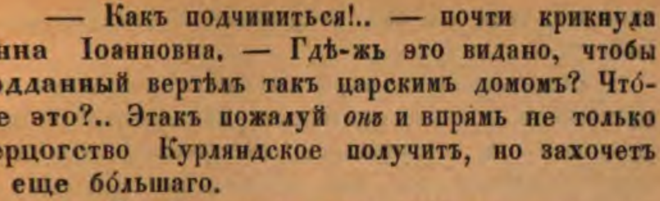
— А видите, что́ написалъ онъ...

— Такъ, ка́къ же теперь быть? — упавшимъ голосомъ спросила герцогиня.

Аграфена Петровна пожала плечами.

Ей весело было видѣть, какъ эта женщина дрожала теперь передъ нею за свое счастье, ожидая помощи отъ нея, самолюбіе которой задѣвала она въ минувшіе годы.

— Что́-жь дѣлать, ваша свѣтлость, нужно подчиниться волѣ свѣтлѣйшаго,—улыбнулась она.

— Какъ подчиниться!.. — почти крикнула нна Іоанновна. — Гдѣ-жь это видано, чтобы дданный вертѣлъ такъ царскимъ домомъ? Чтó е это?.. Этакъ пожалуй *онъ* и впрямь не только рцогство Курляндское получитъ, но захочетъ еще бóльшаго.

— Ну, бóльшаго никто ему не дастъ, — ѣняя тонъ заговорила Волконская.

И она, на-сколько было нужно, посвятила ерцогиню въ тайные подкопы противъ времен-щика и указала, съ кѣмъ и какъ должна гово-рить Анна Іоанновна, и обѣщала ей, что съ воей стороны сдѣлаетъ все возможное, чтобы омочь ей.

Несмотря на всю непріятность своего по-сѣщенія Волконской, Анна Іоанновна уѣхала отъ нея съ сознаніемъ, что посѣщеніе это было сдѣлано не дáромъ.

У Морица Саксонскаго оказались въ Пе-тербургѣ еще защитники или, вѣрнѣе, защит-ницы, которыхъ онъ и не подозрѣвалъ по всей вѣроятности. Француженки, состоявшія при це-саревнѣ Елизаветѣ и великой княжнѣ Наталіи, были безъ умá отъ подвиговъ Морица, слава котораго дошла до нихъ. Онѣ постарались на-строить въ пользу этого, опоэтизированнаго вдо-бавокъ ихъ французскою фантазіей, героя сво-ихъ воспитанницъ, которыя такимъ образомъ съ своей стороны явились невольными заступницами графа Саксонскаго передъ госудáрыней.

Всѣ эти люди, питавшіе въ силу самыхъ различныхъ причинъ, ненависть къ Меншикову,

зашевелились въ его отсутствіе и начали св
работу.

Волконская съ утра выѣзжала изъ дома
принимала у себя, суетилась, дѣйствовала, б
покоилась и волновалась, съ тревогой ожид
чѣмъ кончится вся эта исторія, которая им
большую возможность успѣха.

Она боялась еще торжествовать, боял
радоваться, но, предчувствуя побѣду, все вр
была особенно въ духѣ и выказывала горячу
лихорадочную дѣятельность.

Ее удивлялъ Рабутинъ. Несмотря на то,
все повидимому шло очень хорошо и свѣтл
шему была поставлена очень хитрая ловуш
изъ которой онъ едва-ли могъ уйти, Рабути
не принималъ дѣятельнаго участія во вражд
ныхъ Меншикову проискахъ, и ничего, да
тайно, не предпринималъ въ помощь Аграфе
Петровнѣ. Сколько ни пробовала она говори
съ нимъ серьёзно, онъ или отшучивался,
ссылался на то, что Меншиковъ — князь с
щенной Римской имперіи и потому онъ не
жетъ дѣйствовать противъ него, не имѣя на
прямыхъ инструкцій отъ своего двора. Но В
конская знала, что это вовсе не настоящая п
чина поведенія Рабутина. Она догадывала
что австрійскій посолъ просто не вѣритъ въ в
можность паденія временщика и потому счи
етъ напрасными всѣ направленныя къ это
усилія, которымъ онъ, впрочемъ, не желаетъ
противодѣйствовать. И Аграфена Петровна у
влялась, какъ можетъ онъ думать такъ, ко
успѣхъ предпріятія былъ несомнѣненъ, и ст

ралась »вывести« австрійца на *настоящую* дорогу. Она хотѣла — и онъ долженъ былъ во что бы то ни стало подчиниться ей. Она находила его слишкомъ молодымъ, несмотря на то, что онъ былъ на самомъ дѣлѣ старше ея, и такъ была увѣрена въ себѣ и въ вѣрности своихъ разсчетовъ, что считала долгомъ своимъ для пользы и общей, и са́мого Рабутина, руководить имъ.

Рабутинъ на общественныхъ собраніяхъ былъ всегда о́чень внимателенъ къ Аграфенѣ Петровнѣ. Сначала онъ попробовалъ было осо́бенно приблизиться къ умной и милой русской княгинѣ, но Волконская о́чень ловко съумѣла обойти это и удержала молодаго графа въ должныхъ границахъ, оставшись, однако, въ прежнихъ съ нимъ отношеніяхъ.

Рабутинъ видѣлъ, что все-таки она можетъ быть полезна ему, и потому́ продолжалъ оставаться возлѣ нея, хотя ихъ отношенія держались чисто связью однихъ и тѣхъ же интересовъ и цѣли, что́, впрочемъ, не мѣшало вести остроумную бесѣду, въ которой Рабутинъ щеголялъ своею любезностью, не умѣя и́наче разговаривать съ женщинами.

Но собственно для своего влюбчиваго сердца онъ долженъ былъ избрать другой предметъ. Для Рабутина это не составляло затрудненія.

Волконская сошлась за послѣднее время съ Мареой Петровной Долгоруковой, дочерью Шафирова, которая была озлоблена противъ Меншикова за сдѣланныя имъ отцу ея непріятности, и готова была всѣми силами отомстить

свѣтлѣйшему. Аграфена Петровна часто ве
ромъ заѣзжала къ ней и оставалась, разсказы
то, въ чемъ успѣла за день.

Іюль былъ уже на исходѣ, когда Волк
ская явилась къ Марѳѣ Петровнѣ съ извѣсті
что Меншикову посланъ указъ, чтобы онъ
медленно вернулся въ Петербургъ.

— Вы поймите, — говорила она Долго
ковой, — это очень важно. Онъ вѣроятно
послушается, и тогда ему конецъ. Государ
такъ уже подготовлена и все обставлено...

Несмотря на всю свою нелюбовь къ М
шикову, Марѳа Петровна слушала слова княг
довольно разсѣянно. Правда, Волконская
давно сидѣла у нея, и онѣ, казалось, обо в
успѣли переговорить и разсмотрѣть извѣстіе
указѣ со всѣхъ сторонъ, но Волконской все
хотѣлось говорить объ этомъ.

— Что это, вамъ не по себѣ кажется
спросила наконецъ она, замѣчая скучающ
нетерпѣливое выраженіе въ глазахъ Долгоруко

— Устала я... — коротко отвѣчала та.

Аграфена Петровна начала съ ней проща

— Ну, до свиданія, голубушка, дай
Богъ и на завтра успѣха, — сказала по о
кновенію Марѳа Петровна, провожая свою го
до лѣстницы.

Проводивъ княгиню, Долгорукова верну
къ себѣ въ ма́ленькую гости́ную и поспѣ
подошла къ большимъ стеклянымъ дверямъ,
ходившимъ въ садъ на террасу.

На дворѣ стояли сумерки іюльской в
Небо было безоблачно, но въ саду, подъ

нымъ кру́жевомъ[1]) тихихъ деревъ, казалось все-таки на-столько темно, что Мароа Петровна приложила обѣ руки къ стеклу и прислонилась къ нимъ, чтобы заглянуть въ эту темноту. Все *было* тихо кругóмъ.

Долгорукова отворила неслышно дверь и *вышла* на террасу. Странная таинственность ночи охватила ее, и она почувствовала какую-то жуткость, точно щипнувшую ее за сердце. Но она подавила въ себѣ непріятное чувство и подошла къ периламъ[2]).

Въ глубинѣ аллеи послышались твердые, видно привыкшіе къ дорогѣ, но осторожные шаги.

„Въ мірѣ есть одна лишь сила —
Гордый духъ подвластенъ ей...“

вполголоса, какъ бы про себя, пропѣла по-нѣмецки Долгорукова.

„То улыбка вѣчно милой,
Нѣжный взглядъ ея очей!..“

подхватилъ также тихій голосъ изъ сада, и вслѣдъ затѣмъ на ступеньки террасы поднялся Рабутинъ. Мароа Петровна двинулась ему на-встрѣчу.

— Не люблю я этихъ вашихъ ночей, сырыхъ и полусвѣтлыхъ, — говорилъ Рабутинъ, входя за Долгоруковой въ гостиную какъ свой, какъ давно ожидаемый и желанный. — Ты не долго ждала меня? — съ улыбкою спросилъ онъ, скидывая свой плащъ.

— Нѣтъ, отъ меня только-что уѣхала Волконская, — отвѣчала Мароа Петровна, садясь на небольшой диванчикъ.[3]) — Ну, иди сюда, здравствуй... — Они говорили по-нѣмецки.

[1]) коронками; [2]) поручьямъ; [3]) канапку.

— Ну чтó-жь, она все объ *его* паденіи хлопочетъ?—сказалъ Рабутинъ, подходя къ Долгоруковой и садясь рядомъ съ нею.

— Конечно, мы всѣ хлопочемъ... дѣло идетъ къ развязкѣ... *ему* посланъ уже указъ, все идетъ какъ нельзя лучше...

Рабутинъ покачалъ головою.

— Ну, вотъ, ты всегда не вѣришь! у тебя вѣчныя сомнѣнія, — сказала капризнымъ голосомъ Мароа Петровна, — когда, кажется, все такъ ясно!..

Ея восточные, красивые, черные глаза блестѣли увѣренностью и улыбкой, и все лицо сіяло особенною,—несвойственною европейскимъ, надоѣвшимъ Рабутину женщинамъ, — красотою; только ротъ, съ чуть выдавшеюся, но отнюдь не портившей ея, нижнею губою, сложился недовольною складкою.

Она была недовольна на него за его противорѣчіе.

— Я удивляюсь одному, — серьёзно заговорилъ Рабутинъ, — какъ вы всѣ не понимаете, что *теперь* такъ же немыслимо побороть этого господина, какъ нельзя остановить щепкой теченія большой рѣки. Царица отлично понимаетъ, что, оттолкнувъ его, она все потеряетъ, а если и не понимаетъ этого, то герцогъ Голштинскій съ Бассевичемъ объяснятъ ей, хотя бы изъ чувства самосохраненія... Вѣдь и они пропадутъ тогда. Наконецъ, Меншиковъ силенъ въ гвардіи... А, да ничего изъ этого не выйдетъ! — махнулъ рукою Рабутинъ.

Долгорукова окончательно разсердилась.

— Я тоже удивляюсь тебѣ, Густавъ,—возразила она, — ты вотъ уже сколько времени здѣсь въ Петербургѣ и вѣдь собственно ничего ещё не сдѣлалъ для великаго князя, ни даже для договора, который служилъ оффиціальной причиной твоего пріѣзда. Скажи, пожалуйста, зачѣмъ же ты пріѣхалъ сюда?

Глаза Рабутина сощурились и онъ улыбнулся, весело глядя на ея сердитое уже лицо.

— Можетъ быть, только для того, чтобы судьба свела меня съ тобою, я пріѣхалъ сюда, — говорилъ онъ, продолжая улыбаться и смотря прямо ей въ глаза.—А вотъ пришелъ я къ тебѣ вовсе не для того, чтобы ссориться теперь.

Онъ ласково потянулся къ ней и хотѣлъ взять ея руку, но она отдернула ее.

— Ты знаешь, что я терпѣть не могу этого человѣка, и не успокоюсь до тѣхъ поръ...—начала она.

— Всему свое время, — перебилъ ее Рабутинъ. — Придетъ и ему чередъ, но поќа я долженъ сдѣлать наслѣдникомъ великаго князя, и я сдѣлаю это! — съ оттѣнкомъ нѣмецкаго паѳоса произнесъ Рабутинъ.

Долгорукова ласково взглянула на него.

— Знаешь, Густавъ, когда ты говоришь о дѣлахъ, мнѣ всегда кажется, что ты старше, чѣмъ ты есть... Но будетъ объ нихъ...

И они перестали говорить о дѣлахъ.

V.

Прошло немного времени—и Рабутинъ оказался совершенно правъ.

То серьёзное, глубоко обдуманное и обезпеченное въ своемъ успѣхѣ »дѣло«, надъ которымъ съ такимъ рвеніемъ хлопотала Аграфена Петровна, явилось пустымъ и вздорнымъ, и въ дѣйствительности оказалось серьезнымъ для тѣхъ только, кто имъ занимался, но не для того, противъ котораго направлены были эти, въ сущности óчень слáбыя, въ сравненіи съ его собственнымъ могуществомъ, усилія. Меншиковъ вернулся изъ Митавы въ концѣ іюля, и ни одно изъ ожиданій враговъ свѣтлѣйшаго не оправдалось.

Привыкшая, должно быть, къ подчиненію при покойномъ императорѣ, мужѣ своемъ, Екатерина чувствовала постоя́нно необходимость опираться на твёрдую руку съ непреклонною волею, а такою рукою являлся несомнѣнно Меншиковъ, воспитанный въ суровой школѣ Петра.

И австрійскій посланникъ понялъ это. Партіи великаго князя онъ объяснилъ, не щадя ни словъ, ни издержекъ, какую силу будетъ имѣть она, если на ея сторону перейдетъ Меншиковъ, а Меншикову подсказалъ мысль выдать дочь свою за великаго князя, и первый заговорилъ объ этомъ во всеуслышаніе, какъ о дѣлѣ весьма возможномъ и ничуть не удивительномъ, тѣмъ болѣе, что за жениха Меншиковой, красавца Сапѣгу, императрица желала выдать племянницу свою — Скавронскую. И вотъ, по волѣ Рабутина, прежніе друзья стали врагами, а враги — друзьями. Меншиковъ сошелся съ Голицыными, Долгорукими, а Толстой, Апраксинъ и прежній союзникъ Меншикова, герцогъ Голштинскій, оказались его открытыми врагами. Къ нимъ при-

кнули Бутурлинъ, обойденный Меншиковымъ по
нужбѣ, и Девьеръ, женатый на родной сестрѣ
вѣтлѣйшаго, озлобленный противъ него за по-
тоянныя оскорбленія, которыя онъ наносилъ ему.

Анна Іоанновна, ничего не добившись, уѣ-
хала обратно въ свою Курляндію.

Волконская смутилась и потерялась. Непо-
слушавшійся ея Рабутинъ, котораго она хотѣла
вести и направлять, оказался такъ досадно и
обидно правъ. Ничтожная, слабая, какъ вышло
теперь, попытка ея получить долю вліянія на
высшія событія была только неудачною попыткою,
а вовсе не серьезнымъ, государственнымъ дѣ-
ломъ. Аграфенѣ Петровнѣ казалось, что тутъ-то
и есть самое настоящее, которое такъ сразу,
сейчасъ, — стóитъ лишь съѣздить сюда, побы-
вать тамъ, — и придетъ къ ней; но »настоящее«
было, очевидно, въ рукахъ этихъ Меншиковыхъ,
Рабутиновъ и имъ подобныхъ, а для Волконской
какъ доской прихлопнулись высшія цѣли и планы.

Она могла хлопотать о званіи гофмейсте-
рины себѣ, о графскомъ титулѣ для отца, сооб-
щать брату въ Копенгагенъ о томъ, чтó дѣла-
лось въ Петербургѣ; но свергнуть Меншикова —
ей было не подъ силу. И какъ она не могла
подумать объ этомъ раньше?..

Она сердилась на себя, на Рабутина, на
Долгорукову, на всѣхъ, и нѣсколько разъ пос-
сорилась за это время съ мужемъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала, что изо
всѣхъ ея благопріятелей самымъ сильнымъ и по
значенію, и по положенію былъ все-таки Рабу-
тинъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы »вести« его

или »направлять«, ей пришлось употребить всѣ свои усилія, думать объ одномъ лишь, чтобы этотъ человѣкъ остался для нея благопріятелемъ и, удержавшись и получивъ значеніе избраннымъ имъ самымъ путемъ, оказывалъ бы ей *поддержку*. Сознаться, что это было просто покровительство, она даже сама передъ собою не хотѣла.

Послѣ своей ничѣмъ, не кончившейся суеты Аграфена Петровна вдругъ увидѣла, что у ней стало очень много свободнаго времени, послѣ того, какъ она минуты — казалось ей — не имѣла покоя.

Она не то что упала духомъ, но сдѣлалась капризна, скучна и нервно-обидчива. Съ сыномъ она всегда была ласкова и единственно на него не сердилась. Князь Никита внимательно слѣдилъ за состояніемъ ея души, ни о чемъ не разспрашивалъ, не старался узнать внѣшнихъ причинъ ея состоянія, но ему было ясно, что́ именно происходило въ его Аграфенѣ Петровнѣ, и онъ былъ доволенъ этимъ. Судьба, казалось, сама вела ее къ тому, чему она не могла повѣрить въ словахъ Никиты Өедоровича... Онъ ждалъ, утѣшалъ ее, когда было нужно, и терпѣливо переносилъ ея вспышки и раздраженіе.

Аграфену Петровну раздражало въ мужѣ его спокойствіе, отсутствіе суеты́ и постоя́нство. Передъ нею, на ея глазахъ, были два совершенно различные человѣка: одинъ, князь Никита, какъ будто ничего не дѣлавшій и вмѣстѣ съ тѣмъ занятый цѣлый день, и другой — Рабутинъ, всегда веселый, самоувѣренный, беззабо́тный, всегда свободный, но »дѣлавшій очень

многое». У каждаго изъ нихъ, казалось, была своя особая цѣль и каждый шелъ къ ней, не сбиваясь и не спѣша. При этомъ въ нихъ обоихъ, какъ ни казались они различны, было что-то общее — это мужское, упорное терпѣніе, выдержка, можетъ-быть, воля — обижавшее ея женское самолюбіе. Съ этимъ неуклоннымъ »чѣмъ-то« нужно было примирить свою горячность и подчиниться, вмѣсто того чтобы »подчинить« себѣ и »направлять«.

Она знала, что такъ же, какъ она можетъ добиться отъ Рабутина, если захочетъ, званія для себя или титула для отца, — она можетъ заставить мужа сдѣлать какой-нибудь расходъ, придти просить къ ней прощенья, когда сама виновата, пожалуй, передъ нимъ; но самую суть ихъ дѣятельности она не въ силахъ была измѣнить.

Рабутинъ ей былъ совсѣмъ чужой человѣкъ. Князь Никита былъ мужъ, котораго она любила, и несмотря на то, что она ни съ кѣмъ такъ не горячилась, т. е. не сердилась, какъ говоря съ нимъ, потому что ни съ кѣмъ не могла и не умѣла говорить, ничего не утаивая, откровенно — все, что̀ есть на душѣ, — несмотря на это, никто не могъ ее такъ успокоить, какъ мужъ, и ни съ кѣмъ ей не было такъ хорошо и свѣтло, какъ съ нимъ...

Она, въ особенности теперь, скучая открывшимся для нея свободнымъ временемъ, часто вечеромъ приходила къ нему, садилась сзади него на диванъ, и онъ оборачивался къ ней и заговаривалъ и всегда о чемъ-нибудь своемъ, запу-

танномъ, но свѣтломъ и хорошемъ, производившемъ успокоеніе.

Тогда, при видѣ этой его заваленной книгами, заставленной стклянками и ретортами комнаты, гдѣ среди простыхъ стульевъ и столовъ стояла одна мягкая кушетка[1]) для нея, — при видѣ его худаго съ большимъ ртомъ и горбатымъ носомъ лица, освѣщеннаго какимъ-то внутреннимъ, знакомымъ и милымъ ей огнемъ вдохновенія и улыбкой смотрящихъ въ душу добрыхъ, сѣрыхъ глазъ — она переносилась въ иной міръ, далекій отъ всего, что́ было за рубежемъ этой комнаты, и ей дышалось легче, и она любовалась *своимъ* княземъ Никитой, потому что знала: »вотъ онъ какимъ былъ!«

Разъ какъ-то онъ особенно понравился ей. Это было послѣ того, какъ она, когда въ ней улеглась поднятая неудачею желчь, разсказала ему всю исторію.

Волконскій выслушалъ жену не перебивая, зная, что нужно дать выговориться ей и что послѣ этого ей будетъ легче.

— Господи, сколько во всемъ этомъ потрачено да́ромъ силы!—когда она кончила, проговорилъ онъ, откидывая назадъ свои бѣлокурые, лежавшіе неправильными прядями волосы, которые онъ, переставъ стричь, давно пересталъ также прятать подъ пари́къ[2]).

Онъ всталъ со своего мѣста и съ обрадованнымъ лицомъ подошелъ къ Аграфенѣ Петровнѣ.

---

[1]) шезлонгъ; [2]) перуку.

— Знаешь чтó, Аграфенушка, — заговорилъ Волконскій своимъ особымъ »внутреннимъ«, какъ она называла, голосомъ, садясь возлѣ нея на кушетку, — я сколько разъ замѣчалъ, что когда ты вотъ такъ приходишь ко мнѣ, я всегда читаю въ этотъ часъ именно то, чтó тебѣ нужно, т. е. то, чтó я могу разсказать тебѣ въ отвѣтъ на твой разсказъ. Это выходитъ все равно: когда на что-нибудь не находишь отвѣта, возьми хорошую книгу и открой на первомъ попавшемся мѣстѣ, и всегда выйдетъ удивительно вѣрно и все станетъ ясно.

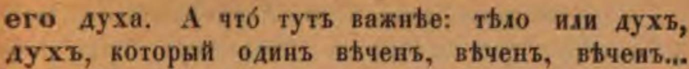
— Ну, о чемъ же ты читалъ? — спросила Аграфена Петровна.

— А вотъ сейчасъ: ты знаешь, какъ жилъ св. Алексѣй Божій человѣкъ? Это удивительно! Его отецъ былъ въ Римѣ знатнымъ и богатымъ лицомъ. Его невѣста была прекрасна и изъ царскаго рода... И онъ добровольно отрекся и отъ знатности, и отъ богатства, и отъ всего, и ушелъ нищимъ въ далекій городъ, гдѣ сталъ питаться чѣмъ Богъ послалъ... Какъ ты думаешь, чтó труднѣе: отречься отъ богатства и почестей, когда они уже есть, или достичь ихъ, когда ихъ нѣтъ?.. И для того, и для другаго нужно то, чтó нѣмцы называютъ Energie, но для перваго нужно ее въ гораздо большей мѣрѣ. Слушай дальше... Онъ молился, онъ постоянною молитвою угодилъ Богу и своею жизнью сталъ извѣстенъ. И вотъ совершенно съ другаго конца подползаетъ къ нему, къ его духу, т. е. соединенному съ плотью, новое земное искушеніе, тó, чтó люди называютъ славою!.. Понимаешь-ли,

онъ достигъ опять инымъ путемъ, уже не богатствомъ и знатностью, но лишеніемъ, нищетою, того же, т. е. славы, извѣстности, зна́чить, извѣстныхъ почестей, потому что онъ сдѣлался чтимымъ... Постой, не перебивай, — остановилъ князь Никита жену.

Онъ всталъ со своего мѣста и продолжалъ стоя:

— И что́ же сдѣлалъ Алексѣй? Онъ ушелъ отъ этого соблазна, онъ ушелъ снова въ Римъ и тамъ былъ принятъ въ домъ отца, гдѣ его не узнали; какъ нищій, какъ убогій, какъ странникъ, онъ жилъ въ этомъ домѣ... Слуги смѣялись, издѣвались надъ нимъ, даже били его. Онъ могъ однимъ словомъ, открывъ себя отцу, снова, каждую минуту, получить обратно все, отъ чего отказался, и уничтожить, стереть тѣхъ самыхъ слугъ, которые потѣшались надъ нимъ, и не дѣлалъ этого, потому что ему *не нужно* было богатства здѣшняго, земнаго, потому что онъ такъ глубоко сознаіъ, что все это суета́: и богатство суета, и то что́ люди называютъ славою, и то что́ они называютъ оскорбленіемъ, все суета!.. Послушай, Аграфенушка, вѣдь если наша жизнь не здѣсь, не на землѣ, а тутъ для насъ лишь короткое испытаніе, то, до чего мелки, до чего ничтожны покажутся всѣ эти оскорбленія, и богатства, и я не знаю еще что́... Господи, человѣку дана сила, энергія; онъ можетъ засыпить ее въ себѣ; это рѣдко бываетъ, но бываетъ... Затѣмъ у него двѣ задачи: онъ можетъ направить свою силу или къ достиженію того, что́ требуетъ его тѣло, или того, что́ нужно для

его духа. А что̀ тутъ важнѣе: тѣло или духъ, духъ, который одинъ вѣченъ, вѣченъ, вѣченъ...

Онъ говорилъ, стараясь не словами, но голосомъ, всѣмъ существомъ своимъ передать ей то, что̀ было у него въ душѣ въ эту минуту, и то, что̀ онъ—сколько бы ни подбиралъ словъ — все-таки не могъ объяснить, какъ ему хотѣлось, этими *человѣческими* словами, придуманными для здѣшнихъ, земныхъ понятій и стремленій...

Она смотрѣла на его просвѣтлѣвшее лицо, на его раскиданные волосы и дышавшую силой и увѣреннымъ сознаніемъ фигуру — и любовалась имъ. Онъ всегда былъ особенно милъ ей въ такія минуты.

Эта беззавѣтная вѣра, это какое-то увлекающее, горящее въ его душѣ чу̀вство, это упорное стремленіе — дѣйствовали на нее таинственно и зага̀дочно, и бывали минуты, что она забывалась вмѣстѣ съ нимъ и что-то легкое и свободное начинало шевелиться въ ея груди, точно она, отдѣлившись отъ земли, безъ страха и трепета поднималась на воздухъ.

Подчасъ, когда онъ говорилъ такъ съ нею, слезы навертывались у него на глазахъ, и она незамѣтно вытирала и свои тоже влажные глаза... Тогда она почтѝ соглашалась съ нимъ...

Но всегда случалось такъ, что дня черезъ два какія-нибудь обстоятельства, какъ нарочно, выступятъ и увлекутъ своею »земною« серьезностью.

Такъ случилось и на этотъ разъ.

Послѣ этого памятнаго Аграфенѣ Петровнѣ разговора, она вскорѣ получила отъ отца извѣстіе, что Меншиковъ, недовольный Петромъ Михайловичемъ, который, по его мнѣнію, недостаточно поддерживалъ въ Курляндіи его стремленія — обвиняетъ его въ злоупотребленіяхъ по управленію имѣніями герцогини, и дѣло это должно разбираться въ верховномъ Тайномъ совѣтѣ. Бестужевъ писалъ, что самъ ѣдетъ въ Петербургъ, а пока́ проситъ дочь сдѣлать съ ея стороны все, что́ она можетъ сдѣла́ть, не отлагая и не медля.

Аграфенѣ Петровнѣ черезъ Рабутина легко было устроить дѣло отца и выгородить его.

Петръ Михайловичъ пріѣзжалъ тогда въ Петербургъ, пробылъ здѣсь мѣсяца съ два времени и, вернувшись въ Митаву, засталъ тамъ молодого Бирона, захватившаго всю силу при дворѣ герцогини Курляндской.

Непріятности Петра Михайловича сильно повліяли на матеріальное благосостояніе Волконскихъ. Аграфена Петровна убѣдилась наконецъ, что нужно сократить расходы. Впрочемъ, эти расходы сократились отчасти са́ми собою. Княгиня стала меньше выѣзжать и не дѣлала большихъ пріемовъ. У нея собирались только попрежнему ея друзья. Волконская, переговоривъ о многомъ съ отцомъ въ его пріѣздъ, притихла и даже нарочно старалась оставаться въ сторонѣ, заботясь лишь о поддержаніи сношеній съ Рабутиномъ и близко стоявшими къ великому князю людьми, между которыми былъ и Мавринъ, обиженный теперь подчиненіемъ своимъ Остерману,

назначенному Меншиковымъ въ званіи оберъ-гофмейстера къ великому князю. А затѣмъ она рѣшила выждать, чтó будетъ.

VI.

Подмётное[1]) письмо.

6 мáя 1727 года, въ девять часовъ пополудни, государыня скончалась.

Всѣ мѣры были приняты, и великій князь взошелъ на Всероссійскій престолъ безпрепятственно. Меншиковъ сталъ верховнымъ, полноправнымъ правителемъ государства. Юнаго императора онъ перевезъ къ себѣ въ домъ на Васильевскій островъ.

Едва лишь окончились тревоги первыхъ дней, свѣтлѣйшій призвалъ къ себѣ Остермана.

— Ну, баронъ Андрей Ивановичъ, мнѣ нужно съ вами очень серьёзно поговорить, — сказалъ онъ ему, приведя къ себѣ въ кабинетъ и заперевъ двери.

На видъ хилый, больнóй, казавшійся старше своихъ лѣтъ и постоянно твердившій о своихъ недугахъ, Остерманъ казался теперь нѣсколько бодрѣе обыкновеннаго.

— Чтó нужно, о чемъ собственно?—спросилъ онъ, морща лобъ и дѣлая серьезное лицо.

Меншиковъ только-что позáвтракалъ[2]) и, тяжело дыша, опустился на кресло. Онъ страдалъ оды́шкою[3]).

[1]) подкинутое (письмо), пасквиль; [2]) поснѣдалъ; [3]) дыхавицею.

— Нужно будетъ подумать о наукахъ императора: это серьёзное вѣдь дѣло.

— Я думаю, — началъ Остерманъ, разглаживая свой синій камзолъ и оправляя кружевныя манжеты, — что не слѣдуетъ спервоначалу налегать на него. Можно испугать ребёнка наукой, и тогда ничѣмъ ужь не пріохотишь, а такъ, понемножку, понемножку...

— Конечно, понемножку,—не столько согласился, сколько повторилъ послѣднія слова барона Меншиковъ, не перестававшій тяжело дышать.

— Я представлю планъ свой,—продолжалъ Остерманъ,—и согласно этому плану увидимъ... Нужно отдать справедливость Петру Алексѣевичу: онъ очень мало знаетъ. Мавринъ точно ничего не дѣлалъ.

Меншиковъ рукою махнулъ.

— Не нравится мнѣ этотъ Мавринъ, охъ, не нравится! — снова заговорилъ баронъ.—Эти постоянныя сборища у Волконской...

— Да-э, — подтвердилъ свѣтлѣйшій, — я кой-что знаю про княгиню Аграфену; такъ, что-ли, зовутъ ее (онъ нарочно сдѣлалъ видъ, что не помнитъ имени Волконской); въ письмахъ у Девьера есть и ея цидулки... ничего, изрядныя...

— Да тутъ не одна Волконская; положимъ, она составляетъ центръ; а вотъ и Ганнибалъ; тутъ ихъ нѣсколько, — возразилъ Остерманъ.— Они затѣяли съ Мавринымъ очень опасную штуку: знаете вотъ какъ ястребы круги дѣлаютъ и все уже, уже, а потомъ и ударятъ въ точку; такъ вотъ и они вокругъ императора, да ужь давно, все свои круги съуживаютъ...

— Такъ чтó-жь, взять ихъ, какъ другихъ взяли! — выговорилъ Меншиковъ сквозь свою одышку.

Остерманъ, поднявъ кверху углы губъ, смотрѣлъ на свѣтлѣйшаго нѣсколько времени молча. Глаза его улыбались.

— Взять, взять... — тихо повторилъ онъ наконецъ, — все у вашей свѣтлости одна сила на умѣ... Во-первыхъ, нужно придумывать причины для ареста, во-вторыхъ, не удобно передъ Рабутиномъ; онъ Волконскую не выдастъ.

— Я посмотрю, — вдругъ возвысилъ голосъ Меншиковъ, — какъ кто-нибудь посмѣетъ помѣшать моему приказанію; велю, да и все тутъ.

— Нѣтъ, свѣтлѣйшій князь, нѣтъ, — покачалъ головою Остерманъ, — все-таки нельзя вездѣ все одною только силой дѣлать. Ну, и чтó за охота женщину арестовать... какъ-то неловко даже. Нужно иногда и страсти человѣческія принять во вниманіе: это очень хорошій инструментъ для игры... имъ хорошо пользоваться. У Волконской есть мужъ...

— Справлялся я о немъ, — снова махнулъ рукой Меншиковъ, — никуда не годный человѣкъ, съумасшедшій какой-то.

— Ну, я думаю, не совсѣмъ. Я имѣю койкакія свѣдѣнія... Ну, такъ вотъ нужно ему открыть глаза на шашни [1]) жены его съ Рабутиномъ, а тамъ и посмотримъ, чтó за исторія выйдетъ. Волконскій (я его знаю немножко) не выдержитъ и у нихъ произойдетъ что-нибудь съ Ра-

„коншахты“.

бутиномъ, и тогда графъ перестанетъ быть заступникомъ княгини, или же Волконскій увезетъ въ деревню Аграфену Петровну, а безъ нея вся компанія разсыплется...

— Дѣлайте, какъ знаете, Андрей Ивановичъ, — рѣшительно проговорилъ Меншиковъ, — пока́ *мнѣ* эта компанія не опасна, а если только замѣчу что́, такъ просто пошлю забрать ихъ, да и дѣло съ концомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, князь Никита получилъ подмётное письмо.

»А не худо бы, сіятельный князь, — говорилось въ письмѣ, — присмотрѣть изволить за женкою своею, потому она не православнымъ дѣломъ занимается и цесарскій посланникъ Рабутинъ, графъ, сильную ситуацію при ней имѣетъ. Не красиво, князь! Слабость мужнина довела оную до грѣха...«

Князь Никита не дочиталъ письма и, скомкавъ его, бросилъ на полъ.

Это было ве́черомъ. Аграфена Петровна уѣхала къ Долгоруковой и не возвращалась еще.

Если бы она была дома, если бы онъ могъ сію минуту пойти посмотрѣть на нее или призвать къ себѣ, — онъ, можетъ-быть, взглянувъ на ея улыбающееся лицо, разсмѣялся бы самъ и, ничего никому не сказавъ объ этомъ глупомъ письмѣ, успокоился бы. Но онъ былъ одинъ. Миша уже легъ спать.

Никита Ѳедоровичъ ходилъ по своей комнатѣ, стараясь не волноваться, но чувствовалъ, что волнуется съ каждымъ шагомъ все больше и больше.

Въ женѣ, разумѣется, онъ былъ увѣренъ. Конечно, все это былъ вздоръ и клевета́. Но какимъ образомъ, какъ могла эта клевета коснуться его Аграфены Петровны? Кто осмѣлился кинуть грязью въ нее, чистую и милую? Мало того, если могло получиться такое письмо, — значитъ вокругъ его жены, его княгини, ходила эта дерзкая возмутительная сплетня. Были же и причины для нея. Сама Аграфена Петровна не могла подать повода ни къ чему предосудительному. Значитъ, во всемъ былъ виноватъ Рабутинъ. Онъ своимъ поведеніемъ, этою своею приличною развязностью, а можетъ-быть полунамёками, улыбками и подмигиваніемъ въ холосто́мъ [1]) кружкѣ, далъ зародиться этой возмутительной сплетнѣ. Конечно, иначе и быть не могло. Рабутинъ виновенъ. И страшная злоба противъ Рабутина подымалась въ груди Никиты Ѳедоровича. Онъ все продолжалъ ходить по комнатѣ. Скомканное письмо лежало подъ столомъ молчаливымъ подстрекателемъ его злобы. Едва онъ успокаивался, какъ оно попадалось на глаза и снова переворачивало всю душу Никиты Ѳедоровича.

А Аграфена Петровна, какъ нарочно, не ѣхала.

Наконецъ Волконскій поднялъ этотъ комо́къ и бросилъ его въ печку.

»Нѣтъ, — пришло ему въ голову, — люди могутъ достать какъ-нибудь и прочесть«.

Онъ открылъ заслонку, съ трудомъ выта-

---

[1]) состоящемъ изъ безженныхъ.

щилъ изъ глубины холодной печи письмо и сжегъ его на свѣчкѣ. Но и теперь ему не стало легче.

Мысль о томъ, что сплетни, разговоры и пересуды существуютъ про женщину, носящую его имя, не оставляли его.

Но чтó было дѣлать съ этимъ?

»Какой вздоръ обращать вниманіе на подметное письмо!« — пробовалъ думать онъ, и сейчасъ же къ ужасу своему сознавалъ, что тутъ дѣло не въ подметныхъ письмахъ, но въ той причинѣ, въ тѣхъ очевидныхъ толкахъ, которые служили поводомъ къ нему.

Главное, чтó ужасало Волконскаго, — это полная невозможность сдѣлать что-нибудь, чтобы уничтожить эти толки. Казалось, говорили *всѣ*, вѣроятно, всѣ, но опредѣленнаго лица нельзя было найти. Оставался одинъ Рабутинъ, противъ котораго можно было направить свою злобу... Но чтó сдѣлать съ нимъ?—»Вызвать на дуэль?«— съ улыбкой, съ насмѣшкой надъ самимъ собою, спрашивалъ себя Волконскій. — »Пойти и сказать ему, чтобъ онъ не смѣлъ... но чтó не смѣлъ?.. Ахъ, какъ глупо, какъ скверно!« — повторялъ себѣ Никита Ѳедоровичъ, проклиная этого Рабутина.

Аграфена Петровна вернулась довольно поздно отъ Долгоруковой. Она прошла прямо къ мужу и застала его стоящимъ посреди комнаты. Какъ только она вошла — онъ кинулся къ ней и, взявъ больно за руку, притянулъ ее къ себѣ.

— Аграфенушка, — заговорилъ онъ измѣнившимся страшнымъ, сдавленнымъ голосомъ,

- скажи мнѣ, какъ меня и сына любишь, что тебя *ничего* не было съ Рабутиномъ.

Аграфена Петровна, озабоченная еще своимъ дѣломъ и разговорами съ Долгоруковой, не разу поняла, чего отъ нея хотятъ.

— То есть, какъ *ничего*? — спросила она наконецъ.

Никита Ѳедоровичъ тутъ только замѣтилъ, что требовалъ отъ жены, чтобы она своею къ нему любовью подтвердила эту же любовь.

— Ахъ, нѣтъ не то! — воскликнулъ онъ, хватаясь за голову.

— Да, чтó съ тобою, чтó? — безпокойно уже обратилась къ нему Аграфена Петровна.

Волконскій напрягъ всѣ силы, чтобы овладѣть своими словами и придти въ состояніе говорить, думая о томъ, чтó говоритъ.

— Постой, сядь вотъ тутъ, не тревожься, — началъ онъ, успокоивая жену, какъ будто не онъ, а она главнымъ образомъ тревожилась, — погоди... представь себѣ, если бы *всѣ* — онъ сдѣлалъ кругообразное движеніе рукою — начали бы говорить, что... что ты *измѣнила* мнѣ, — съ трудомъ проговорилъ онъ наконецъ.

— Это была бы клевета,—спокойно отвѣтила она.

— Знаю, увѣренъ, въ томъ... но съ этой клеветою нужно считаться... нельзя оставить ее...

— Конечно, — нехотя возразила она, — но только, чтó тебѣ за охота создавать себѣ еще тревоги?.. мало-ли чтó бы было, если бы было, да пока этого нѣтъ... Я веду себя...

Она не договорила, потому что вдругъ подумала о Рабутинѣ и вспомнила, что, при всей чистотѣ своихъ отношеній къ нему, она съ удовольствіемъ видѣла, какъ этотъ красивый, молодой австрійскій графъ ухаживалъ за нею на собраніяхъ, и знакомая уже, глупая краска покрыла ея щеки.

— Ну, а если есть, если я не выдумалъ это?.. — не переставая волноваться, снова сказалъ князь Никита.

— Полно, что̀ тамъ есть!.. дался тебѣ этотъ Рабутинъ... — начала было она.

При этомъ имени, назвать которое нарочно теперь избѣгалъ князь Никита, злоба его поднялась, и онъ, снова теряя способность владѣть собою, заговорилъ, не помня себя:

— Такъ знай же, что въ городѣ только и говорятъ про это, что я *получаю* подмётныя письма, что ты сдѣлалась сказкой...

Онъ съ какимъ-то даже наслажденіемъ говорилъ теперь, преувеличивая и чувствуя каждое свое слово, приносившее ему несказанное мученіе и боль.

Аграфена Петровна сначала испуганно взглянула на него, потомъ какъ молнія пробѣжала по ея лицу, и она, гнѣвно сдвинувъ брови, заговорила, точно не желая оставаться въ долгу передъ мужемъ въ отношеніи непріятныхъ извѣстій. И у нея было чѣмъ испугать его.

— Ну и что̀-жь, тамъ какія-то сплетни, — заговорила она, — а у меня дѣло серьезнѣе... Меншиковъ принимаетъ крутыя мѣры: вышелъ указъ, по которому изъ-за ничего Девьера, Тол-

гого, Бутурлина, Нарышкина и еще многихъ сылаютъ... и со мной не поцеремонятся... и меня рестуютъ...

Это слово »арестуютъ« ей тоже пріятно ыло выговорить: оно звучало такъ торжественно-начительно и вмѣстѣ съ тѣмъ было страшно!

Никита Ѳедоровичъ взялся за голову.

Аграфена Петровна съ улыбкой, безъ жалости, посмотрѣла на него, потому что сознавала, іто не ей теперь, а *ее* слѣдуетъ жалѣть.

— Но что же дѣлать теперь?—протяжно, съ отчаяніемъ, произнесъ князь Никита.

— Что дѣлать?—вставая и вскинувъ руками сказала Аграфена Петровна, — не уступать и бороться...

Она медленно повернулась и ушла къ себѣ.

Князь Никита не скоро еще отнялъ руки отъ головы и оглядѣлся.

»Слишкомъ далеко, слишкомъ далеко зашло дѣло«, повторялъ онъ себѣ, »во всемъ виноватъ самъ... Господи, зачѣмъ пріѣхали сюда мы! зачѣмъ этотъ Петербургъ!«

»Уѣхать изъ этого омута, уѣхать завтра же, на-всегда!« пришло ему въ голову, и онъ было обрадовался этой мысли сначала.

»Да, уѣхать, но это будетъ просто бѣгствомъ, позорнымъ бѣгствомъ, которое ничему не поможетъ — имя его жены останется все-таки съ прилипшею къ нему сплетней, и бѣжать отъ непріятныхъ обстоятельствъ — вовсе не значитъ побѣдить ихъ«.

— Боже мой, что же дѣлать?

вышался надъ ними на помостѣ у столба палачъ[1]), въ красной рубахѣ, съ засученными рукавами.

Барабанный бой становился слышнѣе и слышнѣе. Съ Волконскимъ поравнялась шеренга барабанщиковъ, отбивавшихъ молодцовато, со стараніемъ, мелкую дробь. За ними (они шли очень скоро) промелькнули солдаты, за солдатами двѣ тощія лошадки везли черную телѣгу[2]) съ высокою скамейкой[3]), на которой сидѣлъ со связанными назадъ руками, въ какомъ-то темномъ длинномъ одѣяніи — живой человѣкъ, безсильно покачиваясь все на одну сторону при каждомъ толчкѣ телѣги.

Никита Ѳедоровичъ поднялъ на него глаза.

Знакомое, но теперь блѣдное, жалкое, осунувшееся лицо Девьера глянуло на него съ высоты позорной телѣги... Зрачки его подкатились подъ верхнія вѣки и ротъ точно улыбался тою кривою, якобы *спокойною* улыбкою, въ которую предсмертная судорога сводитъ обыкновенно губы покойниковъ. Но Девьеръ былъ живъ. Грудь его тяжело и неровно дышала. Брови изрѣдка поднимались, и тогда на его лицѣ являлось какое-то испуганно-дѣтское выраженіе.

Князь Никита остановился. Онъ понялъ и созналъ, чтó происходило передъ его глазами; но вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на это сознаніе, въ его головѣ мелькнулъ совершенно лишенный здраваго смысла вопросъ — »куда же это ѣдетъ Девьеръ?«

---

[1]) катъ; [2]) возъ; [3]) лавочкой.

Телѣга проѣхала, стуча колесами. Барабаны трещали нѣсколько дальше, и Волконскаго со всѣхъ сторонъ охватила толпа, бѣжавшая за телѣгой, бѣжавшая съ лѣстницами, со скамейками и табуретками, чтобы было на чемъ стать, чтобы было виднѣе. Эти раскраснѣвшіяся отъ скораго бѣга лица, жаждавшія готовившаго зрѣлища, эти дикіе крики и брань, это изступленіе, которымъ была охвачена толпа, — точно вдругъ отняли у Волконскаго воздухъ, которымъ онъ дышалъ, въ глазахъ помутилось и онъ закачался... Сильный толчокъ въ грудь заставилъ его опомниться. Какой-то ражій[1]) дѣтина[2]) въ кожаномъ фартукѣ столкнулся съ нимъ и, обругавшись, бѣжалъ уже дальше... Толпа заняла въ своей серединѣ Волконскаго и повлекла его къ мѣсту казни.

Тамъ уже вводили Девьера на помостъ. Онъ, все такъ же подергивая бровями и тяжело дыша, не подавалъ никакихъ другихъ признаковъ жизни, ступая въ гремѣвшихъ кандалахъ, точно не онъ, а кто-нибудь другой двигалъ ногами. Его подвели къ столбу. Палачъ быстро и скоро развязалъ ему руки и, приподнявъ, продѣлъ ихъ въ желѣзныя, привязанныя высоко къ столбу кольца. Палачъ сдѣлалъ это съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ, видимо стараясь только какъ можно лучше и добросовѣстнѣе исполнить свою обязанность. Потомъ онъ отошелъ нѣсколько въ сторону и протянулъ въ бокъ, не глядя, правую руку. Молодой парень, тоже въ красной рубахѣ, вѣрно помощникъ, по-

---

[1]) тугій; [2]) молодецъ.

спѣшно вложилъ въ эту руку тяжелую ременную плеть.

Князю Никитѣ были хорошо видны затылокъ коротко остриженной головы Девьера и его бѣлая, мускулистая, освѣщенная солнцемъ спина, когда именно и кѣмъ обнаженная—Волконскій не замѣтилъ.

Барабаны перестали бить. Только-что гудѣвшая на разные голоса толпа — безмолвствовала, и въ наступившей тишинѣ ясно, поразительно ясно, раздался свистъ поднявшейся плети.

— Разъ!

Рявкнула толпа въ одинъ голосъ.

Плеть свистнула снова, а на этой бѣлой спинѣ, на которую глядѣлъ какъ съумасшедшій Никита Өедоровичъ, вздувался уже, багровѣя отъ притекавшей крови, широкій рубецъ перваго удара.

Князь Никита отвелъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ себя и встрѣтился съ ухмылявшимся, противнымъ лицомъ одного изъ своихъ дворовыхъ. Больше онъ ничего уже не помнилъ...

VII.

Смерть.

Никита Өедоровичъ очнулся у себя въ комнатѣ. Онъ открылъ глаза и сейчасъ же узналъ эту комнату, не смотря на то, что въ ней многое перемѣнилось: большинство книгъ куда-то вынесли, аппараты составили зачѣмъ-то въ уголъ. Самъ князь Никита лежалъ на постели, которой

никогда не было здѣсь прежде. Кушетка[1]), *ея*, Аграфенушки, кушетка стояла придвинутая къ стѣнѣ, въ ногахъ отъ кровати. Но больше всего удивила Никиту Өедоровича рука лежавшая у него на груди. Она была совсѣмъ прозрачная, словно восковая, и до того худая, будто кожа обтягивала однѣ сухія кости. Бѣлая простыня[2]) была совершенно одного съ нею цвѣта. Князь Никита догадался, что эта рука, которую онъ не узналъ, — его рука, и съ трудомъ шевельнулъ ею.

Окна были чѣмъ-то завѣшаны. Свѣтъ шелъ сзади, вѣрно изъ одного только окна, которое оставалось открытымъ.

Все было тихо. Въ комнатѣ казалось никого нѣтъ.

Но только-что онъ шевельнулъ рукою — дверь скрипнула и пріотворилась. Миша сначала просунулъ голову и, тихонько войдя, вдругъ быстрыми шагами подошелъ къ кровати.

— Лаврентій! батюшка пришелъ въ себя, — радостнымъ шепотомъ проговорилъ онъ.

Сзади отъ свѣта подошелъ Лаврентій.

— Князинька, родной, голубчикъ! — заговорилъ онъ, заглядывая въ лицо Никитѣ Өедоровичу, и увидѣвъ сознательную улыбку на этомъ лицѣ, просіялъ весь и опустившись припалъ къ блѣдной рукѣ.

— На силу-то... ну, слава Богу!..

Миша стоялъ съ навернувшимися на гла-

---

[1]) козетка, шезлонгъ; [2]) простирало.

захъ слезами, радостный, видимо не зная, что ему сдѣлать.

— Батюшка, батюшка!—шепталъ онъ только все чаще и чаще и, наконецъ, разрыдался.

— Княгинюшкѣ скажите, ваше сіятельство, —сказалъ ему Лаврентій,—она измучилась вѣдь...

Миша, напрасно силясь сдержать свои слезы, пошелъ торопясь изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ пришла Аграфена Петровна. Она пришла блѣдная, исхудалая. Лаврентій былъ правъ, что она измучилась. Съ нею вернулся и Миша.

Аграфена Петровна приблизилась къ мужу быстрыми, взволнованными шагами и видимо привычнымъ уже движеніемъ приложила руку къ его головѣ, потомъ низко нагнулась надъ его лицомъ, посмотрѣла прямо ему въ глаза и улыбнулась.

Князь Никита тоже улыбнулся ей.

Она была безъ своей обыкновенной высокой прически, въ бѣломъ ночномъ чепчикѣ и въ шлумперѣ [1]).

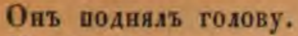
— Пошли за Блументростомъ, — обратилась она къ Мишѣ, — онъ велѣлъ дать знать, если будетъ перемѣна... Лаврентьюшка, а ты бы теперь отдохнуть пошелъ; теперь ужъ можно. Я посижу.

Миша снова пошелъ, но Лаврентій не двигался.

— Лаврентій, ты слышишь?—сказала Аграфена Петровна.

---

[1]) кафтанникѣ.

Онъ поднялъ голову.

Князь Никита глазами показывалъ ему, тобы онъ слушался *ея*.

— Княгинюшка, я самъ за лѣкаремъ сейасъ побѣгу, — сказалъ онъ.

— Ты поѣзжай лучше, я не велѣла расладывать кареты, — проговорила ему вслѣдъ гграфена Петровна.

Князь Никита хотѣлъ приподняться, но изъ го усилія ничего не вышло.

— Шш!.. не шевелись, — остановила его кена, — погоди, пріѣдетъ докторъ.

— И да... да... и давно я такъ?—съ трудомъ выговорилъ князь Никита.

— Послѣ, послѣ все разскажу, теперь не овори и не двигайся, — опять остановила она, оправляя ему одѣяло.

Онъ послушно и кротко взглянулъ на нее.

Блументростъ не заставилъ долго ждать себя. Лаврентій нашелъ его въ академіи и сразу привезъ.

— Ну, вотъ мы и поправились, — говорилъ онъ, входя и потирая руки, — ну, теперь все пойдетъ хорошо... поздравляемъ, поздравляемъ...

Онъ не спѣша поздоровался съ княгиней, оглядѣлъ комнату и, видимо оставшись доволенъ порядкомъ, подошелъ къ больному, пощупалъ ему голову, сказалъ »хорошо!« подержалъ за руку повыше кисти и тоже сказалъ »хорошо«.

— Теперь нужно будетъ давать подкрѣпительную микстуру только, — обратился онъ къ Аграфенѣ Петровнѣ, — я вамъ ее пришлю.

Если онъ захочетъ ѣсть, дайте ему молоко, супъ тоже можно, а больше пока ничего.

Блументростъ скоро уѣхалъ, сказавъ, что у него въ академіи много есть дѣла и что вечеромъ онъ заѣдетъ на всякій случай. Уходя, онъ дружески потрепалъ Мишу по плечу, какъ старый знакомый.

Аграфена Петровна только по уходѣ доктора оживилась и пришла въ себя. Она сѣла къ мужу на кровать и гладя его руку заговорила съ нимъ.

— Господи! какъ ты напугалъ насъ! — говорила она, — вѣдь вотъ ужъ двѣнадцать дней, какъ ты безъ памяти... какъ тебя принесли тогда...

Никита Ѳедоровичъ силился вспомнить, откуда это и какъ его принесли. У него оставалось смутное впечатлѣніе чего-то страшнаго и ужаснаго.

— Нѣтъ, но кто меня удивлялъ, — нарочно перемѣнила вдругъ разговоръ Аграфена Петровна, — такъ это Миша. Представь себѣ: онъ не отходилъ... положительно... иногда ночью придетъ и сидитъ... сколько разъ засыпалъ здѣсь. Мѣшаетъ, а прогнать жаль... Ты попробуй уснуть теперь... Хочешь я дамъ поѣсть, а потомъ усни...

И она послала Лаврентія за молокомъ и супомъ.

Она ощущала теперь то особенное волненіе, которое приходитъ всегда послѣ долгаго и напряженнаго безпокойства, когда причина этого безпокойства исчезнетъ. Подъ вліяніемъ этого волненія ей хотѣлось говорить, и она говорила

аставляя въ то же время молчать Никиту Ѳе-
оровича. Иногда она останавливалась, боясь
утомить его; но онъ дѣлалъ усиліе, какъ будто
желая спросить, и она снова начинала о чемъ-
нибудь, но старалась говорить какъ можно ме-
дленнѣе и тише.

Онъ слушалъ голосъ жены, самую музыку
его, какъ будто радуясь звуку ея рѣчи, и ста-
рался вникнуть въ смыслъ ея словъ, но это стó-
ило ему большихъ усилій. Онъ не могъ какъ-то
удержать въ памяти то, что́ слышалъ, и уловить
связь словъ. Ему хотѣлось все что-то вспомнить,
совсѣмъ постороннее, и онъ не могъ этого сдѣ-
лать. Нѣсколько разъ какъ будто мысли его уже
начинали слагаться въ послѣдовательную цѣпь,
но въ самый тотъ моментъ, когда ему казалось,
что вотъ онъ вспомнилъ уже, кто-то словно
пѣну сдувалъ его мысли — и все оставалось
по-прежнему гладко и неопредѣленно, и снова
начиналась, завязывалась цѣпь, и снова обры-
валась...

— А что́ сталось съ нимъ? — вдругъ вспо-
мнилъ онъ.

Аграфена Петровна, разсказывавшая въ это
время о распустившихся цвѣтахъ въ саду, вдругъ
смутилась... Она поняла, что князь Никита спра-
шиваетъ о Девьерѣ, и не знала, отвѣтить-ли ей
на вопросъ или отвлечь вниманіе мужа.

Онъ смотрѣлъ на нее съ серьезнымъ ли-
цомъ и совсѣмъ осмысленными глазами.

Аграфена Петровна рѣшила, что сказать бу-
детъ лучше.

— Ты про кого, про Девьера? — сп
она. — Онъ, получивъ двадцать пять у
вынесъ ихъ, *говорятъ*, *легко* и отправлен
въ ссылку въ Сибирь, — сказала Аграфе
тровна, стараясь говорить какъ можно
и спокойнѣе.

И вдругъ вся видѣнная имъ картина у
на площади стала во всѣхъ своихъ под
стяхъ передъ глазами князя Никиты.

Толпа загудѣла кругомъ, въ виски
чало, затрещали барабаны — и все смѣш
Въ воздухѣ явилось множество рукъ, в
до локтя, и всѣ онѣ какъ-то одна изъ-под
гой замахали въ глаза Никитѣ Ѳедоров
сдѣлались сквозныя, красныя, точно на-
пропитанныя горячимъ, жгучимъ свѣтомъ...

Онъ заметался по постели и снова
въ безпамятство.

Аграфена Петровна съ ужасомъ гляну
него и въ отчаяніи протянула руки... Княз
кита бился уже, бредилъ и не узнавалъ е

Вечеромъ Блументростъ засталъ его в
шемъ чѣмъ первые дни положеніи.

Такого скораго повторенія припадка г
какъ онъ опредѣлилъ болѣзнь Волконскаго
не ожидалъ и объявилъ, не скрывая, что б
уже въ безнадежномъ состояніи.

Князь Никита пересталъ быть челов
Онъ потерялъ всякое ощущеніе, всякую в
ность сознанія. Онъ чувствовалъ вокругъ
свинцóвый[1]), тяжелый туманъ, голова его

---

[1]) оловянный.

раздавалась во всѣ стороны и достигала ужасающихъ размѣровъ... Необыкновенные, частые, шипящіе и трещащіе звуки неслись откуда-то и сталкивались, и сплетались, но все такъ же мѣрно отбивали однообразный тактъ съ одинаковыми промежутками.

»Ха-а-а... а... а-а...« шипѣло у него въ горлѣ, и онъ не зналъ, что разговариваетъ въ это время. Такъ онъ безъ умолку, не переставая, говорилъ ровно сутки [1])... но самъ онъ потерялъ ужь давно счетъ времени и забылъ даже объ его существованіи.

Наконецъ, вдругъ или мало-по-малу (для Никиты Өедоровича *теперь* это было все равно) спустились въ его душу новый миръ и покой... Слышалось тихое церковное пѣніе, дымъ кадильницы стлался въ воздухѣ и парчевая риза священника ломалась красивыми складками... Кто-то сдержанно плакалъ возлѣ...—»О чемъ же тутъ плакать, когда мнѣ *такъ* хорошо?«—подумалъ Никита Өедоровичъ.—»Но что́-жь это все такое?«

»Я у́меръ должно-быть«,—рѣшилъ онъ, —»и это по мнѣ служатъ... Такъ вотъ оно что́, вотъ что́ значитъ смерть... вотъ она... И все видишь и чувствуешь... какъ хорошо!..«

Но кровать и комната остались прежними и какъ-то слишкомъ уже *ничего* не измѣнилось.

»Соборуютъ [2]) меня, вотъ что́«, опять догадался Никита Өедоровичъ, и сталъ вслушиваться въ молитвы, и сейчасъ же замѣтилъ, что служатъ молебенъ.

---

[1]) добу, 24 часа; [2]) елеосвящаютъ.

Аграфена Петровна, когда Блументростъ сказалъ, что надежды нѣтъ и наука его помочь безсильна, подняла образъ изъ Троицкой церкви и рѣшилась отслужить молебенъ у постели больнаго мужа.

И князь Никита вернулся къ жизни.

Когда священникъ, окончивъ молебенъ, тихо и торжественно подошелъ къ постели Волконскаго, бережно держа обѣими руками крестъ, и увидя открытые глаза больнаго, приложилъ этотъ крестъ къ его губамъ, Аграфена Петровна, какъ бы боясь, что это потревожитъ умирающаго, сдѣлала движеніе впередъ, но князь Никита совершенно твердою рукою перекрестился и спокойно поцѣловалъ крестъ.

Съ этой минуты началось выздоровленіе.

Онъ съ каждымъ днемъ сталъ чувствовать себя крѣпче. Не прошло недѣли, а ужь Никита Өедоровичъ принималъ аккуратно подкрѣпляющую микстуру Блументроста, ѣлъ супъ, пилъ молоко и спалъ спокойнымъ, возстанавливающимъ силы сномъ... Голова его совершенно прояснилась. Онъ могъ все сообразить и связно думать.

Всѣ кругомъ говорили, что надъ нимъ совершилось чудо.

Князь Никита лучше другихъ понималъ, что чудесный возвратъ его къ жизни былъ особеннымъ проявленіемъ Божественнаго Промысла, и больше другихъ удивлялся Его проявленію. Никита Өедоровичъ не только не боялся смерти, не видѣлъ въ ней ничего, *рѣшительно* ничего страшнаго, но, напротивъ, ждалъ ея какъ освобожденія, которое должно наступить рано или

оздно. Духъ его, въ безсмертіи котораго онъ былъ такъ увѣренъ, рвался наружу, рвался изъ оковъ земнаго тѣла на свободу, къ новой жизни. Чтó было хорошаго здѣсь на землѣ? Любовь его? Но онъ зналъ, что она не ýмретъ. И вотъ это освобожденіе, эта воля такъ были близки отъ него, казалось, онъ могъ уже получить ихъ, — и вдругъ его вернули къ прежней, земной жизни, гдѣ снова неотвязчивая сѣть мелочей опутывалаа его, гдѣ снова являлся Рабутинъ, зависть, сплетни и неминуемыя, всасывающія въ свое теченіе человѣческую волю, обстоятельства.

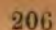
Конечно, умерéть было лучше, да и чтó значитъ *умереть?* Вѣдь страшно только одно слово, но сáмая смерть страшна лишь своею таинственностью... Почемъ знать, можетъ-быть на самомъ дѣлѣ рожденіе гораздо страшнѣе смерти, а между тѣмъ какъ мы радуемся ему!..

»А жена, а сынъ?« — подумалъ вдругъ князь Никита, — »развѣ я не нуженъ имъ?..«

И себялюбивое желаніе смерти показалось ему недобрымъ и нехорошимъ. Какое онъ имѣлъ право желать себѣ одному освобожденія, когда они оставались тутъ?

Кромѣ того, не бояться смерти не значило еще заслужить ее, заслужить въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ князь Никита.

Такимъ образомъ онъ долженъ былъ еще жить и для себя, и для своихъ близкихъ, долженъ былъ вернуться въ эту земную жизнь, — пусть вмѣстѣ съ нею возвращалось то безвыходное положеніе, въ которое былъ поставленъ Волконскій въ день, когда заболѣлъ. Болѣзнь и

то время, которое прошло съ ея нача
мѣется, нисколько не измѣнили къ л
напротивъ вѣроятно ухудшили это пол

Клевета по-прежнему ходила пр
Волконскую и не было, казалось, спо
чтожить ее.

Напрасно выздоравливающій княз
переворачивалъ въ мысляхъ и передум
всѣ лады все тотъ же вопросъ: »как
Онъ не находилъ выхода.

Ни Аграфена Петровна, ни кто-ни
окружающихъ не заговаривалъ съ Вол
ни о чемъ, что́ бы могло взволновать
онъ, несмотря на то, что постоянно
думалъ объ одномъ и томъ же, тоже
налъ рѣчи съ Аграфеною Петровной,
быть даже потому, что она каждый раз
дѣло касалось хотя бы отдаленнаго
о́чень иску́сно отводила разговоръ въ со
другу́ю сторону.

Такимъ образомъ, точно сама собо
новилась для Никиты Ѳедоровича прив
ворить о са́мыхъ ничтожныхъ пустякахъ
молвно думать свою тревожную думу.

А вѣдь въ самомъ дѣлѣ положен
безвыходно.

Если даже настоять на томъ, чтоб
фена Петровна не принимала у себя
— и это не могло помочь; скажутъ: пос
разошлись, что́-жь такое, это еще н
зна́читъ.

Никита Ѳедоровичъ оправился
столько, что всталъ съ постели. Аграф

овна и Миша, довольные и счастливые этимъ бытiемъ, пришли поздравить его и онъ при хъ, улыбаясь и конфузясь, робко сдѣлалъ пере свои шаги по комнатѣ, нетвердо держась ослабшихъ ногахъ.

Блументростъ тоже заѣхалъ поздравить его сказалъ, что теперь будетъ навѣщать его лько разъ въ недѣлю, потому что все идетъ хорошо«.

Въ слѣдующiй прiѣздъ свой докторъ засталъ олконскаго уже сидящимъ у открытаго окна. огода была дѣйствительно жаркая, но Блументростъ счелъ своимъ долгомъ упрекнуть Никиту едоровича.

— Ну, какъ же такъ можно!.. того гляди, квознякъ прохватитъ, и тогда что́ будетъ? — ачалъ онъ, здороваясь.

— Да ужь пора, Лаврентiй Лаврентьевичъ, — отвѣчалъ Волконскiй совсѣмъ твердымъ голосомъ.

Блументростъ оглядѣлъ его.

— Что́-жь, вы ужь совсѣмъ поправились? — сказалъ онъ, и уже не тѣмъ тономъ, какимъ быкновенно говорятъ доктора съ больными, очно будто съ дѣтьми, ласково-снисходительно, о совсѣмъ просто, какъ съ *равнымъ*, т. е. оправившимся и вышедшимъ изъ его повиновенiя еловѣкомъ.

— Присядьте, докторъ, — пригласилъ его Никита Өедоровичъ.

Блументростъ былъ не въ кафтанѣ, но въ быкновенномъ сѣромъ »оберрокѣ« съ мѣдными пуговицами, въ синихъ съ красными стрѣлками

чулкахъ[1]) и башмакахъ[2]) съ серебряными пряжками. Видимо онъ былъ свободенъ и не ѣхалъ ни въ академію ни никуда особенно.

— Хотите кофею? — спросилъ Волконскій, зная пристрастіе Блументроста къ этому напитку, который однако далеко еще не всѣми былъ оцѣненъ по достоинству.

Но Блументростъ отказался даже отъ кофею.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ сейчасъ нужно ѣхать... у меня дѣло, — сказалъ онъ.

— Какое же можетъ быть дѣло, полноте, садитесь, — настаивалъ Никита Ѳедоровичъ.

— Вы смотрите на мой »оберрокъ«, это ничего не значитъ. У меня дѣло такое, что туда можно ѣхать и такъ.

— А что, навѣстить кого-нибудь?

— Нѣтъ, на вскрытіе трупа Рабутина, — проговорилъ Блументростъ.

— Какъ Рабутина?! — крикнулъ Никита Ѳедоровичъ, и это удивленное, испуганное восклицаніе поразило Блументроста.

Скоропостижная смерть молодаго австрійскаго графа два дня была уже такимъ изъ ряду вонъ выходящимъ событіемъ въ Петербургѣ, что ее зналъ всякій, и Блументростъ никакъ не могъ думать, что отъ совсѣмъ выздоровѣвшаго Никиты Ѳедоровича скрыли это, по совершенно особымъ причинамъ, изъ боязни взволновать его именемъ Рабутина.

Волконскій схватился ладонями за ручки кресла, кинулся корпусомъ впередъ и, вскочивъ

---

[1]) пончохахъ; [2]) черевикахъ.

о своего мѣста, испуганными глазами взглянулъ на Блументроста.

— Чтó вы сказали, докторъ?—произнесъ онъ.

— А вы не знали? — смущаясь проговорилъ Блументростъ. — Ну, не раскрывайтесь, сядьте. -- И онъ, запахивая халатъ Никиты Ѳедоровича и его рубашку съ широкой оборкой [1]), насильно почти посадилъ его въ кресло. — Я не зналъ, что вамъ не сообщили еще, — продолжалъ Блументростъ, недоумѣвая, чтó сдѣлать еще. — Ну, мнѣ пора однако...

— Нѣтъ, докторъ, постойте... погодите. Я не пущу васъ, мнѣ нужно знать все, — говорилъ Никита Ѳедоровичъ, обдергиваясь и торопясь.

Блументростъ, не подозрѣвая, почему скрыли отъ Волконскаго смерть Рабутина, не могъ сейчасъ ни у кого найти себѣ помощи, потому что Аграфены Петровны не было дома.

Старикъ Лаврентій стоялъ тутъ, видѣлъ, что извѣстіе доктора произвело на его »князиньку« сильное впечатлѣніе, что онъ вдругъ заволновался весь, но тоже ничего не зналъ и не могъ помочь.

— Зачѣмъ же вы его будете вскрывать?— спросилъ Волконскій и нетерпѣливо забарабанилъ по подоконнику пальцами.

Онъ такъ и впился глазами въ Блументроста. Докторъ подумалъ съ минуту.

— Скоропостижная смерть, — проговорилъ онъ наконецъ, видя, что отступленіе невозможно.

---

[1]) фальбаной.

— А человѣкъ важный, нужно дать знать А-стрійскому двору подробныя причины...

— И когда же это случилось? — сно спросилъ Волконскій.

— Третьяго дня вечеромъ... Онъ былъ Марѳы Петровны Долгоруковой... разрывъ серд должно-быть...

— У Марѳы Петровны? — медленно роня каждый слогъ, проговорилъ Волконскій.

— Да, теперь это уже не тайна... У Долгоруковой были гости... потомъ уѣхали... Никто не видѣлъ, какъ прошелъ Рабутинъ... и вдругъ... Теперь только и говорятъ, что́ о ней и о графѣ...

Князь Никита облокотился на спинку кресла и закрылъ глаза.

Безвыходное положеніе кончилось. Неразрѣшимый вопросъ получилъ рѣшеніе самъ собою.

— Все къ лучшему! — тихо, про себя, сказалъ Никита Ѳедоровичъ, и открывъ глаза, удивленно посмотрѣлъ на Блументроста, точно не ожидалъ его видѣть передъ собою.

— Выпейте воды, — говорилъ между тѣмъ Блументростъ, подавая стаканъ.

Волконскій отстранилъ воду и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Не надо..

Аграфена Петровна давно уже пріѣхала домой, но не велѣла говорить о себѣ мужу. Она, вся взволнованная, ходила по своему кабинету, стараясь придти въ себя, чтобы потомъ подняться къ князю Никитѣ совсѣмъ спокойною и не подать ему виду своей тревоги.

Она только-что узнала, что въ домѣ у Рабутина, сейчасъ же послѣ его смерти, былъ произведенъ обыскъ и захвачена вся переписка графа, между которою было много и ея писемъ, очень серьезныхъ. Вмѣстѣ съ этою перепиской и она сама, Аграфена Петровна, попадала въ руки Меншикова.

Наконецъ, она подошла къ зеркалу, оглядѣлась, оправилась еще разъ и рѣшилась идти наверхъ.

На лѣстницѣ она встрѣтилась съ Блументростомъ.

— Чтó, ничего? — спросила она, показывая головою на комнату мужа.

— Ничего, ничего, — поспѣшно отвѣчалъ докторъ, и точно виноватый, проскользнулъ внизъ, сказавъ, что торопится.

— Аграфенушка, — встрѣтилъ князь Никита жену, — а ты мнѣ не сказала, что Рабутинъ...

Аграфена Петровна не дала договорить ему. Она не ожидала этого, и все ея старательно подготовленное мнимое спокойствіе исчезло въ одинъ мигъ.

— Не надо, не надо объ этомъ, — говорила она.

— Да отчего же, отчего не надо?—спросилъ Волконскій.

Она знала мужа, видѣла, что онъ замѣтилъ выступившее у ней волненіе и что нужно сейчасъ объяснить причину его, иначе онъ можетъ снова забезпокоиться, не волнуется-ли она *потерею* Рабутина, какъ человѣка, который хоть

сколько-нибудь былъ дорогъ ей, а наст
причину своего волненія она боялась с
потому что это могло еще хуже испугать
наго.

— Потому что смерть Рабутина вы
насъ изъ затрудненія и какъ-то неловко го
объ этомъ, — догадалась она солгать, и
Никита успокоился.

VIII.

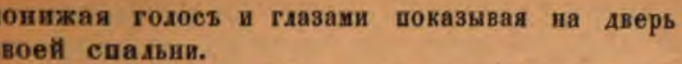
Черезъ нѣсколько дней Никита Θедор
первый разъ послѣ болѣзни одѣтый »по
вому«, т. е. въ кафтанъ, чулки и башм
потому особенно тщательно выбритый и
санный, шелъ на половину жены, совсѣм
стенькій и гладенькій«, какъ говорила Аг
Петровна.

— Ну, вотъ и я къ тебѣ въ гости,
ворилъ онъ, здороваясь съ женою и огл
ея кабинетъ, въ которомъ давно уже н
и который казался ему теперь лучше, чѣ
думалъ. — Ну-съ, съ сегодняшняго дня,
должалъ онъ,—я опять начну все по-пре
Пора! Опять возьмусь за Мишу. Онъ вѣр
чего не дѣлалъ за это время?

— Гдѣ-жъ дѣлать!—улыбнулась Аг
Петровна, — онъ почти все время былъ
тебя... Я тебѣ разсказывала...

— Славный, славный мальчикъ! —
твердилъ князь Никита.

— Тише,—проговорила Аграфена Пе

онижая голосъ и глазами показывая на дверь

воей спальни.

— А онъ тамъ? — такъ же тихо спросилъ князь Никита.

— Кажется...

— Миша! — крикнулъ Никита Өедоровичъ, — ты здѣсь? — и наклонилъ голову на-бокъ.

Миша не сейчасъ отвѣчалъ. Онъ слышалъ похвалу отца и смутился ею, конфузясь теперь откликнуться.

— Миша! — снова повторилъ Волконскій.

— Здѣсь, батюшка! — отвѣтилъ наконецъ Миша, но не пошелъ къ отцу, чувствуя, что краснѣетъ еще отъ услышанныхъ словъ его.

— Чтó ты тамъ дѣлаешь?— спросилъ князь Никита.

— Смотрю въ окно. Мы съ Лаврентіемъ сегодня пойдемъ на Неву рыбу ловить. Онъ ушелъ за крючками, такъ я жду его...

— А-а!.. — произнесъ Никита Өедоровичъ, и, оставивъ сына на его выжидательномъ посту, заговорилъ съ Аграфеной Петровной.

Онъ чувствовалъ сегодня себя совсѣмъ бодрымъ, здоровымъ и веселымъ.

— Какой я сонъ отвратительный видѣла сегодня, — разсказывала она, — ужасъ!.. Опять какъ передъ твоей болѣзнью, низала жемчугъ все и считала деньги...

— Охъ, эти деньги! — воскликнулъ князь Никита,—знаешь, вотъ говорятъ, нынче діаволы изъ-подъ земли не выходятъ, да зачѣмъ и выходить имъ, право! Выпустятъ руду золотую, а мы сами докопаемся до нея, да и понадѣлаемъ

ровныхъ кружечковъ, и сколько изъ-за них
пойдетъ!.. И дьяволамъ спокойнѣе, и намъ
страшно, напротивъ...

— Батюшка! — раздался въ это врем
лосъ Миши изъ спальни, — посмотрите, къ
солдаты на дворъ идутъ...

Аграфена Петровна, перемѣнившись въ
быстро взглянула въ окно и вопросительно
терянно обернулась къ мужу. Въ ворота
дома на самомъ дѣлѣ входило ровнымъ, торо
вымъ шагомъ три ряда солдатъ съ офицером

И онъ, и она сразу догадались, что́
значитъ.

Аграфена Петровна вскочила со своего
ста и могла только произнести:

— Господи! что́ же это?

На ней лица не́ было.

— Пустяки!—вругъ пришло въ голову к
Никитѣ, и онъ поспѣшилъ успокоить жену
просто вѣрно новые полки пришли и размѣ
ются по квартирамъ: они къ намъ на по
идутъ, вотъ и все...

— Нѣтъ, батюшка, это Преображенскіе
снова изъ спальной сказалъ Миша, видимо
дясь знаніемъ военнаго мундира.

Аграфена Петровна схватилась за руку му

— Милый, что́ же это? — съ отчаяні
повторила она.

— Миша, ступай къ себѣ, — вдругъ в
вая и выпрямляясь сказалъ Волконскій. — Ты
была предупреждена, тебѣ никто не сообщ
причины?.. у тебя есть что́ спрятать? — быс
понижая до шепота голосъ, проговорилъ онъ.

— Да! — какъ-то неопредѣленно произнесла она.

— Хорошо. Прячь все, что́ успѣешь! Я его — онъ кивнулъ въ сторону окна — задержу насколько возможно. А тамъ, не бойся: я все приму на себя. Скажу, что ты была лишь подставнымъ лицомъ, а во *всемъ* былъ виноватъ я...

Въ это время рядомъ, въ гостиной, уже слышались безцеремонные, тяжелые шаги офицера, стучавшаго своими ботфортами [1]).

Князь Никита твердыми шагами направился къ двери въ гостиную.

Аграфена Петровна съ удивленіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ. Въ его тонѣ, похо́дкѣ, въ каждомъ движеніи явилось вдругъ столько увѣренности, столько хладнокровія, что она, ожидавшая испуга, можетъ-быть даже трепета съ его стороны, — почувствовала теперь, какъ инстинктивно передалось ей, заглушая ея испугъ, это его хладнокровіе, и съ радостью ощущала къ мужу всю силу своей любви, потому что пока́ тамъ впереди́ что́ ещё бу́детъ, но теперь ей не́ было страшно подъ защитой *этого* человѣка.

Она кинулась къ своимъ бумагамъ.

Никита Ѳедоровичъ, выйдя въ гостиную, захлопнулъ за собою дверь и сталъ передъ нею. Онъ спокойно глядѣлъ на подходившаго къ нему офицера, невольно припоминая, гдѣ онъ видѣлъ это откуда-то знакомое ему лицо: загорѣлое, грубое, съ большими жесткими усами и нависшими на глаза бровями.

---

[1]) сапогами.

— По прика́зу, обязанъ я, — за
офицеръ тѣмъ самымъ басомъ, которы
валъ команду солдатамъ, — произведя
поставить караулъ [1]) у входовъ сего дом
повиноваться.

И голосъ его, и плечистая, сильная
и весь его грозный видъ производили в
ніе, внушающее невольный страхъ. Онъ
привыкъ произносить сказанныя имъ
привыкъ также, что люди, къ которы
являлся со своимъ порученіемъ — неи
робѣли и терялись передъ нимъ, услыш
голосъ.

— Скажите пожалуйста, — началъ
ровнымъ и медленнымъ голосомъ Волкон
гдѣ я васъ видѣлъ?

Офицеръ не ожидалъ такого вопрос

— Извольте повиноваться! — еще
произнесъ онъ. — Позвольте пройти.

— Удивительно знакомое лицо, —
рилъ такъ же тихо Никита Ѳедоровичъ.
вы говорите, обыскъ? — вдругъ будто вс
онъ. — Что́-жь, обыскивайте! Вотъ го
начинайте хоть съ нея.

— А вы будете хозя́инъ этого до
спросилъ офицеръ, не вѣря, чтобъ челов
котораго близко касается его появленіе
говорить съ нимъ такъ.

— Да, хозя́инъ, — отвѣчалъ князь
— Ну такъ на такой случай изволь

---

[1]) стражу.

...ноться... Я самъ знаю, съ чего начать. Гдѣ ...ната княгини Волконской?

— Княгиня одѣвается еще, — произнесъ ...язь Никита, по-прежнему заслоняя собою ...ерь.

Офицеръ остановился немного. Онъ чувство...лъ, что этотъ говорившій съ нимъ человѣкъ, ... оробѣвъ передъ нимъ, не поддался ему, и ...ъ не владѣетъ имъ.

— Все равно... я обязанъ войти... по при...зу! — сказалъ онъ уже не такъ громко и ...жавъ плечами, какъ бы ссылаясь на то, что ...лженъ исполнять службу.

»Вы войдете сейчасъ«, хотѣлъ сказать Ни...ита Ѳедоровичъ и вдругъ узналъ офицера: это ...ылъ тотъ самый, который велъ солдатъ, когда ...езли Девьера.

Офицеръ видѣлъ, какъ поблѣднѣлъ Волкон...кій и шатнулся въ сторону едва ухватившись ...а косякъ[1]), и воспользовавшись этимъ, взялся ...а ручку двери и вошелъ въ слѣдующую комнату.

Никита Ѳедоровичъ зналъ, что еще секунда — и у него въ головѣ явится полное, ясное, со ...сѣми подробностями сопоставленіе несчастной ...участи Девьера съ тѣмъ, что́ происходитъ те...перь, и тогда все пропало, онъ окончательно ...потеряется, — и онъ сдѣлалъ надъ собою не...человѣческое усиліе, чтобы уничтожить въ себѣ всякое воспоминаніе и всю способность мысли направить къ настоящему, *такъ* какъ оно есть — безотносительно къ тому, что́ было и что́ будетъ.

---

[1]) одверки.

ремзина, Петра Михайловича Бестужева, ни
впрочемъ въ себѣ не заключавшія.

Наконецъ офицеръ подошелъ къ стол
взялся за его ящикъ.

»И не могла она засунуть хоть за кни
нужно же было класть въ столъ!« поду
князь Никита и закрылъ глаза, чтобы не ви
того, что́ случится сейчасъ, но не утерпѣл
снова открылъ ихъ.

Офицеръ такъ же спокойно и равноду
какъ бралъ счеты и Мишины опыты пера, в
всѣ находившіяся въ столѣ бумаги и спря
ихъ въ свою сумку.

»Если бы онъ зналъ, что́ попалось
онъ не былъ бы такъ равнодушенъ«, опять
думалъ князь Никита.

Перерывъ всю комнату Волконскаго и
вольно небрежно осмотрѣвъ остальныя, офи
ушелъ, оставивъ караулъ у выходныхъ две

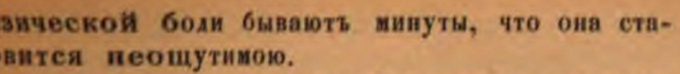
Князь Никита, когда ушелъ офицеръ,
новалъ ободранный кабинетъ жены и вошел
ней въ спальню.

Аграфена Петровна была тутъ. Она си
опустивъ голову и, казалось, ни о чемъ не
мала.

— Письма взяты?—отрывисто спросила

Никита Өедоровичъ махнулъ рукою.

Они оба находились еще подъ вліян
поразившаго ихъ неожиданнаго переполох
безпокойство и тревога были еще на той в
шей точкѣ, когда они до того сильны, что
ловѣкъ не ощущаетъ ихъ. Такъ, говорятъ

зической боли бываютъ минуты, что она ста-
вится неощутимою.

— Хорошо, что у тебя ничего не нашли,
все у меня!—сказалъ Никита Ѳедоровичъ. —
то многому можетъ помочь.

Аграфена Петровна не отвѣтила.

— Я принесу тебѣ успокоительныхъ ка-
пель, — проговорилъ онъ опять и подошелъ къ
двери.

Въ кабинетѣ Аграфены Петровны стоялъ
Лаврентій.

— Тебѣ чего? — спросилъ его Волконскій,
видя, что Лаврентій смутился при его появленіи.

— Да вотъ, князинька, я видѣлъ, какъ кня-
гиня, Аграфена Петровна, положила вамъ въ
столъ бумаги свои, да и догадался, что тамъ ихъ
найти могутъ, вынуть успѣлъ и къ себѣ спря-
талъ; у меня не нашли бы ихъ.

И онъ вынулъ изъ задняго кармана пачку
писемъ, во всей ихъ неприкосновенности.

Никита Ѳедоровичъ вспомнилъ, что въ столѣ
его лежали разные рецепты и что офицеръ унесъ
изъ этого стола эти рецепты, а не письма, —
и вдругъ ему стало такъ смѣшно, что онъ не
могъ удержать своего нервнаго, безсознательнаго
хохота и трясясь отъ него всѣмъ тѣломъ, вбѣ-
жалъ снова къ Аграфенѣ Петровнѣ и, кинувъ на
столикъ передъ нею письма, едва проговорилъ:

— Всѣ цѣлы!

Волконскій смѣялся неудержимо, зарази-
тельно.

Аграфена Петровна нѣсколько разъ пере-
вела глаза то на него, то на лежавшія на столѣ

письма — вдругъ, точно заразясь смѣхомъ мужа, начала тоже смѣяться истерично, болѣзненно.

Но вскорѣ этотъ смѣхъ ея перешелъ въ сухія, тяжелыя, икающія рыданія.

Князь Никита уложилъ ее въ постель, далъ капель, воды, забывая всякое остальное безпокойство и думая объ одной лишь Аграфенѣ Петровнѣ.

Она оправилась и успокоилась немного только къ вечеру.

Никита Өедоровичъ сидѣлъ возлѣ нея до тѣхъ поръ, пока она заснула, вѣрнѣе забылась, и только тогда, по неотвязчивому настоянію Розы, пришедшей смѣнить его, ушелъ къ себѣ.

Лаврентій ждалъ его здѣсь съ какими-то кушаньями, и Волконскій только теперь вспомнилъ, что ничего еще не ѣлъ съ утра, но ему не хотѣлось ѣсть. Онъ отослалъ Лаврентія и остался одинъ.

Князь Никита снова провелъ безсонную ночь, въ теченіе которой или сидѣлъ у своего стола, опустивъ по привычкѣ голову на руки или ходилъ потихоньку въ спальню жены, шагая черезъ ободранные и валявшіеся на полу въ кабинетѣ коверъ и раскрашенное полотно. Аграфена Петровна нѣсколько разъ открыла глаза и онъ давалъ ей капли. Среди ночи онъ засталъ у двери матери — Мишу, босикомъ, въ одной рубашкѣ, и прогналъ его спать. Онъ становился также передъ образомъ и читалъ молитвы за свою Аграфену Петровну.

»Господи, чтó они сдѣлали съ Девьеромъ, чтó они сдѣлаютъ съ нею?!.. Господи, лишь б

не тронули!« и онъ снова молился горячѣе
ежняго.

Наконецъ князь Никита къ утру обезси-
лъ и прилегъ на кушетку.

Едва онъ закрылъ глаза, какъ въ ушахъ
го раздался было снова барабанный бой и гу-
ѣніе толпы, но тяжелый, хотя спасительный
онъ, какъ свинцомъ задавилъ его.

Долго-ли пролежалъ такъ князь Никита —
нъ не могъ дать себѣ отчета.

Онъ проснулся какъ будто отъ напекшаго
го голову солнца, такъ она была горяча у
него; но солнце на самомъ дѣлѣ не пекло. Окна
были завѣшаны, совсѣмъ какъ во время его бо-
лѣзни. Вѣроятно Лаврентій сдѣлалъ это. Князь
Никита всталъ, вспоминая, чтó было вчера. Го-
лову его начинали уже жать мягкіе тиски, и
онъ ощущалъ въ ней ту самую боль, которая
повторялась у него обыкновенно прежде только
весною.

»А можетъ быть *все это* былъ только сонъ
и ничего этого не происходило?« — подумалъ
Никита Ѳедоровичъ и пошелъ внизъ.

Но страшный хаосъ, царившій въ кабинетѣ
Аграфены Петровны, свидѣтельствовалъ о томъ,
что все, чтó вспомнилъ Никита Ѳедоровичъ, про-
изошло на-яву и не было сновидѣніемъ.

Аграфена Петровна лежала въ постели съ
закинутыми за голову руками и большими, со-
всѣмъ сухими, глазами смотрѣла передъ собою.
Роза, свернувшись на креслѣ, спала свѣсивъ
голову.

— Я ужъ давно очнулась, — прогов
Аграфена Петровна на-встрѣчу мужу, — да
было будить ее. — Она показала на Роз
Который теперь часъ?

Князь Никита пошелъ узнать. Был
второй часъ дня. Волконскій разбудилъ Р
остался съ женою.

Караульные никого не выпускали изъ
Готовить пришлось изъ тѣхъ запасовъ, ко
имѣлись въ кладовыхъ [1]).

Аграфена Петровна велѣла принести
и заставила мужа тоже выпить съ нею.

Роза, заявившая, что отдохнула уже
хочетъ спать, сама принесла на подносѣ
и двѣ чашки.

— Тамъ Лаврентій проситъ господина
— сказала она князю Никитѣ по-нѣмецки.

Волконскій вышелъ къ Лаврентію.

— Нѣтъ, ты представь себѣ, — разс
валъ онъ вернувшись очень скоро къ жен
зачѣмъ вызывалъ меня Лаврентій? Эти
просто удивительны! — И онъ въ первый
со вчерашняго дня улыбнулся большою, св
улыбкою. — Знаешь, форейторъ [2]) твой,
чишка, Акулькой котораго прозвали, приш
молитъ дать ему какое-нибудь порученіе,
онъ все исполнитъ и жизни, какъ гово
для господъ не пожалѣетъ, лишь бы прика
для нихъ, говоритъ, *теперь* время трудное!

И князь Никита, видимо тронутый учас
Акульки, чаще заморгалъ глазами.

---

[1]) спижаркахъ; [2]) стангретъ.

Аграфенѣ Петровнѣ стало немножко совѣстно
ъ Акулькой. Она никогда не любила его
что выговаривала ему прежде, и вдругъ, те-
онъ оказался однимъ изъ первыхъ выказав-
ъ усердіе, когда понялъ, что господамъ при-
сь круто.

— Нѣтъ, эти люди, — повторилъ Волкон-
, — ужь я не говорю про Лаврентія съ его
ьмами, но мальчишка, форейторъ... И представь
ѣ, говорятъ, сегодня у насъ въ домѣ всѣ
рики всю ночь молились.

— Миша мнѣ говорилъ, что Лаврентій по-
жилъ идти пѣшкомъ въ Кіевъ, если все прой-
тъ благополучно,—сказала Аграфена Петровна
улыбнулась.

— Знаешь что?—вдругъ блеснувъ глазами
вбирая всею грудью воздухъ, воскликнулъ Ни-
ита Өедоровичъ. — И я съ нимъ пойду, вотъ
тó! — рѣшилъ онъ, какъ будто все уже про-
ло и было по-прежнему радостно, и оставалось
ишь собраться и пойти въ Кіевъ. — Да Богъ
дастъ, все обойдется,—успокоительно произнесъ
онъ, — вѣдь никакихъ писемъ...

Но Аграфена Петровна перебила его. Она слабымъ голосомъ разсказала, что боится, какъ бы у Рабутина не нашлось какихъ-нибудь ея писемъ.

— Пожалуй и впрямь,—заключила она, — намъ не обойтись безъ любезности господина Акульки.

— Чтó-жь, я его призову къ себѣ.

И онъ велѣлъ позвать къ себѣ въ комнату Акульку.

Акулька явился съ краснымъ отъ волне
лицомъ, приглаженный и прiодѣтый. Онъ выс
шалъ все, что̀ говорилъ ему ба̀ринъ, приговор
вая: »слушаю, слушаю!«

Порученiе впрочемъ не было сложно. Нуж
было выбраться изъ дома и сбѣгать къ Пашко
Черкасову или Маврину, и сказать имъ, что
Волконскихъ *все благополучно*, но чтобъ о
прислали имъ извѣстiе въ калачѣ. Акулька, ка
форейторъ, зналъ отлично и имена всѣхъ госпо
и гдѣ кто живетъ.

— Если выберешься, назадъ и не пытай
возвращаться, — сказалъ князь Никита ему.
Этого не нужно.

Акулька еще разъ проговорилъ: »слуша
и отвѣсивъ низкiй поклонъ вскинулъ волосами
молодцовато, желая всѣмъ существомъ свои
показать, что на него можно положиться, уше
исполнять порученiе.

Князь Никита думалъ, что онъ проберет
какъ-нибудь задворками, но вскорѣ оказало
другое.

На дворѣ раздался безпокойный, громк
крикъ: »держи! держи!« Волконскiй подоше
къ окну.

Акулька, выпрыгнувъ изъ окна нижня
этажа, бѣжалъ сѣменя ногами и какъ-то особенн
вывертывая босыя пятки. Солдаты кинулись был
за нимъ, но Акулька съ такой яростью исчез
за воротами, что видимо догнать его не был
возможности.

— Ишь пострѣлёнокъ!— пустилъ ему вслѣд
солдатъ.

Караульные не придали серьезнаго значенія бѣгству Акульки, вызвавшему въ нихъ только смѣхъ.

Но Акулька сдѣлалъ свое дѣло.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Волконскимъ былъ присланъ калачъ съ хитро засунутой внутрь запиской. Записка была отъ Пашкова и сообщала, что Мавринъ, Ганнибалъ, Черкасовъ и прочіе друзья высланы изъ Петербурга въ разные города, насчетъ же самой княгини онъ ничего не могъ узнать, хотя писалъ, что въ бумагахъ Рабутина мало было найдено уликъ[1]) противъ нея.

На другой день Яковлевъ, секретарь Меншикова, привезъ Волконскимъ приказаніе немедленно выѣхать изъ столицы и отправиться въ подмосковную деревню, гдѣ и жить безвыѣздно.

Тревога окончилась — и окончилась самымъ благополучнымъ образомъ.

Съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ уѣзжалъ изъ Петербурга князь Никита, увозя съ собою свою Аграфену Петровну и Мишу въ деревню, гдѣ ждала ихъ новая тихая жизнь, какъ мечталось Никитѣ Ѳедоровичу, полная любви и счастія.

— Все къ лучшему, все къ лучшему! — повторялъ онъ, крестясь послѣдній разъ на видную издалека высокую колокольню крѣпости.

Аграфена Петровна молчала, задумчиво глядя въ окно кареты.

---

[1]) убѣдительныхъ доказательствъ.

„Ты защищалъ, Господ
дѣло души моей, искупля
жизнь мою.“

Плачъ Iеремiи, III, 58.

Часть третья.

I.

Ста́рый знако́мый.

Постоя́нно весёлый, не озабо́ченный сво имъ положенiемъ и вовсе не старавшiйся разрѣ шать какiе-нибудь вопросы своею жизнью, потому всегда довольный ею, Черемзинъ пред ставлялъ собою одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ характеровъ, которые живутъ какъ птицы не бесныя.

Теперь ему уже минуло давно за тридцат Онъ попробовалъ было оглянуться, посмотрѣт на жизнь серьезнѣе, но сейчасъ же рѣшилъ, чт это пустяки, которыми не сто́итъ заниматься, главное мучить себя ими, и что все обойдетс и будетъ такъ, какъ оно должно быть...

И въ самомъ дѣлѣ все обошлось какъ нельзя лучше. Пришло извѣстіе, что богатый бездѣтный старикъ, дядя Черемзина, скончался и наслѣдство его цѣликóмъ должно перейти къ племя́ннику.

Черемзинъ, шутя, получилъ въ Митавѣ это извѣстіе, шутя собрался въ деревню и самъ трунилъ надъ собою, какъ это онъ вдругъ будетъ хозя́йничать и попадетъ изъ »салона« на па́шню.

Трудно было рѣшить, случалось-ли для Черемзина все въ жизни такъ, какъ онъ хотѣлъ, или наоборотъ, онъ всегда желалъ именно того, какъ слагались для него обстоятельства, но только ему казалось, что лучшаго, какъ вотъ, бро́сивъ Митаву и службу, теперь уѣхать въ дере́вню — ничего и быть не могло.

И онъ, веселый и довольный, уѣхалъ въ деревню, гдѣ сейчасъ же, съ его пріѣздомъ, приказчикъ, бывшій до сихъ поръ слѣпымъ орудіемъ прежняго ба́рина и не смѣвшій пикнуть при немъ, сдѣлался почти́ полнымъ хозя́иномъ. Цѣлая ватага челяди пришла къ Черемзину и, слёзно поминая доброту покойнаго его дядюшки, говорила, что жила у него на такомъ-то положеніи — и Черемзинъ »положилъ« ей безпрекословно все довольство, которое она требовала себѣ. Приказчикъ казался ему очень порядочнымъ и честнымъ человѣкомъ, челядь — добрыми людьми, которымъ въ самомъ дѣлѣ не́куда было дѣваться, и къ тому же все это, какъ увѣряли его, такъ было при дядюшкѣ, зна́читъ пусть будетъ и впредь...

Черемзинъ видѣлъ, что съ тѣмъ богатство
которое досталось ему, у него не только вс
будетъ вдоволь, но даже съ излишкомъ хвáт
на всѣхъ.

Состояніе его увеличилось, а потребнос
вѣрнѣе возможность куда-нибудь тратить ден
значительно сократились.

Въ деревнѣ, гдѣ все было свое и готов
деньги почти́ нé были нужны. Но за то зд
было и скучнѣе. Сначала, первое время,
было не такъ замѣтно. Но вскорѣ однообраз
жизнь стала надоѣдать даже Черемзину. Оди
чество особенно было непріятно.

Онъ попробовалъ было отправиться къ
сѣдямъ. Сосѣди эти были давни́шніе деревенс
жители, смотрѣвшіе на Черемзина какъ на
всѣмъ нóваго и чуждаго имъ человѣка. Привы
шій къ заграничной жизни, постоя́нно верт
шійся хотя и при маленькомъ герцогскомъ дво
но все-таки при дворѣ, онъ совершенно отл
чался отъ нихъ и развитіемъ, и манерами, и н
клонностями. И онъ и они сейчасъ поняли,
совсѣмъ не подходятъ другъ къ другу... И с
сѣди стали дичиться его, да и онъ, побывавъ
нихъ раза по два, отставалъ отъ ихъ общест

Какой-то раненый драгунскій офицеръ, во
вращавшійся на рóдину, заѣхалъ къ Черемзи
и они два дня и двѣ ночи подъ-рядъ проигра
въ кости. На третьи сутки это до того надоѣ
Черемзину, что онъ, проигравъ таки порядоч
офицеру, на силу могъ его спровадить отъ се

Офицеръ уѣхалъ, прокуривъ кнастеромъ ко
нату, въ которой останавливался, горячо пр

стился съ хозяиномъ, которому уже говорилъ »ты«, и оставилъ Черемзина съ головною болью и самымъ отчаяннымъ воспоминаніемъ несуразно[1]) проведеннаго времени.

»Жениться пора, что́-ли?« съ улыбкою подумалъ Черемзинъ, и тутъ же разрѣшилъ свое сомнѣніе:

— Ну, какая ду́ра за меня пойдетъ? А если и пойдетъ, то только дура, а на дурѣ я жениться не хочу.

Да и гдѣ было искать подходящую невѣсту?.. Правда, двѣ-три »боя́рыни«, какъ еще величали помѣщицъ въ деревенской глуши, мечтали о томъ, чтобы выдать дочекъ своихъ за богатаго Черемзина, но не могли не сознаться, что это̀ были только мечты́, потому что дочкамъ ихъ далеко было до »заграничнаго нѣмца«, какъ окрестили Черемзина въ околоткѣ[2]).

— Да и что́ въ немъ хорошаго? — разсуждали боя́рыни, — одно слово, что богатъ, ну да не съ богатствомъ жить, а съ человѣкомъ... А человѣкъ-то онъ какой?.. постовъ не соблюдаетъ, хозяйства не ведетъ и конскую гриву на голову надѣваетъ.

Однимъ изъ недалекихъ сосѣдей Черемзина былъ старый князь Петръ Кирилловичъ Трубецкой, бывшій когда-то при дворѣ и въ школѣ Великаго Петра, но по подозрѣнію въ участіи, впрочемъ совсѣмъ не доказанномъ, въ дѣлѣ царевича Алексѣя, сосланный на вѣчное время въ дальнюю свою деревню.

---

[1]) скверно; [2]) окрестности, сосѣдствѣ.

Князь Петръ Кирилловичъ, пріѣхавъ въ деревню, съ единственною своею дочерью, заперся тамъ, занялся устройствомъ дома и парка, ни къ кому не поѣхалъ и держалъ себя со всѣми, даже съ начальствующими, очень гордо. Эта гордость, ни на чемъ, собственно говоря, не основанная, кромѣ, можетъ-быть, полученнаго годами и опытомъ презрѣнія къ людямъ, показалась окружающимъ вполнѣ законною — и всѣ какъ-то не только подчинились ей, но стали даже бояться князя Петра.

Въ именины его почему-то считали уже долгомъ ѣздить къ нему на поклонъ; у него явилось нѣсколько завсегдатаевъ[1]) изъ мелкихъ, — словомъ, онъ занялъ мѣсто выдающагося лица, которое создалось само собою. Петръ Кирилловичъ пріѣхалъ и взялъ на себя роль этого лица, и всѣ точно ему сейчасъ повѣрили, что такъ и быть должно — и подчинились.

Правда, Трубецкой былъ крутъ нравомъ и не любилъ спускать тому, кто былъ виноватъ передъ нимъ, по его мнѣнію.

Мужчины его боялись. Хозяйство онъ завелъ образцовое. Домъ выстроилъ великолѣпный. Земли у него было много, и почти всѣ окружные были должны ему. Этого уже, впрочемъ, было достаточно, чтобы держать ихъ въ рукахъ. Дядя Черемзина былъ въ числѣ немногихъ, не боявшихся Трубецкаго. Къ нему князь Петръ относился съ уваженіемъ и угощалъ его по-пріятельски. Съ остальными онъ почти ни съ кѣмъ

---

[1]) постоянныхъ посѣтителей.

не церемонился. Иногда въ самый разгаръ вечерняго пира онъ вдругъ подходилъ къ окну, барабанилъ пальцами по стеклу (въ его покояхъ вездѣ были вставлены стекла) и говорилъ со вздохомъ сожалѣнія:

— Ну, гости дорогіе, ночь какъ день, дорога какъ скáтерть...

Это знáчило, что гости надоѣли ему и онъ ихъ больше не задерживаетъ. И гости, понявъ намёкъ, послушно разъѣзжались и потомъ снова являлись по первому зову.

Пріѣхавъ къ себѣ, Черемзинъ наслушался разсказовъ про Петра Кирилловича и не счелъ нужнымъ отправиться къ нему.

Имѣніе Трубецкаго такимъ образомъ оставалось для него какъ бы неизслѣдованнымъ островкомъ въ окружавшей его жизни и, мало-по-малу, любопытство стало мучить его. Чтó это за старикъ, чтó за усадьба у него, про которую разсказывали чудеса, и чтó за дочь, про которую говорили, что она красáвица?

Но поѣхать такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, къ гордому старику — Черемзину не хотѣлось.

»Отчего же, однако, не поѣхать?—пришло ему въ голову. — Чтó-жъ, право: онъ старикъ, онъ гораздо старше меня, пожалуй, въ отцы годится, былъ хорошъ съ дядей, и если чудитъ со »здѣшними«, то можно всегда себя держать такъ, что со мной онъ чудить не будетъ...«

И Черемзинъ, скорый на рѣшенія, вдругъ убѣдился, что не только можно ему поѣхать къ Трубецкому, но это даже такъ и слѣдуетъ.

Онъ велѣлъ себѣ подать лучшій нарядъ, привезенный изъ Митавы, и заложить колымагу[1]).

»Или не ѣхать?« снова мелькнуло у него, когда онъ посмотрѣлъ на приготовленный глазетовый, блестящій кафтанъ, который такъ давно уже сравнительно не надѣвалъ. Ему какъ будто стало лѣнь смѣнить свое будничное, просторное одѣяніе на этотъ нарядъ.

Тѣмъ не менѣе онъ все-таки одѣлся, и одѣлся даже не смотря на то, что кафтанъ сталъ ему нѣсколько узокъ и неловко сжималъ грудь.

Онъ легко вскочилъ въ колымагу и, не усѣвшись еще какъ слѣдуетъ, крикнулъ кучеру, чтобъ тотъ трогалъ. Лошади дружно подхватили, и колымага закачалась на своихъ ремняхъ.

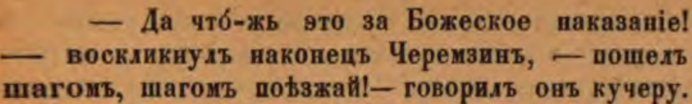
Но, несмотря на эти ремни, отвратительная дорога давала себя чувствовать то-и-дѣло[2]). Черемзинъ, ѣздившій большею частью верхомъ въ деревнѣ, какъ-то упустилъ изъ виду, собираясь предпринять свою поѣздку, ту муку, которая ожидала его въ колымагѣ. Трясло, казалось, такъ, что все внутри переворачивалось... Всякое удовольствіе пропало, и Черемзинъ уже считалъ минуты, когда наконецъ можетъ кончиться его пытка[3]).

— Завтра же велю исправить у себя дорогу... о-о-охъ! — охалъ онъ, хватаясь за бокъ.

Черезъ часъ времени онъ въѣхалъ во владѣніе князя Трубецкаго, какъ свидѣтельствовалъ каменный столбъ съ надписью при дорогѣ, и въ этомъ »владѣніи« дорога стала еще хуже.

---

[1]) карету; [2]) безпрерывно; [3]) тортура.

— Да чтó-жь это за Божеское наказаніе! — воскликнулъ наконецъ Черемзинъ, — пошелъ шагомъ, шагомъ поѣзжай! — говорилъ онъ кучеру.

Но лошади сами уже перестали идти рысью [1]). Дорога съ каждымъ шагомъ становилась все менѣе и менѣе проѣзжею. Казалось, чѣмъ ближе было къ усадьбѣ, тѣмъ хуже.

— Ну, ужь и помѣщикъ! — удивлялся Черемзинъ, — а еще чудеса разсказываютъ про него... Хорошо, нечего сказать! Вотъ врутъ-то, и ѣхать не стóило просто... Тише ты — снова крикнулъ онъ, хватаясь за края колымаги и чуть не вылетѣвъ изъ нея отъ новаго неожиданнаго страшнаго толчка.

На дорогѣ въ этомъ мѣстѣ былъ отвѣсный уступъ по крайней мѣрѣ въ полъ-аршина вышины.

Свернуть въ сторону было невозможно. Частый лѣсъ, заваленный огромными стволами деревьевъ, съ поднятыми и торчавшими въ разныя стороны сучками и корнями, не позволялъ съѣхать съ дороги.

И вдругъ послѣ этой адской тряски, послѣ рытвинъ [2]), обрывовъ и огромныхъ булыжниковъ [3]), колымага въѣхала на гладкое, удивительно ровное шоссе, и покатилась, какъ по бархату.

Черемзинъ попалъ точно въ царствіе небесное.

Впослѣдствіи онъ узналъ, что у Трубецкаго нарочно вначалѣ дорога была испорчена, чтобы проѣзжій могъ лучше оцѣнить послѣдующую роскошь.

---

[1]) „трабомъ“; [2]) бороздъ; [3]) камней.

По сторонамъ прекрасной, вытянутой въ струнку и точно прилизанной дороги, на которую въѣхалъ теперь Черемзинъ, открылась дивная панорама луговъ съ подчищенными кущами деревъ. Безобразный, дикій лѣсъ остался сзади. Теперь всюду была видна заботливая рука, превратившая всю окрестность въ паркъ. По временамъ между красивыми группами словно нарочно разсаженныхъ кустарниковъ [1]) и деревьевъ попадались и такія, которыя были подстрижены въ форму огромной вазы, пѣтуха [2]) и даже четыре какъ-то сросшіяся дерева имѣли видъ слона, какъ слѣдуетъ — съ хоботомъ [3]) и бесѣдкой [4]) наверху въ видѣ балдахина...

Черемзинъ, ощущая теперь пріятный отдыхъ ровной и скорой ѣзды, забылъ уже свое мученье и любовался лишь тѣмъ, что́ видѣлъ по сторонамъ.

Но вотъ онъ въѣхалъ въ узорчатыя, каменныя съ гербомъ ворота, обвитыя, какъ пеленой ползучими растеніями. И округленный высокій кустарникъ, бросая пріятную тѣнь, приблизился къ дорогѣ, отъ которой теперь уже шли другія дороги и аллеи.

Вскорѣ по обѣимъ сторонамъ потянулась подстриженная, и сверху, и съ боковъ, изгородь [5]) акаціи, и вдругъ она оборвалась и дала мѣсто двумъ фонтанамъ. Дорога повернула подъ прямымъ угломъ вправо — и глазамъ Черемзина открылась цѣлая аллея изъ фонтановъ, неумолчно

---

[1]) корчовъ; [2]) когута; [3]) трубой (у слона); [4]) альтанкой; [5]) живоплотъ.

и ровно подымавшихъ тонкую струю воды, какъ ракета, разсыпавшаяся наверху блестящими на солнцѣ брызгами... Аллея заканчивалась двумя, стоявшими по сторонамъ, огромными львами, метавшими воду изъ пасти въ широкіе круглые бассейны.

За этими львами разстилался широкій кругъ, весь покрытый цвѣтникомъ, точно былъ разостланъ ковёръ самаго хитраго узора. Цвѣтникъ огибала убитая и усыпанная ярко-краснымъ пескомъ дорога, обсаженная маленькими, округленными въ шаръ, деревцами, въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, и соединенными, какъ гирляндами, дикимъ виноградомъ.

Каменный двухъэтажный домъ, похожій на дворецъ Меншикова въ Петербургѣ, блестѣлъ своею золоченою крышей и пестрѣлъ заполонившими его балконъ и окна цвѣтами.

У подъѣзда встрѣтили Черемзина съ рабо-лѣпнымъ почтеніемъ два лакея въ красныхъ ливреяхъ (по покрою ничуть не хуже его, Черемзина, кафтана) и высадили его подъ руки изъ колымаги.

Черемзина ввели въ огромныя сѣни, гдѣ тоже былъ фонтанъ и откуда двумя всходами шла лѣстница наверхъ, уставленная цвѣтами. Между этими всходами была арка, сквозь которую виднѣлась длинная перспектива прямой, казавшейся безконечною, аллеи, тепло освѣщенной солнцемъ, въ особенности въ сравненіи въ нѣсколько-матовыми полутонами каменныхъ, прохладныхъ и пахнувшихъ цвѣтами сѣней.

Здѣсь Черемзину пришлось ждать доволь
долго. Наконецъ на лѣстницѣ показался бла
образный лакей, очевидно самый старшій, и,
вѣсивъ низкій поклонъ, но не безъ достоинст
сказалъ:

— Пожалуйте-съ!

Черемзинъ поднялся во второй этажъ. Зд
прямо съ лѣстницей большою аркою соединял
зала съ широкими окнами и такимъ же шир
кимъ выходомъ на террасу, откуда такъ и не
нѣжный запахъ цвѣтовъ, почти сплошь усып
шихъ каменные сходы.

На-встрѣчу Черемзина шелъ высокій сух
старикъ въ ботфортахъ и военномъ, но нѣскол
измѣненномъ противъ формы, мундирѣ сам
простаго сукна. Вообще вся одежда стар
совсѣмъ не соотвѣтствовала окружающей роскош

— Пора, пора, давно ждалъ, — заговори
онъ отчётливо и ясно.

И, подойдя къ Черемзину, протянулъ ем
руки и подставилъ щеку, плохо выбритую.

— Давно, говорю, ждалъ... съ дядей бы
пріятелями... могъ раньше пріѣхать...

Черемзинъ стоялъ молча. Трубецкой огля
дѣлъ его съ ногъ до головы.

— Ну, ничего, — сказалъ онъ наконецъ.—
Лучше поздно, чѣмъ никогда... стараго не по
мяну теперь... Ступай за мной, ты мнѣ понра
вился.

И будто несказанно осчастлививъ этимъ
Черемзина, онъ повелъ его къ себѣ по амфиладѣ
разукрашенныхъ и расписанныхъ комнатъ.

Такъ прошли они по богатымъ комнатамъ кругомъ всего дома, хотя »кабинетъ« Трубецкаго былъ рядомъ съ залой и въ него можно было попасть гораздо короче. Но Трубецкой повелъ Черемзина именно черезъ всѣ комнаты.

— А вотъ мой кабинетъ, — пояснилъ онъ, не оборачиваясь, когда они дошли до него.

Кабинетъ Трубецкаго былъ, какъ и одежда его, прямою противоположностью всего, чтó было кругомъ.

Эта огромная, квадратная комната съ простыми выбѣленными стѣнами и некрашеною деревянною мебелью, была заставлена столами и шкапами съ книгами. На столахъ лежали грудою свитки какихъ-то плановъ и географическихъ картъ. Тутъ же виднѣлась астролябія[1]), большой глобусъ, подзорная труба[2]). Въ одномъ изъ угловъ валялись стружки и столярный инструментъ.

Трубецкой подвелъ гостя къ одному изъ столовъ, сдвинулъ большую открытую картонку съ нумерами »Петербургскихъ Вѣдомостей« и показалъ рукою на стулъ съ высокою, рѣшётчатою спинкой.

Оказалось, что Петръ Кирилловичъ, не смотря на давнее свое пребываніе въ деревнѣ, нисколько не отсталъ отъ того, чтó дѣлалось теперь въ Петербургѣ и при дворѣ, и изъ его разспросовъ и разговора Черемзинъ понялъ, что старикъ вовсе не примирился со своимъ деревенскимъ уединеніемъ и твердо надѣется, что время его еще не прошло.

---

[1]) угломѣръ; [2]) телескопъ.

Черемзинъ зналъ, что многіе, въ томъ числѣ видимо и Трубецкой, пострадавшій за царевича Алексѣя, могутъ ожидать помощи отъ матери царевича, и слѣдовательно бабки царствовавшаго юнаго императора, Евдокіи Өедоровны, рожденной Лопухиной, въ инокиняхъ Елены, сосланной Петромъ въ Шлиссельбургъ, но теперь освобожденной внукомъ. Она жила уже въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и величалась »государыней царицей«.

По крови Евдокія Өеодоровна являлась единственнымъ близкимъ, кромѣ сестры его Натальи, лицомъ къ императору. Хотя онъ до сихъ поръ никогда не знавалъ своей бабки, но очень казалось вѣроятно, что родственное чувство заговоритъ въ немъ при первомъ же свиданіи. Свиданіе это близилось. Императоръ долженъ былъ пріѣхать въ Москву на коронацію.

— Посмотрите, новыя времена настанутъ, и все пойдетъ иначе,—говорилъ Петръ Кирилловичъ Черемзину, невольно удивлявшемуся, какимъ образомъ этотъ старикъ до сихъ поръ сохранилъ и умъ и энергію, и, главное, желаніе все еще идти впередъ.

Они оставались въ кабинетѣ часа два — до тѣхъ поръ, пока лакей, встрѣтившій Черемзина на лѣстницѣ, не пришелъ и не доложилъ, что »кушать подано«.

— Пойдемъ обѣдать! — пригласилъ Трубецкой.

И опять они, по всей амфиладѣ комнатъ, пришли въ залу и спустились затѣмъ въ нижній этажъ, гдѣ помѣщалась столовая.

Столъ былъ покрытъ камчатною [1]) скатерью, уставленъ золотою и серебряною посудой.

Черемзинъ, войдя въ столовую, невольно остановился. Передъ нимъ у стола стояла молодая хозяйка, дочь Петра Кирилловича.

Высокая, стройная, бѣлая и румяная, съ правильными, ровными, темными бровями и длинною косою съ яркою лентою, она стояла, опустивъ свои длинныя рѣсницы и сложивъ красивыя, окрытыя кисейными [2]) рукавами руки. На ней были парчевой русскій сарафанъ и высокая кика [3]).

Она поклонилась Черемзину русскимъ поклономъ, и онъ такъ же отвѣтилъ ей.

— Ну, садись, садись... — пригласилъ старый князь Черемзина, какъ будто не замѣчая, какое впечатлѣніе производитъ его дочь.

Начали подавать кушанья. Петръ Кирилловичъ ѣлъ очень много, въ особенности зеленой каши, которую отдѣльно подали ему и которую онъ видимо очень любилъ.

Долгое время за столомъ царило молчаніе, которое какъ бы умышленно не прерывалъ Петръ Кирилловичъ. Черемзинъ считалъ невѣжливымъ заговорить раньше его.

Лакеи, безшумно ступая своими мягкими башмаками, служили точно безмолвныя куклы [4]).

За обѣдомъ, кромѣ Черемзина, другихъ гостей не было. Петръ Кирилловичъ вчера еще вечеромъ подходилъ къ окну со своей обычной фразой и гости вчера же уѣхали.

---

[1]) адамашковою; [2]) муслиновыми; [3]) головной уборъ женщинъ; [4]) ляльки, маріонетки.

Онъ былъ не въ духѣ, но пріѣздъ Черемзина разсѣялъ его.

— Ты не смотри, — вдругъ заговорилъ Петръ Кирилловичъ, отодвигая тарелку съ кашею, — что она (онъ кивнулъ на дочь) въ сарафанѣ у меня... Ты скажи, развѣ нашъ нарядъ женскій хуже этихъ разныхъ робъ, неуклюжихъ и стѣснительныхъ?.. Лучше вѣдь и красивѣй... а?.. Лучше? спрашиваю я тебя—повторилъ онъ.

— Лучше,—едва слышно подтвердилъ Черемзинъ, чувствуя, что краснѣетъ.

— Ну, вотъ то-то... Въ сарафанѣ она у меня красáвица, а попробуй её нарядить въ заграничную робу!.. А ты говоришь, — вдругъ обернулся Петръ Кирилловичъ къ Черемзину, который ничего не говорилъ еще, — зачѣмъ я не ношу русскаго кафтана иль *опашень*, какъ онъ тамъ называется...

— Опашень... — началъ было Черемзинъ, но Трубецкой перебилъ его.

— Такъ потому, — продолжалъ онъ,—что такъ (онъ схватился за бортъ мундира рукою) удобнѣе, понимаешь... удобнѣе... и тоже лучше... Матрёшку сюда и Иваныча!.. — приказалъ онъ.

Черемзинъ не могъ не замѣтить, что Петръ Кирилловичъ былъ здѣсь, въ столовой, на людяхъ такъ сказать, совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Въ дверяхъ появилась дýра[1]), съ размалеванными щеками, въ шелковой робѣ и буклями изъ пакли[2]) и огромнымъ вѣеромъ[3]) въ рукахъ, и высочайшаго роста человѣкъ въ русскомъ одѣ-

[1]) шутиха; [2]) клаковъ; [3]) вахляромъ.

янія, съ длинною бородой и въ высокой шапкѣ, отчего ростъ его казался еще больше.

— Вельможному боярину и всѣмъ гостямъ честнымъ челомъ бьетъ Иванычъ-свѣтъ!.. — тонкимъ теноромъ проговорилъ великанъ, снимая шапку и низко кланяясь.

— Бонжуръ, гуты-морды!.. — пропищала дура, кривляясь и присѣдая.

— Хороши? — спросилъ Трубецкой у Черемзина.

Тотъ морщась смотрѣлъ на этихъ людей и удивлялся, какъ могъ этотъ старый князь, отецъ сидѣвшей передъ нимъ красавицы, и только-что у себя въ кабинетѣ выказавшій столько ума въ своемъ разговорѣ, полномъ интереса, держать у себя шутовъ и тѣшиться ими.

— Не нравится? — съ усмѣшкою протянулъ Петръ Кирилловичъ, щурясь своими острыми глазами. — Ну, пошли вонъ! — обернулся онъ къ Матрешкѣ и Иванычу, и они сейчасъ же исчезли за дверями.

— А многіе любятъ это! — серьезно, какъ бы про себя, проговорилъ Трубецкой и замолчалъ.

И въ столовой снова все стихло.

Послѣ обѣда молодая княжна ушла сейчасъ же къ себѣ, а старый князь повелъ Черемзина показывать паркъ и садъ.

Черемзинъ сразу понялъ, что старику было пріятно, когда хвалили его устройство, и онъ хвалилъ вполнѣ искренно.

— Ну, а какъ ты думаешь, — спросилъ Трубецкой, показывая на тщательно расчищенное пространство, разстилавшееся по сторонамъ до-

роги, — что это я только для красоты, то
для глазъ сгоняю сюда мужиковъ на рабо
Черемзинъ не зналъ, что̀ отвѣтить.

— Эхъ ты!.. Все подъ посѣвъ пойдетъ!
вотъ Иванычъ съ здѣшними помѣщиками д
ютъ, что это одна блажь[1]). Ну, а ты не д
такъ. Посмотришь, поучишься, и самъ у
чистить станешь...

Наконецъ Черемзинъ, боясь надоѣсть
имъ первымъ посѣщеніемъ, собрался домой.

— Ну, *до свиданья!* Слышишь, говорю
свиданья«, — сказалъ ему старый князь
прощанье. — Ты мнѣ понравился. Я сказа

Никогда еще не чувствовалъ Черем
себя такимъ одинокимъ, какъ послѣ поѣз
своей въ »Княжеское«, какъ называлось имѣ
Трубецкаго. Дядина усадьба, въ которой онъ б
теперь хозяиномъ, показалась ему и скучна и б
на. Прежній покой его и всегдашнее хоро
расположеніе духа какъ рукой сняло.

»И хороша же она!« вспоминалъ онъ
Трубецкую. И его неудержимо, страстно стало
нуть туда, назадъ, чтобы хоть опять мелькомъ
обѣдомъ поглядѣть на нее.

Онъ выждалъ нѣсколько дней и снова
правился въ »Княжеское«. Въ это второе по
шеніе онъ засталъ тамъ много народа. Пе
Кирилловичъ видимо отличалъ его однако
всѣхъ гостей, былъ любезенъ съ нимъ особен
поилъ его своимъ, выписаннымъ исключитель
для себя, виномъ и кормилъ зеленою кашей.

---

[1]) глупость, съумасшествіе.

Черемзину не понравилось, какъ держали себя гости Трубецкаго по отношенію къ хозяину. Они гораздо больше подходили своимъ обращеніемъ съ княземъ къ Матрешкѣ и Иванычу, чѣмъ къ Черемзину, который былъ съ княземъ простъ и искрененъ, и Трубецкой относился къ нему иначе, чѣмъ къ остальнымъ. Но эти гости, сердившіе и раздражавшіе сначала Черемзина, вскорѣ оказались очень полезны. Старый князь, занявшись ими, оставилъ Черемзина съ дочерью.

Послѣ этого поѣздки Черемзина въ Княжеское сдѣлались все болѣе и болѣе частыми. Онъ ѣздилъ туда не обращая уже вниманія на испорченную дорогу и на то, на-сколько приличны его частыя посѣщенія.

Княжнѣ Иринѣ Петровнѣ Трубецкой шелъ уже двадцать девятый годъ, но красота ея отъ этого не была меньше и, казалось, не зависѣла отъ протекшихъ лѣтъ. Еще въ Петербургѣ, когда она была восемнадцатилѣтнею дѣвушкой, къ ней уже сваталось много жениховъ, но отецъ одинаково всѣмъ отказывалъ. Здѣсь, въ деревнѣ, хотя собственно никто не смѣлъ дерзнуть — имѣть какіе-нибудь виды на дочь Петра Кирилловича Трубецкаго, но все-таки нашлись смѣльчаки, получавшіе отъ стараго князя такой отвѣтъ, что сейчасъ же стали не рады за свою смѣлость. На одного изъ такихъ жениховъ Трубецкой прямо велѣлъ спустить цѣпныхъ собакъ.

Петръ Кирилловичъ не могъ не видѣть, что̀ именно составляетъ главную приманку для Черемзина въ »Княжескомъ« и какъ бы нарочно

оставлялъ его съ дочерью, точно желая сдѣ[…]
какое-то наблюденіе и заключить его сво[…]
выводомъ.

А Черемзинъ, между тѣмъ, сталъ уже [...]дить къ нимъ по-крайней мѣрѣ черезъ день.

II.

Неудача.

Мѣсяца черезъ два съ половиною по[…] появленія Черемзина въ Княжескомъ, стар[…] князь призвалъ дочь къ себѣ въ кабинетъ.

Ирина Петровна ужасно не любила, ко[…] ее звали въ эту комнату, и боялась тамъ о[…] еще больше чѣмъ обыкновенно.

Петръ Кирилловичъ встрѣчалъ ее край[…] недружелюбно у себя въ кабинетѣ, гдѣ всег[…] происходили у него съ ней »объясненія«.

Она вошла и стала у окна, въ ожидан[…] когда заговоритъ отецъ.

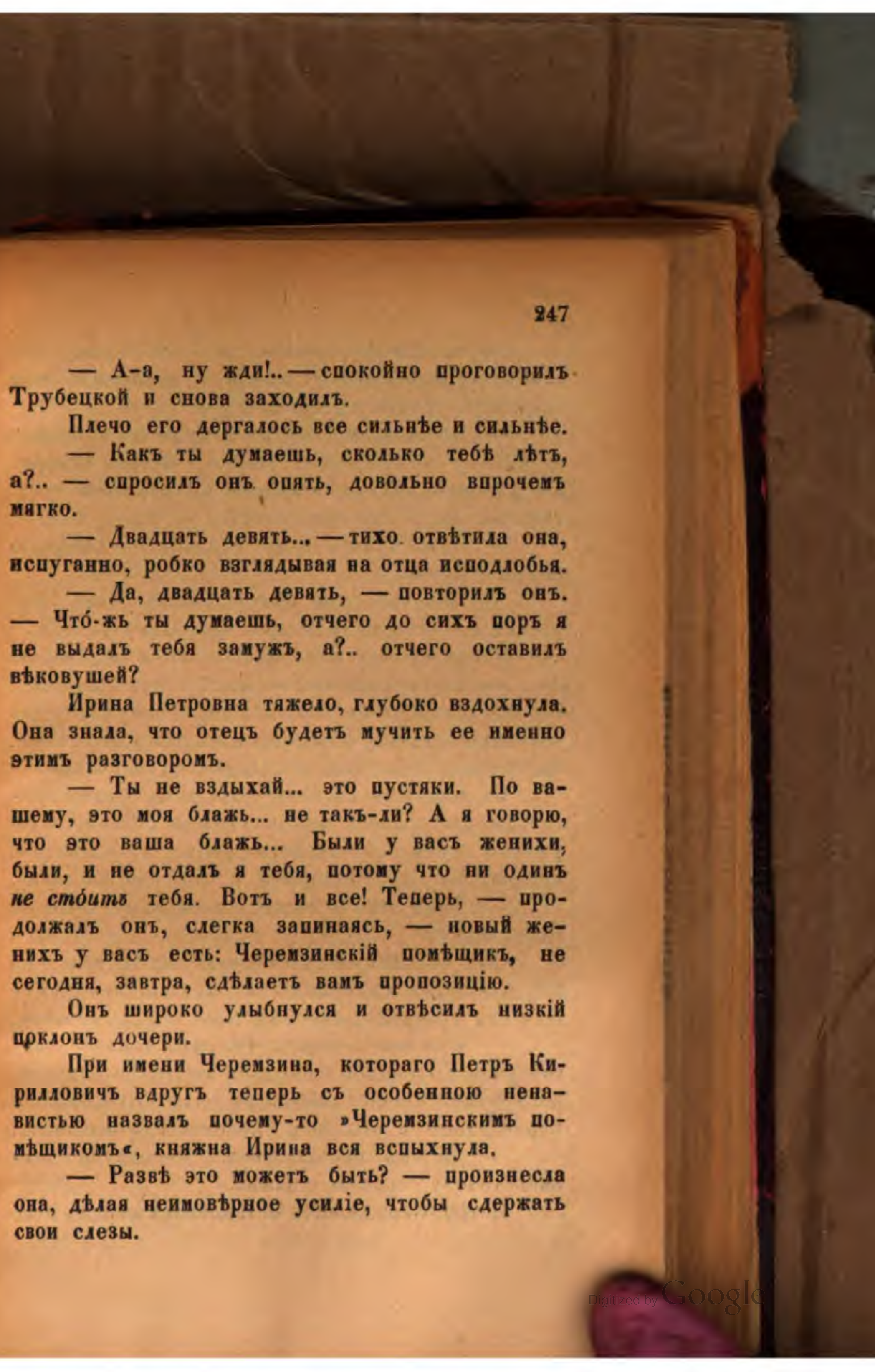
Онъ ходилъ по комнатѣ, какъ будто [...] замѣчая ее, мурлыкалъ вполголоса какую-[…] солдатскую пѣсню и проходя смахивалъ со ст[…]ловъ и вещей, хотя на нихъ не было ни п[…]линки.

Ирина Петровна терпѣливо ждала.

— Ты что́-жь это, *перемолчать* меня хо[…]чешь, а?.. — заговорилъ наконецъ Петръ Ки[…]рилловичъ.

Она покачала головою.

— Я жду, пока вамъ угодно будетъ, ба[…]тюшка, заговорить со мною.

— А-а, ну жди!..—спокойно проговорилъ Трубецкой и снова заходилъ.

Плечо его дергалось все сильнѣе и сильнѣе.

— Какъ ты думаешь, сколько тебѣ лѣтъ, а?.. — спросилъ онъ опять, довольно впрочемъ мягко.

— Двадцать девять...—тихо отвѣтила она, испуганно, робко взглядывая на отца исподлобья.

— Да, двадцать девять, — повторилъ онъ. — Чтó-жь ты думаешь, отчего до сихъ поръ я не выдалъ тебя замужъ, а?.. отчего оставилъ вѣковушей?

Ирина Петровна тяжело, глубоко вздохнула. Она знала, что отецъ будетъ мучить ее именно этимъ разговоромъ.

— Ты не вздыхай... это пустяки. По вашему, это моя блажь... не такъ-ли? А я говорю, что это ваша блажь... Были у васъ женихи, были, и не отдалъ я тебя, потому что ни одинъ *не стóитъ* тебя. Вотъ и все! Теперь, — продолжалъ онъ, слегка запинаясь, — новый женихъ у васъ есть: Черемзинскій помѣщикъ, не сегодня, завтра, сдѣлаетъ вамъ пропозицію.

Онъ широко улыбнулся и отвѣсилъ низкій поклонъ дочери.

При имени Черемзина, котораго Петръ Кирилловичъ вдругъ теперь съ особенною ненавистью назвалъ почему-то »Черемзинскимъ помѣщикомъ«, княжна Ирина вся вспыхнула.

— Развѣ это можетъ быть? — произнесла она, дѣлая неимовѣрное усиліе, чтобы сдержать свои слезы.

Ей хотѣлось плакать, но она знала, что отецъ терпѣть не могъ слезъ и приходилъ при видѣ ихъ просто въ бѣшенство.

— Не *можетъ* быть, а будетъ, и будетъ на-дняхъ, — поправилъ онъ. — Я это говорю. Ты увидишь... Такъ я желалъ бы спросить васъ, какъ вы къ этому отнесетесь.

— Какъ будетъ вамъ угодно... — отвѣтила княжна Ирина.

— Конечно, все будетъ *такъ*, какъ мнѣ угодно, — крикнулъ Петръ Кирилловичъ.

Плечо его въ это время такъ и дергалось.

— Но я спрашиваю *васъ*, ваше мнѣніе!.. Вы-бы согласились пойти за него замужъ?.. Онъ человѣкъ богатый, образованный, разсудительный, прекрасный человѣкъ и годами не мальчишка.

Съ каждымъ словомъ отца лицо Ирины Петровны разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. Ей ужасно хотѣлось сказать отцу, что все это правда, чтó онъ говоритъ и что она согласна.

— Такъ ты согласна!? — крикнулъ Петръ Кирилловичъ.

Она не двинулась, бровью не повела, но все существо ея самымъ ея молчаніемъ и смущеніемъ говорило, что она была бы рада этому.

— Все это я зналъ. Все это такъ, — заговорилъ Трубецкой, заходивъ снова по комнатѣ, какъ будто очень довольный, что его ожиданія оправдались и что дочь не отвѣтила отказомъ.

— Да онъ не сдѣлаетъ... — вдругъ поднявъ голову, сказала княжна.

Петръ Кирилловичъ остановился передъ нею.

— Какъ не сдѣлаетъ, когда я говорю, что онъ сдѣлаетъ на-дняхъ пропозицію тебѣ. Довольно! Знаю. Ну, а потомъ что́ будетъ? Исторія извѣстная: надоѣдите другъ другу и въ этомъ развѣ найдете счастье... а?

Онъ ходилъ по комнатѣ все быстрѣй и быстрѣй, дергалъ плечомъ и голосъ его становился тверже.

— Я вотъ что́ вамъ скажу,—говорилъ онъ. — Пусть Черемзинскій помѣщикъ и богатъ, и хорошъ, онъ мнѣ самъ нравится больше всѣхъ вашихъ женихов, но только я тебя и за него не отдамъ... Не отдамъ! — крикнулъ онъ такъ, будто у него отнимали что-нибудь. — Вотъ и все! Знаю, что́ вы думаете теперь обо мнѣ. Знаю... Вы думаете: я ва́рваръ, вотъ держу васъ тутъ, и думаете, когда я развяжу васъ.

— Что́ вы, батюшка!—начала было княжна Ирина и слезы таки показались у ней.

— А умру я, тоже не смѣйте выходить замужъ,—продолжалъ онъ. — Вѣковушей лучше, вѣковушей лучше!.. Слышите?.. Ну, а теперь ступай! — показалъ онъ на дверь рукою. — Ступа-ай!.. — снова повторилъ онъ, видя, что княжна Ирина хочетъ возразить что-то.

И она вышла изъ кабинета.

Въ тотъ же день князь Петръ Кирилловичъ встрѣтилъ Черемзина, какъ ни въ чемъ не бывало, очень ласково и любезно.

Черемзинъ по-прежнему пріѣзжалъ черезъ день.

Конечно, Ирина Петровна ни слова не сказала ему о своемъ объясненіи съ отцомъ, но

старый князь не ошибся. Вскорѣ доложили
что Черемзинъ проситъ принять его, желая
говорить объ очень серьезномъ и важномъ д

Петръ Кирилловичъ былъ въ это врем
пчельникѣ.

— Чтó-жь, если дѣло важное, — ска
онъ, — приведите его сюда, пусть придетъ

Черемзинъ прошелъ черезъ садъ, как
смущенно и робко оправляясь, и подойдя
входу на пчельникъ, надѣлъ поданную ему
приказанію Трубецкаго, сѣтку и рукавицы.

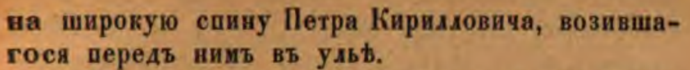
Это была особенная любезность со стор
князя Петра Кирилловича. Обыкновенно
призывалъ на пчельникъ того, кѣмъ былъ не
воленъ, и заставлялъ его безъ сѣтки разгов
вать. Въ это время пчелы облѣпляли несчастн
который, обезображенный ихъ жалами, какъ
масшедшій вылеталъ съ пчельника. Почти
кто не могъ вынести этой пытки и кресть
больше всего боялись этого наказанія.

Когда Черемзинъ вошелъ на пчельн
Трубецкой, присѣвъ къ улью, копался тамъ,
нятый видимо всецѣло своею работой.

— Ты, говорятъ, по дѣлу ко мнѣ? — с
силъ онъ, не оборачиваясь, — и важному..
Ну, говори!

Онъ усмѣхнулся.

»Никому въ жизни, вѣрно, не приходил
объясняться въ такомъ положеніи«, — подум
Черемзинъ, глядя, сквозь надѣтую на лицо д
ную сѣтку, на непривычную ему обстано
пчельника, на летавшихъ кругомъ, по пря
линіи, какъ пули, къ ульямъ рабочихъ пчел

на широкую спину Петра Кирилловича, возившагося передъ нимъ въ ульѣ.

Черемзинъ не зналъ, говорить-ли ему теперь или отложить объясненіе до другаго, болѣе удобнаго, часа.

— Я жду... слушаю...—сказалъ опять Петръ Кирилловичъ.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, князь Петръ Кирилловичъ... — началъ путаясь Черемзинъ. — Въ продолженіе нашего съ вами знакомства вы, вѣроятно, уже могли узнать меня и разглядѣть... Впрочемъ, я не сейчасъ прошу отвѣта...

Трубецкой, все присѣвъ и не оборачиваясь, замахалъ назадъ Черемзину рукою, чтобъ онъ замолчалъ, потому что его разговоръ видимо мѣшалъ улью.

Черемзинъ замолчалъ.

Наконецъ Петръ Кирилловичъ всталъ и повелъ Черемзина съ пчельника.

— Ты говоришь, — сказалъ онъ, когда они вышли оттуда, — что желаешь жениться на моей дочери?.. Такъ я понялъ твои слова?..

Черемзинъ почувствовалъ, что нѣкоторая тяжесть спала съ его плечъ. Трубецкой освобождалъ его отъ длинной и неловкой вступительной рѣчи, которую онъ приготовилъ, и прямо приступалъ къ дѣлу.

— Да,—произнесъ онъ, повеселѣвъ,— если вы будете согласны и княжна Ирина Петровна...

— Я тебѣ вотъ чтó скажу, — началъ Трубецкой, замедляя шагъ, — я тебя узналъ, ты мнѣ понравился... правда. И именно потому, что ты мнѣ нравишься, и говорю тебѣ: не женись,

никогда не женись!.. Первый годъ (дай Богъ еще, чтобъ это годъ былъ!) у васъ все пойдетъ отлично, ну а тамъ придется расплачиваться за это счастье, которое промелькнетъ очень скоро. Я вотъ что́ скажу тебѣ, — повысилъ уже голосъ Петръ Кирилловичъ: — жена моя, покойная княгиня, была лучшая въ мірѣ женщина. Лучшая въ мірѣ! Ты понимаешь это? Ирина не можетъ и сравниться съ нею... Да что́ Ирина? никто не можетъ сравниться!.. Ну и я тебѣ говорю послѣ этого: не женись, не женись!.. — крикнулъ Трубецкой и голосъ его оборвался. — Любишь ты ее, хочешь ея счастья, не женись! Пусть въ дѣвкахъ остается! Лучше это. А самъ уѣзжай! У тебя эта блажь пройдетъ и останется на-вѣкъ самое лучшее воспоминаніе объ ней... вѣрь мнѣ... вѣрь...

— Но, князь, — заговорилъ въ свою очередь Черемзинъ, — я ужь въ такихъ лѣтахъ, что могу разсудить здраво, и во́все это съ моей стороны не увлеченіе. Я много думалъ передъ тѣмъ, какъ придти къ вамъ...

— Ты много думалъ! — перебилъ его Трубецкой, — много думалъ, а я больше тебя можетъ быть думалъ объ этомъ...

Онъ вдругъ остановился и, дергая плечомъ и неестественно моргая однимъ глазомъ, заговорилъ быстро, раздраженно...

— Словомъ, — говорилъ онъ, — не бывать этому... Что́-жь ты хочешь ни съ того, ни съ сего ворваться ко мнѣ, а? отнять у меня дочь, а? оставить меня одного, а? сдѣлать и ее и себя несчастными? и меня, и меня, да?.. Да

вотъ что́: принесешь ты мнѣ въ этой сѣткѣ воды ковшъ [1])?—снова крикнулъ онъ, сжимая въ своей рукѣ сѣтку, которая была на пчельникѣ и тряся ею, — принесешь? возможно это? ну такъ же не возможно, чтобъ я отдалъ тебѣ Ирину... Доволенъ теперь?.. что́? доволенъ? такъ идите-же, милостивый государь мой, идите!..

Черемзинъ развелъ руками и грустно опустилъ голову. Ему дѣйствительно оставалось только уйти. Онъ медленно пошелъ впередъ по аллеѣ, оставляя этого взба́лмошнаго [2]), строгаго чудака, какъ онъ думалъ теперь про Трубецкаго.

Князь Петръ Кирилловичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ скамейкѣ, находившейся тутъ-же у края дороги. Онъ опустился на нее и закрылъ лицо рукою. Что́ онъ сдѣлалъ сейчасъ и имѣлъ-ли право сдѣлать это? Онъ вспомнилъ »свое время«, свою жизнь молодую, полную силъ... и ему стало жаль этого удалявшагося теперь, почти выгнаннаго человѣка, къ которому онъ чувствовалъ невольную симпатію съ перваго-же взгляда на него. Но слово вырвалось уже, было сказано, и для Петра Кирилловича его нельзя было уже вернуть... Онъ точно слышалъ еще звукъ своего голоса, кричавшаго о томъ, что нельзя принести воду въ сѣткѣ...

Онъ отнялъ руку отъ лица и, проведя ею по головѣ, какъ-бы желая отряхнуть свои мысли, хотѣлъ встать... И взглянувъ передъ собою, Петръ Кирилловичъ увидѣлъ приближающагося Черем-

---

[1]) жбанъ ; [2]) безумнаго, съумасшедшаго.

зина по аллеѣ. Тотъ шелъ, сконфуженно у.
баясь, и въ рукахъ несъ что-то...

»Чтó это?«—подумалъ Петръ Кирилловиі

Черемзинъ подошелъ и подалъ ему, ı
такъ-же улыбаясь, сѣтку съ кускомъ льду...

— Чтó это?—произнесъ вслухъ Трубецк

— Вы сказали, — отвѣчалъ Черемзинъ,
что *то* такъ не невозможно, какъ принести ва
воды въ этой сѣткѣ... Ну вотъ я вамъ прине
ее, только мерзлую, потому что взялъ поблиз
съ ледника. До колодца дальше было идти...

Петръ Кирилловичъ остановился какъ-
первый разъ въ жизни, не зная, чтó отвѣтить.

— Иль ты меня перехитрилъ?.. — сказа
онъ наконецъ, вырвавъ изъ рукъ Черемзи
сѣтку со льдомъ и отбросивъ ее далеко въ ст
рону. — Садись здѣсь...

Черемзинъ сѣлъ.

— Остроумно... остроумно!—бормоталъ ст
рый князь, не обращая на него уже вниманiя
— Перехитрилъ... меня перехитрилъ...

Онъ усмѣхнулся и фыркалъ носомъ.

Выходъ ему былъ данъ Черемзинымъ. Оста
валось пожалуй теперь только дать свое согла-
сiе, и былъ одинъ мигъ, что Петръ Кирилловичъ
хотѣлъ встать и обнять Черемзина какъ буду-
щаго мужа своей дочери...

Но сердце его снова сжалось... Какъ! Это
знáчило разстаться съ нею, разстаться на-всегда
отдавъ ее этому совсѣмъ чужому человѣку... А
сáмому быть одному и дожить свой вѣкъ, какъ
никому не нужная рýхлядь [1]), какъ исписанный,

[1]) домашняя ýтварь.

никуда не годный листъ бумаги, потерявшій давно весь свой интересъ!.. Это было ужасно...

»Нѣтъ, нѣтъ, не нужно... Они будутъ несчастны«, рѣшилъ опять Петръ Кирилловичъ, и обратясь къ Черемзину, рѣзко спросилъ его:

— Сколько тебѣ лѣтъ?..

Черемзинъ отвѣтилъ не сразу.

— Когда ты родился? — переспросилъ его Трубецкой.

— Я родился въ октябрѣ... въ годъ, когда былъ второй походъ Голицына на Крымъ... Мой отецъ у́меръ въ этомъ походѣ...

Петръ Кирилловичъ поморщился.

— Это значитъ въ 1689 году, такъ по нашему? — сказалъ онъ и концомъ своей большой палки съ серебрянымъ чеканеннымъ набалдашникомъ[1]) написалъ на пескѣ дорожки 1689.

— А теперь у насъ какой годъ?—продолжалъ онъ спрашивать.

— Тысяча семьсотъ двадцать седьмо́й, — отвѣтилъ Черемзинъ.

Трубецкой надписалъ надъ первою цифрой »1727« и сдѣлалъ вычитаніе.

— Видишь, — сказалъ онъ, — тридцать восемь... Тебѣ тридцать восемь лѣтъ... А дочь моя родилась въ іюлѣ 1698 г., значитъ ей теперь двадцать девять. Ты старше ея на девять лѣтъ, ну а я всегда говорилъ, — заключилъ съ удовольствіемъ Петръ Кирилловичъ,—что мужъ моей дочери долженъ быть старше ея на десять лѣтъ, на десять лѣтъ, понимаешь?.. а ты годами не

[1]) головкою, шарикомъ.

вышелъ... Сдѣлайся старше на одинъ годъ, сдѣлайся... Тогда увидимъ...

Онъ всталъ и отвѣсилъ Черемзину поклонъ.

— Ну такъ вотъ! Ты мнѣ нравишься, это не отказъ. Обижаться тебѣ тутъ нечего. Сатисфакція полная. А только поди сдѣлайся на годъ старше... попробуй... попробуй...

Черемзинъ отлично сознавалъ, что можно было принести льду въ сѣткѣ, но сдѣлать то, что требовалъ теперь Трубецкой — было немыслимо...

Онъ вскочилъ, ничего не сказавъ, прошелъ по аллеѣ, слыша за собою старческій, до-нельзя противный ему теперь смѣхъ Петра Кирилловича, и взбѣшенный уѣхалъ, какъ ему казалось, навсегда изъ Княжескаго...

Вернувшись домой, Черемзинъ увидѣлъ, что здѣсь для него все теперь кончено.

Упрямый старикъ ни за что не отступитъ отъ *своего* и, придравшись, какъ это было видно, къ первому пришедшему ему въ голову обстоятельству, не согласится измѣнить своего рѣшенія, потому что не хочетъ отпускать отъ себя дочери.

Оставаться теперь здѣсь для Черемзина, у себя въ имѣньи, такъ близко отъ Трубецкихъ, къ которымъ больше прежняго тянуло его теперь и къ которымъ онъ не могъ уже показаться — было и мучительно, и тоскливо...

Нѣсколько дней онъ ходилъ у себя по комнатамъ. Загналъ лошадь на верховой ѣздѣ и наконецъ велѣлъ укладываться...

Онъ собрался опять въ Митаву или въ Пе-
рбургъ на службу, куда-нибудь, но въ деревнѣ
таваться онъ не могъ больше.

И Черемзинъ уѣхалъ, рѣшивъ по дорогѣ
вернуть къ Волконскимъ, которые—онъ зналъ
– были у себя въ деревнѣ, недалеко отъ Мо-
квы.

Старый князь Петръ Кирилловичъ, узнавъ
бъ отъѣздѣ Черемзина, сдѣлался на недѣлю не
ь духѣ, не принималъ гостей и не допускалъ
ь себѣ дуръ и шутихъ. Но съ дочерью онъ
ылъ особенно ласковъ и внимателенъ и хвалилъ
е за то, что *она не промѣняла* отца на »Черем-
инскаго помѣщика«, какъ будто во всемъ этомъ
ыла ея воля.

Бѣдная Ирина Петровна старалась сдержать
ебя при отцѣ, но, проводя безсонныя ночи —
асто и много плакала, горько жалуясь на то,
то выпала ей такая судьба.

У Волконскихъ встрѣтили Черемзина какъ
стараго пріятеля и очень обрадовались ему. Онъ
пріѣхалъ къ нимъ совершенно неожиданно, и
внесъ своимъ появленіемъ невольныя воспоми-
нанія Митавы, минувшаго времени и лучшихъ
беззаботныхъ лѣтъ...

Въ деревнѣ у себя Волконскіе устроились
пока въ тѣсныхъ, низенькихъ покояхъ хоромъ[1])
старинной постройки. Князь Никита по пріѣздѣ
первымъ дѣломъ по настоянію жены сталъ ру-
бить[2]) для нея новый домъ съ просторными
горницами[3]). Оглядѣвшись, онъ исполнилъ свой

[1]) великаго деревяннаго дома; [2]) сооружать; [3]) ком-
натами.

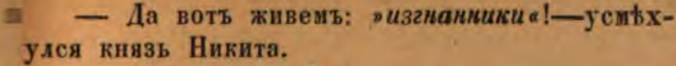
обѣтъ — ходилъ съ Лаврентіемъ
Кіевъ.

Аграфенѣ Петровнѣ все не
деревнѣ: жара, мухи, низкіе потол
окна и въ особенности грубость му
это ежедневно, ежеминутно, раздра
почти цѣлый день была не въ ду
князь Никита, вернувшись съ поля
подходилъ къ ней и нагибался и вз
бовалъ отъ нея улыбки — она н
ему, и Волконскій, тяжело вздохну
отъ жены... Ра́зница въ склонностях
ніяхъ въ деревнѣ сильнѣе стала за

Въ Митавѣ, въ Петербургѣ, Н
ровичу легко было жить такъ, как
лось, т. е. подальше отъ всѣхъ;
Петровнѣ вовсе не было возможно
ревнѣ такъ, какъ хотѣлось ей;
понялъ, что тотъ покой, который
найти въ деревнѣ, тотъ внутренні
покой, къ которому онъ постоянн
былъ еще менѣе возможенъ здѣсь.

Съ пріѣздомъ Черемзина не
Никита Ѳедоровичъ и Аграфена Пе
Миша и Лаврентій и даже Роза пове
отвели лучшую комнату, за нимъ
были рады ему и внимательны, и он
и самъ тоже повеселѣвъ, принималъ
ствіемъ эту радость и ласку своихъ

— Ну, разсказывай, какъ-же ть
гиня, Миша... и какъ онъ выросъ!
Черемзинъ въ первый-же вечеръ сво
Никитѣ Ѳедоровичу, когда они оста

— Да вотъ живемъ: *»изгнанники«!*—усмѣх-
улся князь Никита.

— А ты и радъ?...

— Конечно радъ съ одной стороны... но
юсь, какъ-бы хуже не было... Аграфена Пе-
ровна опять что-то затѣваетъ...

— Неужели опять? — воскликнулъ Черем-
инъ.

Никита Ѳедоровичъ махнулъ рукою и раз-
мѣялся... Ему теперь, при свиданіи съ пріяте-
емъ, котораго онъ такъ давно не видѣлъ, все
азалось весело и хорошо...

— Здѣсь-то, въ деревнѣ, въ изгнаніи, какъ
ы говоришь, — переспросилъ тотъ, — что́-жь
на можетъ сдѣлать?..

— Какъ что́? — отвѣчалъ князь Никита,
аморщась и становясь серьезнымъ, — на грѣхъ
утъ отъ насъ недалеко имѣнье двоюроднаго ея,
'алызина Ѳедора, отъ Москвы оно въ тридцати
ерстахъ. Изъ Москвы туда пріѣзжаютъ и моя
здитъ... И сдѣлать ничего не могу. Ужь коли
етербургскаго случая мало было...

Черемзинъ слушалъ его, перебивая разспро-
ами и вставляя замѣчанія. Ему тоже хотѣлось
оворить и тоже разсказать про себя.

— А что́ у насъ въ Митавѣ дѣлалось безъ
асъ!—началъ онъ, когда Волконскій обо всемъ
азсказалъ уже. — Представь себѣ, когда, по-
нишь, Петръ Михайловичъ ѣздилъ въ Петер-
ургъ... тогда вдругъ двинулся при дворѣ гер-
огини Биренъ, сынъ простаго конюха...

— Я его мелькомъ помню,—перебилъ Вол-
онскій,—какъ-же... въ Митавѣ... Теперь онъ, го-

ворятъ, уже называетъ себя не Бирономъ, а Бирономъ, и производитъ свой родъ отъ французскихъ графовъ...

Черемзинъ снова разсмѣялся.

— Да, и самъ Петръ Михайловичъ покровительствовалъ ему...

— Да ты о себѣ-то разскажи, — опять перебилъ Никита Ѳедоровичъ, — ну какъ жилъ въ деревнѣ, какъ тамъ устроился?..

— Да никакъ не устроился... — вдругъ упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Черемзинъ. — Что́ подѣлаешь? Я навсегда уѣхалъ теперь изъ деревни...

— Опять на службу, опять въ Митаву? — почти съ ужасомъ спросилъ Волконскій.

— Да, опять...

И Черемзинъ въ свою очередь разсказалъ все о себѣ и о своей неудачѣ.

Никита Ѳедоровичъ серьезно, внимательно, слѣдилъ за его разсказомъ.

— Странный старикъ! — сказалъ онъ, когда Черемзинъ кончилъ. — Я тебѣ одно могу сказать только, что будь увѣренъ, если должно́, чтобы твоя княжна Ирина стала твоею жено́ю, то ничто, ни отецъ, ни какая другая сила не остановятъ этого...

— Да, хорошо тебѣ говорить такъ... а не вижу возможности... нѣтъ, это не сбудется...

Волконскій всталъ со своего мѣста и заходилъ по комнатѣ.

— Помнишь Митаву, — сказалъ онъ, обращаясь къ Черемзину,—помнишь, какъ ты тогда

утѣшалъ меня, и помогъ мнѣ, да помогъ, конечно, хоть и смѣялся и балагурилъ.

— Что-жь, тогда моложе мы были,—вставилъ Черемзинъ, какъ будто оправдываясь.

— И могли-ли мы думать тогда, — продолжалъ князь Никита, — что вотъ придетъ время, когда мы помѣняемся мѣстами и мнѣ придется также утѣшать тебя.

— Жаль одно, что ты мнѣ помочь не можешь, — грустно возразилъ Черемзинъ.

Никита Θедоровичъ нѣсколько разъ прошелся молча.

— Ну, этого ты не говори, — не вдругъ продолжалъ онъ, видимо соображая что-то, — нѣтъ, не говори, можетъ быть и помогу...

Черемзинъ быстро поднялъ на него глаза, какъ-бы сомнѣваясь, не ослышался-ли онъ или въ своемъ-ли умѣ Волконскій, желавшій помочь его сватовству на Трубецкой, которая была теперь далеко отъ нихъ, въ полной власти и полномъ повиновеніи у своего строптиваго[1]) и упрямаго отца.

— Да и помогу, — подтвердилъ князь Никита.

— Но какъ же, голубчикъ? Это невозможно! — недовѣрчиво произнесъ Черемзинъ.

Онъ не сталъ настаивать на томъ, чтобы князь Никита объяснилъ, какъ это онъ собирается помочь ему. Онъ думалъ просто, что Волконскій хочетъ утѣшить его, поддержать и поэтому говоритъ такъ себѣ, чтобы дать ему хоть

---

[1]) закоснѣлаго.

тѣнь надежды. Но Черемзинъ зналъ, что надежды этой не можетъ быть...

На другой день Волконскій не возобновлялъ этого разговора, и Черемзинъ еще больше убѣдился въ справедливости своего предположенія.

Онъ провелъ у Волконскихъ недѣли двѣ и наконецъ собрался уѣзжать. Наканунѣ его отъѣзда Никита Ѳедоровичъ пришелъ къ нему опять вечеромъ.

— Такъ ты положительно хочешь уѣзжать уже? — спросилъ онъ.

— Да, голубчикъ, пора,—озабоченно отвѣчалъ Черемзинъ.

Онъ теперь находился въ такомъ состояніи, что не могъ долго засиживаться на одномъ мѣстѣ и, какъ ни хорошо ему было у Волконскихъ, но все-таки ему многаго недоставало... Онъ тосковалъ по Иринѣ Петровнѣ, и ея-то и недоставало ему, — онъ не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Въ переѣздахъ, въ дорогѣ, ему все-таки было легче.

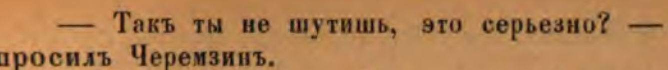
— Ну, а если я тебѣ скажу: поѣзжай назадъ въ деревню...

Черемзинъ нахмурилъ брови и недовольно взглянулъ на Волконскаго.

— Полно тебѣ, князь Никита, — сказалъ онъ, хмурясь...

— А развѣ ты забылъ, что я обѣщалъ помочь тебѣ? — перебилъ его Никита Ѳедоровичъ.

Онъ, улыбаясь, весело смотрѣлъ на Черемзина, который недоумѣвающе, вопросительно, смотрѣлъ на него въ свою очередь.

— Такъ ты не шутишь, это серьезно? —

просилъ Черемзинъ.

— Нѣтъ, не шучу. Дай только мнѣ слово, то исполнишь то, что я потребую отъ тебя...

Черемзинъ подумалъ нѣсколько.

— Хорошо, даю слово, — наконецъ скаалъ онъ.

— Ну такъ вотъ возьми это письмо,—Никита Θедоровичъ досталъ готовое уже и запеатанное письмо изъ кармана, — и вези его не итая къ себѣ въ деревню, — продолжалъ Волконскій,—а когда пріѣдешь, прочти и объяснись со старикомъ Трубецкимъ...

— И ты думаешь, что изъ этого что-нибудь выйдетъ?

— Я даю тебѣ слово, что выйдетъ, если, повторяю, суждено только Иринѣ Петровнѣ стать твоею женой...

И Черемзинъ измѣнилъ свой маршрутъ и отправился назадъ къ себѣ въ деревню.

III.

Новый годъ.

Черемзинъ уѣхалъ и какъ будто увезъ съ собою дурную погоду, стоявшую все время его пребыванія у Волконскихъ.

Послѣ дождей и мокроты вдругъ завернула сухая погода бабьяго лѣта. Солнце выглянуло на совсѣмъ синемъ небѣ и къ полудню пекло, какъ въ іюлѣ. Закаты были конечно свѣжѣе

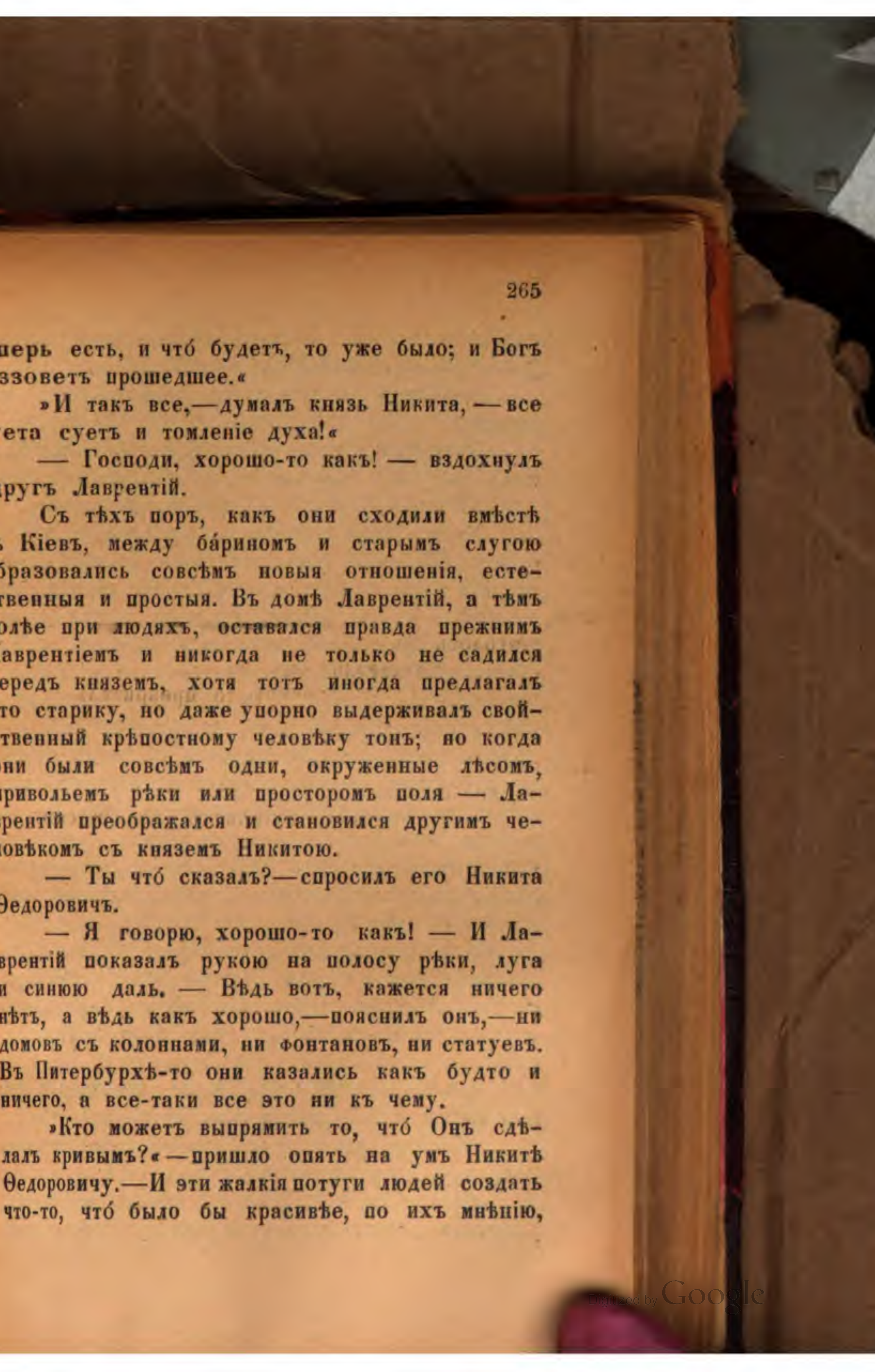
іюльскихъ, но тѣмъ не менѣе пріятны и не
лодны.

Въ одинъ изъ этихъ, не смотря на с
тябрь мѣсяцъ, тихихъ и даже теплыхъ вечер
Никита Ѳедоровичъ сидѣлъ съ Лаврентіемъ
вдавшемся въ рѣку пригоркѣ, за любимымъ
нятіемъ своимъ — у́женіемъ рыбы.

Медленная, прозрачная, лѣтомъ и теперь
осени чуть потемнѣвшая, словно сгустившая
рѣка беззвучно плыла между своихъ скош
ныхъ и сновь уже обросшихъ травою зелены
береговъ, кой-гдѣ, изрѣдка, отѣненныхъ крас
вато-желтою глиною обрывовъ.

»Всѣ рѣки,—вспомнилъ Никита Ѳедорови
— текутъ въ море, но море не переполняет
къ тому мѣсту откуда рѣки текутъ онѣ во
вращаются, чтобы опять течь.«

За послѣднее время, Волконскій мало-п
малу оставилъ всѣ свои книги и остановился
одной только Библіи, открывъ въ ней вдру
такую силу и такую мощь, передъ которы
всѣ остальныя сочиненія казалось ему ничтож
ными и жалкими. Въ особенности его порази
Еклезіастъ. Здѣсь, на этихъ нѣсколькихъ стр
ни́цахъ, какъ казалось ему, сосредоточивала
вся мудрость человѣческая, было все то, о чем
писали и надъ чѣмъ думали, какъ надъ но́вым
люди впослѣдствіи. »Бываетъ нѣчто,—говорил
Еклезіастъ, — о чемъ говорятъ: смотри вот
это новое; но *это* было уже въ вѣкахъ, быв
шихъ прежде насъ. Нѣтъ памяти о прежнемъ
да и о томъ, что́ будетъ, не останется памяти
тѣхъ, которые будутъ послѣ. Что́ было, то

перь есть, и что̀ будетъ, то уже было; и Богъ ззоветъ прошедшее.«

»И такъ все,—думалъ князь Никита, — все ета суетъ и томленіе духа!«

— Господи, хорошо-то какъ! — вздохнулъ ругъ Лаврентій.

Съ тѣхъ поръ, какъ они сходили вмѣстѣ Кіевъ, между ба̀риномъ и старымъ слугою бразовались совсѣмъ новыя отношенія, естетвенныя и простыя. Въ домѣ Лаврентій, а тѣмъ олѣе при людяхъ, оставался правда прежнимъ аврентіемъ и никогда не только не садился ередъ княземъ, хотя тотъ иногда предлагалъ то старику, но даже упорно выдерживалъ свойтвенный крѣпостному человѣку тонъ; но когда ни были совсѣмъ одни, окруженные лѣсомъ, ривольемъ рѣки или просторомъ поля — Лаврентій преображался и становился другимъ чеовѣкомъ съ княземъ Никитою.

— Ты что̀ сказалъ?—спросилъ его Никита Ѳедоровичъ.

— Я говорю, хорошо-то какъ! — И Лаврентій показалъ рукою на полосу рѣки, луга и синюю даль. — Вѣдь вотъ, кажется ничего нѣтъ, а вѣдь какъ хорошо,—пояснилъ онъ,—ни домовъ съ колоннами, ни фонтановъ, ни статуевъ. Въ Питербурхѣ-то они казались какъ будто и ничего, а все-таки все это ни къ чему.

»Кто можетъ выпрямить то, что̀ Онъ сдѣлалъ кривымъ?« —пришло опять на умъ Никитѣ Ѳедоровичу.—И эти жалкія потуги людей создать что-то, что̀ было бы красивѣе, по ихъ мнѣнію,

существовавшаго въ природѣ, показались ему удивительно смѣшными и неумѣстными.

— Суета, и это суета,—проговорилъ онъ вслухъ.

Лаврентій понялъ слова князя именно такъ, какъ они были сказаны, и тоже улыбнулся.

»Конечно суета!« —сказала эта улыбка.

Князь Никита замѣтилъ уже давно, что не одинъ Лаврентій умѣлъ и могъ понимать его, но что тотъ народъ, изъ котораго вышелъ Лаврентій, — тотъ народъ, который, когда земное горе надвигалось на него и одинаково, когда, соблазняя его, предлагали ему земныя блага и благополучія, говорилъ съ какою-то презрительной грустью: »всѣ помирать будемъ«, — тотъ народъ также могъ понимать и понималъ именно то, чтó князь Никита считалъ единственно важнымъ; мало того, онъ сознавалъ, что и самъ потому такъ легко дошелъ до своего »важнаго«, что принадлежалъ къ тому народу, изъ котораго вышелъ Лаврентій и который думалъ одинаково съ нимъ.

Эти простыя слова »помирать будемъ«, казавшіяся столько разъ Никитѣ Ѳедоровичу трогательными, такъ ясно, такъ вѣрно были объяснены нѣсколько вѣковъ тому назадъ Еклезіастомъ.

»Все идетъ въ одно мѣсто; все произошло изъ праха, и все возвратится въ прахъ!«

»Конецъ дѣла лучше начала его и день смерти — дня рожденія.«

»Человѣкъ не властенъ надъ духомъ, чтобы удержать духъ, и нѣтъ власти у него надъ

днемъ смерти и нѣтъ избавленія въ этой борьбѣ, и не спасетъ нечестіе нечестиваго.«

»Какъ вышелъ онъ нагимъ изъ утробы матери своей, такимъ и отходитъ, какимъ пришелъ, и ничего не возьметъ отъ труда своего́, что́ могъ бы онъ понесть отъ труда своего«.

Съ тѣхъ поръ, какъ князь Никита сошелся ближе въ деревнѣ съ народомъ, онъ вдругъ увидѣлъ, что въ душѣ жилъ съ нимъ одинаковою жизнью до сихъ поръ, и съ радостью увидѣлъ, что то, чего онъ достигъ, какъ ему казалось, самъ, собственно работою своего духа — подтверждалось разсужденіями Еклезіаста и жизнью народа.

Въ Петербургѣ, въ разговорахъ, Веселовскій, горячій поклонникъ и приверженецъ заграничнаго, часто ссылался на закоснѣлость мужика, на его упорное нежеланіе наброситься съ охотою, съ удовольствіемъ на тѣ улучшенія и блага, которыя переносились къ намъ изъ чужихъ краевъ, и называлъ это лѣнью и бранилъ мужика совершенно такъ же, какъ бранила Аграфена Петровна самого Никиту Ѳедоровича, когда онъ не хотѣлъ заниматься тѣмъ, чего требовала она отъ него вначалѣ и въ чемъ видѣла *свое* настоящее дѣло.

Но Волконскій не считалъ лѣнью то, что́ раздражало Веселовскаго. Мужикъ покорно принималъ то, чему его научали, но видимо въ глубинѣ души своей считалъ это суетою.

И кто тутъ былъ больше правъ? Князь Никита Ѳедоровичъ съ Лаврентіемъ думали, что они, а Веселовскій не сомнѣвался, что правда

была на его сторонѣ. Но Еклезіастъ го
что и это суета — ибо кто знаетъ, что
для человѣка въ жизни, во всѣ дни
жизни его, которые онъ проводитъ как
И кто скажетъ человѣку, что будетъ пос
подъ солнцемъ?

Рыба клевала мало: князь-ли Никит
не внимателенъ, или дѣйствительно кле
кратился, но только они поймали не мно

Лаврентій сложилъ удочки, взялъ в
рыбою, и они пошли домой.

Никита Ѳедоровичъ казался задумчи
прошелъ прямо къ женѣ. Она его в
взволнованная, радостная, встрепенувшая

— Ну что, ну что, — говорила она
въ рукахъ какое-то, очевидно только-чт
ченное, письмо, — ну что?.. чья правда
ворила, я это знала... Меншиковъ впалъ
милость. Онъ высланъ изъ Петербурга:
могущества кончены. Да, по указу импе
Меншиковъ сосланъ въ Ораніенбургъ. В
дишь: ордена отъ него отобраны, обру
невѣсту императора, дочь Меншикова, не
поминать на ектеніяхъ въ церкви. Гово
Меншикова нашли письма къ Прусскому
гдѣ онъ просилъ дать ему десять милліо
обѣщалъ возвратить вдвое, когда получит
скій престолъ... а? каково?! Съ завѣщ
императрицы тоже цѣлая исторія: говорят
подложно, и всему виною Меншиковъ. Но
мало, есть вѣроятность, что его не остав
Ораніенбургѣ, а зашлютъ и подальше; сл
— заключила Аграфена Петровна, — про

погибла суетная слава прегордаго Голіаѳа, котораго Богъ сильною десницею сокрушилъ, и всѣ этому очень рады, и въ Петербургѣ все благополучно и такихъ страховъ теперь ни отъ кого нѣтъ, какъ было при князѣ Меншиковѣ! — прочла она изъ письма и побѣдоносно поглядѣла на мужа.

Глаза ея горѣли, щеки покрылись румянцемъ, грудь высоко подымалась, она готова была и плакать и смѣяться, не зная чѣмъ выразить свою радость, и требовала и взглядомъ и тономъ своего голоса, и всѣмъ существомъ своимъ — сочувствія отъ князя Никиты этой своей радости, сочувствія и одобренія... Но онъ грустно поглядѣлъ на нее и не улыбнулся даже.

— Суета, Аграфенушка, все суета! — проговорилъ онъ и ушелъ къ себѣ.

Съ паденіемъ Меншикова надежды Аграфены Петровны удвоились, и теперь дорога ей казалась открытою.

Съ первыхъ же дней своего отъѣзда въ деревню, она снова завела дѣловую переписку съ братьями и отцомъ, переписывалась съ Ганнибаломъ, сосланнымъ въ Томскъ, и съ Мавринымъ, бывшимъ въ ссылкѣ въ Тобольскѣ, посѣщала Новодѣвичій монастырь и ѣздила на свиданія съ нужными ей людьми къ двоюродному своему брату — Талызину.

Ей казалось, что съ каждымъ днемъ близится ея освожденіе и что навѣрное будетъ выхлопотанъ указъ, разрѣшающій вернуться снова въ Петербургъ, какъ ей, такъ и ея друзьямъ;

Ганнибалу и Маврину она посылала обо
письма.

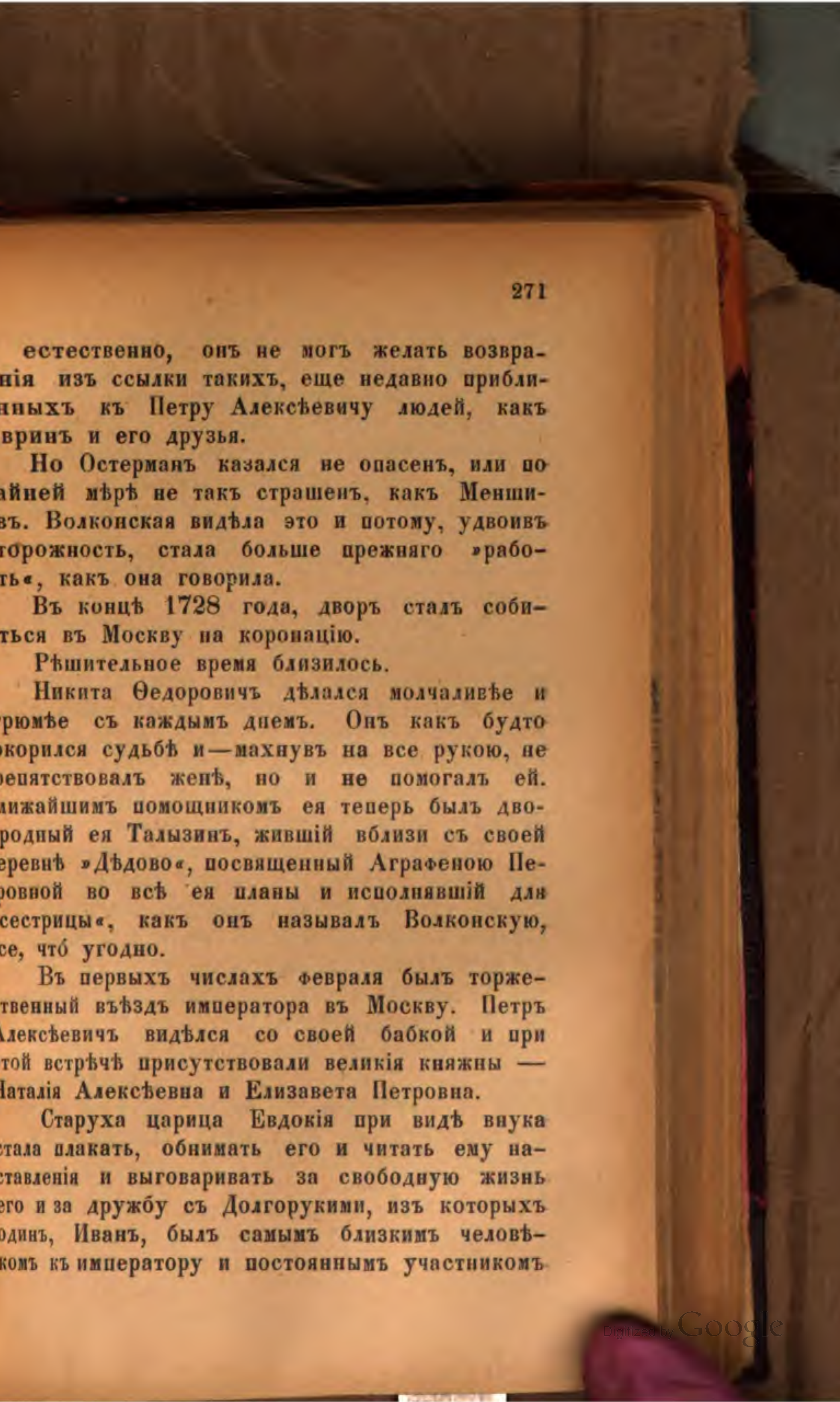
Не знавшій во всѣхъ подробностя
что̀ происходило въ это время въ Пет
Алексѣй Бестужевъ писалъ къ сестрѣ
пенгагена:

»Конечно-бъ по желанію всѣхъ ва
нилось, ежели-бъ смерть графа Рабут
томъ не воспрепятствовала. Но ежели
императорское величество да не свобод
перію свою отъ ига ва́рварскаго, то-
трудно было толь скоро всѣмъ вамъ в
нынѣ же уповаю, что вы съ друзьями
и безъ посторонней помощи, по отлуче
вѣстнаго ва́рвара — всякой сами себѣ в
можете«.

Варваръ, т. е. Меншиковъ, уже
былъ въ Березовѣ, и соображеніе Алек
тровича заняло было Аграфену Петров
Пашковъ изъ Петербурга совѣтовалъ быт
рожной.

»Отважно ни въ какое, — писалъ
вступать не извольте, пока время покаже
койное. Можетъ Богъ хоть одного не о
компаніи нашей. Сколько мерзкой клеот
искать себѣ защищенія по своимъ худы
ламъ, только имъ себя не можно никак
крыть«.

Подъ мерзкою »клеотурую« подразу
лись — Остерманъ и пріятель его и помо
Левенвольдъ. Остерманъ, главный почти в
никъ ссылки Меншикова, получилъ бол
силу и значеніе при молодомъ императорѣ.

естественно, онъ не могъ желать возвра-
нія изъ ссылки такихъ, еще недавно прибли-
нныхъ къ Петру Алексѣевичу людей, какъ
вринъ и его друзья.

Но Остерманъ казался не опасенъ, или по
айней мѣрѣ не такъ страшенъ, какъ Менши-
въ. Волконская видѣла это и потому, удвоивъ
торожность, стала больше прежняго »рабо-
ть«, какъ она говорила.

Въ концѣ 1728 года, дворъ сталъ соби-
ться въ Москву на коронацію.

Рѣшительное время близилось.

Никита Өедоровичъ дѣлался молчаливѣе и
рюмѣе съ каждымъ днемъ. Онъ какъ будто
корился судьбѣ и—махнувъ на все рукою, не
репятствовалъ женѣ, но и не помогалъ ей.
лижайшимъ помощникомъ ея теперь былъ дво-
родный ея Талызинъ, жившій вблизи съ своей
еревнѣ »Дѣдово«, посвященный Аграфеною Пе-
ровной во всѣ ея планы и исполнявшій для
сестрицы«, какъ онъ называлъ Волконскую,
се, что́ угодно.

Въ первыхъ числахъ февраля былъ торже-
твенный въѣздъ императора въ Москву. Петръ
Алексѣевичъ видѣлся со своей бабкой и при
той встрѣчѣ присутствовали великія княжны —
Наталія Алексѣевна и Елизавета Петровна.

Старуха царица Евдокія при видѣ внука
стала плакать, обнимать его и читать ему на-
ставленія и выговаривать за свободную жизнь
его и за дружбу съ Долгорукими, изъ которыхъ
одинъ, Иванъ, былъ самымъ близкимъ человѣ-
комъ къ императору и постояннымъ участникомъ

его веселья. Свиданіе вышло сухимъ и присутствующіе видѣли, что Петръ Алексѣевичъ уѣхалъ отъ бабки, повидимому не скоро собираясь вернуться къ ней. Къ себѣ онъ не позвалъ ее.

Для всѣхъ стало ясно, что государыня-бабка не будетъ имѣть *никакого* вліянія, и тѣ, чтб разсчитывали на нее — ошиблись въ своихъ разсчетахъ.

Для Волконской и для ея друзей это было большою непріятностью.

Но пострадавшіе отъ Меншикова, они надѣялись все-таки, что государь, по гнѣву своему на свѣтлѣйшаго, легко можетъ вспомнить про нихъ. И дѣйствительно, вѣрные люди сообщали уже, что Петръ нѣсколько разъ съ переѣзда въ Москву опять заговаривалъ о нихъ. Наталья Алексѣевна спрашивала про Аграфену Петровну. Надежда снова загоралась.

Такъ прошелъ весь февраль и мартъ въ постоянной тревогѣ. То счастіе казалось близко и цѣль чуть не была достигнута, то опять нѣсколько недѣль полной неизвѣстности, сомнѣній и нерѣшительнаго положенія.

Остерманъ видимо слѣдилъ внимательно за своимъ воспитанникомъ.

Наконецъ къ маю мѣсяцу надежды опять поднялись. Теперь уже по всей Москвѣ говорили, что императоръ прямо желалъ вернуть прежняго своего наставника Маврина и его друзей.

IV.

Чѣмъ кончится?

Это было седьмóе мáя — день памятный для князя Никиты на всю жизнь.

Онъ всталъ въ этотъ день, какъ обыкновенно, рано, и отправился на постройку, къ которой только-что приступилъ послѣ зимняго перерыва.

Новый домъ строился въ порядочномъ отъ стараго разстояніи, на красивомъ мѣстѣ, на самомъ берегу рѣки, у рощи, въ которой предполагалось разбить паркъ и садъ. Домъ этотъ большой, одноэтажный, на каменномъ фундаментѣ, былъ вчернѣ[1]) почти готовъ еще въ прошломъ году и стоялъ на зиму съ заколоченными[2]) отверстіями для оконъ. Крыша была уже готова; оставалось вставить рамы, настлать полы и сдѣлать тесóвую обшúвку[3]).

Никита Өедоровичъ, съ отвѣсомъ[4]) и мѣрою въ рукахъ, ходилъ по хрустѣвшимъ подъ его ногами, чернымъ отъ времени, прошлогоднимъ щепкамъ и стружкамъ и распоряжался уроками плотникамъ[5]) на сегодняшній день. Въ другомъ концѣ Лаврентій считалъ только-что привезенныя дубовыя доски.

— А гдѣ-жь Филипка меньшой? — спросилъ Волконскій, оглядываясь кругомъ и ища глазами Филипку, котораго онъ зналъ за хорошаго работника.

---

[1]) „съ-грубша“; [2]) забитыми; [3]) ошалованье; [4]) піономъ; [5]) теслямъ.

— Филипка-то?—переспросилъ стоявшій рядомъ мужикъ, дожидавшійся урока, и потупился.

— Ну да, его кликнуть надо!

— Филипка-а-а! — протяжно, лѣниво закричалъ кто-то, и роща отозвалась эхомъ на этотъ крикъ.

Князь Никита кончилъ уроки, но Филипка не являлся.

— Филипку звали? — спросилъ Лаврентій, подходя къ Никитѣ Ѳедоровичу. — Эхъ, не хорошо! Вѣдь убѣгъ пожалуй... Много у насъ народу уходитъ! — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ, когда они отошли отъ мужиковъ. —Все эти дворбвые сбиваютъ съ толку... Понавезли ихъ теперь изъ Питербурха.

Никита Ѳедоровичъ опустился на сваленное на травѣ бревно.

— Ну и Богъ съ ними,—проговорилъ онъ, — пусть ихъ бѣгутъ, если у насъ не нравится. Чтб-жь, если не хорошо у меня, пусть ищутъ гдѣ лучше.

— А объя́вку бы подать слѣдовало, — почтительно, будто разсуждая самъ съ собою и не смѣя давать барину совѣты, сказалъ Лаврентій.

Князь Никита сдѣлалъ видъ, что не слышитъ его словъ. Онъ разсѣянно смотрѣлъ передъ собою и совершенно равнодушно переводилъ глаза съ постройки, которая видимо ничуть не занимала его, — на рѣку и на мужиковъ, застучавшихъ уже топорами.

Онъ взглянулъ и на Лаврентія.

»Удивительно, какъ природа человѣка двойственная, — подумалъ онъ, — душа и тѣло...

у душа и тѣло! Вѣдь вотъ Лаврентій мно- понимаетъ, а совѣтуетъ объявку подать. вительно... душа и тѣло«.

— Да, такъ чтó-жь ты говоришь? — спро- Волконскій.

— Я говорю, что дворовые народъ портятъ! отвѣчалъ Лаврентій, понявъ, что слова его етъ объявки были совсѣмъ не къ мѣсту. — онамеднясь[1]) Добрянскій, чтó изъ Питер- ха съ нами пріѣхалъ, ушелъ совсѣмъ и Зай- сбилъ съ собою.

— Какой это Зайцевъ? — спросилъ князь ита.

— Пропойца былъ! — коротко сказалъ, говорятъ про скончавшихся уже, Лаврентій.

— А Добрянскій?

Лаврентій видимо затруднился отвѣтомъ.

— Изъ Питербурха, — также коротко отвѣ- онъ наконецъ.

Никита Өедоровичъ сталъ припоминать.

Добрянскій былъ тотъ самый человѣкъ, ко- ый тогда явился и приставалъ взять его къ ѣ. Потомъ Никита Өедоровичъ видѣлъ его о въ толпѣ, во время казни Девьера. Онъ и принесъ его домой, когда ему тамъ сдѣ- ось дурно.

Это воспоминаніе было болѣзненно непрі- о. Князь Никита вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, но вдругъ пахнулъ на него сырой, холодный духъ. Образъ Добрянскаго стоялъ передъ его зами, какъ живой.

---

[1]) надняхъ, недавно.

— Ну, Богъ съ ними! — опять проговорилъ Никита Өедоровичъ и всталъ.

Странное дѣло! Ему нѣсколько разъ приходилось замѣчать, что какъ только это воспоминаніе приходило ему въ голову, — всегда за нимъ слѣдовало какое-нибудь несчастіе.

»Ну чтó за вздоръ!—попробовалъ онъ успокоить себя. — Чтó можетъ случиться?«

Но Никита Өедоровичъ чувствовалъ, что сердце его безпокойно неудержимо забилось, и предчувствіе недобраго, никогда не обманывавшее его до сихъ поръ, сжало ему грудь.

Онъ какъ-то невольно, почти безсознательно, обернулся и къ ужасу своему увидѣлъ, что не обманулся и теперь.

»Такъ и есть!« мелькнуло у него.

По протоптанной къ постройкѣ тропинкѣ бѣжалъ, семеня[1]) своими босыми ногами, мальчи́шка Акулька, съ испуганно выкатившимися глазами и блѣдный, какъ полотно.

Волконскій зажмурился и поднялъ руки къ лицу.

Онъ понялъ, что несчастіе близко, что оно тутъ уже и, не смотря на всю его неожиданность, ему уже казалось, что онъ давно знаетъ о неминуемости этого несчастія и давно ждетъ его.

Акулька подбѣжалъ къ Лаврентію и, запыхавшись, напрасно силясь передохнуть, отрывисто заговорилъ:

— Дяденька... тамъ на барскій дворъ солдаты пріѣхали, съ нáбольшимъ[2]), и говорятъ,

---

[1]) перебирая, шлёпая; [2]) командиромъ.

ѣхъ забирать будутъ... Коли что́, я въ лѣсу
оронюсь, а нужно будетъ, свистните!

И едва договоривъ, Акулька снова пустился
ѣгомъ по направленію лѣса.

»Солдаты!« могъ разслышать только Никита
едоровичъ, и не помня уже ничего, кинулся
эмой.

Отъ постройки до дому было довольно да-
эко и когда, наконецъ, онъ очутился въ во-
отахъ, вся кровь прихлынула къ его сердцу и
нъ зашатался, едва удержавшись, чтобъ не
пасть.

У крыльца стояла телѣга[1]) съ солдатомъ,
омѣщавшимся рядомъ съ я́мщикомъ[2]). Сзади
ыло двое верховыхъ.

Народъ, и съ ужасомъ, и съ любопытствомъ,
олпился кругомъ. Бабы голосили. По ту сто-
рону телѣги, на крыльцѣ, отворилась дверь, и
на порогѣ показалась Аграфена Петровна.

Она была въ своемъ утреннемъ бѣломъ,
шелковомъ шлумперѣ, который всегда такъ нра-
вился Никитѣ Ѳедоровичу, и придерживала его
оборку на груди лѣвою рукой; за другую велъ
ее офицеръ, отвернувшись и не глядя. Она шла
покорно, тихо опустивъ свое неподвижное, со-
всѣмъ помертвѣлое лицо, и только красивые, сухіе
глаза ея бѣгали изъ стороны въ сторону.

Дверь на крыльцѣ снова отворилась: испу-
ганная Роза выбѣжала съ большой шалью въ
рукахъ и накинула ее на Аграфену Петровну.

Все это былъ одинъ мигъ, одна секунда.

---

[1]) возъ; [2]) извощикомъ.

Не успѣлъ Никита Өедоровичъ броситься туда, къ ней, какъ ее уже посадили въ телѣгу. Офицеръ тоже вскочилъ туда, и ямщикъ, повернувъ затоптавшихъ съ мѣста лошадей, закричалъ разступавшейся толпѣ:

— Берегись!

Волконскій въ изступленіи ужаса, не помня себя, бросился подъ лошадей и, кажется, схватилъ одну изъ нихъ за морду, но чья-то сильная рука остановила его.

Въ это время, откуда-то сбоку, изъ-за дома бѣжалъ, всхлипывая, Миша и кричалъ что-то.

Аграфена Петровна вдругъ замахала руками, но телѣга, не останавливаясь, повернула въ ворота.

Никита Өедоровичъ сильно отдернулъ державшую его руку и точно невидимой нитью привязанный къ телѣгѣ, побѣжалъ за нею.

Зачѣмъ онъ дѣлалъ это, и чѣмъ и кому могъ помочь этимъ — онъ не сознавалъ, да и время ли было сознавать что-нибудь?

Онъ бѣжалъ, не чувствуя, какъ большими размашистыми шагами двигались его ноги, какъ развѣвались по вѣтру его волосы и грудь тяжело дышала; но свое хриплое дыханіе онъ слышалъ, не понимая, однако, что это хрипитъ онъ самъ. Точно рядомъ бѣжалъ другой человѣкъ, который хрипѣлъ такъ.

Должно-быть, ротъ его былъ открытъ, потому что туда набивалась пыль. Въ рукахъ что-то мѣшало. Это была палка. Онъ бросилъ палку. Головѣ было тяжело — онъ скинулъ шляпу...

Телѣга то удалялась, то была ближе, но ъ не могъ догнать ее.

Аграфена Петровна металась тамъ, нѣсколько зъ дѣлая движенiе выскочить, но каждый разъ ицеръ удерживалъ ее, и послѣ этого лошади акали шибче. Часто тоже сцѣпившiяся руки графены Петровны подымались кверху, точно на хотѣла сломать ихъ. Никита Өедоровичъ дѣлъ, что она страдаетъ, мучится, рвется льше его... Но обернулась она только разъ: идимо она долго собиралась съ силами сдѣлать го. Она чувствовала, что онъ *еще* тутъ, позади... ѣжитъ; но посмотрѣть на него, несчастнаго, илаго, она все не могла... И вотъ наконецъ на какъ-то всѣмъ корпусомъ перекинулась надъ, и лицо ея мелькнуло передъ нимъ... Потомъ вдругъ руки ея безсильно опустились и олова повисла; и въ этомъ было что-то уже накомое, Девьеровское, жалкое, дѣтское... Она ишилась чувствъ или у́мерла...

»Умерла!« — какъ молотомъ ударило Никиту Өедоровича.

Онъ вдругъ прiостановился и только теперь замѣтилъ, какъ скоро ѣхала удалявшаяся передъ его глазами телѣга.

— Что́-жь я? — проговорилъ онъ и закричалъ почему-то: — Пустите!... — и снова хотѣлъ бѣжать, но ноги его были уже тяжелы, какъ свинцовыя и, помимо его воли, отшатнули его въ сторону. Подъ ногами его была трава, онъ зацѣпился за кочку [1]) и упалъ.

---

[1]) купинку.

Холодное, сырое прикосновені
пріятно ему. Сознаніе будто про
это было только для того, чтобы о
осязательнѣе почувствовать свою м

»Увезли, *ее* увезли!.. безбож
мою увезли!.. Куда? зачѣмъ?... кому
и кому она сдѣлала что́?..« — тер
Ѳедоровичъ.

Онъ лежалъ ничкомъ, бился о
вою, царапалъ руками землю и скр
стями. Щёки его неудержимо п
сводился на-сторону и все тѣло
вздрагивало.

— А вотъ ещё... а вотъ ещё
бою, сквозь скрипѣвшіе зубы, с
злорадствомъ приговаривалъ князь I

И тѣло его дергалось новыми
Слезъ не было у него. Рыданіе,
рыданіе, остановилось въ горлѣ и
рваться.

Такъ лежащимъ у дороги на
врентій со слугами.

Его подняли, положили въ ко
везли домой.

На-встрѣчу имъ попался дру
тоже съ конвоемъ, разобравшій пере
фены Петровны и увозившій тепер
Князь Никита не узналъ и не пон
былъ за человѣкъ.

Дома его отнесли прямо къ н
нату, приведенную въ безпорядокъ
шимъ тутъ офицеромъ.

Никита Ѳедоровичъ не потерялъ способности двигаться. Его посадили — онъ сѣлъ; ему дали воды — онъ выпилъ. Но только произвольно онъ какъ-то не могъ или не хотѣлъ двинуть ни рукою, ни ногою. Онъ смотрѣлъ прямо передъ собою неподвижными глазами, и когда ему нужно было поглядѣть въ сторону, онъ не переводилъ туда однихъ только глазъ, но поворачивалъ всю голову, а глаза оставались попрежнему неподвижны.

Лаврентій принесъ ему вмѣсто его запыленнаго, загрязненнаго, истерзаннаго платья чистый шлафрокъ и туфли вмѣсто испачканныхъ башмаковъ.

»Нѣтъ, не надо, къ чему *теперь* это?« — хотѣлъ сказать князь Никита, потому что *все* уже теперь кончилось для него...

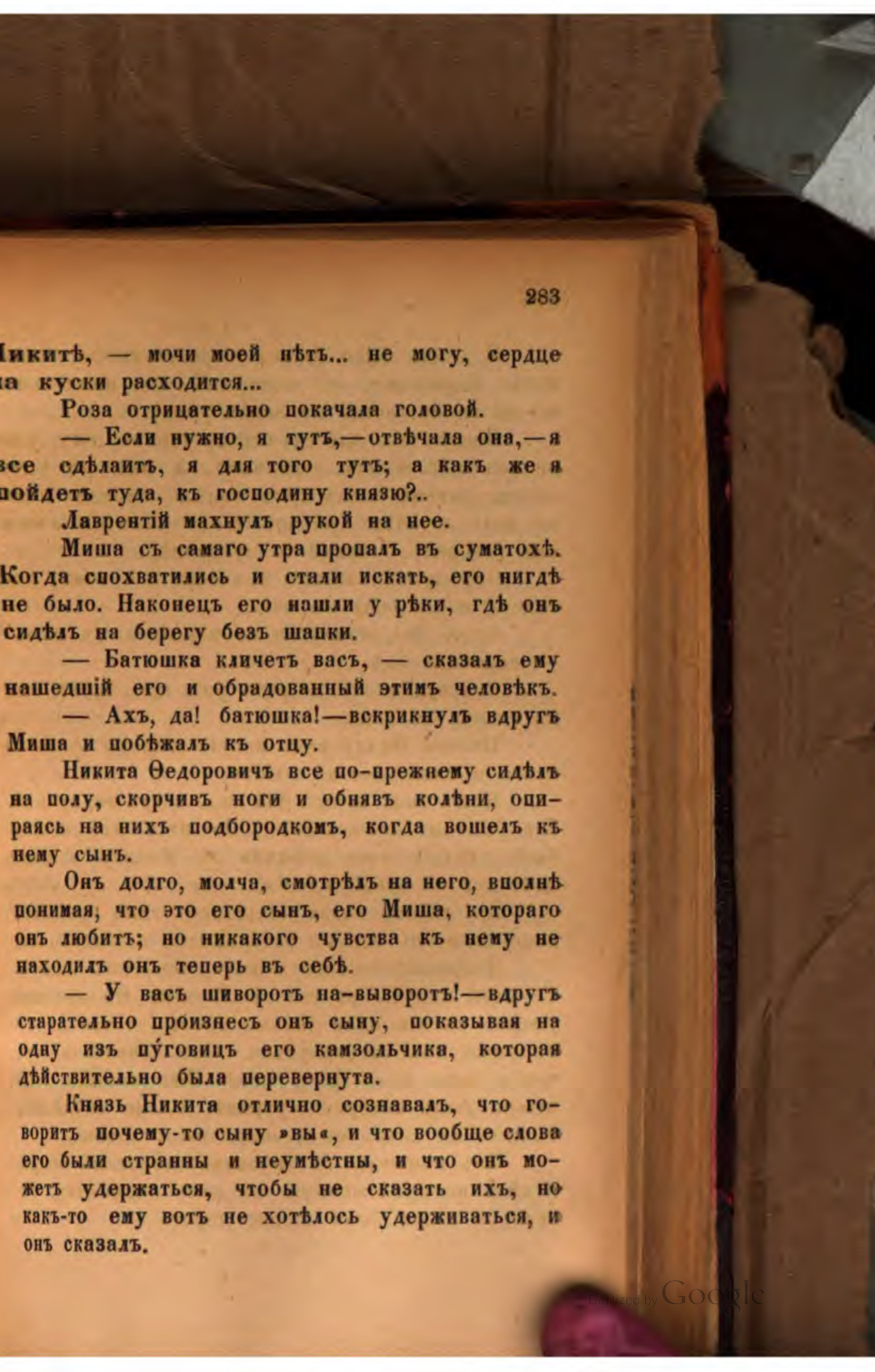
Но вмѣсто того, чтобы произнести эти слова, онъ издалъ лишь неясное мычаніе, воображая, однако, что все-таки сказалъ то, чтó хотѣлъ, и даже махнулъ рукою, хотя вмѣсто всякаго другаго движенія только щеки у него опять запрыгали и ротъ скривился.

Лаврентій, видя безпокойство его, поспѣшно отошелъ прочь съ шлафрокомъ и туфлями.

Волконскій не зналъ, сколько прошло съ тѣхъ поръ, какъ его посадили такъ. Время для него остановилось. Ему казалось, что онъ все еще бѣжитъ за телѣгою и видитъ блестящій на солнцѣ шелкъ бѣлой одежды Аграфены Петровны. Онъ раскрылъ ротъ, чтобы ему легче было бѣжать...

Не отходившій отъ него Лаврентій п
что онъ хочетъ пить, и поднесъ ему опят
Никита Ѳедоровичъ, впрочемъ, дѣйств
хотѣлъ пить и съ удовольствіемъ сдѣла
сколько большихъ глотковъ. Это освѣжи
Лаврентій догадался намочить ему голову
Князь Никита всталъ, удивленно посм
на Лаврентія и вдругъ, сдѣлавъ нѣсколь
говъ, сѣлъ на полъ, и ему стало легче.
Онъ увидѣлъ свою комнату и всѣ пр
въ ней снизу, подъ такимъ угломъ, подъ
никогда не видалъ ихъ, и эта ра́зница пр
дила своего рода впечатлѣніе, разбивала
минаніе. Комната казалась гораздо, г
выше, потолокъ не такъ давилъ и воздуху с
стало больше. Изъ дверей тянулъ холодо
это тоже было не лишнее.
Лаврентій, съ испугомъ всплеснувъ ру
остановился и смотрѣлъ на своего »князин
— А гдѣ Миша?—вдругъ пѣвучимъ
сомъ протянулъ князь Никита.
И эта пѣвучесть собственнаго голоса
очень понравилась; ему захотѣлось еще
услыхать ее... »Что-жь если запою, если
такъ надо«,—подумалъ онъ, и не то запѣлъ,
то снова протянулъ, какъ-то раздѣльно:
— Со-о свя-тыми упоко-о-ой....
Лаврентій закрылъ лицо руками, зарыд
и выбѣжалъ изъ комнаты.
За дверями, прижавшись въ уголокъ, сидѣ
Роза.

— Роза Карловна, подите туда,—сказалъ
Лаврентій, показывая головой на дверь къ княз

Никитѣ, — мочи моей нѣтъ... не могу, сердце на куски расходится...

Роза отрицательно покачала головой.

— Если нужно, я тутъ,—отвѣчала она,—я все сдѣлаитъ, я для того тутъ; а какъ же я пойдетъ туда, къ господину князю?..

Лаврентій махнулъ рукой на нее.

Миша съ самаго утра пропалъ въ суматохѣ. Когда спохватились и стали искать, его нигдѣ не было. Наконецъ его нашли у рѣки, гдѣ онъ сидѣлъ на берегу безъ шапки.

— Батюшка кличетъ васъ, — сказалъ ему нашедшій его и обрадованный этимъ человѣкъ.

— Ахъ, да! батюшка!—вскрикнулъ вдругъ Миша и побѣжалъ къ отцу.

Никита Ѳедоровичъ все по-прежнему сидѣлъ на полу, скорчивъ ноги и обнявъ колѣни, опираясь на нихъ подбородкомъ, когда вошелъ къ нему сынъ.

Онъ долго, молча, смотрѣлъ на него, вполнѣ понимая, что это его сынъ, его Миша, котораго онъ любитъ; но никакого чувства къ нему не находилъ онъ теперь въ себѣ.

— У васъ шиворотъ на-выворотъ!—вдругъ старательно произнесъ онъ сыну, показывая на одну изъ пу́говицъ его камзольчика, которая дѣйствительно была перевернута.

Князь Никита отлично сознавалъ, что говоритъ почему-то сыну »вы«, и что вообще слова его были странны и неумѣстны, и что онъ можетъ удержаться, чтобы не сказать ихъ, но какъ-то ему вотъ не хотѣлось удерживаться, и онъ сказалъ.

У Миши было то самое растерянное, ви
ватое выраженіе, съ которымъ онъ приходи
обыкновенно, когда не зналъ урока.

Послѣ того, что̀ случилось утромъ, ему у
не казалось ничего страннымъ, и онъ не уд
вился, зачѣмъ отецъ такъ сидѣлъ передъ ни
на полу и зачѣмъ, обращаясь съ нимъ на »вы
онъ говорилъ о какой-то пуговицѣ...

Онъ думалъ только о матери и о томъ, ч
теперь могло быть съ нею.

— А что̀, маменька не вернется къ нам
— спросилъ онъ.

Вопросъ этотъ не разъ уже приходилъ ем
въ голову за день.

Никита Ѳедоровичъ вдругъ широко открыл
глаза и схватился за голову.

Миша былъ правъ: она вѣдь могла вернутьс
Это было не невозможно. Но вотъ что̀ можн
было сдѣлать еще: поѣхать въ Москву и там
добиться ея освобожденія.

Въ головѣ князя появилась тѣнь прежней
ясности, и онъ вдругъ заторопился и задвигался.

Лаврентій не могъ понять, чего онъ ищетъ.
Съ этой минуты въ головѣ Никиты Ѳедоровича
упорно засѣла одна только мысль, — что Аграфенушка можетъ вернуться. Онъ искалъ шляпу, чтобы идти на-встрѣчу женѣ. Онъ забылъ, что шляпа была потеряна утромъ, и, не найдя ея, вышелъ на дворъ съ непокрытою головою.

Онъ прошелъ къ воротамъ довольно бодро и сѣлъ на прилаженную къ нимъ скамеечку, съ которой видна была далеко дорога.

Солнце уже низко спустилось на небѣ. Отъ деревьевъ и строеній легла длинная, косая тѣнь. Вдали на дорогѣ, скрывавшейся въ лѣсу, куда, не отрываясь, смотрѣлъ Никита Ѳедоровичъ, синѣлъ уже полупрозрачный вечерній туманъ.

И вдругъ въ этой дымкѣ тумана зашевелилось что-то. Никита Ѳедоровичъ протеръ глаза. Они не обманывали его. Какой-то экипажъ подвигался къ усадьбѣ. Лошади уже ясно были видны.

— Видишь?—показалъ князь Никита Лаврентію.

— Да,—тихо произнесъ Лаврентій, не смѣя выразить своей радости,—»а вдругъ это княгиня!..« — подумалъ онъ.

Волконскій такъ и впился глазами въ этотъ приближавшійся экипажъ. Это была коляска. Вотъ она ближе, ближе... Ея бубéнчики давно уже стали слышны, и наконецъ князь Никита увидѣлъ растерянное, но старавшееся зачѣмъ-то улыбаться лицо Ѳединьки Талызина. Онъ одинъ сидѣлъ въ своей коляскѣ.

Никита Ѳедоровичъ вскочилъ и, какъ съумасшедшій, побѣжалъ назадъ домой, къ себѣ въ комнату.

Талызина встрѣтилъ Лаврентій.

— Ну, чтó у васъ тутъ?—спросилъ Талызинъ съ такимъ видомъ, что онъ уже знаетъ, чтó за переполохъ тутъ былъ и что вотъ онъ сейчасъ »все устроитъ«.

— Горе, батюшка-баринъ, большое горе, —отвѣчалъ Лаврентій, помогая Талызину выходить

изъ коляски. — Пріѣхали утромъ сегодня...—
чалъ онъ.

— Знаю, знаю, и у меня были и всѣ
маги выбрали.

— Какое бумаги: тутъ не однѣ бум
княгинюшку взяли и такъ, какъ была, увезл

Талызинъ раскрылъ ротъ, и все его о
деживающее выраженіе пропало.

— Какъ княгинюшку?—переспросилъ о

Лаврентій подробно разсказалъ все слу
шееся утромъ.

Талызинъ слушалъ, опустивъ въ нѣм
отчаяніи голову и руки.

— Ну, а князь Никита?—спросилъ
когда кончилъ Лаврентій.

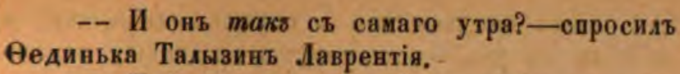
— Да что́ онъ, мой батюшка, словно
малое убивается, безъ ума совсѣмъ. Весь
у себя на полу сидѣлъ. Потомъ вотъ на до
вышелъ, да васъ увидѣлъ и снова къ себѣ уб
Съ лица за день такъ измѣнился, что не узна
И не плачетъ, хоть бы слези́нку уронилъ.

Талызинъ пошелъ къ Волконскому.

Никита Ѳедоровичъ сидѣлъ опять у
на полу, но при входѣ Талызина всталъ.

Ѳединька не безъ робкой неловкости
здоровался съ нимъ и оглядѣлъ его, не какъ
ловѣка, а какъ какое-то словно иное, невид
ное существо.

Князь Никита дѣйствительно сильно и
нился. Глаза его были широко открыты,
чуть перекосилось, скулы́ выдались и лобъ
твенно поблѣднѣлъ.

-- И онъ *такъ* съ самаго утра?—спросилъ Ѳединька Талызинъ Лаврентія.

— Чтó съ самаго утра? — злобно сказалъ Волконскій, сдвигая брови.

— Нѣтъ, ничего...—испуганно отвѣтилъ Ѳединька, какъ будто удивляясь, что князь Никита могъ понять его слова.

— Я вотъ чтó думаю,—вдругъ быстро заговорилъ Никита Ѳедоровичъ, глотая слова и не оканчивая ихъ, — я какъ хотите, а вы должны что-нибудь сдѣлать намъ. Такъ сидѣть нельзя; она можетъ вернуться, и мы должны помочь вернуться. Вы какъ хотите, я рѣшилъ уже, что ѣду завтра въ Москву.

Онъ говорилъ безъ придыханія и остановокъ, ровно, не понижая и не повышая голоса, какъ будто говорилъ все одну и ту же фразу.

Талызинъ помолчалъ.

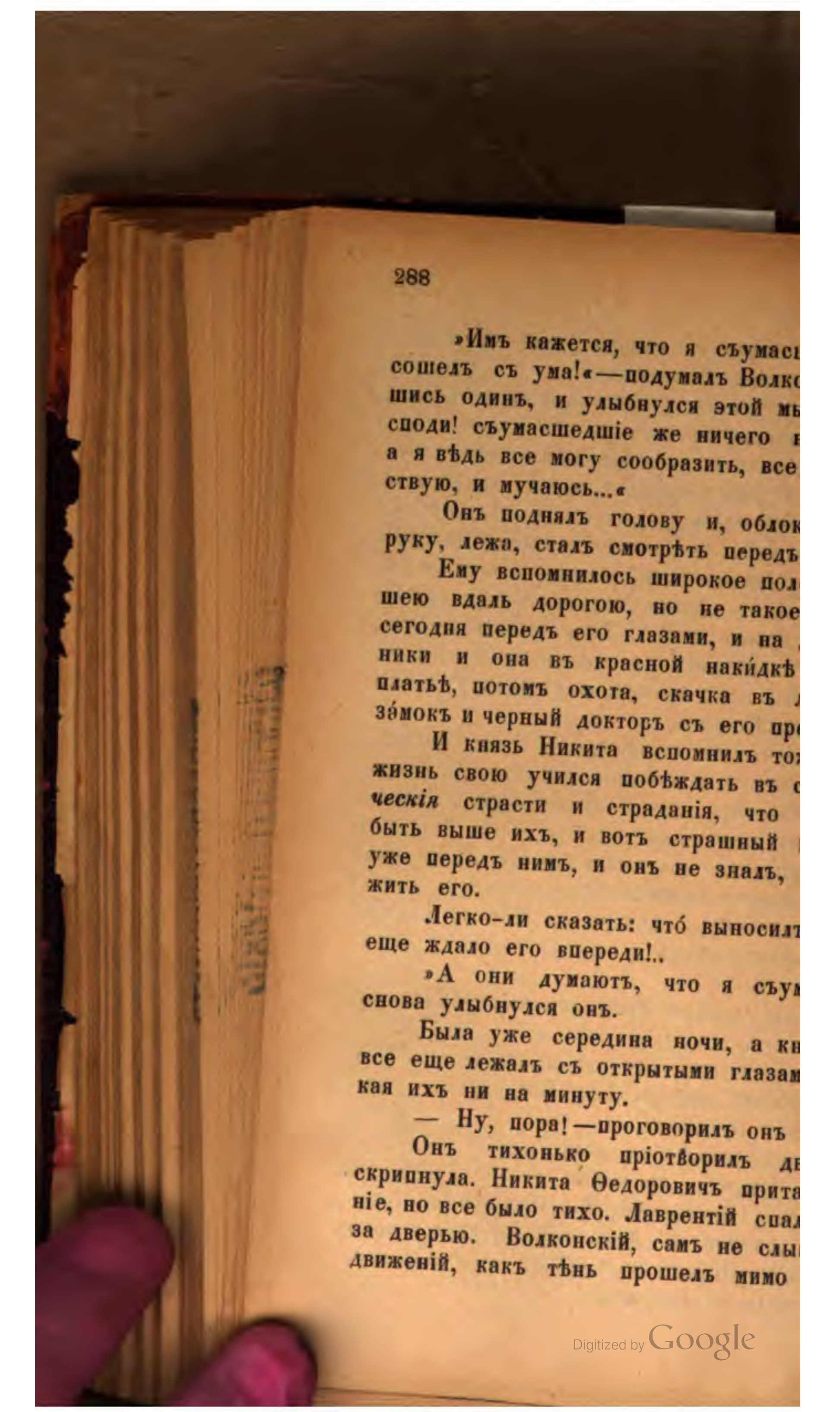
— Слышишь,—обернулся онъ къ Лаврентію шепотомъ, но не стѣсняясь однако присутствіемъ Никиты Ѳедоровича, — хочетъ въ Москву ѣхать! Нельзя пускать: можетъ и себѣ, и другимъ бѣдъ надѣлать.

Съ этими словами Талызинъ повернулся къ двери.

— Я посмотрю, кто не пуститъ меня! — громко крикнулъ ему вслѣдъ Волконскій, ударивъ по столу кулакомъ.

Талызинъ остался на ночь.

Князю Никитѣ принесли его постель въ его комнату. Онъ велѣлъ постлать ее на полу и легъ, не раздѣваясь. Лаврентій остался у него въ комнатѣ, но Никита Ѳедоровичъ прогналъ его. Лаврентій сѣлъ за дверями.

»Имъ кажется, что я съумас
сошелъ съ ума!«—подумалъ Волко
шись одинъ, и улыбнулся этой мы
споди! съумасшедшіе же ничего н
а я вѣдь все могу сообразить, все
ствую, и мучаюсь...«

Онъ поднялъ голову и, облок
руку, лежа, сталъ смотрѣть передъ

Ему вспомнилось широкое пол
шею вдаль дорогою, но не такое
сегодня передъ его глазами, и на
ники и она въ красной накйдкѣ
платьѣ, потомъ охота, скачка въ л
за́мокъ и черный докторъ съ его пр

И князь Никита вспомнилъ то
жизнь свою учился побѣждать въ с
ческія страсти и страданія, что
быть выше ихъ, и вотъ страшный
уже передъ нимъ, и онъ не зналъ,
жить его.

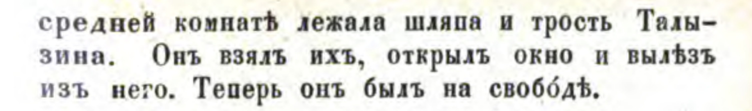
Легко-ли сказать: что́ выносилъ
еще ждало его впереди!..

»А они думаютъ, что я съум
снова улыбнулся онъ.

Была уже середина ночи, а кн
все еще лежалъ съ открытыми глазам
кая ихъ ни на минуту.

— Ну, пора!—проговорилъ онъ

Онъ тихонько пріотворилъ дв
скрипнула. Никита Ѳедоровичъ прита
ніе, но все было тихо. Лаврентій спал
за дверью. Волконскій, самъ не слы
движеній, какъ тѣнь прошелъ мимо

средней комнатѣ лежала шляпа и трость Талызина. Онъ взялъ ихъ, открылъ окно и вылѣзъ изъ него. Теперь онъ былъ на свободѣ.

V.

Разлука.

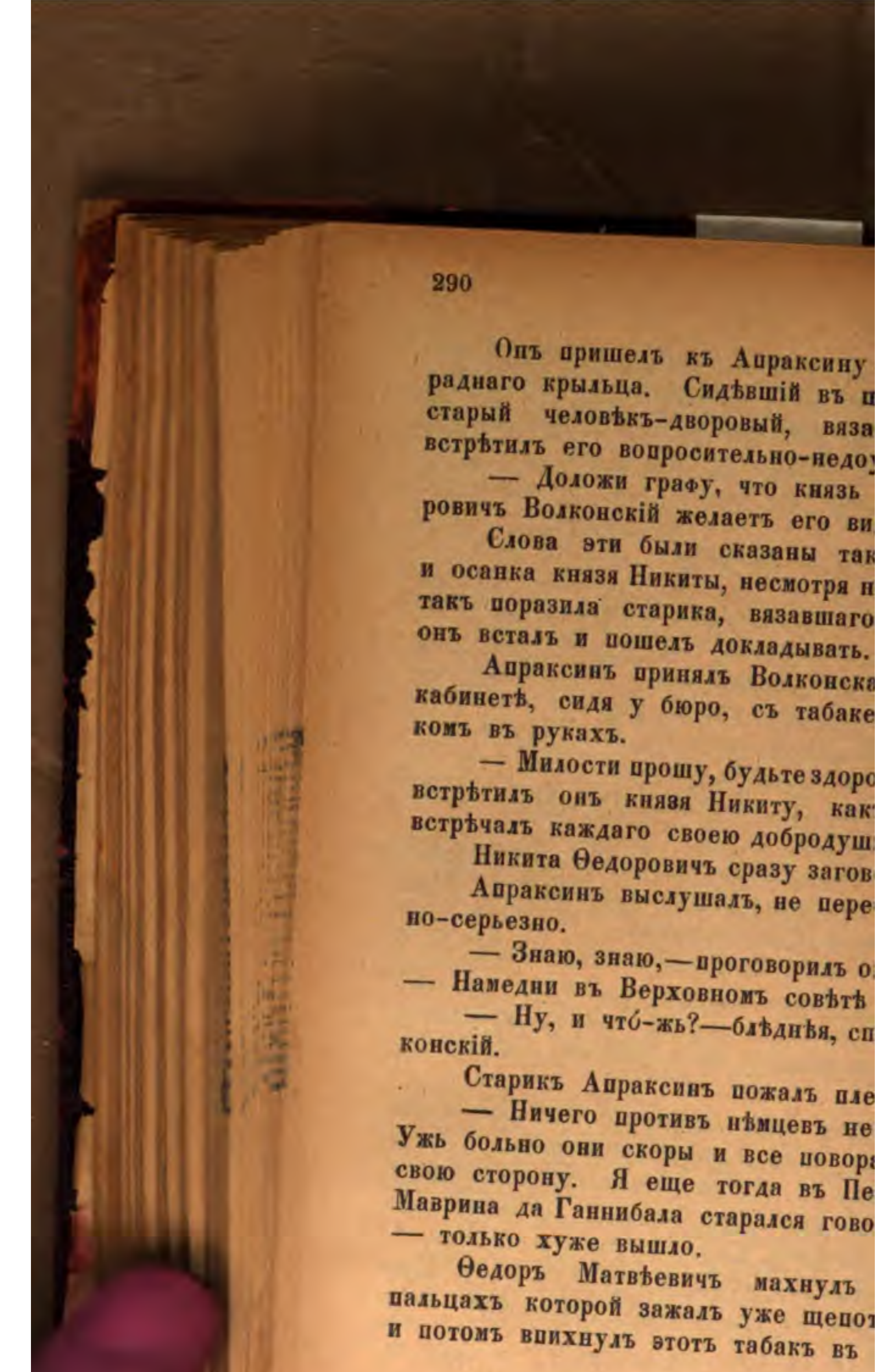
Добравшись до Москвы, Никита Θедоровичъ прежде всего постарался отыскать Веселовскаго, но это не скоро удалось ему. Дня черезъ три онъ нашелъ его наконецъ и узналъ, что Веселовскій »былъ тоже взятъ«. Изъ остальныхъ друзей жены Волконскій не зналъ, кто былъ въ Москвѣ; къ тому же, по всѣмъ вѣроятіямъ, и ихъ нельзя было видѣть.

Никита Θедоровичъ вспомнилъ объ Апраксинѣ, котораго зналъ еще, когда онъ былъ въ Ревелѣ генералъ-губернаторомъ.

Графъ Θедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, сподвижникъ покойнаго императора, былъ членомъ Верховнаго совѣта, считался добродушнѣйшимъ человѣкомъ и многому могъ помочь, если-бъ захотѣлъ.

Онъ былъ еще покойнымъ императоромъ возведенъ въ чинъ генералъ-адмирала, всегда былъ на виду и теперь занималъ выдающееся положеніе, но при этомъ никогда не имѣлъ враговъ и непріятелей. Его какъ-то всѣ любили.

Князь Никита рѣшился пойти къ нему. Еще день прошелъ въ розыскахъ дома, гдѣ жилъ Апраксинъ.

Онъ пришелъ къ Апраксину
раднаго крыльца. Сидѣвшій въ п
старый человѣкъ-дворовый, вяза
встрѣтилъ его вопросительно-недоу

— Доложи графу, что князь
ровичъ Волконскій желаетъ его ви

Слова эти были сказаны так
и осанка князя Никиты, несмотря н
такъ поразила старика, вязавшаго
онъ всталъ и пошелъ докладывать.

Апраксинъ принялъ Волконска
кабинетѣ, сидя у бюро, съ табаке
комъ въ рукахъ.

— Милости прошу, будьте здоро
встрѣтилъ онъ князя Никиту, как
встрѣчалъ каждаго своею добродуш

Никита Өедоровичъ сразу загов

Апраксинъ выслушалъ, не пере
но-серьезно.

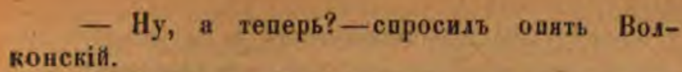
— Знаю, знаю,—проговорилъ о
— Намедни въ Верховномъ совѣтѣ

— Ну, и что́-жь?—блѣднѣя, сп
конскій.

Старикъ Апраксинъ пожалъ пле

— Ничего противъ нѣмцевъ не
Ужь больно они скоры и все повор
свою сторону. Я еще тогда въ Пе
Маврина да Ганнибала старался гово
— только хуже вышло.

Өедоръ Матвѣевичъ махнулъ
пальцахъ которой зажалъ уже щепот
и потомъ впихнулъ этотъ табакъ въ

— Ну, а теперь?—спросилъ опять Волконскій.

— Теперь, чтó-жъ теперь... да вотъ самое дѣло у меня; я прочту, если хотите.

Апраксинъ взялъ подшитыя одна къ другой толстою тетрадкой бумаги, отвернулъ нѣсколько листовъ и сталъ читать:

— »Дворовые люди, Зайцевъ и Добрянскій, явились къ Андрею Ивановичу Остерману...«

— А!—безпомощно произнесъ князь Никита.

Апраксинъ мелькомъ взглянулъ на него и продолжалъ, какъ бы желая успокоить:

— »Донесли, что помѣщицѣ ихъ, княгинѣ Волконской, велѣно, за продерзости ея, жить въ деревнѣ, не выѣзжая въ Москву (слово »продерзости« онъ проглотилъ какъ-то), а она постоянно пребываетъ въ подмосковной деревнѣ двоюроднаго своего Ѳедора Талызина, откуда ѣздитъ тайно подъ Москву, въ Тушино, для свиданія съ Юріемъ Нелéдинскимъ и съ другими нѣкоторыми людьми; между прочимъ видѣлась и съ секретаремъ Исаакомъ Веселовскимъ; ведетъ тайную переписку со многими лицами въ Москву и другія мѣста; недавно же привезъ тайно изъ Митавы, отъ отца ея, Петра Бестужева, человѣкъ его письма, зашитыя въ подушкѣ...«

— Ну, тутъ идетъ переписка,—сказалъ Апраксинъ, снова переворачивая сразу большую пачку разноформатной, исписанной бумаги, — а вотъ мнѣніе совѣта...

Онъ пробѣжалъ глазами нѣсколько строкъ про себя и опять прочелъ громко:

— »Княгиня Волконская и е
лали партіи и искали при дворѣ его и
величества для собственной своей
интриги и тѣми интригами причин
безпокойство, и дабы то свое на
нѣе въ дѣйство произвесть могли,
помощи черезъ Вѣнскій дворъ и
вмѣшать посторонняго государя въ
императорскаго величества дѣла. Св
проповѣдывали о дѣлахъ Верховн
совѣта...«

Апраксинъ пропустилъ еще нѣск

— »За такія вины,—продолжа
вѣтъ разсудилъ: княгиню Волконску
указу въ дальній женскій монастырь
ее тамъ неисходно подъ надзоромъ игу
тору Нелединскому въ сенатѣ у д
Егору Пашкову въ военной коллег
Веселовскаго сослать въ Гилянь, Ч
въ Астрахань къ провіантскимъ дѣл

Апраксинъ видимо разошелся,
разборъ дѣла и, по привычкѣ къ до
могъ остановиться и покатился, жел
вить дѣло какъ можно обстоятельнѣе
самъ себя слушалъ:

— Вышереченное мнѣніе,—заго
пріятнымъ голосомъ,—было отправлен
Алексѣю Григорьевичу Долгорукому
дующемъ письмѣ: »Сіятельный княз
дѣло княгини Волконской и прочих
дѣлу ко окончанію приведено, того
сіятельство просимъ, изволите по то
его величеству доложить, и что изво

зать, о томъ насъ увѣдомить«. И князь Алексѣй прислалъ немедленный отвѣтъ таковой: »Сіятельные тайные дѣйствительные совѣтники, мои милостивые государи! По письму вашихъ сіятельствъ и по присланномъ приговорѣ его императорскому величеству докладывалъ, и черезъ сіе мое объявляю: его величество по приговору вашихъ сіятельствъ быть повелѣлъ, и тако сіе донести пребываю и прочее...« Такъ вотъ,—заключилъ Апраксинъ.

И поднявъ глаза на князя Никиту, Апраксинъ ужаснулся тому, чтó сдѣлалъ.

Волконскій сидѣлъ передъ нимъ, точно хотѣлъ вотъ вскочить и вцѣпиться въ него. Особенно страшны казались его глаза, щеки дергались.

— Такъ вотъ...—заговорилъ онъ, — чтó-жъ, вы хотите разлучить меня съ нею? разлучить?.. Да развѣ это въ вашей власти?.. Развѣ это въ вашей власти, спрашиваю я васъ?..

И вдругъ онъ захохоталъ, захохоталъ такъ, что Апраксину сдѣлалось холодно.

— Да, я смѣюсь...—силился проговорить онъ сквозь смѣхъ, — я смѣюсь надъ вами и презираю васъ, какъ презираю ту разлуку, которую вы здѣсь придумали... А вы забыли духъ... Духъ!—вскрикнулъ Волконскій, вскакивая съ мѣста и махая плавно, но несоотвѣтственно своимъ словамъ, руками. — Я захочу, и буду возлѣ нея сейчасъ, духомъ моимъ буду... Онъ вѣченъ... Я вѣченъ. Разлука ваша лишеніе.. лишеніе человѣческое... испытаніе духа. Я выдержу его. Это такъ ничтожно, временно! Здѣсь мнѣ ничего

не нужно... Суета!.. Все суета и то
Я надъ вами смѣюсь...

И снова онъ засмѣялся.

Добродушный старикъ Апраксин
смотрѣлъ на него, держа на отлетъ
керку съ платкомъ.

Вдругъ, точно онъ вспомнилъ
всталъ и старческими, особенно ст
минуту сильнаго волненія, шагами
Волконскому. Онъ всѣмъ тѣломъ др

— Успокойтесь, князинька, —
онъ, — успокойтесь, голубчикъ; во
сюда.

И онъ своей трясущейся ру
поднять князя Никиту.

Волконскій пересталъ смѣяться
нялся съ креселъ, оглядѣлся и пок
куда его велъ Апраксинъ. Тотъ д
двери, втолкнулъ въ маленькую со
натку и быстро заперъ дверь.

Съ этой минуты князь Никит
помнилъ ничего.

Сначала была какая-то тишин
Потомъ опять разсвѣло. Кажется, к
дилъ, какія-то веревки стягивали
руки; потомъ стукъ колесъ, и снов
долгая, долгая тишина...

Послѣ этой долгой тишины он
чувствовалъ, что грудь его дыше
бьется въ ней. Онъ открылъ глаза
Онъ лежалъ въ полутемной комнатѣ
окошечкомъ наверху; подъ нимъ по
сто постели была солома. Онъ о

руками и разглядѣлъ ихъ. На нихъ, повыше кисти, были заживающія уже, поперечныя ссадины.

»Меня связывали«, — догадался князь Никита, »но зачѣмъ?..«

— Вотъ онъ тутъ у меня,—послышался за деревянной перегородкой голосъ.—Лежитъ вторую недѣлю безъ движенія; теперь столбнякъ[1]) на него нашелъ... Я вамъ говорю, совсѣмъ безъ ума, все равно, чтó звѣрь безъ души.

Никита Ѳедоровичъ узналъ говорившій голосъ. Это былъ Ѳединька Талызинъ.

— А доктору показывали? — спросилъ другой голосъ, тоже знакомый.

— Да чтó-жь доктору? Вы знаете, вѣдь тамъ у докторовъ на цѣпь сажаютъ и обращеніе ужь очень крутое, здѣсь же ему у меня все-таки лучше. Вотъ васъ дожидался, а теперь посмотримъ... Вы все-таки хотите пройти къ нему?

— Да, — отвѣчалъ все тотъ-же знакомый голосъ.

— Охъ, не ходите, Михаилъ Петровичъ, неровенъ часъ!..

»Михаилъ Петровичъ!« — подумалъ Волконскій, — »это *Панталонъ*!« — вспомнилъ онъ почему-то именно прозвище шурина.

— Да отчего вы его держите взаперти, — опять спросилъ Бестужевъ,—развѣ онъ буенъ?

— Нѣтъ, не буенъ, онъ смирный. Но тогда, какъ онъ убѣжалъ отъ насъ, мы какъ ни искали,

---

1) остолбенѣніе, каталепсія.

не могли найти его. Думали уж[е]
съ собою, да вдругъ онъ явился [к]
самому Апраксину-старику, нагово[рилъ]
совсѣмъ несуразнаго[1]), увѣрялъ, ч[то]
не человѣкъ, смѣялся, кричалъ, ч[то]
и всемогущъ. И смѣхъ и горе пр[и]
галъ такъ старика... Тотъ его на-
пату заперъ. Прислалъ за мною..
привезъ его къ себѣ и боюсь, чт[о]
ушелъ, да не натворилъ чего.

— Ну, а *ей* не сказали, что
съ ума?

— Нѣтъ, она не знаетъ; ей
зали, что онъ боленъ. А очень ей
дѣть его, какъ уѣзжала.

— Пустите меня къ ней!.. Не
шій я вовсе!..—вдругъ ясно и отчетл[иво]
князь Никита.

— Слышите, очнулся,—прогово[рилъ]
зынъ.

— Ну, да, пойдемте къ нему.

Замокъ щелкнулъ. Маленькая д[верь]
лась и въ ней показалась фигура [Н]
тровича. Талызинъ не вошелъ.

Бестужевъ поздоровался съ кня[зем Ники-]
той, пощупалъ его голову, оглядѣ[лъ и]
спросилъ, давно-ли Никита Ѳедорови[чъ былъ на]
воздухѣ.

— Не помню,—отвѣчалъ онъ [...]
твердо.

— А хотѣли-бы пройтись?

---

[1]) безсмысленнаго, глупаго.

Никита Өедоровичъ вмѣсто отвѣта бодро всталъ со своей соломы. Бестужевъ взялъ его подъ руку и вывелъ на свѣтъ.

Волконскій вышелъ, щурясь послѣ своей полутемной комнаты.

— А гдѣ Миша, Лаврентій?—спросилъ онъ.

— Они придутъ, придутъ...—успокоительно произнесъ Михаилъ Петровичъ.

Лаврентій дѣйствительно сейчасъ же пришелъ. Волконскій при его помощи умылся, надѣлъ чистое бѣлье, камзолъ и башмаки, и вышелъ въ садъ къ Михаилу Петровичу. Талызинъ не показывался.

Никита Өедоровичъ долго ходилъ по саду съ Бестужевымъ, стараясь какъ можно разумнѣе доказать, что онъ не съумасшедшій, и безпрестанно повторяя это слово, говорилъ по чести, что все можетъ понять и понимаетъ.

Михаилъ Петровичъ не только не возражалъ, но часто одобрительно кивалъ головою, какъ будто вѣрилъ въ каждое слово Волконскаго, вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе и убѣждался его доводами. Наконецъ онъ будто совсѣмъ убѣдился и ушелъ въ домъ по аллеѣ, съ видомъ человѣка, которому много предстоитъ еще дѣла.

Никита Өедоровичъ остался ходить въ саду съ Лаврентіемъ, который почему-то счелъ нужнымъ поддерживать его подъ руку, хотя князь шелъ совсѣмъ бодро. Волконскій, какъ бы не желая обидѣть Лаврентія, не запрещалъ ему дѣлать это, если ему такъ казалось лучше, и продолжалъ ходить молча.

Наконецъ, въ аллеѣ показался Талызинъ,

неувѣренно подходившій къ князю
конскій остановился на встрѣчу ем
подошелъ на приличное все-таки
участливо, стараясь говорить какъ
койнѣе, спросилъ:

— Ну что́, какъ вы?.. Не х
дохнуть?.. Вамъ ужь пора спать, я

Это значило другими словами
подъ замокъ.

Волконскій ничего не отвѣча
нѣсколько времени неловкаго, тяжел

Наконецъ выступилъ впередъ Л

— Батюшка-баринъ,—заговорил
валясь Талызину въ ноги, — отпу
къ себѣ! Мы никому зла не сдѣлаемъ.
Что́ вамъ теперь?.. Мы уѣдемъ, ей Бо
уѣдемъ... Чего вамъ бояться отпустит

И Лаврентій сталъ просить и
что лучше всего для его князиньки
себѣ, и что онъ будетъ жить тамъ,
никого не трогая.

— Конечно, пустите меня домой,
рилъ князь Никита такъ просто и з
Талызину показалось это, наконец
должнымъ и возможнымъ.

— Какъ угодно,—проговорилъ онъ
— Какъ угодно вамъ... Что́-жь, я се
велю заложить коляску... я сейчасъ...

— Благодарю васъ,—сказалъ Во
протягивая руку.

— Я сейчасъ,—повторилъ Талызин
стро повернувшись, почти бѣгомъ напра
домъ.

Въ это время со стороны двора, у крыльца дома, стояла уже коляска Михаила Петровича Бестужева и возлѣ нея хлопотали люди съ вещами.

Самъ Бестужевъ, одѣтый по дорожному, стоялъ тутъ же, держа за руку Мишу, котораго увозилъ съ собою, къ себѣ, не желая оставить его на рукахъ Талызина, а тѣмъ болѣе сумасшедшаго отца.

— Просится къ себѣ. Какъ вы думаете, отпустить?—спросилъ подходя Талызинъ, бровями показывая, что говоритъ про того, кто въ саду.

— Отпускайте, все равно...—бѣгло, сквозь зубы произнесъ Михаилъ Петровичъ, тоже показывая глазами на Мишу, чтобъ Талызинъ замолчалъ при немъ, дескать вы тамъ какъ хотите мнѣ все равно, а ребенка дайте увезти спокойно.

— Дяденька, — сказалъ Миша,—мнѣ хотѣлось бы повидать на прощанье батюшку.

— Я сказалъ тебѣ,—отвѣчалъ Бестужевъ,— что отецъ твой боленъ и лучше не безпокоить его... Онъ скоро выздоровѣетъ и пріѣдетъ къ намъ.

Миша недовѣрчиво, глубоко, вздохнулъ.

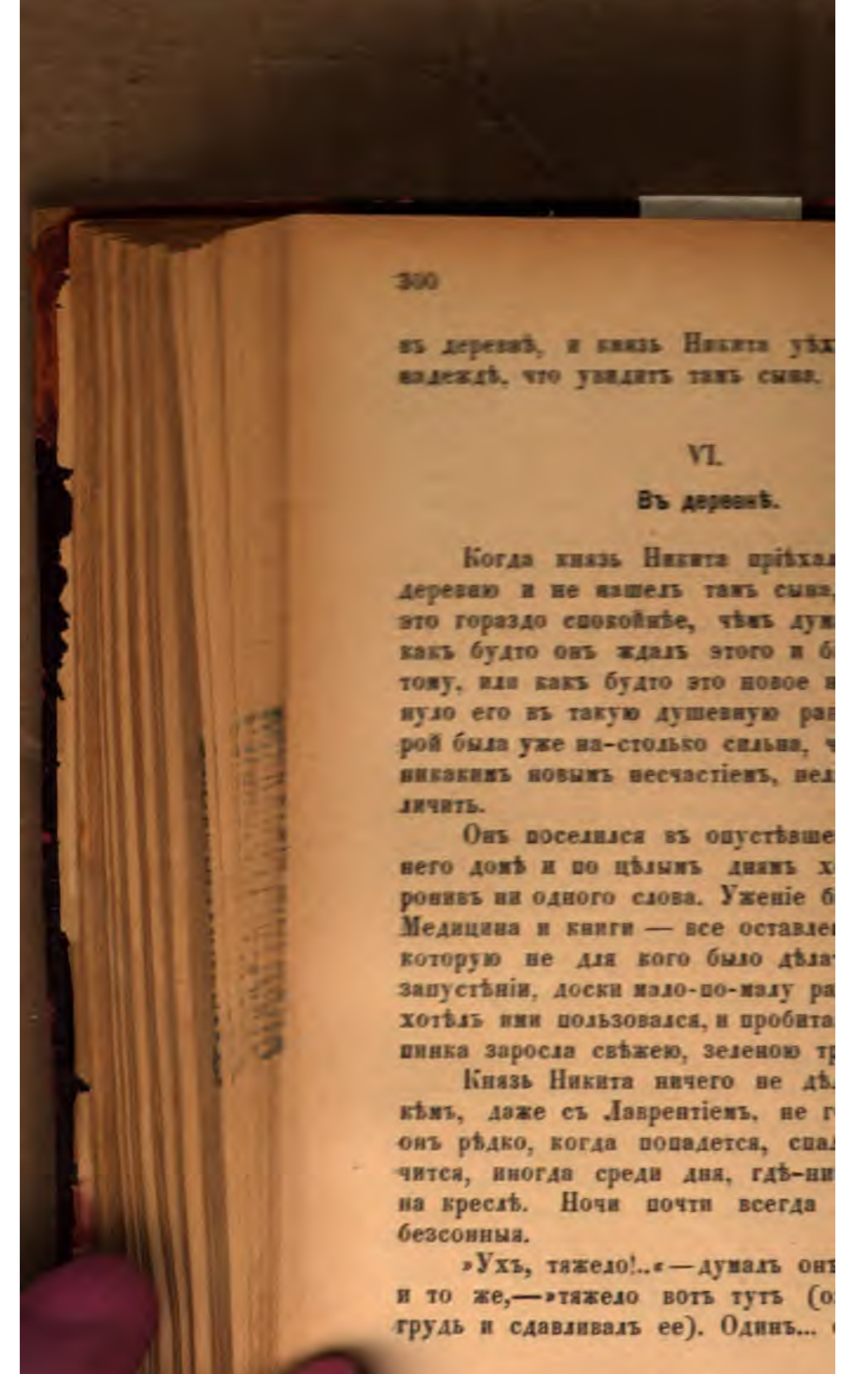
— Ну, готово,—проговорилъ Михаилъ Петровичъ. — Ѣдемъ.

И онъ сталъ прощаться съ Талызинымъ.

Черезъ часъ другая коляска стояла у крыльца. Князь Никита съ Лаврентіемъ уѣзжали къ себѣ.

— А Миша, гдѣ-же Миша? — безпокойно спрашивалъ Никита Ѳедоровичъ.

Ему сказали, что Миша ждетъ его у нихъ

въ деревнѣ, и князь Никита уѣх
надеждѣ, что увидитъ тамъ сына.

VI.

Въ деревнѣ.

Когда князь Никита пріѣхал
деревню и не нашелъ тамъ сына,
это гораздо спокойнѣе, чѣмъ ду
какъ будто онъ ждалъ этого и б
тому, или какъ будто это новое н
нуло его въ такую душевную ра
рой была уже на-столько сильна, ч
никакимъ новымъ несчастіемъ, нел
личить.

Онъ поселился въ опустѣвше
него домѣ и по цѣлымъ днямъ х
ронивъ ни одного слова. Уженіе б
Медицина и книги — все оставле
которую не для кого было дѣла
запустѣніи, доски мало-по-малу ра
хотѣлъ ими пользовался, и пробита
пинка заросла свѣжею, зеленою тр

Князь Никита ничего не дѣл
кѣмъ, даже съ Лаврентіемъ, не г
онъ рѣдко, когда попадется, спал
чится, иногда среди дня, гдѣ-ни
на креслѣ. Ночи почти всегда
безсонныя.

»Ухъ, тяжело!..« — думалъ онъ
и то же,—»тяжело вотъ тутъ (о
грудь и сдавливалъ ее). Одинъ...

взяли, всѣхъ увезли... Но я снесу... И его увезли... Тяжело!.. Они думаютъ, что я съумасшедшій; но мнѣ легче бы было, если-бъ я съ ума сошелъ. Я не понималъ бы тогда, а тутъ я живу, я понимаю...«

Иногда онъ пробовалъ закрывать глаза, и закрывъ ихъ, вызывалъ передъ собою милые ему образы, — и тогда такъ ясно, такъ подробно, представлялось ему недавнее прошлое, какъ будто онъ все еще жилъ въ немъ. Это облегчало на одинъ мигъ, на одинъ мигъ приносило отраду; но глаза открывались — и дѣйствительность становилась еще мучительнѣе, еще живѣе чувствовалась она.

Князь Никита не пропускалъ ни одной церковной службы.

Онъ часто тоже молился передъ большой кіотой въ спальнѣ, передъ которой столько лѣтъ каждый день утромъ и вечеромъ читалъ молитвы, стоя вмѣстѣ со своею княгиней. Порою, когда онъ съ закрытыми глазами и съ сложенными руками опускался теперь здѣсь одинъ на колѣни, ему вдругъ казалось, что рядомъ съ нимъ снова шепчетъ милый, тихій голосъ, повторяя за нимъ. Это былъ *ея* голосъ, и князь Никита такъ ясно обыкновенно слышалъ его, что вѣрилъ, что это она, дѣйствительно она приходила къ нему.

Онъ писалъ длинныя письма и женѣ, и сыну, и Михаилу Петровичу, но не получалъ отвѣта, словно его письма не доходили никуда.

Такъ прошло мѣсяца три.

Князь Никита все молчалъ по-прежнему, по—

долгу глядѣлъ въ одну случайно
глаза точку, выходилъ изъ дому
не смотря на дождь и погоду,
цѣлымъ днямъ безъ отдыху и у
не замѣчая, куда идетъ онъ. Онъ
дилъ такъ къ обрыву рѣки, но т
знательно поворачивалъ назадъ, ка
словно кто-нибудь удерживалъ е
отъ опаснаго мѣста.

Крестьяне привыкли уже встр
и съ сожалѣніемъ, соболѣзнуя, до
глазами своего *»несчастнаго* кня
они говорили.

Наконецъ душевное состоян
киты дошло до такихъ предѣловъ
безмѣрной муки, что онъ по врем
сознаніе подъ ея безъисходнымъ г

У него явились совсѣмъ особе
ственныя другимъ людямъ движені
временамъ онъ выставлялъ передъ
тыя руки и, плавно и мѣрно присѣ
ими впередъ и назадъ, будто плыл

Ему все казалось, что внутр
колыхается что-то, точно хочетъ
отъ земли.

Разъ онъ вернулся послѣ цѣла
бы въ такомъ состояніи, что привы
виду Лаврентій — и тотъ поразился
кита, какъ лунатикъ, не видя ниче
ронамъ, прошелъ прямо въ комна
прежде называлась его комнатой (
названіе не имѣло уже смысла—онъ
во всемъ домѣ), и приблизился къ с

»Что-то мнѣ тутъ нужно было?...—вспоминалъ онъ,—но чтó?.. Я зачѣмъ-то шелъ сюда...«

На глаза ему попался ножикъ — онъ отбросилъ его.

»Библія!«—вспомнилъ онъ и взялъ со стола запыленную, толстую книгу.

Прежде онъ часто, когда его мучило что-нибудь, бралъ эту книгу и развертывалъ ее наугадъ — и всегда находилъ себѣ отвѣтъ. Онъ вспомнилъ это теперь и хотѣлъ посмотрѣть, чтó скажетъ ему Библія.

Онъ зажмурилъ глаза, какъ всегда дѣлалъ, взялъ обѣими руками книгу, повернулъ ее вверхъ обрѣзомъ, и перебравъ большими пальцами края листовъ, быстро раскрылъ, словно сломалъ ее на двѣ части.

Ему открылся тридцать седьмóй псаломъ:

»Сердце мое трепещетъ, оставила меня сила моя, и свѣтъ очей моихъ—и того нѣтъ у меня.

»Друзья мои и искренніе отступили отъ язвы моей, и *ближніе мои стоятъ вдали.*

»Ищущіе же души моей ставятъ сѣти, и желающіе мнѣ зла говорятъ о погибели моей, и замышляютъ всякій день козни.

»А я, какъ *глухой*, не слышу, и какъ *нѣмой*, который не открываетъ устъ своихъ.

»И сталъ я какъ человѣкъ, который не слышитъ и не имѣетъ въ устахъ своихъ отвѣта.

»Ибо на Тебя, Господи, уповаю я; Ты услышишь, Господи Боже мой...«

— Ты услышишь, Господи Боже мой!—повторилъ вслухъ князь Никита, и положилъ книгу на мѣсто.

И ему стало легче.

Теперь душевная мука какъ
мѣшала мыслямъ его слагаться пос
и связно. Теперь онъ могъ занятьс
на нѣкоторое время отвлечься отъ
ченій.

»Что-то такое важное нужно м
думать«,—разсуждалъ онъ, — »да!
въ томъ, боленъ я или нѣтъ, съум
или нѣтъ; впрочемъ это все равно.
поступилъ *здоровый* человѣкъ на мо

Онъ первый разъ сомнѣвался
своего ума.

»Конечно, я боленъ«, — рѣшил
кита, — »развѣ здоровый человѣкъ
такъ, когда никто не мѣшаетъ п
сейчасъ къ ней и жить возлѣ ея
монастыря.«

Волконскій узналъ черезъ Ла
Аграфена Петровна была сослана въ
монастырь.

»Однако все-таки эта мысль«,
же подумалъ онъ, — »пришла мнѣ
значитъ я еще не совсѣмъ того... З
думаю, какъ ѣхать туда... Но отчего
А вотъ отчего: имѣю-ли я право
если такъ нужно, чтобъ мы нѣко
были по-человѣчески розно... Я могу
это будетъ слабостью... Значитъ, я н
таніе, и освобожденіе моего духа
Это такъ, а теперь оно близко... бл

Онъ пошелъ къ образу и заб
только-что думалъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ опять вспомнилъ объ этомъ и собирался въ Тихвинъ, но мысли его опять разсѣялись, словно растаяли... Но онъ все-таки не рѣшилъ окончательно не ѣхать, а только какъ-то не могъ во всѣхъ подробностяхъ мысленно охватить свое предположеніе и, дойдя до извѣстнаго мѣста, всегда разсужденія его сворачивали въ сторону такъ же невольно, какъ онъ сворачивалъ, близко подойдя къ обрыву рѣки.

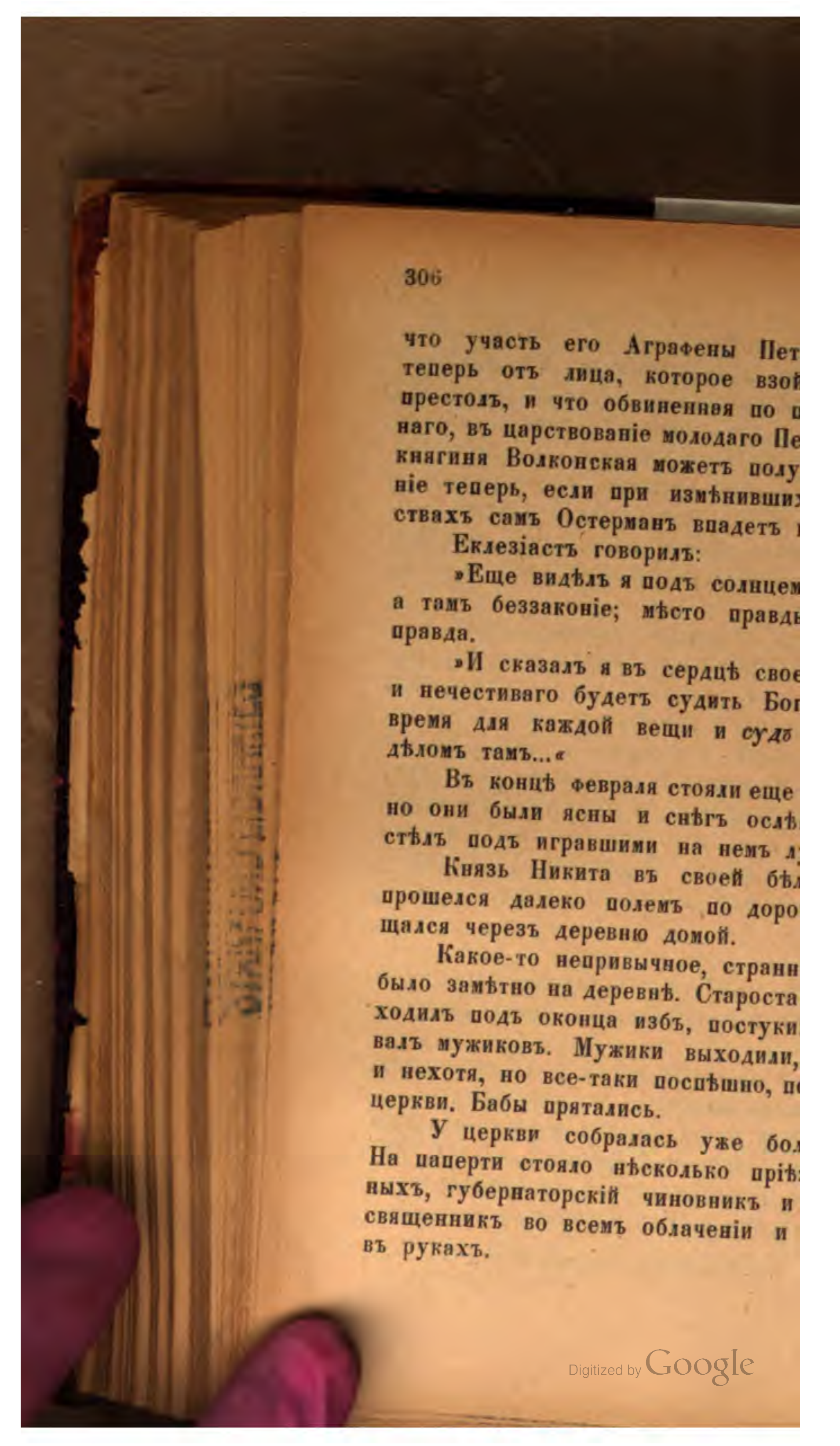
Вечера съ каждымъ днемъ становились длиннѣе. Наконецъ выпалъ снѣгъ и наступила зима, принесшая со своимъ снѣгомъ, холодомъ, ранними сумерками и заунывнымъ воемъ мятели еще больше тоски и томленія... Но и зимою князь Никита по-прежнему выходилъ изъ дому, и еслибъ слѣдившій за нимъ Лаврентій не успѣвалъ накидывать на него его бѣличью[1]) короткую шубку — Никита Ѳедоровичъ такъ бы и шелъ на морозъ безъ верхняго платья.

Въ январѣ 1730 года скончался отъ оспы въ Москвѣ молодой императоръ Петръ Алексѣевичъ.

Россійскій престолъ снова былъ свободенъ, и снова поднялся вопросъ: кто займетъ его?

Въ деревню князя Никиты новости эти хотя и дошли очень скоро и Лаврентій сообщилъ ему ихъ, но князь Никита какъ-то не придалъ важности этому событію. Ему не пришло въ голову,

[1]) заячью т. е. изъ зайца, или изъ бѣлки (Eichhorn, wiewiórka).

что участь его Аграфены Пет
теперь отъ лица, которое взой
престолъ, и что обвиненная по
наго, въ царствованіе молодаго Пе
княгиня Волконская можетъ полу
ніе теперь, если при измѣнившихъ
ствахъ самъ Остерманъ впадетъ

Еклезіастъ говорилъ:

»Еще видѣлъ я подъ солнцем
а тамъ беззаконіе; мѣсто правды
правда.

»И сказалъ я въ сердцѣ свое
и нечестиваго будетъ судить Бог
время для каждой вещи и *судъ*
дѣломъ тамъ...«

Въ концѣ февраля стояли еще
но они были ясны и снѣгъ ослѣ
стѣлъ подъ игравшими на немъ л

Князь Никита въ своей бѣл
прошелся далеко полемъ по доро
щался черезъ деревню домой.

Какое-то непривычное, странн
было замѣтно на деревнѣ. Староста
ходилъ подъ оконца избъ, постуки
валъ мужиковъ. Мужики выходили,
и нехотя, но все-таки поспѣшно, п
церкви. Бабы прятались.

У церкви собралась уже бол
На паперти стояло нѣсколько пріѣз
ныхъ, губернаторскій чиновникъ и
священникъ во всемъ облаченіи и
въ рукахъ.

Князь Никита, не спѣша, подошелъ къ толпѣ, которая все прибывала. На паперти видимо замѣтили его приближеніе, потому что офицеръ спросилъ что-то, показывая на Волконскаго, у чиновника и чиновникъ кивнулъ головою.

— Дядя Ермилъ, али драть кого будутъ? — спросилъ неподалеку отъ Никиты Ѳедоровича подбѣжавшій парень, обращаясь къ стоявшему сзади толпы мужику и вздрагивая плечами, не обходившимися еще на морозѣ.

— У, дурень, драть! — отвѣчалъ Ермилъ. — Слышь, царскій указъ читать будутъ...

— Это чтобъ сейчасъ вольная? — безпокоился парень, но дядя Ермилъ не отвѣчалъ ужь ему.

Двѣ какія-то бабы съ коромыслами на плечахъ подошли было тоже къ толпѣ, но, увидѣвъ на паперти чиновниковъ, ахнули и, побросавъ ведра, стремглавъ, сдуру, кинулись прочь бѣгомъ.

Въ это время староста, степенный мужикъ, обойдя должно-быть деревню, подошелъ безъ шапки къ губернаторскому чиновнику и съ низкимъ поклономъ доложилъ ему что-то.

Чиновникъ даже не обернулся на этотъ низкій, почти земной, поклонъ старосты и, махнувъ рукою остальнымъ мужикамъ, и безъ того стоявшимъ безъ шапокъ, въ полномъ молчаніи, развернулъ большую бумагу съ печатью.

Военные приложили руки къ шляпамъ.

Чиновникъ прочелъ манифестъ о восшествіи на престолъ государыни императрицы Анны Іоанновны.

Онъ читалъ очень дурно и чтеніе продолжалось очень долго. Чиновникъ давно охрипъ, видимо не въ первый уже разъ читая манифестъ на холоду.

Когда онъ кончилъ, толпа нѣкоторое время оставалась сначала безгласною. Потомъ вдругъ откуда-то изъ заднихъ рядовъ послышался пробасившій голосъ:

— Не согласны!..

Стоявшій у самой паперти староста вздрогнулъ и, поблѣднѣвъ, безпокойно обернулся, отыскивая глазами того, чей былъ этотъ голосъ. Но голосъ этотъ сейчасъ же сталъ голосомъ всей толпы.

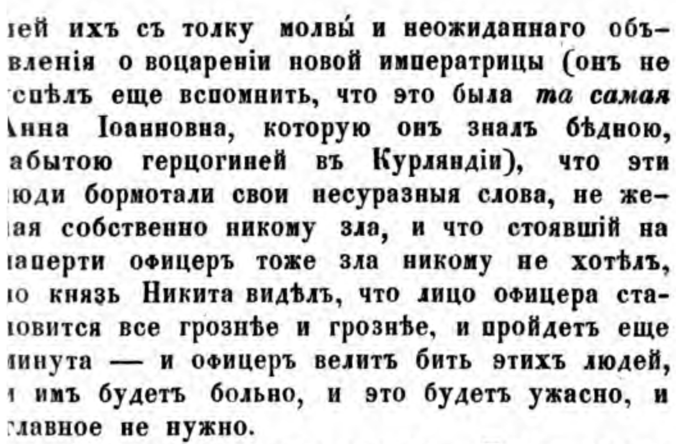
— Не согласны, не согласны!—сдержанно, но потомъ все смѣлѣе, послышалось кругомъ.

Чиновникъ растерянно оглянулся и посмотрѣлъ на офицера, какъ бы ища его помощи.

Офицеръ молча смотрѣлъ на толпу, сурово поводя глазами и наморщивъ брови... А волненіе толпы разрасталось.

— Ишь нашли! Императрица! Какъ же... когда самъ царь Петръ живъ... живъ... пра-а!.. Къ намъ ѣдетъ... Не согласны... какъ же... а энто опять... Живъ... И по старому закону...

Толпа гудѣла безсвязныя, безсмысленныя рѣчи... Очевидно, ходившіе толки повліяли на мужиковъ, они что-то слышали и хотѣли какъ-то показать свою разумность, протестовали противъ чего-то... Но князь Никита, слѣдившій теперь за всѣмъ происходившимъ, понималъ только одно, — и это было для него главное въ эту минуту, — что эти люди, которые подъ вліяніемъ сбив-

іей ихъ съ толку молвы́ и неожиданнаго объявленія о воцареніи новой императрицы (онъ не спѣлъ еще вспомнить, что это была *та самая* Анна Іоанновна, которую онъ зналъ бѣдною, абытою герцогиней въ Курляндіи), что эти юди бормотали свои несуразныя слова, не желая собственно никому зла, и что стоявшій на паперти офицеръ тоже зла никому не хотѣлъ, ю князь Никита видѣлъ, что лицо офицера становится все грознѣе и грознѣе, и пройдетъ еще минута — и офицеръ велитъ бить этихъ людей, и имъ будетъ больно, и это будетъ ужасно, и главное не нужно.

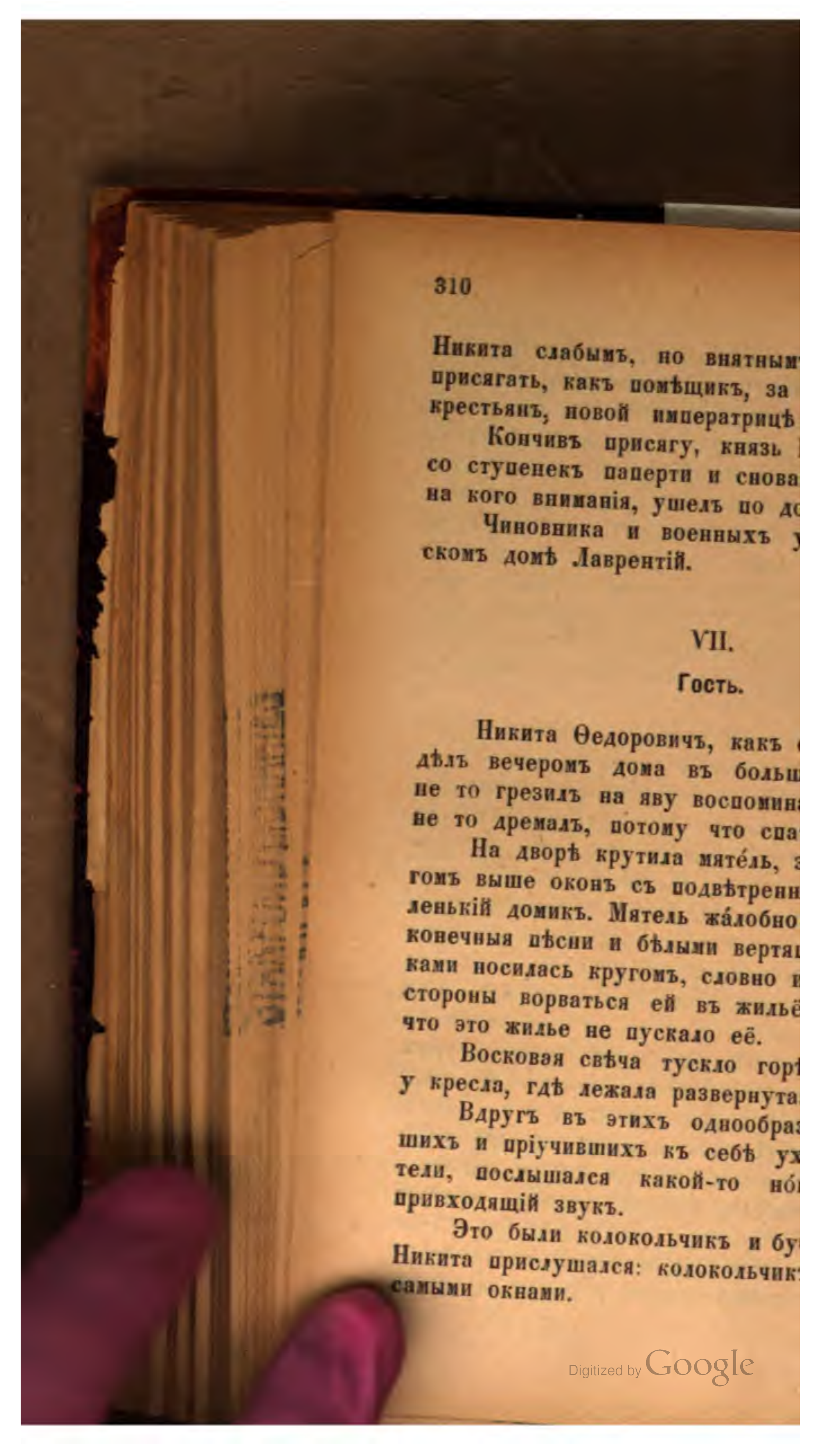
Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Толпа вдругъ разступилась передъ нимъ, пропуская его.

И передъ этимъ спокойнымъ, неподвижнымъ, тихимъ лицомъ нельзя было не разступиться толпѣ. Князь Никита сильно измѣнился за послѣдніе полтора года. Блѣдный, высокій лобъ его покрылся морщинами, щеки, покрытыя сквозною блѣдностью, ввалились, въ глазахъ свѣтился лихорадочный, особенный огонь, губы побѣлѣли и весь онъ исхудалъ, какъ только можетъ исхудать человѣкъ...

Высокій, строгій, смотрящій прямо передъ собою, онъ прошелъ среди толпы, которая, вдругъ вся, замѣтивъ его, притихла.

Никита Ѳедоровичъ поднялся на двѣ ступени паперти и не замѣчая, что шубка его распахнулась на груди, высоко поднялъ правую руку.

Священникъ, воспользовавшись минутой тишины, началъ читать слова присяги, и князь

Никита слабымъ, но внятнымъ
присягать, какъ помѣщикъ, за
крестьянъ, новой императрицѣ

Кончивъ присягу, князь
со ступенекъ паперти и снова
на кого вниманія, ушелъ по до

Чиновника и военныхъ у
скомъ домѣ Лаврентій.

VII.

Гость.

Никита Ѳедоровичъ, какъ
дѣлъ вечеромъ дома въ больш
не то грезилъ на яву воспомин
не то дремалъ, потому что спа

На дворѣ крутила мятéль,
гомъ выше оконъ съ подвѣтренн
ленькій домикъ. Мятель жáлобно
конечныя пѣсни и бѣлыми вертя
ками носилась кругомъ, словно
стороны ворваться ей въ жильё
что это жилье не пускало её.

Восковая свѣча тускло горѣ
у кресла, гдѣ лежала развернута

Вдругъ въ этихъ однообра
шихъ и пріучившихъ къ себѣ ух
тели, послышался какой-то нó
привходящій звукъ.

Это были колокольчикъ и бу
Никита прислушался: колокольчик
самыми окнами.

Лаврентій хлопнулъ дверью своей комнатки и тяжелыми, быстрыми шагами побѣжалъ въ сѣни.

Скоро въ сѣняхъ послышался стукъ, кашлянье и возня́.

Кто-то пріѣхалъ.

Но Никитѣ Ѳедоровичу было все равно. Пусть пріѣзжаютъ. Это его, какъ ничто другое, не могло интересовать.

— Батюшка, князинька, — послышался голосъ Лаврентія, — посмотрите, пріѣхалъ-то кто?

Въ комнату входилъ Черемзинъ.

Волконскій какъ-то написалъ ему, и, получивъ это письмо и узнавъ о всемъ случившемся, — Черемзинъ при первой же возможности собрался и пріѣхалъ навѣстить князя Никиту.

Объ истинномъ положеніи »князиньки« Лаврентій успѣлъ уже въ передней доложить Черемзину, который впрочемъ и по письму уже догадывался.

Никита Ѳедоровичъ быстро всталъ навстрѣчу гостю и исподлобья взглянулъ на него, точно конфузясь и стыдясь пріятеля. Онъ остановился съ опущенными руками и выпрямившись во весь ростъ.

Черемзинъ, какъ будто все такъ и должно было быть, быстро подошелъ къ нему и горячо обнялъ его.

И князь Никита тоже обнялъ Черемзина.

— Батюшка-баринъ, садитесь, — говорилъ Лаврентій, подставляя стулъ, — сейчасъ я вамъ принесу съ дороги-то закусить, да горяченькаго чего-нибудь... я сейчасъ, сейчасъ.

Лаврентій, взволнованный,
побѣжалъ за горяченькимъ, а
противъ князя Никиты, который,
вмѣсто всякаго другаго чу́вст
ощущать все свою неловкость,
при появленіи Черемзина.

Эти два человѣка, сидѣвші
глазъ и начавшіе когда-то почт
были теперь совсѣмъ не похожи
Никита Өедоровичъ — худой, б
женный и едва державшійся въ
кахъ, какъ говаривалъ Лаврентi
— румяный, бодрый, здоровый,
шій встрѣчать только улыбку ж
ванный ею, казался не только с
ложе своего товарища дѣтства.

Черемзинъ думалъ, что онъ
него зависящее — пріѣхалъ за т
нарочно навѣстить Волконскаго,
и утѣшить его, но теперь видѣл
помочь, ни утѣшить нельзя. И
зливости и неловкости стало мал
дѣвать и имъ.

— Вотъ бѣда, спать не мо
произнесъ вдругъ почему-то кня
будто все его горе и заключа
этомъ.

У Черемзина сердце сжа
болью. Ему жалко, невыносимо ж
трѣть на Волконскаго. Онъ тол
нялъ все его ужасное положеніе
лека все-таки казалось ему не
мощнымъ.

Лаврентій принесъ закусить.

— Ну какъ вы, баринъ? — спросилъ онъ Черемзина. — Какъ изволите жить, давно вѣдь не видѣли, съ самаго послѣдняго пріѣзда.

Черемзинъ былъ благодаренъ Лаврентію, что тотъ заговорилъ и далъ, такъ сказать, возможность выйти изъ неловкаго молчанія. Дѣйствительно, трудно было начать о чемъ-нибудь. Говорить о самомъ князѣ Никитѣ и его горѣ — значило еще больше растравлять[1]) его. О самомъ себѣ Черемзинъ боялся говорить, потому что былъ слишкомъ счастливъ, слишкомъ избалованъ своею жизнью.

— Жениться изволили? Дѣточки есть? — спрашивалъ между тѣмъ Лаврентій.

— Да, я женатъ и дѣти есть, — отвѣчалъ Черемзинъ, тихо, точно извиняясь за свое счастье.

— Ты женатъ? — спросилъ Волконскій.

— Да, на Трубецкой, помнишь? И тебѣ обязанъ этимъ.

— Какъ мнѣ? — удивился князь Никита. — Отчего мнѣ?

— Да какъ же, помнишь, когда я пріѣзжалъ... (онъ хотѣлъ сказать *»къ вамъ«*, но удержался) пріѣзжалъ *сюда* отчаявшись, что моя Ирина Петровна будетъ когда-нибудь моею... Тогда старый приверéдникъ[2]) князь — онъ живъ до сихъ поръ и ужъ во многомъ перемѣнился, — не желая отдавать дочь за меня, придрался

---

[1]) дразнить; [2]) чудакъ.

къ тому, что я не на десять лѣтъ
на девять только.

— Ну? — спросилъ Волконс
захъ его появилось какъ будто вн

Этотъ свѣжій, здоровый голо
и самъ Черемзинъ, говорившій о в
шенно противуположныхъ тому, о
Никита думалъ изо дня въ день
его думы, ворвались къ нему и
охватить и хотя на мигъ разсѣять

Никита Ѳедоровичъ невольно
разсказу Черемзина и сталъ слѣди

Хотя ему говорили, что все э
женъ былъ помнить, но онъ ничего
и слушалъ какъ новое, а тѣмъ не
чему-то занимательное.

— Ну, и ты же мнѣ помогъ то
должалъ Черемзинъ съ большимъ о
видя, что его слова производятъ б
дѣйствіе. — Ты меня уговорилъ ѣх
въ деревню къ себѣ и далъ запечатанн
съ собою мнѣ. Въ ней я нашелъ ра
которому выходило, что я старше Ири
вны на столько именно лѣтъ, на сколь
валъ ея отецъ. Онъ развелъ только
согласился.

— Какъ же это такъ? — опять
Волконскій, придвигаясь.

Онъ чувствовалъ, что радъ, что е
рятъ о постороннемъ и что онъ можетъ
свои мысли на это постороннее.

— Очень просто, — пояснилъ Че
дѣлая видъ, что тутъ не было ничего с

въ томъ, что князь Никита забылъ объ этомъ.

— Видишь-ли, я родился въ 1689 году. Въ 1727, когда я женился, Иринѣ Петровнѣ было двадцать девять. Старикъ Трубецкой вычелъ тогда 1689 изъ 1727 и рѣшилъ, что мнѣ 38 лѣтъ, понимаешь? Но дѣло въ томъ, что я родился въ октябрѣ. Ты и вспомнилъ, что у насъ до 1700 года новый годъ встрѣчали въ сентябрѣ, и только съ этого года съ января. Такимъ образомъ вышло, что въ 1699-мъ было два октября. Въ первый октябрь мнѣ минуло десять лѣтъ, во второй одиннадцать, а въ октябрѣ 1700 года было уже двѣнадцать. Значитъ въ двадцать седьмомъ году мнѣ было тридцать девять лѣтъ... и я оказался старше своей невѣсты ровно на десять лѣтъ. Она же родилась въ іюлѣ и поэтому относительно ея не могло произойти ошибки.

— Такъ! — произнесъ Волконскій. — И неужели это я придумалъ тогда?

— Да, ты.

Разговаривая такимъ образомъ, Черемзинъ ни разу не намекалъ, не коснулся того, что могло бы затронуть и разбередить[1]) душевную рану Никиты Ѳедороовича.

Онъ пробылъ у него опять недѣли двѣ, и все время былъ разговорчивымъ и занимательнымъ. Онъ зналъ, что помочь Волконскому ничѣмъ нельзя, а можно было только облегчить нравственныя его страданія, и это облегченіе являлось лишь въ томъ, чтобы по возможности разсѣять его.

[1]) разъятрить.

Онъ звалъ князя Никиту къ
— Куда мнѣ! — грустно с
Θедоровичъ, и Черемзинъ пере
на другую тему.

Черезъ двѣ недѣли онъ уѣх
деревню, къ своей Иринѣ Петров
любимой, съ которою въ первы
свадьбы разстался, чтобы навѣсти
невольно стремился къ ней, къ
вой, тихой жизни. Теперь онъ чу
глубже, еще осязательнѣй, то сч
выпало на его долю.

Пріѣздъ Черемзина освѣжилъ
ровича. Они проводили его съ Лав
близкаго, какъ роднаго человѣка.

— И посмотрю я на васъ,
говорилъ Лаврентій Никитѣ Θедо
что́ судьба слѣпа такъ! Отчего др
здѣсь посылается, а вамъ не да
правда прогнѣвили вы Господа?
гаго такого я и не видывалъ, а
ваша не имѣетъ награды!.. Ужь
малъ: есть молъ правда несчастлив
счастнѣе нашего, да намъ-то отъ
легче... легче развѣ? — повторилъ
ніемъ Лаврентій.

Никита Θедоровичъ сидѣлъ опу
на руки и задумчиво слушалъ Лавр

— Ты жалѣешь меня, — вдру
онъ, — находишь несчастнымъ, п
насъ былъ до́брый человѣкъ, которо
землѣ хорошо живется. Вотъ ты и
лѣлъ... а чего жалѣть меня? Я не ж

долго осталось. А здѣшняя жизнь, все равно, испытаніе; и ему (онъ говорилъ про Черемзина) въ его счастіи испытаніе, и мнѣ въ моемъ горѣ тоже испытаніе. И его испытаніе гораздо труднѣе моего... Нѣтъ, жалѣть меня не нужно... не нужно, Лаврентій! — заключилъ князь Никита и снова задумался.

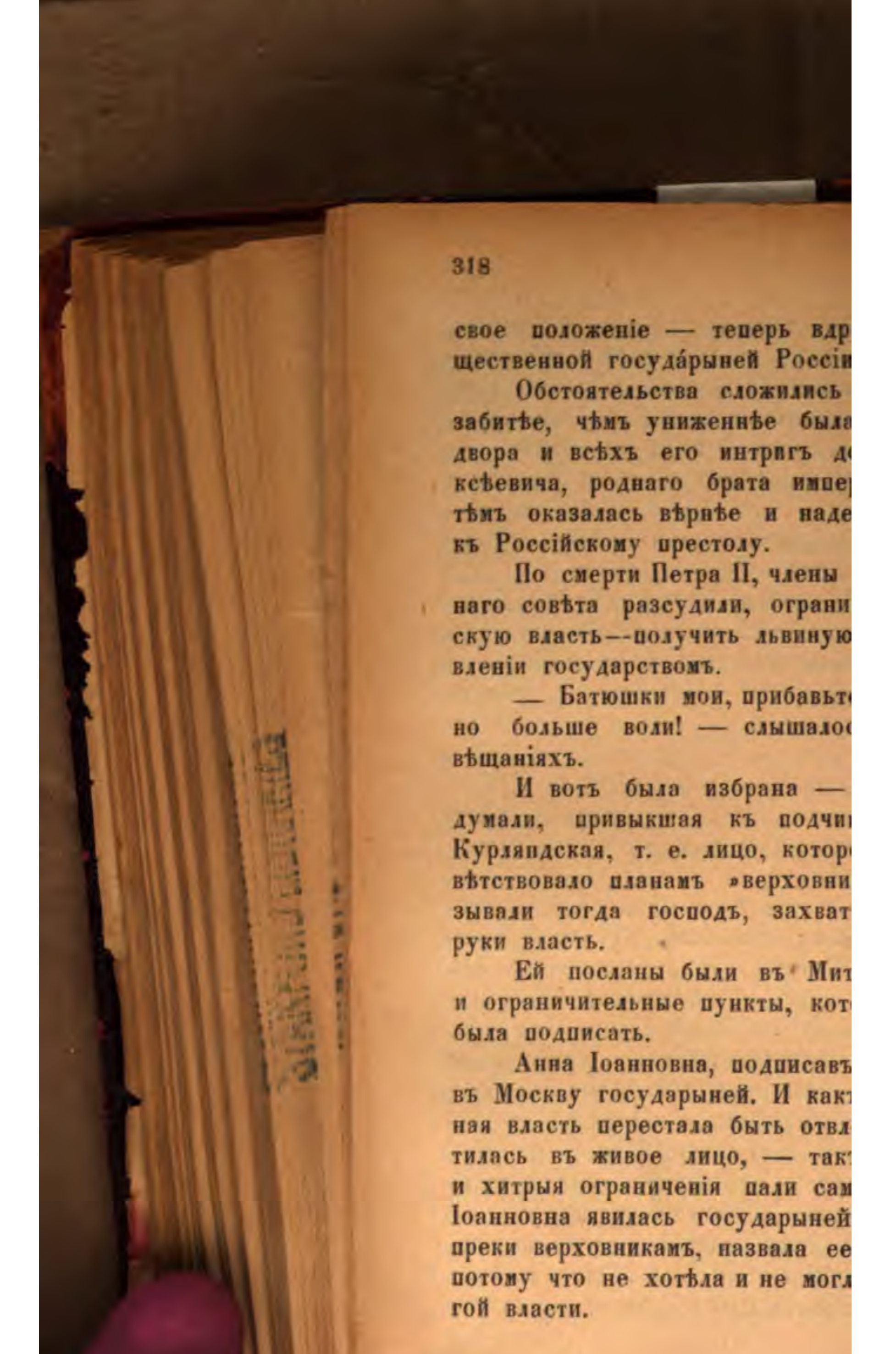
Лаврентій взглянулъ на него молча, вздохнулъ и ушелъ къ себѣ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Черемзина, облегченный ненадолго въ своемъ страданіи, Никита Ѳедоровичъ снова былъ имъ охваченъ, и снова мысли его сосредоточились на прежнемъ, и недугъ завладѣлъ имъ.

VIII.

Снова въ Петербургѣ.

Что́ же? Та самая Анна Іоанновна, незначительная герцогиня маленькой Курляндіи, содержавшаяся въ Митавѣ изъ политическихъ видовъ, у которой никто не справлялся, не спрашивалъ, нравится-ли ей са́мой тоска и скука, которую она испытывала, проводя лучшіе годы взаперти, — та самая герцогиня Анна, которая робѣла передъ Меншиковымъ и пріѣзжала въ Петербургъ хлопотать за своего Морица, и которой *запретили* думать о Морицѣ и *велѣли* снова ѣхать въ ненавистное ей »свое« герцогство, — та самая, которая такъ недавно еще бѣднялась, жаловалась на свою судьбу, не видѣла выхода впереди и со »вдовьимъ сиротствомъ« переносила

свое положеніе — теперь вдр
щественной госуда́рыней Россі

Обстоятельства сложились
забитѣе, чѣмъ униженнѣе был
двора и всѣхъ его интригъ д
ксѣевича, роднаго брата импе
тѣмъ оказалась вѣрнѣе и наде
къ Россійскому престолу.

По смерти Петра II, члены
наго совѣта разсудили, ограни
скую власть—-получить львиную
вленіи государствомъ.

— Батюшки мои, прибавьт
но больше воли! — слышало
вѣщаніяхъ.

И вотъ была избрана —
думали, привыкшая къ подчи
Курляндская, т. е. лицо, котор
вѣтствовало планамъ »верховни
зывали тогда господъ, захват
руки власть.

Ей посланы были въ Мит
и ограничительные пункты, кот
была подписать.

Анна Іоанновна, подписавъ
въ Москву государыней. И как
ная власть перестала быть отвл
тилась въ живое лицо, — так
и хитрыя ограниченія пали сам
Іоанновна явилась государыней
преки верховникамъ, назвала ее
потому что не хотѣла и не могл
гой власти.

Ограничительные пункты были разорваны, верховники подчинились безъ возраженій,—Анна Іоанновна короновалась единовластною и самодержавною. Полученныя ею въ молодости предсказанія о коронѣ сбылись.

Первые два года своего царствованія Анна провела въ безпокойствѣ въ Москвѣ, не зная, на-сколько сильна она и на-сколько серьезна та опасность, которая можетъ возникнуть отъ готовыхъ съ каждымъ днемъ появиться придворныхъ интригъ.

Это безпокойное, переходное состояніе наконецъ выяснилось къ концу втораго года. Главная надежда была на гвардію, въ преданности которой нельзя было уже сомнѣваться, и Анна Іоанновна рѣшилась переѣхать въ Петербургъ на постоянное жительство, со спокойнымъ сердцемъ оканчивая свое временное, тревожное пребываніе въ Москвѣ.

Торжественный въѣздъ императрицы въ Петербургъ состоялся въ началѣ января 1732 года.

Анна Іоанновна поселилась здѣсь въ старомъ зимнемъ дворцѣ и уже на свободѣ устроила жизнь свою такъ, какъ ей хотѣлось.

Дѣла государственныя вѣдалъ учрежденный ею вмѣсто прежняго Верховнаго совѣта — кабинетъ министровъ.

Совершенно не подготовленная къ тому мѣсту, которое судьба предназначила ей, Анна Іоанновна занималась гораздо съ большею охотою своими личными дѣлами. И въ этихъ личныхъ дѣлахъ былъ одинъ маленькій уголокъ, было одно воспоминаніе, которое не разъ уже при-

ходило ей въ голову съ тѣх
стала всемогущею повелительн

Многіе изъ тѣхъ, против
имѣла что-нибудь, — получил
нію »должное«, но Аграфена
жу княгиня Волконская, жила
настырѣ: »дѣло« ея было давн
чено и разсмотрѣно, и для его
было повода. Аграфена Петров
настырскимъ житіемъ какъ-то
ея власти, становилась для не
сягаемою, словомъ къ ней нел
ни съ какой стороны.

»А гдѣ ея мужъ? — вспо

Ей доложили, что онъ, сл
ваетъ у себя въ деревнѣ.

Анна Іоанновна приказала
двору »слабоумнаго« князя Вол
написала о томъ въ Москву, къ

Съ этимъ письмомъ поскака
Москву, и Салтыковъ поспѣшилъ
казаніе государыни.

Въ февралѣ въ придворной
зрѣли ананасы. Анна Іоанновна с
штатомъ ѣздила смотрѣть эту дик
что появившуюся изъ жаркихъ стр
ственноручно срѣзала два ананас
очень довольна этимъ, вернулас
веселая и въ духѣ.

Тамъ ей вдругъ стало жаль
шаго расположенія. Она въ полде

до ужина еще было далеко, а дѣлать, казалось, рѣшительно нечего, и Анна Іоанновна боялась, что ей станетъ скучно.

Спросить сластей и ѣсть она не могла, потому что покушала въ оранжереѣ ананаса; заставить своихъ фрейлинъ пѣть, — но тогда ничего не останется къ вечеру. По вечерамъ обыкновенно она заставляла фрейлинъ тѣшить себя пѣніемъ.

Она уже начинала хмуриться, какъ расторопная, говорливая Авдотья Ивановна Чернышева, стоявшая у ея кресла и слѣдившая за выраженіемъ во всѣхъ подробностяхъ изученнаго лица государыни, сказала какъ разъ во-время:

— Матушка императрица, сегодня изъ Москвы привезли слабоумнаго, князя Никиту привезли.

Лицо Анны оживилось.

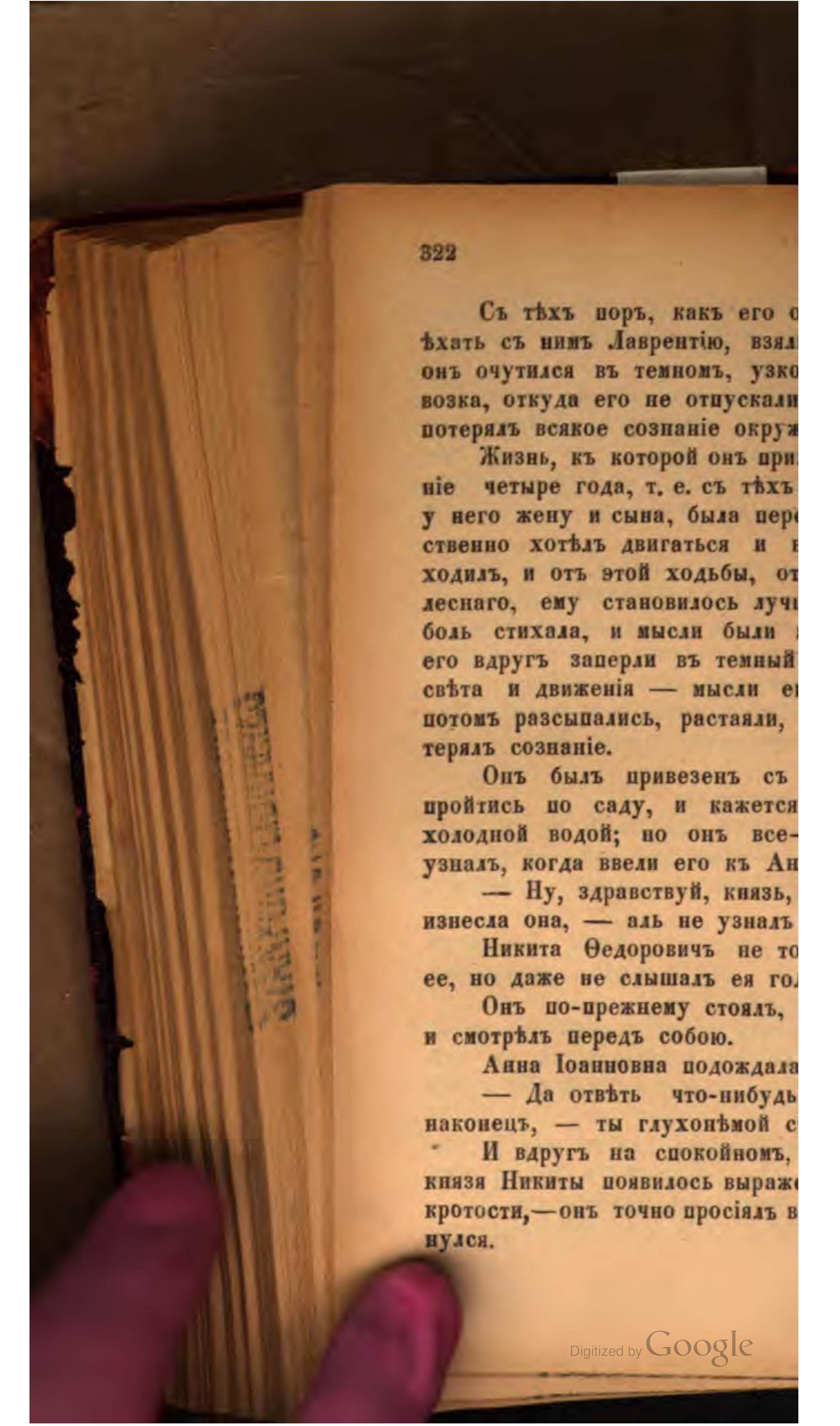
— Чтó жь, раньше мнѣ никто не скажетъ! —воскликнула она,—приведите его, приведите...

Нѣсколько фрейлинъ бросилось исполнять это приказаніе.

Князя Никиту ввели, и Анна Іоанновна остановила на немъ долгій-долгій, казавшійся насмѣшливымъ, взглядъ.

Онъ стоялъ, глядя прямо передъ собою, и, казалось, не только не обращалъ ни на чтó вниманія, но даже не понималъ, гдѣ онъ и чтó съ нимъ.

Глаза его остановились гдѣ-то сверху, повыше Анны, лицо было серьезно и только ротъ сложился въ неестественную, жалкую улыбку.

Съ тѣхъ поръ, какъ его с
ѣхать съ нимъ Лаврентію, взял
онъ очутился въ темномъ, узко
возка, откуда его не отпускали
потерялъ всякое сознаніе окруж

Жизнь, къ которой онъ при
ніе четыре года, т. е. съ тѣхъ
у него жену и сына, была пере
ственно хотѣлъ двигаться и в
ходилъ, и отъ этой ходьбы, от
леснаго, ему становилось лучш
боль стихала, и мысли были
его вдругъ заперли въ темный
свѣта и движенія — мысли ег
потомъ разсыпались, растаяли,
терялъ сознаніе.

Онъ былъ привезенъ съ
пройтись по саду, и кажется
холодной водой; но онъ все-
узналъ, когда ввели его къ Ан

— Ну, здравствуй, князь,
изнесла она, — аль не узналъ

Никита Ѳедоровичъ не то
ее, но даже не слышалъ ея гол

Онъ по-прежнему стоялъ,
и смотрѣлъ передъ собою.

Анна Іоанновна подождала

— Да отвѣть что-нибудь
наконецъ, — ты глухонѣмой с

И вдругъ на спокойномъ,
князя Никиты появилось выраже
кротости,—онъ точно просіялъ в
нулся.

— Аграфенушка! — протяжнымъ, долгимъ, тихимъ шепотомъ сказали его губы.

Это лицо, этотъ шепотъ, эта кротость и улыбка были трогательны, жалки и безпомощны; но никому изъ присутствующихъ не показались они такими, или, вѣрнѣе, никто изъ присутствующихъ не счелъ умѣстнымъ показать, какое впечатлѣніе производилъ этотъ человѣкъ, привезенный Богъ знаетъ откуда по капризу своевольной повелительницы.

Молодыя фрейлины однако опустили глаза; имъ хотѣлось плакать и онѣ мысленно читали ужь молитву, чтобы прошло для нихъ благополучно это испытаніе.

Одна только Анна Іоанновна продолжала торжествующе-весело смотрѣть на князя Никиту.

»А вѣдь ты знала его, — гдѣ-то глухо говорилъ въ ней какой-то голосъ, — знала совсѣмъ инымъ и не ожидала, что онъ сталъ *такой*. Тогда было другое, тогда онъ молодой былъ, на лошади, въ яркомъ шелковомъ кафтанѣ, потомъ съ книгой, у окна; но и ты была другая тогда...«

Шутъ Педрилло въ своемъ пестромъ камзолѣ вдругъ подошелъ нагло къ Волконскому и, посмотрѣвъ ему въ глаза, хлопнулъ по плечу и сталъ съ нимъ рядомъ.

— А ты, князь, повыше моего будешь, это хорошо! — одобрительно сказалъ онъ.

Ничего не было ни смѣшнаго, ни остроумнаго въ этихъ простыхъ и грубыхъ словахъ, но Анна Іоанновна вдругъ покатилась громкимъ неудержимымъ смѣхомъ, какъ будто смѣхъ этотъ

давно уже былъ готовъ сорваться у нея, но только раньше не было къ нему ни малѣйшей причины, а теперь явилась возможность—и она рада была придраться.

И вслѣдъ за нею кругомъ захохотали всѣ, захохотали неестественно, притворно. Громче и голосистѣе всѣхъ смѣялся Педрилло.

Среди этого смѣха, который вдругъ поразилъ князя Никиту своимъ особеннымъ, давно уже неслыханнымъ имъ гамомъ, въ застилавшемъ мысли Никиты Ѳедоровича туманѣ вдругъ сталъ образовываться свѣтлый промежутокъ.

»Гдѣ я, чтó со мною? — подумалъ онъ, — куда я попалъ и кто эти люди?«

И онъ сталъ пристально всматриваться въ хохотавшую передъ нимъ, съ трудомъ узнавая въ этой, казавшейся старше своихъ тридцати восьми лѣтъ, растолстѣвшей женщинѣ съ огромнымъ краснымъ лоснящимся лицомъ — прежнюю герцогиню Курляндскую, Анну Іоанновну.

У ногъ ея дрожала, робѣя и съ испугомъ оглядываясь на смѣющихся людей, какъ бы спрашивая, чтó съ ними, маленькая собачка-левретка.

Анна Іоанновна перестала смѣяться, мало-по-малу точно удерживаясь, и сдѣлала видъ, что отираетъ съ глазъ выступившія отъ смѣха слезы, такъ ужь *все это* было забавно ей. Наконецъ она опустила руки на колѣни и подвинула ноги впередъ, словно отъ усталости. Левретка, которую она задѣла, чуть отодвинулась впередъ.

— Ахъ, и ты здѣсь? — обратилась къ ней Анна. — Ну поди-ка куси, кси, обижаютъ, —

произнесла она притворно жалобнымъ голосомъ, показывая на князя Никиту.

— Куси... кси... кссъ... — послышалось кругомъ.

Левретка еще больше сгорбила свою и безъ того горбатую, тонкую спину и, обернувшись съ оскаленными зубами по сторонамъ, медленно перебирая лапками, подошла къ князю Никитѣ и завиляла хвостомъ.

Онъ никакъ не могъ понять, чтó все это значило.

Въ это время сзади него послышался шумъ быстро растворенной двери, и Чернышева вбѣжала стремглавъ.

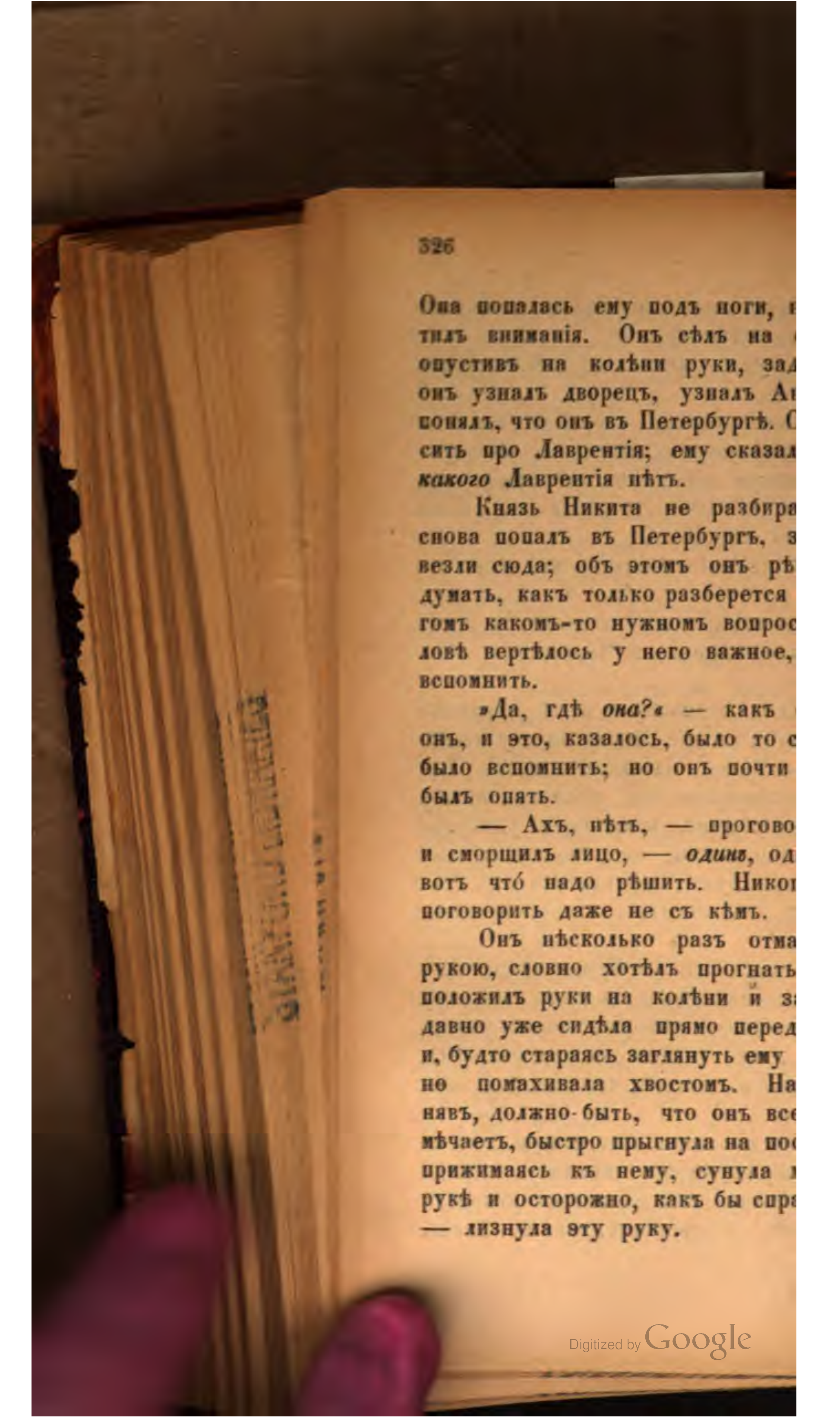
Анна Іоанновна вздрогнула и съ испугомъ и гнѣвомъ взглянула на нее. Но та не смутилась.

— Письмо отъ его сіятельства графа Бирона, — смѣло проговорила она, подавая письмо.

Теперь уже истинное, настоящее удовольствіе освѣтило лицо Анны; она поспѣшно выхватила письмо изъ рукъ Чернышевой и, сдѣлавъ знакъ, чтобъ всѣ вышли, стала распечатывать его.

Уѣхавшій не на долго къ Курляндской границѣ на-встрѣчу своей семьѣ, недавно пожалованный графъ Россійской имперіи, оберъ-камергеръ и первое лицо теперь въ государствѣ, Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ писалъ, что надняхъ вернется въ Петербургъ.

Князю Никитѣ показали отведенную ему во дворцѣ, внизу по коридору, комнату. Придя сюда, онъ не замѣтилъ, что маленькая левретка увязалась за нимъ и прошмыгнула въ дверь.

Она попалась ему подъ ноги, н
тилъ вниманія. Онъ сѣлъ на
опустивъ на колѣни руки, за
онъ узналъ дворецъ, узналъ А
понялъ, что онъ въ Петербургѣ.
сить про Лаврентія; ему сказал
какого Лаврентія нѣтъ.

Князь Никита не разбира
снова попалъ въ Петербургъ,
везли сюда; объ этомъ онъ рѣ
думать, какъ только разберется
гомъ какомъ-то нужномъ вопрос
ловѣ вертѣлось у него важное,
вспомнить.

»Да, гдѣ *она?*« — какъ
онъ, и это, казалось, было то с
было вспомнить; но онъ почти
былъ опять.

— Ахъ, нѣтъ, — прогово
и сморщилъ лицо, — *одинъ*, од
вотъ чтó надо рѣшить. Нико
поговорить даже не съ кѣмъ.

Онъ нѣсколько разъ отма
рукою, словно хотѣлъ прогнать
положилъ руки на колѣни и з
давно уже сидѣла прямо перед
и, будто стараясь заглянуть ему
но помахивала хвостомъ. На
нявъ, должно-быть, что онъ все
мѣчаетъ, быстро прыгнула на по
прижимаясь къ нему, сунула
рукѣ и осторожно, какъ бы спр
— лизнула эту руку.

Никита Θедоровичъ не испугался и не отнялъ руки. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на эту маленькую собачку, вдругъ видимо сразу почувствовавшую жалость къ нему и приласкавшую его. Да, она робко, по-своему, по-собачьему, приласкала его. И это было единственное существо, отнесшееся къ нему здѣсь дружелюбно; это была первая ласка, полученная имъ за послѣдніе четыре года!

Левретка умными, выразительными, глазами смотрѣла на него. »Ты не одинъ, ты не одинъ«, будто говорили эти глаза. Онъ невольно сталъ гладить собачку, и она, сознавая, что ласка ея принята, и принята какъ должно, снова стала лизать гладившую ее руку.

Что-то давно неизвѣстное зашевелилось въ груди князя Никиты, давно незнакомыя, теплыя слезы показались у него на глазахъ и потекли, принося и печаль, и облегченіе.

Его оставили въ покоѣ дня три, какъ будто забыли о немъ. Онъ узналъ, что графъ Биронъ вернулся отъ Курляндской границы и теперь былъ при государынѣ.

»А вѣдь гдѣ-то былъ тутъ, въ Петербургѣ, мой домъ... *нашъ* домъ«, — подумалъ князь Никита, и новый приливъ тоски охватилъ его при этомъ воспоминаніи: — »Пойти развѣ отыскать его?«

»Господи! — черезъ минуту думалъ онъ, — все это томленіе духа, одно томленіе духа. Когда же, когда придетъ освобожденіе?.. поскорѣй бы поскорѣе! Господи, да будетъ воля Твоя!..»

Подъ конецъ третьяго
искать свой домъ, но никакъ
и даже прежняго мѣста не уз
Онъ вернулся. Вопросъ:
въ Петербургъ, такъ и остало
шеннымъ, потому что опять по
сгущила для него.

Что было потомъ и скол
[illegible] — онъ не помнилъ.

Новый свѣтлый промежуток
когда онъ увидѣлъ себя въ што
дворца съ позолотой и зерка
почему-то въ креслахъ, постав
тахъ кушетки [2]), на которой пол
Неподалеку на полу сидѣлъ на кор
Педрилло; рядомъ съ нимъ калмы

Чернышева стояла у печки
какъ заведенная, тараторила [4]).

Въ двери входилъ графъ Бир
Калмыченокъ и человѣкъ въ
золѣ (князь Никита не зналъ, что
быстро вскочили при его появлені

Биронъ покосился на оставша
сидѣть на своемъ мѣстѣ Никиту
подошелъ къ Аннѣ и почтительн
ея руку.

— Сейчасъ былъ въ сенатѣ, —
онъ по-нѣмецки.

— Ну, что тамъ? — спросила

— Это невозможно, неслыхан
сально! Когда я недавно къ Курлян

---

[1]) адамашковой; [2]) шезлонга; [3]) пятах

сѣ мосты были никуда не годны, и карета моя овсѣмъ испортилась. Я призвалъ сенаторовъ и казалъ, что я ихъ велю для исправленія вмѣсто юстовъ положить.

Анна разсмѣялась.

— Я вотъ имъ, — сказала она, — въ сенаторы князя Никиту дамъ... Князь Никита, хочешь въ сенаторы?

— Нѣтъ, не хочу, — совершенно просто этвѣтилъ Никита Ѳедоровичъ слабымъ голосомъ.

Она еще больше разсмѣялась.

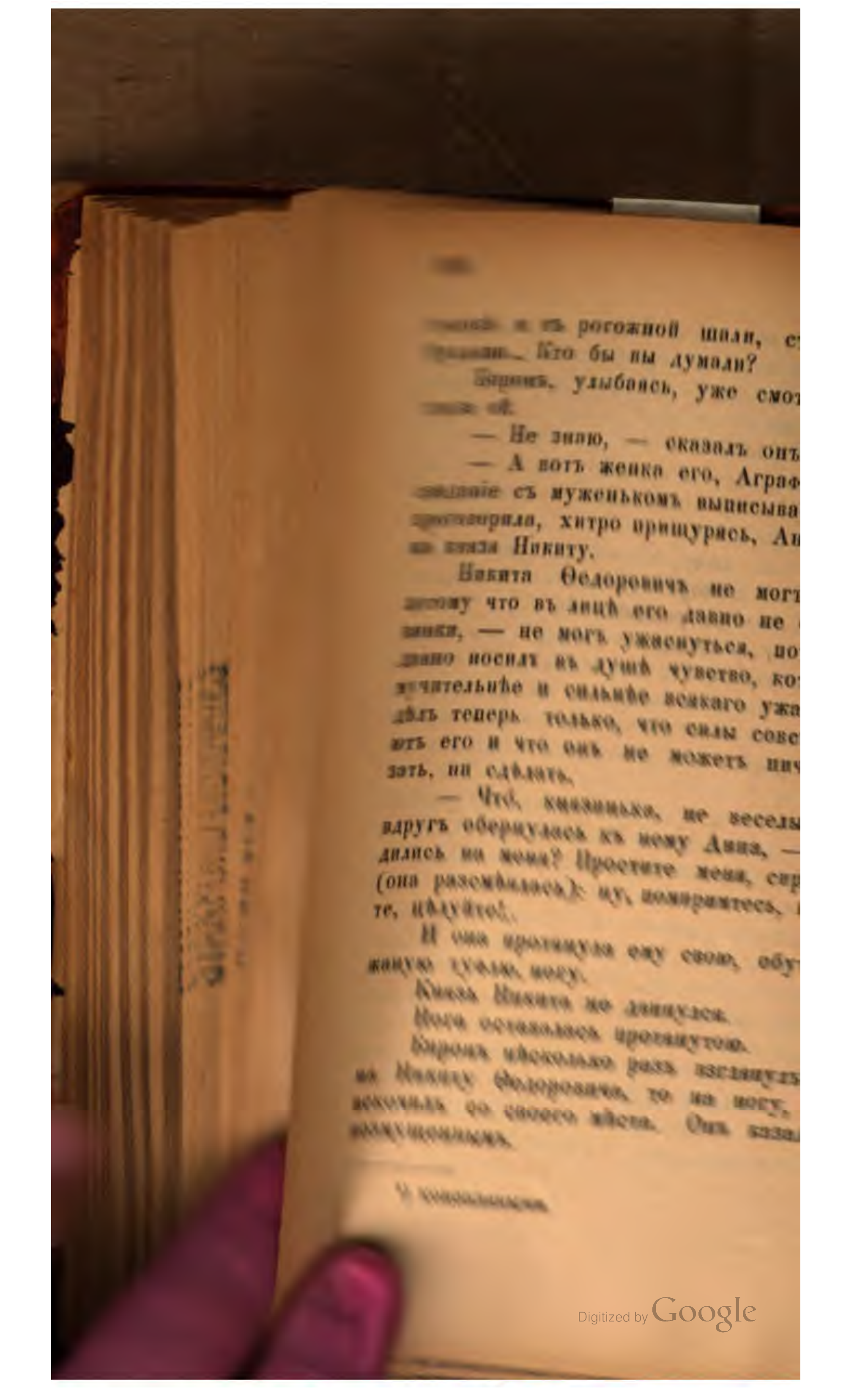
Князь Никита сознавалъ теперь все окружающее, но чувствовалъ во всемъ дѣлѣ удивительную слабость. Онъ говорилъ съ трудомъ. Въ головѣ, во всѣхъ мускулахъ лица, а главное въ затылкѣ, ощущалъ онъ ноющую, болѣзненную усталость.

Анна Іоанновна видѣла, какъ поморщился Биронъ на невставшаго передъ нимъ князя Никиту, и видѣла, что ему непріятно было, зачѣмъ она допустила это.

Ей хотѣлось разговорить графа.

— А вы знаете, что̀ завтра будетъ?—обратилась она къ Бирону. — Завтра на разсвѣтѣ при хорошей погодѣ, впрочемъ, и при дурной тоже, по Невской першпективѣ, по гладкой дорожкѣ, повезутъ на салазкахъ [1]) желѣзную клѣтку, и въ этой желѣзной клѣткѣ будетъ сидѣть красавица писаная, разубранная во весь свой нарядъ, въ великолѣпномъ одѣяніи, съ метлой на

[1]) санкахъ.

...и съ рогожной шали, с...
... Кто бы вы думали?

...ронъ, улыбаясь, уже смот...
...ѣ.

— Не знаю, — сказалъ онъ...

— А вотъ женка его, Аграф...
...съ муженькомъ выписыва...
...рила, хитро прищурясь, А...
...князя Никиту.

Никита Ѳедоровичъ не могъ...
...тому что въ лицѣ его давно не...
...ники, — не могъ ужаснуться, по...
давно носилъ въ душѣ чувство, ко...
мучительнѣе и сильнѣе всякаго ужа...
дѣлъ теперь только, что силы сове...
...втъ его и что онъ не можетъ нич...
зать, ни сдѣлать.

— Что, князинька, не веселы...
вдругъ обернулась къ нему Анна, —...
дились на меня? Простите меня, сир...
(она разсмѣялась); ну, помиритесь, ...
те, цѣлуйте!

И она протянула ему свою, обу...
...танную туфлею, ногу.

Князь Никита не двинулся.

Нога оставалась протянутою.

Баронъ нѣсколько разъ взглянулъ...
на Никиту Ѳедоровича, то на ногу, ...
вскочилъ со своего мѣста. Онъ казал...
возмущеннымъ.

*) [illegible]

— Неблагодарный *шутъ*! — сказалъ онъ. — озвольте мнѣ, государыня...

И онъ наклонился.

— Нѣтъ, зачѣмъ, — застѣнчиво проговорила ьнна, — оставьте его; онъ блаженненькій, пусть го, а вамъ руку.

И она подала ему свою пухлую, съ корот:ими пальцами и плоскими съ рѣзкими черными :аёмками на концахъ ногтями руку; онъ взялъ :е своими бѣлыми тонкими пальцами въ кольцахъ и бережно поднесъ къ губамъ.

Князь Никита все сидѣлъ по-прежнему.

— Шутъ! — наконецъ слабо, едва слышно, проговорилъ онъ, — чѣмъ я шутъ?.. А впрочемъ, тамъ, гдѣ нѣмецкій конюхъ первымъ министромъ, тамъ русскому князю, чтобъ не становиться съ нимъ на одну доску, пожалуй, остается одно ужь...

Биронъ не далъ договорить ему. Онъ вскочилъ, но Анна тоже вскочила и, умоляюще отстраняя графа, громко вскрикнула:

— Ахъ, только не при мнѣ: завтра я все велю... завтра...

И она выбѣжала изъ комнаты. Биронъ бросился за нею.

Князь Никита вдругъ всталъ и, самъ не зная какъ, точно его кто-то велъ, вышелъ на улицу. Черезъ нѣсколько минутъ его уже искали по всему дворцу.

Никита Өедоровичъ шелъ по улицамъ Петербурга такъ же, какъ ходилъ въ полѣ своей деревни безъ цѣли, не зная разстоянія и забывъ время. Иногда прохожіе сторонились отъ него и съ удивленіемъ смотрѣли вслѣдъ этому чело-

вѣку, одѣтому въ грубый, нес
деревенскаго покроя, безъ ш
платья. Онъ шелъ, не замѣчая
его, напротивъ, горѣла и точно
стучалъ въ ней.

»Чтó она сказала, чтó ска
желѣзной... Господи, за чтó?« —
»Завтра утромъ, на разсвѣтѣ, ес
ная погода... Но скоро-ли этотъ
да онъ?«

И онъ снова шелъ. Руки е
колѣнямъ было холодно.

»Странно, отчего это мнѣ х
суждалъ онъ. — »Чтó это за дл
какая широкая... А! это здѣсь пов
Невская перспектива.«

Онъ остановился. Здѣсь нуж
ему, здѣсь остановиться. Онъ огл
стемнѣло должно-быть давно, по
немъ горѣли яркія звѣзды и мѣся
серебрянымъ кругомъ свѣтилъ со с

Надъ Петербургомъ стояла ноч
тихая. И первый разъ въ жизни
сталъ страшенъ мѣсяцъ, т. е. не са
а неровныя тѣни, лежавшія на зем
смотрѣлъ на него, какъ будто это
таинственные, неразгаданные знак
непонятное... Онъ хотѣлъ оторваться
но не могъ. Онъ смотрѣлъ на мѣсяц
было страшно, и мѣсяцъ смотрѣлъ
говорилъ съ нимъ своими знаками. О
валъ иногда. Кто былъ этотъ онъ, кт
валъ — мѣсяцъ-ли, или онъ сквоз

икита Өедоровичъ не зналъ — ему, впрочемъ, азалось, что мѣсяцъ. Знаки все время двигались, медленно расплывались и, мѣняясь, опять овторялись. Въ нихъ была удивительная сила, о только понять нельзя было ихъ...

И долго онъ мучился такъ. Наконецъ это учительное состояніе тревоги стало таять мало-о-малу. Перешедшій на другую сторону неба, ѣсяцъ блѣднѣлъ и звѣзды стали застилаться вѣтомъ зари и пропадать въ немъ одна за ругою.

Гдѣ-то близко, сверху, почти надъ самымъ ухомъ князя Никиты раздался ударъ колокола. Онъ поднялъ голову. Онъ стоялъ у церкви. Первая мысль, которая пришла ему въ голову, была войти въ Божій храмъ.

»Разсвѣтъ!.. — остановился онъ. — *Ее* повезутъ сейчасъ!..«

»Въ груди моей скорпіоны и змѣи въ сердцѣ моемъ, и черви разъѣдаютъ мозгъ мой!« — чувствовалъ въ себѣ князь Никита.

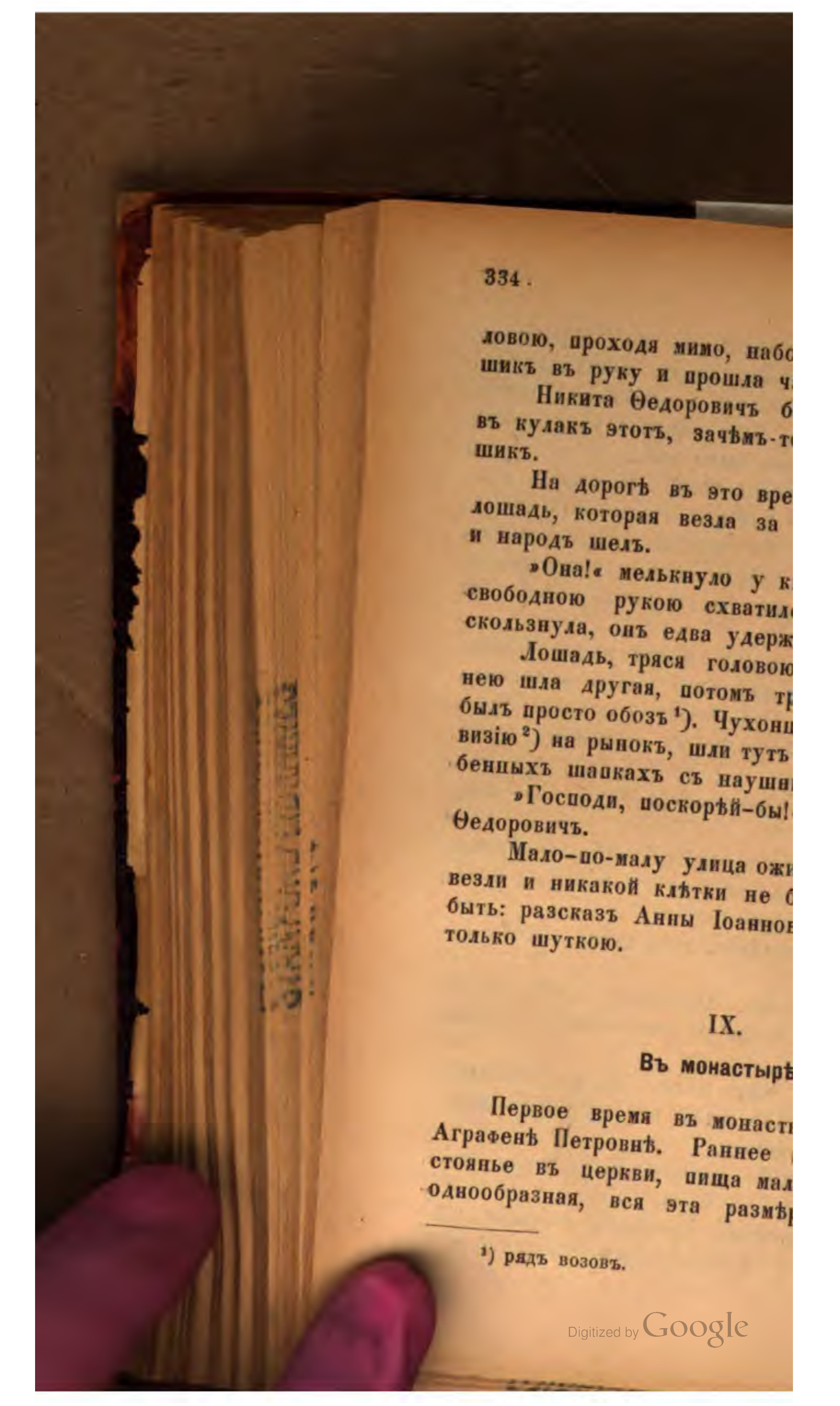
»Ожиданіе, ожиданіе, ожиданіе... Вотъ ее повезутъ сейчасъ«.

Онъ, закостенѣлый, холодный, прижался къ холодной стѣнѣ церкви и безумными глазами смотрѣлъ на дорогу.

Народу было еще мало. Улица казалась пустынна. Только нѣсколько человѣкъ богомольцевъ прошло въ церковь.

»Не скоро еще!« — подумалъ князь Никита и вздохнулъ.

Какая-то старушка, съ очень умиленнымъ, слезливымъ лицомъ и склоненною на-бокъ го-

ловою, проходя мимо, набо
шикъ въ руку и прошла ч
Никита Өедоровичъ б
въ кулакъ этотъ, зачѣмъ-т
шикъ.

На дорогѣ въ это вре
лошадь, которая везла за
и народъ шелъ.

»Она!« мелькнуло у к
свободною рукою схватил
скользнула, онъ едва удерж

Лошадь, тряся головою
нею шла другая, потомъ тр
былъ просто обозъ [1]). Чухон
визію [2]) на рынокъ, шли тутъ
бенныхъ шапкахъ съ науши

»Господи, поскорѣй-бы!
Өедоровичъ.

Мало-по-малу улица ожи
везли и никакой клѣтки не б
быть: разсказъ Анны Іоаннов
только шуткою.

IX.

Въ монастырѣ

Первое время въ монаст
Аграфенѣ Петровнѣ. Раннее
стоянье въ церкви, пища мал
однообразная, вся эта размѣр

---

[1]) рядъ возовъ.

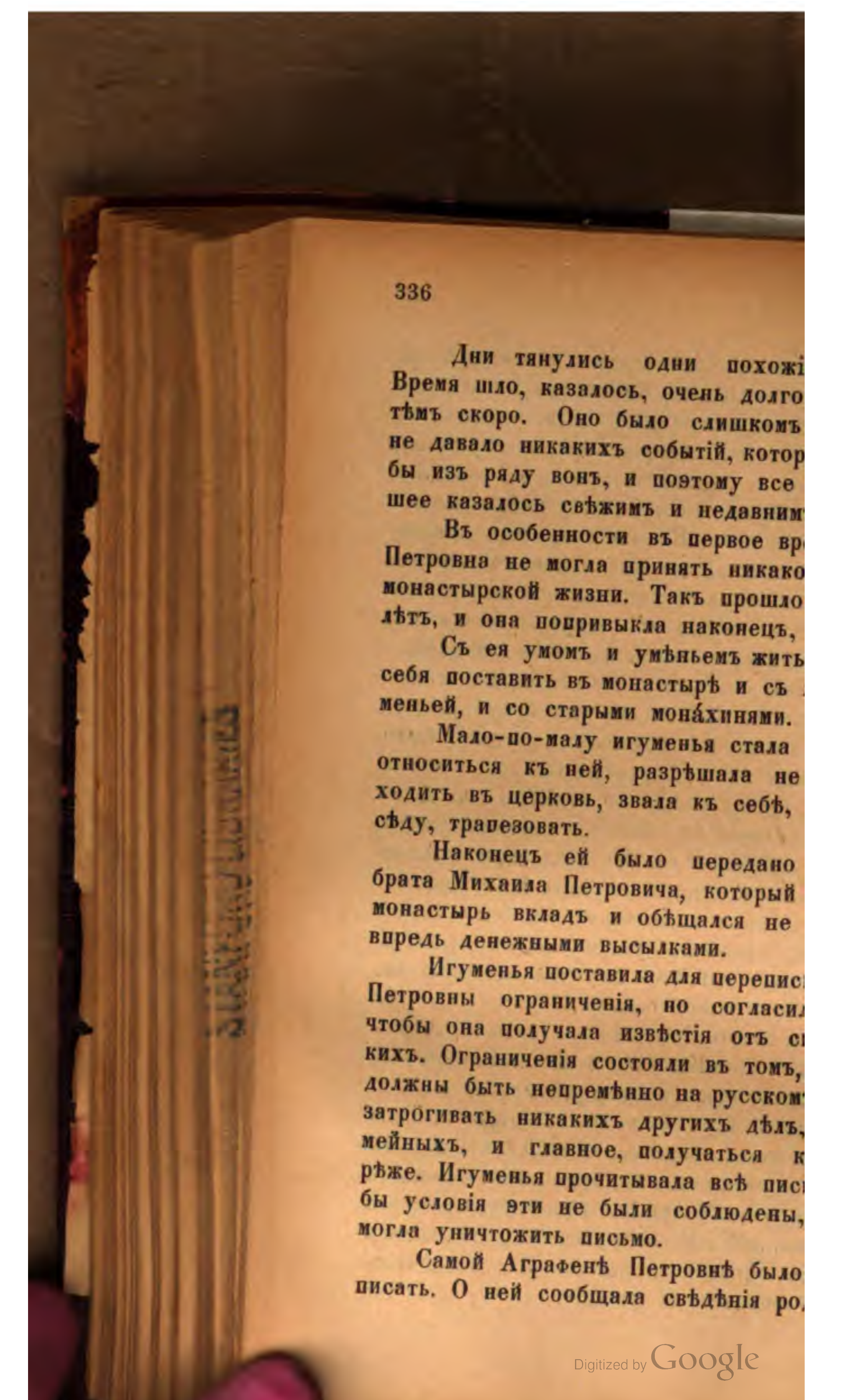
ıредѣленная жизнь, требовавшая ежеминутнаго ›дчиненія — тяготили ее. Не смотря на то, что ıа не была пострижена, но только жила въ энастырѣ подъ »строгимъ надзоромъ« игуменьи, ıa должна была, вслѣдствіе этого строгаго адзора, безусловно подчиняться всѣмъ монаıырскимъ порядкамъ. Ей не позволяли никому исать и не допускали до нея никакихъ писемъ, акъ что она не знала даже, были-ли на ея имя исьма. Такимъ образомъ ни о мужѣ, ни о сынѣ, и о комъ изъ своихъ, она не имѣла извѣстій.

Политическія событія доходили до монаıыря въ разсказахъ почти всегда преувеличенıыхъ, сбивчивыхъ, въ которыхъ трудно было ›азобраться. Изъ нихъ Аграфена Петровна могла ʼзнать однако, что великая княжна Наталья Алеĸсѣевна скончалась въ Москвѣ, затѣмъ умеръ юлодой императоръ и на престолъ вошла Анна ¡оанновна, которую стали поминать на ектеніяхъ.

О Меншиковѣ разсказывали, что онъ, послѣ ссылки своей, показалъ удивительный примѣръ смиренія и сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ вскорѣ тоже умеръ однако.

»Да, ему легко теперь!« — думала Аграфена Петровна. — »Если-бъ и мнѣ... Все равно, развѣ это жизнь, какъ я живу теперь?..«

Но сейчасъ же на ряду съ этой мыслью приходила ей почти безумная надежда, что вдругъ какимъ-нибудь непонятнымъ, чудеснымъ образомъ наступитъ ея освобожденіе, кто-нибудь явится и выведетъ ее... И она задумывалась объ этомъ невозможномъ счастіи и, понявъ его невозможность, снова впадала въ уныніе.

Дни тянулись одни похожі
Время шло, казалось, очень долго
тѣмъ скоро. Оно было слишкомъ
не давало никакихъ событій, котор
бы изъ ряду вонъ, и поэтому все
шее казалось свѣжимъ и недавним

Въ особенности въ первое вр
Петровна не могла принять никако
монастырской жизни. Такъ прошло
лѣтъ, и она попривыкла наконецъ,

Съ ея умомъ и умѣньемъ жить
себя поставить въ монастырѣ и съ
меньей, и со старыми монáхинями.

Мало-по-малу игуменья стала
относиться къ ней, разрѣшала не
ходить въ церковь, звала къ себѣ,
сѣду, трапезовать.

Наконецъ ей было передано
брата Михаила Петровича, который
монастырь вкладъ и обѣщался не
впредь денежными высылками.

Игуменья поставила для переписк
Петровны ограниченія, но согласил
чтобы она получала извѣстія отъ с
кихъ. Ограниченія состояли въ томъ,
должны быть непремѣнно на русском
затрогивать никакихъ другихъ дѣлъ,
мейныхъ, и главное, получаться к
рѣже. Игуменья прочитывала всѣ пис
бы условія эти не были соблюдены,
могла уничтожить письмо.

Самой Аграфенѣ Петровнѣ было
писать. О ней сообщала свѣдѣнія ро

игуменья. Какъ бы то ни было, для Аграфены Петровны и это было уже не малое облегченіе.

О болѣзни своего мужа она узнала отъ Михаила Петровича, который со всякими осторожностями сообщалъ ей, что Никита Өедоровичъ впалъ въ слабоуміе и что онъ, Михаилъ Петровичъ, взялъ Мишу къ себѣ. За сына теперь Аграфена Петровна была спокойна. Но скоро послѣдовали невеселыя вѣсти.

Съ воцареніемъ Анны отецъ, Петръ Михайловичъ Бестужевъ, былъ назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. Это назначеніе равнялось ссылкѣ. Михаилъ Петровичъ долженъ былъ жить у себя въ Бѣлозерскомъ имѣніи. Одинъ братъ Алексѣй уцѣлѣлъ у себя въ Копенгагенѣ.

Избраніе Анны Іоанновны было для Волконской, находившейся вдали отъ двора и всѣхъ его интригъ и хитросплетеній, такою неожиданностью, какою бы ей показалось только ея собственное освобожденіе. Но она знала, что теперь болѣе чѣмъ когда-либо немыслимо это освобожденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аграфена Петровна понимала, что теперешняя ссылка ея въ монастырѣ спасла ее отъ многаго гораздо худшаго.

Теперь у Анны Іоанновны руки были связаны. Чтó она могла сдѣлать ей?.. А чтó она желала бы сдѣлать... Желала бы, припомнивъ и Митаву, и, можетъ быть, Петербургъ, отомстить ей — въ этомъ Аграфена Петровна не сомнѣвалась.

»Но неужели она, *она*, стала самодержавною правительницей Русскаго царства?..« — спрашивала себя Аграфена Петровна. — »Господи,

если-бы знать раньше!.. Но кто
думать... Нѣтъ, это просто невозм
правда!..«

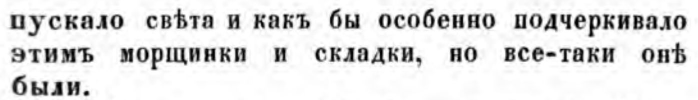
И каждый день, слушая, как
поминали благочестивѣйшую, самод
императрицу Анну Іоанновну, она
диться, что это была правда.

Близилась четвертая уже вес
поръ, какъ княгиня Волконская п
монастырѣ.

Аграфена Петровна сидѣла въ
натѣ«, какъ все-таки по-мірскому
отведенную ей келью, и расчесывала
ные волосы, которые стали и гущ
вистѣе съ тѣхъ поръ, какъ она п
вивать ихъ и прятать подъ фальш
Сегодня утромъ она мыла голову
было расчесать волосы. Она смотрѣ
шее передъ нею зеркальце и почти
проводила гребнемъ по длинной пря
прихватила лѣвой рукой. Аграфен
смотрѣла на то лицо, которое
перь въ зеркалѣ, — *ея*, и вмѣстѣ
ея лицо. Оно сильно измѣнилось
какимъ помнила его Аграфена Петро
тербургѣ. Маленькія, но замѣтныя уж
легли у угловъ глазъ, вѣки были
частыхъ слезъ, губы потеряли свои
и подъ ними, отъ носа, легли тѣнью
Щеки обтянулись и матовая желтизна
на нихъ. Правда, слюдовое[1]) оконце

---

[1]) слюда́ — родъ кристалла (Marienglas)

пускало свѣта и какъ бы особенно подчеркивало этимъ морщинки и складки, но все-таки онѣ были.

»Да, не такая я была!« — подумала Аграфена Петровна.

И ей невольно вспомнилось, какъ она бывало сидѣла передъ большимъ трюмо и Роза со служанками суетилась вокругъ нея.

»А гдѣ-то теперь Роза?«—мелькнуло у ней.

Она еще раза два провела гребнемъ по волосамъ и опустила руку, оглядѣвъ свою черную полурясу.

»Нѣтъ, вздоръ все, — вдругъ рѣшила она, — не то... Все бы отдала, если-бы ихъ увидѣть только, Мишутку моего и его!.. Чтó онъ теперь, бѣдный?.. Въ деревнѣ вѣрно... Лаврентій съ нимъ...«

Она тяжело вздохнула и глаза ея наполнились слезами. Она отбросила гребень, и положивъ локти на столъ, опустила голову на руки. Она чувствовала, какъ слезы смачиваютъ ей ладони, но не хотѣла вытереть ихъ.

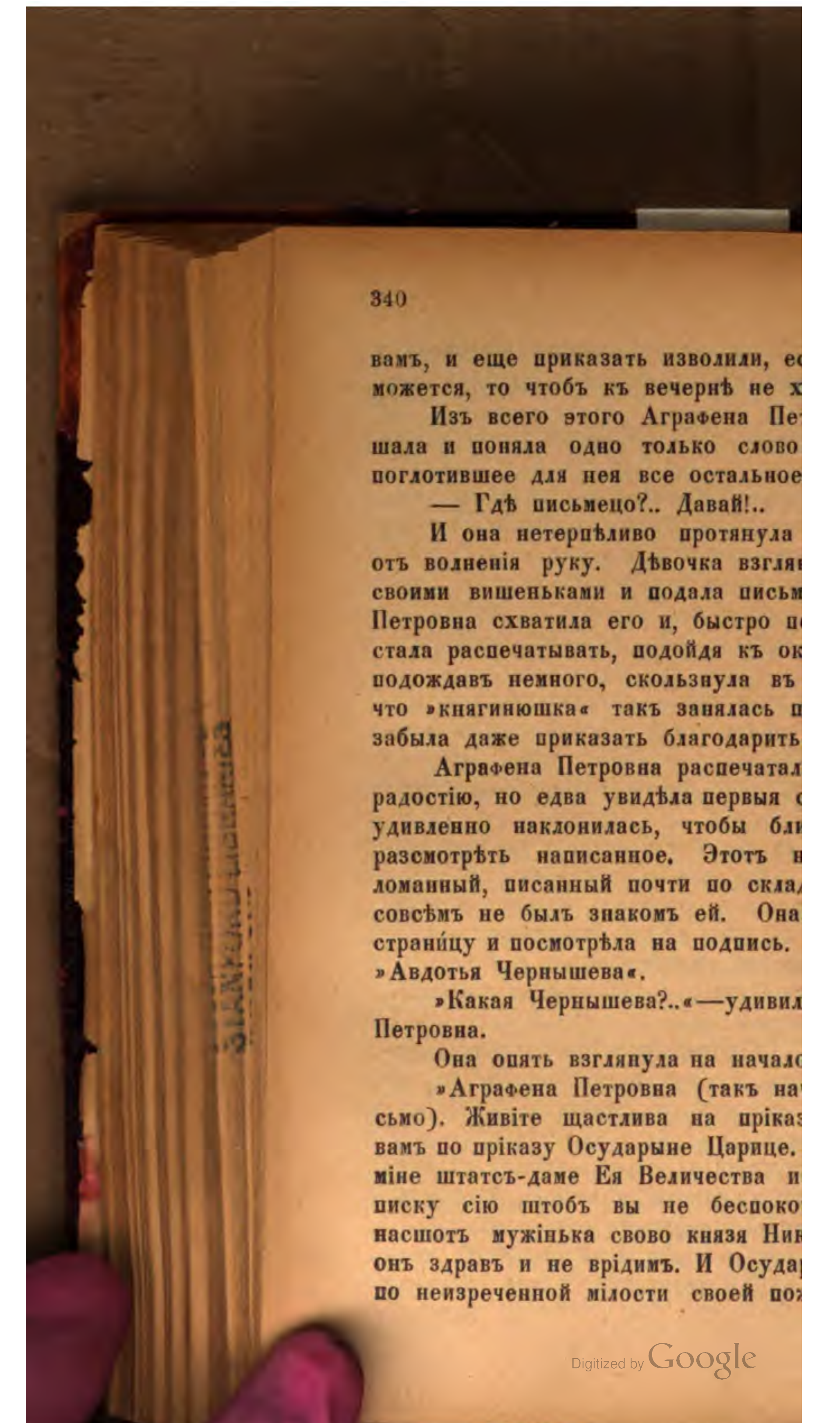
— Во имя Отца... — послышался тоненькій голосокъ за дверью.

Аграфена Петровна поспѣшно провела руками по глазамъ и моргая глазами, чтобы не было замѣтно, что плакала, отвѣтила:

— Войдите!

Въ комнату вошла дѣвочка-служка съ черненькими, какъ вишеньки, глазками, и быстро заговорила своимъ тоненькимъ голоскомъ:

— Матушка прислала меня спросить, какъ здоровьице вашей сіятельности, и еще письмецó

вамъ, и еще приказать изволили, е
можется, то чтобъ къ вечернѣ не х

Изъ всего этого Аграфена Пе
шала и поняла одно только слово
поглотившее для нея все остальное

— Гдѣ письмецо?.. Давай!..

И она нетерпѣливо протянула
отъ волненія руку. Дѣвочка взгля
своими вишеньками и подала пись
Петровна схватила его и, быстро п
стала распечатывать, подойдя къ ок
подождавъ немного, скользнула въ
что »княгинюшка« такъ занялась п
забыла даже приказать благодарить

Аграфена Петровна распечатал
радостію, но едва увидѣла первыя
удивленно наклонилась, чтобы бл
разсмотрѣть написанное. Этотъ н
ломанный, писанный почти по скла
совсѣмъ не былъ знакомъ ей. Она
страницу и посмотрѣла на подпись.
»Авдотья Чернышева«.

»Какая Чернышева?..«—удивил
Петровна.

Она опять взглянула на начал

»Аграфена Петровна (такъ на
сьмо). Живіте щастлива на пріка
вамъ по пріказу Осударыне Царице.
міне штатсъ-даме Ея Величества и
писку сію штобъ вы не беспоко
насшотъ мужінька сsово князя Ни
онъ здравъ и не врідимъ. И Осуда
по неизреченной мілости своей по

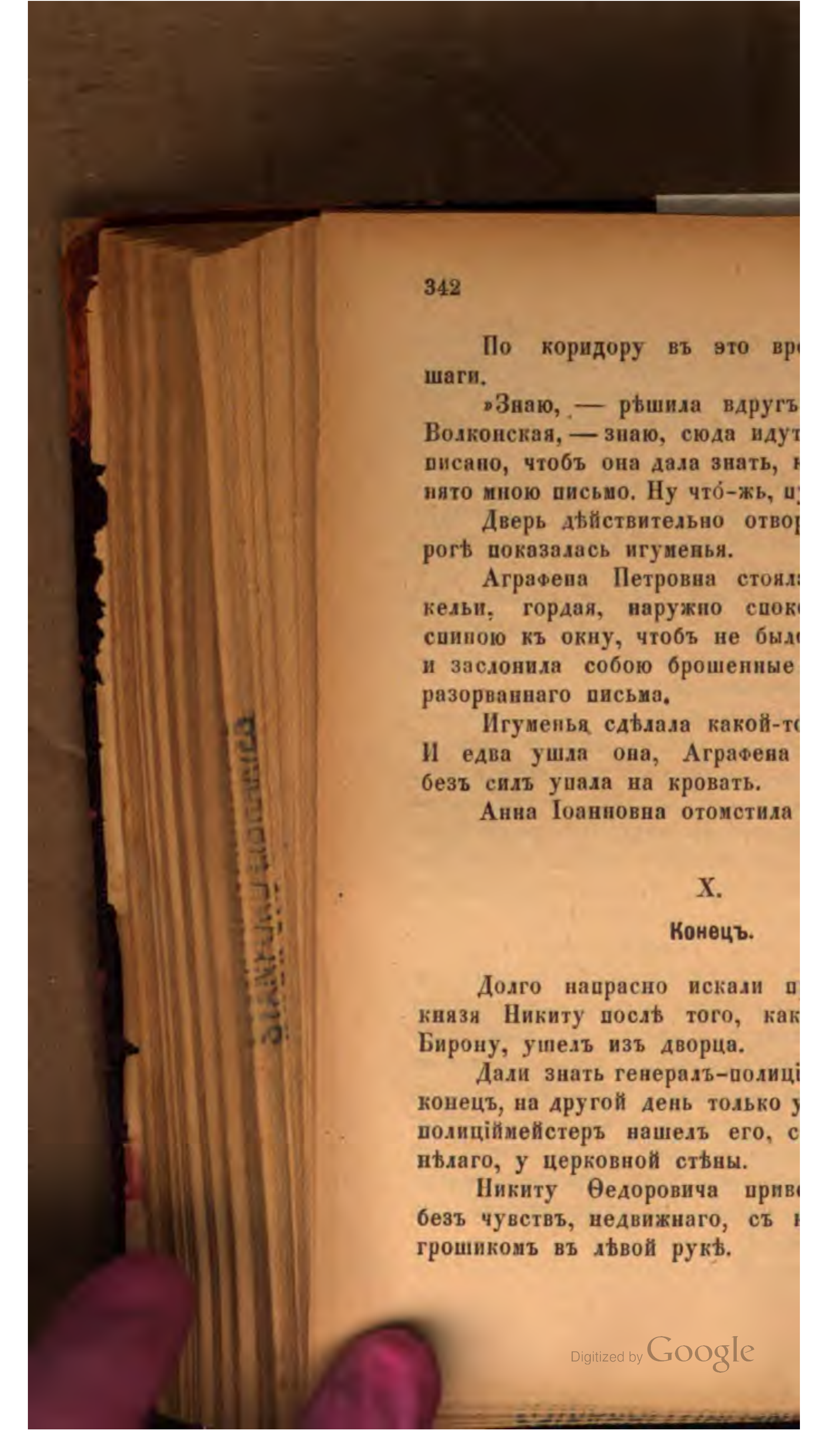
ко двору въ Питербурхъ перевести. И тутъ онъ вельми забавенъ кажетъ. Место ему определіно завидное, поставленъ онъ всемілостивейші смотрэть за собачкой Ея Императорскаго Величества...«

Въ глазахъ Аграфены Петровны потемнѣло. Она съ трудомъ пробѣжала еще нѣсколько строкъ и трясущимися руками разорвала письмо на мелкіе клочки.

— Господи, что́ они сдѣлали съ нимъ! — съ лицомъ, искаженнымъ ужасомъ и страданіемъ, воскликнула Аграфена Петровна, всплеснувъ руками, и сжавъ ихъ, подняла кверху.

»Больнаго, слабоумнаго, несчастнаго не пожалѣли, — мучилась она. — Изъ-за меня не пожалѣли... Нашла, нашла, чѣмъ доконать меня!.. Господи! Но онъ-то, онъ, бѣдный, за что́ страдаетъ?.. Впрочемъ, что́-жь ему? Онъ не можетъ понять, онъ ужь не отъ міра сего... Нѣтъ, но вѣдь я, я его имя ношу!.. Охъ, лучше-бъ меня сослали въ Сибирь, въ каторгу, лучше голову долой, только не это!.. Только не это!..«

»О-охъ!« застонала она, схватившись за сердце, и, тяжело ступая, отрывистыми шагами подошла къ постели и упала на нее. Она долго лежала неподвижно, съ глазами, уставленными на потолокъ. Потомъ поднялась, сѣла на постель, опять сложила руки, стиснула ихъ, прошептала: »Господи, Господи!« и снова легла. Нѣсколько минутъ она лежала такъ, какъ каменная, только подбородокъ ея сильно дрожалъ; потомъ она вскочила на ноги.

По коридору въ это вр
шаги.

»Знаю, — рѣшила вдругъ
Волконская, — знаю, сюда идут
писано, чтобъ она дала знать,
нято мною письмо. Ну что́-жь,

Дверь дѣйствительно отво
рогѣ показалась игуменья.

Аграфена Петровна стоял
кельи, гордая, наружно спок
спиною къ окну, чтобъ не был
и заслонила собою брошенные
разорваннаго письма.

Игуменья сдѣлала какой-т
И едва ушла она, Аграфена
безъ силъ упала на кровать.

Анна Іоанновна отомстила

X.

Конецъ.

Долго напрасно искали
князя Никиту послѣ того, как
Бирону, ушелъ изъ дворца.

Дали знать генералъ-полиц
конецъ, на другой день только
полиціймейстеръ нашелъ его,
нѣлаго, у церковной стѣны.

Никиту Ѳедоровича прив
безъ чувствъ, недвижнаго, съ
грошикомъ въ лѣвой рукѣ.

Оскорбленный Биронъ сказался больнымъ и не пріѣзжалъ въ этотъ день къ государынѣ.

Анна Іоанновна быстро ходила по своей опочивальнѣ, ожидая результатовъ розыска, когда ей доложили, что князя Никиту привезли безъ чувствъ.

— Привести́ въ чу́вство! — приказала она.

Но приказаніе это не могло быть исполнено.

Когда черезъ нѣсколько времени Анна Іоанновна освѣдомилась черезъ Чернышеву, что́ съ княземъ Никитой — ей доложили, что онъ „кончается«.

Государыня вздрогнула и набожно перекрестилась. Она не ожидала этого.

— Что́-жь съ нимъ? — спросила она.

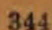
Оказалось, что Никита Ѳедоровичъ, какъ его привезли, не открывалъ уже глазъ и все время лежалъ безъ движенія, а теперь уже »обирать себя началъ« и по лицу его »тѣнь прошла«.

— Доктора, — проговорила Анна, — то-есть нѣтъ, священника, причастить его...

Князь Никита открылъ глаза, когда его причастили. Онъ спокойно проглотилъ и сдѣлалъ медленный, большой крестъ надъ собою, — и потомъ затихъ.

Никто не видѣлъ, какъ и когда онъ скончался, но во всякомъ случаѣ кончина эта была тихая и свѣтлая. Мертвое лицо его, съ застывшею, ясною и кроткою улыбкою, говорило это.

Онъ былъ такъ торжественно спокоенъ, какъ будто съ радостью, съ полнымъ сознаніемъ своего »освобожденія«, о которомъ думалъ всю жизнь и котораго только и ждалъ отъ жизни —

встрѣтилъ свою послѣднюю ми
земной, давно тяготившей его су
шелъ, наконецъ, чего искалъ и у
стигнувъ таинство смерти. Тутъ
ужаснаго, ничего страшнаго: жизн
ужаснѣе и страшнѣе. Томленіе
кратилось. Онъ былъ свободенъ т

Къ вечеру Анна Іоанновна
шеву узнать, что́ съ княземъ Ни
шева застала его на столѣ. Его
и маленькая комнатка его переста
Въ ней было холодно, пахло лад

Авдотья Ивановна боялась
при взглядѣ на этого, лежавшаго
руками на столѣ, спокойнаго, к
заснувшаго человѣка, или вѣрнѣе
человѣкомъ — ей нисколько не
и она совсѣмъ безъ всякой ро
земной поклонъ и поцѣловала зако
безжизненную руку.

Чернышева вернулась къ Ан
ная, взволнованная и старающаяс
волненіе.

Она рѣшила, чтобъ не пуга
присутствіемъ мертваго во дворц
ей о случившемся.

Но Анна Іоанновна догадала

— Кончился? — спросила о

Чернышева молчала.

— Кончился, спрашиваю я?!
респросила государыня, и статс
была отвѣтить:

— Да!

Анна Іоанновна опять заходила по комнатѣ.

Наконецъ она подошла къ большому кіоту съ образами и грузно опустилась своимъ большимъ, тяжелымъ тѣломъ на колѣни. Перекрестившись, она сложила руки и начала молиться, кладя земные поклоны.

Чернышева прислонилась къ печкѣ и, боясь шелохнуться, притаила дыханіе.

Анна Іоанновна, поклонившись въ послѣдній разъ, не безъ труда встала съ колѣнъ и, оглянувшись, какъ бы спросила глазами Чернышеву: »ахъ, ты еще здѣсь, — да, ты мнѣ нужна«.

— Вели, чтобы тамъ у *него* все хорошо было! — сказала она ей. — Да вели заложить карету и приготовить въ лѣтнемъ дворцѣ нѣсколько покоевъ: я сегодня тамъ ночую.

Она ни разу въ продолженіе дня, съ тѣхъ поръ, какъ ей сказали, что князь Никита »кончается«, не спросила про Бирона.

На другой же день былъ посланъ императрицею нарочный въ Бѣлозерское имѣніе Бестужева съ приказаніемъ привезти сына Никиты Ѳедоровича.

Анна Іоанновна опредѣлила Мишу въ только-что учрежденный ею кадетскій корпусъ и отнеслась къ нему весьма милостиво.

Впослѣдствіи князь Михаилъ Никитичъ Волконскій — генералъ-аншефъ и всѣхъ россійскихъ и польскихъ орденовъ кавалеръ, былъ извѣстный главнокомандующій Москвы, временъ императрицы Екатерины II.

Онъ отличился къ войнѣ съ турками и затѣмъ былъ посланъ въ Польшу полномочнымъ

министромъ. Потомъ участвовалъ въ
тивъ Пруссіи.

Екатерина II назначила его
своимъ генералъ-адъютантомъ.

Во время междуцарствія въ Пол
высочайшему повелѣнію вступилъ в
со ввѣреннымъ ему корпусомъ и пом
въ короли Станислава Понятовскаго.

Въ 1771 году онъ былъ назнач
командующимъ Москвы.

Одинъ изъ современниковъ такъ
о немъ: »Князь Михаилъ Никитичъ,
отъ природы необыкновеннымъ умо
благодѣтельствовать, былъ великій х
обходителенъ съ низшими, но гордъ
щиками [2]). Императрица Екатерина дв
рила его съ Потемкинымъ.«

Первая мысль о раздѣлѣ Польши
житъ Михаилу Никитичу. Онъ же сост
ектъ о лучшемъ учрежденіи судебны
раздѣленіи имперіи на губерніи.

Аграфена Петровна кончила дн
Тихвинѣ.

Князь Никита Θедоровичъ Волкон
роненъ рядомъ со своими родичами
скомъ Рождественско-Пафнутіевомъ м
при защитѣ котораго родной прадѣдъ
хаилъ Константиновичъ, палъ у сам
Св. Пафнутія...

---

[1]) гостепріимный человѣкъ; [2]) фаворита
ніями.

ПѢСНЯ О ПАДЕНІИ ВѢЧА ПСКОВСКАГО.

Стихотвореніе **А. М. Өедорова.**

* *
*

Ой, не рвитеся, струны гусельныя!
Ой, не падайте, руки дрожащія,
Коли пѣсней про быль стародавнюю
Добрыхъ молодцевъ стану я тѣшити.

Ой, не плачьте вы, добрые молодцы!
Не стоните вы, голуби сизые,
Если ваши сердца горемычныя
Зарыдаютъ, какъ гусли звончатыя!

* *
*

То не вѣтеръ пахнулъ гарью-копотью
Въ соколиныя очи съ пожарища, —
Злая вѣсть донеслась съ Новѣгорода,
Донеслась псковичамъ черной птицею
И желѣзнымъ крыломъ ихъ ударила.

Вѣчный Псковъ-государь закручи́нился,
Словно въ темную ночь добрый молодецъ,
Что облыжными, злыми навѣтами
Передъ свѣтлымъ лицомъ государевымъ,
Передъ міромъ честнымъ опороченный.

Ужъ носилась давно по-надъ-о́-Псковомъ
Непогодная туча зловѣщая.

А пригнали ее вѣтры буйные
Отъ великаго града престольнаго,
Отъ рѣзныхъ теремовъ государевыхъ.

По-надъ Псковомъ она понахмурилась
И метнула стрѣлою смертельною
Въ сердце вольнаго, сизаго сокола,
Въ сердце батюшки-Пскова прямехонько:
То-ль въ его вѣчевой, чтимый колоколъ.

Не рѣка-ли родная Великая
Изъ своихъ береговъ гнѣвно хлынула?
Не ея-ли то волны мятежныя,
Затопивъ берега, бурно хлынули
Къ храму Троицы Живоначальныя?

Нѣтъ, то хлынули граждане псковскіе
На великую площадь соборную.
Словно волны рѣки перекатныя,
Бѣлой пѣной блестятъ и курчавятся
Кудри-бороды старцевъ-ревнителей.

Заунывно гудитъ вѣчный колоколъ,
Точно чуетъ бѣду неминучую,
И далече, далече разносится
По-надъ-о-Псковомъ вольнымъ гудѣніе,
Небеса призывая въ свидѣтели.

И шумитъ людъ честной и волнуется,
Точно въ сказкѣ водой животворною
Окропленное поле цвѣточное:
Всѣ на церковь взираютъ съ тревогою,
Ждутъ изъ церкви послá государева.

Вотъ на паперть Пречистыя Троицы,
Съ духовенствомъ, со всѣми старшинами,
Государевъ посолъ важно выступилъ
И направилъ стопы свои къ помосту,
Гдѣ висѣлъ вѣчевой, славный колоколъ.

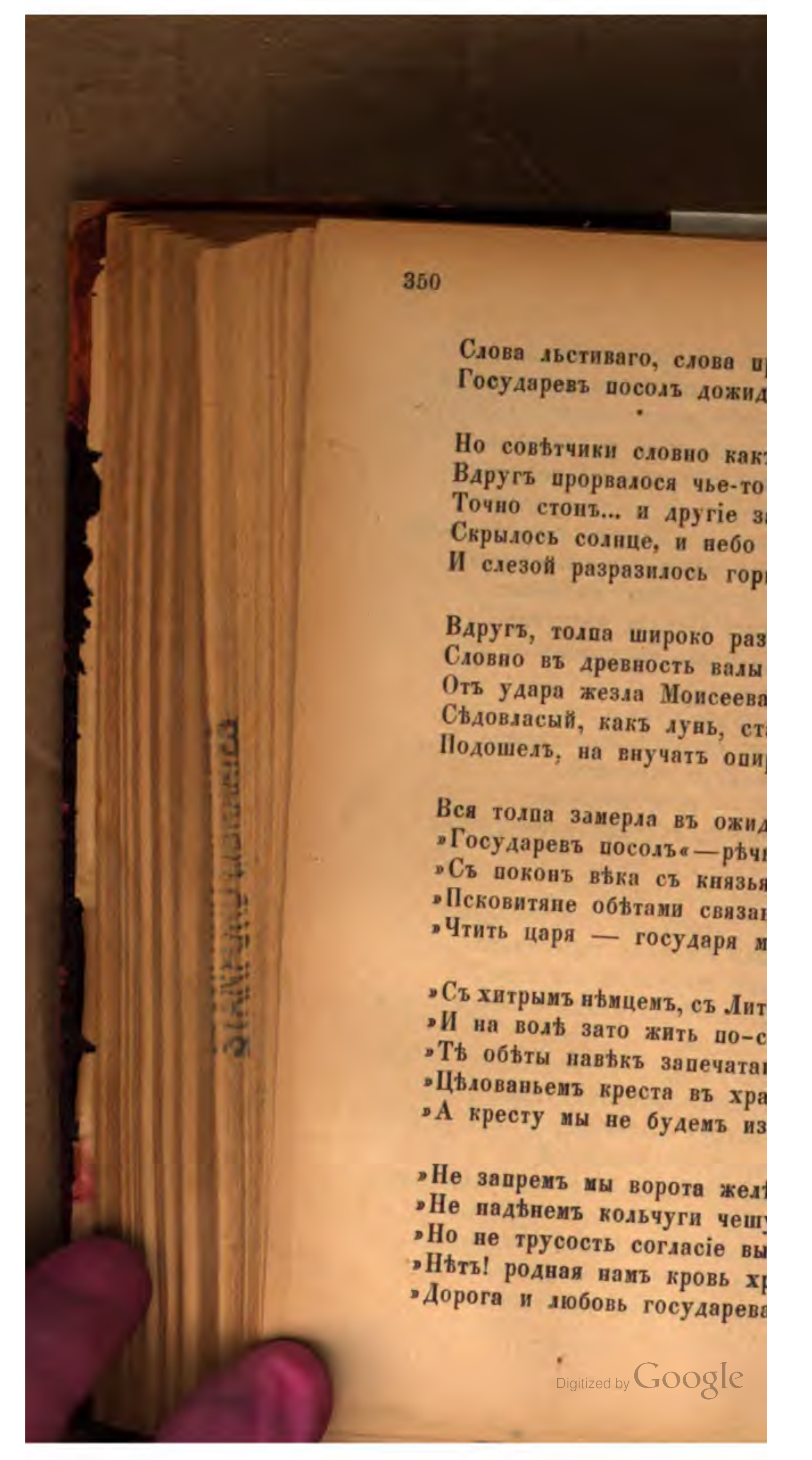
Вотъ на помостъ ступилъ государевъ дьякъ,
Отдалъ низкій поклонъ во всѣ стороны
И промолвилъ съ улыбкой змѣиною:
»Низко кланяюсь Пскову великому
»Отъ великаго князя московскаго.

»А таковъ есть приказъ князя свѣтлаго:
»Коли жить въ старинѣ пожелаете,
»Учините двѣ воли законныя,
»Воля первая — вѣче похерите,
»Вѣчный колоколъ сбросьте немедленно.

»А еще такова воля царская:
»Чтобы было у васъ два намѣстника
»И намѣстники были на пригра̀дахъ.
»Супротивники шкурой поплатятся:
»Гдѣ крамола, — тамъ плаха съ веревкою.«

То не ѣдкій туманъ разстилается
По Великой рѣкѣ бѣлымъ саваномъ, —
Разстилается горе холодное,
Горе лютое, зло безысходное,
По народнымъ волнамъ, по нахмуреннымъ.

На помостѣ, сукномъ алымъ устланномъ,
Словно въ теплой крови сидя по-поясъ,
Отъ совѣтчиковъ слова отвѣтнаго,

Слова льстиваго, слова п
Государевъ посолъ дожид

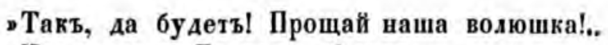
Но совѣтчики словно как
Вдругъ прорвалося чье-то
Точно стонъ... и другіе з
Скрылось солнце, и небо
И слезой разразилось гор

Вдругъ, толпа широко раз
Словно въ древность валы
Отъ удара жезла Моисеева
Сѣдовласый, какъ лунь, ст
Подошелъ, на внучатъ опи

Вся толпа замерла въ ожид
»Государевъ посолъ«—рѣч
»Съ поконъ вѣка съ князья
»Псковитяне обѣтами связа
»Чтить царя — государя м

»Съ хитрымъ нѣмцемъ, съ Лит
»И на волѣ зато жить по-с
»Тѣ обѣты навѣкъ запечата
»Цѣлованьемъ креста въ хра
»А кресту мы не будемъ из

»Не запремъ мы ворота жел
»Не надѣнемъ кольчуги чеш
»Но не трусость согласіе вы
»Нѣтъ! родная намъ кровь х
»Дорога и любовь государев

»Такъ, да будетъ! Прощай наша волюшка!..
»Но единому Господу вѣдомо,
»Какъ снесутъ эту цѣпь внуки-правнуки,—
»Не прольется-ли гнѣвъ нашъ задавленный
»Изъ сердецъ ихъ на свѣтъ грознымъ пла-
(менемъ?«

Кончилъ слово старикъ благомысленный
И въ толпѣ затерялся съ смиреніемъ.
Не нашелся въ отвѣтъ тороватый дьякъ,
Лишь, перстомъ указавши на колоколъ,
Приказалъ его снять повелительно.

Но рука ни одна и не дрогнула.
Онъ приказъ повторилъ аллебардщикамъ,
Нечестивымъ татарамъ Кассимовскимъ, —
И руками своими нечистыми
Отвязали поганые колоколъ.

Дрогнулъ міръ, — точно мати-сыра-земля
Взволновалась вокругъ, всколебалася,
Какъ, спускаяся съ башни Довмонтовой,
Застоналъ, зарыдалъ вѣчный колоколъ,
Застоналъ, зарыдалъ на прощаніи.

Digitized by Google

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.
ИЗДАНІЕ И. Н. ПЕЛЕХА.

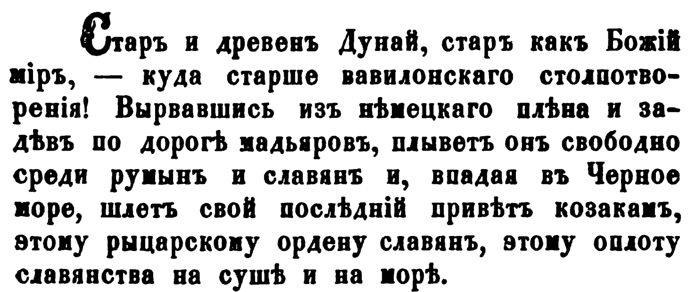
М. ЧАЙКОВСКІЙ.

СЪ УСТЬЕВЪ ДУНАЯ.

ПОВѢСТЬ.

ЛЬВОВЪ.
Типографія Ставропигійскаго Института.
1898.

I.

Старъ и древенъ Дунай, старъ какъ Божій міръ, — куда старше вавилонскаго столпотворенія! Вырвавшись изъ нѣмецкаго плѣна и задѣвъ по дорогѣ мадьяровъ, плыветъ онъ свободно среди румынъ и славянъ и, впадая въ Черное море, шлетъ свой послѣдній привѣтъ козакамъ, этому рыцарскому ордену славянъ, этому оплоту славянства на сушѣ и на морѣ.

Тамъ, гдѣ Измайловъ смотритъ на Добруджу и Тульчу, Дунай раздѣляется на три рукава, какъ будто желая скорѣе доплыть до Чернаго моря. Три устья виднѣются между островов: справа устье св. Георгія, въ срединѣ — Сулинское, а слѣва—Килійское. По нимъ, вправо и влѣво, взадъ и впередъ, скользятъ козацкія чайки. У береговъ, пѣшкомъ и верхомъ, какъ муравьи кишатъ козаки: это козацкая стража. Собрались они тутъ не по службѣ и обязанности, а по вдохновенію сердца, силою козацкой воли. Приказалъ имъ стеречь и беречь эти славныя устья архистратигъ Михаилъ, бѣлый ангелъ, гетманъ войскъ единаго Бога, гетманъ козаковъ; приказалъ онъ имъ быть живительными и гроз-

ными посредниками между славянами сѣве
славянами юга. Его воля — воля Божья;
влекла козачество искони, влечетъ и тепер
Днѣстра и Днѣпра, Дона и Волги на Д
влечетъ безъ приказа и паспорта, влечет
одиночку и толпой.

Народная пѣснь — голосъ воли Бо
народная пѣснь — приказъ бѣлаго архан
гетманъ приказываетъ — и козакъ ѣдетъ
Дунай.

Жаль ему старухи матери, жаль ему
дой невѣсты — ея черныхъ очей, ея бѣ
рукъ, — а все-таки гонитъ онъ коня: ско
скорѣй на Дунай! И плыветъ козачество,
плывутъ волны Дуная, а зачѣмъ, по что—
ему дѣло!

Козакъ еще ребенокъ, — а уже гово
на Дунай, на Дунай! Ставъ юношей, са
онъ на коня и ѣдетъ, туда-же и старики
кутъ свои дряхлыя ноги, не желая отстать
прочихъ. Въ украйнахъ, быть можетъ, не в
знаетъ, что это за страна и какая это стр
— но тотъ, въ комъ есть жизнь, кто неда
зоветъ себя козакомъ, тотъ знаетъ, что
Дунай и гдѣ онъ.

Къ добру или злу,—лишь-бы быть на Д
— и не диво: козакъ находилъ въ немъ Св
Гору и Іерусалимъ, Москву и Кіевъ. Это ст
тайны и чудесъ: тайна туда влечетъ, тайна
живетъ, и тамъ-же надѣется всякій найти ея
вязку. Такъ, видно, угодно Богу и, по его в
такъ приказалъ архангелъ Михаилъ, гетманъ:

закамъ остается подчиниться, спѣшить, собраться, стать на стражѣ и ждать.

Устье Дуная — настоящая Божья крѣпость. Впереди двухъ большихъ острововъ — Лета и Сулина — разбросана цѣлая сотня маленькихъ, въ видѣ редутовъ, какъ будто для охраны суши. На этихъ малыхъ и двухъ большихъ островахъ видны лѣса, поля, пастбища, кой-гдѣ села, монастыри, — а повсюду козацкія кочевья, артели, курганы и саловарни. Въ монастыряхъ Богу молятся, на водахъ рыбу ловятъ, а на Божьей землѣ, подъ Божьимъ небомъ, хлѣбъ ѣдятъ, вино пьютъ и въ честь бѣлаго архангела пѣсни поютъ о козацкой славѣ, козацкихъ украйнахъ — и все Господу во славу.

Да, Господня это крѣпость, не то, что ляхскій Кудакъ, поставленный людьми, ими-же и уничтоженный: здѣсь Господь все поставилъ и самъ только онъ уничтожить можетъ, но для полной силы приказалъ быть тутъ и козацкой стражѣ на сушѣ и морѣ.

Въ такой-то странѣ, возлѣ Летейскаго острова лежитъ маленькій островокъ — Пещеры: вправо отъ него — островъ Стабульскій, покрытый лѣсомъ и плодороднымъ полемъ, влѣво — подножный съ дубовою рощею, кустарниками и рядами ивъ по берегамъ. На Пещерахъ подымается возвышенность вполовину изъ песка и морскаго ила; хрящъ[1]) и раковины[2]) покрыли ея поверхность, образовавъ что-то въ родѣ пристанища для обломковъ кораблей всевозможнаго

---

[1]) „жвиръ", крупный песокъ; [2]) мушли

вида, различныхъ странъ и народо́въ, гоним
сюда страннымъ и непонятнымъ теченіемъ м

Рядомъ вѣковъ окружили они островъ
всѣхъ сторонъ, чѣмъ-то на подобіе палисадн
скрывающаго отъ любопытнаго глаза его
верхность. Внутри острова стоитъ монастырь,
строенный изъ дерева и камня; тутъ-же колокол
цѣликомъ уже каменная, съ тремя башнями,
крытыми жестью[1]), и въ каждой башнѣ по
локолу. Къ колокольнѣ примыкаетъ церковь, ка
и монастырь на половину каменная и деревя
ная, — и въ ней икона бѣлаго архистратига
натуральную величину съ поднятымъ къ вер
мечемъ. Ногами не попираетъ архангелъ нико
какъ воинъ, стоитъ онъ на стражѣ и, направи
свѣтлый свой взоръ въ синюю даль, смотритъ
не виднѣются-ли козацкія чайки на Черно
морѣ. Ярко блестятъ его золотыя и серебрянн
ризы. Стѣны церкви увѣшаны не иконами св
тыхъ Божихъ угодниковъ, какъ во всѣхъ пра
вославныхъ храмахъ; они покрыты старымъ ору
жіемъ, латами[2]) и броней, на ржу которыхъ вѣк
наложили печать древности.

Всякій вольный козакъ, приходившій н
островъ, постригался въ чернецы монастыря бѣ
лаго архангела. Оружіе онъ вѣшалъ на стѣн
церкви и, по примѣру архангела гетмана, ждал
появленія козацкихъ чаекъ на морѣ. Такъ сред
мертвыхъ остатковъ временъ ушедшихъ стоял
на стражѣ живые.

---

[1]) бляхою; [2]) панцырями.

Жили они въ подземныхъ пещерахъ, далеко спускавшихся подъ дно моря. Говорятъ, по этимъ пещерамъ можно было дойти до старого Кіева и бѣлокаменной Москвы. Не одинъ чернецъ, которому наскучило жить на островѣ, уходилъ этимъ путемъ; взявъ позволеніе отъ игумена, вымоливъ приказъ бѣлаго архангела, онъ оставлялъ оружіе, бралъ посохъ странника немного хлѣба, немного соленой рыбы, водки, три пятака, на случай смерти, чтобы заплатить за паспортъ на тотъ свѣтъ — и отправлялся въ путь.

Такъ шли одинъ за другимъ, и никто не возвращался, — вотъ почему на стѣнахъ въ церкви висѣла такая масса оружія и невидно было ни одной могилы на кладбищѣ, — кладбища даже не было. Вольный козакъ не умиралъ на островѣ, — онъ шелъ сложить свои старыя кости или въ Кіевъ, или въ Москву, и разъ уходилъ — не давалъ уже болѣе о себѣ вѣсти. Удалялись одни, появлялись другіе, никто не возвращался, — а все-таки, когда въ монастырѣ читанъ былъ списокъ козаковъ, на лицо всегда оказывались: игуменъ, чернецъ-эсаулъ, чернецъ-сотскій, чернецъ-писарь, чернецъ-переводчикъ, чернецъ-казначей, чернецъ-экономъ, десять чернецовъ десятниковъ, сотня простыхъ чернецовъ-козаковъ, попъ православный и еврей-арендаторъ. Этого послѣдняго не читали, впрочемъ, въ спискѣ предъ архистратигомъ Михаиломъ, какъ нехриста и потомка мучителей Спасителя; но послѣ переклички всѣ отправлялись къ нему рядъ-зарядомъ, гуськомъ, выпить кварту-другую трех-

пробнаго[1]) или цѣннаго, и удостовѣриться
не улепетнулъ-ли жидъ-нехристъ въ Кіе
въ Москву.

После молитвы и переклички, послѣ
жиду-нехристу, всякій брался за свою ра
то ловить рыбу, то ее солить, то пригот
икру, то готовить кушанье, то снаряжать
то поправлять лодки, наконецъ — ѣсть,
молиться и спать. Все дѣлалось по колокол
звону, какъ по часамъ.

Если чернецъ заболѣвалъ, или начинал
лѣниваться, попъ молился, а игуменъ вых
тывалъ приказъ архангела Михаила итти е
Кіевъ, Москву или Украину, для спасенія
и исцѣленія тѣла; хóдя по селамъ и горо
козакъ долженъ былъ разсказывать всѣмъ
бѣлый гетманъ стоитъ со своей сотней на ст
у устьевъ стараго Дуная и хранитъ ихъ
славянъ, какъ хранитъ бѣлый царь устья
стра, Днѣпра, Буга и Дона. Шелъ чернецъ
слушный своему назначенію и болѣе не воз
щался. Но въ тотъ-же самый годъ прихо
новый вольный козакъ и занималъ въ стр
мѣсто ушедшаго.

Такимъ образомъ, не убывало никогда
спискѣ число сто-восемьнадцать, а еврей-
христъ былъ всегда сто-девятнадцатый. То б
воля бѣлаго ангела, гетмана козаковъ.

Всякій приходившій въ монастырь тер
свое прежнее имя и фамилію; игуменъ вмѣ
съ попомъ давали ему другое прозвище: П

---

[1]) трикратно очищеннаго.

стъ, Голубъ, Орелъ, Вернидубъ, Вернигора и п. Разсказывать про свое прошлое ему не позволялось до тѣхъ пòръ, пока онъ не получалъ позволенія отправиться на проповѣдь козачества; тогда, послѣ прощальной бесѣды, могъ онъ разсказать свою жизнь, и писарь тутъ-же записывалъ все по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Кончивъ разсказъ, прощался онъ съ братьей и шелъ въ путь. Товарищи могли провожать его до той скалы, отверстіемъ которой начинался подземный ходъ, дѣлящійся на два рукава: на лѣво — въ Кіевъ и Украину, а на право — въ Москву и Донскія степи. Тутъ они останавливались и могли сопровождать отходящаго только взоромъ, до тѣхъ-поръ, пока онъ не терялся изъ вида; тогда они кричали ему во-слѣдъ: пусть ведетъ тебя Богъ цѣлымъ и невредимымъ, мы сами пойдемъ туда же на вѣчное отдохновеніе! Возвращаясь, пѣли они пѣсни въ честь славнаго гетмана, бѣлаго архангела.

Такова была козацкая станица[1]), таковъ былъ ихъ сторожевой постъ у устьевъ стараго Дуная.

II.

Михайловскій праздникъ — годовщина дня, въ который Богъ вручилъ архистратигу гетманскую булаву. Воинство земное празднуетъ въ этотъ день торжество небеснаго гетмана и съ башенъ разомъ раздается звонъ трехъ колоко-

[1]) осада, мѣсто жительства.

ловъ въ честь бѣлаго ангела. Козацкая
гремитъ въ церкви. Тучи заволокли небо; с
не видно. Должно быть, и небесное вои
празднуетъ славу своего гетмана: скачетъ
по тверди и темныя тучи скрываютъ см
тотъ скачъ отъ взоровъ людскихъ. Ударам
пытъ кресятъ искры небесные кони — и м
пронизываетъ черныя тучи; ура этой см
конницы раздается громомъ въ ушахъ смертн
а стрѣлы страшными ударами падаютъ и гро
землю въ честь гетмана-архангела.

Вѣтеръ порывисто дуетъ съ юга, под
реву льва африканскаго. На морѣ буря п
маетъ грозные валы, — и вздымаются они
поверхности не какъ стадо барашекъ[1]) въ
хую погоду, а какъ разъяренный табунъ л
дей, гонимый стаей алчныхъ, голодныхъ волк
То выбрасываетъ валъ корабли до самого н
то тянетъ въ бездонную пропасть, то раз
ихъ въ щепки, бѣшенно гонитъ на островъ
щеры.

И небо, и море гуляли такъ въ праздн
архангела.

Въ этотъ день, более счастливый, чѣмъ д
гіе — день архистратига Михаила, два черн
получили позволеніе отправиться обычной до
гою на Украйну.

Одинъ изъ нихъ былъ старикъ уже по
столѣтній, — другому лѣтъ нѣсколько тому
задъ перевалило ужъ за сотню. Лѣта и старо
клонятъ обоихъ къ могилѣ, — пещеры для н

---

[1]) барановъ

динственный путь: тамъ, подъ землей, оживутъ помолодѣютъ они, и когда прійдутъ на Украйну, о всякій скажетъ: проворенъ, моторенъ, куда инь — все козакъ.

Одинъ изъ нихъ зовется Орломъ, потому то когда-то, вырвавшись, какъ орелъ, отъ смерти ъ своей родной странѣ, взвился къ небу и спутился тутъ среди людей. Имя другаго Ласточка — и звали его такъ потому, что въ жизни не далось ему нагрѣть теплаго и спокойнаго мѣта. Блуждалъ онъ по сушѣ и морю, какъ ласточка: тутъ лѣтомъ, тамъ зимою; отдохнулъ онъ а Пещерахъ и теперь, какъ ласточка, полетитъ а Украйну.

Длинные столы заставлены соленою и свѣкею рыбою; болѣе всего видна осетрина, тутъ ке икра, вареники, соленые огурцы, кислая капуста и, ради праздника, калачи и блины изъ пшеничной муки. Въ штофахъ[1]) — вино трехпробное, пѣнное и даже румяная старка; штофовъ гибель — а чара всего лишь одна. Незабыта соль, перецъ, есть даже и сласти, чтобы небу щекотно[2]) стало; шляхтичъ польскій даже изъ гербовыхъ, выросшій на сластяхъ, можетъ тутъ вспомнить былое, можетъ понѣжиться и полакомиться въ праздникъ гетмана козаковъ, ангела брани.

Попъ прочелъ молитву, крестомъ осѣнилъ божіе дары и освятилъ ихъ водою, а игуменъ громко сказалъ:

— Ѣшьте, пейте все это на славу божью,

[1]) фляжкахъ.

на славу святыхъ его ангеловъ и угоднико
Прилично и въ порядкѣ. Женскимъ поломъ
ругайтесь, ни матерью, ни женою: они дарова
намъ жизнь, насъ воспитывали и какъ христіа
какъ козаки, обязаны мы защищать женщи
а не обижать. Таковъ нашъ законъ, зако
вольнаго козачества!

Во всѣхъ козацкихъ общинахъ слова э
повторяются предъ всякою пирушкою, а ослуш
никъ устраняется и называется эсауломъ,
второй разъ наказаніе увеличивается, а въ тре
тій — ослушнику нѣтъ мѣста въ братской за
бавѣ. Три проступка — три наказанія, небольш

Послѣ этого обычнаго предисловія, игуме
наполнилъ виномъ чару, отпилъ немного, пере-
далъ слѣдующему, а тамъ пошла она кругомъ
изъ рукъ въ руки: выпита была одна, наполнил
другую. Всѣ пили — пили и ѣли, но всѣ мол-
чали и молчали такъ усердно, что нетолько вид-
но, но и слышно было, какъ переходилъ ку-
бокъ изъ рукъ въ руки.

Когда пиръ былъ конченъ, всѣ расѣлись
кругомъ, посадивъ въ серединѣ Орла. Возлѣ него
расположился писарь съ раскрытою книгою, чер-
нильницею, съ перомъ въ рукѣ и двумя за ушами
— для перемѣны.

Чернецъ Орелъ перекрестился, поклонился игумену и братіи-чернецамъ, — крякнулъ, плюнулъ, потянулъ изъ чары и, обтеревъ губы, такъ началъ:

III.

По отцу и матери я польскій шляхтичъ. Отецъ мой, Юрій Бехъ, былъ войтомъ въ Радо-

ыслѣ; мать Ядвига—тоже Бехъ, дочь Игнатія ехa, провизора у отцовъ базильяновъ, что въ Овручѣ. Гербъ мой — Янушъ, а имя Бориславъ. Словомъ, и по отцу и по матери, я Бехъ во всю губу.

Родъ Беховъ очень древній родъ въ чернобыльскомъ округѣ. Доказательствомъ этого можетъ быть то, что Бехи издавна, по примѣру предковъ, ходили одной ногой въ сапогѣ со шпорою, другой въ лаптѣ изъ липоваго лыка, для нагляднаго засвидѣтельствованія своей готовности служить и въ конной, и въ пѣшей службѣ короля и рѣчи-посполитой. Его милость король и ея милость рѣчь-посполитая выпустили въ аренду чернобыльскій округъ жидамъ и іезуитамъ, съ его божьими храмами и чертовскими корчмами. Но такъ какъ Бехамъ не хотѣлось пѣть Dominus vobiscum, потому что пѣли они всегда »Господи помилуй«, и не желательно было поступить въ услуженіе къ жиду-нехристу, котораго они привыкли бить и колотить, — то и записались они въ козаки реестровые, а записавшись, ходили воевать подъ начальствомъ Хмельниченка, Золотаренка и Михненка. Недурно пошли съ тѣхъ поръ ихъ дѣла: явилась денёжка, за ней скотинка, а тамъ взяли хуторъ въ аренду, а тамъ погодя немного — и благопріобрѣтенное въ карманѣ. Видя такой ихъ успѣхъ, панъ Кисель, воевода, да панъ Янъ Выговскій, гетманъ и воевода, стали гнуть ихъ на сторону короля не старостинствомъ, такъ другимъ теплымъ и виднымъ мѣстечкомъ, а у Беховъ губа не дура — вотъ и были они вмѣстѣ и знатной

правиться, конечно дáромъ, въ компаніи гусинаго стада, а какой-нибудь тамъ Чоповскій, которому пришлось-бы прогуляться съ этою цѣлью, могъ остаться дома для работъ по хозяйству. Нечего было спрашивать моего согласія: сказано — и баста!

Начальникомъ и вожакомъ путешествія состоялъ панъ Рохъ Чоповскій, sodalis marianus[1]). Это высокое званіе не мѣшало ему, однако-жъ, быть усерднымъ поклонникомъ Бахуса. Бывало тянетъ онъ глотокъ за глоткомъ, а все-таки громко и зычно[2]) поетъ: Ave Maria! gratiae plena, — sub tuum praesidium et ego Rochus Czopowski! Всѣ считали его потому человѣкомъ набожнымъ и богобоязненнымъ и, само собою разумѣется, честнымъ и добросовѣстнымъ. Всякій Чоповскій и всякая Чоповская съ такимъ довѣріемъ ввѣряли ему всегда свое добро, такъ вѣрили ему, какъ самимъ себѣ; малая-же и болѣе взрослая бахурня Чоповскихъ хоромъ пѣла, что на пана Роха можно смѣлѣе полагаться, чѣмъ на ксендза пробоща и отца игумена. Словомъ, въ Чоповкѣ панъ Рохъ былъ своего рода Чорнымъ Завишей: она разсчитывала на него столько, сколько всякій полякъ разсчитывалъ на послѣдняго. Должно быть въ знакъ такого безграничнаго довѣрія и выбрали его dux-омъ гусинаго стада и въ то же самое время redux-омъ карбованцевъ, вырученныхъ съ продажи.

Вторымъ моимъ спутникомъ въ гусиномъ походѣ былъ мальчикъ, двумя или тремя годами

---

[1]) обреченный пресв. Дѣвѣ; [2]) звучно, звонко.

арше меня и, какъ я, тоже не Чоповскаго да. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришелъ онъ Чоповку, удравъ отъ его милости какого-то столюбезнаго пана. Рода своего онъ не помнилъ, да такъ и остался найдёнышемъ, или по осту — приблудкомъ. Наводить о бѣглецѣ правки никому не приходило въ голову, а потому, безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей, о просто-напросто занесли въ списокъ мужицкаго »быдла«, — одного на всю деревню. акова, должно быть, ужь натура шляхетская польская: Богомъ врождена ей страсть ухода за котомъ—она его и бережетъ; мужикъ тотъ-же котъ, а потому за приблудкомъ ходила вся деревня, и тѣмъ рачительнѣе[1]), что былъ онъ одинъ мужикъ на всю деревню пановъ. Кормили его молокомъ, кашей, галушками, и приблудокъ такъ разъѣлся, что прозвали его Гладкимъ,—именемъ, дающимъ нѣкоторое право на »гоноръ« и повышеніе въ шляхетскихъ глазахъ.

Гладкій запомнилъ, что родился надъ большой рѣкою Днѣпромъ, около Кіева. Еще въ дѣтствѣ приходилось слышать ему очень часто слово Кіевъ. Мать его ходила туда на базаръ и, должно быть, городъ былъ недалёко, потому что возращалась всегда домой въ тотъ-же самый день, съ бубликами и калачами. Помнилъ также Гладкій и то, какъ отца его сѣкли розгами передъ корчмою за то, что, работая въ саду, онъ нарвалъ грушъ для дѣтей; помнилъ, какъ послѣ »сѣканціи« засадили его въ рогатку[2]),

---

[1]) усерднѣе; [2]) желѣзный ошейникъ.

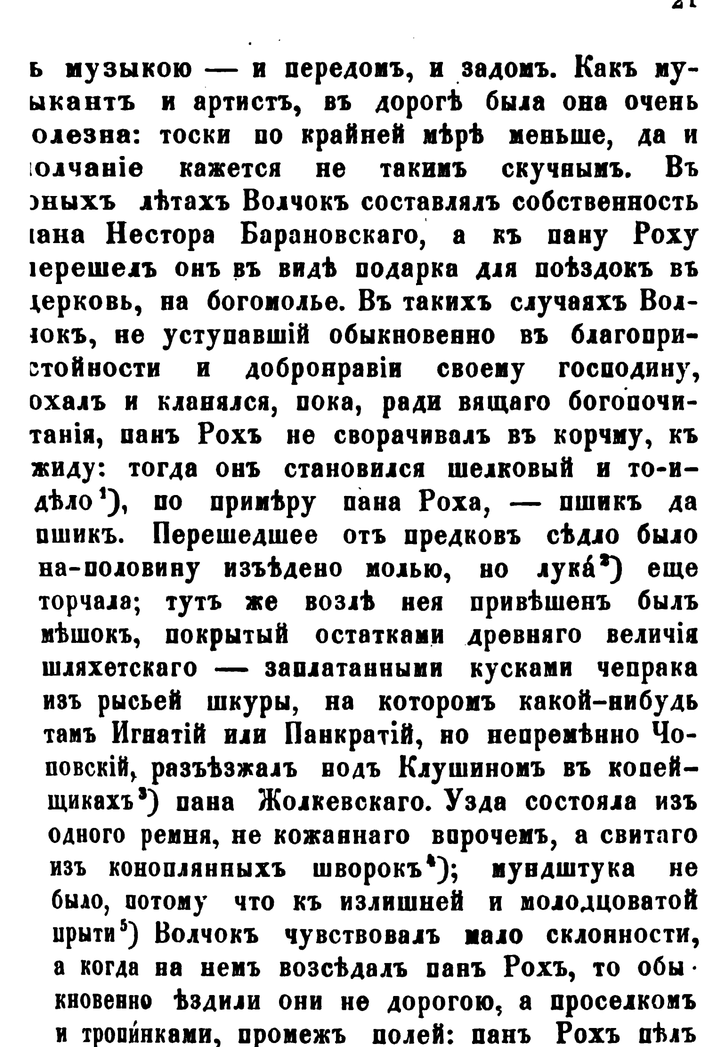
какъ хотѣли отдать въ рекруты за воровство[1]), несмотря на жену и пятеро дѣтей; наконецъ, не забылъ и того, какъ отецъ, выпущенный изъ рогатки, именно въ ту самую ночь, когда хотѣли его взять въ рекруты, сжегъ хату и пристройки и ушелъ съ женой и дѣтьми въ лѣсъ, гдѣ, скитаясь по трущобамъ[2]) и топямъ[3]), потерялъ сына. Такъ распрощался Гладкій съ родителями, а что сталось съ ними потомъ — единому Богу извѣстно. Неудивительно, что Гладкій замышлялъ со временемъ натворить, по мѣрѣ силъ, панамъ и шляхтѣ всякихъ пакостей. Съ тѣломъ и кровью родители передали ему ненависть противъ панской неволи и жестокости — и онъ пѣлъ: »ѣхалъ козакъ за Дунай!« О самомъ-же Дунаѣ разсказывалъ мнѣ такія вещи, какихъ не разсказывала даже матушка, а я все больше и больше убѣждался, что это должно быть правда, коли они такъ говорятъ въ одинъ голосъ. Гласъ народа — гласъ Божій!

— Но какъ туда пробраться, а пробраться необходимо, — разсуждали мы съ Гладкимъ. Съ первыхъ-же словъ завязалась у насъ тѣснѣйшая дружба, настоящая козацкая дружба, основанная на одномъ и томъ-же желаніи: на Дунай, на Дунай!

Панъ Рохъ, шляхтичъ, имѣвшій право, точно такъ же какъ и я, на сапогъ и лапоть, собрался въ дорогу верхомъ на Волчкѣ. Волчокъ была это старая пѣгашка[4]), на правый глазъ слѣпая, на лѣвую ногу хромая, съ храпомъ, а главное

---

[1]) кражу; [2]) дебрямъ; [3]) болотамъ; [4]) сорокатый конь.

ь музыкою — и передомъ, и задомъ. Какъ му-ыкантъ и артистъ, въ дорогѣ была она очень олезна: тоски по крайней мѣрѣ меньше, да и олчаніе кажется не такимъ скучнымъ. Въ энныхъ лѣтахъ Волчокъ составлялъ собственность ıана Нестора Барановскаго, а къ пану Роху ıерешелъ онъ въ видѣ подарка для поѣздокъ въ церковь, на богомолье. Въ такихъ случаяхъ Вол-юкъ, не уступавшій обыкновенно въ благопри-стойности и добронравіи своему господину, охалъ и кланялся, пока, ради вящаго богопочи-танія, панъ Рохъ не сворачивалъ въ корчму, къ жиду: тогда онъ становился шелковый и то-и-дѣло[1]), по примѣру пана Роха, — пшикъ да пшикъ. Перешедшее отъ предковъ сѣдло было на-половину изъѣдено молью, но лука́[2]) еще торчала; тутъ же возлѣ нея привѣшенъ былъ мѣшокъ, покрытый остатками древняго величія шляхетскаго — заплатанными кусками чепрака изъ рысьей шкуры, на которомъ какой-нибудь тамъ Игнатій или Панкратій, но непремѣнно Чо-повскій, разъѣзжалъ подъ Клушиномъ въ копей-щикахъ[3]) пана Жолкевскаго. Узда состояла изъ одного ремня, не кожаннаго впрочемъ, а свитаго изъ конопляныхъ шворокъ[4]); мундштука не было, потому что къ излишней и молодцоватой прыти[5]) Волчокъ чувствовалъ мало склонности, а когда на немъ возсѣдалъ панъ Рохъ, то обы-кновенно ѣздили они не дорогою, а проселкомъ и тропинками, промежъ полей: панъ Рохъ пѣлъ

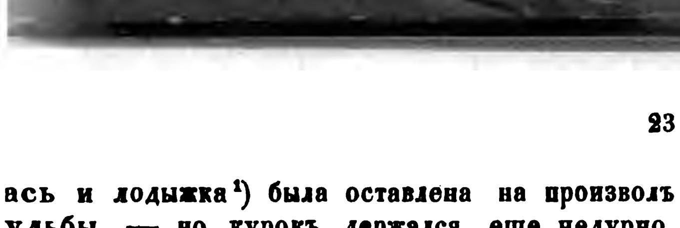
[1]) безпрестанно; [2]) каблукъ; [3]) вооруженныхъ копі-емъ; [4]) шнуровъ; [5]) галопу.

»корунки« и »литаніи«, Волчокъ же брелъ направо и на лѣво — отвѣдать пшеницы или овса. Послѣ всякаго »Господи помилуй!« панъ Рохъ прибавлялъ: »ѣшь, ѣшь; то божій даръ!« Такъ ѣздили они всегда безъ попаски прямо до мѣста отдыха: послѣ каждой »корунки« и »литаніи« панъ Рохъ, какъ человѣкъ набожный, не замедливалъ приложиться къ баклажкѣ[1]), а тощіе бока Волчка все толстѣли и толстѣли. На мѣстѣ отдохновенія панъ Рохъ падалъ ницъ, конечно, изъ смиренія, и начиналъ производить музыку точь въ точь такую, какою Волчокъ услаждалъ путешествіе. Словомъ, о томъ и другомъ можно было сказать: wart pałac Paca, a Pac pałaca.

Къ каждой сторонѣ сѣдла были привѣшены мѣшки, мѣшечки, баклажки и бутылочки; были тутъ: ячменная каша, сало, солонина и даже яичница, въ баклажкахъ и бутылочкахъ старка отъ пана подкоморія, трехпробное и простая отъ пана пробоща, — словомъ цѣлая кладовáя[2]). Панъ Рохъ любилъ молиться, просить и благодарить Бога за его дары, любилъ ихъ и потреблять, но не ради обжорства, а такъ — ради права смѣло заявить всякому: просилъ, молилъ — и есть за чтó благодарить Богу, значитъ, во славу!

Чрезъ плечо перекинулъ панъ Рохъ одностволку[3]), съ надписью »Лондонъ« и съ дуломъ перевязаннымъ, нужно думать — для большей крѣпости, веревочками; антабка[4]) давно отвали-

[1]) бочёнку; [2]) комора, шпихлѣръ; [3]) ружьё съ однимъ дуломъ (люфою); [4]) перстень на ремнѣ (при ружьѣ).

ась и лодыжка[1]) была оставлена на произволъ удьбы, — но курокъ держался еще недурно, когда былъ спущенъ, то упирался въ заячій востикъ, покрывавшій полку[2]).

Въ Барской конфедераціи панъ Рохъ числился конфедератомъ и не только числился, а на самомъ дѣлѣ успѣлъ доказать свою храбрость: не одинъ козакъ полетѣлъ съ лошади, благодаря его одностволкѣ, какъ летитъ съ дерева тетерка или рябчикъ, подстрѣленные невзначай. Панъ староста Пулавскій и ксендзъ Маркъ бывали свидѣтелями такого геройства: первый обыкновенно сплевывалъ и говорилъ: »чортъ его дери,« — а ксендзъ, вознеся взоры къ небу, произносилъ: »пусть идетъ каяться за грѣхи«.

За поясъ панъ Рохъ положилъ пистолетъ, для избіенія не грѣховъ, а людей — грѣховодниковъ. И теперь еще, на старости лѣтъ, sodalis marianus могъ вышибить, натощакъ, туза изъ карты, а сорвать пулей фитиль[3]) на сальной свѣчкѣ, какъ ножницами, ему ничего не стбило. За то-жь и не смѣлъ никто наплевать ему въ лохáнь[4]) или какъ-нибудь обидѣть: положитъ на мѣстѣ — и баста! Была, наконецъ, у пана Роха еще и сабля, правда подвѣшенная на веревочкахъ, но настоящая стальная, а главное съ надписью: „Czop nie chłop, Czopowski — sługa boski“.

Таковъ былъ панъ Рохъ, какъ рыцарь и воинъ. Что же касается затѣмъ наружнаго вида

---

1) взводъ; 2) panewka Zündpfanne; 3) кнотъ; 4) цебрикъ.

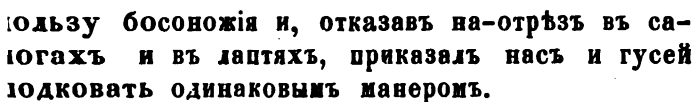
и осанки, то и тутъ все было въ порядкѣ, ч
и по рыцарски. Высокій ростомъ, косая са
въ плечахъ, крѣпкій, несмотря на седьмой д
токъ, былъ онъ настоящій ломака: возьмет
лапы — пиши пропало, сомнетъ — не
медвѣдя. Усы какъ у сома, лицо рубинно
франнаго цвѣта, носъ, какъ кораллы у инд
глаза, хоть и голубые отъ природы, но кр
посоловѣлые отъ частаго и усиленнаго моли
словія и возліяній, наконецъ нижняя губа, о
слая, какъ у медвѣдя — все это вмѣстѣ вз
представляло пана Роха въ благороднѣйшей
сти его тѣла. Въ другихъ, менѣе благородн
частяхъ, онъ былъ такой же молодецъ. Пра
время погнуло его немножко впередъ, но
все-таки умѣлъ выровняться въ струнку, ко
по шляхетски и по обычаю предковъ, приходил
загремѣть verbum nobile, или показать,
Чопъ не холопъ. Хоть sodalis marianus,
готовъ былъ оборвать и обрѣзать уши всяко
когда найдетъ шляхетскій стихъ [1]).

Таковъ былъ нашъ dux; при немъ два ад
ютанта — двѣ патлатыя собаки — Борухъ
Хайка. Я и Гладкій заключали свиту dux-а
предводителя гусинаго войска.

Одѣли обоихъ насъ одинаково, какъ со
датъ. Полотняные штаны, рубаха съ красн
ленточкою, чорная свитка выше колѣнъ, красн
поясъ, наконецъ, теплая шапка изъ чорных
смушекъ [2]) — составляли ливрею; что-же каса
ется óбуви, то панъ Рохъ объявилъ себя в

---

[1]) т. е. когда шляхтичу захочется; [2]) барашковъ.

іользу босоножія и, отказавъ на-отрѣзъ въ сапогахъ и въ лаптяхъ, приказалъ насъ и гусей подковать одинаковымъ маneромъ.

Въ дырѣ, гдѣ нѣкогда жгли извёстку[1]), устроили что-то въ родѣ тѣста изъ песка и дегтя, и стали макать туда наши и гусиныя лапы; когда послѣ перваго раза, тѣ и другія просохли, подковыванье повторили другой и третій разъ — пока, наконецъ, на ногахъ не образовалось нѣчто похожее на корку, какая бываетъ на хорошо выпеченномъ хлѣбѣ. Распорядившись такимъ образомъ на-счетъ ногъ, не забыли рукъ, а что всего важнѣе — желудка: въ переднія лапы всучили намъ по палкѣ и по куску хлѣба въ мѣшкѣ, перевѣшенные черезъ плечо, и тѣмъ закончена была наша полная экипировка. Правда, продовольствія[2]) было никакъ не больше, какъ на одинъ день, но для порядка службы такъ и слѣдовало: панъ Рохъ взялъ на себя обязанность фуражира и каждый день раздѣлялъ Божій даръ намъ и патлатымъ собакамъ.

За деревню провожали насъ всѣ чоповщанки. Каждая прощалась съ своимъ гусемъ, желая ему счастливаго пути и хорошей продажи. Мы пустились въ дорогу.

Шли мы не дорогою, а сбоку. Панъ Рохъ изъ любопытства осматривалъ поля и посѣвы, чтобы приглядѣться къ урожаю и дать возможность Волчку попробовать всякого рода хлѣба; Волчокъ былъ на-столько уменъ, что никогда не

---

[1]) вапно; [2]) корма, провіанта.

отказывался отъ этой обязанности, — и мы н гда завидовали его судьбѣ.

Когда въ мѣстахъ отдыха панъ Рохъ на налъ производить свою обычную музыку валторнѣ, мы съ Гладкимъ хватали гусей, одному съ рыла, сворачивали имъ шеи, ощи вали перья, жарили и ѣли. Съ насъ было д вольно мяса—кости-же грызли Борухъ и Хай а чтобы никто не могъ поймать насъ на поли номъ[1]), перья благоговѣйно подвергались п гребенію въ землѣ. Возставъ отъ сна и разб дивъ насъ, панъ Рохъ удивлялся всегда наш рѣзвости и хорошему расположенію духа: дава каждый день намъ и собакамъ по одному лиш куску черстваго хлѣба, онъ никакъ не могъ со образить, съ чего-бы тутъ радоваться. Очевидно благословеніе Божье, настоящее чудо — думал онъ и, вознесши молитву къ Богу, съ глубоким смиреніемъ прикладывался къ баклажкѣ. Так шелъ день за днемъ; что́ было въ субботу, то было въ воскресенье Мы мало-по-малу двигались впередъ и пришли къ Бѣлогородкѣ. Тутъ въ первый разъ панъ Рохъ заговорилъ съ нами, показывая рукою на востокъ:

— Тамъ Кіевъ, съ тремя стами шестидесятью пятью церквей, съ золотыми воротами, а вотъ древняя граница его милости польскаго короля и ея милости королевы: по сей дубъ миля!

Отдохнуть остановились мы возлѣ корчмы съ большимъ вы́гономъ,—какъ вдругъ изъ корчмы, какъ чортъ изъ конопли, выскочилъ какой-

---

[1]) т. е. на мѣстѣ преступленія, съ corpus-омъ delicti.

о оборванецъ, рыжій, красный, на головѣ и сахъ волоса какъ у шершня, кой-гдѣ только ъ просѣдью. Остановился онъ и смотритъ на пана ʼоха, — панъ Рохъ на него, глазъ въ глазъ, потомъ какъ бросятся въ объятія, какъ станутъ обниматься, цѣловаться, жать другъ друга—чуть-чуть не передушились, и отъ нѣжности тонкимъ дискантомъ только сказали:

— Рохъ!

— Герменгильдъ!

Изъ дальнѣйшаго разговора мы узнали, что Герменгильдъ имя, а по фамиліи незнакомецъ—Вацьковскій изъ Вацькова, также овручанинъ и изъ чернобыльскаго округа. Зáмолодо отданный въ канцелярію при судѣ (палестру), сталъ онъ юристомъ, настоящимъ крючкомъ и я́бедникомъ [1]). Съ тяжущихся [2]) цапалъ порядочно, но въ карты проигрывалъ вдвое, если не больше. Не одному семейству задалъ такую стрижку, такъ ловко обдѣлалъ многихъ, что бѣднякамъ оставалось повѣситься, или утопиться. Приличное вознагражденіе бралъ не иначе, какъ со всякаго рода надбавками и прибавками, за чтó былъ прогнанъ, даже изъ палестры, какъ отпѣтый хапунъ и обдирало. Кредиторы не давали ему покоя и не одинъ уже приговоръ о закóнномъ взысканіи [3]) висѣлъ на его шеѣ. Чтó подѣлаешь? По панскому обычаю, какъ бѣда — до жида, а Герменгильдъ былъ панъ — Ицко-же его жидъ. Знакóмство вели они еще съ тѣхъ поръ, когда Ицко состоялъ арендаторомъ въ Вацьковѣ и

[1]) процесовичемъ, коварникомъ; [2]) процесующихся; [3]) экзекуціи.

панство Вацьковскіе въ теченіи года ход
óчереди къ нему въ сторожа, а получивъ а
тутъ-же пропивали ее въ корчмѣ, потягавъ
панскимъ манеромъ, за пейсы.

Герменгильдъ зналъ, что, скопивъ де
Ицко проберется поближе къ Кіеву, — жи
самомъ Кіевѣ жиду-нехристу не позволя
Такъ оно на самомъ дѣлѣ и было: Ицко
въ аренду Бѣлогородку и сталъ жить въ ко
Задрипанкѣ, возлѣ почтоваго тракта. Ге
гильдъ къ нему, да и давай просить: Ицко,
безный Ицко, Вацьковскіе сторожили у те
Вацьковѣ, — такъ отчего-же бы мнѣ, Вац
скому, не сторожить у тебя въ Задрипанкѣ

Жидъ согласился. Сторожъ и юрис
штука хорошая, а въ случаѣ нужды, въ при
Герменгильдъ не прочь былъ пустить въ
саблю или пятерню [1]), или взять въ кулаки,
жидъ прикажетъ. Такой ужъ норовъ у
овручанъ и овручанской шляхты: не саблей,
кулакомъ, а не то и перомъ.

Жили, такимъ образомъ, Герменгиль
Ицко, какъ братья, правда не какъ родны
не хуже другихъ двоюродныхъ по отцу и ма
Еще въ палестрѣ панъ Герменгильдъ напр
ковался въ медицинѣ, заглядывая почаст
Брусиловъ, усовершенствовался въ фармак
зіи и въ искусствѣ производства всякаго
водокъ и настоекъ — на дягиль, анис
аиръ [2]). Когда приходила охота, онъ умѣлъ
пустить такую ингредіенцію, что послѣ по

---

[1]) нагайку; [2]) шуваръ.

а другой день Сура — жена Ицка — подскакивала, какъ коза, и болтала, какъ чечотка.

Недурно жилось Герменгильду: ѣлъ онъ юкшину[1]) и щуку[2]) съ перцемъ, пилъ водку и медъ и сидѣлъ не какъ у Бога за дверьми, а какъ у жида за печью.

Панъ Герменгильдъ тоже былъ въ Барской конфедераціи, и въ то время, когда панъ Рохъ палилъ изъ одностволки и махалъ саблей направо, на-лѣво, онъ чернымъ по бѣлому царапалъ inducta et manifesta. Тѣсная дружба не замедлила завязаться уже тогда между ними и тѣмъ болѣе искренняя, что каждый занимался своимъ ремесломъ и не могъ, значитъ, стать поперекъ другому. Вотъ встрѣтившись, да такъ еще нечаянно, стали они балакать, а такъ какъ на́сухо слово — все равно, что вѣтеръ, то и нужно было его облить, въ головѣ — значитъ — чтобы осталось. Стали пить. Ицко осматривалъ гусей, прицѣнивался, а спиртнаго подбавлялъ все больше и больше. Панъ Герменгильдъ —недаромъ юристъ — пронюхалъ въ чемъ дѣло, и чтобы дать Ицкѣ другую работу, на радость Сурѣ, нацѣдилъ ингредіенціи въ два штофа и поставилъ для Ицки, самъ-же отправился на кухню помочь Сурѣ готовить щуку съ перцемъ и посулить[3]) ей кой-чего получше перцу.

Во время его отсутствія, панъ Рохъ узрѣлъ въ Ицкѣ склонность къ обращенію въ христіанство, и не просто въ христіанство, а на лоно римско-латинской церкви. Желая совершить столь

---

[1]) галушки; [2]) щупака; [3]) обѣщать.

великое дѣло, съ азартомъ хватилъ онъ два штофа и поставилъ предъ собою.

— Вотъ, милый мой Ицко, выпьемъ каждый однимъ разомъ изъ своего, потомъ продадимъ въ Кіевѣ гусей, потомъ отправимся къ ксендзу канонику, я буду твоимъ воспріемникомъ, назову тебя Рохомъ, именемъ своего ангела — великій это святой! — будешь христіаниномъ, католикомъ, шляхтичемъ, неофитомъ, Рохомъ Задрипанскимъ; можешь стать даже »содалисомъ«, а за деньги, если захочешь, Мальтійскимъ кавалеромъ...

Жидъ согласился — и каждый взялся за штофъ, да давай тянуть, тянуть, пока на днѣ не оказалось такъ сухо, что вотъ выверни штофъ къ верху ногами, поставь на ладонь—ни капли, какъ ни дави.

Панъ Герменгильдъ вошелъ, когда все уже было выпито; испугался, поблѣднѣлъ, оторопѣлъ, но только проворчалъ сквозь зубы: хватили черезъ край! — поставилъ щуку на столъ и позвалъ Суру.

Такъ балакали они, ѣли и пили, а у насъ по бородѣ текло: въ ротъ только и попало, что черствая корка хлѣба. Нужно было сидѣть на выгонѣ и смотрѣть за гусями въ-óба[1]), потому что деревня была близко.

Чтó дѣлалось въ корчмѣ, о чемъ тамъ шла рѣчь—мы не знали и не слышали, и уже только поздно, очень поздно, сцапавъ пару гусокъ, успѣли состряпать себѣ ýжинъ[2]). Поѣвъ въ сласть, потому что было голодно и холодно, мы заснули,

[1]) смотрѣть въ óба (т. е. глаза) = сторожить, смотрѣть осторожно; [2]) вечерю.

давъ стражу Боруху и Хайкѣ, которые ус
налопаться до того, что должны были и за
и за насъ оставаться въ бодрствующемъ со
аніи.

На разсвѣтѣ разбудилъ насъ крикъ. (
ревѣла во всю глотку.

— Ай, вай! чтó онъ сдѣлалъ: я такая
счастливая, а была такая счастливая! Ай!
Оба трупа...

Панъ Германгильдъ не пускалъ ее на д
и, втолкнувъ назадъ въ корчму, заперъ д
и самъ вышелъ къ намъ.

— Вставай хлопцы и »драла«! Бестіи,
таи эти нарѣзались до чортиковъ и оба
лѣли[1]). Нужно удирать, а то засадятъ въ тю
и, пóка доберутся до правды, мы въ ней по
немъ. Пускай гусей на всѣ четыре стор
и лупи куда глаза глядятъ. Я самъ ухо
Наѣдетъ слѣдствіе и какъ не найдутъ никого, к
Суры, то скажутъ, что съ умá сошла и ра
двухъ ословъ положила на мѣстѣ. Пусть
казнятъ, — такъ и слѣдуетъ: жидовка—а ж
Христа мучили и распяли. Впрочемъ, чорт
не возьметъ: рожа[2]) сносная, да притомъ
знаетъ секретъ ингреденціи, а съ такимъ р
сломъ не пропадетъ.

Напугавъ насъ такими словами, панъ
менгильдъ возвратился въ корчму, надѣлъ
рыцарскую сбрую покойника Роха, — онъ
ствительно былъ покойникъ, вѣчная ему пам
— сѣлъ на Волчка и пустился въ путь не

---

[1]) издохли; [2]) морда.

рогой, но полемъ и въ противуположную сторону отъ Кіева.

Мы съ Гладкимъ стали совѣщаться и думать: въ Кіевъ итти нечего — гусей отымутъ и съ нами Богъ знаетъ что̀ сдѣлаютъ; бросить гусей—жаль; чѣмъ же тогда жить и питаться — травой развѣ. Погонимъ, значитъ, гусей и сами отправимся на Дунай. Но гдѣ Дунай, въ какой сторонѣ?.. Ну вотъ пойдемъ такъ прямо, впередъ да впередъ, будемъ итти, итти, и можетъ быть добрые люди покажутъ дорогу.

Сказано — сдѣлано. Шли мы этакъ дней нѣсколько, сами не зная куда, но все впередъ и впередъ, прямо передъ собою. Ѣли гусей, промѣнивали ихъ на хлѣбъ и другіе припасы, продавали даже, но всегда по одному, по два, съ толкомъ, и помня о завтрашнемъ днѣ, — а такъ какъ мы не чувствовали себя ни патріотами, ни конфедератами, не годились ни въ солдаты, ни даже для барщины, — то никто насъ не спрашивалъ, никто съ нами не заговаривалъ, а просто разсматривалъ гусей, да Боруха и Хайку. Они въ свою очередь, прибавляли намъ больше храбрости и »гонору«. Всякій видѣлъ, что народъ мы не бѣдный: свое стадо и свои же сторожа, а это даромъ не валяется.

Въ открытой степи на-встрѣчу попался намъ цыганскій таборъ. Сначала мы совсѣмъ было испугались, но потомъ, какъ начали цыганчата бить въ бубенчики, танцовать и хлопать руками, какъ началъ мишка-медвѣдь представлять, какъ бабы горохъ крадутъ — страхъ смѣнился любо-

ытствомъ; мы начали глазѣть[1]), разиня рты, а отомъ вступили въ разговоръ.

Богу такъ видно угодно было; — то, чтó лучилось съ нами, лучше всего показываетъ Его вятую волю, руководящую какъ малыми, такъ великими дѣлами. Цыгане шли съ Дуная. Начали они намъ разсказывать о немъ, о мѣстахъ, дѣ они были и черезъ какія переходили, о странахъ, черезъ которыя они думаютъ еще итти въ Литву и Сморгонскую академію. Такъ какъ я былъ грáмотенъ и имѣлъ записную книжку съ карандашемъ, которой по незнанію панъ Рохъ не успѣлъ еще отнять, то сталъ записывать все, чтó слышалъ, и вскорѣ состряпалъ такой маршрутъ, какого самъ нѣмецъ не съумѣлъ бы сдѣлать. Нехотя вспомнилъ я тогда отца Михальскаго и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ подумалъ о базильянской дисциплинѣ; смотря на Гладкаго, я разсуждалъ въ душѣ: за одного битаго двухъ небитыхъ даютъ, и то не берутъ.

Теперь-то дойдемъ мы на Дунай, теперь-то мы будемъ на Дунаѣ!

Когда я прочелъ и растолковалъ Гладкому все, чтó успѣлъ записать, онъ разинулъ ротъ, упалъ на колѣни и воскликнулъ:

— Какой же ты умный! Не только Балаша въ Чоповкѣ, но и самаго пана Роха такъ вотъ и согнешь въ бараній рогѣ. А какой тихóня[2]) — и просто какъ заяцъ подъ межой, — сидитъ и хотьбы слово кому-нибудь о своихъ знаніяхъ...

---

[1]) глядѣть выпученными глазами (очами); [2]) тихій, смирный.

Быть тебѣ атаманомъ! — и бросилъ шапку верху.

Цыганки ворожили намъ: мнѣ, что бу летать по воздуху и не залечу ни на луну, на какую другую звѣзду, а свалюсь на земл чтобы потомъ отправиться подъ землю. Я см ялся, но этого не понималъ. Гладкому же цы ганка сказала напрямикъ, безъ обиняковъ: бу дешь атаманомъ,—а такъ какъ будущій атаман любилъ подчасъ пошутить и подурачиться, то схвативъ старую ворожею, началъ вертѣться і пѣть:

»Гопъ, чукъ-чукъ — поберемся,
Будемъ пановати:
Будешь въ степу свини пасти,
Я въ хлѣвъ загоняти«...

Таково будетъ наше атаманство и кошевое панство!

Юность, счастливая юность, блаженное и золотое ты время! Пока молокососъ и дитя не станетъ человѣкомъ, пока въ душу не залѣзетъ къ нему страсть и тоска, — радость и веселье одна для него забота. Ничто его не тревожитъ — и онъ счастливъ!

Такими тогда были и мы.

Отправились мы дальше черезъ степи и долины, пожелтѣлыя нивы и зеленыя рощи[1]); переходили черезъ горы; шли по межамъ, среди полей, волнующихся спѣлою рожью[2]) и пшеницей; темные лѣса оставляли въ сторонѣ, потому что

[1]) лѣсы, дубровы; [2]) житомъ.

нихъ живутъ волки; панскія мызы[1]) и хутора тоже обходили кругомъ, потому что въ іхъ ждутъ съ нагайкой всякого прохожаго імъ бáринъ и его сердитый экономъ;—деревни аже насъ не особенно завлекали. Безопаснѣе сего было заходить къ жиду — поторговаться, родать пару гусокъ, отдохнуть, а тамъ опять ъ дорогу — впередъ. По временамъ заглядыали мы въ цыганскіе таборы посмотрѣть, какъ ляшетъ медвѣдь, да поворожить и потанцовать съ молодыми цыганками. Черезъ Бугъ перешли греблей, черезъ Днѣстръ же — прямо въ бродъ: мы сáми и даже наши гуси. Немного уже оставалось ихъ у насъ, съ сотню — небольше, а путь предстоялъ еще далекій: приходилось жить осторожно и осмотрительно, не забывая о завтрашнемъ днѣ.

Вплоть до самого Дуная мы двигались по берегу моря. Оно казалось намъ огромной чернильницей, до верху наполненной бурыми чернилами. То сямъ, то тамъ скользили надъ его темно-синей поверхностью какъ снѣгъ бѣлыя птицы и, спускаясь съ крикомъ, обмакивали перья въ этихъ чернилахъ, какъ будто желая записать славныя дѣла козачества на память потомкамъ. Видѣли мы и козацкія чайки. На нихъ разъѣзжали, должно быть, козаки, — по крайней мѣрѣ всѣ представлялись издали намъ такими молодцами, какихъ только и можно было встрѣтить во времена козака Шаха или гетмана монаха, Петра Конашевича Сагайдачнаго. Но

[1]) фольварки.

на берегахъ всюду было тихо, пусто и ме
ни жилищъ, ни козацкихъ слободъ, ни ш
шаго признака молодецкаго коша — все
уснуло или скрылось подъ землю. Одинъ
очеретъ, высокій какъ береза, густой какъ
мучій лѣсъ, тянется впередъ и назадъ,
конца и начала. Широко раскинулись му
глубокія волны Дуная; рвутся они на сотн
тысячи рукавовъ, а самъ онъ плыветъ тих
спокойно, по-временамъ только издавая ка
то подземный гулъ, да шелестя въ прибреж
тростникѣ. Тяжко, знать, выносить сырой зе
матери такую тяжесть на своихъ плечахъ:
жалуется то грозно и шумно, то тихо и нѣ
— и одни лишь ея стоны нарушаютъ мерт
гробовое молчаніе.

Намъ стало страшно, гуся припали къ
млѣ, а Борухъ и Хайка, дрожа всѣмъ тѣло
бросились къ намъ подъ ноги, не замѣчая то
что и мы сами чуть живы отъ страха.

Вотъ тебѣ и Дунай!

Часы казались намъ вѣками, а страхъ е
больше увеличивалъ ожиданіе. Гладкій сказа

— Идемъ назадъ!

Я улыбнулся — такъ распотѣшила меня е
боязнь.

— Кошъ подъ носомъ, а ты назадъ! Х
рошій же выйдетъ изъ тебя атаманъ, не разгу
ляются-же съ тобой козаки-молодцы!

Такъ разговаривали мы между собою, ка
вдругъ послышался на рѣкѣ плескъ веселъ,
вскорѣ появились и рыбацкія чайки—и въ них
козаки...

Завидѣвъ насъ, выскочили они на берегъ, а всѣ такіе усачи-бородачи, плечистые, съ подбритыми лбами, красными носами. Какъ закричатъ разомъ: кто такой? — мы такъ и присѣли.

— Идемъ съ далекой Украйны, изъ-за самого Кіева, на Дунай... козаковать — осмѣлились мы сказать, а они насъ за это за уши, за волоса, да давай подбрасывать, да давай приговаривать: »Вотъ-те и козаки! Ай-да! оплошáла [1]) же мать Украйна! Вишь какихъ молодцовъ стала къ намъ посылать! Вотъ ужъ гуси, такъ гуси, да небось съ ними пожаловали къ намъ въ гости взаправду гуси... Молодцы ребята, молодцы! Въ подарокъ ихъ, что-ли, кошевому поднести собираетесь?!.. Ничего, неси, молокососы, неси, довольны будемъ и на этомъ, коли лучшаго у самихъ не водится!«

»Реготали«, смѣялись они такимъ образомъ, — ни дать, ни взять — настоящіе черти. У Гладкаго на глазахъ показались слезы (здорово, должно быть, надрали ему уши), а меня взяла такая досада, я такъ вспылúлъ [2]), что въ глазахъ даже позеленѣло. Топнувъ ногой, какъ жидовская коза, я закричалъ:

— А чортъ бы васъ побралъ, проклятое мужичьё! Я шляхтичъ, Бехъ, одинъ изъ владѣльцевъ большаго и малаго Бехова... грамотный человѣкъ, а вы хамово отродье! Убирайтесь поживу, по здброву, а не то покажу я вамъ, какъ трогать нашего брата...

Схвативъ палку, я позвалъ собакъ:

---

[1]) испортилась; [2]) разсердúлся.

— Куси, куси этихъ хамовъ!..

Борухъ и Хайка поджали хвосты и
лись за гусей, а козаки какъ разсмѣются
возьмутся за бока... хоть сейчасъ въ пр
— да и только.

— Панъ шляхтичъ, панъ Бехъ, или
или какъ тамъ васъ... коли ваша воля съ
просимъ пана къ намъ въ кошъ, да уже
берите, панъ шляхтичъ, своихъ гусей и со

— Въ кошъ, такъ въ кошъ! »Скачи
якъ панъ скаже!«

Потомъ сняли они шапки и поклон
мнѣ до земли. Пріятно такъ стало на д
пробралъ, значитъ, недáромъ! Я былъ дово
ими, доволенъ собой, и про себя подумалъ:
правъ былъ панъ Рохъ, когда прописалъ на с
саблѣ: co Czop — to nie chłop. Стóитъ Б
закричать — мужикъ станетъ удирать! Та
именно девизъ задумалъ я тогда написать
своей саблѣ, если со временемъ удостоюсь че
ее получить.

Сѣли мы въ чайки, посадили туда же
сей и собакъ. Козаки взялись за весла, нача
гресть въ тактъ, а потомъ запѣли, славно эт
запѣли!.. Потомъ за баклажку, да давай про
скать... Мы сами порядкомъ пропустили, —
лыкомъ[1]) закусили, и, немного погодя, ст
такими друзьями, какъ будто родились въ од
и той же деревнѣ. Я забылъ о своемъ шлях
ствѣ — и окрестился козакомъ. Хлѣбомъ, во
кой передѣлаешь всякого шляхтича хоть

[1]) копчёнымъ хребтомъ осётра.

нѣмца, хоть въ татарина, а о казакѣ-бурлакѣ и толковать нечего!

Причалили они насъ къ острову, покрытому зеленой травой и окруженному такими же зелеными вербами. Тутъ была ихъ рыбачья артéль[1]) и кочевье: козаковъ такъ съ сотня, если не больше. Всѣ бросились обнимать насъ, цѣловать, будто родныхъ дѣтей; всякій вспомнилъ про свою юность, про мать-старуху... нѣкоторые даже всплакнули. Сейчасъ выкупали насъ въ морской водѣ: тутъ уже стали мы настоящими козаками; Беха и Гладкаго вписали въ Поповичевскій курень и зачислили въ артель Ивана Кривобородаго.

Пришла, наконецъ, смерть и на гусей. Съ нашего согласія, всѣмъ имъ свернули шеи и изжарили на вéртелахъ[2]) возлѣ костровъ: каждый получилъ по половинѣ, а собакамъ достались кости.

Пиръ зашелъ за ночь, но все было въ порядкѣ и чинно — ни шума, ни драки: всѣ ѣли, пили и пѣли Богу и козакамъ во славу. На вѣчную память островъ былъ названъ »Гусинымъ« — и это названіе осталось за нимъ на-всегда. Съѣсть всѣ кости собакамъ было не въ мочь, а потому утромъ, на слѣдующій день, мы съ Гладкимъ выкопали яму и, похоронивъ остатки, насыпали надъ могилой курганъ. Я свелъ счетъ въ записной книжкѣ — и въ результатѣ не оказалось ни у́были, ни прибыли. Поступокъ этотъ можетъ быть нагляднымъ доказательствомъ моей

---

[1]) компанія; [2]) рожнахъ.

честности и аккуратности. Придется-же, к-нибудь — разсуждалъ я — отдать отчетъ повскимъ; я и Гладкій сдѣлались въ нѣкото родѣ преемниками пана Роха въ принятой на себя обязанности. Что прикажете дѣ. Божья — Богови, кесарева — кесареви, а повскихъ — Чоповскимъ.

Видя нашу работу, козаки взялись по гать намъ не на шутку и сейчасъ-же насы огромный курганъ, который тутъ-же получ названіе *гусинаго.*

Гладкого опредѣлили для развѣшиванья просушки сѣтей, меня-же отправили къ арте щику въ писари. Такъ стали мы оба чинові ками, — чѣмъ-то въ родѣ членовъ почетн свиты при старшинѣ.

Дни и недѣли проходили на рыбной лов. Рыбу ловили постоянно: но однообразія и ску не было, потому что каждый день приноси что-нибудь новое. Сегодня на морѣ тихо, за тра — буря, сегодня крадемъ молдаванокъ, за тра — цыганокъ, а тамъ погулянка на всю н дѣлю, а тамъ прощаніе и поѣздка вмѣстѣ с рыбой назадъ, подъ родные кровы. Козаки, как римляне, ловили своихъ сабинянокъ, но, поймав не присвоивали себѣ чужой собственности: гуляй, сколько хочешь и пока хочешь — но, погулявъ, отправляйся назадъ во свояси, къ своему законному господину. Сегодня пѣсни, завтра пляска, послѣ-завтра молитва, — но всегда разсказы, и то не одни и тѣ-же, не какіе-нибудь, а все славные и забавные. Соберутся вмѣстѣ — смѣхъ и шутки; разойдутся — можно

и всплакнуть, но сейчасъ-же слезы долой, не то солнце, мѣсяцъ, или вѣтеръ подхватятъ козака на плачѣ и подымутъ на смѣхъ. Козакъ можетъ быть веселъ, доволенъ, можетъ быть нахмуренъ, но быть плаксой или просто даже нѣжнымъ ему не позволялось. Пусть на душѣ у него тяжело, тошно и грустно, пусть болитъ и рвется сердце на части,—но лицо, сама осанка, весь внѣшній видъ должны показывать, что ему все ни по чемъ, что онъ можетъ гулять, убивать, но не плакать, не хныкать. Таковъ ужь козацкій законъ и козацкое правило: радъ — гуляй, не радъ — убивай!

Козаковать — все равно, что воевать со звѣремъ, рыбой, или человѣкомъ; все равно, что жить грáбежемъ и добы́чей. Пахáть[1]) или сѣять, жать или прясть — козаку недосугъ[2]): все долженъ раздобыть онъ готовымъ, даже калачи и мамалыгу. Вотъ почему въ былое время жилъ на Украйнѣ и козакъ-мужикъ, который работалъ, трудился, и козакъ-баринъ, который то и дѣлалъ, что воевалъ. Такъ было и на Дунаѣ.

Чудный и странный народъ эти козаки! Вѣруютъ они въ единаго Бога, Сына Божья, Животворящаго Духа: единую и нераздѣльную Троицу; вѣруютъ въ соборъ четырехъ патріарховъ востока, въ кіевскую лавру, въ гробъ Богочеловѣка и Святую гору. Молятся въ церквяхъ, въ турецкой мусульманской странѣ, далеко гудятъ своими священными колоколами, — право это раздобыли они саблей, раздобыли себѣ фир-

---

[1]) орать; [2]) нѣтъ времени.

манъ [1]) на пергаментѣ, и никто его отнят
не можетъ. Посты хранятъ свято, а въ
ные дни ѣдятъ рыбу; читаютъ акаѳисты
лбомъ поклоны, исповѣдуются, причащают
бомъ и виномъ — тѣломъ и кровью Хр
а не оплатками. Въ день Пасхи — де
кресенія Спасителя — бьютъ писанки
шанки, ѣдятъ бѣлокъ и желтокъ вмѣстѣ
хой и агнцемъ. Словомъ, живутъ съ
потому что хотятъ, чтобы и Богъ жилъ с

Я съ Богомъ — Богъ со мной!

Есть у нихъ предразсудки и повѣр
решедшіе отъ предковъ, но хранимые
хоть напримѣръ и слѣдующій: Отпра
однажды козаки на Чорное море въ
чайкахъ. Было это еще во время Стефа
торія; походомъ предводительствовалъ
Зборовскій, по гербу — Копчикъ, но пр
ный — Чайкой. Откуда ни возьмись, при
какой-то знахарь, или знахарка — и гов
»сорокъ не перейдетъ пороговъ«, а чаек
разъ было сорокъ. Пустое! не вѣрить-же
тичу знахаркѣ, коли самого чорта привык
съ измальства затыкать за поясъ. »Убирай
живу, по здорову!« — закричалъ Копчикъ
стился въ пороги. Не тутъ-то было: три
девять чаекъ — всѣ до одной — перешл
роги цѣлы и невредимы, сороковая-же разб
въ щепки и пошла ко дну, не-смотря на то
ѣхалъ на ней самъ атаманъ. Какъ топор
шелъ онъ ко дну, — но Богу видно у

[1]) распоряженіе турецкаго султана.

такъ было: Копчикъ выкарабкался, добрался до берега — и знахаркѣ повѣрилъ, а, возвратившись съ похода, рѣшилъ такъ: будетъ на Запорожьѣ сорокъ куреней — но будетъ только на словахъ: verbum nobile debet esse stabile, — въ дѣйствительности же будетъ всего только тридцать девять. Сороковой пропалъ и нечего ждать, чтобы та же штука повторилась еще разъ: наука должна итти въ прокъ.

Такъ было въ Сѣчи, такъ было и на Дунаѣ.

Какъ міръ міромъ, въ календарѣ козацкомъ на каждый мѣсяцъ приходилось не больше тридцати и одного дня: будь больше — тридцать второй сталъ-бы уже чортовымъ днемъ. Не знаю, у кого позаимствовались на этотъ счетъ козаки: быть можетъ у отцовъ кармелитовъ въ Бердичевѣ, такъ какъ въ этомъ жидовскомъ городѣ только и водился правильный календарь. Число тридцать одинъ считалось у нихъ самыхъ вѣрнымъ и самымъ счастливымъ. Идутъ, напримѣръ, козаки на Дунай или съ Дуная, — попадается имъ на встрѣчу турокъ и спрашиваетъ (любопытенъ вѣдь, бестья):

— А сколько васъ?

— Тридцать и одинъ! — былъ всегдашній отвѣтъ, а такъ какъ *отосв-бирв* значитъ тридцать одинъ, то и стали звать въ Турціи козаковъ *отосбирами*, и это прозвище осталось за ними до настоящаго дня.

Вотъ о чемъ шла у насъ рѣчь. Одни вспоминали преданія старины, другіе, слушая, поучались: старики учили молодыхъ. Всякій долженъ былъ знать, чтó такое козацкій законъ, и всякій

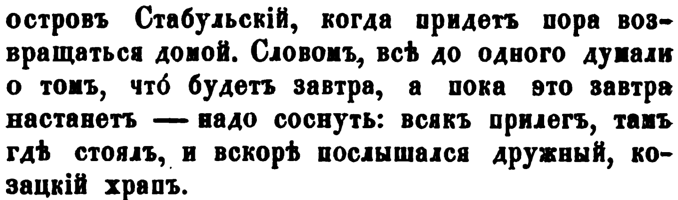
должен был вѣрить, что как без ору[...] нельзя воевать, так без знанія козацкаго з[...]кона нельзя быть козаком.

IV.

Съ вечера козаки балакали и пѣли, на дру[...]гой же день всякъ думалъ взяться за работу[...] Одни порѣшили отправиться съ разсвѣтомъ з[...] сазанами[1]) на острова Черный и Степной, [...] если улóвъ будетъ удаченъ, то заѣхать и на[...] Протокъ, Сатману и Мазлину — три острова[...] у которыхъ Килійское устье разрывается на[...] цѣлую сотню проливовъ и гирлъ[2]). Сомовъ[3]) тамъ гибель, и пожива будетъ навѣрное: сама[...] неуклюжая бѣлуга[4]) да длинный осётръ не ми-нуютъ козацкой сѣти. Уловъ можетъ продол-жаться дней нѣсколько, бла́го[5]) на островахъ всякаго богатства вдоволь: есть лѣсъ, отличная ключева́я[6]) вода, всюду дичь, а на правой сто-ронѣ Дуная чернобровыя дѣвчата для молодцовъ, жидъ-корчмарь — для стариковъ; словомъ — скучно не будетъ. Другіе снаряжались на ловлю камбалъ[7]) и черноморскихъ сельдей[8]). Шли тутъ всякаго рода предложенія и толки: одинъ совѣ-товалъ, какъ лучше всего окружить острова Очаковскій, Кудимовъ и Подножный; другой го-ворилъ о томъ, что надо непремѣнно заѣхать на Пещеры помолиться Богу, поклониться бѣлому ангелу; третій предлагалъ обогнуть

---

[1]) карпами; [2]) истоковъ; [3]) сумовъ; [4]) дельфинъ; [5]) такъ какъ; [6]) изъ источника; [7]) морскихъ фазановъ; [8]) оселедцевъ.

островъ Стабульскій, когда придетъ пора возвращаться домой. Словомъ, всѣ до одного думали о томъ, что́ будетъ завтра, а пока это завтра настанетъ — надо соснуть: всякъ прилегъ, тамъ гдѣ стоялъ, и вскорѣ послышался дружный, козацкій храпъ.

Неожиданно ночью примчались гонцы отъ кошеваго, — и на слѣдующій день съ зарей ни одной уже чайки не было видно на берегу, ни одного козака нельзя было встрѣтить на островѣ: одинъ лишь »гусиный« курганъ высоко торчалъ въ воздухѣ, да Борухъ и Хайка воемъ встрѣчали восхожденіе солнца. Оставили имъ немного хлѣба и рыбы, а одолѣетъ голодъ — не бѣда: проливъ неглубокъ и до Волкова дорога не Богъ вѣсть какъ длинна. Не пропадетъ жидовское отродье!

Спокойно плескалась рыба въ Дунаѣ и на морѣ: никто ее не трогалъ, никто не полошилъ, только двадцать чаекъ съ вздутыми парусами быстро скользили по Сулинскому гирлу. »Скачи враже, якъ атаманъ скаже«, — что́ тутъ думать о завтрашнемъ днѣ, когда человѣкъ не знаетъ, что́ съ нимъ станется завтра, не знаетъ, что́ съ нимъ станется сегодня? Приказано — отправляйся: мы и отправились. Никому не приходило въ голову подумать о томъ, зачѣмъ насъ зовутъ, а толковать объ этомъ и пода́вно[1]): никто ни гу-гу!

Панъ Ляхъ правилъ тогда въ Запорожской Сѣчи. Подходилъ уже къ концу тридцатый годъ

---

[1]) тѣмъ болѣе.

его атаманства, а вмѣстѣ съ нимъ сужде было кончиться и его власти. Тридцать лѣ водилъ онъ козаковъ изъ битвы въ битву, спрашивая, славянинъ-ли, христіанинъ-ли е врагъ. Присылаетъ, напримѣръ, падишахъ из Высокой Порты фирманъ за своею подписью Ляхъ, не долго думая, приказываетъ бить в котлы, собираетъ отовсюду козаковъ, снаряжает пѣхоту и чайки — и отправляется въ походъ бьетъ на право, на лѣво, валитъ однимъ махомъ кто ни подвернется: не да́ромъ онъ Ляхъ Однокишкій!

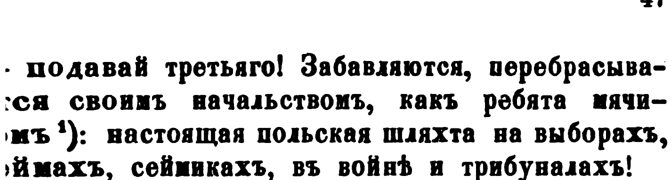
Не родился онъ старшиной, попы и дьяки были ему ни по чемъ, жидъ-арендаторъ не смѣлъ раскрыть поганаго рта, а потому приказу пана Ляха никто не смѣлъ перечить, или противиться: собирайся молодцы! — молодцы собираются; иди молодцы! — молодцы идутъ; на право! — на право; на лѣво! — на лѣво; впередъ — такъ впередъ; взадъ — такъ взадъ; никто ни гу-гу! Не даромъ онъ Ляхъ Однокишкій!

Молодцы—что́ твоя польская шляхта: капля въ каплю. Всякъ любитъ дѣйствовать въ разсыпну́ю[1]), въ одиночку,—только въ бою станутъ всѣ дружно, бьютъ за одно, враговъ не считаютъ; а побьютъ — сосчитаютъ, да и давай сами въ свалку и драку. Мнѣ то́, а мнѣ это; я хочу того, а я этого: »не позвалямъ« — и баста!

Точь въ точь та же исторія и при выборахъ, напримѣръ, старшины. Поставятъ одного — не годится: нужно другаго; дали другаго — плохъ!

---

[1]) какъ хочетъ.

· подавай третьяго! Забавляются, перебрасыва-
:ся своимъ начальствомъ, какъ ребята мячи-
·мъ [1]): настоящая польская шляхта на выборахъ,
·ймахъ, сеймикахъ, въ войнѣ и трибуналахъ!

Козачество — это вóльница [2]) всего свѣта, ›бранная, согнанная судьбой въ одно мѣсто. ольшинство народъ темный, простой, неотёсан-ый, какъ и сами мазуры, — бродяги, мастера олько драться да тянуть водку. Прошлаго для ихъ нѣтъ: они живутъ для бýдущаго, живутъ ›дной семьей. Съ-обща выбираютъ себѣ началь-:тво, но начальство для нихъ ни по чемъ; пле-›ать готовы они также и на слова султанскаго ›ирмана, подтверждающія ихъ вы́боръ. Страшна для козачества одна лишь шуба изъ черныхъ медвѣдей, покрытая краснымъ сукномъ и украшенная нашивками изъ золота; страшна ему серебрянная булава, кривая сабля, да атаманская нагайка...

Пока въ шубу одѣтъ атаманъ, никто въ кошѣ не смѣетъ ему противиться; не только перечить на словахъ, но и подумать тайкомъ, въ душѣ, что-нибудь противное волѣ атамана — для козака равносильно смерти. Задумаетъ атаманъ что-нибудь недоброе — сейчасъ-же закрываетъ глаза, закрываетъ широкою рукою губы, чтобы мысль не вышла мимо воли, чтобы другіе не узнали, чтó думаетъ, чего желаетъ атаманъ, пока самъ онъ не захочетъ того явно... Ни одинъ идолъ у язычниковъ, ни одна икона у христіанъ не пользовались такимъ уваженіемъ, не возбуж-

---

[1]) пилкою; [2]) добровольцы.

въ окружающихъ такого безгранично-
ета, какъ красная шуба у козаковъ. П-
только молодцу она на умъ — онъ у-
итъ, какъ листъ передъ травой, а о то-
увидитъ ее глазами,—и толковать нече-
Лѣтъ за сорокъ до того времени, о ко-
идетъ рѣчь, пришелъ въ кошъ какой-
ка, высокій ростомъ, тощій и тонкій, бу-
одной книжкѣ. Худощавый лицомъ, съ го-
глазами, безъ бороды, съ длинными уса-
молчаливый и угрюмый; такимъ онъ пр-
таким и остался на-всегда. Ни роду,
своего не сказалъ, а только проговори-
ъ, былъ шляхтичемъ, а теперь становлю-
омъ. Больше ни слова, да больше ник-
хотѣлъ бы и спрашивать: такимъ сердиты-
ся съ виду пришлецъ. Грамотный, какъ са-
апрáвскій [1]) дьякъ, умѣлъ онъ бойко чита-
іть. Перомъ махалъ, чтó саблей, а сабле-
ывалъ лучше всякого пера: вычертитъ н-
или вражьемъ лицѣ — самъ чортъ н-
ь, какъ ни старайся. Словомъ, молодец-
, хитрый и умный на радѣ, довелъ он-
въ, наконецъ, до того, что слово его стал-
хъ то-же, что слово папы для католиковъ.
ово Божье — для христіанъ. Всѣ въ одинъ
выбрали Ляха атаманомъ и надѣли на-
асную шубу.
йчасъ-же послѣ избранія, Ляхъ отпра-
ь себѣ въ избу, заперся въ ней и сталъ
ать тѣло какимъ-то снáдобьемъ [2]) отъ

...стоящій, праздивый; [2]) мастью, ингредіенціями.

грязи и чародѣйства. Потомъ онъ надѣлъ бѣльё, все остальное платье, тоже смазанное, а наконецъ шубу. Бараньи кишки были уже приготовлены, иголки вдѣты: взявъ то и другое, Ляхъ началъ зашивать себя въ шубу, но шовъ отъ шва металъ такъ густо, столько понадѣлалъ узловъ, что разрѣжь вотъ кто-нибудь острымъ ножемъ одинъ шовъ — другой навѣрное останется цѣлымъ и нетронутымъ. Зашивъ себя, такимъ образомъ, на вѣки, Ляхъ вышелъ къ козакамъ. Въ короткихъ и ясныхъ словахъ сказалъ онъ, чего желаетъ и чего не желаетъ, а для лучшаго доказательсва и наглядности поднялъ къ верху нагайку и только взмахнулъ ею въ воздухѣ. Это обозначало, что приказаній своихъ Ляхъ повторять много не будетъ, а всю справу-расправу поручаетъ нагайкѣ-разбирайкѣ. Ляхъ шелъ по слѣдамъ Стефана Баторія. Хоть у этого короля, его милости, и не было фрака и жилета, но за то была висѣлица и буздыганъ[1]). Польская шляхта смерть боялась этихъ игрушекъ, а потому воевала такъ, что любо было смотрѣть всему міру, не только славянскому, но даже и нѣмецкому. Того-же хотѣлъ и Ляхъ.

Говорятъ, что въ тотъ-же день вечеромъ, когда былъ избранъ атаманомъ, Ляхъ, провѣдавъ про какіе-то сеймики въ корчмѣ, на мязгу избилъ нагайкой козаковъ, жида-же арендатора велѣлъ повѣсить тутъ-же передъ корчмой. Былъ это первый жидъ, повѣшенный по его приказанію, — но не послѣдній. И теперь еще ходитъ

[1]) особаго рода копье.

въ народѣ молва́, что, во время своего
тилѣтняго атаманства, панъ Ляхъ вздерн
висѣлицу девятьсотъ-девяносто-девять
что́ среднимъ числомъ на годъ приходи
тридцать три жида и одна девятая, а въ
по два съ половиною безъ ма́лаго. А
тѣмъ Сѣчь никогда не чувствовала недо
въ жидѣ-арендаторѣ: вздернули сегодня
— завтра являлся другой. Была это своег
школа гимнастики для іудейскаго племени
иначе и быть не могло: козаки-молодцы л
пить и корчма стоять пустыремъ не имѣла

Ходилъ съ запорожцами Ляхъ на с
и словаковъ, на валаховъ и молдаванъ, на
цевъ и мадьяръ, на паликаровъ Греціи
коковъ Черногорья, на морлаковъ, — и ото
выходилъ побѣдителемъ. Враговъ султана
сокой Порты не жалѣлъ: съ ними самими
права короткая: къ Богу, или чорту, куда
слѣдуетъ; а золото и всякое другое бога
забиралъ и отсылалъ въ Сѣчь, или козацкій
Такъ называлась деревня на часъ ходьбы
Сѣчи, въ которой жили козацкія невѣсты
зацкій прекрасный полъ. Деревня эта в
свое начало отъ Ляха, и вотъ какимъ спосо
онъ раздобылъ себѣ гурій и заселилъ ими

Вблизи Дунаевца лежали богатыя сел
красовцевъ, потомковъ тѣхъ самыхъ, котор
Стенькой Рязинымъ грабили нѣкогда б
Дона. Были тутъ Орловы, Мазановы, Саза
Гоголи, Бутаковы, Евсеевы — словомъ
всякихъ прозвищъ изъ родовъ, живущихъ
нынѣ на́ Дону. Всѣ они держались старов

скаго некрасовскаго толка, жили честно, хоть по старому обряду, но съ Богомъ, плодились и множились, носили волоса на головѣ подъ гребенку, бородъ не брили, но подстригивали, отчего, между прочимъ, и получили, въ насмѣшку названіе стриженныхъ свиней.

Ляхъ провѣдалъ, а можетъ быть и увидѣлъ собственными глазами, что молодыя дончихи дѣвчата себѣ ничего, сносныя рожи. Вотъ однажды вечеромъ, будучи въ духѣ, Ляхъ сказалъ:

— Коли воля, завтра до разсвѣта на охоту за стриженными свиньями!

Когда Ляхъ говорилъ: »коли воля«, то это относилось къ его атаманской, а не прочей козацкой волѣ, — и потому на слѣдующій день съ разсвѣтомъ всѣ уже были на ногахъ, готовые къ походу. Ляхъ скомандовалъ — и запорожцы обычнымъ своимъ манеромъ бросились на некрасовцевъ. Деревни и села были сожжены до тла; все, чтб носило имя мущи́ны, было уничтожено, перебито, переколото и перемолото, такъ чтобы и на разводъ не осталось, однихъ лишь женщинъ — дѣвочекъ, дѣвушекъ и даже бабъ пощадили запорожцы. Всѣ они съ великимъ почетомъ отправлены были въ Рай, который съ тѣхъ поръ и сталъ козацкимъ гаремомъ, по закону ислама.

Золото, серебро, оружіе, дорогія ткани — однимъ словомъ всѣ прочія богатства и драгоцѣнности, Ляхъ отправилъ въ Стамбулъ въ подарокъ падишаху и его знатной и мелкой челяди. Высокая Порта подумала-подумала и дала слѣдующій отвѣтъ: »Чему быть, того не

миновать! Запорожцы, »отосбиры«, слу
вѣрой и правдой, свою кровь за насъ
ютъ, — такъ пусть-же будутъ у них
у насъ, свои гаремы, раздобытые коза
кономъ и порядкомъ. Пусть привязыв
къ землѣ, пусть духъ ислама осѣнитъ и
силою! А некрасовцамъ, славнымъ наш
камъ и воякамъ, селиться впредь у
озеръ. Горы и рѣки оградятъ ихъ о
лѣнтяевъ »отосбировъ«, а покровитель
сокой Порты покроетъ ихъ мощнымъ
крыломъ. Пусть ловятъ рыбу въ озера
прежде ловили въ Дунаѣ. Такова воля

Всѣ козаки-молодцы въ награду
удальство получили степени пашей-мере
а панъ Лахъ собственноручнымъ ф
султана былъ прозванъ пашой беглербее
вождемъ изъ вождей.

Такъ кончилась по всей справедл
честности охота за стриженными свинь

Рай получилъ свое начало и былъ
а такъ какъ козаки не перешли въ
турки, въ свою очередь, не хотѣли
христіанскаго рая,—то и назвали дерев
т. е. жилищемъ наложницъ запорожско
Начало всегда трудно, а потомъ все ид
по маслу: мудрый и ловкій Ляхъ, р
дончихъ, успѣлъ раздобыть себѣ и мол
волошекъ, даже цыганокъ, — и въ скор
мени такъ заселилъ Райю, что можно
считать въ ней болѣе пяти тысячъ гол
краснаго пола. Козаки отправлялись
росписками атамана на женитьбу—и по

» роспискамъ получали разводъ и возвращались Сѣчь. Обѣтъ безбрачія соблюдался какъ нельзя чше, а Райя на Дунаевцѣ была тѣмъ, чѣмъ ıли хутора подъ Каменкой и Подпальной. По- ѕтиться и скучать козакамъ-молодцамъ не стать, — они не постились и не скучали. Ляхъ не абывалъ ничего, ходилъ за козаками, какъ за воими дѣтьми, кормилъ и забавлялъ ихъ всякими ıадостями сего міра, но за то уже безъ раз- ›ѣшенія никто ни гу-гу, — не смѣлъ сдѣлать ı шагу. Неровенъ часъ, прійдетъ отъ падишаха ьирманъ: козаки на ноги! — и козаки должны быть готовы.

Панъ Ляхъ строго-нá-строго запретилъ всякое бродяжничество и заработки, — да въ нихъ и не чувствовалось надобности. Въ Сѣчи всего было вдоволь. Сáмого платья, женской одежды, оружія, даже игрушекъ и лакомствъ нельзя было сосчитать въ кладовыхъ, а о деньгахъ, всякой монеты и чекана, нечего и говорить. Любилъ Ляхъ грабить, любилъ беречь султанскіе дары; но дѣлалъ все это не ради корысти, а въ довольство и на достатокъ кошý. Для себя, кромѣ власти и славы, онъ ничего не желалъ, — за то уже и были они для Ляха, чтó глазъ во лбу, чтó языкъ во рту. Не дáромъ онъ Ляхъ Однокишкій! Чужаго совѣта боялся хуже измѣны; думалъ за себя, думалъ за другихъ и только говорилъ: такъ хочу, такова моя воля! Ну и дѣлалось все по его волѣ цѣлыхъ тридцать лѣтъ — и никто не жаловался. За кѣмъ заслуга: за Ляхомъ, или красной шубой?

Ляхъ говорилъ: всему вина *шуба!* Ш
ничего не говорила, а темный *народъ* п
вкривь и вкось, что взбредетъ на умъ.

Такія-то чудныя вещи разсказывали н
объ этомъ славномъ атаманѣ, — съ такими
знаніями въѣзжали мы въ устья Дунаевца.

Всѣ тридцать девять куреней были уже
браны на сѣчевомъ майданѣ и представляли т
кую сплошную и тѣсную массу, что казало
срослись другъ съ другомъ. Сколько разноро
ныхъ лицъ и осанокъ можно было тутъ встр
тить! Тихій и буйный, нахмуренный и беззабо
ный, гуляка-весельчакъ и смиренникъ-монахъ,-
всѣ собрались въ одно мѣсто, всѣ стояли рядом
Иди, выбирай, — и навѣрно найдешь себѣ п
вкусу. А одежда — сколько было тутъ разно-
родной одежды! Всякъ въ своей, къ какой при-
выкъ; только черныя бараньи шапки у козаковъ,
да сѣрыя у старшины, да еще »стежки« у ру-
бахъ и на верху шапокъ были свои у каждаго
куреня. Въ нашемъ, Поповичевскомъ, были кра-
сно-желтыя.

Мы высадились на берегъ и каждый отпра-
вился сейчасъ-же въ свой курень; только меня
и Гладкаго, какъ вновь поступившихъ, повели
черезъ толпу къ атаману на представленіе, по
обычаямъ Сѣчи. Къ молодцамъ мы уже немножко
попривыкли, но такая толпа всѣхъ возрастовъ,
одеждъ и состояній все-таки производила въ
насъ что-то похожее на бѣганье мурашекъ по
тѣлу. Намъ стало страшно. Гладкій дрожалъ,
какъ осиновый листъ, будто схватилъ дунай-
скую лихорадку, а у меня похолодѣло въ пят-

ахъ и чубъ будто немного вспотѣлъ; но сжавъ кулаки и упершись въ бока, я смѣло забрасывалъ ноги впередъ, какъ степная лошадь. Нужно было показать, что я шляхтичъ и дрожать отъ страха передъ этими козаками-гайдамаками не намѣренъ.

Въ срединѣ майдана, передъ сборней (такъ называлось строеніе, передъ которымъ собирались козаки), на лошадиной шкурѣ лежалъ атаманъ. Сѣдло замѣняло подушку. Одѣтый, немного даже укутанный, въ красную шубу, съ саблей черезъ плечо, лѣвой рукой касался онъ серебрянной булавы, а правой опирался на ручку нагайки. Блѣдный, въ лицѣ ни кровинки, смотрѣлъ онъ зорко по сторонамъ; усовъ не покручивалъ и не поглаживалъ по обыкновенію, только захватывалъ ихъ нижней губой, будто готовился что-то сказать, но ничего не говорилъ, а только смотрѣлъ по сторонамъ. Козаки стояли въ молчаніи, какъ во время церковной службы, опустивъ глаза въ землю; по-временамъ только то тотъ, то другой взглянетъ тайкомъ изъ подлобья, но всматриваться пристально въ атамана никто не осмѣливался.

Боленъ-ли былъ кошевой, или такъ немного только нездоровъ — никто этого не могъ знать: ни словомъ, ни лицомъ, ни вздохомъ, ни дрожью онъ не показывалъ, что́ съ нимъ творится. Приказалъ разостлать шкуру, въ изголовье положить сѣдло, положить самого себя — и все это было сдѣлано: такова его воля. А можетъ залѣзла къ нему въ голову какая-нибудь новая прихоть? И въ томъ ничего не было особеннаго: кошевой

— ляхъ и шляхтичъ, а у этихъ господъ
такъ, какъ у другихъ людей — все на-вы
вверхъ ногами. Козаки это знали — и
ни гу-гу: всякъ стоялъ и ждалъ.

Когда насъ привели къ атаману и
докладывать, кто мы такіе, Гладкій, какъ
длинный, такъ и повалился на́-земь, и н
цѣловать атаманскія ноги; я-же стоялъ пр
смотрѣлъ атаману въ глаза. Онъ взглянул
меня и спросилъ сквозь зубы:

— Ты кто?

Выровнявшись въ струнку, встряхнув
воздухѣ чубомъ и не спуская глазъ съ ата
я отвѣчалъ залпомъ [1]), будто »сдавалъ спряжені
отцу Михальскому:

— Бориславъ Бехъ, герба Янушъ, шлях
чернобыльскаго округа, владѣлецъ трехъ
говъ поля и части хаты въ Беховѣ, теперь
закъ къ услугамъ вашей милости, атаманъ;
на колѣна становлюсь только передъ Бог
да королемъ, его милостью.

Такъ громко и забористо [3]) изложилъ я с
родословную, что у всѣхъ дрожь прошла
тѣлу и каждый мимо воли взглянулъ на ви
лицу, которая стояла тутъ-же возлѣ сборни.

Атаманъ поднялъ къ верху правую ру
но безъ нагайки, и глазами подозвалъ меня
себѣ. Я подошелъ, крѣпко поцѣловалъ у н
руку и... разревѣлся,—больше не хватало си
не хватало у́держу. Онъ погладилъ меня по
ловѣ, но — Боже мой — эта ничтожная, нез

---

[1]) „душкомъ"; [2]) деклинаціи; [3]) сильно.

ительная ласка — какъ дорога и памятна она мнѣ! Она была помазаніемъ, сразу обратившимъ Беха-мальчишку въ Беха-козака и молодца. Самому атаману тоже должно быть вспомнилось былое; онъ будто поднялъ немного кверху голову и проворчалъ: »Бехъ... знаю; шляхтичъ, ляхъ... дитя, но ляхъ« — и все смотрѣлъ на войско и, казалось, чѣмъ-то былъ недоволенъ, потому что судорожно касался булавы и нагайки, да все смотрѣлъ по сторонамъ.

Вдругъ толпа разступилась и прямо къ атаману подошелъ чернецъ, въ полномъ монашескомъ облаченіи, высокій какъ тополь, съ козацкими ухватками, но съ осанкой шлахтича; глаза соколиные, волоса темные, длинные и мягкіе, какъ шолкъ, усы чуть-чуть прикрываютъ верхнюю губу, — словомъ все лицо, какъ у ляха. Всѣмъ показалось, что Петръ Конашевичъ Сагайдачный пришелъ съ того свѣта и возвращается изъ кіевскаго монастыря назадъ въ кошъ.

Атаманъ раскрылъ губы; улыбка какъ тѣнь скользнула по его лицу, а козаки оглянулись кругомъ. Имъ думалось, что монáхъ является по зову атамана, чтобы приготовить меня на тотъ свѣтъ; но съ чернецомъ не было ни св. даровъ, ни псалтыря, хотя и являлся онъ по зову кошеваго. Былъ это архимáндритъ Морозъ, пришедшій изъ Печерскаго монастыря.

Родомъ изъ-подъ Кіева, гербовый шляхтичъ, козаковалъ онъ лѣтъ десять при Ляхѣ и козаковалъ хорошо: былъ эсауломъ, обознымъ, писаремъ даже, какъ вдругъ пришла непонятная охота: сталъ монахомъ, дошелъ до званія архи-

мандрита, и это потому что у насъ, шляхт
все не такъ, какъ у людей, а на-выворотъ.

Атаманъ поднялся, сталъ на́-ноги, кив
рукой — и писарь началъ читать фирманъ
дишаха.

Въ фирманѣ говорилось, что гяуры г
возстали противъ султанской власти, и по
падишахъ проситъ кошеваго съ козаками на
мощь. Пусть тридцать девять чаекъ всякой
личины — гласили слова фирмана — явятся в
можно скорѣе въ Цареградъ; пусть будетъ
чайкахъ сколько слѣдуетъ козаковъ-молодцо
а въ Цареградѣ ихъ ждетъ уже турецкій фло
Султанъ разсчитываетъ на вѣрность, преданнос
и быстроту кошеваго, паши беглербея.

Фирманъ былъ прочитанъ и поданъ кош
вому. Онъ приложилъ его къ губамъ, ко лбу
держа предъ собою въ рукахъ, дрожащимъ,
сильнымъ голосомъ, сказалъ:

— Не атаманствовать мнѣ уже больш
Коли воля, пусть заступитъ мое мѣсто вотъ он
Морозъ, архимандритъ; онъ соберетъ войск
и поведетъ чайки... онъ поведетъ васъ...

Сказалъ, спустился опять на землю и оперс
о сѣдло.

Тучей взлетѣли козацкія шапки кверху, тучей заслонили ими козаки солнце, а изъ-подъ тучи, какъ ураганъ, раздался ихъ крикъ по майдану:

— Морозъ атаманъ! Морозъ кошевой!

Вдругъ приходитъ вѣсть, что нѣсколько какихъ-то пьяницъ въ корчмѣ не хотятъ Мороза въ кошевые и что тому виною жидъ-нехристь.

Того только и нужно было пану Ляху; изъ старагo, больнаго онъ преобразился въ бодраго и здороваго. Мигомъ жида притащили, мигомъ повѣсили... повѣсили тысячнаго. Баста! Тысяча жидовъ за Христа Спасителя. Ляхъ можетъ умереть спокойно!

Позвавъ эсаула и писаря, растянувшись на шкурѣ, Ляхъ приказалъ разрѣзывать швы и узелки шубы. Они не противились, потому что атаманская воля, а Ляхъ все смотритъ кругомъ и за каждымъ распоротымъ швомъ тихо и трудно вздыхаетъ. Тяжко, тяжко разставаться ему съ шубой, — но нужно; ничего не подѣлаешь: такова воля Божья, такова и его атаманская воля. Рѣзали ножемъ ему душу, рѣзали сердце, но онъ не стоналъ, только за послѣднимъ распоротымъ швомъ издалъ такой жалобный, тяжкій стонъ, что на глазахъ у козаковъ навернулись слезы.

Но Ляхъ скоро оправился, послѣднимъ усиліемъ повернулся на́-бокъ, на другой и освободился отъ шубы...

— Морозъ... возьми... возьми Морозъ... коли воля...

Мигомъ раздѣли, мигомъ одѣли Мороза. Изъ архимандрита сталъ онъ вдругъ кошевымъ: въ красной шубѣ, при кривой саблѣ, съ булавой въ правой рукѣ и нагайкой — въ лѣвой.

Ляхъ не спускалъ съ него глазъ.

— Морозъ... веди козаковъ, держи круто! Ну, прощайте, будьте здоровы! Пора въ дорогу вамъ... и мнѣ...

Повернулся, выпрямился, зѣвнулъ — и
вылетѣла прочь, будто самъ чортъ свои
пами вырвалъ ее изъ тѣла. Ляхъ уже бы
койникъ, тутъ же надъ нимъ висѣлъ въ в
и другой покойникъ, а новый жидъ по
по-здорову, шинковалъ себѣ въ корчмѣ.

Такъ покончилъ съ жизнію Ляхъ серде

Засумовали, затосковали козаки, п
даже молодцы-отосбиры. Шутка-ли — три
лѣтъ? Сколько-то соли съѣдено вмѣстѣ, ско
то доброй и злой доли пережито дружно, в
гда въ славѣ, въ довольствѣ и чести! Ка
плакать, какъ не жалѣть сердечнаго Ляха!
сумовалъ, всякъ плакалъ, а у кого нé
слезъ, тому было во сто разъ хуже. Ка
говорилъ себѣ и другимъ: что́-то будетъ?
нашего Ляха!.. Кто будетъ держать въ ст
своихъ и враговъ? Кто поведетъ насъ на б
кто удержитъ насъ въ порядкѣ, въ ладу?..
нема-жъ нашего Ляха... нема...»

Въ Сѣчи плакали, въ Раѣ голосили: .
былъ господинъ, Ляхъ былъ отецъ для добр
опекунъ слабыхъ, гроза для злыхъ — хоз
во всемъ. Молодцы и дѣвчата могли ѣсть, п
спать, гулять и о завтрашнемъ днѣ не ду
потому что Ляхъ думалъ за всѣхъ. Любилъ Л
дѣтей, уважалъ матерей, потому что самъ б
когда-то ребёнкомъ, самъ имѣлъ когда-то м

На слѣдующій день между Сѣчью и Ра
похоронили бренные останки Ляха. Козачес
по куренямъ, палило надъ гробомъ изъ ру
и пѣло:

— »Боже великій, Боже всемогущій! возьми нашего атамана къ себѣ въ гетманы! - На землѣ онъ былъ атаманомъ, намѣстникомъ бѣлаго ангела, — пусть будетъ-же на небѣ гетманомъ. Возьми Боже его въ свою славу, возьми его въ нашу козацкую славу!«

Женщины заходились отъ слезъ, дѣти ревѣли во всю глотку, а всѣ вмѣстѣ насыпали высокій курганъ въ честь Ляха-атамана.

Такъ кончилъ свои дни и былъ погребенъ славный нашъ атаманъ. Нѣтъ уже болѣе его въ живыхъ, но козацкая его слава будетъ жить вѣчные-вѣки: курганъ будетъ ему памятникомъ! Служилъ онъ гулящей вольницѣ, служилъ среди вольной, свободной степи — вольная степь и дала ему отъ себя памятникъ, да степныя травы-цвѣты украсили его славную козацкую могилу. Камня на ней не положено, родословной на ней не написяно — да и зачѣмъ они? Развѣ не вырѣзаны на днѣ козацкаго сердца славныя дѣла Ляха, развѣ не будутъ они переходить изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ? Да, переживетъ слава Ляха и гранитъ, и мраморъ, и мѣдь, и твердую сталь. Придетъ время, безсмерныя души козаковъ улетятъ на небо, пойдутъ въ вѣчное жилище, — и неумирающая слава Ляха полетитъ вмѣстѣ съ ними, а пока безсмертная душа его предстала предъ Богомъ, оставивъ на землѣ и славу, и вѣчную память.

Новый атаманъ распоряжался, давалъ приказанія, готовилъ войско и чайки. Меня, ловкаго, проворнаго, притомъ грамотнаго мальчишку, взялъ къ себѣ въ адъютанты, для посылокъ и

къ письму. Я полюбился ему сразу — недар
оба мы были шляхтичи, оба люди ученые. А
манъ казался такимъ ласковымъ и тихимъ,
козакамъ нехотя приходило на мысль: какъ
онъ, доброта такая, справится съ нами, к
дѣнется нагайка-разбирайка пана Ляха? Но
слушались какъ дѣти, всѣ изъ кожи лѣзли, чт
не опечалить, не прогнѣвить новаго атамана.
знали его отвагу, умъ, и радовались, что
Мороза все будетъ хорошо, что ласкою и ул
кою онъ сдѣлаетъ то, что́ дѣлалъ Ляхъ ст
хомъ и угрозой.

После похоронъ мы отправились на бере
тамъ стояли готовыя уже лодки о двухъ и тре
парусахъ. У каждаго куреня была своя, и
каждой умѣстилось по двѣ копы отборныхъ
лодцовъ. Чтобы не́ было числа сорокъ, атама
сѣлъ на нашу Поповишевскую, которую
честь покойника Ляха назвали — »Ляхъ«.
всѣхъ лодокъ были прозвища — отъ рѣкъ, у
чищъ, славныхъ людей въ козачествѣ; были ту
»Днѣпръ«, »Кудакъ« »Пилавцы«, »Зборов
»Збаражъ«, »Кіевъ«, »Бѣлая Церковь«, »Кон
топъ«, »Ингубе«, »Бугъ«, »Слободичи«, »Хме
ниченко«, »Выговскій«, »Могила«, »Дорошенк
»Мазепа«, и даже »Бахмутъ« — имя атама
который вывелъ козаковъ изъ-подъ Каменки
урочища, назначенныя Дорошенкомъ и Мазеп
были наконецъ — тутъ »Орликъ« и »Орленк
Прозвища лодокъ напоминали козацкія предан
пошли толки и разсказы, самые подробные
обстоятельные, о томъ, какъ и когда получи
такая-то лодка свое названіе. Одни разсказ

вали, другіе слушали: всѣмъ интересенъ былъ этотъ любопытный отрывокъ обширной, никогда неумирающей исторіи коша. Была это своего рода духовная пища для козачества, пища, въ которой каждый хотѣлъ найти подкрѣпленіе для дальнѣйшихъ подвиговъ; воспоминанія минувшей славы, ушедшіе въ вѣчность дни геройства, доблести и отваги воскрешали въ каждомъ неодолимую жажду новой славы, жажду новаго, будущаго геройства и доблести. Такъ, безъ писаній и печати, пережило козачество цѣлые вѣка, такъ переживетъ оно еще цѣлые вѣки вѣковъ, пока, наконецъ, настанетъ день судный, въ который козачество сложитъ у ногъ бѣлаго ангела, небеснаго гетмана, свои пѣсни и преданія, а онъ, бѣлый ангелъ, поднесетъ ихъ къ престолу Бога, Господа господъ.

Разомъ ударили всѣ лодки въ весла, разомъ загремѣла на всѣхъ лодкахъ козацкая пѣсня, — и въ отвѣтъ ей понеслись съ берега прощальные крики, прощальный плачъ остающихся. Съ прибрежныхъ вербъ сорвались бѣлыя цапли, съ русла рѣки поднялись пеликаны и съ крикомъ радости или крикомъ боязни полетѣли на Черное море. Бѣлые какъ снѣгъ, какъ крылья пеликановъ и чаекъ, паруса распустились на лодкахъ — и всѣ вмѣстѣ, будто въ догонку, пустились въ глубокое море.

Съ шумомъ и плескомъ скользили лодки по устью св. Георгія, а онъ, святой рыцарь, вмѣстѣ съ бѣлымъ ангеломъ, незримо для козаковъ, смотрѣли съ высоты небесной на этотъ походъ по водѣ. Глазъ быстрѣе соколинаго, глазъ не-

человѣческій могъ-бы навѣрное увидѣть въ облакахъ образъ бѣлаго ангела; но людскому и соколиному глазу примѣтенъ былъ только какой-то свѣтлый отблескъ — не больше. Отблескъ этотъ держался прямо надъ головами козаковъ и, пока воинство земное двигалось теченіемъ воды, теченіе воздуха несло впередъ небеснаго всадника, козацкаго гетмана—и оба теченія шли въ одну сторону, шли къ Цареграду.

Солнце, какъ полированный золотой щитъ, свѣтило съ неба и, отражаясь въ щитѣ бѣлаго ангела, кругомъ золотило темно-синюю, стальную поверхность моря. Вѣтеръ дулъ съ сѣвера, вздымалъ паруса — и наши лодки, какъ стадо лебедей, мѣрно и тихо шумѣли парусами, несясь быстро впередъ. На скамьяхъ сидѣли козаки; болтали, шутили и пѣли; рулевой [1]) по-временамъ посматривалъ впередъ, поворачивалъ руль [2]): но все было тихо, чинно и въ порядкѣ.

Не такъ бывало въ дни гулящаго Шаха, во время стараго Скалозуба. Они тоже водили козацкія чайки въ Цареградъ, Синопъ, Трапезондъ, но водили въ вихрь и бурю. Море бушуетъ, клокочетъ, будто всѣ черти вырвались изъ ада и затѣяли страшную пляску, а они ѣдутъ — и ѣдутъ потому, что у нихъ самихъ чертовскія мысли, чертовскіе планы. Теперь не то: козаки отправляются въ Цареградъ не за софійской святыней, не на грабежъ, а на службу падишаху, на битву съ греками, которые хотя и славятъ святыню, но не человѣческимъ, не

---

[1]) кормчій; [2]) кормило, весло.

славянскимъ языкомъ; въ жилахъ-же падишаха течетъ славянская кровь и сами козаки славяне. Вотъ почему плывутъ они тихо, спокойно, не въ вихрь и не въ бурю, и не съ чортомъ: онъ имъ не нуженъ.

Ѣхали мы и днемъ и ночью — но берега изъ виду не теряли. Днемъ свѣтило намъ солнце, ночью луна и звѣзды, а бѣлый ангелъ всегда. Ни къ какой пристани мы не приставали, а все двигались впередъ и впередъ. Вѣтеръ дулъ все попутный, и быстрое теченіе трехъ козацкихъ рѣкъ Днѣпра, Днѣстра и Буга, какъ и подняло насъ на свой хребетъ, такъ и понесло быстро впередъ.

Заря позолотила небо и солнце показалось уже на горизонтѣ, когда мы въѣхали въ Босфорскій проливъ. Насъ встрѣтили салютомъ изъ пушекъ, мы отвѣчали тѣмъ-же, и сейчасъ на всѣхъ минаретахъ вдоль пролива раздался »езаземъ« на славу Божью. Мы запѣли свою пѣснь, пѣснь христіанскую — »Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!«

Замелькали сотни, тысячи минаретовъ, освѣщенныхъ лучами восходящаго солнца; бѣлые дворцы по обоимъ берегамъ пролива потянулись безъ конца, одинъ краше, великолѣпнѣе другого; вдали показался семибáшенный Цареградъ, мечети, дворцы, башни — и все это облито розовымъ отливомъ утренняго солнца. Глазъ не могъ насмотрѣться, насытиться всѣми этими красотами; мысль, какъ пѣна, захватывала одно, разрывалась, плыла къ другому. И все это дѣло рукъ человѣка, и во всемъ этомъ воля Божья!

Я смотрѣлъ, смотрѣлъ, потомъ закрылъ
чтобы удостовѣриться, не сонъ ли вижу; отк
— опять тоже, опять одно чуднѣе другаго.
великій! Чего человѣкъ не сможетъ, лишь б
бы терпѣніе, да разумъ, да воля, да Божье
тѣнье!

Козаки надо мной смѣялись, а я брос
на колѣни и сталъ молиться. — Что за чуд
городъ! Да это Царь-городъ, городъ са
Бога. Въ немъ жить ему, а не намъ, грѣшн
людямъ. Мнѣ становилось и страшно, и нело
отъ одной мысли, что придется жить среди
кихъ чудесъ. Я Бехъ, герба Янушъ, шляхти
и ляхъ, не испугавшійся этихъ бродягъ коз
ковъ-молодцовъ, не моргнувшій глазомъ пре
самимъ Ляхомъ, дрожалъ теперь передъ Царе
градомъ, какъ осиновый листъ. Да что же э
значитъ?... Я молился и молился такъ усердн
молился до тѣхъ поръ, пока тяжелый глубокі
сонъ не свалилъ меня съ ногъ.

Я спалъ, какъ убитый. Вотъ я въ Беховѣ.
Вижу старую мать. Охъ, какъ-же она состарѣлась! Гдѣ же отецъ? А! вотъ и онъ — но такой блѣдный, такой усталый: онъ боленъ, очень боленъ. И всѣ паны Бехи тутъ же: навѣстить пришли должно быть стáраго отца. Всѣ толкуютъ, о чемъ-то спорятъ, кричатъ, будто пришли въ гости къ совсѣмъ здоровому человѣку. Ахъ, какіе-же они негодяи!... Вотъ и дворъ нашей хаты, и панство Бехи всѣ опять тутъ-же, и все толкуютъ, все о чемъ-то спорятъ... Понимаю! Телушка Якима, нашего сосѣда, испортила изгородь, да и поѣла всю капусту, — вотъ они и

собрались на судъ... Самъ отецъ Михальскій пришелъ на судъ, — и безъ дисциплины! Но чтó-же это? Онъ будто не въ классѣ и не у насъ на дворѣ предъ хатой, а на амвонѣ, въ шапочкѣ каноника-проповѣдника: онъ говоритъ проповѣдь, говоритъ хорошо — о любви къ »ойчизнѣ«, любви шляхетской, а не хлопской... говоритъ, какъ всѣ базильяны, какъ говорили Бехи, какъ говорилъ мой отецъ...

Вотъ и Чоповка. Откуда ни возьмись, со всѣхъ сторонъ бѣгутъ чоповчанки: каждая кричитъ, каждая горланитъ. — Гдѣ моя сѣрая гуска? — спрашиваетъ одна. — Гдѣ мой хохлатый гусь? — перебиваетъ ее другая. — Гдѣ мой чорный гусь? А мой бѣлый? Отдай нашихъ гусей! Отдай! »Галганъ« ты, »шельма«!...—Боже мой! И за чтó это они ругаются, чего кричатъ; будто я обязанъ знать, гдѣ ихъ гуси... А чортъ-бы всѣхъ васъ побралъ! — говорю я со злостью, падаю на землю и... просыпаюсь.

Перекрестившись, я схватился за записную книжку, пересмотрѣлъ разъ-другой подведенный прежде итогъ и поставилъ противъ него »нотабене«. Требуютъ гусей — разсуждалъ я самъ про себя — нужно значитъ отдать. Долгъ — дѣло священное. Не твори другому того, чтó самому немило; храни чужую собственность; не трогай чужаго добра, взятое отдай: вотъ чему учили меня отцы базильяны, и наука не пошла въ лѣсъ.

Цареградъ по-прежнему казался мнѣ хорошимъ, но паморковъ во мнѣ уже не забивалъ, а когда мы высадились на берегъ и я прошелся

съ молодцами по городу, — то, признаюсь, он совсѣмъ мнѣ не понравился. Улицы тѣсныя, мостовая неровная: пройдешься — поломаешь ноги. Что ни ступишь — собака или кошка[1]), то живая, то дохлая, всюду соръ[2]), нечистота, просто какъ въ Беховѣ, да и въ Беховѣ столько нечистотъ развѣ въ одномъ хлѣву встрѣтишь. На улицахъ ѣдятъ, на улицахъ пьютъ; вонь, грязь, а толпа, толпа! что ни шагъ — подзатыльникъ[3]) или колотушка[4]). Такъ приходится, для сохраненія шляхетскаго »гонора« и *distinctorium*, бить вправо и влѣво, по зубамъ и по затылкамъ. Аж противно стало! Я въ душѣ подумалъ: не все то золото, что блеститъ, перестал глупить и удивляться.

Нашъ копиевой ѣздилъ постоянно въ каикахъ[5]), иногда въ повозкахъ, то въ Ѳерсану, гдѣ строятся военные корабли и гдѣ они стоятъ въ пристани, называемой Золотымъ рогомъ, — золотымъ потому, что много золота тратится тамъ на всякія нужныя и ненужныя вещи, то въ Высокую Порту, гдѣ засѣдаетъ садразамъ[6]), великій визирь и намѣстникъ султана, гдѣ находятся совѣты различныхъ бейевъ, эффенди, великихъ пашей, сановниковъ и пашей. Въ мусульманской странѣ есть тоже своя шляхта — да иначе и быть не можетъ, но падишахъ въ ней одинъ лишь настоящій шляхтичъ, всѣ же прочіе шляхтичи по его султанской милости: дастъ шляхетство — хорошо, не дастъ — его воля.

[1]) котъ; [2]) гной; [3]) ударъ въ затылокъ (шею); [4]) штурханецъ; [5]) подкахъ; [6]) глава совѣта короны.

Всякій мусульманинъ, всякій поддѣлывающійся подъ мусульманскую мѣрку старается всегда раздобыть себѣ, во что бы то ни стало, какой ни есть чинъ, чтобы такимъ манеромъ сдѣлаться шляхтичемъ. Вотъ почему всѣ правовѣрные, всѣ послѣдователи ислама, носятъ названіе чиновниковъ на жалованіи или айликахъ султана; но стать шляхтой въ родѣ Беховъ, Чайковскихъ и другихъ — это для правовѣрныхъ вещь невозможная и невозможная потому, что такова воля Божья.

Некрасовцы, стриженныя свиньи, какъ ихъ назвалъ панъ Ляхъ, толкуютъ это такъ: Желая покарать грѣшный человѣческій родъ всемірнымъ потопомъ, Богъ, передъ этимъ, собственноручно вручилъ Ною всѣ пергаменты и патенты на козацкое, польское и всякое другое шляхетство. Послѣ того какъ вода спала, горы и поля позеленѣли и созрѣлъ виноградъ, Ной, накушавшись винограду, сталъ раздавать пергаменты и патенты. Пользуясь случаемъ, нѣмцы, французы, англичане и всѣ прочіе народы обошли старика и нахватали себѣ вдоволь всякихъ патентовъ; вотъ отчего у нихъ и водится настоящая шляхта. Турки же, какъ мусульмане, не могли подойти къ Ною, потому что кругомъ его было вино, а вино кораномъ запрещено. Вотъ, за отсутствіемъ настоящихъ, Божьихъ пергаментовъ, они и должны были запастись султанскими фирманами, тоже на пергаментѣ, и какъ на Божьихъ пергаментахъ нарисовано всевидящее око, такъ на султанскихъ намалевана рука падишаха.

Такъ говорятъ кубанцы-некрасовцы, а когда имъ возражаютъ, что потопъ погубилъ всѣхъ людей, исключая семейства Ноя, то они, *какъ недовѣрки*, по своему толкуютъ: »Ни васъ, ни насъ при этомъ не было. Люди попрятались въ недоступныя для воды ущелья, вскарабкались на вершины горъ, повзлѣзали на деревья, козаки сѣли въ чайки, поляки на своихъ коней, и такимъ манеромъ удрали во всѣ лопатки. Иначе и быть не могло. Какъ міръ міромъ, всегда былъ Богъ и всегда былъ чортъ; что́ сдѣлаетъ Богъ, чортъ старается передѣлать: Богъ захотѣлъ за грѣхи потопить весь людской родъ, а чортъ пустулъ въ ходъ всю свою хитрость, чтобы его выручить. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: коли чортъ съумѣлъ въ раѣ, раѣ Божьемъ, прельстить яблокомъ первыхъ людей, — какъ же не съумѣть ему послѣ этого припрятать и спасти людей на широкой землѣ, безъ всякихъ оградъ и препятствій, какъ не припрятать шляхты! Хлоповъ, конечно, онъ не спасалъ — да и не сто́ило: хлопство и безъ того могло плодиться«.

Такъ оно выходитъ по ученію отцовъ-староверовъ, подкрѣпленному Стенькой Рязинымъ и Игнатомъ Некрасой, славными вояками и атаманами. Ну что́-жъ, — пусть оно себѣ такъ и будетъ; вѣра все-таки лучше сомнѣнія.

Вотъ кошевой нашъ Морозъ ѣздилъ въ Высокую Порту, въ сераскератъ, откуда заправляютъ арміей, откуда объявляется война и гдѣ засѣдаетъ великій атаманъ, турецкій сераскеръ, въ родѣ того, какимъ былъ въ Польшѣ хранитель большой булавы. Въ то время, рядомъ съ

нимъ, засѣдалъ ага янычарскій, начальникъ рецкихъ отосбировъ. Янычары и козаки — о, чортъ, а ихъ ага точь-въ-точь то же, что шевой у козаковъ. Какъ козаки-молодцы з вали жару Польшѣ, такъ янычары не давали коя Высокой Портѣ, съ той только разни что къ молодцамъ попала гербовая шляхта которой самъ чортъ не съумѣлъ-бы справи а янычары были оборванцы, проходимцы и щепенцы — словомъ хамы. Стóило захотѣть тану и Высокой Портѣ — и янычаръ не стал на свѣтѣ; ихъ могли стереть въ порошокъ, гнуть въ бараній рогъ, чего, конечно, ни роль, его милость, ни рѣчь-посполитая, ея лость, никакъ не посмѣли бы сдѣлать съ к комъ-шляхтичемъ.

Морозъ посѣщалъ великихъ пашей и са никовъ, а разъ какъ-то завезли его даже самому падишаху.

Я принадлежалъ къ свитѣ кошеваго. и вс съ нимъ ѣздилъ, но въ комнаты не входил оставался въ переднихъ, гдѣ иногда меня щали, не такъ какъ прочихъ, — не на дв По одеждѣ и чубу кошевой былъ истый ш тичъ, а по осанкѣ и взгляду даже среди в кихъ пашей и сановниковъ высматривалъ на ящимъ »шановнымъ« паномъ. Глядя на і видя, какъ почтительно съ нимъ всѣ обращак мы сáми будто выростали въ своихъ глазах сами становились »шановными« панами.

Султанъ Махмудъ правилъ въ то врем оттоманской Портѣ. Замѣчательный былъ это ловѣкъ. Крѣпкій духомъ и тѣломъ, желѣзная

что́ захочетъ, то сдѣлаетъ: крикнетъ — сто «дуръ»! — и все, что́ живо, останавливается люди, звѣри, сама земля даже не смѣетъ тронуться съ мѣста. Должность сераскера занималъ Хуршидъ-паша изъ Бендеръ, бывшій ага янычаръ. Ставъ изъ аги турецкимъ атаманомъ большой булавы, Хуршидъ достигъ въ Туреччинѣ того, за чѣмъ такъ гнался въ Польшѣ панъ Янъ Выговскій, который, какъ всѣмъ извѣстно, хотѣлъ изъ кошеваго сдѣлаться коронным гетманомъ. Не знаю, что́ сталось бы съ козачествомъ, еслибъ пану Выговскому удалось достигнуть желаемаго; не берусь предсказывать также и того, что́ станется съ янычарами, но люди толкуютъ уже объ этомъ вкривь и вкось, а извѣстно: слухомъ земля полнится. Хуршидъ приходился намъ землякомъ и сосѣдомъ, а потому съ кошевымъ и съ нами велъ дѣло на прямоту, отъ чистаго сердца.

Флотомъ начальствовалъ Капуданъ-паша, родомъ черкесъ, изъ военноплѣнныхъ, на правую ногу хромой, за то семи пядей во лбу, ловкій, хитрый — настоящій чортъ. Все знаетъ, вмигъ провѣдаетъ всю подного́тную [1]), у любаго молодца вытянетъ послѣднюю жилку, а попробуй узнать что-нибудь у самого — ни шиша! Султанъ души въ немъ не слыхалъ, а сильные міра не совсѣмъ-то любятъ, коли имъ правду-матку прямо въ глаза рѣжутъ, какъ это дѣлалъ всегда Капуданъ. На войнѣ, въ битвѣ, онъ бралъ не храбростью и отвагой, а больше хитростью и

[1]) т. е. всѣ сокровенныя тайны.

терпѣніемъ: выманитъ непріятеля, выждетъ, а п
томъ — здорово живешь — накроетъ разо
невзначай,—такъ и не оглянется. Въ подобны
случаяхъ Капуданъ-паша обыкновенно говар
валъ: коли не знаешь, сколько у врага силы
жми ему руку, какъ самому сердечному дру
жми, пока не передавишь костей, жилокъ
поджилокъ, а потомъ мало-по-малу оставь, с
всѣмъ даже отбрось руку, да угости друга-
друга кофейкомъ, чтобы ему спалось-спалось
не проснулось. Таковъ-то былъ Капуданъ и т
кому-то молодцу ввѣрилъ падишахъ свой фло
готовый къ походу противъ грековъ. Пусть
ихъ — разсуждалъ султанъ — мой паша св
имъ порядкомъ пожметъ и приголубитъ, а п
томъ разъ-два, чтобы и на разводъ погана
племени не осталось.

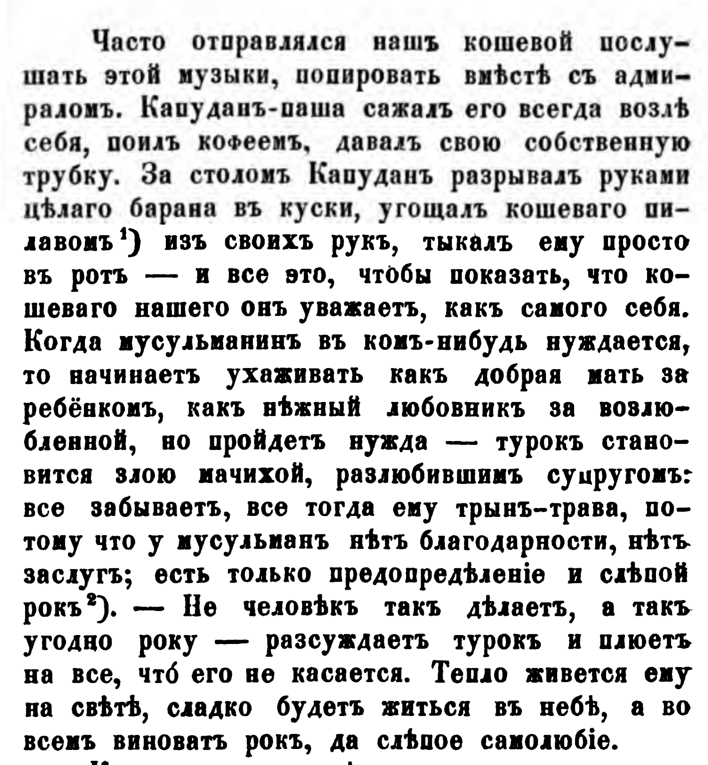
Какъ сталъ выходить изъ Золотаго р
турецкій флотъ, такъ не было ему ни счета,
конца: корабли, фрегаты, корветы, бриги, катер
шлюпки — и Богъ вѣсть какихъ названій та
не было. На всѣхъ корабляхъ какъ кровь кр
сные флаги, на флагахъ серебряная луна
звѣзды, а вездѣ бѣлыя-пребѣлыя паруса всяки
формъ и размѣровъ. Казалось, новый горо
новый Цареградъ выступилъ вдругъ изъ-по
воды съ своими улицами, башнями и минарета
маленькія лодки кишмя замелькали среди вел
кановъ-кораблей, а на самихъ корабляхъ заигра
музыка не музыка, а такъ какое-то носов
монотонное ворчаніе. Турки въ чалмахъ, поджа
подъ себя ноги, сидятъ на скамьяхъ и, съ тру
ками въ зубахъ, потягиваютъ кофе, поглажи

ютъ усы, поглаживаютъ рукоятки ятагановъ всѣ молчатъ, будто готовятся заснуть, на само же дѣлѣ не спятъ, а по своему любуются крас той Божьяго міра. Музыканты — жиды, цыган армяне — побрякиваютъ въ цымбалы, подтяги ваютъ пѣсни, а греки-матросы, султанскіе раи[1] готовятъ снасти[2]), чистятъ оружіе, словомъ в приводятъ въ порядокъ.

На адмиральскомъ, капудановскомъ, корабл расположилась янычарская музыка: вальторн трубы, кларнеты, флейты, бубны, бубенчики, н конецъ огромный бубенъ, въ который четы человѣка валили сразу. Чинно стояли музыканты локоть съ локтемъ, никто другъ друга не тро галъ, другъ другу не мѣшалъ. На честь поль скому народу, капельмейстеромъ въ янычарско музыкѣ былъ полякъ. Игралъ онъ на флейтѣ, назывался сначала попросту Бонкъ, но для со храненія шляхетскаго достоинства, получил впослѣдствіи прибавку *»овскій«*, — почему сталъ паномъ Бонковскимъ. По роду панъ Бон ковскій былъ не очень важная птица — отец калишанинъ, а мать пучеглазая мазурка, — н на своей флейтѣ умѣлъ подпускать такія трели что туркамъ лучшаго и не желалось. Заиграет бывало панъ Бонковскій соло — турки всѣ д одного заснутъ и спятъ, какъ убитые; даст сигналъ — всѣ схватываются на ноги и берутс за работу. Словомъ, Бонковскій творилъ чудес не хуже самого Орфея, этого перваго капель-мейстера на Востокѣ.

---

[1]) военноплѣнники, подданные не признающіеся к исламу; [2]) корабе́льные приборы.

Часто отправлялся нашъ кошевой послушать этой музыки, попировать вмѣстѣ съ адмираломъ. Капуданъ-паша сажалъ его всегда возлѣ себя, поилъ кофеемъ, давалъ свою собственную трубку. За столомъ Капуданъ разрывалъ руками цѣлаго барана въ куски, угощалъ кошеваго пилавомъ[1]) изъ своихъ рукъ, тыкалъ ему просто въ ротъ — и все это, чтобы показать, что кошеваго нашего онъ уважаетъ, какъ самого себя. Когда мусульманинъ въ комъ-нибудь нуждается, то начинаетъ ухаживать какъ добрая мать за ребёнкомъ, какъ нѣжный любовникъ за возлюбленной, но пройдетъ нужда — турокъ становится злою мачихой, разлюбившимъ супругомъ: все забываетъ, все тогда ему трынъ-трава, потому что у мусульманъ нѣтъ благодарности, нѣтъ заслугъ; есть только предопредѣленіе и слѣпой рокъ[2]). — Не человѣкъ такъ дѣлаетъ, а такъ угодно року — разсуждаетъ турокъ и плюетъ на все, что его не касается. Тепло живется ему на свѣтѣ, сладко будетъ житься въ небѣ, а во всемъ виноватъ рокъ, да слѣпое самолюбіе.

Капуданъ-паша крѣпко разсчитывалъ на кошеваго. Называлъ его душой, львомъ, соколомъ, своимъ, — потому зналъ, что у Мороза ума палата, храбрости безъ мѣры; зналъ, что будетъ Морозъ вести войско храбро, а еще храбрѣе воевать и сражаться. Самъ-же я — думалось простофилѣ[3]) Капудану—буду на все это только посматривать, буду слать къ султану гонца за гонцомъ, а чины и подарки посыплются на меня

[1]) кушаньемъ изъ риса и баранины; [2]) судьба, предназначеніе; [3]) глупцу.

своимъ порядкомъ. Штука! — а всему вина ро
и предопредѣленіе.

Меня полюбилъ Бонкъ и хотѣлъ учить да
на флейтѣ. Къ Капудану стоялъ онъ очень близк
былъ у него на хорошемъ счету, а такъ ка
кошевому не стать[1]) якшáться[2]) съ какимъ-н
будь капельмейстеромъ, то и посыпалась в
ласка пана Бонковскаго исключительно на мен
хоть и мальчишку, но все-таки изъ свиты с
мого кошевого. Ничего себѣ человѣчище был
этотъ панъ Бонковскій. Служилъ Капудану вѣрн
не только изъ-за денегъ, но и по любви. Деньг
— своя статья и статья хорошая: копить де
нежку про чорный день всякому слѣдуетъ, —
по крайности такъ учили меня въ Калишѣ
Мазовшѣ — говаривалъ Бонкъ. Гладкаго, моег
товарища не было — остался бѣдняга въ Сѣч
— и я былъ доволенъ, что подружился съ Бон-
комъ; все-таки онъ братъ-шляхтичъ, не то, чт
поганая татарва.

Стояли мы, такимъ образомъ, съ мѣсяцъ в
Мраморномъ морѣ, покá наконецъ, однажды, пр
громѣ всѣхъ пушекъ, не вошли въ Дарданель-
скій проливъ. За проливомъ было уже греческо
море, а на немъ гяуры мятежники. Говорили о
какомъ-то Маркѣ Бозарисѣ, о Канарисѣ, о томъ,
что греки какъ поймаютъ турка, такъ сейчасъ
на огнѣ жарятъ, а сжаривъ ѣдятъ; говорили, на-
конецъ, что всѣ эти поганцы ждутъ насъ за
Дарданелами на берегахъ древней Трои. Вотъ
почему такъ громко палили мы изъ пушекъ, и

---

[1]) не рацiя, не къ лицу; [2]) сообщаться.

каждый мусульманинъ, взявъ горсть песку, б
салъ въ воду: врага нужно было испугаті
выгнать на чистое море.

Капуданъ, хитрая голова, бережливый мусульманскую кровь, пустилъ впередъ кошев съ молодцами, а самъ вошелъ въ переговоры адмиралами англійскимъ, французскимъ и р скимъ, защищавшими, какъ извѣстно, христі ство въ Турціи. — »Волкъ сытъ и козы цѣ таково мое правило. Не хочу проливать кров говорилъ Капуданъ.—Хоть греки и гяуры, н нихъ есть все-таки евангеліе, а кораномъ прещено обращаться съ людьми, у котор есть слово Божье, какъ съ скотомъ. Пусть удираютъ, я гнаться не стану: доплыву по хоньку, а какимъ манеромъ уладимъ мы т свою »справу«, это ужъ наше дѣло: остаі насъ въ покоѣ. Не позволите намъ драться согласны: такова ваша обязанность, потому друзья Высокой Порты и, понятно, не хот проливать кровь ни своихъ друзей, ни сво единовѣрцевъ. Богъ наградитъ васъ за это!«

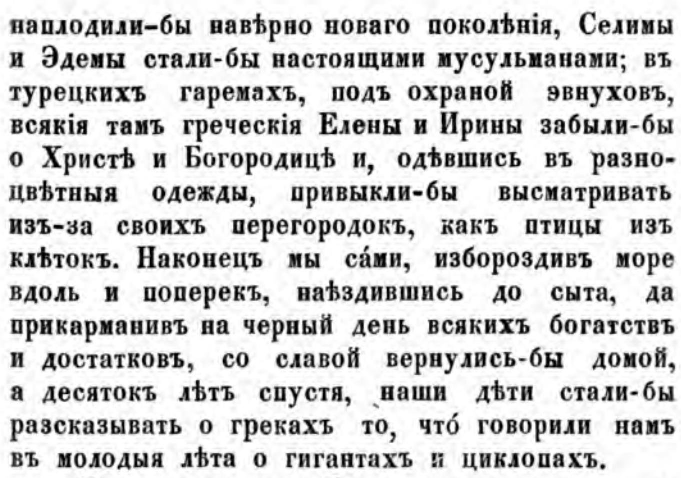
Такія рѣчи велъ Капуданъ съ адмирала а кошевой съ молодцами топилъ греческіе рабли, занималъ острова, творилъ всякія шту съ однихъ бралъ ясакъ[1]), другихъ сажалъ колъ, третьихъ вѣшалъ, четвертыхъ топилъ, да иначе и не могло быть; такое было вр съ волками жить, по волчьи выть. Кошевой шелъ воевать, а не гулять — и воевалъ; ка данскій-же флотъ приходилъ каждый разъ, кс

---

[1]) родъ подати.

все уже было готово, взято и сдѣлано. На всѣх
занятыхъ островахъ Капуданъ-паша распоря
жался такъ. Стариковъ и бабъ оставляли дл
ухода за землей и строеніями, а чтобы заняті
это было имъ не въ тягость и подъ силу, всякі
достатокъ, богатства и драгоцѣнности нагружал
въ свободные корабли и отправляли въ мусуль-
манскіе города, подъ мусульманскую опеку
попечительство. Молодыхъ дѣвчатъ и дѣвочек
посылали въ гаремы для поправленія здоровья
знакомства съ порядкомъ и уваженіемъ властей.
Дѣтей переименовывали въ мусульманъ, — маль-
чиковъ въ Селима, Эдема, Мустафу, Махмуда, —
дѣвочекъ въ Фатиму, Айчу, Рукью, Емину, чтобы
жили примѣрно въ мусульманской вѣрѣ, коли не
хотѣли жить толкомъ въ христіанской. Мущинъ,
гожихъ къ оружію и въ матросы, а потому ма-
стеровъ бунтовать и мятежничать, нагружали на
особые корабли, давали имъ хлѣба, соли на про-
живку, а когда и при этой милости не хотѣли
сидѣть смирно, — спускали на дно моря: ко-
рабль не изъ гранита, изломать ничего не сто-
итъ, а на днѣ пусть себѣ шумятъ тамъ вмѣстѣ
съ рыбою. Пролитія крови, однимъ словомъ, не
было, казней никакихъ, варварства — тоже. Все
дѣлалось потихоньку, въ порядкѣ, безъ драки и
крика — и на занятыхъ островахъ все было
такъ смирно, такъ чинно, будто греки никогда
не бунтовались и не мятежничали.

Бонкъ повторялъ: не вмѣшайся поганые ар-
науты да египтяне въ наше дѣло, предоставь
они все хромому Капудану — о самой войнѣ
не было-бы и помину. Бабы съ стариками не

наплодили-бы навѣрно новаго поколѣнія, Селимы и Эдемы стали-бы настоящими мусульманами; въ турецкихъ гаремахъ, подъ охраной эвнуховъ, всякія тамъ греческія Елены и Ирины забыли-бы о Христѣ и Богородицѣ и, одѣвшись въ разноцвѣтныя одежды, привыкли-бы высматривать изъ-за своихъ перегородокъ, какъ птицы изъ клѣтокъ. Наконецъ мы сáми, избороздивъ море вдоль и поперекъ, наѣздившись до сыта, да прикарманивъ на черный день всякихъ богатствъ и достатковъ, со славой вернулись-бы домой, а десятокъ лѣтъ спустя, наши дѣти стали-бы разсказывать о грекахъ то, чтó говорили намъ въ молодыя лѣта о гигантахъ и циклопахъ.

Такъ разсуждалъ Бонкъ, но не такъ вышло оно на самомъ дѣлѣ. Иностранные корабли бродили постоянно по морю, совѣтовали намъ вести себя умѣренно, а христіанамъ то-и-дѣло[1]) сулили[2]) свое покровительство.

Англичане — недáромъ нарóдъ торговый не хуже самихъ жидовъ, — продавали гяурам оружіе, пушки, порохъ, олово, даже зажигател ныя лодки. Правда, все это ни къ чорту уж не годилось,—но такъ оно было и лучше. Др гіе продавали-бы по совѣсти и тѣмъ самы причинили-бы намъ больше трудовъ и работ англичане-же, какъ закадычные[3]) наши друз не рѣшались идти на измѣну. Рейсъ-эффен благодарилъ навѣрное англійскаго посла за в это расположеніе и помощь со стороны англ скихъ купцовъ, но они, въ свою очередь, прос

[1]) безпрерывно; [2]) обѣщали; [3]) сердечные.

благодарностью не ограничились и потребова. денегъ, въ чемъ, конечно, не получили отказ потому — дружба дружбой, а служба службо

Нѣмцы устроили складчину въ пользу бу товщиковъ. Банкиры, ревнители христіанства греческаго дѣла, собирали деньги въ Лондон Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, платили всѣмъ охот никамъ »юргельдъ« впередъ — и такимъ мане ромъ доказывали свою ревность. Охотников являлось, конечно, гибель, потому — плата впе редъ и на чистоту, а это всякому сердцу при ходится по вкусу.

Французы пустомели, хоть и народъ Божій слетѣлись сражаться за человѣчество, вѣру славу, потому что для нихъ слава то же, чт для англичанъ деньги.

Словомъ, всѣ народы, кто почище, пошл въ свалку — и война затянулась не на шутку Такъ говорилъ самъ Бонкъ, и я со временем удостовѣрился, что почтенный капельмейстер не вралъ; тогда-же все шло мимо ушей — по нятное дѣло—мальчи́шка: на губахъ молоко, а в лбу ни тю-тю.

Козакамъ и туркамъ не разъ доставалось по ушамъ, и пришлось бы хуже, если бы не разумный приказъ Капудана: тянуть врага до тѣхъ поръ, пока самъ собственно своею волей не околѣетъ, а не околѣетъ за разъ, ждать другаго и третьяго, тихонечко, съ разстановкой, словомъ по турецки: »загнать зайца телѣгой съ волами.«

Какъ бы тамъ ни было, хоть гяуры и не славяне, а все-таки народъ они славный. Паликары, клефты не уступятъ самимъ козакамъ-мо-

лодцамъ, даже такимъ, какіе водились во время Сагайдачнаго и Брюховецкаго; рóдину свою, милую Грецію, любятъ, какъ шляхта Польшу; храбрецы на сушѣ, храбрецы на морѣ, опасности не замѣчаютъ, дерутся до бѣшенства, идутъ на вѣрную смерть, какъ на пиръ или свадьбу.

Бонкъ пересталъ наигрывать по-прежнему на флейтѣ, а вмѣсто того говорилъ мнѣ постоянно о древнихъ грекахъ, о томъ, какъ уничтожили они въ пухъ и прахъ огромное войско сердитаго персидскаго царя, какъ въ дребезгú поломали персидскій флотъ, какъ съ какимъ-то Александромъ, своимъ царемъ, исходили весь свѣтъ и чуть было не заграбастали его въ свои лапы, да на бѣду Александръ-то былъ не Наполеонъ, а греки не французы и не поляки. Славный, прекрасный народъ — повторялъ постоянно Бонкъ, — одного только жаль: плохіе они музыканты и пѣвцы.

Не съумѣю сказать, откуда взялся этотъ мятежъ, какимъ манеромъ завязалась изъ него война, какъ, наконецъ, велась сама эта война — все это въ то время было не по моему разумѣнію и не по моимъ лѣтамъ. Скажу прямо: не при мнѣ штука эта писана; самъ Бонкъ, куда ученѣе меня, да и то не знаетъ, сколько бы слѣдовало знать. Стану править чортъ знаетъ чтó, вы, чего добраго, повѣрите, дáромъ на совѣсти будетъ лишній грѣхъ, а потому скажу по просту, чтó было съ нами, чтó было со мною.

Стояли мы подъ Хіосомъ, — прекрасный и богатый это островъ! Капуданъ-паша паломничалъ на немъ по своему, какъ вдругъ пришла

вѣсть, что греки собираются сдѣлать нападеніе на турецкій флотъ. Хотя флотъ и стоялъ въ гавани[1]) и самъ Капуданъ жилъ на островѣ, но у страха глаза велики: не оглянешься, какъ Марко Боцарисъ явится съ брандерами, Канарисъ высадитъ на берегъ паликаровъ, а Бобелина съ клефтами займетъ островъ. Плохая штука — а потому скорѣй надо взяться за умъ. Вотъ Капуданъ-паша отпросился въ гости на англійскій корабль дней на нѣсколько, для перемѣны воздуха, а такъ какъ и корабль слѣдовало также провѣтрить, то и снесена была султанская казна́ со всѣми богатствами и драгоцѣнностями на нашъ »Ляхъ«, подъ охрану кошеваго.

— Милый ты мой другъ, душа, славный атаманъ, сдаю на твой соколиный глазъ, на твою львиную храбрость, вотъ эту казну́ султана, — сказалъ Капуданъ, обнялъ, расцѣловалъ кошеваго и уѣхалъ на англійскій корабль.

Слухамъ вѣрилось-невѣрилось, а все-таки нужно было держать себя на сторожѣ. Кошевой высылалъ въ море лодки и приказалъ всѣмъ быть днемъ и ночью на готовѣ.

Ночь стояла темная. Бонкъ говорилъ, что луна свѣтитъ въ Америкѣ, а наша земля повернулась къ ней задомъ, — потому и не видно ни зги[2]). Чудакъ этотъ музыкантъ утверждалъ, что земля все равно что́ шаръ, что она обращается около оси, какъ колесо около своей, когда телѣга ѣдетъ впередъ. Правду-ли онъ говорилъ, или вралъ—Богъ его знаетъ; я не могу

---

[1]) портѣ; [2]) ничего, ни крохотки.

сказать ни да, ни нѣтъ, — довольно того, что ни луны, ни звѣздъ не было: темь и мракъ, хоть глаза выколи. Вѣтеръ дулъ съ запада, но бури еще не́ было, хотя старые матросы и поговаривали между собою, что ждать долго ея не прійдется.

Кошевой, казалось, боялся, чтобы гяуры не накрыли насъ невзначай; поѣхалъ къ Капуданъ-пашѣ за приказомъ и предлагалъ вывести лучше флотъ въ открытое море, чѣмъ стоять въ гавани и ждать, пока брандеры не ворвутся и не сожгутъ султанскихъ кораблей, пользуясь вѣтромъ и суматохой,

Англичанинъ, бывшій при докладѣ, выпилъ залпомъ стаканъ джину [1]) и сказалъ:

— Чертъ меня подери! Козакъ этотъ говоритъ правду.

Капуданъ спросилъ у кошеваго, не видно-ли уже грековъ на морѣ, тихо-ли все на островѣ, — и когда удостовѣрился, что не видно и все тихо, — отвѣтилъ:

— Дѣлай, какъ хочешь. Что́ сдѣлаешь, все будетъ ладно.

Весь флотъ козацкій и половина турецкаго были вытащены въ открытое море: на лодки сѣли матросы, канатами [2]) попривязывали корабли къ лодкамъ и такимъ манеромъ съ большимъ трудомъ оттащили корабли, по крайней мѣрѣ, на полчаса разстоянія отъ суши. Кошевой занялъ мѣсто на своемъ кораблѣ, у берега, въ самомъ мелкомъ мѣстѣ.

---

[1]) водки изъ я́ловца; [2]) шнурами.

Темнота была страшная. Вѣтеръ дулъ
съ запада. Кошевой стоялъ на носу корабл
водилъ глазами во всѣ стороны. Я стоялъ во
него.

Оттого-ли что смотрѣлъ я ужь очень упор
или такъ отъ воображенія — но мнѣ показало
что какіе-то блудящіе огоньки мелькаютъ
облакахъ съ запада и съ юга. Я хотѣлъ бы
сказать уже объ этомъ кошевому, какъ вдру
три ракеты съ трескомъ поднялись къ небу и
трехъ различныхъ мѣстъ острова. Кошев
вздрогнулъ, но сейчасъ же успокоился; да
первый приказъ — артиллеріи быть при лаф
тахъ, а матросамъ при веслахъ: цвѣтные фон
рики разнесли этотъ приказъ по всему флот
потомъ второй — повернуть корабли передо
къ острову; наконецъ третій — распустить п
руса и быть на-готовѣ.

Распорядившись, кошевой взглянулъ на мен
Казалось, взглядъ его прошелъ меня на-сквоз
я задрожалъ.

— За мной, хлопецъ! — сказалъ атаман

Мы сошли въ каюту. Онъ опять посмотрѣл
на меня.

— Слышишь, хлопецъ! Ты вѣдь ляхъ
шляхтичъ?

— Бориславъ Бехъ, герба Янушъ — отвѣ
чалъ я и закусилъ губы.

— Могу на тебя положиться?

— Какъ на самого себя.

— Слово шляхтича?

— Слово Беха!

— Довольно!

Онъ повелъ меня на самый низъ корабля, гдѣ былъ сложенъ порохъ, подъ его ключемъ, указалъ на бочки и промолвилъ:

— Тутъ порохъ.

Мигомъ разбилъ онъ одну бочку и началъ сыпать порохъ въ видѣ тропи́нки[1]) до самой каюты. Тутъ-же возлѣ каюты была комната, въ которой сложили султанскія драгоцѣнности. Кошевой указалъ на нее.

— Тутъ султанское золото. Не стать[2]) же идти ему въ руки мятежниковъ, или на дно моря...

Онъ приготовилъ изъ шерсти шнурокъ, обмакнулъ его хорошо въ порохъ и, указавъ на желѣзный сундукъ, наполненный дорогими коврами, прибавилъ:

— Войди сюда! Укройся хорошо! Богъ милостивъ, бываютъ чудеса...

Атаманъ зажегъ лампу, далъ мнѣ въ руки, одинъ конецъ шнурка положилъ предо мною, а другой соединилъ съ пороховою тропинкой.

— За третьимъ пушечнымъ выстрѣломъ на »Ляхѣ«, когда я свисну, зажжешь вотъ этотъ шнурокъ. Понимаешь, понимаете панъ Бехъ?

— Понимаю, зажгу и улечу въ воздухъ.

— А послѣ? — кошевой улыбнулся.

— Полечу-ли на небо, пойду-ли на землю, все-таки останусь шляхтичемъ и ляхомъ.

— Хорошо! Прощай! Смотри-же: проворно и смѣло!

— Какъ Бехъ!

---

[1]) стежки; [2]) рація.

Кошевой поцѣловалъ меня въ лобъ и ухо, поднялъ трапъ [1]) на палубу: кусокъ темнаг черпаго неба смотрѣлъ на меня сверху.

Я не боялся. Со мною заговорили какъ с шляхтичемъ, и шляхетская натура не могла н сказаться. Странное дѣло: предсказаніе цыган пришло мнѣ въ голову — и хоть ляхъ и шлях тичъ, но въ ту минуту я повѣрилъ бреднян старухи. — Буду летать по воздуху, на солнц не залечу, а пойду на землю — вспоминалъ про себя и былъ спокоенъ.

Но кошевой — о Боже, какъ былъ он прекрасенъ въ минуту прощанья со мною! И п сей день стоитъ онъ предъ моими глазами, — стоитъ тихій, спокойный, какъ ангелъ небесный Никогда не забуду я этого благороднаго, святаго лица, этой благородной осанки... Какъ было думать объ опасности, о смерти, когда дано честное слово, слово шляхтича! Я держалъ въ рукѣ лампу, какъ саблю, вотъ-вотъ готовый броситься въ свалку, въ битву, на вѣрную смерть. Да — а чѣмъ-же это была не битва, не вѣрная смерть?

Хоть и молокососъ, съ чуть-чуть пробивающимся пушкомъ на верхней губѣ, я все-таки смекалъ [2]), что кошевой хочетъ вывести грековъ на чистую воду. Онъ зналъ еще прежде, что англичане народъ продувнóй [3]), что по ихнему, а не чьему либо-другому совѣту, греки воюютъ брандерами. Брандеръ—это зажигательная лодка, съ мачтами, цѣликомъ нафашированная сѣрой,

---

[1]) лѣстницу, драбину; [2]) догадывался; [3]) хитрый, проворный.

селитрой, фосфоромъ, всякими вообще зажигательными ингредіенціями, съ достаточною примѣсью пороха. На такимъ-то манеромъ устроеннаго дракона[1]) или змѣю — иначе брандеры у грековъ не называются — садится четверо или пять гяуровъ: за охотниками дѣло не станетъ— смотрѣть въ глаза смерти для всякаго грека лучшее развлеченіе въ жизни. Вотъ и плывутъ эти драконы и огненные змѣи передъ флотомъ, какъ конница передъ пѣхотой, а какъ увидятъ непріятеля, сейчасъ направляются на вражьи корабли, распускаютъ паруса, мчатся съ вѣтромъ, — потому противъ вѣтра брандеръ идти не можетъ, — и зажигаютъ свою собственную лодку. Брандеръ мчится впередъ, греки преспокойно правятъ его на вражій корабль, а подошли близко и зажгли — сейчасъ-же на маленькія лодочки, привязанныя къ брандеру, и »драла« опять къ своему флоту. Флотъ, между тѣмъ, подходитъ, завязывается свалка[2]), гяуры начинаютъ тушить огонь вражескою кровью, и чѣмъ больше ея прольется, тѣмъ скорѣе потухнетъ пожаръ. Дьявольская это штука! Только черти да греки ходятъ въ такую свалку: первые изъ ненависти къ Богу, вторые за отечество и любовь къ тому же самому Богу.

Кошевой узналъ черезъ перебѣжчиковъ, что именно такая штука затѣяна противъ мусульманъ, если они останутся въ гавани. Вотъ почему онъ вывелъ флотъ въ открытое море, разставилъ его въ линію, фронтомъ, и закрылъ га-

[1]) смока; [2]) бой, рѣзня.

вань. Вывѣсивъ на корабляхъ фонари, онъ ука-
залъ грекамъ и цѣль, заставилъ ихъ разбиться н
части и, на самый худшій конецъ, передѣлал
одну огромную свалку въ цѣлую сотню малых
На всѣхъ корабляхъ велѣлъ пушки направить н
море, палить по брандерамъ, когда появятся
а если не удастся потопить ихъ въ морѣ, т
уходить во всѣ лопатки къ берегу, чтобы н
дать грекамъ изъ султанскаго флота ни щепки

Такъ распорядился кошевой — и тепер
ждалъ онъ, ждалъ и я. Онъ видѣлъ, что там
дѣлается сверху, что нужно дѣлать; я был
внутри и видѣлъ только свою лампу, да клочек
чернаго неба. Шляхтичъ на шляхтича положиться
можетъ, ляхъ можетъ довѣриться ляху. Я Бехъ,
герба Янушъ, такой же шляхтичъ и ляхъ, какъ
и панъ кошевой.

Одинъ за другимъ послышались пушечные
выстрѣлы на другихъ корабляхъ, но на »Ляхѣ«
не было еще ни одного. Все было тихо и, казалось, я слышалъ, как билось сердце у молодцовъ на скамьяхъ и при пушкахъ; а можетъ, это былъ стукъ и замираніе моего сердца — не знаю. Я поправился, молитва налетѣла на уста, но не успѣлъ я сказать: »Архангелъ Михаилъ! дай мнѣ умереть по шляхетски, по беховски«,— какъ раздался выстрѣлъ на нашемъ коряблѣ: одинъ, другой, наконецъ и... третій. Паруса зашумѣли; корабль, казалось, мчался во всѣ снасти. Я услышалъ свистъ атамана. — Гуляй бабуся!

Приложилъ я лампу къ шнуру, спряталъ голову между ковровъ. Грохнуло, заклокотало... Я не слышалъ, умеръ...

Раскрывъ глаза, я увидѣлъ, что лежу въ страшной темнотѣ, въ какомъ-то подземельѣ. Пещера не пещера, адъ не адъ: мнѣ стало страшно. Я началъ кричать: гдѣ кошевой, гдѣ атаманъ, Морозъ?... Ни слова... Мнѣ все-таки казалось, я даже былъ увѣренъ, что живу еще на землѣ, между людьми: подо мной была мягкая постель, чьи-то руки смачивали мнѣ виски, къ носу подносили уксусъ[1]), въ ротъ вливали вино; но кругомъ ни слова, ни малѣйшаго звука человѣческой рѣчи...

Не помню, сколько времени пролежалъ я такимъ образомъ, но, проснувшись во второй разъ, я уже ясно видѣлъ, что лежу въ какой-то пещерѣ, на мягкомъ шерстяномъ тюфякѣ[2]). Кругомъ меня ходили однѣ только женщины, старыя и молодыя. Изъ нѣсколькихъ словъ я узналъ, что это были гречанки: по-гречески еще въ школѣ я зналъ словъ съ сотню, да на морѣ не разъ приходилось слышать матросскія пѣсни гяуровъ. Ходили за мной эти женщины, какъ за роднымъ; берегли лучше другихъ матерей и сестеръ. А всѣ такія красавицы, особенно молодыя: отдай все — будетъ мало. Впрочемъ, красота больше на одинъ ладъ, хотя о каждой не грѣхъ было сказать: взглянетъ — рублемъ подаритъ!

Когда я сталъ подыматься на ноги, меня одѣли по женски, — въ широкіе шаровары и кацавайку, называвшуюся »санта Марка« отъ имени славнаго Марка Боцариса. Знаками и

[1]) оцетъ; [2]) матерацѣ.

словами приказали притворяться нѣмымъ, пот
что въ противномъ случаѣ жизнь моя могла п
вергнуться опасности; показали, какъ кланя
мущинамъ, какъ имъ прислуживать, какъ
литься, — танцовать даже научили. Боже м
чего не сможетъ человѣкъ въ молодые го
чему онъ не выучится, особенно когда женщ
придется быть его учителемъ!

Когда я сталъ выходить на Божій свѣ
то узналъ, что нахожусь на Хіосѣ. Узналъ,
нашли меня на берегу въ водѣ, въ желѣзно
сундукѣ, что перетащили оттуда вмѣстѣ съ ни
въ пещеру, въ которой скрывались греки. Узна
что нѣсколько только кораблей изъ султанска
флота сгорѣло въ ту славную ночь, прочіе
остались цѣлы и невредимы: взрывъ »Лих
такъ испортилъ замыслы грековъ, такъ ихъ н
пугалъ, что не прошло и нѣсколькихъ часов
какъ о греческомъ флотѣ подъ Хіосомъ не бы
и помину. Узналъ наконецъ и то, что Хуршидъ
паша, разсерженный нечаяннымъ нападеніем
предалъ островъ огню и разграбленію: флот
греческій ушелъ, — жилки и поджилки, по сло
вамъ Хуршида, были передавлены, можно, зна-
читъ, было позаботиться объ уничтоженіи само
руки. Всѣ мущины, старики даже, были пере-
биты, перерѣзаны; старухи тоже, — одни лиш
дѣвушки остались въ живыхъ. Города, села, де-
девни — все это было сожжено до тла, срав-
нено съ землей. То только осталось въ живыхъ,
что̀ попряталось въ пещеры, или на лодкахъ
умчалось въ море: въ пещеры турки не засма-
тривали, чтобы не встрѣтиться съ чертемъ, а въ

море пускаться не осмѣливались: не ровенъ часъ, попадешься опять въ лапы грекамъ.

Будь кошевой, славный нашъ атаманъ, Морозъ кіевлянинъ, язычникомъ, татариномъ или индѣйцемъ, какъ-бы возрадовалась душа его великой тризнѣ! Болѣе десяти тысячъ Божьяго народа было перерѣзано, переколото, сожжено, въ отмщеніе за смерть атамана.

— »Это месть — гремѣлъ приказъ Капудань-паши — это месть за смерть Мороза, за славнаго нашего Мороза кошеваго, великаго вождя христіанъ, вѣрнаго слуги падишаха, великаго защитника мусульманъ. Гдѣ его кости, гдѣ его мощное, храброе тѣло? Ихъ нѣтъ: такъ пусть клюютъ тѣла поганыхъ гяуровъ небесныя птицы, пусть ищутъ они вѣчнаго отдыха въ утробахъ морскихъ рыбъ, въ утробахъ дикихъ звѣрей; пусть вода моетъ, да вѣтеръ и солнце сушатъ ихъ кости! Такова моя воля, воля Капудана-паши!«

Молодцы-же козаки были увѣрены, что кошевой улетѣлъ на небо, въ объятія бѣлаго ангела, и что самъ небесный гетманъ съ двумя ляхами атаманами готовъ вступить теперь въ свалку со всѣми чертями ада и выйти побѣдителемъ.

Турки сейчасъ-же оставили островъ: нечего на немъ было дѣлать. На землѣ валялись непогребенныя тѣла убитыхъ, а на морѣ гуляли всѣ тѣ-же Канарисъ и Боцарисъ, готовые явиться каждую минуту опять въ гости. Мороза атамана уже не было, некому было защищать, — а потому приходилось удирать во свояси.

Когда я прогуливался по острову, война уже была кончена: битва подъ Наварином запечатала эту страшную драку. Соединенные флоты доказали свою дружбу къ султану: греки получили свободу и независимость, а турки, потерявъ флотъ, пѣшкомъ возвращались въ *Порту*. Капуданъ-же паша получилъ въ награду чинъ великаго везиря.

Паликары и клефты возвращались домой. Всѣ горѣли ужасной ненавистью противъ *турокъ*, особенно козаковъ и враговъ христіанъ: готовы были изорвать ихъ въ куски, проглотить всѣхъ живьемъ. У грека нѣтъ милости. Храбрый, отважный, настоящій левъ въ бою, — въ мирное время становится онъ гіенной, зміей: не прощаетъ, не приголубливаетъ врага, подобно славянину. Свою обиду простить еще можетъ, но обиду милой Греціи, обиду своей дорогой ро́дины — ни за что́. Не таковы гречанки. Въ бою за отчизну, въ гнѣвѣ, готовы и онѣ поразить всякаго мечемъ, готовы вытянуть у врага послѣднюю жилку, но наступитъ миръ — нѣтъ конца ласкамъ, нѣтъ конца любви въ сердцѣ молодой гречанки. Да иначе и быть не можетъ: сердце женщины перемѣнчиво, какъ полетъ бабочки[1]), и не будь этой измѣнчивости, не было-бы и женщины.

Вотъ почему гречанки взяли меня подъ свое покровительство и ходили за мной, что́ добрыя сестры! Хорошо мнѣ жилось подъ ихъ ласками, подъ ихъ нѣжной опекой! Жизнь моя текла спокойно и счастливо: старухи заступали

---

[1]) мотыля.

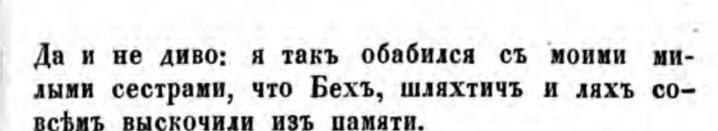
мѣсто матери, молодыя гречанки стали сестрами, — словомъ, жилъ я припѣваючи. Клефты и паликары не видѣли въ этомъ ничего особеннаго: Богъ обошелъ меня человѣческою рѣчью, а на Востокѣ подобный недостакокъ вызываетъ сожалѣніе и уходъ, потому что въ глазахъ восточнаго жителя онъ является не недостаткомъ, а испытаніемъ отъ Божьей воли. Калѣка тамъ въ нѣкоторомъ родѣ Божій избранникъ; въ чемъ отказала ему природа, то стараются вознаградить люди утѣшеніемъ и уходомъ, считая такого рода поступокъ угоднѣйшимъ дѣломъ предъ Господомъ.

Жаль мнѣ было удалыхъ козаковъ, жаль славнаго атамана, грустно было за Украйной; но столько добрыхъ сестеръ, столько нѣжныхъ матерей разгоняли скуку! Мнѣ все-таки чего-то не доставало, но чего именно — этого самъ я не зналъ. Я любилъ всѣхъ, но въ особенности не любилъ ни одной: всѣ были сестрами — ни одна возлюбленной. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Самъ я не съумѣлъ-бы предпочесть одну другой: всѣ были такія хорошія, такія добрыя и ни одна изъ нихъ не захотѣла-бы тоже уступить меня другой. Эти странныя и чудныя отношенія существовали между нами, когда клефты и паликары стали все больше и больше возвращаться на Хіосъ, подъ родимые кровы. Одному изъ такихъ возвращенцевъ, товарищу храбраго Боцариса, красивому, пригожему, богатому славой и достаткомъ, пришла вдругъ странная охота жениться непремѣнно на мнѣ. — »Нѣмая жена — думалось этому молодцу—

настоящій даръ Божій, настоящая находка. Нескоро, небось, набредешь на такой кладъ, — надо, значитъ, пользоваться случаемъ.« Почему именно разсуждалъ такимъ образомъ паликаръ — сказать точно не могу: оказывая предпочтеніе нѣмой, онъ хотѣлъ, должно быть, по обычаямъ Востока, принести угодную жертву Богу за кровь, пролитую на войнѣ.

У насъ на Украйнѣ обыкновенно такъ водится, что, прежде чѣмъ наступитъ день заручинъ и свадьбы, паробокъ успѣетъ уже сойтись порядочно съ дѣвчиной, успѣетъ ее разузнать, по крайней мѣрѣ хорошенько познакомится. Не такъ у грековъ. Живя долгое время подъ ярмомъ мусульманъ, они переняли ихъ нравы и стали прятать женщинъ по домамъ, какъ турки въ гаремахъ. Стали жениться на угадъ; попалъ хорошо, не попалъ не великая бѣда: жена всегда во власти мужа. Правда, теперь греки сбросили уже турецкое ярмо и были независимы; но привычка — вторая натура. Гяуры не могли перейти сразу отъ неуваженія и рабства женщины къ полному признанію ея правъ и достоинствъ.

Мавросъ — такъ назывался этотъ грекъ — не любилъ встрѣчать препятствій въ своихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ. Чего хотѣлъ — то и должно было быть, а станетъ кто поперекъ — пырнетъ ножемъ, братъ ты ему, или сватъ. Мои сестры все это знали — не первый, небось, годъ вели знакомство съ Мавросомъ — и никакъ не могли взять въ толкъ, чтó тутъ подѣлать. У меня самого заходилъ умъ за разумъ, хотя, признаться, ничего путнаго не залѣзало въ голову.

Да и не диво: я такъ обабился съ моими милыми сестрами, что Бехъ, шляхтичъ и ляхъ совсѣмъ выскочили изъ памяти.

Разъ ночью я раздумывалъ, что̀ въ самомъ дѣлѣ тутъ сдѣлать; рѣшилъ было пойти по слѣдамъ атамана Мороза — вогнать поганаго грека въ землю, какъ тотъ выпустилъ »Ляха« въ воздухъ: гуляй бабуся! — и собирался было уже соснуть, чтобы запастись духомъ и силами, какъ вдругъ предо мной предстала одна изъ моихъ сестеръ, по имени Ирина.

Молодая, лѣтъ двадцати, глаза черные, волоса, что воронье крыло — такъ вотъ становись на колѣни, будь ея рабомъ и молись, какъ предъ Богомъ, а она тебѣ скажетъ: »любить умѣю, но господствовать еще лучше. Владѣй мною — но слушайся меня! Помни: люблю пока приказываю, а больше ни-ни!« — Вотъ что̀ могъ прочесть всякій въ малѣйшемъ движеніи ея благороднаго лица, въ ея гордой осанкѣ.

Ирина была одѣта по-дорожнему: за поясомъ два пистолета и кинжалъ. То же самое принесла и мнѣ.

— Уйдемъ, пока время. Мавросъ проснется и тебѣ не сдобровать. Черное у него лицо, но душа еще чернѣе. Уйдемъ!

Я всталъ и отправился за ней, какъ ходилъ прежде за атаманомъ. Черезъ скалы и пропасти, мы пришли къ берегу. Тутъ стояла маленькая лодочка. Ирина приказала мнѣ надѣть платье паликара, которое лежало въ лодкѣ, а свою прежнюю одежду бросить на скалѣ. Я сѣлъ въ лодку, дѣлалъ все, что̀ она приказывала, и —

странная вещь! — мнѣ не пришло даже въ го-
лову противурѣчить, показать свою собственную
волю. Она — эта женщина — сразу обратила
меня въ раба, закрѣпостила меня на-вѣки. Я
забылъ, что я Бехъ, ляхъ и шляхтичъ, — и сталъ
покоренъ, какъ агнецъ.

Весломъ она оттолкнула лодку отъ берега,
распустила парусъ: все это сдѣлала сама, не
давъ шевельнуть мнѣ и пальцемъ.

— Не надо! Съумѣемъ и сáми, — говорила
Ирина — не одинъ брандеръ подпустили мы съ
Бобелиной проклятой татарвѣ, да съ паликарами
ятаганомъ подметали скамьи, чтобы живьемъ не
сгорѣли бѣдняжки. Такъ-то! Нечего, значитъ,
бояться тебѣ, моя ты дѣвочка! Мы съумѣемъ и
сами!

Лодка, какъ бѣшенная, помчалась впередъ.
Ирина сидѣла на кормѣ, пѣла пѣсни. Вѣтеръ
развѣвалъ ея черныя кудри, луна смотрѣла прямо
въ лицо, — и ея блѣдный, матовый свѣтъ ка-
зался еще блѣднѣе и матовѣе при свѣтѣ очей
Ирины. Они вспыхивали и мерцали, горѣли и
жгли. Я въ первый разъ въ жизни почувство-
валъ всю силу женскаго взгляда — онъ прони-
зывалъ, проходилъ меня на-сквозь. Я дѣлалъ
усилія, чтобы не пасть на колѣни, не заплакать.
Ирина поняла все это и засмѣялась.

— Гдѣ ты, гдѣ ты, дѣва нѣмая? Маврос
станетъ плакать, Мавросъ станетъ искать. Нѣт
дѣвы: бѣдняжка, утонула въ морѣ, оставил
одежку... нѣмую, какъ и самая дѣва. Вотъ
пойдетъ Мавросъ въ море, пойдетъ туда, откуд
вышелъ, какъ и всѣ паликары. Ахъ! вѣдь ты

моя дѣва, не знаешь еще, что всѣ паликары родились изъ морской пѣны, какъ сама богиня любви. Да, изъ пѣны, непремѣнно изъ пѣны!..

Такъ смѣялась, шутила Ирина. Я сталъ смѣлѣе, началъ разсказывать ей о нашей странѣ, нашей хорошей, дорогой Украйнѣ, дѣвчатахъ-галчатахъ, и о чемъ только я ей не разсказывалъ! Говорилъ, наконецъ, что для двухъ влюбленныхъ, кромѣ любви, ничего въ мірѣ не нужно...

— О непремѣнно! — засмѣялась Ирина.— Хоть-бы и я съ тобою, моя ты дѣвица: на водѣ жить, воду пить; воздухъ глотать, другъ-дружку цѣловать. Хорошо, неправда-ли?

Я говорилъ, конечно, да,—а она, покачавъ головой, отвѣчала:

— Эхъ козакъ, козакъ! Будь я такая, какъ ты думаешь, намъ оставалось бы только броситься въ море и тамъ на днѣ искать счастья и... и всего хорошаго. Но я не такая!

Тутъ начала Ирина говорить, какъ она, она первая, замѣтила меня на берегу въ желѣзномъ сундукѣ, какъ нашла возлѣ меня цѣлыхъ два мѣшка золота, какъ ихъ спрятала въ скалѣ, какъ, наконецъ, ходила за мной, когда я лежалъ въ безпамятствѣ...

— Вотъ золото, — прибавила Ирина, указывая на мѣшки. — Возьми, оно твое! Дѣлай, что хочешь. Я завезу тебя въ безопасное мѣсто, а тамъ съ Богомъ!

Я не могъ сдерживать себя больше, упалъ на колѣни, склонился къ ея ногамъ.

— Возьми сама! Золото твое и я твой!

Въ глазахъ ея блеснулъ огонь.

— Ты меня любишь?!

— Люблю, люблю безъ ума, люблю какъ Бога! — Я жалъ ея руки, цѣловалъ ея ноги. Я любилъ ее и она меня любила, любила, какъ гречанка, которой можно и нужно вѣрить, какъ самому себѣ, какъ Богу.

Вѣтеръ дулъ попутный, лодка мчалась съ быстротою стрѣлы по гладкой поверхности моря; само небо благословляло нашъ путь. Къ вечеру мы пристали къ берегамъ Тиноса, откуда была родомъ моя Ирина. Старый отецъ, мать, братья и сестры гурьбой вышли намъ на-встрѣчу. Всѣ обнимали, всѣ цѣловали мою Ирину, героиню, подругу Бобелины. Сбѣжался весь околодокъ — настоящій былъ праздникъ! Всякій лѣзъ изъ кожи, чтобы угодить Иринѣ. Меня представляли всѣмъ, какъ ея плѣнника, но плѣнника, ставшаго уже товарищемъ по оружію, сегодня жениха, а завтра мужа. Такъ оно и было. На слѣдующій день мы повѣнчались, потомъ съиграли свадьбу, потомъ стали — я мужемъ, она женой. О! какъ мы блаженствовали! Мы любили другъ друга, любили весь міръ. Шесть лѣтъ прошло, какъ одинъ день, одна минута, — и не будь четверо дѣтей, мнѣ казалось-бы, что Ирина только вчера стала моей.

Но... если въ жизни есть счастіе и отрада, то за то есть также и горе и слезы; если свѣтитъ намъ съ неба день ясный и веселый, то есть также и темная, хмурая ночь!

На островѣ свирѣпствовала моровая язва. Я думалъ: »обойдетъ она мирный нашъ кровъ, пожалѣетъ она нашего счастья. Развѣ мало на

землѣ жертвъ нищеты, горя, тоски, отчаянья, обманутаго самолюбія, тщеславія, развѣ не жаждутъ всѣ эти жертвы смерти, какъ манны небесной? Да, и у моровой язвы должно же быть милосердіе. Она возьметъ всѣхъ этихъ страдальцевъ, а насъ, довольныхъ жизнью, оставитъ въ покоѣ. Намъ такъ не хочется разставаться съ нашимъ счастьемъ, намъ такъ сладко на Божьей землѣ!«

Нѣтъ! Судьбѣ иначе было угодно. Страшная немилосердная язва молніей поразила нашъ мирный, счастливый очагъ. Въ одну недѣлю умерло четверо дѣтей, одно за другимъ, а за ними пошла бѣдная мать... У меня не было уже моей Ирины... Я остался одинъ; съ ней похоронилъ я все... все, что́ было мнѣ дорого въ мірѣ — и я не могъ умереть!

Я былъ вдовцомъ, сиротой... и все-таки жилъ. Изъ юноши въ нѣсколько недѣль я превратился въ старика съ разбитымъ сердцемъ, съ сѣдинами на головѣ. Я искалъ смерти, бросался въ объятія чумѣ, но она уходила отъ меня какъ бѣшенная, и я жилъ, жилъ... Наконецъ ушла и язва съ острова. Рай счастья и отрады сталъ для меня адомъ мученій, терзаній — я бѣжалъ съ острова. Я отправился съ странниками на Аѳонъ, чтобы тамъ постричься въ монахи.

V.

Аѳонъ — »агіонъ оросъ« (святая гора) у грековъ—лежитъ на берегу Македоніи и пред-

ставляетъ не что иное, какъ монашескую респуб-
лику и государство исключительно мужескаго
пола. На шестьдесятъ верстъ кругомъ запрещенъ
доступъ женщинамъ: не встрѣтишь тамъ ни клячи,
ни коровы, ни собаки, ни кошки, ни курицы, ни
утки—одни лишь самцы изъ звѣрей, домашнихъ
птицъ и дичи имѣютъ право жить и обитать въ
этомъ предѣлѣ. Монахи-охотники перебили всѣхъ
самокъ: пусть ихъ не мѣшаютъ самцамъ пребы-
вать въ одиночествѣ, размышлять и самоуглуб-
ляться,—словомъ нести, подобно людямъ, обѣтъ
безбрачія. Сама природа на Аѳонѣ обрекла себя
тоже монашеству. Высокія горы, дремучіе лѣса,
долины, ущелья, горные ключи—все это молча-
ливо, тихо и сумрачно; одни только морскія
волны не подчиняются общему порядку и, съ
шумомъ разбиваясь о прибрежныя скалы, громко
заявляютъ о своей свободѣ.

Двадцать четыре монастыря различныхъ на-
родовъ, исповѣдующихъ православіе, возвышаются
на полуостровѣ: св. Николая у русскихъ, Хи-
ландръ св. Саввы у сербовъ, Зограѳосъ св.
Симеона у болгаръ, св. Михаила архистратига
у козаковъ. Я пришелъ въ этотъ послѣдній и
записался на три года въ послушники. Три года
приходилось умерщвлять тѣло тяжкимъ трудомъ,
прежде чѣмъ можно было стать монахомъ; три
года долженъ былъ я нести покаяніе, прежде
чѣмъ могъ приступить къ молитвѣ и самосозер-
цанію. Правда, тяжкихъ грѣховъ за собой я
не чувствовалъ — недосугъ было грѣшить сло-
вомъ или дѣломъ; правда, что не только бернар-
динъ изъ Чуднова призналъ-бы во мнѣ невин-

лаго агнца, или босоногій кармелитъ бердичевскій безгрѣшницу-монахиню, но и самъ отецъ Базильянъ далъ-бы по совѣсти чистый паспортъ на небо; — но горе, печаль, смерть моей дорогой Ирины такъ меня измучили, такъ сбили меня съ »панталыку«, что я сталъ себя считать отчаяннымъ грѣшникомъ и отъ души радовался тяжелому покаянію.

Съ самого восхода солнца до поздняго вечера я работалъ, какъ въ сохѣ, безъ отдыха и устали, — работалъ въ молчаніи и смиреніи. Въ теченіи цѣлаго года никто не услышалъ отъ меня ни слова, никто со мной не заговорилъ: обѣтъ молчанія я наложилъ на себя добровольно, за прежнее притворство и хитрость.

Въ нашемъ монастырѣ жили одни только малороссы, и хоть въ монастырѣ, но жили по своему. Ѣли по бурлацки, пили по козацки; разсказамъ не было конца, пѣснямъ — перерыва; но все дѣлалось какъ слѣдуетъ, по правиламъ монашества: ѣда, питье и пѣсни не баба — значитъ грѣха не было.

Я прятался, уходилъ отъ нихъ, уходилъ отъ всего этого шума. Жена и дѣти стояли всегда предъ глазами. Во снѣ ли, на яву ли, я постоянно видѣлъ одно: смерть моихъ малютокъ, смерть моей дорогой Ирины. Я сталъ похожъ на мертвеца: мнѣ не было и тридцати лѣтъ, а я смотрѣлъ уже семидесятилѣтнимъ старикомъ. Ломоть черстваго хлѣба, кусокъ соленой рыбы, глотокъ ключевой воды на закуску — вотъ все чѣмъ я питался. — Такъ выйдетъ скорѣй душа изъ тѣла — думалъ я часто, а дѣти, мои дѣти,

не выходили изъ головы. Старшему пошелъ уже пятый годъ — оно уже прыгало, среднее уже говорило, а послѣднее только-что начинало жить. Боже мой! Всѣ они были такіе красавцы, такіе славные, проворные, моторные. Глазъ не могъ насмотрѣться, душа налюбоваться. То-то здоровую дѣтвору принесла мнѣ мать паликарка, то-то здоровый родъ пошелъ-бы отъ паликарки и шляхтича на славу людямъ, на честь и радость Украйнѣ! Но Богъ далъ — Богъ и взялъ. Вотъ какими мыслями жилъ я на Аѳонѣ! Работая, я глоталъ слезы, подчасъ ревѣлъ даже, какъ ребёнокъ, — но душа, должно быть, была у меня съ рогами: какъ ни гналъ я ее изъ тѣла — она упиралась и не выходила. Я не хотѣлъ жить, — но все-таки жилъ.

Я ночевалъ не въ монастырѣ, а въ какомъ-то ущельи. Мнѣ все думалось, что вотъ-вотъ ночью прійдетъ ко мнѣ моя Ирина, что добрый духъ ея, не встрѣтивъ никакихъ преградъ, ни стѣны, ни воротъ, явится ко мнѣ прямо съ облаковъ, окруженный небеснымъ свѣтомъ... Боже мой! Я смотрѣлъ до устали, до безпамятства — и ничего не видѣлъ... духъ Ирины ко мнѣ не приходилъ.

Умирая, добрая моя паликарка дала мнѣ кожаный поясъ съ просьбой носить его постоянно на тѣлѣ и не засматривать, что̀ въ немъ такое, не засматривать до тѣхъ поръ, пока не буду на Украйнѣ... между своими. Тогда я ничего не слушалъ, ничего не понималъ, я думалъ одно: «Нѣтъ, не пущу я ее отъ себя, никто не вырветъ ее у меня, — развѣ возьметъ и меня

вмѣстѣ съ нею«... Теперь... теперь я долженъ былъ надѣть поясъ — того хотѣла *она*. Онъ былъ для меня воспоминаніемъ; я прижималъ его къ тѣлу, но чтó въ немъ было — не засматривалъ. Я жилъ съ нимъ, какъ жилъ нѣкогда съ моей Ириной...

Такъ прошелъ одинъ годъ и такъ начался второй, когда стали мало-по-малу приходить на Аѳонъ козаки. Ухо мое разслушало, что всѣ они принадлежали прежде къ запорожскому кошу, но заговаривать съ ними я не хотѣлъ, и они, въ свою очередь, меня не трогали. Каждый былъ при своемъ: я свято хранилъ свой обѣтъ, они свято уважали чужую рѣшимость. Но всему есть конецъ,— самому міру прійдетъ онъ когданибудь тоже,— одинъ только Богъ безконеченъ. Жизнь моя одеревенѣла: духъ палъ, тѣло осунулось и ослабѣло. Я находился въ такомъ положеніи, что горе и слезы были единственнымъ средствомъ, поддерживавшимъ усталыя силы.

Въ монастырѣ замѣтили, что я занемогъ. Малороссы народъ добрый и сердобольный; меня сейчасъ-же уложили и стали ухаживать. Всѣмъ казалось, что вотъ уже насталъ мой конецъ. Нѣкоторые были даже увѣрены, что послѣ смерти я сдѣлаюсь навѣрно преподобнымъ и, чего добраго — попаду даже въ ликъ высшихъ угодниковъ Божьихъ: »не даромъ-же такое тяжелое испытаніе выпало на его долю въ жизни«—разсуждали они. Но я не умеръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ я только встать на ноги, дышать свѣжимъ воздухомъ, смотрѣть на Божій міръ. Первымъ движеніемъ было взяться за поясъ, —

но, — о Боже! — его не было. Страшный, непонятный крикъ вырвался изъ моей груди.

Старецъ, бывшій при мнѣ, понялъ, въ чемъ дѣло, всталъ въ молчаніи съ мѣста и подалъ мнѣ поясъ. Я схватилъ его, сталъ цѣловать и... расплакался, какъ ребенокъ.

Старецъ — онъ зналъ уже, что́ такое было въ поясѣ — разсказывалъ мнѣ послѣ, что мое поведеніе очень ему не понравилось, что, глядя тогда на меня, онъ подумалъ: порядочный же должно быть я подлецъ, коли имѣю такую привязаность къ мамонѣ. Но тогда онъ не сказалъ н слова. Быть можетъ, чувствуя ко мнѣ сожалѣні — сожалѣніе у людей является вѣдь къ самом послѣднему мошеннику, — или подстрекаемы любопытствомъ, этой прекрасной и полезн склонностью человѣческаго рода, онъ сталъ мной разговаривать, распрашивать, словомъ г ворить то о томъ, то о семъ. Капля за капл падая на камень, дѣлаетъ въ немъ углубле пробиваетъ его даже на-сквозь, — какъ же по этого не расшевелить словами души, какъ раскрыть сердца? Я заговорилъ и разговори до того, что разсказалъ старцу всю свою жи отъ начала до конца, какъ на исповѣди, утайки, будто отдавалъ отчетъ предъ сам Богомъ въ день страшнаго суда.

Я говорилъ, онъ слушалъ, по временамъ у бался, по временамъ поддакивалъ: по лицу м было видѣть, что онъ вспоминаетъ что-то. — Т такъ, продолжай, говори, такъ...

Я дошелъ до Мороза, началъ о немъ сказывать — и у старика засверкали глаза; к

же разсказалъ, какъ взлетѣлъ въ воздухъ »Ляхъ« — старикъ мой заплакалъ и я заплакалъ тоже, будто сговорились. Оба стали мы молиться за атамана, лучше сказать, къ атаману, оба стали просить его объ охранѣ, защитѣ и покровительствѣ козачеству.

Я досказалъ до конца,—старикъ меня обнялъ и поцѣловалъ.

— Дитя мое! Правда все это, правда. отлично помню тебя. Мы не были еще знакомы съ тобою, когда умиралъ Ляхъ. Послѣ е смерти Морозъ выбранъ былъ кошевымъ, я-ж Василій Черкасскій, былъ тогда войсковымъ п саремъ и, за отъѣздомъ атамана, сталъ его н мѣстникомъ въ Сѣчи...

Меня взяло любопытство. Правда, въ С былъ я такъ недолго, видѣлъ Ляха, козачест майданъ мелькомъ, будто во снѣ, — но все такъ врѣзалось въ мою память, что казал вчера только я оставилъ молодцовъ и ихъ лодецкую степь. Я просилъ писаря разсказ мнѣ все — и онъ исполнилъ мое желаніе.

VI.

Вотъ что́ разсказалъ мнѣ писарь:

Вскорѣ послѣ твоего отъѣзда, пришел Сѣчь нищій въ полномъ цвѣтѣ силъ, далек старикъ и калѣка. Была это еще одна ж изъ безчисленнаго количества жертвъ пан звѣрства и холопской неволи. Избитый, ченный, потерявъ жену, дѣтей, убогую

убогіе достатки, онъ шелъ теперь по міру просить милостыню, шелъ пѣть Украйнѣ про руину и пожежу, шелъ будить ее на погибель панамъ-ляхамъ и жидамъ-нехристамъ. Волоса становились дыбомъ, морозъ подиралъ по кожѣ отъ разсказовъ нищаго про ужасы и звѣрство пановъ, готовившихъ холопство къ принятію »золотой грамоты«, въ силу которой всѣмъ объявлялась вольность, но такая вольность, чтобы панамъ съ іезуитами и жидами опять вольготно было взять въ лапы народъ Божій, по старому, по былому, по настоящему. Пѣлъ нищій про »коліивщину«, просилъ молодцовъ прійти на помощь, а откажутъ — Бѣлый царь тогда одно прибѣжище, одна охрана: онъ не дастъ насъ въ обиду, онъ сотретъ съ земли шляхту и чортово племя. Рогаткой и батогами готовитъ шляхта холопство къ принятію »золотой грамоты«, а сама между тѣмъ затѣваетъ бунтъ и возстаніе противъ Бѣлаго царя. Жиды взяли въ аренду народъ Божій—и дѣлаютъ все лихое, чтобы остаться только на мѣстѣ, быть владѣльцами и хозяевами въ краѣ. Какъ-же послѣ всего этого не пѣть погибель ляхамъ, жидамъ и іезуитамъ!

— Продамъ боръ и руду и заиграю іезуитамъ въ дуду, заиграю ляхамъ всѣ пѣсни Хмельниченка, Выговскаго, Дорошенка, Гонты и Желѣзняка — вотъ что́ запѣлъ со словъ нищаго каждый козакъ въ Сѣчи. Ляхъ и султанъ не братья, бить-колотить ляха можно! — кричалъ всякій въ Сѣчи, и я крикамъ этимъ не противился: пусть они забавляются; лучше-же все-таки что-нибудь да дѣлать, чѣмъ сидѣть сложа руки.

Нищій записался въ козаки и въ твоемъ товарищѣ узналъ своего родного-роднёшенькаго сына. Чтó-жъ? Сынъ такъ сынъ, а такъ какъ твой товарищъ по имени и тѣлу былъ гладкій, — то и отца прозвали также Гладкимъ. Борщемъ, кашей и саломъ пришлецъ скоро такъ поправился, такъ разъѣлся и разтолстѣлъ, что въ отличіе отъ сына получилъ названіе кабана — отчего у насъ стало двое Гладкихъ: одинъ »кабанъ«, другой »поросенокъ«; оба они здоров ѣли, здорово пили и, само собою разумѣетс оба про ляховъ говорили ужасныя вещи: Коза чество льнуло къ обоимъ, какъ мухи къ мед и льнуло дóлжно быть потому, что не у одно чесалась еще спина послѣ нагайки пана Лях Жидъ — помнишь — преемникъ того, чтó п вѣсили за нѣсколько минутъ до смерти па Ляха, жилъ себѣ по-живу по-здорову—и водк подбавлялъ еще больше ненависти противъ л ховъ, изъ боязни, чтобы въ Сѣчь не заше какой-нибудь тамъ новый ляхъ въ родѣ Одн кишкаго.

Жидъ-нехристъ недáромъ носилъ вѣдь, (стія, лисью шапку — провѣдалъ носомъ въ че дѣло и взялъ обоихъ Гладкихъ подъ свою опе Давалъ деньги впередъ, водки, сколько хоче табаку — тоже; словомъ всего, чтó мило зацкому сердцу, а главное — давалъ все даромъ. Долгъ смазывалъ на стѣнѣ и на бум чтобы лучше такимъ манеромъ припрятать Г кихъ въ карманъ: пусть ихъ танцуютъ въ н манѣ, какъ вошь на арканѣ — говорилъ нев

Придетъ одинъ или другой Гладкій въ корчму — жидъ предъ ними распинается, скалитъ зубы, ходитъ на заднихъ лапахъ, какъ учёная собака. Нѣтъ Гладкихъ въ корчмѣ — жидъ поётъ имъ похвалы, говоритъ встрѣчному и поперечному: »ай вей, что то за розумъ, что-то за сила! Какое у нихъ хорошее сердце! Ай вей! оба козаки: одинъ бояринъ, другой бояренко—одинъ самъ Хмельницкій, другой Хмельниченко!« Словомъ, жидъ, что кротъ, рылъ подъ землею, рылъ безъ устали и отдыха, а старшина смотритъ и хоть бы ухомъ — ни-ни; да и какой прокъ изъ того, что старшина взъѣстся на нехриста? Раньше или позже, онъ все-таки возьметъ свое.

Вотъ что́ дѣялось у насъ въ Сѣчи, когда пришла вѣсть о смерти Мороза и его храбромъ дѣлѣ. Я приказалъ читать на майданѣ письмо Капудана и фирманъ падишаха о козацкихъ подвигахъ, о козацкой славѣ — наконецъ самый приказъ выбирать новаго атамана, какъ только молодцы возвратятся съ похода.

По старому обычаю письма въ Портѣ пишутъ медленно, а еще медленнѣе отправляютъ, — козакамъ же было къ спѣху не столько въ Сѣчь, сколько въ Раю: потому—въ людяхъ хорошо, а дома еще лучше. Вотъ приходитъ сегодня письмо и фирманъ а не дальше, какъ на третій день, являются и са́ми козаки. Дѣлать нечего, — я созвалъ всѣ тридцать девять куреней на майданъ къ сборнѣ.

Между тѣмъ еще наканунѣ подоспѣли тридцать девять воловъ не съ крымскою солью, а съ водкой изъ Молдавіи и съ медомъ изъ Ва-

лахіи. Козаки сейчасъ давай пробовать, и пока попъ возносилъ къ бѣлому ангему молитву, прося вдохновенія на удачный вы́боръ, бочки были уже пустёшеньки и козаки вдохновлены, но не святымъ ангеломъ, а поганымъ нехристомъ, который какъ разъ на бѣду носилъ имя Михалки. Послѣ службы я прочиталъ письмо и фирманъ— а козаки въ одинъ голосъ закричали:

— Гладкій-Кабанъ атаманомъ, Поросенокъ эсауломъ!

Шапки взлетѣли къ верху. Баста! Что́ сдѣлано, того не отдѣлаешь.

Молодцы нарѣзались и, наперекоръ уму, казацкой славѣ, выбрали себѣ шутя атамана.

То же было и въ Польшѣ, когда шляхта, подгулявши, выбирала себѣ въ короли Михаила и Станислава—себѣ и курамъ на смѣхъ. А они хотѣли еще воевать съ такими королями — молодцы! Богъ же и покаралъ ихъ за это: козачество и Польша погибли — шутили они сами съ собой, теперь шутятъ съ ними другіе.

Жидъ-проныра не забывалъ ничего. Сейчасъ же, куда слѣдовало, отправилъ »хапанца«: въ одну сторону дорогія сукна и матеріи, въ другую — лошадей и оружіе, въ третью — деньги своихъ дочерей даже, Сурку и Хайку, послалъ куда слѣдовало. У козаковъ не хватило времени опохмелиться, какъ летѣли уже съ различныхъ сторонъ гонцы за гонцами: отъ Джамиль-паши добруджскаго губернатора, отъ Джафаръ-паши начальника янычаръ на Дунаѣ, отъ владыки и игуменовъ, словомъ отъ всѣхъ, кто въ Турці

поважнѣе. Всѣ они поздравляли Гладкаго съ атаманствомъ и просили къ себѣ въ гости.

Гладкій не заставилъ ждать себя долго: отправился къ одному, потомъ къ другому, къ третьему. Вездѣ ѣлъ, пилъ, гулялъ — да и у себя дома принималъ гостей не Богъ знаетъ какъ: всегда выпивка и закуска, водки и балыка вдоволь. Словомъ Гладкій такъ разъѣлся, что между козаками выглядывалъ настоящей башней между домами. Ну ужъ и атаманъ: еле-еле ходитъ, а брюхо, брюхо! Мусульмане говорили: очень должно быть уменъ Гладкій — не мѣстится умъ въ головѣ, такъ и пошелъ въ чрево.

Поросенокъ бушевалъ и буянилъ въ Сѣчи, а жидъ Михалко заправлялъ кошемъ. Настала масляница и для нехриста. Предшественники его пановали на майданѣ въ воздухѣ, а онъ на землѣ. — Стою, дрожу, но не боюсь — говорилъ нехристъ — стою на обѣихъ ногахъ! Золото, серебро, всякіе достатки — словомъ все жидъ-невѣра прикарманивалъ и пряталъ подъ бебехи. Для Сѣчи наступило жидовское царство!

Михалко подговаривалъ козаковъ идти на заработки, идти разносить козацкую славу не саблей и нагайкой, а гульбой и попойкой. Султанъ ни съ кѣмъ не воюетъ, зачѣмъ же сидѣть дома? Лучше гулять по міру да приносить жиду деньги въ мошну. Не воевать — такъ бурлаковать! Козакамъ, этой вольницѣ, споконъ-вѣку того только и требовалось. Въ Сѣчи все знакомо, надоѣло, въ Раѣ — тоже. Свои лакомства пріѣдаются, чужія — это другаго рода штука. Славны бубны за горами. И въ самомъ

дѣлѣ, дай-ка пойдемъ погулять, провѣтриться, на другихъ посмотрѣть, себя показать. Вотъ и стали расходиться козаки, рады-радешеньки, что попался-то наконецъ такой вольготный атаманъ, да умный жидъ-бестія.

Между тѣмъ султанъ прислалъ въ Сѣчь сорокъ тысячъ пудовъ рису, хлѣба, масла, мыла, сала, дегтю и другихъ пожитковъ, по два пуда на рыло, за то только, чтобы козаки стояли всегда готовыми къ походу. Не тутъ-то было: козаки давно уже отправились въ походъ — и жидъ-нехристъ забралъ султанскіе дары въ счетъ атаманскаго долга, на домашній обиходъ въ кошѣ и на другія непредвидѣнныя нужды. Жидъ былъ хозяиномъ, казначеемъ, счетчикомъ и контролеромъ, Гладкій же смотрѣлъ на все это сквозь пальцы.

Странное было то жидовское царство послѣ господства Ляха и атаманства Мороза! Въ Сѣчи пусто, въ Райѣ—однѣ бабы; козаки »швендяютъ« по странѣ; кошевой ѣздитъ отъ паши къ пашѣ, отъ бея къ бею, всѣмъ развозитъ подарки да гостинцы. А все устроилъ вѣдь жидъ бестія и нехристъ! Но, постойте, всему есть конецъ:

До поры, до времени ходитъ кувшинъ пó-воду,
До-поры, до времени правитъ нехристъ пó-добру!

Подошла война султана съ Бѣлымъ царемъ. Сераскеръ далъ приказъ быть козакамъ подъ оружіемъ въ такомъ числѣ, чтобы одна часть могла пойти на защиту Силистріи, другая-же явиться въ обозъ подъ Шумлой.

Кошевой засуетился: какъ быть, чтó тутъ сдѣлать? Весь умъ ушелъ въ чрево и на зло

голова не хочетъ идти назадъ въ голову. Бѣда! не мала бѣда — до жида. Вотъ говоритъ Гладкій кошевому: »Разомъ кашу эту мы съ тобой заварили, разомъ, значитъ, будемъ и расхлебывать. Твое, братъ, это дѣло, — ты долженъ выручать!« Дѣлать нечего: собралъ жидъ кое-какъ тысячу козаковъ на защиту Силистріи, но чтобы послать подъ Шумлу — нѣтъ какъ нѣтъ: не больше, не меньше тысячъ трехъ не хватало.

Подъ Шумлой начальствовалъ въ то время великій везирь Махмудъ Решидъ-паша, родомъ грузинецъ, по отцу поповичъ. Шутить съ нимъ было опасно. Въ кошѣ ходила молва, что, возвращаясь однажды въ городъ, Решидъ увидѣлъ, какъ какой-то албанецъ схватилъ у бабы горшокъ съ молокомъ и, несмотря на ея крики, сталъ утолять жажду. Решидъ подозвалъ къ себѣ албанца и горланившую бабу, спросилъ въ чемъ дѣло, и когда албанецъ сталъ запираться, приказалъ разрѣзать ему ятаганомъ животъ и подать себѣ внутренности. Понятно, выпитое молоко было на лицо, и хотя албанецъ поплатился за самоуправство жизнью, но истина стала очевидною. Таковъ-то былъ Решидъ-паша. Въ его приказѣ кошевому значилось: »все козацкое войско должно быть подъ Шумлой въ десять дней, а не будетъ — голова съ плечъ и не пеняй!«

Жидъ туда-сюда: вертится, что́ чортъ, извивается, что́ гадина, какъ-бы спасти кошевого, какъ-бы свалить бѣду съ плечъ. Не тутъ-то было: козаковъ нѣтъ какъ нѣтъ, а поповскій сынъ шутить не любитъ. Думали было вмѣстѣ, думали день, другой — наконецъ Гладкій рѣшился: сѣлъ

съ остававшимися еще въ кошѣ козаками и старшиной въ лодки, переѣхалъ на правый берегъ Дуная и со всѣмъ войскомъ перешелъ въ подданство къ Бѣлому царю.

Что́-жь? — дѣло хорошее и удивляться поступку кошеваго не́чего. Бѣлый царь — царь христіанскій, а главное славянскій. Говоря по правдѣ, онъ единственный и законный нашъ государь. Царствуетъ по данной Богомъ власти, царствуетъ вѣрой и правдой. Страна его велика и порядокъ въ ней есть: есть законъ царскій и законъ Божій. Царь правитъ, а народъ слушается.

Такъ думаю я, такъ думалъ должно быть и кошевой, но не такъ думала и думаетъ шляхта-ляхи и даже сами козаки-молодцы. Тѣ и другіе привыкли къ вольницѣ и безпорядку: всякій зналъ только себя, не видѣлъ дальше своего носа, на весь міръ плевалъ, а коли могъ, такъ и ногами топталъ. Безтолковщина и вольница заступила у ляховъ и козаковъ мѣсто свободы, отчего тѣ и другіе стали босоногимъ панствомъ, »панской голотой«. Понятно, шли они за Гладкимъ не́хотя и противъ воли.

Я собралъ книги, фирманы и козацкое знамя. На этомъ знамени, съ одной стороны, на серебряномъ полѣ былъ вышитъ золотомъ православный крестъ, а съ другой, на красномъ полѣ, оттоманская луна: былъ это подарокъ султана, данный еще Дорошенкѣ. Съ этими остатками козацкой славы я пробрался въ Шумлу; со мной отправилось нѣсколько человѣкъ изъ оставшейся старшины и десятка три козаковъ. Знамя съ

образомъ бѣлаго ангела на малиновомъ фонѣ, данное Мазепой, я оставилъ дома, — пусть себѣ идетъ въ руки христіанъ, а это, что́ было со мной, какъ даръ султана, должно остаться въ его странѣ.

Съ Гладкимъ козаковъ отправилось тысячъ до трехъ. Бабы въ Райѣ подняли бунтъ, — вѣдь ни за что́ не хотѣли идти за молодцами. Онѣ тоже привыкли къ вольницѣ и распутству и всѣми силами взялись зищищать бабій свой кошъ и свобо́ду. Порядкомъ пришлось таки повозиться съ ними козакамъ. Дошло даже до драки: на молодцовъ полетѣли камни, горшки съ кипяткомъ, съ растопленнымъ саломъ, посыпалась брань, хуже всякаго кипятка и сала; но бабамъ не удалось все-таки сдѣлать въ этотъ разъ по своему, — ихъ собрали и гурьбой, какъ овецъ, погнали за козаками. Такъ кончилось бабьей войной всякое безчинство въ Сѣчи.

Козаковъ повезли на Азовское море къ старымъ товарищамъ черноморцамъ. У тѣхъ въ то время шла драка съ черкесами: одна часть кубанцевъ, что́ постарше, преслѣдовала азіатовъ пѣшкомъ и верхомъ на сушѣ, — другая-же, помоложе, на чайкахъ и лодкахъ не подпускали ихъ къ берегу. Къ этой-то послѣдней и присталъ Гладкій съ своими молодцами.

Разъяренный везирь приказалъ насъ схватить, старшину заковать въ цѣпи, а козаковъ перевязать просто веревками, и такимъ манеромъ рабовъ Божьихъ отправить въ Цареградъ на работу и въ тюрьмы. Кошка съѣла сало, а мыши отвѣчай, — и мы должны были отвѣчать за Гла-

каго, котораго забрать въ руки теперь не было уже никакой возможности. Держали насъ такимъ образомъ на покаяніи, до тѣхъ поръ, пока не кончилась война и не былъ объявленъ въ Адріанополѣ миръ между падишахомъ и Бѣлымъ царемъ.

Насъ стали выпускать на волю по-два, по-три — или куда глаза глядятъ, на всѣ четыре стороны, но каждаго особнякомъ, а не разомъ. Кто-же не могъ идти пó-живу, пó-здорову, тотъ долженъ былъ оставаться дома съ жидами, которые, на безчестіе козацкому имени, были названы отосбирами-козаками и получили въ начальники грека »козакъ-пашу«, козацкую голову. Этому греку дана была козацкая печать, и никто изъ бывшихъ молодцовъ не смѣлъ ходить по султанскому царству безъ паспорта за этой печатью. Отосбиры, вольное и свободное рыцарство, рыцарство единаго, христіанскаго Бога стали на одну доску съ погаными нехристами — вотъ до какого срама дошли козаки, вотъ до какого униженія довела ихъ беззаконная вольница! И стыдно и горько мнѣ было — я отправился въ путь. Пошелъ въ Сѣчь — ея уже не было: Сѣчь и Райя погибли, такъ что не осталось и камня на камнѣ. Я хотѣлъ идти на Азовъ, но не могъ. Со слезами простился я съ прежнимъ нашимъ кочевьемъ, помолился на гробѣ Ляха и пошелъ назадъ, пошелъ сюда... на Аѳонъ. Козацкое знамя оставилъ въ Цареградѣ, въ патріаршей ризницѣ, а книги принесъ съ собою... онѣ тутъ...

Разошлись молодцы по султанской странѣ, разбрелись, какъ муравьи, среди Туреччины. У озеръ, у рѣкъ, у шумящаго прибрежнаго тростника и въ широкой вольной степи — вездѣ, вездѣ можно встрѣтить козака, плачущаго и сумующаго за прежней своей славой. Старшина по большей части разбрелась по монастырямъ, поступила въ монахи — ждать смерти и вѣчнаго отдыха. Изъ оставшихся одни пошли отмаливать прежніе грѣхи, просить у Бога прощенья, другіе-же пошли гулять съ ножомъ по большимъ дорогамъ, искать новыхъ грѣховъ и новой службы у сатаны и его старшей и меньшей братьи.

Вотъ чтó творилось на Дунаѣ, когда польская шляхта въ Варшавѣ выскочила ни съ того, ни съ сего, какъ чертъ изъ конопли, и взялась за оружіе, тоже противъ Бѣлаго царя. Чего она хотѣла — Богъ её знаетъ. Хорошо и тепло сидѣлось ей за царскими плечами — нѣтъ таки непремѣнно драться и воевать. Ну и довоевались-же! Избитые и исколоченные, какъ и слѣдовало, пошли они по міру и стали тѣмъ, чѣмъ стали козаки, съ той только разницей, что тѣ по крайней мірѣ вышли изъ драки съ оружіемъ, которое съ честью носили столько лѣтъ и носятъ еще и теперь, а поляки бросили саблю, сейчасъ-же передѣлали ее въ пилы и вилы, пошли брехать по свѣту, пошли писать чернымъ по бѣлому, — просто стали такими ябедами и пройдохами, что смотрѣть противно. Слова, чтó вѣтеръ, полетѣли по воздуху, бумага пошла на самую послѣднюю нужду, а Польшѣ отъ этого только хуже. Толкаются по міру поляки, какъ

бродятъ въ Туреччинѣ козаки, хуже жидовъ, потому что у тѣхъ по крайней мѣрѣ есть деньги—свой братъ, хуже цыганъ. А у поляковъ! Да что они такое? Ни батьки, ни матки, ни родимой хатки; сегодня тутъ, завтра — Богъ знаетъ гдѣ, сегодня воякъ, завтра батракъ. Ой, тяжела-же ихъ доля. Вотъ до чего довела панская воля!

Такъ кончилъ разсказъ свой старецъ Василій. Онъ клялся, что не пойдетъ уже никуда больше съ Аѳона и сложитъ въ монастырской оградѣ свои старыя кости, не то звѣрь, или вѣтеръ разнесутъ ихъ по чистому полю. Я говорилъ то же, потому что и мнѣ жить было не сладко. Дѣти и жена стояли постоянно предъ глазами; во снѣ и на яву, ночью и днемъ, я видѣлъ постоянно ихъ смерть, ихъ похороны — я хоронилъ мое счастье вновь и плакалъ безъ устали. У каждаго изъ насъ было свое горе подбавлявшее больше и больше охоты отправиться скорѣй на тотъ свѣтъ. Быть можетъ, тамъ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь — заканчивали мы съ Василіемъ каждый день свою общую молитву Время проходило въ ожиданіи, въ надеждѣ на скорый конецъ — и мы такъ привыкли къ этой надеждѣ, что не будь ея — самъ конецъ пришелъ-бы навѣрно скорѣе. Недаромъ вѣдь и говорится: привычка — вторая натура.

Такъ-то намъ жилось, когда на Аѳонъ пришли два поляка или козака. Съ виду оба они были совсѣмъ молодчики, въ самомъ цвѣтѣ силъ — только-бы ѣздить на конѣ, да махать саблей Одинъ былъ высокъ ростомъ, точь-въ точь Ляхъ

Однокишкій, лицо какъ у птицы, сухопар
тонкихъ ногахъ, — напоминалъ вообще
кую старшину изъ Васильевской и Павловск
стыни. Другой—коренастый, круглый, чут
рыжій, съ толстымъ носомъ и такими же г
словомъ — болѣе великороссъ, чѣмъ поляк
козакъ. Оба пріѣхали изъ какой-то дальней
роны, молились по православному, ходи
монастырямъ. Сначала мы съ Василіемъ см
на нихъ изъ-подлобья; думалось: какіе-н
бродяги, Богъ знаетъ изъ какого коша, из
кой страны. Но, услыхавъ, что говорятъ
по-польски, шутятъ по-бурлацки, услыхавъ,
одинъ изъ нихъ поетъ по козацки, — мы
любопытствовать. Въ ушахъ у насъ заш
языкъ началъ чесаться: мы были похож
свойскихъ журавлей, которые, завидѣвъ
братью на волѣ, подпрыгиваютъ на одной
и пробуютъ крылья, какъ-бы улетѣть в
Мало-по-малу подсѣли мы къ пришлецамъ-
китамъ, стали прислушиваться къ ихъ раз
рамъ больше и больше, а наконецъ съ
пополамъ забыли про свою надежду на с
конецъ и захотѣли тоже поволочиться еще
по міру на старости лѣтъ. Но прежде н
сказать вамъ нѣсколько словъ о Василіѣ, м
новомъ товарищѣ.

Хоть Василій, бывшій кошевой писа
не признавался, но по всему видно было,
родился онъ тоже полякомъ, притомъ не
русской, а изъ прусской Польши, на поло
уже перекрещенной и онѣмеченной. Слов
Василій былъ тѣмъ, что́ у насъ называется

лякъ-нѣмецъ, какъ есть, напримѣръ, русскій-нѣмецъ или нѣмецъ-русскій. Доказательствомъ такой его родословной можетъ служить слѣдующее: Игуменъ посылалъ насъ какъ-то вдвоемъ въ Солунь. Исполнивъ порученіе, мы зашли въ турецкую кофейню чего-нибудь поѣсть. Вотъ тутъ-то и сказалась натура Василія: онъ потребовалъ пива и картофеля, наѣлся какъ кабанъ и нализался какъ клюква[1]); притомъ картофель называлъ непросто картофелемъ, а »эрдэпфель« — по-нѣмецки, наконецъ взялъ даже съ собой въ монастырь порядочный боченокъ пива и кулей[2]) съ пять картофеля. Но этого мало. Тутъ же въ кофейнѣ Василій заслышалъ нѣмецкій говоръ и какъ только заслышалъ, такъ сейчасъ же давай по-ихнему »геръ, геръ«,—настоящій швабъ или баварецъ. Да и много же было въ Солуни всякихъ этихъ колбасниковъ: купцы, ремесленники, колонисты, консулы, — словомъ чертова гибель. Какъ тараканы разлѣзлись они по султанскому царству, а расплодились что сельди въ морѣ. Недаромъ вѣдь говорятъ, что нѣмка, наѣвшись рыбы, какъ сама рыба рожаетъ за разъ по пяти, по шести. Мой Василій засматривалъ нѣмкамъ въ глаза, сплевывалъ въ сторону—такъ шибко текли у него слюнки, — но все-таки тянулъ пиво, должно быть желая охладиться да поубавить[3]) любовнаго жару. Откуда ни возьмись попадается вдругъ намъ на встрѣчу осанистый нѣмецъ съ золоченнымъ погономъ на кэпи[4]). Василій струсилъ, вытянулся въ струнку и отдалъ

---

[1]) бульва; [2]) мѣшковъ: [3]) уменьшить; [4]) кашкетѣ.

честь. Очевидно, отъ нѣмцевъ приходилось ему въ былое время плохо,—не то, съ чего бы ему, монаху, чернецу, такъ ихъ бояться? Я думаю, всыпали таки они ему когда-то горяченькихъ не базильянскихъ, а нѣмецкихъ и не сотню однимъ махомъ, а двадцать-пять, хоть и въ нѣсколько пріемовъ. »Финфъ ундъ цванцигъ« — повторялъ онъ мнѣ по-часту и должно быть недаромъ. Для нашего брата славянина тумакъ и кулакъ лучшій другъ въ свѣтѣ: кто бьетъ, тотъ любитъ, а битый всегда съ почтеніемъ смотритъ на бившаго и съ ненавистью тычетъ въ зубы небитому. Такъ и съ моимъ Василіемъ. Всякій разъ, какъ онъ видѣлъ нѣмца, сейчасъ-же вытягивался въ струнку, почтительно поворачивался къ нему передомъ, какъ поворачивается магнитная стрѣлка къ сѣверу, и лишь только нѣмецъ дѣлалъ шагъ впередъ, Василій тянулся за нимъ, какъ тянется желѣзо за магнитомъ. Все это приводило меня къ заключенію, что бывшій войсковый писарь удралъ отъ нѣмецкой ласки, а что я не ошибался — лучшимъ тому доказательствомъ служитъ слѣдующее: Василій брехалъ про колбасниковъ ужасныя вещи, лишь только нѣмецъ пропадалъ изъ виду и не торчалъ у него предъ глазами. Бывшій писарь называлъ себя Василіемъ. Отчества къ имени не прибавлялъ, какъ это дѣлается у русскихъ, не прибавлялъ также роду, какъ это водится у козаковъ и поляковъ: Василій войсковый писарь—и только. Борода была у него рыжая, какъ у пасѣчника, усы тоже рыжіе и торчкомъ въ стороны, какъ у сома, глаза голубые, носъ красный, какъ у вѣчной

памяти пана Роха, ноги немножко въ бокъ, чтó, правду сказать, мѣшало ходить ему прямо. Врядъ-ли могъ онъ пройти по одной доскѣ натощакъ даже, а о томъ, чтобы выпивши — и говорить нéчего! Тогда онъ нагибался обыкновенно немного впередъ, покачивался то вправо, то влѣво, по-временамъ даже подпрыгивалъ, чтó опять обличало въ немъ нѣмецкую кровь, потому нѣмцы на счетъ всякихъ »шпринглей« и »выкрутасовъ« первый народъ въ свѣтѣ.

Ученъ и уменъ былъ Василій какъ іезуитъ, но іезуитской хитрости въ себѣ не имѣлъ. Все у него было напрямикъ, все на чистоту; чтó на умѣ, то и на языкѣ; имѣетъ — дастъ, не имѣетъ — пожалѣетъ, а чтобы вилять туда-сюда — этого за Василіемъ не водилось. Мило было смотрѣть, какъ ловко Василій водилъ перомъ по бумагѣ: чиркъ-чиркъ — и въ мигъ выпишетъ перомъ, чего не вырубишь топоромъ. Правда, трудновато подчасъ было понять, чтó онъ тамъ выписывалъ, но за то какъ же радовался въ подобныхъ случаяхъ самъ Василій — душа просто подпрыгивала въ тѣлѣ. Панъ Ляхъ крѣпко уважалъ своего войсковаго писаря, чувствовалъ даже къ нему что-то въ родѣ влеченія: по цѣлымъ часамъ бывало говорили они съ глазу на глазъ, конечно, если Василій былъ натощакъ или проспавшись, а то въ противномъ случаѣ разговоръ шелъ не совсѣмъ-то на ладъ. Толковая голова, особенно коли дѣло коснется войсковой казны́, или вообще bonum publicum, писарь былъ того мнѣнія, что правды или неправды слѣдуетъ искать всегда снизу, хоть бы штука и была подведена

сверху. — »Что там творится сверху — это не про нас писано, а что всякая правда прячется на днѣ чарки—это ясно, как Божій день. Добыть эту правду не трудно, стоит только пить половчѣе, чтобы на днѣ не осталось и капли.« Так разсуждал про себя Василій и, как человѣк дѣла, не одного лишь слова, он старался, чтобы то и другое всегда было в согласіи и дружбѣ. Вот почему от частых поисков за правдой, он накопил в своем объемистом тѣлѣ столько всякой неправды, что каждый раз пред разговором с паном Ляхом приходилось проспаться или пустить в ход какую-нибудь другую штуку, чтобы очищенная стала из сивухи—настоящей очищенной, говоря иначе, правда вышла наружу.

Таков-то был писарь Василій. С Ляхом жил он все время в ладах, с Гладким тоже всегда гнался за одной лишь правдой, а так как на землѣ, Бог знает, сколько водится всякой неправды, то Василій и был всегда под хмельком, немножко как будто в туманѣ. Оставляя Сѣчь натощак (добрался таки хоть раз до правды!) он знал отлично, что лучше идти на Азовское море, чѣм в Туреччину; но, желая добиться настоящей правды по своему, снизу, — он бросил все, отправился, куда глядят глаза, зашел по дорогѣ на Аѳон, словом дѣлал так, чтобы остаться бродягой usque ad finem — т. е. до конца.

И так с пришельцами — они точно были ляхи, — мы пустились в разговоры, дальше и дальше: о том, что было, что есть, и что бу–

детъ,—а чтобы не покончить этихъ разговоровъ тутъ-же, потому что ляхи хотѣли идти дальше, мы сами, съ Божьей милостью, оставили Аѳонъ и пошли съ ними по міру. Волчья натура въ лѣсъ тянетъ — недаромъ-же бурлачество дѣло рукъ Божьихъ: не мы его сдѣлали, не намъ его отдѣлывать!

Писарь Василій мигомъ преобразился. Сталъ веселъ, началъ говорить прозой и стихами, доказывать, что жизнь человѣка не что иное, какъ вѣчное странствіе и ходьба, что домъ только и есть на томъ свѣтѣ, что въ дому этомъ смертельная скука, потому-де и нечего лѣзть туда нашему брату,—что, наконецъ, неизвѣстно, такъ какъ объ этомъ нигдѣ не написано бѣлымъ по черному, кто строилъ этотъ домъ, чья онъ собственность, какъ въ немъ живется. Словомъ, писарь зарапортовался и, какъ видите, начиналъ даже кощунствовать. Я-же, въ свою очередь, думалъ, что для меня, Беха, этотъ домъ долженъ быть на Типосѣ, гдѣ жила моя Ирина, мои дѣти: сталъ говорить даже объ этомъ писарю, стараясь навести его на путь истины; но онъ переговорилъ меня, перекричалъ, — и дѣлать нечего: приходилось идти въ какой-то неизвѣстный домъ, гдѣ только и есть, что смертельная скука. Скажу вамъ кстати: такимъ поведеніемъ писарь опять обличалъ въ себѣ нѣмецко-польскую родословную, потому тѣ поляки сплошь да рядомъ идутъ куда не знаютъ, лишь-бы usque ad finem. Мы, чистокровные поляки, не то; мы всегда, что называется, себѣ на-умѣ. Хоть поиграть въ прятки подчасъ и мы непрочь; но са-

мая эта забава показываетъ, что у насъ есть свой царь въ головѣ. Великопольскіе-же мазуры народъ другого сорта: своего царя изъ башки[1]) нѣмцы давно имъ вышибли, — и нужно думать, по этой, а не другой причинѣ, они и считаютъ насъ какимъ-то никуда негоднымъ бараньемъ, недовѣрками и отщепенцами, хуже татаръ.

Бродили мы туда и сюда до самаго Цареграда. Тутъ застали цѣлую кучу поляковъ и козаковъ. Между поляками были аристократы, которымъ смерть хотѣлось стать прежней шляхтой, чтобы опять заграбастать въ свои лапы холопство, въ вѣчное и потомственное владѣніе. Были также и демократы—и имъ хотѣлось какъ разъ на-оборотъ: чтобы шляхта стала холопами, а холопы шляхтой. Одни толковали про »круля« и его ясневельможную династію, другіе про выборнаго президента: однимъ хотѣлось кричать во всю глотку: »нье позвалямъ!« другимъ изъ подтишка моргать: »вшистко позвалямъ!« Словомъ настоящее вавилонское столпотвореніе, — ничего не поймешь: одинъ въ лѣсъ, другой по дрова. Козаки между тѣмъ записаны въ реестръ вмѣстѣ съ жидами бердичевскими, бродскими и радзивиловскими! Боже мой, сколько всякой неправды! Писарю Василію на этотъ разъ было уже не подъ силу: онъ пилъ, пилъ сверху всю неправду, но до дна не добрался, только даромъ бѣдная душа съ синимъ дымкомъ улетѣла въ невѣдомый домъ. Похоронили мы его на кладбищѣ безъ креста, безъ памятника: былъ земля — и въ землю пошелъ. Вотъ тебѣ и козацкій конецъ!

---

[1]) головы.

Опять остался я одинъ-одинёшенекъ. Жаль стараго, тошно за настоящимъ, боязно будущаго — я побрелъ на Дунай.

VII.

На разсвѣтѣ я подходилъ къ Сѣчи. Кругомъ тишь да глушь, не слышно козацкихъ пѣсенъ и криковъ,—одни лишь волки воемъ-воютъ, гдѣ-то въ кустахъ, будто имъ жалко козаковъ и козацкаго коша. Плачутъ они за козаками, какъ плачетъ шакалъ за львомъ. И не диво! Когда козаки дрались и воевали, у волковъ всегда была пожива. Теперь-же молодцовъ нѣтъ — и волкамъ остается выть да плакать за прежними сытными днями. Я самъ плакалъ, но не за сытными днями, а за былою славой. Вой волковъ напоминалъ мнѣ запустѣніе, трогалъ сердце, вызывалъ къ воспоминаніямъ. Я готовъ былъ пойти приласкать, приголубить волковъ, готовъ былъ пойти къ нимъ за разспросами, гдѣ молодцы, куда дѣвалась козацкая старшина, — я готовъ, говорю, былъ сдѣлать все это; но волки бѣжали отъ меня и дичились. Заря играла по чистому небу, золотила бѣгущія въ глубь тучки, — но и она не могла мнѣ сказать, куда дѣвались молодцы, куда скрылась ихъ прежняя слава. Соловьи пѣли, напоминали Райю, — но ихъ пѣсня была такая жалобная, такая унылая; она щемила сердце, щемила душу и будто говорила: то-ли то было, когда въ Райѣ жили дѣвчата-галчата, козацкія жены?« — Я сѣлъ на камень, заду-

мился, засумовалъ. Тяжко такъ, тяжко ст
сердцѣ,—и радъ былъ умереть, стать так
каменемъ, какъ тотъ, на которомъ сидѣл
не умеръ и не превратился въ камень.

Солнце пекло меня сверху, на душ
холодно — я пошелъ бродить по разва
Странная вещь! Я, не пробывшій въ Сѣчи
токъ, я гербовый шляхтичъ и Бехъ — я
въ этихъ развалинахъ печальные остатки
своего богатства! Мнѣ казалось, что Бех
Бехи, въ томъ числѣ и я самъ, лежатъ
подъ этой руиной, — больше: мнѣ казалос
я, я одинъ, виновникъ всей этой руин
мнѣ, а не кому-либо другому, прійдется
отчетъ за это предъ Богомъ и бѣлымъ анг

Съ такими мыслями блуждалъ я по
линамъ, и мнѣ стало вдругъ стыдно, ст
стыдно. Я не смѣлъ поднять къ небу гла
смѣлъ даже смотрѣть, -- закрылъ глаза и
сидѣлъ такимъ образомъ до поздней ночи.

Ночь провелъ я съ волками и вблиз
ловьевъ. Мнѣ думалось: прійдутъ же це
устроятъ изъ меня тризну по кошѣ, а со
споютъ надгробную, прощальную пѣснь, -
крайней мѣрѣ умру я по-шляхетски, не
какъ другіе. Но волки не только меня не
имъ даже ночью не вылось, соловьи тоже
тихли и пѣть прощальной пѣсни не ду
Взамѣнъ ихъ, надъ головой шумѣлъ вѣте
дождь хлесталъ во всю силу. Я не прятался
и нéкуда было прятаться. Небо гремѣло,
самъ бѣлый ангелъ показывалъ свой гнѣ
можетъ быть и онъ плакалъ за козацкой нед

Съ разсвѣтомъ я сказалъ себѣ: нечего тутъ дѣлать, умереть не дадутъ даже толкомъ! Такъ пойду-же я дальше, пойду куда-нибудь въ другое мѣсто пробовать счастья, да поджидать смерти.

Я отправился и пришелъ въ Переяславецъ. Тутъ залѣзла было ко мнѣ въ голову мысль записаться въ матросы и пойти искать лучшаго на морѣ, коли на землѣ только и есть что самое худшее. Быть можетъ, думалось мнѣ, полечу опять въ воздухъ, но на землю уже не пойду: это дудки[1])! Какъ нарочно попались на встрѣчу кубанцы (буря занесла ихъ на Дунай) да и давай разсказывать, какъ имъ тамъ живется-можется, какъ дерутся они съ черкесами-азіатами, какія попадаются подчасъ черкешенки-бѣшенки — просто любо!

Въ Переяславцѣ жило нѣсколько человѣкъ прежнихъ запорожцевъ, которымъ разсказы эти были не то, что мнѣ. Они потряхивали сѣдыми головами и приговаривали.

— Не проведешь насъ старыхъ воробьевъ на мякинѣ[2]). Съ вашего брата содрали небось уже шкуру, оставивъ одни лишь хвосты, такъ вамъ и хочется, чтобы и съ нами продѣлали ту-же штуку. Не проведешь! Мы сами съ усами и тоже виды видали!

Но я ихъ не слушалъ и сказалъ:

— Ѣду съ вами!

Сказано — сдѣлано. Слово лучше денегъ, и отчего-бы въ самомъ дѣлѣ не послужить мнѣ

[1]) т. е. не сдуришь; [2]) половѣ.

Бѣлому царю лѣтъ нѣсколько, а потомъ съ Богомъ отправиться на ро́дину?

Хоть для кубанцевъ я былъ совсѣмъ чужой человѣкъ, но они приняли меня по-братски. Гладкаго отца и сына уже не́ было на Азовѣ, но между молодцами попадались еще тѣ, которые ходили съ Морозомъ. Они меня знали и обо мнѣ толковали странныя вещи: что будто-бы изъ человѣка я сталъ вдругъ птицей, началъ летать по воздуху, а потомъ на землю — бехъ! отчего и зовусь Бехъ. Напрасно старался я ихъ разувѣрить, напрасно повторялъ тысячу разъ свою шляхетскую родословную — я въ лѣсъ, они по дрова. Дѣлать не́чего, я вновь долженъ былъ сдѣлаться козакомъ. Сейчасъ-же поставили меня начальникомъ надъ двѣнадцатью чайками и дали подъ мою команду сто-двадцать козаковъ.

Ну, и славно жилось-же мнѣ на Азовѣ! Завадовскій атаманствовалъ надъ черноморцами и кубанцами. Настоящій онъ былъ атаманъ: доступный, щедрый, милостивый, ба́ринъ во всю губу. Не разъ говорилъ я съ нимъ, какъ говорю теперь съ вами, не разъ приходилось мнѣ сидѣть съ нимъ вмѣстѣ — хлѣбъ-соль ѣсть, вино пить. Передъ обѣдомъ прохаживались бывало по рюмочкѣ, а послѣ обѣда чокались шампанскимъ за здоровье и многолѣтіе Бѣлаго царя.

Козаки переженились, обзавелись хозяйствомъ, ловили рыбу, плодили дѣтвору, словомъ сидѣли, какъ у Бога за плечами. Атаманъ крикнетъ: »на чайки!« — козаки уже на чайкахъ, веслами бьютъ по-морю, пѣсней гудятъ по-небу, а черкесъ-азіатъ бѣжитъ-удираетъ, уходитъ какъ

заяцъ, то вправо, то влѣво, то въ гору, то внизъ, нырнетъ даже подъ воду, а чайки тутъ-какъ-тутъ: черкеса цапъ, добычу хапъ, — знай нашего брата! Здорово таки колотили мы поганыхъ азіатовъ, да и сказать правду, слѣдовало: такіе скоты, что упаси Господи! Мошенникъ на мошенникѣ ѣдетъ, мошенникомъ погоняетъ; за грошъ готовъ продать душу. Чего уже больше, коли своихъ дѣтей продаютъ, какъ скотину: отецъ тащитъ на базаръ дочь, сынъ — мать, братъ — сестру, мужъ — жену, да и кого попало, лишь бы деньги, а тамъ и концы въ воду. Вертѣться, прятаться куда какіе хваты, а дойдетъ дѣло до шашки [1])—шаба́шъ [2]): поджимаютъ хвосты и дерутъ во всѣ лопатки. Побьешь, поколотишь бывало ихъ въ пухъ и прахъ, готовишься уже бывало сцапать —какъ разъ: фыртъ-фыртъ, какъ будто поганца и не было! Черкесы не то, что чечня или дагестанцы. Тѣ народъ славный — настоящіе рыцари, любо было драться! Своихъ не водятъ на базаръ ради денегъ, а яса́къ [3]) берутъ шашкой; ходятъ на врага гурьбой-разомъ, а не въ разбивку,—словомъ живутъ куда лучше черкесовъ, ланцевъ-оборванцевъ.

Такъ прослужилъ я Бѣлому царю вѣрой и правдой цѣлыхъ десять лѣтъ, дослужился маіорскаго чина, получилъ даже Георгія въ петлицу за храбрость, но Бехъ вѣдь птица, не звѣрь — на мѣстѣ ему не сидится. Козаки прозвали меня птицей и прозвали неда́ромъ.

Въ поясѣ моей Ирины оставалась еще немалая толика денегъ, да и начальствуя я съу-

[1]) сабли; [2]) конецъ, довольно; [3]) дань (кавказцевъ).

мѣлъ прикарманить не рубль и не два.
говорятъ: на охотника звѣрь бѣжитъ, я-же
скажу: умѣй только ловко сводить конц
концами, само море будетъ нехуже засѣян
поля; имѣй царя въ головѣ, не станешь пл
о рублѣ. Такъ и со мною: я рѣшилъ, чт
можно, только осторожно. Законъ и право
казывали намъ лодки цѣликомъ жечь, азі
на огнѣ печь, добычу топить, словомъ —
черту сулить; но скажите, какой вышел
изо всего этого толкъ, если бы на землѣ д
лось такъ, какъ говорится въ законѣ? Л
обратились бы въ уголь, негодный даже с
рыбамъ, — то же самое сдѣлалось бы и с
бычей: не ѣсть же рыба ни свинцу, ни по
ни персидскихъ ковровъ, ни дорогихъ ма
Очевидно, законъ и право всего этого не
видѣли, но есть же за то у людей умъ в
ловѣ, который все это предвидѣть мо
Законъ, говорятъ, для дураковъ не писан
писанъ же онъ для умницъ. Вотъ эти-то ум
или, говоря попросту, бердичевскіе и в
тамъ другіе жиды, съумѣли помочь мнѣ и
чимъ кубанцамъ въ напасти. Въ Керчи
Анапѣ ихъ чортова гибель, да и въ Сухумъ-
и даже въ Николаевской крѣпости не чув
ется въ нихъ недостатка. Съ жидкомъ л
веди только дѣло, а онъ навѣрное нехуже
кого тамъ демократа съумѣетъ поддержать др
и равенство. А оно, конечно, не для чего и
какъ для этого равенства и дружбы, жид
покупали у насъ порохъ, свинецъ и всякіе
енные пожитки. Порохъ, само собою разумѣ

продавали сейчасъ же черкесамъ, плѣнниковъ же и плѣнницъ везли въ Туреччину, а не то, придерживали и у себя, чтобы безъ бабъ намъ не сдѣлалось скучно. Штука, какъ видите, »рехтъ«. Лучше же въ самомъ дѣлѣ быть всѣмъ этимъ товарамъ на землѣ, чѣмъ гибнуть въ морѣ или съ дымомъ улетать въ воздухъ, — да и намъ-то зачѣмъ пенять или жаловаться? Грошъ да грошъ — выйдетъ два, а два все-таки лучше, чѣмъ одинъ или ничего. Вотъ какимъ манеромъ накопилась у меня денежка, съ которой, благодаря Бога, я былъ не просто маіоръ, а немножко повыше. Я собралъ свои пожитки, а было таки ихъ у меня не мало. Четыре тарантаса и въ каждомъ тройка одной масти; четыре расписныя дуги и столько же валдайскихъ колокольчиковъ; двѣ гончія собаки, двѣ лягавыя и одинъ куцый мопсъ безъ ушей и съ широкой мордой, — все это снаряжено было въ путь; даже два сокола для охоты — и тѣ готовились къ отъѣзду. Словомъ я выбрался какъ воевода на сеймики.

Ѣхали мы чистой степью, въ степи останавливались, въ степи ночевали, благо корму вдоволь, воды тоже, за огонь платить нéчего, а на Дону всегда можно достать мяса и дичи, даже цѣлаго барана и теленка. Славно этакъ ѣхали мы впередъ да впередъ, а главное безъ расходовъ: нéкому было говорить спасибо, все дѣлалось дома.

Ой хороша-жь ты козацкая жизнь, нѣтъ въ тебѣ горя-гореваньица, вездѣ море-разливаньице!

Такъ примчались мы въ Беховъ. Отца и матери нé было уже въ живыхъ, братья и сестры

тоже или повымирали, или разъѣхались на края свѣта; но всякихъ Беховъ, малыхъ и большихъ было еще вдоволь. Какъ только всѣ эти Бехи узнали, что ѣдетъ къ нимъ отставной маіоръ, кавалеръ св. Георгія и тоже Бехъ, сейчасъ же высыпали на встрѣчу по крайней мѣрѣ за полмили отъ деревни. Валдайскіе колокольчики динь-динь — и Бехи испугались: »а можетъ это капитанъ-исправникъ, ярыга-становой, а можетъ ихъ письмоводитель, страшный грабитель!« Но Беховны были посмѣлѣй: стали сами и другихъ задержали. — »Бехъ, панъ Бехъ, онъ самый и есть!« — закричали всѣ гвалтомъ да давай цѣловать-обнимать: Бехи въ брюхо и въ плечи, а Беховны въ носъ, въ лобъ, въ лысину. »Дѣдушка! дядюшка!«

— А я Кузьма, сынъ Дамьяна! Дѣдушка вѣрно помнитъ, подъ зеленой грушой наша хата, вонъ, возлѣ огорода Михалки! — кричитъ одинъ.

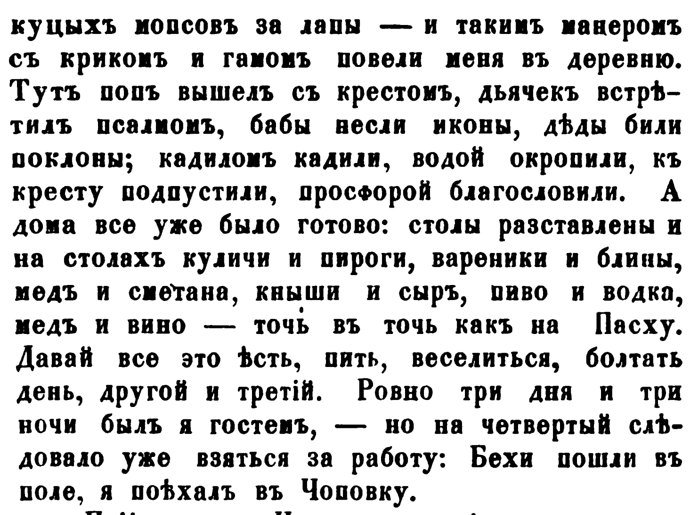
— А я Каська, дочь мамки Агнешки! Мамка мнѣ говорила, какъ дѣдусь часто ходилъ съ нею въ лѣсъ по грибы, а за это было въ »голку«, — перебиваетъ другая.

— А я Петракъ-батракъ, сынъ тетки Насти. Она дядю учила буки-азъ, а дядька лѣнился, — басить третій.

— А я бабуся-Маруся, въ огородѣ капусту сажала, водой полевала, — шамкаетъ четвертая.

Словомъ, всякій вспоминалъ свое, всякій кричалъ, горланилъ, забѣгалъ спереди, сзади, цѣловалъ, обнималъ. Беховны повзлѣзали на тарантасы, бехенята вскарабкались на лошадей, а бахорня похватала собакъ за хвостъ, за уши,

куцыхъ мопсовъ за лапы — и такимъ манеромъ съ крикомъ и гамомъ повели меня въ деревню. Тутъ попъ вышелъ съ крестомъ, дьячекъ встрѣтилъ псалмомъ, бабы несли иконы, дѣды били поклоны; кадиломъ кадили, водой окропили, къ кресту подпустили, просфорой благословили. А дома все уже было готово: столы разставлены и на столахъ куличи и пироги, вареники и блины, медъ и сметана, кныши и сыръ, пиво и водка, медъ и вино — точь въ точь какъ на Пасху. Давай все это ѣсть, пить, веселиться, болтать день, другой и третій. Ровно три дня и три ночи былъ я гостемъ, — но на четвертый слѣдовало уже взяться за работу: Бехи пошли въ поле, я поѣхалъ въ Чоповку.

Пріѣхавъ въ Чоповку и сдѣлавъ разсчетъ, я заплатилъ что кому слѣдовало за гусей, взялъ съ чоповчанокъ росписки въ полученіи и смаралъ долгъ въ записной книжкѣ. Вотъ вамъ новое доказательство того, что слово лучше денегъ, — а что старый другъ лучше новыхъ двухъ, это показываетъ другой мой поступокъ въ той-же самой Чоповкѣ. Отыскавъ могилу пана Роха и помолившись на ней съ добрый часъ, я отправился къ каменщику и приказалъ ему поставить, на мой собственный счетъ, крестъ съ надписью надъ гробомъ нашего »шановнаго« dux-a.

Такъ съ чистою совѣстью покончилъ я дѣла въ Чоповкѣ и поѣхалъ дальше — въ Овручъ, къ отцамъ базильянамъ; но — увы! ихъ уже не было, только желѣзныя крючья по-прежнему торчали въ монастырскихъ стѣнахъ — крючья, на

которыхъ еще панъ Выговскій вывѣшивалъ і
итовъ подъ пѣсню:

Продамъ боръ и руду
И заиграю іезуитамъ въ дуду! [1])

Іезуитовъ смѣнили базильяны, — но и
тѣхъ пришла своя очередь: имъ тоже заигр
въ дуду и пустили гулять по-свѣту на всѣ
тыре стороны. На мое счастье, въ Овручѣ оста
—не знаю уже какими судьбами—одинъ тол
базильянъ—ксендзъ-пробощъ. Я къ нему; ис
вѣдался, причастился и далъ денегъ на вѣчн
»фундушъ«, въ честь архангела Михаила,—и
тѣмъ, воздавъ »Божья Богови и кесарева ке
реви« — поѣхалъ назадъ въ Беховъ. Пора б
на старости лѣтъ стать хозяиномъ-гречкосѣе
но иначе видно угодно было Богу.

Сосѣди съѣзжались ко мнѣ, какъ на пок
неніе, какъ на ярмарку. Посмотрѣть и полю
ваться на нашего Беха, маіора и кавалера—
вѣдь это куда лучше, чѣмъ слушать заѣзж
музыканта на ярмаркѣ или смотрѣть на »выкр
тасы« сморгонскаго медвѣдя! Ну и ѣхали
слушать меня какъ шарманку [2]), смотрѣть ка
на медвѣдя. А я корми, пои всю эту ватагу
ея службой и прислугой, конями и волами. С
казать или прогнать — да развѣ это мож
Куда пришлось-бы дѣваться тогда съ маіорство
и георгіевскимъ крестомъ? Шляхетское distinct
rium и кавалерство налагали на меня свят
обязанность хлѣбосольства, — и, говоря прав

[1]) Вѣроятно: „Продамъ Баръ и Руду...“ Гор. Б
былъ собственностью Выговскаго, подобно же какъ и Р
въ Стрыйскомъ округѣ; [2]) катаринку.

обязанность эта была мнѣ не въ тягость. Напротивъ, я радовался и чувствовалъ себя въ духѣ, когда у меня были гости. Пьяница, говорятъ, въ одиночку пить не любитъ, — такъ и со мною. Нѣтъ гостей — я къ окну, за ворота: а не видно-ли? а не ѣдутъ-ли? Нѣтъ, не видно, не ѣдутъ, забыли, раззнакомились, — чортъ ихъ дери! Пойдешь по хозяйству, чтобъ размять кости, отвести душу, — нѣтъ! и скучно и тошно, и въ головѣ чесотка и въ горлѣ чахотка — пропадай да и только! Но вотъ въѣзжаетъ на дворъ бричка—чесотки какъ не бывало, чахотки—тоже, лысину поглаживаешь, усы покручиваешь. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, все что̀ въ печи — сейчасъ на столъ и мечи: и гусенка и поросенка, и вареники и гречаники. Чарочки по столику похаживаютъ, — паны брюшки поглаживаютъ. А тутъ уже столы для картъ разставлены, закуски вкусно приправлены. Сначала идетъ по-полъ-гроша, а какъ подберется до штоса: пошли рубли и дукаты — не даромъ-же были богаты! Словомъ, скажу вамъ просто: я ѣлъ, пилъ, гулялъ и веселился,— а о завтрашнемъ днѣ не думалъ. Съ меня еще хватитъ, — приговаривалъ я послѣ каждаго проигрыша, — но пришла таки, наконецъ, чахотка и на мошну. Нужно было продать лошадей, сбрую, тарантасы и собакъ: доктора приказали-де ходить пѣшкомъ для поправленія здоровья. Не хватало водки или вина — опять бѣда на докторовъ: приказали-де пить одну только воду. Такъ-то! А между тѣмъ у сосѣдей губа не дура, не заманишь къ себѣ и писаннымъ пряникомъ. — Чортъ ихъ дери!

орялъ я по-прежнему, но повторялъ уже
щахъ: не высматривалъ въ окно, не выгляд
за ворота. Но жить было все-таки скучн
я рѣшился покончить съ такою жизнь
алъ Бехамъ все, что̀ оставалось, хату от
бехенятамъ подъ школу и собрался въ д
. Хоть-бы слово, хоть-бы совѣтъ отъ кого
, — нѣтъ: каждый тащитъ подарки въ свои
ону, и, вмѣсто благодарности, то-и-дѣло
говоритъ или думаетъ: скатертью тебѣ, ста
, дорога! Тяжело и больно! Никто меня не
ожалъ, никто не пришелъ даже проститься.
нажито, легко прожито — вотъ что думалъ
й. Рѣдко кто говорилъ: Богъ съ нимъ, боль-
ство-же навѣрно повторяло: а чортъ его дери!
вѣкъ, должно быть, такъ уже устроенъ, что
инымъ онъ не можетъ. Бехи тоже люди и
му... всякій знаетъ, что̀ »потому«.

VIII.

Я шелъ той-же самой дорогой, по которой
ѣтствѣ бѣжалъ изъ родительскаго дома. Въ
вкѣ, какъ тогда, такъ и теперь, меня не
ли Беха-мальчишку, не узнали Беха-маіора.
вскіе паробки спустили на меня изъ под-
тни собакъ, чоповщанки-же дѣвчата попря-
сь за воротами, чтобы старый дѣдъ не всу-
ихъ въ торбу. Благо, милостыни я не про-
, а то пришлось-бы даромъ протягивать руку.
це какъ будто немножко и побаливало, —
бродяжническая натура брала верхъ. Дай

Богъ всякому козаковать и бурлаковать; нѣтъ у козака-бродяги горя, нѣтъ у него тоски и хандры. Не сидится на мѣстѣ — иди дальше, ищи гдѣ лучше: Богъ тебя не обидитъ!

Я искалъ тропинокъ, по которымъ когда-то подъ начальствомъ пана Роха гнали мы съ Гладкимъ гусей. Боже ты мой милый! Что шагъ — воспоминаніе. Вотъ что-то бѣлѣетъ возлѣ дороги. Кажется зола, — да зола, она и есть, А можетъ это остатки гусей, можетъ ихъ перегорѣвшія перья и кости? Я покопалъ землю палкой и, казалось, нашелъ объѣдки, оставшіяся отъ Боруха и Хайки... Жизнь, говорятъ, индѣйка,—судьба копѣйка. Сегодня она тебѣ мать, завтра злая мачиха. Сегодня панъ, завтра пропалъ. Зачѣмъ? куда? гдѣ? — одному Богу извѣстно.

Не пѣлось мнѣ въ этотъ разъ: на Дунай! на Дунай! Нѣтъ. Молодость, золотая молодость, улетѣла, а съ ней вмѣстѣ улетѣла и молодая пѣсня. Улетѣло все, осталась только вольная воля, козацкая доля. Она-то и тянула меня въ другую сторону, тянула въ Кіевъ, старый Кіевъ, мать городовъ русскихъ... Мнѣ думалось о Петрѣ Конашевичѣ, Петрѣ Сагайдачномъ. Я просто Бехъ, шляхтичъ и ляхъ, правда шляхтичъ-маіоръ и кавалеръ ордена, я ставилъ себя на одну доску съ этимъ героемъ Хотина, съ этимъ вождемъ на сушѣ и морѣ. Да, я былъ похожъ на ту лягу́шку, которая, завидѣвши вола, сама хотѣла стать тоже воломъ... Но скажите, есть-ли на свѣтѣ хоть одинъ дуракъ, который не считалъ-бы себя первымъ умницей, есть-ли на свѣтѣ хоть одинъ нищій, который не считалъ-бы себя бариномъ?

Нѣтъ, и нѣтъ потому, что чортъ на перекоръ Богу шепчетъ всякому денно и нощно: отчего-бы не стать тебѣ, человѣче, тѣмъ-то и тѣмъ-то, отчего-бы не быть тебѣ дураку умнымъ, бѣдняку богатымъ? Шепчетъ, говорю вамъ, чортово сѣмя эти самыя слова безъ отдыха, безъ устали, а шепчетъ развѣ даромъ? Какъ-бы не такъ! Вотъ хоть-бы и я самъ. Быть рыцаремъ и гетманомъ, какимъ былъ Сагайдачный, я не могъ и не могу — это правда; но что-же мѣшаетъ мнѣ стать похожимъ на Сагайдачнаго — монаха и чернеца? Ничто, а если такъ, то и слава Богу! — Вотъ съ какими мыслями шелъ я впередъ да впередъ; они подбавляли мнѣ силъ и охоты — я былъ доволенъ собой.

Нѣтъ въ мірѣ человѣка — будь онъ православный, католикъ или мусульманинъ, — въ комъ не встрепенулась-бы душа при звукѣ кіевскаго колокола, при видѣ кіевскихъ храмовъ, при видѣ этого стараго всеславянскаго города. Нѣтъ человѣка — будь онъ только славянинъ, — который не преклонилъ-бы колѣнъ предъ этой столицей небеснаго гетмана, защитника и покровителя славянскаго рода, славянской земли.

Я увидѣлъ Кіевъ — и преклонилъ колѣни, я смотрѣлъ на него, какъ смотрѣлъ Ной на радугу. Горе, слезы, печаль — все это умчалось съ невзгодой, съ тучами и вѣтромъ, осталась только радуга — отрада, отдыхъ и надежда на спасеніе. Не помню, сколько времени стоялъ я на колѣняхъ, не могу сказать также, сколько самыхъ разнородныхъ мыслей передумалъ я въ это время; помню только, что стало уже темно, когда

я поднялся на ноги и быстро направился къ городу. Мысль прожить всю жизнь въ бурлачествѣ, въ ходьбѣ и скитаніяхъ, боролась еще въ душѣ съ желаніемъ отречься отъ міра и посвятить себя монашеству. Нужно было спѣшить, подавлять волю, не то желаніе стать похожимъ на Петра Конашевича могло остаться на вѣки мечтой, однимъ только желаніемъ.

Я прошелъ мимо Золотыхъ воротъ, тѣхъ самыхъ воротъ, на которыхъ, говорятъ, видѣнъ и по-нынѣ знакъ меча Болеслава Храбраго,—тѣхъ самыхъ, подъ которыми проѣзжалъ нѣкогда Болеславъ Смѣлый. Ни знака, ни слѣдовъ копытъ вороного коня я не замѣтилъ, хотя и думалъ о Болеславахъ. Ой, и славные же то были короли! Хотѣлось имъ сдѣлать Кіевъ своею столицей, а свою столицу центромъ Славянства. Смѣло шло за ними рыцарство, смѣло добивалось оно того, чего желали ихъ короли—а теперь? Теперь все это перепуталось преданіями, вымыслами, стало сномъ, никогда неосуществимымъ, никѣмъ недостижимымъ. Поляки пошли не за Болеславами, а за нѣмцами, пошли бить нѣмцамъ поклоны, пошли искать у нихъ правды и защиты. Богъ же и покаралъ, или нѣтъ — наградилъ и подѣло́мъ (справедливо) ихъ за это: Кіевъ отошелъ къ Бѣлому царю, который отнынѣ и во вѣки есть по праву охрана Славянства.

Съ Стараго города я перешелъ на Печерскъ и очутился противъ Царскаго сада.

Предо мной была обширная площадь, настоящая степь. То самъ, то тамъ, по окраинамъ этой площади мелькали огоньки—и свѣтъ этихъ

огоньковъ, при наступившей темнотѣ, еще больше напоминалъ широкую степь съ голодными волками, зорко высматривающими добычу. Фонари и фонарики казались мнѣ волчими глазами, въ тройкахъ же и двуконкахъ, быстро пронизывавшихъ площадь въ различныхъ направленіяхъ, я видѣлъ охотниковъ, собравшихся на облаву за звѣремъ. Шумъ и движеніе невольно возбуждали къ жизни, по крайней мѣрѣ къ глазѣнью; но я рѣшилъ твердо идти по слѣдамъ Сагайдачнаго и потому, несмотря на приманку, быстрыми шагами двинулся по направленію къ лаврѣ. Какъ ни быстро я шелъ, но ночь шла быстрѣе. Ворота въ лаврѣ были уже заперты; въ монастырѣ всѣ давно уже спали. Дѣлать нечего — я сѣлъ подъ деревомъ, и мнѣ сейчасъ же пришло на мысль, что это дерево, быть можетъ, и есть то самое, подъ которымъ сидѣлъ Конашевичъ, поджидая эсаула, предъ походомъ въ Хотинъ. Оно, должно быть, на самомъ дѣлѣ такъ и было: дерево росло какъ разъ подъ берегомъ Днѣпра въ самомъ скалистомъ и обрывистомъ мѣстѣ. Подъ моими ногами текли уже не дунайскія, а днѣпровскія волны. Текли они гнѣвно и шумно, хлеща порой въ прибрежныя скалы, какъ хлещетъ разсерженная мать, купая крикливаго ребёнка. Пѣна бѣлыми змѣйками приставала къ берегу, разрывалась, плыла дальше и терялась въ темнотѣ. Я думалъ о быломъ, добромъ времени, думалъ— и незамѣтно заснулъ. Во снѣ видѣлъ то, чтó и всегда: жену, дѣтей, ихъ смерть и похороны. Охъ, какъ тяжелы были эти сны! Безъ слезъ

никогда я не просыпался, не проснулся без
нихъ и въ этотъ разъ.

Въ церкви пѣли уже пѣвчіе, солнце поды
малось съ Днѣпра, будто съ купели, и »Свѣт
тихій« — утренняя православная молитва —
привѣтствовала нарожденіе новаго дня. »Господ
помилуй насъ грѣшныхъ, Господи помилуй!
пѣлъ я вмѣстѣ съ клиромъ, и на душѣ стал
такъ легко, отрадно, будто гора свалилась с
плечъ. Тоски по земномъ и мірскомъ шумѣ уж
не было, я жаждалъ исполненія монашескаг
обѣта, какъ манны небесной. Богу было угодн
— и мое желаніе исполнилось. Поклонившис
игумену, исповѣдавшись и причастившись, я по
стригся въ монахи и пошелъ, по своему соб
ственному желанію, на службу въ пещеры.

Между монахами, жившими въ лаврѣ, хо
дило издавна повѣріе, что въ пещерахъ ест
побочные отроги, ведущіе въ Москву, Цареград
Іерусалимъ и на Аѳонъ, что будто-бы по этим
отрогамъ приходилъ въ лавру и уходилъ изъ не
не одинъ монахъ, что, наконецъ, въ побочных
пещерахъ есть родники ключевой воды, баштан
(огороды), засѣянные арбузами и кукурузой,
т. п. — Собственными глазами видѣли прихо
дившихъ, собственными ушами слышали ихъ раз
сказы, — говорили монахи, а для вящаго дока
зательства, называли имена иноковъ, совершив
шихъ это странствіе и оставшихся все-таки цѣ
лыми и невредимыми. Но (замѣчали разсказчики
ходить по этимъ пещерамъ иначе нельзя, как
за паспортомъ патріарха или св. синода; не т
не уйдешь и версты: въ головѣ зашумитъ, в

глазахъ зарябитъ—тутъ тебѣ и »капутъ«. Съ паспортомъ дѣло другого рода. Пойдешь, какъ по почтовой дорогѣ, безъ задержекъ и остановокъ, не слѣдуетъ только оглядываться, а смотрѣть и идти все впередъ, да впередъ. Оглянулся или возвратился шага на два назадъ — тоже »капутъ«: сейчасъ засыплетъ тебя пескомъ и самъ обратишься въ песокъ.

Обо всемъ этомъ монахи говорили мнѣ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою увѣренностью въ возможности подобныхъ чудесъ, что я повѣрилъ тогда и вѣрю до сихъ поръ. Да и какъ, братья, не вѣрить? Самъ я пойду сейчасъ тою-же дорогой въ старый Кіевъ, — и дастъ Богъ сподоблюсь видѣть то, что́ видѣли другіе.

Итакъ я удалился добровольно отъ міра, потому что жить въ мірѣ было уже не по вкусу: и скучно, и тошно, а главное все то выходитъ не такъ, какъ-бы хотѣлось шляхетской фантазіи и фанаберіи. У нашихъ все не по-людски, все вверхъ дномъ: гербовое дворянство стало вдругъ ни съ того ни съ сего мѣщанствомъ, — и мнѣ приходилось или умереть, или удалиться отъ земной суеты. Куда ни посмотришь — вездѣ спекуляція, вездѣ »шахеръ-махеръ«: жидки и панки пошли рука въ руку, стали жить душа въ душу. Панъ сидитъ на о́ткупѣ[1]) — жидокъ шинкуетъ въ корчмѣ; панъ сажаетъ свёклу[2]) — жидокъ дѣлаетъ сахаръ; жидокъ собираетъ тряпье — панъ готовитъ бумагу; словомъ, другъ безъ друга не ступитъ и шагу, точно родные

---

[1]) арендѣ; [2]) бураки.

братья или близнецы. Посудите-же сами: развѣ Беху, гербовому шляхтичу, можно жить въ компаніи съ такими людьми, развѣ можетъ идти онъ съ ними одно за одно? — Нѣтъ и нѣтъ! Бехъ не станетъ ни жидомъ, ни мѣщаниномъ, а между тѣмъ обратиться въ ничто шляхтичъ тоже не можетъ. Вотъ почему я пошелъ въ монахи и пошелъ добровольно!

Половину дня я молился ежедневно Богу, другую-же половину бродилъ надъ Днѣпромъ и по городу, не говоря ни съ кѣмъ и полслова. Стыдно, а все-таки нужно сознаться, что и въ то время мнѣ хотѣлось больше побывать еще разъ на Тиносѣ, чѣмъ идти на тотъ свѣтъ, хоть бы въ самое небо.

Между тѣмъ шесть мѣсяцевъ умчалось, какъ не бывало; подошло время ярмарки. Въ городъ понаѣхало пропасть всякой шляхты, на улицахъ пошла толкотня, шумъ, гамъ. Одинъ кричитъ, что успѣлъ передѣлать отцовскій замокъ въ сахарный заводъ; другой горланитъ, какъ ловко удалось перестроить дѣдовскій манежъ въ винокурню[1]), третій опятъ что-нибудь въ подобномъ-же родѣ, а всѣ вмѣстѣ то-и-дѣло, что трещатъ: а я столько-то стянулъ съ Гершки аренды, а я столько-то взялъ съ Мойшки за винокурню... Бывшіе князья, графы торгуютъ за прилавкомъ водкою, виномъ,—чуть не пускаютъ въ ходъ родныхъ дочерей для приманки, лишь-бы въ лавку заглядывало по-больше покупателей, да по-больше »кербелей«[2]) перепало въ мошну.

---

1) горальню; 2) жидовское названіе рублей или карбованцевъ.

— Хорошо все это, прилично даже, и прилично купцу-мѣщанину, а не ляху-шляхтичу — думалъ я, глядя на панство; но такая должно быть ужъ наша судьба: не пановать, такъ торговать!

Вотъ съ какими мыслями ходя по городу, встрѣтился я однажды съ двумя старовѣрческими священниками изъ Бѣлокриницы, что на Буковинѣ. Были это отецъ Павелъ и отецъ Олимпій. Оба они пріѣзжали ежегодно въ Кіевъ на ярмарку, покупали въ лаврѣ и прочихъ кіевскихъ монастыряхъ иконы, крестики, словомъ всякія священныя вещи, и потомъ развозили все это по славянскимъ землямъ.

Старый другъ, лучше новыхъ двухъ, — а съ священниками знакомъ я былъ издавна; ну и давай калякать-балакать: откуда, куда, какъ живется-можется? Слово за словомъ, дальше и дальше, — старовѣры мнѣ и предлагаютъ: Поѣзжай, братецъ, съ нами: съ Богомъ мы по-міру ѣздимъ, Бога по-міру носимъ, — себѣ на спасенье, другимъ въ поученье!

Какъ было сказать »нѣтъ«? Нельзя! Кіевская шляхта смерть мнѣ не нравилась и на предложеніе старовѣровъ я согласился, почти съ перваго же слова. Богъ дастъ — думалось мнѣ — успѣю побывать на Тиносѣ, поклонюсь гробу жены, дѣтей, а потомъ пещерами вернусь назадъ въ Кіевъ—и уже вернусь на-всегда.

Сказано—сдѣлано. Я отправился съ старовѣрами, ѣздилъ съ ними по всѣмъ славянскимъ землямъ цѣлый-цѣлехонькій годъ, а что видѣлъ и слышалъ въ это время,—того не спишешь и на воловой кожѣ, потому и говорить нечего.

Побывавъ вездѣ, мы пріѣхали, наконецъ на Аѳонъ. Отсюда старовѣрамъ захотѣлось отправиться въ Іерусалимъ, я-же, провѣдавъ, что готовится новая война султана съ Бѣлымъ царемъ, захотѣлъ еще разъ посмотрѣть на молодцовъ и поѣхалъ къ некрасовцамъ, а оттуда, какъ вскорѣ увидите, пробрался на Тиносъ.

IX.

На азіатскомъ берегу Моносскаго озера, на пятьдесятъ верстъ разстоянія отъ мѣстечка Эрдакъ, жили некрасовцы, войско Игната Некрасы, какъ они сами себя величали. Во время моего пріѣзда некрасовцы собирались на войну: точили сабли, заряжали ружья, поили коней и сами потягивали вино.

Залихватскій народъ, скажу я вамъ, эти некрасовцы! Попоны на лошадяхъ красныя, чепраки тоже, колпаки у молодцовъ, что̀ твоя кровь, да и сами молодцы кровь съ молокомъ. Смерти не знаютъ, потому и не боятся, идутъ въ свалку, какъ въ пляску,—на коняхъ гарцуютъ, козачка танцуютъ; черезъ плечо нагайка, у сѣдла балалайка: саблей машутъ, подъ балалайку пляшутъ,—заглядѣніе и только!

Некрасовцы собирались на войну по приказу султана и собирались быстро. Не прошло и дня, какъ всѣ уже были готовы, а готовы—на коней и маршъ! Дома остались одни лишь старики да дѣвчата съ бабами.

Тяжело было мнѣ смотрѣть на ихъ сборы, отъѣздъ: некрасовцы шли вѣдь противъ родныхъ братьевъ, противъ собственной крови. Предки

ихъ били татаръ съ храбрымъ княземъ Димит-
ріемъ, предки ихъ ходили съ отважнымъ Ерма-
комъ,—а они, они бѣгутъ теперь драться за ту-
рокъ, тѣхъ же татаръ. Сердце разрывалось н
части и ныло, но ныло не потому, что я, Бо-
риславъ Бехъ, считалъ себя умнѣе прочей шляхты
нѣтъ,—шляхетскій задоръ и шляхетская кровь
играли во мнѣ тогда, играютъ и теперь; но, бродя
по міру, я видѣлъ столько всякихъ видовъ, ви-
дѣлъ столько всякой неправды, что теперь вѣ-
рую какъ въ Бога, Бога Единаго, Его Сына и
Святаго Духа, что славянская правда только и
есть у Бѣлаго царя въ старомъ Кіевѣ да печер-
ской лаврѣ! Больно мнѣ было у некрасовцевъ, но еще
больнѣе стало въ Цареградѣ, когда, пріѣдя въ
этотъ городъ, я пошелъ въ софійскую лавру,
айя-Софію мусульманъ. Откуда ни возьмись, попа-
дается вдругъ на встрѣчу эскадронъ конницы.
Смотрю, смотрю, наши украинскіе козаки, запо-
рожцы,—но, Боже мой, какіе козаки! Трудно
узнать, трудно повѣрить, чтобы это были козаки.
Одѣты по-турецки, ѣдутъ по-турецки, смотрятъ
по-турецки; самъ начальникъ точь въ точь Ляхъ
Однокишкій..., но куда? жаль имени, жаль преж-
ней славы... Узналъ я и козацкое знамя, то са-
мое, которое видѣлъ первый разъ у смертельнаго
ложа пана Ляха,—но что́ же? Золотой право-
славный крестъ, вышитый на серебрянномъ фонѣ,
терялся совсѣмъ въ складкахъ въ то время, какъ
оттоманская луна ярко красовалась на красномъ,
кровавомъ полѣ. Богъ видимо оставилъ козаковъ
и не допускалъ своего святаго имени до пору-
ганія,—а отчего? Оттого, что козаки жили всегда

неправдой, ходили не противъ враговъ, а противъ родныхъ братьевъ и кровныхъ.

Ой, не пойду же я съ ними на Дунай—думалось мнѣ сквозь слезы,—не пойду смотрѣть на братоубійственную драку! Будетъ съ меня того, что́ видѣлъ, и отъ этого нѣтъ уже мочи! — Я повернулся и пошелъ къ гавани. Тутъ нашелъ корабль, отправляющійся на Тиносъ; сѣлъ на него и поѣхалъ.

X.

Страненъ, куда страненъ человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ! Сколько горя, печали и слезъ вынесъ я на этомъ островѣ: тутъ похоронилъ я свою молодость, свое счастіе, — а все-таки съ нетерпѣніемъ ждалъ появленія земли, на которой мнѣ жилось такъ отрадно. Если человѣкъ не забываетъ прошлаго, если его воспоминанія тянутъ въ эту сторону, — то само это прошлое, будь въ немъ одно, одно только горе, во сто, въ тысячу разъ лучше настоящаго, будь въ этомъ настоящемъ одно только счастіе. »Прошлаго не воротишь« — вотъ загадка нашей жизни. Тотъ же, кому это не приходитъ на мысль, тотъ, кто не знаетъ этой странной загадки, — тотъ не помнитъ, что прошлое неразрывно связано съ молодостью, а настоящее идетъ всегда рука объ руку съ старостью. Нужно состарѣться, нужно стать одной ногой на землѣ, другой въ гробу, чтобы понять всю силу, обаятельную силу молодости. Я былъ такимъ — и силу эту понялъ.

Я, странникъ, монахъ и отшельникъ, — я одѣлся въ лучшее платье, какое у меня

было, расчесалъ бороду, нафа́брилъ усы, будто готовился стать ясневельможнымъ настоятелемъ отцовъ базильяновъ, привѣсилъ даже георгіевскій крестъ. Не успѣлъ еще ботъ пристать къ берегу, какъ я выскочилъ на землю и сейчасъ же пустился бѣжать по знакомымъ тропинкамъ прямо на кладбище. О, какъ чудны были могилы! Они тоже, должно быть, одѣлись въ лучшія свои одежды къ моему приходу. Четыре плакучія берёзы фестонами спускались на мра́моръ надъ гробомъ моей Ирины, а кругомъ мрамора бѣлый жасминъ, бѣлыя розы — все это цвѣло, зеленѣло. Тутъ же лежали четыре маленькихъ мрамора надъ гробами моихъ дѣтей, съ розмаринами въ изголовьяхъ, съ бѣлыми розами кругомъ....

Сначала я помолился надъ каждымъ гробомъ, потомъ сѣлъ и началъ водить глазами отъ мрамора къ мрамору. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ я вижу моихъ малютокъ, мою милую, добрую Ирину, вижу, какъ они привѣтствуютъ меня улыбкой... Хорошо, хорошо мнѣ было въ эти минуты! Я забылъ обо всемъ и жилъ вновь съ своими дѣтьми, своею Ириной... и не помню, какъ уснулъ; но во снѣ я видѣлъ то же, не переставалъ любоваться своимъ счастіемъ.

Проснувшись, я замѣтилъ, что солнце уже давно взошло. Возлѣ меня стояли горшечки съ пищей и кувшинчики съ водой и виномъ. Принесли ихъ добрые люди, поставили и незамѣтно ушли. Греки добрые люди, — они любить умѣютъ.

Не помню, сколько времени пробылъ я на островѣ, но кажется пробылъ очень долго. Тутъ мнѣ было лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Греки мнѣ сочувствовали и сочувствовали безъ любопытства;

никто не спросилъ ни разу, откуда я пріѣхалъ, что́ дѣлаю, куда думаю ѣхать. Они чувствовали, что ихъ разспросы будутъ мнѣ въ тягость, — понимали это, потому что у нихъ есть человѣческое сердце. О, сколько добра сдѣлали мнѣ въ жизни греки. Награди ихъ за это Господи!

Такъ летѣло время, и не было прежней скуки, тоски. Я ночевалъ на моихъ могилахъ, каждую ночь видѣлъ своихъ, говорилъ съ ними будто не во снѣ, а на-яву. Вотъ является однажды ко мнѣ моя Ирина – и съ ней четверо моихъ малютокъ, всѣ въ бѣломъ: дѣти какъ Божіе ангелы съ сіяніемъ вокругъ головокъ, а жена, бывшая паликарка, бывшая львица, теперь такая тихая, спокойная... святая. Пришла и говоритъ: — Мы въ раю, ждемъ тебя; не теряй времени!

Четверо малютокъ, — два сына, Михаилъ и Юрій, и двѣ дочери Марія и Анна, — всѣ касались меня ручёнками и тоже говорили: — Мы въ раю. Намъ такъ хорошо, хорошо. Пришли мы за тобой. Иди съ нами. Будемъ вмѣстѣ!

Такъ сладко звучалъ ихъ голосъ, такъ отрадно стало мнѣ отъ него на душѣ, что я хотѣлъ встать и идти... но раскрылъ глаза и увидѣлъ: пять человѣческихъ образовъ поднялись надъ гробами, поднялись какъ птицы и полетѣли вверхъ, вверхъ, подъ самое солнце и исчезли въ его лучахъ....

Я палъ на колѣни, благодарилъ Бога и, въ память видѣнія, взялъ по вѣткѣ розмарина съ могилокъ дѣтей и вѣтку плакучей березы съ гроба жены. Вотъ, смотрите, какъ хорошо сохранилъ я эти вѣтки, — вѣдь будто сорвалъ ихъ

вчера. Они знакъ самого Бога, — пора, братья, спѣшить мнѣ къ своимъ!

Взявъ вотъ это на память, долго еще молился я надъ могилами. Прощался съ ними, цѣловалъ деревья, цвѣты, мраморъ, землю... потомъ быстро всталъ и не помню какъ удалился...

У грековъ раздобылъ я лодку съ парусомъ и весломъ, и самъ одинъ поѣхалъ въ море: послѣ всѣхъ волненій, пережитыхъ на островѣ, слѣдовало прійти въ себя, отдохнуть. Но видно самъ Богъ руковидилъ моею судьбою; пятнадцать дней былъ я на морѣ и ни разу не случилось бури. Вѣтеръ тихонько вздымалъ парусъ, я сидѣлъ на кормѣ, но рулемъ не правилъ: спустился на Божью волю. Незамѣтно проѣхалъ я Дарданеллы, проскользилъ по Мраморному морю, какъ по стеклу, пробрался мимо Цареграда и вышелъ въ Черное море. По дорогѣ встрѣтилъ бывшихъ козаковъ и отъ нихъ узналъ, что война уже кончена, — война-же была такая:

Англичане, французы, нѣмцы, швабы, мадьяры, волохи, турки, арабы, словомъ большая часть народовъ Европы и порядочная часть народовъ Азіи — всѣ пошли противъ Бѣлаго царя, у котораго только и было, что́ одни славяне, русскіе, свои подданные. Не полагаясь на свои силы, враги Бѣлаго царя не осмѣлились выйти въ окрытое поле, — на это все-таки нужна храбрость да кое-какая смётка въ головѣ, а этой-то сметки въ запасѣ у нихъ было не очень много; вотъ почему осадили они Севастополь, какъ осаждали нѣкогда греки Трою. Пришли съ большимъ флотомъ, стали драться на сушѣ, начали

бить пушками стѣны, колотить народъ Божій на пропалу́ю, тратить цѣлые милліоны денегъ, взяли даже штурмомъ Севастополь, правда не весь, а половину — но все-таки самого дѣла не сдѣлали и поѣхали во свояси кончать на бумагѣ то, что́ осталось не поконченнымъ на землѣ.

Между тѣмъ войска Бѣлаго царя показали, что́ можетъ русская сила, когда дѣло пойдетъ на драку за царя и вѣру. Новый царь даровалъ Европѣ миръ и сдѣлалъ это безъ малѣйшаго урона для своей славы, — потому Россія, Россія одна, оборонялась противъ полъ-мира. Пусть-же и будетъ ей за это вѣчная слава въ Славянствѣ, пусть-же и будетъ ея царь царемъ и освободителемъ славянскаго роду и племени!

Коли все такъ кончилось, — то и хвала Господу, хвала св. Михаилу архангелу, хвала св. Георгію побѣдоносцу, хвала св. Николаю чудотворцу, покровителю Россіи, хвала св. Андрею, покровителю славянъ, хвала св. Александру Невскому, молебнику русскихъ царей, хвала всѣмъ св. Божьимъ угодникамъ, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Аминь и мнѣ; — пора кончать. Да я уже кончилъ! Отче игумене! дай мнѣ паспортъ и копѣйки на дорогу, а вы, братья, хлѣба-соли да вина на запивку, — не близкій бачь свѣтъ! Миръ вамъ здѣсь, миръ мнѣ въ старомъ Кіевѣ!

XI.

Такъ кончилъ разсказъ свой Орелъ.

Игуменъ далъ ему паспортъ, въ которомъ очень четко было написано: »Бориславъ Бехъ,

гербa Янушъ, шляхтичъ шестой книги, признанный двѣнадцатой гербовой комиссіей и утвержденный правительствующимъ сенатомъ и высочайшимъ указомъ«. Кромѣ паспорта игуменъ далъ Орлу еще — девять копѣекъ, ровно девять, ни больше, ни меньше. Между тѣмъ братья набили два огромныхъ мѣшка до верху всякими припасами и наполнили двѣ бутылки, настоящихъ два боченка, — одну водкой, другую виномъ.

Спряталъ панъ Бехъ паспортъ за пазуху, копѣйки въ карманъ, мѣшки перевѣсилъ через плечи, какъ ра́нецъ, ножъ заткнулъ за поясъ, и съ палкой въ одной рукѣ, и бараньей шапкой въ другой, поклонившись игумену, сказалъ: »благослови отче!«

Игуменъ благословилъ: »Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.« Бехъ билъ поклоны, крестился. Потомъ надѣлъ шапку, постучалъ палкой, потому ему было спѣшно, поклонился еще разъ игумену и братьѣ, и пошелъ въ путь.

Всѣ монахи, даже игуменъ, провожали его пещерой до того мѣста, гдѣ она дѣлилась на два рукава. Тутъ остановились, пропѣли акаѳистъ, выпили на прощанье по глотку вина. Орелъ, панъ Бехъ, выпилъ тоже, перекрестился еще три раза, а потомъ пошелъ быстрымъ шагомъ въ Кіевъ.

Такъ разстались чернецы съ братомъ своимъ Орломъ. Вернулись они домой, — каждый ждать своей очереди: кому воля въ Москву, а кому въ Кіевъ...

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Изданіе И. Н. Полеха.

Я. МАРЛИНСКІЙ

(А. А. БЕСТУЖЕВЪ).

Романъ и Ольга.

Повѣсть 1396 года.

ЛЬВОВЪ.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института

подъ управленіемъ О. Даниилюка.

1898.

I.

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали:
Всему конецъ!
Что пользы въ платье золотое
Себя рядить?
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить!
Жуковскій.

— Этому не бывать! — говорилъ Симеонъ Воеславъ, именитый гость [1]) новогородскій, брату своему: — не бывать, какъ двумъ солнцамъ на небѣ. Правда, твой любимецъ, Романъ Ясенскій, хорошъ и пригожъ, служилъ вѣрой и правдой Новугороду, потерпѣлъ много за Русь святую; гораздъ повесть слово на вѣчахъ, въ бесѣдахъ; удалъ на игрушкахъ военныхъ [2]) и на все смышленъ, ко всѣмъ привѣтливъ... Одна бѣда, — примолвилъ Симеонъ, съ гордостью перебирая связкою ключей на поясѣ: — онъ бѣденъ, стало быть не видать ему за собой Ольги.

— У тебя-ль, Симеонъ, нѣтъ золота? — возразилъ братъ его, Юрій Гостинный, сотникъ конца Славенскаго. — Тебѣ ли желать богатаго зятя, когда ты можешь устлать деньгами всю дорогу его къ церкви вѣнчальной.

---

[1]) купецъ; [2]) такъ назывались на Руси турниры.

— Но кто мнѣ порука, что не деньги влекутъ Романа къ моей дочери?

— Его чу́вства, Симеонъ, его поступки: кто безкорыстно принесъ въ жертву ро́динѣ свою кровь и молодость, кто первый запалилъ наслѣдственный домъ, чтобъ онъ не достался врагамъ Новагорода, тотъ, конечно, не промѣняетъ души на приданое!

— Такъ не хочешь ли, братецъ любезный, чтобъ я бросилъ мою лучшую, завѣтную жемчужину въ мутный Волховъ, чтобъ я отдалъ мою дочь за человѣка, у котораго нѣтъ тридевяти сноповъ для брачной постели, у котораго и любимый конь пасется муравою пріятелей! Моей ли Ольгѣ онъ чета́! У нея корабли въ морѣ, у него... журавли въ небѣ.

— Братъ! не порочь добраго гражданина! Сердце Романово стоитъ твоихъ мѣшковъ съ золотомъ, и въ его жилахъ течетъ не худая кровь дѣтей боярскихъ: племянницѣ моей не стыдно сложить руку съ рукою правнука Твердиславова [1]).

— Да будь онъ потомокъ самого Вадима, и тогда безъ золотого гребня не расплести ему косы моей Ольги, и своей славною саблей не отворить коварнаго ларца [2]) съ ея приданымъ!

— Чудный человѣкъ! ты ищешь за свое добро купить себѣ горе, а дочери несчастье. Ольга любитъ Романа; ея слезы́...

---

[1]) Твердиславъ былъ посадникомъ (головою) новогородскимъ въ 1219 году; [2]) скрини.

— Слезы вода, а про любовь ея, задуманую безъ моего согласія, не хочу я и слышать.

— Братъ Симеонъ! сердце не слуга, ему не прикажешь!

— Зато можно отказать. Съ этого часу запрещаю Ольгѣ и мыслить о Романѣ, а ему ходить ко мнѣ. Я хочу, чтобы она думала не иначе, какъ головою отца да матери; жила бы по старинѣ, а не по своей волѣ, и не подражала-бъ чужеземнымъ, привознымъ обычаямъ. Правду молвить, въ этомъ первою виной германцы, и когда бы могъ, то изгналъ бы ихъ всѣхъ изъ православнаго Новагорода.

— Если-бъ не торговыя выгоды! — прервалъ Юрій, съ усмѣшкою разглаживая усы свои.

— Да, да, если-бъ не торговыя выгоды! — отвѣчалъ Симеонъ, тронутый такимъ замѣчаніемъ: — выгоды, которыя сдѣлали меня первымъ гостемъ новогородскимъ, а мою дочь богатѣйшею невѣстой, у которой свахи лучшихъ жениховъ обили пороги.

— И всегда и на-всегда напрасно: Ольга не изберетъ другого, если ты не выберешь ею избраннаго. Братъ и другъ! ты хорошо знаешь свои счеты, но худо страсти людскія. Ольга можетъ въ твою угоду скрыть слезы свои, но эти слезы сожгутъ ея сердце, и она безвременно увянетъ, какъ цвѣтъ, изсохнетъ, какъ былинка на камнѣ. Не дѣлай же её несчастною, не заставь крушиться родныхъ на твое позднее раскаяніе. Послушай совѣта отъ друга и брата, чтобъ послѣ не плакаться Богу; исполни мою просьбу, а молодыхъ мольбу: отдай Ольгу Роману!

Слово »совѣтъ« пробудило гордость Сим
опову.

— Побереги эти совѣты для дѣтей своих
— сказалъ онъ, нахмуривъ брови, чтобы под
суровостью чела скрыть слезы, навернувшіяс
на глазахъ отъ рѣчи Юрія: — старшему брат
поздно жить умомъ младшаго.

Долго длилось молчаніе. Юрій, недовольны
худымъ успѣхомъ сватовства, видѣлъ, что он
оскорбилъ самолюбіе брата. Симеонъ досадовал
на него за противорѣчіе, а на себя за поминъ
старшинствѣ. Одинъ глядѣлъ въ косятчатое
окошко[2]), другой игралъ кистью[3]) своего узор
чатаго кушака[4]); оба искали словъ къ разговор
и не находили. Наконецъ нетерпѣливый Юрі
рѣшился избавить себя и брата отъ затрудненія
уходомъ.

— Прощай, братецъ! — тихо сказалъ он
снимая со стопки[5]) свою бобровую шапку.

— Съ Богомъ, Юрій! но почему ты не о
станешься здѣсь у́жинать?[6]) Я поподчую[7]) теб
стерлядью[8]) и славнымъ виномъ заморскимъ.

— Если-бъ даже ты угостилъ меня кня
жескими павлинами[9]), я не останусь: тоска пле
мянницы отравитъ рѣдкія твои яства и дорогу
мальвазію.

— Вольному воля! — повторилъ раза дв
Симеонъ, провожая брата.

Задумавшись, сѣлъ онъ подъ божницей[10])
блестящей золотыми окладами и вѣнцами ста

---

[1]) съ футринами; [2]) оконце; [3]) кутасомъ; [4]) пояс
[5]) колка; [6]) вечерять; [7]) угощу; [8]) чечугою (родъ рыбы
[9]) павами; [10]) полица съ св. иконами.

ринныхъ иконъ, изукрашенныхъ камнями само-цвѣтными. Сватовство Романа не выходило изъ его головы: участь дочери лежала на сердцѣ гордость боролась съ отеческою любовью. Больше всего на свѣтѣ любилъ Симеонъ Великій Новгородъ, но больше всего уважалъ богатство и потому-то человѣкъ, не отличенный еще со гражданами, не надѣленный счастіемъ, съ своими заслугами и достоинствами, казался ему ничтожнымъ. Къ этому присовокупилась давняя досада за противность на вѣчѣ, гдѣ Романъ сильно опровергалъ его мнѣнія. Симеонъ скоро увидѣлъ истину; но старые люди рѣдко ее прощаютъ юношамъ. Разсчетливость не охладила въ немъ чувствъ, но тщеславіе заставило желать для дочери жениха именитаго и богатаго: судьба Романа рѣшилась. Симеонъ не любилъ говорить дважды.

»Братъ посердится и уймется, думалъ онъ а любовь дѣвушки — ледъ вешній[1]): поплачетъ она, поскучаетъ... и другой женихъ оботретъ ея слезы бобровымъ рукавомъ шубы своей!«

Блѣденъ какъ полотно выслушалъ Романъ изъ устъ Воеслава свой приговоръ. Добрый Юрій былъ ему вмѣсто отца родного: онъ старался смягчить отказъ словами ласковыми, льстилъ надеждой далекою, но могъ ли обольстить несчастливца? Сердце влюбленнаго чутко, взоры его не обманчивы; Романъ издалека прочиталъ бѣду на лицѣ благодѣтеля. Въ изступленіи нѣмого отчаянія, вперивъ неподвижные взоры на дверь,

[1]) весенній.

долго сидѣлъ онъ на лавкѣ дубовой, ничего не видя и не слыша. Горькіе вздохи вздымали грудь, занимали его дыханіе; наконецъ природа взяла верхъ: въ два ключа брызнули слезы изъ очей юноши; онъ, рыдая, упалъ на грудь великодушнаго друга.

Въ тѣ времена добрые люди не стыдились еще слезъ своихъ, не прятали сердца подъ привѣтной улыбкою: были друзьями и недругами явно. Воеславъ плакалъ вмѣстѣ съ Романомъ, и благодарная душа Романа какъ будто утѣшилась росою отрады.

II.

Уста раскрывъ, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая;
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
А. Пушкинъ.

Милая Ольга не знала, не вѣдала о бывшемъ. Въ высокомъ липовомъ своемъ тéремѣ, въ кругу нянекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, сидѣла она за пяльцами [1]), вышивая ковёръ шелковый, и между тѣмъ, какъ нѣжная рука выводила узоры, воображеніе рисовало ей блестящія картины будущаго. Она краснѣла отъ удовольствія при мысли, что на этотъ ковёръ, можетъ быть, ступитъ она подъ вѣнецъ съ милымъ сердцу. Воспоминаніе переносило ее къ первой встрѣчѣ съ прекраснымъ юношею, когда онъ забылъ покло-

[1]) коросками.

ниться, пораженный ея красотою, боясь свест[и]
глаза съ плѣнительной Ольги. Съ младенческо[ю]
подробностью припоминала она ту прелестну[ю]
весну, когда сердце ея распустилось, какъ роза
подъ дыханіемъ первой любви; тотъ незабвенный семи́къ[1]), когда впервые рука ея трепетал[а]
въ рукѣ Романа, когда нехотя убѣгала она в[ъ]
рѣзвыхъ горѣлкахъ[2]) отъ милаго незнакóмца [и]
какъ будто случаемъ съ нимъ встрѣчалась, с[ъ]
нимъ завивала берёзку и, когда Волховъ умчал[ъ]
гадальный вѣнокъ ея, въ глазахъ Романовых[ъ]
хотѣла прочесть будущую свою участь; припоминала мѣста, гдѣ видались они, и тайныя рѣчи
и поступь, и одежду сердечнаго друга. Иногда
опустивъ иголку, въ обманѣ мечты, ей казалось
какъ на-яву, будто Романъ стоитъ передъ не[й]
въ свѣтло-синемъ кафтанѣ своемъ, съ серебряными застежками, обтянутомъ около стройнаг[о]
его стана, въ зеленыхъ сафьянныхъ сапожках[ъ]
съ золочеными каблуками[3])! Казалось, она видѣла, какъ онъ кланяется съ обычною увѣтливостью, какъ отряхаетъ русыя кудри свои, как[ъ]
закладываетъ шитыя съ бахромою[4]) перча́тк[и]
за кушакъ шемахинскій—и мимолетный вѣтеръ чу[]дился ей голосомъ любезнаго. Какъ любила слушат[ь]
она Романовы повѣсти о дальнихъ походахъ но[]вогородцевъ, на поморье и на подолье, о битвах[ъ]
съ желѣзными богатырями, съ суровыми шведам[и]
съ дикими половцами и литовцами! Она заслу[]шивалась имъ, растворивъ окно свѣтлицы над[ъ]

---

[1]) седьмой четвергъ послѣ Пасхи (народное гулянье
[2]) „лапанкахъ“ (родъ забавы); [3]) „обцасами“; [4]) френзлям

отеческимъ крыльцомъ, гдѣ милый воитель бе
довалъ за стопой[1]) кипящаго меду, сидя съ б
тьями Воеславами, по субботамъ въ часъ вечо
когда кончены всѣ заботы недѣли, и тонкій п
встаетъ съ бань приволховскихъ, и рѣка кип
пловцами. Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ б
гоговѣніемъ внимала она разсказу о недавн
нашествіи Тамерлана, о промыслѣ Всемогущ
спасшаго Москву отъ гибели, вѣрою гражд
заступленіемъ Дѣвы Пречистой, образомъ Вла
мірской Богоматери! Съ какимъ участіемъ про
жала Романа, плѣненнаго въ Ельцѣ, за войско
монголовъ, гонимыхъ невидимымъ мечемъ
Россіи! Описаніе вѣчно-цвѣтущей Астрахани,
верчатыхъ закубанскихъ береговъ и Кавка
подпирающаго небо снѣжнымъ шлемомъ[2]), о
реннымъ тучами, и грознаго величія бича в
ленной — Тимура, его роскошнаго двора,
звѣронравныхъ подданныхъ съ ихъ нарядами,
ихъ обрядами и забавами, привлекало внима
Ольги. Добыча цѣлаго свѣта, запечатлѣнная к
вью милліоновъ людей, лежала горами въ пр
стольномъ станѣ[3]) Тимуровомъ, говорилъ Рома
Цари и владѣльцы всей Азіи служили хану р
бами. Ковры персидскіе, украшеніе дворцо
Багдада, стали попонами[4]) верблюдамъ, драг
цѣнные пояса русскихъ дѣвъ обратились
смычки собакъ; багряницы князей вѣяли чапр
ками на коняхъ побѣдителя. Гордые монгол
нѣжась на войлокахъ[5]) подъ шалевыми палатк
ми Тибета, пили вино разграбленной Грузіи и

[1]) кубкомъ; [2]) шеломомъ; [3]) лагерѣ, таборѣ; [4]) п
крывалами; [5]) „фильцахъ".

священныхъ чашъ Царьграда. Сердце ея зам
рало, когда она внимала ужасамъ, висѣвши
надъ головою Романа во время плѣна и опа
ностямъ во время бѣгства его на родину, о
береговъ Чернаго моря.

Неустрашимость мужчины вливаетъ въ гру
дѣвушки какое-то возвышенное къ нему уваж
ніе. Соучастіе дружитъ, сближаетъ съ страдаль
цемъ, и любовь, какъ тиховѣйный вѣтеръ, за
крадывается въ душу. Плѣнили Ольгу повѣст
богатырскія; но что было съ нею, когда Роман
садился за звонкія гусли, и подъ говоръ струн
запѣвалъ томную пѣсню! Его голосъ казал
тебѣ, красáвица, отголоскомъ тайныхъ чувст
твоихъ; твоя душа сливалась и замирала съ зв
ками любовныхъ припѣвовъ; ты млѣла въ каком
то сладостномъ забытьѣ, и долго-долго слыша
лись тебѣ отрадные звуки знакомаго голоса,
взоры пѣвца ласкали, проницали сердце. »Неу
жели все то правда, что поется въ пѣсняхъ?« в
разъ спрашивала Ольга у добродушной няв
своей. «О, конечно!« отвѣчала няня: »въ сказк
басня, а въ пѣснѣ быль.«

И вслѣдъ затѣмъ запѣвала Ольга любимь
пѣсни свои, сложенныя Романомъ, и — не
опытная предавалась страсти злочастной, и с
потворствомъ[1]) внимала шепоту сердца, которо
отъ часу громче твердило: люблю, люблю Ро
мана! Ты спознала, непреклонная красавиц
грусть и сладкіе вздохи, и неясныя желанія
въ награду безсонницы — сны, украшенны

[1]) поблажаніемъ.

образомъ незабвеннымъ. Да и кто-жъ, коль не онъ, ей суженый? Ра́звѣ да́ромъ ей явился Романъ въ зеркалѣ, ра́звѣ даромъ приснился о свя́ткахъ [1]), накануне крещенья, и перевелъ, какъ на-яву, черезъ мостъ свадебный? Неужели лучшій вѣщунъ — сердце ее обмануло!..

Такъ лелѣяла надежды свои невинная Ольга; но жребій судилъ и́наче...

Вечерѣлъ ясный день рюэня [2]). Ольга задумчиво сидѣла подъ густою яблонью, въ тѣнистомъ саду отеческомъ. Вдругъ затрещалъ частоколъ высокій, кто-то спрыгнулъ съ него; еще мигъ — и Романъ очутился передъ испуганною Ольгою.

— Не бѣги, не пугайся, не гнѣвайся, милая! — говорилъ онъ, схвативъ ее за руку: — выслушай твоего вѣрнаго Романа! Моя жизнь, мое счастіе отъ того зависитъ.

Красавица вырывалась напрасно; разсудокъ совѣтовалъ ей: »бѣги!« сердце шептало: »останься!« »Что́ скажутъ добрые люди?« повторялъ разумъ. »Что́ станется съ милымъ, когда ты скроешься?« замѣчало сердце. Еще борьба страха и стыдливости не кончилась, а Ольга не́хотя, сама не зная какъ, сидѣла уже съ Романомъ рука объ руку и плѣнительнымъ голосомъ любви упрекала любезнаго льстеца въ безразсудствѣ.

---

[1]) періодъ времени отъ Рождества Христова до Богоявленія; [2]) сентября.

— Ольга, — сказалъ тогда Романъ, — принесъ вѣсть нерадостную: я святался и отказано! Жить безъ тебя я не могу, и ко твоя любовь не однѣ пустыя рѣчи, бѣжимъ доброму князю Владиміру: у него найдемъ ютъ, а въ сердцахъ своихъ счастіе. Рѣшайся!

Пораженная, изумленная вѣстью и предло ніемъ Романа, безмолвно сидѣла Ольга. кончилось; всѣ мечты, любимыя подруги серд погибли; исчезла радость на-вѣкъ, будто па шая звѣзда, и такъ безнадежно, такъ неож данно! Долго бушевали страсти въ груди долго тускнѣло зеркало разума подъ дыханіе отчаянія; наконецъ, ужасающая мысль о поб возбудила вниманіе Ольги.

— Бѣжать, мнѣ бѣжать! — воскликну она, рыдая: — и ты, Романъ, могъ предлож средство позорное для моего рода и племе пагубное для меня самой! Нѣтъ, ты не люб Ольги, когда забылъ о ея доброй славѣ, о стотѣ ея совѣсти. Бѣжать, совершить дѣло слыханное, бросить край родимый, обезслав на-вѣкъ родителей, прогнѣвать Бога и свят Софію! Нѣтъ, Романъ, нѣтъ! Отрекаюсь люб если она требуетъ преступленій, и даже те тебя самого!

Слезы прервали рѣчь ея.

Съ нахмуреннымъ челомъ, блуждая окре сверкающими взорами, внималъ вспыльчивый манъ укорамъ дѣвы.

— Женщины, женщины! — произнесъ съ дикою усмѣшкою: — и вы хвалитесь любов постоянствомъ, чувствительностью! вы, жалост

выя только до пѣсенъ; вы, изъ тщеславія пл… царщія легковѣрныхъ! Любовь ваша одна при… хоть, болтлива и летуча, какъ ласточка; но когд… приходится доказать ее не словомъ, а дѣлом… какъ вы обильны въ извиненіяхъ, какъ щедр… на совѣты, на старыя басни и на упреки! И дл… чего-жъ было льстить мнѣ коварными взорами… рѣчами ласки и надежды? Чтобы убійственным… »нѣтъ« оледенить сердце любовника! Не дл… тебя-ль, непреклонная, забывалъ я славу, и… свѣтъ, и все, меня окружающее; не замѣчалъ, какъ откидывались отъ глазъ, будто невзрокомъ, при встрѣчѣ со мною, фаты́[1]) первыхъ краса́вицъ; какіе взгляды стремились ко мнѣ изъ-за штофныхъ занавѣсовъ богатѣйшихъ изъ моихъ сосѣдокъ? Не я ли вѣковалъ на улицѣ, чтобъ уловить твой небесный взоръ, услышать звукъ твоего голоса, шумъ твоей легкой походки! Не я ли посвятилъ тебѣ жизнь и счастіе жизни? И ты разомъ все у меня похищаешь: мѣняешь мою руку на роскошь, хочешь, чтобъ золотымъ обручальнымъ кольцомъ приковали тебя къ чугунной[2]) цѣпи немилаго супружества; немилаго, говорю я!.. но вѣдь женская любовь привычка; долго-ль красавицѣ позабыть прежнее?.. И можетъ статься, если переживу я свое несчастіе, Ольга захочетъ видѣть меня дружкой своимъ, чтобы съ саблей въ рукѣ скакалъ я въ ночь около ея спальни и охранялъ покой новобрачныхъ!

Въ пылу гнѣва, Романъ не внималъ умоляющему голосу Ольги, но, изліявъ словами сердце,

---

[1]) головные платки; [2]) изъ литаго желѣза.

онъ увидѣлъ слезы ея: онѣ потушили изступл ніе. Ярость исчезла, какъ тающій снѣгъ раскаленномъ желѣзѣ.

— Неблагодарный другъ! — говорила кр савица: — и ты могъ подумать, могъ вымо вить, что я разлюбила тебя! Надѣялась ли когда-нибудь слышать упреки за справедливост думала ли получить такую награду, когда тв вздохи волновали грудь мою, когда по цѣлы часамъ я внимала взорами тайному разгово ясныхъ очей твоихъ?.. А теперь!

— Прости, прости меня, безцѣнная! повторялъ тронутый Романъ, цѣлуя хладну ея руку.

Невольно склонилась дѣвица на кипящу грудь юноши; щеки обоихъ горѣли румя цемъ — и первый сладостный поцѣлуй люб запечатлѣлъ примиреніе.

— Жить и умереть съ тобою! — ти произнесла Ольга, и всѣ жилки Романа затр петали чувствомъ неизъяснимымъ.

Души пылкія! вамъ они понятны: вы изв дали сіи волшебныя игновенія, когда кажд мысль — радость, каждое ощущеніе — нѣ каждое чувство — восторгъ!

— Черезъ три дня, въ праздникъ пятил тія мира съ нѣмцами, въ часъ полуночи, я бу ждать милую Ольгу подъ окошкомъ садовым борзые кони умчатъ насъ отсюда, сумато праздничная поблагопріятствуетъ побѣгу, и берегу чуждой рѣки найдемъ мы покой и сч стіе и, можетъ статься, дождемся благослове отеческаго.

Роковое »да!« излетѣло со вздохомъ.
бовники поцѣловались еще и еще разъ.
щальныя слезы сверкнули — Романъ удал

III.

Они въ ручной вступили бой.
Грудь съ грудью и рука съ ру
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ
Они стопами землю роютъ.
Дмитріев

Наступилъ день праздника.

Веселый звонъ колоколовъ огласилъ возду и Новгородъ запестрѣлъ народомъ; собираю старъ и малъ: граждане въ церковь Софійску нѣмцы къ св. Петру. Громогласно читаютъ д говорную мирную грамоту съ рижанами[1]) и Го скимъ берегомъ; молебствіе отходитъ, и всѣ сп шатъ отъ обѣдни къ обѣду на городище. Са новники за столами браными[2]) ждутъ гостей, го сти ожидаютъ другъ друга. И вотъ уже посад никъ[3]) привѣтствуетъ купцовъ ревельскихъ, люб скихъ, армянскихъ, союзниковъ литовцевъ, зе ляковъ россіянъ. Владыка благословляетъ яств гремитъ труба и всѣ садятся: богачъ подлѣ бѣд наго, знатный съ простолюдиномъ, иновѣрец рядомъ съ православными. Все смѣшано, вс дышатъ братствомъ и дружествомъ: благодатно небо раскинуто одинаково надъ всѣми. Казалось, тогда обновился пиръ Изяслава, князя любезнаго

[1]) жителями гор. Риги; [2]) узорчатыми, рѣшетчатыми; [3]) голова города.

народу, угощавшаго на этомъ же мѣстѣ любимый народъ свой.

Протекли съ того дня три вѣка; измѣнились князья Новагорода; зато новогородцы остались тѣ же. По-прежнему шумны, какъ липецъ, по-прежнему гнѣвъ ихъ сердецъ опадаетъ какъ пѣна, и незлопамятная рука новогородца охотно покидаетъ мечъ для кубка мироваго, и недруги садятся друзьями за гостепріимный столъ, за хлѣбъ-соль русскую.

Текутъ часы, течетъ вино рѣкою, и заздравный рогъ кружится между гостями, и цвѣтныя наливки румянятъ ланиты пирующихъ. Смѣхъ и шумъ возвѣщаютъ конецъ обѣда. Встаютъ — и веселыя, живыя пѣсни раздаются по берегу.

— Милости просимъ, алдерманъ Бруно, фохтъ фонъ-Роденштейнъ, и всѣ господа рыцари нѣмецкіе, и всѣ ясные паны Литвы! — говорилъ ласковый Юрій Воеславъ пріѣзжимъ. — Милости просимъ послушать пѣсенокъ русскихъ; пѣвецъ Романъ вѣрно не откажется потѣшить дорогихъ гостей нашихъ.

Любопытные стѣснились въ кружокъ. Романъ настроилъ гусли, робко окинулъ взоромъ собраніе и запѣлъ о любви дочери Ярославовой Елисаветы къ смѣлому Гаральду, витязю Скандинавіи, изгнаннику, великодушно принятому при дворѣ новогородскомъ. — »Князь, говорилъ ему мудрый Ярославъ: ты милъ моей дочери этого довольно; мѣняйтесь сердцами и кольцами но знай, что однѣми пѣснями не купишь руки Елисаветиной, покуда слава не будетъ твоею свахою!« — »Иди и заслужи меня!« произнесла

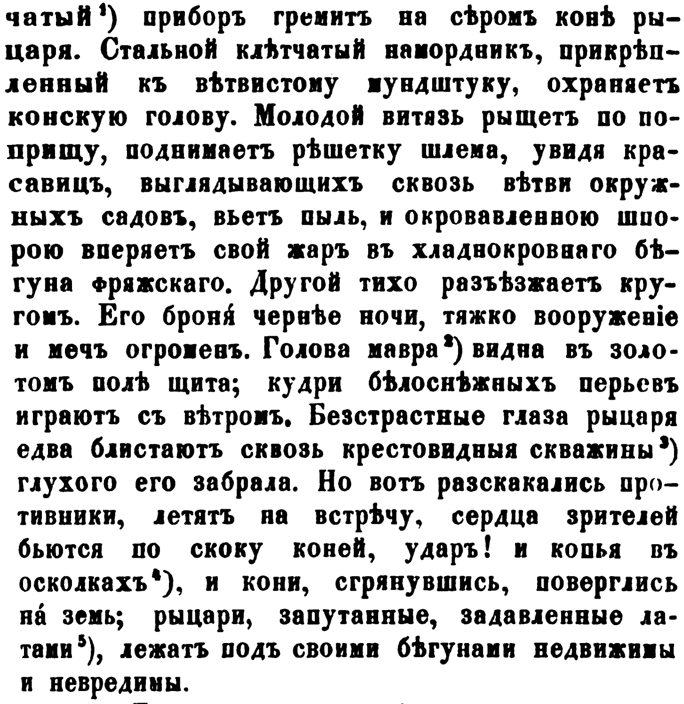
полумертвая княжна, и Гаральдъ полетѣлъ Грецію, сражался годы за св. крестъ, побѣжда потому что любилъ, и, презрѣвъ страсть им ратрицы Зои, съ вѣрною дружиною варяго между тысячами опасностей, возвратился къ Н вугороду, и корысти, и славу, и почести повер къ ногамъ вѣрной Елисаветы.

Вдругъ затихли живыя струны, и свѣтл дума минувшаго налетѣла на кругомъ стоящих Романъ, зарумянясь будто красная дѣвушка, вни малъ всеобщимъ похваламъ и плескамъ. Как подстрѣленный орёлъ рвется въ путахъ, завид добычу, такъ билось въ груди юноши сердце когда въ княжемъ саду увидѣлъ онъ Ольгу, когда замѣтилъ на лицѣ ея улыбку одобренія; онъ былъ счастливъ!

— Къ играмъ, къ играмъ! — прокликнулъ бирючъ[1]), скача на татарскомъ конѣ по набережной, звуча по временамъ въ трубу серебряную.

Расхлынули волны народа, и просторный кругъ образовался для борьбы и для ристанія[2]). Нѣмцы были первыми гостями на праздникѣ: они первые въѣхали за веревку. Взоры всѣхъ стремятся на оружіе всадниковъ: одинъ изъ нихъ въ свѣтломъ серебряномъ панцырѣ, въ такихъ же поручахъ и поножахъ, въ стальныхъ перчаткахъ, закрытъ отъ золотой шпоры до золотого нашлемника, расцвѣтшаго, будто махро́вый[3]) макъ, страусовыми перьями. Забрало[4]) опущено, черный крестъ украшаетъ лѣвую грудь; чешуй-

[1]) глашатай, герольдъ; [2]) перегоновъ; [3]) полный, развитый; [4]) рѣшётка на шлемѣ (шеломѣ) охраняющая лицо.

чатый[1]) приборъ гремитъ на сѣромъ конѣ рыцаря. Стальной клѣтчатый намордникъ, прикрѣпленный къ вѣтвистому мундштуку, охраняетъ конскую голову. Молодой витязь рыщетъ по поприщу, поднимаетъ рѣшетку шлема, увидя красавицъ, выглядывающихъ сквозь вѣтви окружныхъ садовъ, вьетъ пыль, и окровавленною шпорою вперяетъ свой жаръ въ хладнокровнаго бѣгуна фряжскаго. Другой тихо разъѣзжаетъ кругомъ. Его броня́ чернѣе ночи, тяжко вооруженіе и мечъ огроменъ. Голова мавра[2]) видна въ золотомъ полѣ щита; кудри бѣлоснѣжныхъ перьевъ играютъ съ вѣтромъ. Безстрастные глаза рыцаря едва блистаютъ сквозь крестовидныя скважины[3]) глухого его забрала. Но вотъ разскакались противники, летятъ на встрѣчу, сердца зрителей бьются по скоку коней, ударъ! и копья въ осколкахъ[4]), и кони, сгрянувшись, поверглись на́ земь; рыцари, запутанные, задавленные латами[5]), лежатъ подъ своими бѣгунами недвижимы и невредимы.

— Прекрасны ваши брони, — говорили, поднимая ихъ, новогородцы, — но для насъ не сручны: русскій не согласится сидѣть, будто въ засадѣ, въ такомъ панцырѣ и, какъ въ тюрьмѣ, дышать Божьимъ воздухомъ сквозь рѣшетку!

Литовскіе пятигорцы[6]) на рѣзвыхъ коняхъ внеслись на площадь. Ихъ было трое: легкія

---

[1]) лусковатый; [2]) военно-торговое общество братьевъ Шварценгейптеровъ, существовавшее въ Ревелѣ и Ригѣ, въ гербѣ своемъ имѣло голову св. Маврикія, который былъ мавръ по роду и воинъ по званію; [3]) дырки; [4]) дребезгахъ, кускахъ; [5]) панцырями; [6]) родъ легкой кавалеріи.

Послы явились. Московскій бояринъ
стантинъ Путный взошелъ на крыльцо съ
женною головою, поклонился народу и чит
— »Василій Димитріевичъ, великій кня
сковскій, суздальскій, нижe- и новогород
всея Руси, шлетъ поклонъ своимъ вѣрным
димъ новогородцамъ! Вложивъ мечъ въ н
послѣ кары строптивыхъ[1]) городовъ ваши
три года жду покорности новогородской к
политу Москвы — жду и не дождусь. У
вѣчно раздумье ваше? Знайте-жъ, что мое
пѣніе не вѣчно. Это старое: я желаю и
Нѣмцы усиливаются и богатѣютъ въ ущ
православнымъ: обрываютъ сосѣднія сою
области и изъ вашего желѣза куютъ ст
на русскихъ. Призванный на княженіе по р
я и по сердцу блюду моихъ подданныхъ и
занъ предупредить васъ отъ зла, тѣмъ вред
шаго, чѣмъ болѣе оно похоже на пользу.
тестемъ Витовтомъ мы ссудили войну ор
Меченосцевъ: требуемъ того-же отъ Новгоро
Еще не смолкъ гулъ изумленія, когда
товецъ Ямонтъ гордою поступью вышелъ на
редину и громко вѣщалъ:
— »Новогородцы! Васъ привѣтствуетъ
товтъ, князь Чернигова, князь Бѣлой и Черв
ной Руси, земли витязей и всей Литвы. Я
вами въ мирѣ, а вы съ врагами моими, рыцар
въ дружбѣ и совѣтѣ, принимаете и жалуете
ихъ бѣглыхъ мятежниковъ[2]). Такъ ли поступа

---

[1]) непослушныхъ; [2]) здѣсь Витовтъ говоритъ о Вас
Іоанновичѣ, князѣ смоленскомъ (который, видя свое

союзники? Такъ ли платятъ за ласку нова брата по вѣрѣ, у котораго съ вами одни друзі одни враги. Новогородцы! Хочу знать рѣш тельно, меня или магистра предпочитаете? Ес его, то вспомните, что Витовтъ не за горами, болота не щитъ Новугороду. Ваши лѣса скл нятся мостомъ для моихъ безстрашныхъ; я пуш огнь и мечъ по вашей волости и подковами в топчу нивы. Мой зять, а вашъ государь, сѣдлае коня заодно со мною. Выбирайте: жду отвѣте

Невнятное жужжаніе негодованія пронесло въ толпѣ народной. Одинъ изъ старшихъ поса никовъ проводилъ пословъ до посольскаго доі Граждане, по обычаю, остались судить о сл шанномъ. Епископъ, послѣ краткой молитв благословилъ всѣхъ на правое совѣщанье о сі томъ дѣлѣ родины. Всѣ сановники удалилис ибо старинный законъ запрещалъ имъ прису ствовать на вѣчахъ, дабы уничтожить влія власти. Какъ море, шумѣло собраніе: разногла волновало умы. Наконецъ огнищанинъ[1]) Іоан Заверežскій, мужъ правдивый, но миролюбивь

дѣніе измѣною захваченное. Смоленскъ сожженный и р грабленный, бѣжалъ отъ братоубійцы Витовта въ Нов родъ) и о литовскомъ князѣ Патрикіи, сынѣ Наримантa, і торому новогородцы дали въ управленіе Приневскія облас

[1]) Дѣйствительный посадникъ назывался степ нымъ, прежніе посадники старшими. Каждый коне или часть города имѣлъ своего старосту, дѣлился на во ныя и торговыя сотни. Первѣйшіе мѣстичи или гр дане назывались огнищанами и житыми люд Въ боярское достоинство, равно какъ и во всѣ долж сти, избиралъ народъ міромъ, т. е. обществомъ; но оно было наслѣдственнымъ. Простой или черный народъ по зовался одинакими правами съ прочими сословіями. Ку или гости имѣли свою особую расправу въ Думѣ.

взошелъ на ступени и громко просилъ позво-
нія вымолвить слово; ему позволили, и вотъ
говорилъ онъ:

— Народъ и граждане, вольные люди но
городцы! Вы слышали преддоженіе князей;
чувствуете неправоту онаго, и обидность угро
и высокомѣріе княжее: но вы знаете мѣру си
своихъ, и теперь благоразуміе должно начерта
отвѣтъ нашъ. Дѣло состоитъ въ разрывѣ съ ли
ляндцами, или въ войнѣ съ могучими князьям
и мое мнѣніе — избрать меньшее первое з
изъ двухъ необходимыхъ. Правда, отъ Ганз
получаемъ мы всѣ прихотные товары, но жизнен
ныя потребности въ рукахъ Василія: онъ может
пересѣчь намъ и путь къ каменному поясу,
безъ соболей что будетъ съ нашей заморско
торговлею? Это еще не все: нѣмцы пріятел
намъ только въ гостинномъ дворѣ, и злодѣи въ
полѣ; набѣги ихъ на границы наши отъ Невы
Великой тому порукою. За нихъ ли, чужезем-
цевъ, прольемъ кровь братьевъ, наведемъ бѣды
на отечество? И безъ того еще не встали изъ
пепла села и монастыри и запольскіе[1]) посады
Новогорода, недавно принесенные въ жертву,
великодушно, но безполезно. Прошлый разъ Ва-
силій вооружилъ двадцать городовъ; теперь одинъ
Витовтъ приведетъ болѣе, и тяжкая сила задавитъ
волю. Не лучше ли-жъ до поры до времени
уступить нѣкоторыя выгоды, чѣмъ вдругъ поте-
рять все?

---

[1]) загородные.

— Правда, правда! — закричали многіе. — Куда намъ вѣдаться съ двумя сильными врагами!

Тогда, кипя досадой и гордымъ мужествомъ, Романъ просилъ слова.

— Говори! — зашумѣли всѣ.

Романъ говорилъ:

— Вольные мѣстичи вольнаго Новагорода! Не диво было, когда послы князей винили и стращали насъ по-своему: дивлюсь, какъ новогородецъ могъ предложить мѣры, столь противныя пользамъ соотечественниковъ! Мы поклялись управляться въ дѣлахъ церкви своимъ епископомъ; мы цѣловали крестъ на миръ съ рыцарями. Уже-ль будемъ играть душою, чтобъ угодить Витовту? Уже-ли новогородская совѣсть отдана въ приданое за его дочерью? Недовольный клятвопреступствомъ, онъ хочетъ и насъ сдѣлать предателями, требуя, чтобъ мы выдали Василія и Патрикія на участь Свидригайла и Нариманта, имъ изведённыхъ; но можемъ ли, захотимъ ли нарушить искони славное гостепріимство наше! Измѣнимъ ли заповѣди евангельской повелѣвающей прощать и благотворить врагамъ' Витовтъ, забрызганный кровью нашихъ однозем цевъ, хвалится, что разилъ враговъ Новагорода пируетъ съ зятемъ въ Смоленскѣ, и вооружает его на нѣмцевъ. Василій жалуется на нихъ чтобъ обвинить насъ, но отъ кого будетъ сам получать парчи, бархаты, сукна, оружіе? Чрез какія ворота потекутъ въ Русь искусства, руко дѣлія и всѣ новыя изобрѣтенія странъ далекихъ Чрезъ кого мы сами богаты и сильны? Разо[р]вется узелъ торговли, и обѣднѣвшій Новгородъ-

вѣрная добыча первому пришельцу. Вспомни
граждане, старинную пословицу: »Пустой мѣ
стоять не можетъ!«

Громкіе знаки одобренія заглушали рѣ
Романа. Когда утихло, онъ продолжалъ:

— Говорятъ, что ключъ отъ новогородск
житницы въ рукахъ Василія; но развѣ нѣ
хлѣба за моремъ? Дорогою же къ золотому си
бирскому дну завладѣть не легко: въ Двинско
области у насъ есть войско, которое отстои
промышленные города копьемъ въ полѣ, а
поклонами въ ордѣ; здѣсь найдутся люди, чтоб
ихъ выручить. Враги наши ужасны, зато
нихъ нѣтъ единодушія: Витовтъ, роскошный
обѣты и угрозы, любитъ грѣться у чужого по
жара, и теперь, собираясь громить монголовъ,
завяжется въ битву съ сосѣдами. Василій могущ
опасенъ — тѣмъ сильнѣе должны ополчиться м
сáми. Вамъ предлагаютъ купить миръ временно
устýпкою правъ своихъ и вѣчнымъ стыдомъ ро
дины. Граждане! Развѣ не испытали вы, что
уступки становятся чужимъ правомъ? Развѣ се
ребрянымъ лезвіемъ отразили предки булатъ Ан
дрея Боголюбскаго? Нашъ колоколъ не дает
спать въ Кремлѣ Василію: заснемъ ли мы под
грозою? Или забыли замученныхъ торжецкихъ [1]
братій своихъ, или нѣтъ въ Новѣгородѣ сер-
децъ новогородскихъ, или не стало мечей, ил

[1]) Первая торговая и смертная казнь была при Ди-
митріи Донскомъ. Василій усугубилъ ее. Плѣнныхъ граж-
данъ Торжка, числомъ 70 человѣкъ, терзали на площади
московской. Они исходили кровію въ мукахъ; имъ медленно
отсѣкали руки и ноги и твердили, что такъ гибнутъ враги
государя московскаго.

мы разучились владѣть ими? Пускай же возстаютъ тьмы русскихъ на своего прадѣда, н великій Новгородъ: за насъ наша мать, свята София!

Скоро окончилось вѣче, и каждый понес домой страхъ или надежду въ сердцѣ.

IV.

Ахъ ты, душечка, красна дѣвица,
Не сиди въ ночь до бѣла свѣта,
Ты не жги свѣчи воску яраго.
Ты не жди къ себѣ друга милаго!
Народная пѣсня.

Стихъ, стемнѣлъ шумный Новгородъ; гасл огни въ окнахъ гражданъ и чужеземцевъ: сон смежилъ очи заботы. Покойно все на берегах Волхова; только ты не спишь и не дремлешь прелестная Ольга! И сильно бьется сердце дѣвическое, высоко воздымается грудь твоя, ожиданіе, страхъ и раскаяніе тебя терзаютъ! Любима няня уже распустила ей русую косу, сняла с нея праздничныя ферези[1]), прочитала молитв вечернюю, спрыснула милую барышню крещенскою водою, осѣнила крестомъ постелю, нашеп тала надъ изголовьемъ и съ наговорами благо творными ступила правою ногою за порог спальни. Добрая старушка! Для чего нѣтъ у тебя отговоровъ отъ любви-чародѣйки? Ты бы вылечила ими свою барышню отъ кручины[2]), от горести, отъ истомы[3]) сердечной. Или зачѣм

[1]) длинное платье, родъ кафтана; [2]) скорби; [3]) утом ленія, изнуренія.

сердце твое утратило память юности? Ты провидѣла страсть милой Ольги, заглушила её ещё въ цвѣту — совѣтами и разсѣяніем Но ты сама раздувала пламень, сама напѣвал ей пѣсни Романовы, хвалила его нравъ и стат Бѣда юношѣ, когда вѣтреная красáвица тольк думаетъ, что его любитъ; горе дѣвушкѣ, есл она любитъ неложно! Въ шумѣ боевой, походно жизни, съ чужеземными красавицами, забываетъ молодецъ прежнюю милую, но въ тиши дѣви чьяго терема гнѣздятся томительныя страсти, любовь глубоко впивается въ невинную душу Ахъ, зачѣмъ, добрая няня, ты не вѣдаешь отговоровъ отъ любви чародѣйки? Зачѣмъ старостью отуманились твои очи!

Но вотъ Ольга сбрасываетъ съ себя жаркое одѣяло и робкою бѣлоснѣжною рукою осторожно отдёргиваетъ камчатныя[1]) завѣсы пóлога[2]) —прислýшивается; дыханіе замираетъ въ груди, блескъ лампады передъ иконою обличаетъ волненье бѣглянки. Трепеща, надѣваетъ она соболью шубку, и наконецъ рѣшается встать съ постели: долго ищетъ она ножкою по холодному полу сафьянныхъ туфлей; каждый скрипъ половицы бросаетъ ее въ холодъ. Красавица отворила окно. Все было мертвенно, тихо, въ окрестности, и мѣсяцъ плылъ въ зыбкихъ[3]) осеннихъ туманахъ. Изрѣдка слышался крикъ перепелки въ нивахъ сосѣднихъ; изрѣдка брянчанье цѣпей на собакахъ, стерегущихъ нѣмецкій гостинный дворъ, раздавалось по Михайловской улицѣ. Нигдѣ ни

---

[1]) адамашковыя; [2]) кровати; [3]) шáткихъ, колéблемыхъ.

души. Нѣтъ условнаго знака, страшнаго и же
ланнаго вмѣстѣ. Склонясь на руку, уныло смо
трѣла Ольга на сверкающій вдали Волховъ,
тоска по родинѣ сдавила ея сердце. »Прости, в
послѣдній разъ, все, что семнадцать лѣтъ мен
радовало! Простите, добрые, милые родители!
Ольга залилась горючими слезами и невольн
упала на колѣни предъ Спасовымъ образомъ,
въ теплой молитвѣ излила свою душу. Страст
улеглись въ ней постепенно, и постепенно ярч
слышался голосъ раскаянія. »Гдѣ найдешь т
покой, дочь ослушная, безъ благословенія роди
телей, тобою убитыхъ? Проклятіе отца отягс
тѣетъ надъ тобою; грызеніе совѣсти и обще
презрѣніе будутъ преслѣдовать тебя въ жизни
заградятъ грѣшницѣ небо; ты истаешь слезамі
изсохнешь въ объятіяхъ мужа; чуждый песок
засыплетъ глаза твои; твое имя на-долго будет
укоромъ!« Тронутая Ольга молилась съ новым
благоговѣніемъ и благодать низлетѣла на е
сердце свѣтлою мыслію. — »Нѣтъ! не огорч
не обезславлю я побѣгомъ родителей!« сказал
она съ благородною твердостію. »Романъ ослѣ
пленъ любовью, но онъ меня послушаетъ:
упрошу или оплачу любезнаго. Пусть буду не
счастна, зато невинна!« Побѣда надъ собо
пролила небесную отраду въ утомленныя чувст
красавицы, и ангелъ сна осѣнилъ ее крылом
своимъ.

Покойся, душа непорочная! Ты не одн
еще ночь встрѣтишь тоскою безсонницы, н
одно изголовье смочишь слезами, которыхъ н

осушитъ ни солнце, какъ росу, ни поцѣлуй с
страдательной матери, ни самое время, и дол
тебѣ ронять ихъ на вѣтеръ, долго ждать дру
милаго!

V.

Подъ звѣзднымъ небомъ теремъ мо
И первый другъ мнѣ — мракъ ночнб
И мой второй товарищъ ратный —
Неумолимый ножъ булатный;
Товарищъ третій — вѣрный конь
Со мною въ воду и въ огонь;
Мои гонцы неподкупные
Летуньи-стрѣлы каленыя.

Старинная пѣсня.

Подъ мракомъ ночи, невидимкой, минова
Романъ Софійскія ворота Новагорода, и на во
роном конѣ поскакалъ по дорогѣ московской
Быстро, не озираясь, несся онъ, будто русалк
гналась по пятамъ, будто хотѣлъ умчаться отъ измѣнической стрѣлы. Палъ холодный туманъ на по
ляны; тяжкая грусть налегла на сердце. Вѣтер
взвѣвалъ кудри Романа; широкія полы опашня трепетали на сѣдлѣ татарскомъ, и кривая сабля гремѣла, ударяясь о стремена. Протяжный звонъ
службы всенощной раздался съ сѣдой колокольни
монастыря Хутынскаго и пробудилъ Романа отъ
забытья. Взглянувъ на узорчатыя главы онаго,
блистающія во тьмѣ крестами золотыми, онъ
вспомнилъ, что, выѣзжая въ дорогу, не осѣнилъ
себя крестомъ и торопливо осадилъ опѣненнаго
коня, снялъ шапку и набожно прочелъ: »Бого-

юодице Дѣво, радуйся," и трижды склонялся къ лукѣ[1]) поклонами молитвенными.

»Мучительно оставить милую, мыслилъ Романъ, когда брачный вѣнецъ ожидалъ насъ. Тяжко покинуть ее въ жертву сомнѣній и незаслуженной тоски; но видно Богъ не хотѣлъ союза тайнаго, неблагословеннаго; да будетъ воля Его святая!«

Съ думою на угрюмомъ челѣ пустился онъ далѣе. Совѣсть упрекаетъ насъ сильнѣе, когда рѣшимость на худое дѣло напрасна, ибо досада неудачи ее подстрекаетъ: то же самое было съ Романомъ.

Долго ѣхалъ молодецъ по дорогѣ разлучницѣ; кручи́на, какъ ястребъ, рвала его сердце. Мѣсяцъ свѣтилъ, сквозь ра́дужную фату́[2]) облаковъ, на пустую тропу́[3]) и на сонныя дубравы. Кругомъ не шелохнется листокъ, не встрепенется птичка; только звонкій отголосокъ вторитъ мѣрному топоту коня, или хрустятъ порой гнилыя мостницы подъ его ногами. Настала полночь, часъ привидѣній, но навожденіе ада безсильно противъ невинности — ужасной ему, какъ пѣснь пѣтуха[4]), по преданію. Чего-жъ намъ страшиться за нашего витязя, когда теплая вѣра ему покровомъ!

Частой рысью[5]) спускался Романъ съ крутого берега Вишеры на утлый мостъ, черезъ нее брошенный; громкій свистъ пробудилъ его изъ глубокой задумчивости, другой свистокъ отозвался въ глуши лѣса. Конь вздрогнулъ и поднялъ го-

[1]) остову (скелету) сѣдла; [2]) платокъ; [3]) стежку; [4]) когута; [5]) галопомъ.

лову, по тѣлу всадника пробѣжалъ морозъ. Узкій бревéнчатый[1]) мостъ, опирающійся на шаткія козлы́, лежалъ передъ нимъ, сзади крутъ берега, кругомъ сѣдой боръ. Шатромъ перекачнувшіяся ели заслоняли мѣсяцъ, потокъ невидимый журчалъ внизу между кáмешками[2]). Разсуждать было бы напрасно: Романъ выправилъ рукоять сабли и, озираясь, проѣхалъ до половины моста. Чуткій конь прялъ ушами, храпѣлъ, робко ступалъ, но все было тихо: Романъ думалъ, что ему почудилось.

— Стой, или убью! — загремѣлъ невѣдомый голосъ и пять удальцовъ, выскочивъ изъ-за обрушенныхъ пней, изъ-подъ моста, заступили ему дорогу.

— Прочь, бездѣльники! — вскричалъ безстрашный Романъ, и дерзкій, схватившій подъ уздцы его лóшадь, покатился отъ сабельнаго удара.

— Рѣжьте его! — воскликнули разбойники, и кистени[3]) засвистали вокругъ витязя. Бодро отмахивался онъ отъ наступающихъ; пробиться и ускакать была его единственная надежда; но Богъ судилъ и́наче. Блестящій ножъ испугалъ бѣгуна Романова: онъ съ маху рванулся въ бокъ, скользнулъ и полетѣлъ съ моста, и тамъ, на днѣ ручья, всей тяжестью тѣла придавилъ разбитаго, безчувственнаго всадника...

Свѣтало.

Вокругъ умирающаго огонька спали нераздѣтые разбойники; на ихъ браныхъ мѣдью поясахъ сверкали длинные ножи. Самострѣлы, кол-

[1]) изъ балокъ; [2]) камнями; [3]) желѣзный шарикъ на длинной веревкѣ.

чаны, кистени висѣли кругомъ на вѣтвяхъ; три коня подъ сѣдлами ѣли пшено вмѣстѣ съ Романовымъ. У перемётныхъ сумъ[1]), полныхъ добычею, дремалъ сторожевой, съ свисткомъ въ рукѣ; атаманъ, съ завязанною головою, лежалъ на волчьей кожѣ и читалъ какую-ту грáмоту; вотъ какое зрѣлище представилось изумленному Роману, когда онъ опамятовался.

— Гдѣ я? — спрашивалъ онъ у самого себя. Какъ давно забытый, зловѣщій сонъ, мелькало въ его памяти прошлое. Онъ смутно припоминалъ объ условленномъ побѣгѣ, о вѣчѣ, о любви, принесенной въ жертву отечеству, о винѣ пути своего; наконецъ со страхомъ схватился за грудь... на ней уже не было хранительной сумки[2]), ни данныхъ ему наказовъ, ни золота, ему ввѣреннаго. Обморокъ снова охватилъ чувства Романа, испуганнаго сею важною потéрею. Атаманъ разбиралъ по складамъ письмо, сорванное съ Романовой груди, и гласно повторялъ каждую рѣчь. Послушаемъ, чтó въ немъ написано.

»Наказъ тысячскаго и посадниковъ новогородскихъ боярскому сыну Роману Ясенскому! Добрые люди знаютъ тебя за твою правду; мы увѣрены въ твоей вѣрности и поручаемъ тебѣ дѣло тайное. Правда, ты молодъ, но умъ не ждетъ бороды, и намъ не стараго, а бывалаго надо. Внимай: великій князь грозится на насъ войною. Не боимся ея, но не хотимъ лить крови христіанской, если можно того избѣгнуть; къ этому одинъ путь — золото. Бояре московскіе

---

[1]) торбъ; [2]) торбинки.

сдружились теперь съ баскаками, любятъ стол
ничать добромъ народа: собираютъ татарск
рукою двойныя подати, продаютъ правду, оби
нываютъ князей и простолюдиновъ. И такъ спѣш
въ Москву, никѣмъ незнаемый; ты можешь вы
дать себя за иногородца и тайкомъ склонить
нашу сторону княжихъ сановниковъ. Не жалѣ
ни казны́, ни краснаго слова; представь им
несправедливость требованій, невѣрность счаст
въ битвѣ, силу Новагорода и упорство нового
родцевъ. Корысть и нелюбовь бояръ къ трудно
стямъ похода будутъ стоять заодно съ тобо
Князь молодъ и, можетъ, ими отговоренный, он
отмѣнитъ гнѣвъ на милость. Однако, не поля
гайся на обѣты и на ласки придворныхъ:
ними дружись, а за саблю держись. Замѣча
самъ за всѣми, повѣряй все собою. Спи и гляд
и чтобъ первая боевая труба слышна была на Иль
менѣ, чтобъ не палъ на насъ князь, будто снѣг
на голову. Крѣпко держи нашъ совѣтъ на умѣ
тайною запечатлѣй осторожность исполненія,
въ остально́мъ указъ своя голова. Когда при
ложишь сердце къ дѣлу правому, святая Софі
тебѣ поможетъ, и государь великій Новгород
тебя не забудетъ. Съ Богомъ!«

Атаманъ, прочитавъ грамоту, забо́тливо бро
сился къ лежащему безъ чувствъ Роману, кро-
пилъ его студеной водою, лилъ вино въ поси
нѣвшія губы — все напрасно: смертный сон
оковалъ члены юноши. Напослѣдокъ отозвалас
жизнь въ Романѣ, мгновенный румянецъ, как

зарни́ца[1]), мелькнулъ на щекахъ его, онъ поднялъ отяжелѣвшія вѣки и удивился, увидя себя на колѣняхъ разбойника, между тѣмъ какъ другой окуривалъ его жжёнымъ опереньемъ стрѣлы.

— Здравствуй, землякъ!— сказалъ радостно атаманъ, смягчая грубый свой голосъ.

Романъ привсталъ, чтобъ удостовѣриться, не сонъ ли это, и сомнительный взоръ его остановился на привѣтствующемъ — и быстрая мысль сорвала вопросъ съ полуоткрытыхъ устъ.

— Понимаю! — возразилъ, усмѣхаясь, атаманъ: — тебѣ чудно, что разбойникъ, которому вчера разразилъ ты буйную голову, теперь ухаживаетъ за тобой, какъ за невѣстой; не дивись этому: гонецъ новогородскій всегда будетъ у меня гостемъ почетнымъ. Пусть ржавчина съѣстъ мою игольчатую саблю, если я вѣдалъ вчера, что ты новогородецъ! Но, говорятъ, отъ судьбы на конѣ не ускачешь, и я не́хотя сталъ твоимъ грабителемъ. Ободрись, однако, добрый молодецъ! Ты не въ худыя руки попалъ: я не вѣкъ былъ разбойникомъ.

Съ сими словами онъ помогъ Роману встать, подвелъ его къ огню, теръ цѣлительною мазью его ушибы[2]) и подчивалъ виномъ кипящимъ.

— Благодарю! — отвѣчалъ Романъ: — я еще не пью питья хмѣльнаго; оно для меня какъ ядъ.

— Ахъ, кому оно полезно! — сказалъ атаманъ, вздохнувши: — многихъ бы грѣховъ не лежало на моей совѣсти, когда бы вино не нра-

---

[1]) молнія; [2]) скалѣченныя мѣста.

чило разума. Буйныя страсти отъ него кипѣли гнѣвомъ, и невинная кровь лилась. Ты имѣешь право, юноша, глядѣть на меня съ ужасомъ и презрѣніемъ; но было время, въ которое и моя душа свѣтлѣла, какъ хрустальное небо, въ которое могъ бы я встрѣтить твои взоры своими не краснѣя. Меня сгубила роскошная, разгульная жизнь. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, весь Людинскій конецъ пировалъ и бра́жничалъ[1]) за моими столами, и прозвище хлѣбосола Беркута гремѣло на Волховѣ. Всего было разливанное море, но съ нимъ скоро утекло наслѣдство отеческое. Я привыкъ жить шумно, блистательно, весело; я не могъ снести бѣдности и правдивыхъ укоровъ; ложный стыдъ повлекъ меня съ вольницею новогородскою на берега Волги, нечестнымъ копьемъ добывать золота[2]). Умолчу о злодѣйскомъ молодечествѣ моихъ товарищей, умолчу о пылающемъ Ярославлѣ, о разграбленной Костромѣ, о залитомъ кровью Новѣгородѣ-Нижнемъ. Русскіе губили русскихъ, продавали ихъ въ неволю болгарамъ, добромъ одноземцевъ запружали Волгу и Каму. Небесный гнѣвъ постигъ святотатцевъ: шайка наша встрѣтила ги́бель у стѣнъ астраханскихъ. Князь монголовъ, Сальчей, заманилъ ее къ себѣ, упоилъ, усыпилъ, и неосторожные заплатили головами за коварное угощеніе. Насъ двое избѣгли побоища, и я съ раскаянной совѣстью спѣшилъ на ро́дину, гдѣ ждали меня новыя

---

[1]) пилъ, гулялъ; [2]) это было въ 1385 году; привыкнувъ грабить области рыцарей Меча, новогородская вольница отправлялась въ лодкахъ по рѣкамъ и грабила чужихъ и своихъ.

бѣды. Война съ Димитріемъ кончилась, но не усталъ въ новогородцахъ духъ раздора. Посадникъ Іосифъ раздражилъ народъ гордостью, и три Софійскіе конца вооружились противъ концовъ Торговыхъ; грозили другъ другу, разметали мостъ волховскій, разграбили, срыли подъ корень домы бѣжавшаго посадника и всѣхъ его сторонниковъ. Я былъ женихъ его внучки, и буйная толпа, предводимая моимъ завистнымъ соперникомъ, сожгла мои хоромы, провозгласила меня измѣнникомъ. Я бѣжалъ. Месть глубоко заронилась въ оскорбленное сердце: какъ лютый звѣрь стерегъ я по дебрямъ и оврагамъ своего злодѣя — и онъ палъ отъ моего желѣза, но съ нимъ схоронилось мое счастіе. Его трупъ лежитъ непереступаемымъ порогомъ между людьми и мною. Ужасная клятва вяжетъ меня съ этими преступниками, и съ тѣхъ поръ я напрасно хочу задушить совѣсть игомъ великихъ злодѣяній, въ крови и въ винѣ утопить чу́вства человѣка. Мнѣ всюду чудятся тѣни и вопли, и запахъ тлѣнія. Солнце въ день кроваво, и звѣзды въ ночи, какъ глаза мертвеца и, кажется, листья въ лѣсу шепчутъ невнятныя укоризны. Мутный сонъ не освѣжаетъ очей моихъ, а палитъ ихъ. О, какъ тяжки мученія душегубца! Онъ не можетъ забыть ни былого, ни вѣчнаго будущаго!

Романъ прослезился, внимая раздирающему голосу преступника.

— Счастливецъ ты! — продолжалъ Беркутъ: — у тебя есть слезы на состраданіе и печаль. Небо отказало злодѣямъ и въ этомъ.

Онъ закрылъ лицо руками.

Въ безмолвной думѣ пролетѣлъ часъ разсвѣта. Встало осеннее солнце изъ-за влажнаго, цвѣтистаго лѣса. Конь Романа кипѣлъ подъ сѣдломъ; Беркутъ прощался съ гостемъ.

— Вотъ твои письма, — говорилъ онъ, — и твое золото: оно невредимо. Спѣши, куда зоветъ тебя долгъ гражданина, и знай, что и въ самомъ разбойникѣ можетъ таиться душа новогородская. Новогородцы лишили меня счастія въ жизни и спасенія въ небѣ, но я люблю ихъ, люблю свое отечество. Прощай, Романъ, не поминай насъ лихомъ!

Романъ поблагодарилъ атамана и, чудясь видѣнному и слышанному, выѣхалъ заглохшею тропóю[1]) изъ чащи въ сопровожденіи одного изъ разбойниковъ.

VI.

Ты безъ союзниковъ.
— Мой мечъ союзникъ мнѣ,
И сограждан любовь къ отеческой странѣ.
Озеровъ.

Три дня ждали отвѣта послы княжіе; въ четвертый позвали ихъ на Ярославль дворъ. Уже вѣче было созвано: посадники, воеводы, тысячскіе окружали крыльцо. Бояре, люди житые, купцы и народъ толпились за ними; все кипѣло, шумѣло и волновалось. Послы взошли на возвышеніе, поклонились на всѣ четыре стороны, по-

---

[1]) стежкою

садникъ Юрій далъ знакъ, и жужжанье умолкло.

— Послы московскіе и литовскіе! По своей волѣ и старинѣ мы совѣщались міромъ о предложеніяхъ государей вашихъ, и вотъ что присудило вѣче въ отвѣтъ имъ.

Посадникъ разогнулъ и громко прочелъ грамоту:

— »Великому князю Василію Димитріевичу, благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадниковъ, отъ огнищанъ, отъ старѣйшихъ и меньшихъ бояръ, отъ людей торговыхъ и ратныхъ и всѣхъ гражданъ новогородскихъ! Господинъ князь великій! У насъ съ тобою миръ, съ Витовтомъ миръ и съ нѣмцами миръ.«

— Только! — примолвилъ Юрій, завертывая висячія печати въ свитокъ, и отдавая оный изумленному московитянину.—Князю Витовту тотъ же самый отвѣтъ отъ нашего государя, великаго Новагорода.

Литовецъ получилъ одинаковый свитокъ, и раздались рукоплесканія. Ямонтъ обратился къ народу:

— Новогородцы! — сказалъ онъ. — Именемъ и словомъ Витовтовымъ спрашиваю еще разъ: хотите-ль покоя или брани?

— Хотимъ дружбы со всѣми сосѣдами, — воскликнули тысячи голосовъ; — но, имѣя щиты для друзей, есть у насъ и мечи для недруговъ!

— Война, война! — воскликнулъ разъяренный литовецъ, удаляясь: — и гибель области Новогородской!

— Пусть Витовтъ творитъ что́ хочетъ: мы сдѣлаемъ что́ должны! — говорили старѣйшины.

Тогда посолъ московскій началъ слово къ предстоящимъ:

— Новогородцы! Еще есть время одуматься; еще громъ Василія не грянулъ надъ Новымъ-городомъ за строптивость[1]), неправду и волжскіе разбои ваши. Какъ отецъ, онъ ждетъ раскаянія сыновъ заблудшихъ; какъ государь, накажетъ ослушниковъ. Выбирайте любое: или исполненіе требованій моего государя, или гнѣвъ его и месть Новугороду!

Упреки Путнаго раздражили народъ: ропотъ разлился въ немъ, какъ вешнія[2]) воды. Прежній посадникъ Богданъ выступилъ тогда на крыльцо и, горя негодованіемъ, отвѣчалъ:

— Московитянинъ! Вспомни, что ты говоришь не слугамъ князя: Новгородъ еще не отчина Василія. Напоминать ста́рое напрасно: презрѣніе людей и мщеніе Божеское наказали расхитителей поволжскихъ и двинскихъ. О разрывѣ съ нѣмцами ты слышалъ отвѣтъ вѣча, а что́ имъ сказано, то свято. Князь твой цѣловалъ крестъ, чтобъ держать насъ по старинѣ и по грамотѣ Ярославовой: для чего-жъ теперь измѣняетъ слову, требуя неправеднаго?

— Обидныя рѣчи! — воскликнулъ Путный: — вы сторицей за нихъ заплатите. Волховъ пересохнетъ отъ пламени пожара, и казнь Торжка повторится надъ Новымъ-городомъ!

[1]) упорство; [2]) весеннія.

— Мы докажемъ, что не забыли ея! — зашумѣли всѣ: — но у насъ не найдется, какъ въ Нижнемъ, другого предателя Румянца[1]). Мы станемъ за свою правду, за свою старину, а кто противъ Бога и Великаго Новагорода?

Московскій посолъ удалился при буйныхъ кликахъ народа.

VII.

Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани и свободы?
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
Средь копій, средь мечей?

Батюшковъ.

Между тѣмъ, Романъ ѣхалъ далѣе и далѣе. Скоро остались за нимъ Торжокъ и Тверь, еще опаленные недавними пожарами. Дороги пустѣли: рѣдкіе обозы[2]) тянулись по нимъ, и гордый новогородецъ кипѣлъ въ душѣ негодованіемъ, видя, какъ смиренно сворачивали они въ сторону передъ каждымъ татариномъ, который, спѣсиво[3]) избочась, скакалъ на грабленномъ конѣ. Между полуразрушенными деревнями, разбросанными по два, по три двора, между заглохшими нивами возвышались невредимые монастыри и церкви: расчетливые монголы не смѣли касаться святынь, сего послѣдняго убѣжища угнетеннаго ими народа, которому оставили они одно имущество —

---

[1]) Румянецъ, вельможа Борисовъ, присовѣтовалъ ему впустить Василія въ Нижній и предалъ своего прежняго князя въ руки сего послѣдняго; [2]) фургоны; [3]) гордо.

жизнь, одно оружіе — терпѣніе, одну надежду — молитву. Развращеніе нравовъ, эта ржавчина золота, не перешло еще отъ бояръ къ бѣднымъ: въ дымныхъ, покрытыхъ соломою хижинахъ находилъ Романъ гостепріимный ночлегъ и радушное »добро пожаловать!« встрѣчало его у порога. Хозяева угощали проѣзжаго, чѣмъ Богъ послалъ, и на утро провожали его какъ родного, отъ сердца желали ему добраго пути и счастья. »Для меня нѣтъ счастья! „думалъ грустный Романъ;“ оно поманило мнѣ надеждой, будто пѣснею райской птички, и скрылося, какъ блескъ меча во тьмѣ ночи.«

На девятый день къ вечеру показались башни Кремля, золотоверхія церкви и многоглавые соборы московскіе; заревыя тѣни играли на великанскихъ стѣнахъ города; слитный шумъ оживлялъ картину, и отдаленный звонъ вселялъ какое-то благоговѣніе! Радостна, прекрасна была погода, но Романъ вспомнилъ о первомъ своемъ проѣздѣ черезъ бѣлокаменную Москву, когда онъ былъ такъ счастливъ неопытностью, такъ удивленъ, такъ занятъ каждою бездѣлкою!.. А теперь, теперь!.. Съ тяжкимъ вздохомъ проѣхалъ онъ сквозь ворота Тверскія, и желѣзная рѣшетка за нимъ запала.

Романъ въ точности выполнилъ порученія вѣча. По долгу́, но противъ сердца, казался онъ веселымъ и привѣтливымъ, нашелъ друзей между сановниками двора, настроилъ многихъ своею мыслію, узналъ мысли великаго князя: онѣ были

не радостны новогородцамъ. Юный Василій далеко превзошелъ отца своего въ наукѣ властвовать, хотя и не наслѣдовалъ отъ героя Донского ни прямодушія, ни храбрости личной. Онъ не привыкъ быть самострѣломъ въ рукахъ вельможъ: слушалъ ихъ, и дѣлалъ по-своему. Размётная грамота была отослана къ новогородцамъ съ объявленіемъ войны; но Романъ заранѣе предувѣдомилъ купцовъ новогородскихъ, въ Москвѣ бывшихъ, и ни одинъ изъ нихъ не впалъ въ руки грознаго князя, товары ихъ не были разграблены. Новогородцы радовались, Василій негодовалъ.

Прошла зима, и нѣтъ приказа отъ вѣча: Романъ тщетно ждетъ, съ ноющимъ сердцемъ, тайнаго гонца съ родины.

Сонъ, единственный другъ несчастныхъ, вѣялъ надъ изголовьемъ Романа, измученнаго тоскою разлуки и неизвѣстностью будущаго. Льстивыя сновидѣнія сближали его съ милою; сладко билось сердце отъ поцѣлуя мечтательнаго... Вдругъ, сквозь сонъ, слышитъ онъ скрипъ двери, бряцанье оружія; чувствуетъ, кто-то схватилъ его руки; силится встать — его вяжутъ, клеплютъ ротъ, обвертываютъ глаза, влекутъ, бросаютъ въ телѣгу и скачутъ; но куда? но зачѣмъ? Онъ приходитъ въ себя уже въ тѣсномъ, сыромъ подземельѣ. Громъ запоровъ и звукъ цѣпей удостовѣряютъ, что онъ въ темницѣ! Тогда-то от-

чаяніе врывается въ чувства плѣнника, и сил
души цѣпенѣютъ. Все кончено. Романъ узнанъ—
позорная казнь ожидаетъ его.

Унылый звонъ колоколовъ возвѣстилъ уж
первую недѣлю великаго поста, а позабытый Ро
манъ все еще глотаетъ ядовитый воздухъ тюрем
ный. Однажды вошелъ къ нему бояринъ Евстафі
Сыта, недавно бывшій княжимъ намѣстникомъ в
Новѣгородѣ, и отступилъ отъ изумленія.

— Тебя ли, Романъ, вижу я? — восклик
нулъ онъ. — Когда и какъ ты сюда попался?

Романъ разсказалъ, что его схватили, как
врага Москвы.

— Сожалѣю о твоей участи, — молвил
Сыта: — но, посланный великимъ княземъ тво
рить за него по тюрьмамъ милость и милостынк
я могу испросить тебѣ свободу передъ его испо
вѣдью, однакожъ, не иначе, какъ съ условіем
остаться здѣсь на-всегда. Послушай, Романъ!
знаю твои достоинства и знаю, какъ мало их
цѣнятъ въ Новѣгородѣ. Здѣсь не то: даю мо
слово, что князь осыплетъ тебя дарами и по
честями. Сдѣлаю больше: издавна любя тебя, от
даю за тебя свою дочь, которая хорошо знает
Романа, которою не разъ и Романъ любовалс
Я увѣренъ, ты не отказываешь, — продолжал
онъ, протягивая руку: — неправда ли, стары
знакомецъ?

— Неправда! — отвѣчалъ Романъ съ хлад
нокровіемъ: — я не продамъ своей родины з
всѣ блага въ мірѣ, не хочу вести переговоров
съ врагомъ Новагорода, когда не въ рукахъ,
на рукахъ моихъ гремитъ желѣзо! Еслибъ я при

нялъ твое предложеніе, бывши на волѣ, то я сталъ бы измѣнникомъ, но теперь сдѣлался бы презрительнымъ трусомъ! Нѣтъ, Евстафій, мнѣ видно одна невѣста... смерть, и одной милости прошу отъ князя: не морить, а уморить меня поскорѣе.

— Ты получишь её, упрямая голова! — съ гнѣвомъ сказалъ Сыта, хлопнувъ дверью.

Съ гордою, утѣшительною мыслію: умереть за любовь и отечество, ждалъ Романъ неминуемой смерти.

VIII.

Какъ мнѣ слушать пересудовъ всѣхъ людскихъ!
Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любитъ, не спросясь меня самой.

Мерзляковъ.

Быстро текутъ слова повѣсти: не скоро дѣлается дѣло. Прошла зима, лѣто исчезло, какъ утренняя тѣнь; наступили вновь зимнія вьюги, а Романа нѣтъ какъ нѣтъ съ Ольгою. Вешнее солнце растопило синій ледъ на Ильменѣ; уже рѣзвыя ласточки, рѣя по воздуху, цѣлуютъ пролетомъ поверхность Волхова; все оживаетъ, все радуется — одной Ольгѣ нѣтъ радости! И кому же свѣтелъ день сквозь слезы? кому не долги короткія ночи, когда измѣряютъ ихъ кручиною? Увядаетъ краса милой дѣвушки, будто радуга безъ дождика, и блѣдность измѣняетъ тоскѣ сердечной. Напрасно отецъ даритъ ее соболями

якутскими, убираетъ въ жемчужныя кру́жева[1]) въ алмазныя серьги[2]) и запястья[3]); напрас молодыя подружки забавятъ Ольгу играми и пѣ нями: она дичится игръ юности, и петли терема ржавѣютъ мало-помалу.

Съ утра до поздняго вечера она люби сидѣть подъ окномъ свѣтлицы и ждать, кого надѣется увидѣть, кого уста ея не смѣютъ н звать. Часто гордость красавицы пробуждала при мысли, что Романъ уѣхалъ, не простясь нею, не сказавъ ни слова, куда, для чего. Час ревность возмущала душу ея и придавала во можность призракамъ подозрительнаго воображ нія, но скоро любовь укрощала бурю. »Нѣт онъ не можетъ измѣнить, „говорила съ собою н винная,“ потому что я любила его нѣжно и н раздѣльно. Кто не вѣритъ чистой любви, то недостоинъ взаимности. Еслибъ можно было ск нуться птичкою, съ какимъ бы нетерпѣніемъ п летѣла я по свѣту искать милаго: когда о живъ, наглядѣться на него; когда-жъ убитъ умереть на его могилѣ.«

Горько плакала тогда Ольга, склоняясь грудь доброй матери, и рѣдко, ей въ угод мелькала улыбка на лицѣ задумчивой, какъ бл дящій огонекъ надъ кладбищемъ.

— Ольга! Полно горевать, полно упр миться! — не разъ говорилъ ей Симеонъ: — сл зами не наполнить моря; живымъ безразсуд мертвить себя для умершихъ: твой Романъ пр палъ безъ вѣсти на вѣки. Забываю все прошл

[1]) коронки; [2]) кольчики; [3]) браслеты.

но исполни теперь мою волю, порадуй отца на старости, ступай замужъ, дитя милое, чтобы не угасла поминная свѣча по мнѣ безродномъ! Выбирай,.. жениховъ именитыхъ много! — И Симеонъ нѣжно цѣловалъ дочь свою, и рыданія Ольги были обычнымъ ему отвѣтомъ. Растроганъ и раздосадованъ, выходилъ Симеонъ изъ дѣвичьяго терема.

»Это пройдетъ«, думалъ онъ и обманывался, какъ прежде.

Наконецъ созрѣла гроза на Новгородъ: Андрей Албердовъ, воевода Василія, ворвался въ Двинскія области, принудилъ жителей задаться за великаго князя, и осаднаго воеводу края, новогородскаго боярина Іоанна съ братьями, сдѣлалъ измѣнниками отчизнѣ. Послышавъ о томъ, новогородцы звонили вѣче.

— Князь идетъ на насъ: что́ дѣлать? — спросили сановники.

— Предлажить миръ и готовиться къ битвѣ! — воскликнули всѣ единогласно.

— Посадникъ Богданъ былъ отправленъ въ Москву и воротился безъ успѣха: Василій принялъ его, но не хотѣлъ слушать.

— Да будетъ! — сказали тогда оскорбленные новогородцы: — на начинающаго Богъ!

Обнялись они какъ братья и подъ благословеніемъ епископа поклялись пасть до одного. Кликнули кличъ: люди житые поскакали во всѣ

пяти́ны[1]), вооружать, собирать, одушевлять ратниковъ, исполчить ста́раго и ма́лаго. Симеонъ вызвался поднять всю пятину Деревскую, какъ самую опасную по сосѣдству съ землями московскими.

Въ кольчатыхъ латахъ[2]) зашелъ онъ проститься къ женѣ и дочери.

— Прощай, Ольга! — сказалъ Воеславъ рѣшительно: — я ѣду на службу Новагорода; чему быть, того не миновать; но если Богъ судитъ воротиться, мы отпируемъ твою свадьбу съ Михаиломъ Волотомъ: онъ добрый слуга вѣчу, молодъ, пригожъ и богатъ, очень богатъ!— примолвилъ Симеонъ, глядя въ сторону, какъ будто боясь встрѣтиться со взоромъ дочери. — Понравился мнѣ, и тебѣ полюбится. Готовься!

Отчаяніе помрачило взоръ Ольги: она не видѣла, какъ священникъ окропилъ отца ея святою водою, какъ въ безмолвіи всѣ сѣли, встали и прощались по обряду проводовъ русскихъ; не чувствовала, какъ Симеонъ прижалъ ее къ своей груди, благословилъ и уѣхалъ. Бѣдная дѣвушка! Какая участь ждетъ тебя?

IX.

Крѣпка тюрьма, но кто ей радъ!
Русская пословица.

— Привѣтствую тебя, первый гость обновленной природы, милый пѣвецъ, жаворонокъ!

---

[1]) пятая часть (кварталъ) города; [2]) панцырѣ.

Какъ весело вьешься ты надъ проталиной, какъ радостно звенитъ твоя пѣсня въ поднебесьѣ! Странникъ воздушный, ты не вѣдаешь, какъ грустно невольнику глядѣть на вольную птичку, какъ мучительно за стѣной тюрьмы видѣть весну и жизнь, и каждый мигъ ожидать смерти! Слетай, жаворонокъ, на мою рóдину святую и принеси оттоль вѣсточку о милой Ольгѣ: любитъ ли она Романа по-прежнему, помнитъ ли друга, у котораго и передъ смертью одна мысль объ ней и объ рóдинѣ!

Такъ жаловался Романъ на судьбу свою, завидя сквозь рѣшетку окна жаворонка.

Спустилась ночь — и кто-то стукнулъ въ косякъ отду́шины [1]).

— Спишь или нѣтъ, товарищъ? — шепотомъ спросили Романа.

Романъ отозвался, и на вопрóсъ: »кто тамъ?« отвѣчали:

— Въ этотъ разъ добрые люди.

— Зачѣмъ?

— Спасти тебя отъ плахи [2]).

— А эта цѣпь, эта рѣшетка?

— Распадутся, какъ соль, отъ нашей разрывъ-травы.

И въ то же мгновеніе, обернувъ кушаками [3]) желѣзныя полосы́ [4]), чтобы онѣ не гремѣли, принялись они распиливать ихъ. Черезъ полчаса Романъ былъ уже внѣ темницы. Два удальца разбили его рогатки [5]); по веревкѣ перелѣзли они чрезъ мона-

---

[1]) „люфтика", форточки; [2]) эшафота; [3]) поясами; [4]) пруты; [5]) кандалы.

стырскую стѣну, — на коне
Москва далеко осталась за бѣ
не зналъ, какому чуду приписат
ніе, а его проводники скакали впе
ни слова.

Наконецъ, они своротили съ бо
въ лѣсъ дремучій и поѣхали тише.
часа свистокъ раздался и откликнулс
съ тремя наѣздниками выѣхалъ к
встрѣчу: загадка Романова разгадала

— Здравствуй, землякъ! — ск
манъ: — я радъ, что удалось сослу
службу, и вотъ какимъ образомъ: мои
почуяли наживу въ монастырѣ, куда
тебя Василій. Чтобы не попасть въ з
надо было ощупать всѣ закоулки, и в
погребѣ, вмѣсто бочёнка съ золотом
они тебя, невзначай [2]), да кстáти [3]): говорю
потому что черезъ три дня (это узнал
болтливаго приворотника) твою голову
вали бы птицы, какъ вишню. Медлить б
когда, и ты видишь, каково успѣли мои м
изъ которыхъ каждый стóитъ самой в
висѣлицы. Теперь, Романъ, ты воленъ,
рыбка. Куда-жъ ѣдешь? Отдыхать ли въ
родъ или биться къ Орлецу?

— Туда, гдѣ мечи и враги! — во
нулъ пылкій юноша.

Они поворотили къ области Двинской.
въ сторонѣ Дмитровъ, Бѣжецкій, Краснохол
избѣгая встрѣчъ съ московскими кормовщи

[1]) ловýшку, сѣти; [2]) неожиданно; [3]) въ сáмую
[4]) фуражирами.

отстáлыми, они безъ всякаго приключенія про-
ались околицею за три часа ѣзды до Орлеца,
оторый съ самой Христовой заутрени былъ въ
укахъ измѣнниковъ двинянъ, предводимыхъ кня-
имъ намѣстникомъ Ѳедоромъ Ростовскимъ. Тамъ
амѣтили они въ сторонѣ огонёкъ. Двадцать
садниковъ отдыхали на полянѣ; къ копьямъ
ривязаны были кони; одни поили ихъ изъ ши-
шаковъ, другіе лежали вкругъ огня, смѣялись
и пили. Все доказывало непривычку сихъ ново-
бранцевъ къ военному дѣлу: никто не думалъ
о стражѣ; кольчуги развѣшаны были какъ будто
сушиться, луки распущены и сабли сброшены
въ одно мѣсто; самъ десятникъ вооруженъ былъ
однимъ только огромнымъ ключемъ, который ви-
сѣлъ у него на латномъ поясѣ. Романъ долго
не могъ понять, чтó за остроконечная надѣта
на немъ шапка, и съ трудомъ разглядѣлъ, что
онъ, вмѣсто тяжелаго шлема, надвинулъ, на уши
бобровый колчанъ свой. Связанный человѣкъ ле-
жалъ невдалекѣ. Романъ слѣзъ съ коня, прокрал-
ся тихонько и подслушивалъ ихъ разговоры.
Плѣнный обратилъ рѣчь къ десятнику:

— Скажи мнѣ, добрый человѣкъ, куда вы
меня везёте?

Десятникъ, который по праву старшинства,
казалось, не упустилъ случая поздороваться съ
круговою чаркою, оборотился къ нему, зѣвнулъ
вслухъ и замолчалъ.

— Неужто вы, москвичи, только умѣете
такать? — продолжалъ плѣнникъ.

— Когда бы и вы, упрямые новогородцы,
держали свои языки на привязи, ты, старый за-

тѣйникъ, спокойно бы сидѣлъ дома и
воли не плясалъ бы по канату[1]) до Моск
— Что же тамъ со мной сдѣлаютъ?
— Что сдѣлаютъ? Отправятъ на пок
сказалъ десятникъ, улыбаясь и начертивъ
цемъ букву »П« на воздухѣ.

Ратники захохотали, а нашъ остро
охорашивался съ самодовольнымъ видомъ.

— Беркутъ! — сказалъ Романъ ата
— спасемъ новогородца! Нѣтъ нужды, что
двадцать человѣкъ, а насъ се́меро: у ст
глаза велики. Впрочемъ, какъ хочешь, я и о
рѣшаюсь на все.

Вмѣсто отвѣта, Беркутъ поднялъ то
и съ крикомъ: »сюда, товарищи!«, о-бокъ Ро
на, налетѣлъ грозой на оплошныхъ московит
Черезъ мгновенье уже не было ни одного п
тивника: самые храбрѣйшіе разбѣжались; дру
остались на мѣстѣ отъ ранъ, отъ страха
хмѣлю. Распустивъ коней, переломавъ и побр
савъ въ огонь ихъ оружіе, Романъ развяза
полоненнаго и узналъ въ немъ — Симеона.

— Добрый, великодушный юноша! — го
ворилъ Воеславъ своему избавителю, съ чу́вство
сжимая его руку: — я не стóю тебя, но пусть Ольг
помиритъ насъ и заплатитъ долгъ отцовскій! Те
перь время дорого: посадникъ Тимоѳей и брат
Юрій собираются ударить на при́ступъ, а между
нами и Орлецомъ еще двадцать верстъ и только
остатокъ ночи: поспѣшимъ!

---

[1]) веревкѣ, шнуру.

Романъ, съ радости о битвѣ и невѣстѣ, перецѣловалъ всѣхъ разбойниковъ, едва не уморилъ коня своего скачкою и утѣшалъ бѣдное животное разсказами, что онъ станетъ драться за Новгородъ, какъ будетъ счастливъ съ Ольгою.

На разсвѣтѣ, полки новогородскіе облегли ровъ города, остановились на перелётъ стрѣлы, и посадникъ въ послѣдній разъ послалъ сказать осажденнымъ, чтобы они сдались честью, или онъ возьметъ городъ копьёмъ.

— У этого копья́ еще не выросло ратовье! — отвѣчали съ насмѣшкою московитяне,—впрочемъ, милости просимъ: мы готовы мечемъ похристосоваться съ дорогими гостями.

— Впередъ!—воскликнули воеводы, и ливнемъ прыснули стрѣлы.

Новогородцы лѣзли и падали въ тинистый ровъ, зажигали деревянныя стѣны, вонзали въ нихъ тяжкіе стрикусы[1]). Въ это мгновеніе приспѣли наши путники.

— Други! — сказалъ Беркутъ разбойникамъ: — мы долго жили чужбиной безъ чести; погибнемъ теперь за свою родину со славою. Туда!

Онъ указалъ на московское знамя, вѣющее на крѣпости новогородской, и ринулся по лѣстницѣ на стѣну, ударомъ топора разнесъ древко знамени и, пораженъ стрѣлой, мертвый опрокинулся съ нимъ въ ровъ. Сѣча была ужасна; русскіе поражали и отражали русскихъ; побѣда ко-

---

[1]) стѣнобитныя орудія, родъ тарановъ.

лебалась, какъ вдругъ въ дыму и огнѣ, бу
ангелъ разрушитель, явился Романъ на гребн
бойницы и скликалъ дружину свою, но по
горѣвшая твердыня рухнула, и витязь исчезъ
ея обломкахъ...

Затихла битва. Труба новогородская пр
звучала на отступленье, но осажденные уже
имѣли силъ на новый отпоръ, и крѣпость сд
лась побѣдителю.

X.

Отворяйся, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Собирайтесь, старъ и младъ,
Сдвинувъ звонки чаши въ лад
Пойте: многи лѣты!

Жуковскій.

Въ Новгородѣ носились печальные слухи
говорили о какой-то несчастной битвѣ, о погибели первѣйшихъ воиновъ, о приближеніи войск
княжаго. Народъ толпился по площадямъ; всѣ
спрашивали, многіе сомнѣвались, никто не зналъ
истины.

Въ одинъ изъ сихъ вечеровъ, волнуемая
страхомъ, Ольга молилась за спасеніе отца отъ
опасностей и невольно включала въ молитву
свою имя любезнаго. Вотъ слышитъ она бѣгъ
коней по Михайловской улицѣ; топотъ ближе и
ближе — пронеслись мимо сада, ворота заскрипѣли, и два всадника въѣхали на дворъ, слѣзли

[1]) верху.

съ коней и, къ удивленію Ольги, привязали ихъ къ почётному кольцу[1]).

— Это батюшка, батюшка!

Весь домъ поднялся на ноги; огни забѣгали по сѣнямъ, и Ольга бросилась въ объятія отеческія.

— Тише, тише! Ты задушишь меня своими поцѣлуями. Не худо бы поберечь для твоего жениха!

Это привѣтствіе какъ громомъ поразило Ольгу.

— Милый батюшка! Не дѣлай дочь свою несчастною, избавь отъ постылаго замужества; я въ святомъ монастырѣ окончу дни свои, и, можетъ быть, умолю Бога, что прогнѣвила родителя.

— Полно, полно, Ольга, чтó за черныя мысли? Къ чему такое притворство? Я бьюсь объ закладъ, что не пройдетъ и получаса и ты будешь кружиться и пѣть словно ласточка.

— Нѣтъ, никогда, ни за чтó!

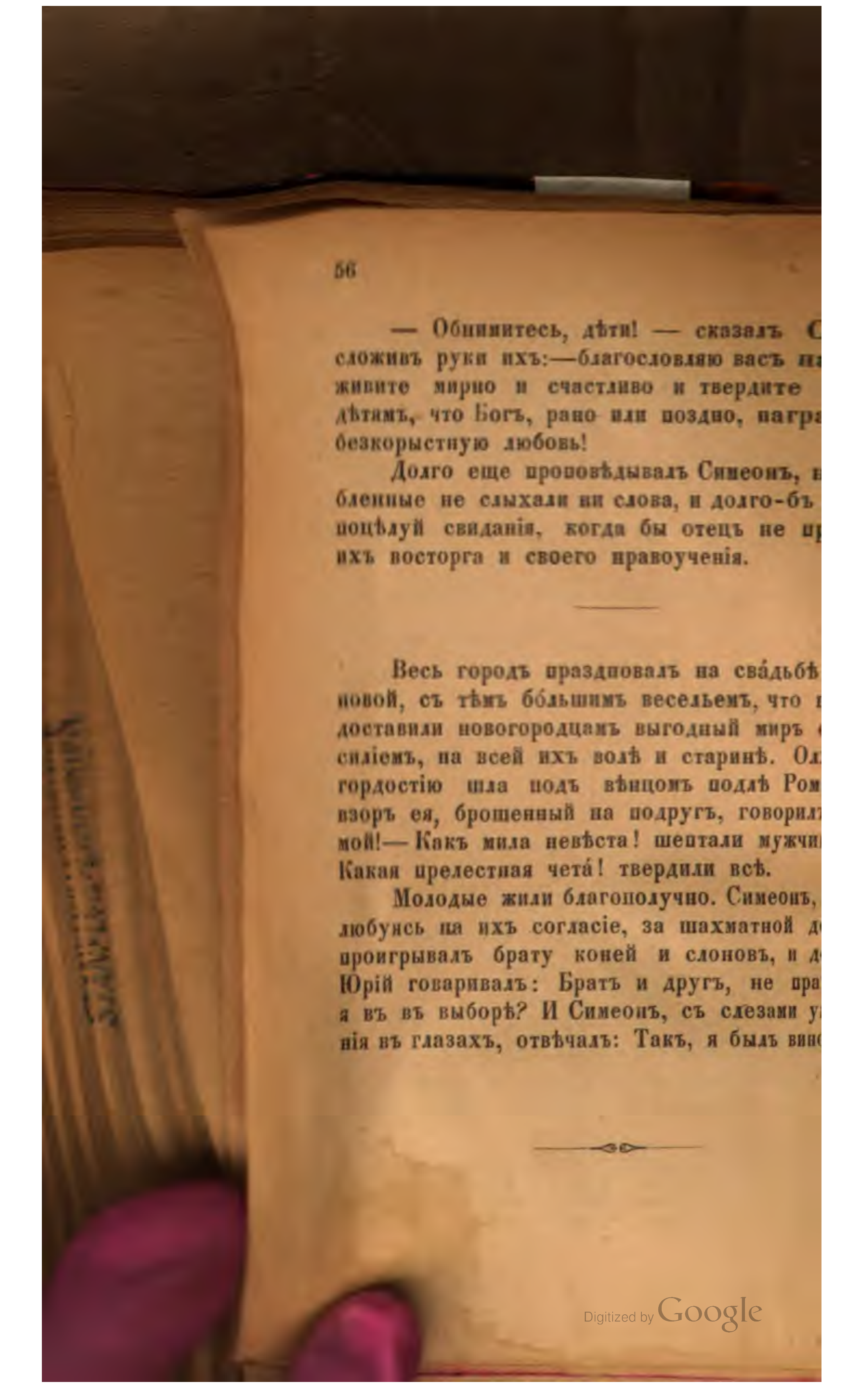
— Эй, дочь, не ручайся за свое сердце! Да вотъ кстáти и женихъ: онъ поможетъ развеселить несговорчивую!

Ольга вскрикнула и закрыла лицо руками, увидя входящаго юношу; но скоро любопытство преодолѣло: сквозь пальцы, украдкой, взглянула она на пріѣзжаго.

Предъ нею стоялъ Романъ Ясенскій.

---

[1]) на дворъ именитаго человѣка могъ въѣзжать только ему равный или высшій, если вѣрить пѣснямъ; въ коновязномъ столбѣ бывали всегда три кольца: одно желѣзное, другое серебряное, третье золотое.

— Обнимитесь, дѣти! — сказалъ С
сложивъ руки ихъ:—благословляю васъ на
живите мирно и счастливо и твердите
дѣтямъ, что Богъ, рано или поздно, награ
безкорыстную любовь!

Долго еще проповѣдывалъ Симеонъ, н
бленные не слыхали ни слова, и долго-бъ
поцѣлуй свиданія, когда бы отецъ не пр
ихъ восторга и своего правоученія.

Весь городъ праздновалъ на сва́дьбѣ
новой, съ тѣмъ бо́льшимъ весельемъ, что
доставили новогородцамъ выгодный миръ
силіемъ, на всей ихъ волѣ и старинѣ. Ол
гордостію шла подъ вѣнцомъ подлѣ Ром
взоръ ея, брошенный на подругъ, говорилъ
мой!— Какъ мила невѣста! шептали мужчи
Какая прелестная чета́! твердили всѣ.

Молодые жили благополучно. Симеонъ,
любуясь на ихъ согласіе, за шахматной д
проигрывалъ брату коней и слоновъ, и д
Юрій говаривалъ: Братъ и другъ, не пра
я въ въ выборѣ? И Симеонъ, съ слезами у
нія въ глазахъ, отвѣчалъ: Такъ, я былъ вин

